

0.34. 07/24
75
А. А. ЛЕОНТЬЕВЪ.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ПРАВО.

Систематическое изложениѣ
особенностей законодательства о крестьянахъ.

Издание 2-е,
пересмотрѣнное и дополненное изложениѣмъ новыхъ
землеустроительныхъ законовъ.

DUBLET BG FUW
NIE DO SPRZEDAŻY

ИЗДАНИЕ ЮРИДИЧЕСКАГО КНИЖНАГО МАГАЗИНА
Ив. Ив. ЗУБКОВА подѣ фирмою „ЗАКОНОВѢДѢНІЕ“
КОММИССІОНЕРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФІИ.
С.-Петербургъ, Литейный просп., № 53.
1914.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее сочиненіе является первымъ опытомъ систематическаго изложенія особенностей правового положенія крестьянъ.

Мы стремились придать изложенію цѣльность и вмѣстѣ съ тѣмъ обнять имъ всѣ *главныя* особенности дѣйствующаго права.

Поэтому мы не могли входить въ детальное разсмотрѣніе нѣкоторыхъ вопросовъ, такъ какъ оно вывело бы сочиненіе изъ намѣченныхъ для него рамокъ.

Поэтому же мы должны были ограничиться обзоромъ самыхъ существенныхъ предметовъ, которые имѣютъ отношеніе ко всему крестьянскому населенію Россіи или по крайней мѣрѣ къ главнымъ категоріямъ его. Обзоръ поземельнаго устройства болѣе мелкихъ категорій крестьянъ, какъ, напр., горнозаводскаго населенія, припущенниковъ и крестьянъ на башкирскихъ земляхъ и др. пришлось исключить, также какъ исключить изложеніе поземельнаго устройства крестьянъ на окраинахъ: Кавказѣ, Бессарабіи, Царствѣ Польскомъ и Остзейскомъ краѣ.

Въ настоящее второе изданіе вошло изложеніе землеустроительныхъ законовъ и закона о мѣстномъ судѣ, поскольку онъ измѣняетъ устройство и компетенцію волостного суда и отражается на компетенціи земскихъ начальниковъ.

АВТОРЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
ВВЕДЕНІЕ. Содержаніе и объемъ крестьянскаго права	1
ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ. Особенности въ сферѣ личныхъ правъ крестьянъ	24—54
ГЛАВА I. Субъектъ дѣйствующаго крестьянскаго права. Историческій процессъ объединенія крестьянъ въ одно сословіе. Приписка, какъ формальный признакъ принадлежности къ крестьянскому сословію	24
ГЛАВА II. Приписка крестьянъ по дѣйствующему праву. Выходъ изъ общества. Паспортныя ограниченія крестьянъ. Указъ 5 Октября 1906 г. Правовое положеніе крестьянъ, не живущихъ въ сельскихъ обществахъ	36
ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ. Особенности въ сферѣ общественнаго устройства крестьянъ	55—150
ГЛАВА I. Краткій историческій очеркъ общественнаго устройства крестьянъ. Общественное устройство государственныхъ крестьянъ по положенію 1838 года. Работы редакціонныхъ комиссій по выработкѣ общественнаго устройства крестьянъ по положенію 19 февраля 1861 года	55
ГЛАВА II. Сельское общественное устройство по дѣйствующему праву	71
ГЛАВА III. Волость, какъ единица самоуправленія по дѣйствующему праву. Организациія волости. Волостной старшина. Мірскіе сборы и натуральныя повинности	77
ГЛАВА IV. Волостной судъ. Историческія основанія учрежденія волостного суда. Волостной судъ по положенію 19 февраля 1861 года. Реформа волостного суда въ 1889 году. Проекты преобразованія мѣстнаго суда. Волостной судъ по закону о мѣстномъ судѣ 15 іюня 1912 г.	93
ГЛАВА V. Учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ. Институтъ мировыхъ посредниковъ. Реформа учреждений по крестьянскимъ	

дѣламъ 1874 года. Положеніе о земскихъ начальникахъ
12 іюня 1889 года. 124

ГЛАВА VI. Измѣненія въ компетенціи земскихъ начальниковъ, внесенныя землеустроительными законами и закономъ о мѣстномъ судѣ. Землеустроительныя учрежденія: уѣздныя и губернскія землеустроительныя комиссіи. Ихъ организаціи. Центральныя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ 144

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ. Особенности въ сферѣ имущественныхъ правъ
крестьянъ. 151

РАЗДѢЛЪ I. Поземельныя отношенія крестьянъ. 151—302

ГЛАВА I. Историческій очеркъ надѣленія землей крѣпостныхъ крестьянъ. Отношеніе крестьянъ и помѣщиковъ по владѣнію землей до 1861 года. Два рода этихъ отношеній: оброкъ и барщина. Первоначальныя предположенія о способахъ освобожденія крестьянъ съ землей. Идея выкупа. Принципъ оставленія существующаго надѣла. Осуществленіе этого принципа и его ограниченія. Постепенно растущее торжество интересовъ помѣщиковъ въ опредѣленіи размѣровъ надѣла и въ опредѣленіи размѣровъ повинностей. Нищенскій надѣлъ. 151

ГЛАВА II. Основанія надѣленія крѣпостныхъ крестьянъ въ Великороссійскихъ и Малороссійскихъ губерніяхъ. Мѣстныя положенія. Основанія опредѣленія размѣровъ надѣла по Великороссійскому положенію. Основанія исчисленія повинностей за надѣлъ по тому же положенію. Формы землепользованія, установленныя по Великороссійскому положенію. Особенности мѣстнаго положенія для Малороссійскихъ губерній. 166

ГЛАВА III. Основанія надѣленія помѣщичьихъ крестьянъ въ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго и Юго-Западнаго края. Инвентари, ихъ историческое происхожденіе и значеніе при надѣленіи крестьянъ. Мѣстныя положенія и ихъ судьба. „Правила о прекращеніи обязательныхъ отношеній крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ въ девяти западныхъ губерніяхъ“. Правила для отвода надѣла въ Юго-Западномъ краѣ и для отграниченія надѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Сервитуты и череполосица 192

ГЛАВА IV. Основанія надѣленія государственныхъ крестьянъ. Составъ государственныхъ крестьянъ. Отдѣльные виды землепользованія государственныхъ крестьянъ: свободные

хлѣбопашцы, однодворцы внутреннихъ губерній (четвертное землевладѣніе), старозаимочное землевладѣніе. Вопросъ о правѣ собственности гос. крестьянъ на надѣльныя земли. Положеніе 1866 г. Примѣненіе выкупа къ надѣльнымъ землямъ гос. крестьянъ. Владѣбныя записи 205

ГЛАВА V. Поземельное устройство нѣкоторыхъ отдѣльныхъ категорій крестьянъ. 1. Поземельное устройство государственныхъ крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ. 2. Поземельное устройство государственныхъ крестьянъ въ Сибири. 3. Поземельное устройство удѣльныхъ крестьянъ. 4. Поземельное устройство долгосрочныхъ арендаторовъ частно-владѣльческихъ земель въ Западномъ краѣ: а) чиншевиковъ, б) вольныхъ людей, в) православныхъ арендаторовъ, и г) единовѣрцевъ и старообрядцевъ 221

ГЛАВА VI. Формы крестьянскаго землевладѣнія. Общинное землевладѣніе. Двѣ господствующія формы крестьянскаго землевладѣнія на надѣльныхъ земляхъ. Общинное землевладѣніе. Взгляды на его историческое происхожденіе и на его экономическое значеніе. Юридическая конструкция общиннаго землевладѣнія 238

ГЛАВА VII. Формы крестьянскаго землевладѣнія. Подворное землевладѣніе. Опредѣленіе подворнаго землевладѣнія по дѣйствующему праву. Случаи вмѣшательства общества въ распоряженіе подворныхъ участковъ. Опредѣленіе наибольшаго и наименьшаго размѣра подворныхъ участковъ. Указъ 9 ноября по отношенію къ подворному землевладѣнію 260

ГЛАВА VIII. Формы крестьянскаго землевладѣнія. Новые землеустроительные законы и созданныя ими виды землевладѣнія. Выдѣлъ изъ общины до указа 9 ноября 1906 г. 165 ст. пол. о выкупѣ и 12 ст. общ. пол. Указъ 9 ноября 1906 г. Законъ 14 іюня 1910 года. Положеніе о землеустройствѣ 29 мая 1911 г. 269

ГЛАВА IX. Ограниченія правъ собственности крестьянъ на надѣльныя земли. Сохраняютъ ли свою силу постановленія мѣстныхъ положеній о правахъ на надѣлъ и пол. о выкупѣ? Ограниченія правъ собственности на надѣлъ по положенію о выкупѣ и по общему полож. о кр.: а) въ отношеніи отчужденія и залога, б) въ отношеніи разработки нѣдръ. 296

РАЗДѢЛЪ II. Особенности въ сферѣ не только поземельныхъ, но и обще-имущественныхъ правъ крестьянъ 303—364

ГЛАВА I. Семейная собственность крестьянъ 303

ГЛАВА II. Наслѣдственное право у крестьянъ. Отношеніе семейнаго и наслѣдственнаго права. Значеніе обычнаго порядка наслѣдованія. Существенныя черты обычнаго порядка наслѣдованія. Обычный порядокъ наслѣдованія нисхо- дящихъ и „постороннихъ“ членовъ семьи. Наслѣдство вдовы. Порядокъ наслѣдованія при отсутствіи доказан- наго обычая. Практика Сената. Измѣненія, внесенныя указомъ 9 ноября 1906 года	323
ГЛАВА III. Опека у крестьянъ	346
ГЛАВА IV. Обычное право у крестьянъ	352

КРЕСТЬЯНСКОЕ ПРАВО.

ВВЕДЕНІЕ.

Содержаніе и объемъ крестьянскаго права.

Приступая къ изложенію содержанія крестьянскаго права, мы считаемъ естественнымъ возникновеніе вопроса, на который прежде всего должны отвѣтить.

Что это за предметъ: „Крестьянское право“?

Имѣетъ ли крестьянское право—право гражданства среди другихъ дисциплинъ юридическихъ знаній?

Отвѣчая на эти вопросы, мы должны прежде всего обратить вниманіе на то, что крестьянское право *есть часть и притомъ довольно обширная часть нашего положительнаго, дѣйствующаго права.*

Особенныя нормы права опредѣляютъ правовую жизнь громаднаго большинства многомилліоннаго народа. Онѣ отличны отъ нормъ права, существующихъ для остальной части населенія.

Высказываемое положеніе—безспорно. А развѣ одно признаніе его справедливости—не достаточное основаніе для того, чтобы крестьянское право было признано необходимымъ предметомъ изученія для тѣхъ, кто желаетъ ознакомиться съ правовыми условіями жизни народа?

Не имѣя возможности оспаривать высказанное выше положеніе, противники самостоятельнаго изученія крестьянскаго права строить свои доводы на другомъ положеніи, на положеніи о томъ, что тѣ особенности крестьянскаго права, которыя отличаютъ его отъ общаго права,—являются анахронизмомъ, что они представляютъ собой пережитокъ прошлаго, что въ нихъ имѣются одни отрицательныя стороны.

Мы надѣемся, что ближайшее ознакомленіе съ содержаніемъ крестьянскаго права убѣдитъ въ томъ, что такой взглядъ страдаетъ односторонностью.

Но на время допустимъ, что возраженіе по существу правильно. Развѣ это основаніе для того, чтобы игнорировать его изученіе? Мы изучаемъ наше дѣйствующее государственное право. Мы изучаемъ дѣйствующее финансовое право, право полицейское. А развѣ въ этихъ от-

расляхъ дѣйствующаго права много положительныхъ сторонъ? Развѣ въ нихъ мало отрицательнаго, мало пережитковъ прошлаго? Почему же мы на этомъ основаніи будемъ игнорировать только дѣйствующее крестьянское право?

Причина такого различнаго отношенія ко всѣмъ остальнымъ отраслямъ дѣйствующаго права, съ одной стороны, и къ крестьянскому праву—съ другой, лежитъ въ ходячемъ мнѣніи, упрощающемъ, такъ сказать, процессъ ассимиляціи права крестьянскаго съ правомъ общимъ.

Такое ходячее мнѣніе заключается въ томъ, что не только *надо*, но что и очень легко и просто однимъ почеркомъ пера уничтожить особенности крестьянскаго права, вычеркнуть его изъ дѣйствующаго права, для того, чтобы покончить съ нимъ навсегда. Если бы такая операція удаленія крестьянскаго права изъ сферы нашего дѣйствующаго права была возможна, если бы она дѣйствительно не на бумагѣ, а въ жизни могла бы рассчитывать на успѣхъ, то тогда естественно было бы спросить, зачѣмъ изучать это право?

Конечно, и тогда крестьянское право, какъ *дѣйствовавшее* въ народной правовой жизни въ теченіе вѣковъ, оказавшее вліяніе на современную жизнь народа, не потеряло бы своего научнаго интереса, но тогда оно было бы уже предназначено стать удѣломъ исторіи русскаго права и теряло бы интересъ и значеніе отрасли *дѣйствующаго* права. Крестьянское право походило бы на умирающаго, минуты котораго сочтены, состояніе котораго уже перестало интересовать врачей и научный интересъ послѣднихъ уже заключается не въ томъ, какъ бы спасти больного, не въ томъ, чтобы найти и поддержать источникъ его силъ для борьбы съ болѣзью, а въ томъ, чтобы поскорѣй послѣ смерти начать вскрытіе трупа для научнаго анализа.

Дальнѣйшее изученіе крестьянскаго права, надѣюсь, убѣдитъ, что такое представленіе объ участи его совершенно не вѣрно. Если особенности крестьянскаго права были бы даже въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ предназначены къ уничтоженію, оно не можетъ произойти сразу. Цѣлая система правоотношеній, составляющихъ существенную часть содержанія крестьянскаго права—правоотношеній гражданскаго характера, такъ тѣсно слита съ условіями земледѣльческаго труда, съ правовыми воззрѣніями народа, эти условія въ себѣ претворившими, что оно будетъ жить и регулировать правовую жизнь народа даже въ томъ случаѣ, если законодатель сверху вздумаетъ, не считаясь съ жизнью, вычеркнуть ихъ изъ закона, изъ дѣйствующаго писаннаго права. Слѣдовательно, даже если мы сдѣлаемъ предположеніе о вѣроятномъ уничтоженіи всѣхъ особенностей крестьянскаго права въ буду-

щемъ, и тогда мы должны признать, что пройдетъ изрядный промежутокъ времени, въ теченіе котораго многія особенности крестьянскаго права будутъ источникомъ дѣйствующаго права.

Высказанный взглядъ съ особенной яркостью иллюстрируется новѣйшими законодательными попытками объединенія крестьянскаго права съ правомъ общимъ. Законы 9 ноября 1905 г., 14 іюня 1910 года и 29 мая 1912 года изданы были съ явнымъ намѣреніемъ разрушить такія особенности крестьянскаго права, какъ община и общая семейная собственность. Въ результатѣ же этихъ законовъ, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія, появились новыя области юридическихъ отношеній, отличающихъ крестьянскій правовой порядокъ отъ общаго. Появилась единоличная собственность съ особенностями въ объемѣ права собственности (напр. въ отношеніи нѣдръ земли), съ особенностями въ порядкѣ наследованія. Появился цѣлый рядъ особенностей въ порядкѣ укрѣпленія правъ на недвижимость и въ степени обезпеченности этихъ правъ.

Появились существенныя отступленія въ способахъ защиты права.

Вмѣсто единаго принципа судебного разсмотрѣнія всѣхъ гражданскихъ споровъ—появилась административная инстанція—землеустроительныя комиссіи—съ судебными полномочіями разбора самыхъ серьезныхъ споровъ о правахъ на надѣльную землю, разбора безъ всякихъ судопроизводственныхъ правилъ, гарантирующихъ правильность разрѣшенія споровъ.

Вотъ почему мы имѣемъ право сказать, что еще пройдетъ достаточно времени, въ теченіе котораго для лицъ, желающихъ знать правовую жизнь народа, желающихъ принять участіе въ оказаніи юридической помощи народу, желающихъ участвовать въ борьбѣ за поступательное движеніе народнаго права, необходимо знаніе крестьянскаго права.

Какіе составные элементы дѣйствующаго крестьянскаго права, каковъ его объемъ?

Въ настоящее время объемъ дѣйствующаго крестьянскаго права опредѣляется кругомъ тѣхъ особенностей въ правовыхъ отношеніяхъ, которыми законъ отличаетъ правовой порядокъ жизни крестьянъ.

Кругъ такихъ особенностей очень великъ.—Онъ обнимаетъ собой и сферу публично-правовыхъ отношеній и сферу отношеній частно-правового характера. Онъ совершенно, если можно такъ выразиться, обволакиваетъ крестьянъ особой сферой правоотношеній, въ которыхъ крестьяне обособлены отъ другихъ гражданъ. Среди неполноправныхъ,

ограниченнаго въ политическихъ правахъ населенія, образовалось ядро населенія, еще болѣе безправнаго. И этимъ населеніемъ были и въ значительной степени продолжаютъ быть крестьяне—наибольшая часть русскихъ гражданъ.

Я не буду подробно останавливаться на томъ, какъ это произошло. Объ этомъ насъ учитъ исторія русскаго права—представляющая собой въ значительной мѣрѣ исторію постепенной утраты крестьянами своихъ правъ.

До установленія крѣпостнаго права въ Россіи крестьяне стояли лицомъ къ лицу съ государственной властью. Государственная власть принимала на себя обязанности регулировать правовую жизнь крестьянства въ той же мѣрѣ, въ которой оно считало необходимымъ регулировать правовую жизнь и другихъ классовъ русскаго народа. Область воздѣйствія государственной власти была, правда, очень ограничена, но въ той мѣрѣ, въ которой она проявлялась, она проявлялась одинаково какъ въ отношеніи крестьянъ, такъ и въ отношеніи другихъ слоевъ населенія.

Примѣромъ могутъ служить наши древніе памятники. По нимъ, напр., и главнымъ образомъ по „Русской Правдѣ“ и „Псковской судной грамотѣ“, проф. Цитовичу въ его интересной монографіи „Исходные моменты въ исторіи русскаго права наслѣдованія“ удалось возстановить строй семейныхъ и наслѣдственныхъ отношеній русскаго крестьянства въ древней Руси.

Это показываетъ, какъ древніе памятники русскаго права близко стояли къ жизни сельскаго населенія и какую разницу въ этомъ отношеніи они представляли съ позднѣйшими законодательными памятниками.

Въ исторіи собственно русскаго гражданскаго права, мы можемъ, сопоставляя послѣдующія законодательные памятники въ хронологическомъ порядкѣ, прослѣдить, какъ гражданское наше законодательство все больше и больше дѣлалось законодательствомъ, обнимающимъ собой отношенія правящихъ классовъ, какъ оно все больше и больше удалялось отъ цѣли нормировать имущественныя отношенія трудящагося народа.

И несмотря на освобожденіе крестьянъ, несмотря на реформы Императора Александра II процессъ обособленія крестьянъ въ гражданско-правовомъ отношеніи все продолжался.

Никому не придетъ въ голову предпринять безплодный трудъ возсозданія хотя бы одной черты подлинной правовой жизни современнаго сельскаго населенія изъ статей нашего писаннаго гражданскаго кодекса: 1 ч. X т.—Въ немъ намъ не найти заботы о регулированіи правовой жизни крестьянства.

Такое обособленіе крестьянъ въ ихъ гражданско-правовой жизни отъ дѣйствія общаго закона есть одно изъ проявленій ихъ правовой обособленности вообще, той обособленности, которая явилась слѣдствіемъ историческаго развитія ихъ правовой жизни, слѣдствіемъ крѣпостнаго періода ихъ жизни.

Постепенно, шагъ за шагомъ, крестьяне отдалялись отъ государственной власти. Между ними и государственной властью выросла та отвратительная стѣна, которая довольно неудачно называется крѣпостнымъ правомъ. Власть помѣщика заслонила крестьянъ отъ власти государства.

Изъ исторіи русскаго права мы знаемъ, что этотъ процессъ происходилъ постепенно. Крѣпостное право въ томъ его объемѣ, въ какомъ мы его встрѣчаемъ въ XVIII столѣтіи установилось не сразу. Въ этомъ согласны всѣ историки русскаго права, какъ бы различны ни были ихъ взгляды на происхожденіе крѣпостнаго права и на процессъ его развитія. Какъ извѣстно, въ вопросѣ происхожденія крѣпостнаго права въ настоящее время получила преобладаніе теорія Ключевского, столь блистательно опровергающая прежнее воззрѣніе, высказанное Бѣляевымъ, поддержанное въ свое время Сергѣевичемъ и въ значительной степени проф. Энгельманомъ. Бѣляевъ рисовалъ себѣ происхожденіе крѣпостнаго права, какъ процессъ, связанный съ исторіей прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ. Онъ придавалъ преобладающее значеніе тѣмъ законодательнымъ актамъ, которые содѣйствовали такому закрѣпленію и его вниманіе, какъ и вниманіе многихъ другихъ историковъ, согласныхъ съ нимъ въ этомъ вопросѣ, было направлено на уясненіе всѣхъ этаповъ движенія законодательства XVI столѣтія въ этой области. Онъ стремился найти тотъ, получившій извѣстность законъ 1592 года, которымъ будто бы крестьяне окончательно были прикрѣплены къ землѣ, но котораго и по сіе время никто найти не могъ. Прикрѣпленные къ землѣ, крестьяне, по мнѣнію Бѣляева, сохраняли долгое время личную свободу отъ власти помѣщика.

Проф. Ключевскій въ вопросѣ о происхожденіи крѣпостнаго права сталъ, какъ извѣстно, на совершенно другую точку зрѣнія. Процессу прикрѣпленія къ землѣ онъ отвелъ совершенно второстепенное значеніе и комментируя законъ 1597 года, который далъ поводъ предполагать существованіе закона 1592 года, растолковалъ его въ такомъ смыслѣ, который вовсе не связываетъ его съ закономъ 1592 г. и не предполагаетъ послѣдній.

Ключевскій считаетъ въ противность Бѣляеву древнее холопство первичной формой крѣпостнаго состоянія на Руси, а затѣмъ ростъ

крѣпостного состоянія ставить въ зависимость отъ личной задолженности крестьянъ помѣщику, которая устанавливала личную зависимость отъ помѣщика, личную крѣпость ему.

Такимъ образомъ не прикрѣпленіе къ землѣ, а личная крѣпость помѣщику является характерной чертой развивающагося крѣпостного состоянія, по мнѣнію Ключевского.

Но измѣняя такимъ образомъ взглядъ на происхождение крѣпостного права, Ключевскій не опровергаетъ, да и не можетъ опровергнуть взглядъ Бѣляева, основанный на изученіи законодательныхъ памятниковъ, на то, что крѣпостная зависимость крестьянъ въ XVI вѣкѣ не носила тѣхъ чертъ полного отдѣленія крѣпостного крестьянина отъ государства, которыя сложились въ XVII и получили полное господство въ XVIII столѣтіи.

Онъ не отвергаетъ того факта, который былъ констатированъ Бѣляевымъ, что крѣпостное состояніе въ XVI вѣкѣ не влекло за собой уничтоженія гражданской личности крестьянина, что крѣпостные крестьяне, не холопы, составляли по прежнему общины, управлялись своими выборными и подлежали общему суду наравнѣ съ другими членами русскаго общества и если по привилегіи судъ былъ предоставленъ землевладѣльцу, то и землевладѣлецъ судилъ не иначе, какъ по общему порядку суда при посредствѣ старостъ и цѣловальниковъ. Въ общественныхъ дѣлахъ правительство непосредственно относилось къ крестьянской общинѣ, а не къ землевладѣльцу.

Равнымъ образомъ крестьяне въ общественныхъ дѣлахъ дѣйствовали черезъ своихъ выборныхъ, а не черезъ землевладѣльцевъ. Крестьяне могли вступать въ договоры и съ своими землевладѣльцами, съ постоянными лицами и съ казной.

Въ порядкѣ самоуправленія крестьяне составляли волости, въ которыя входили какъ помѣщичьи крестьяне, такъ и крестьяне казенные, черныхъ земель. Казенные сборы съ нихъ налагались на волость и собирались непосредственно государствомъ безъ посредства помѣщичьей власти.

Положеніе крестьянъ въ смыслѣ все большей зависимости отъ власти помѣщика постепенно измѣнялось къ худшему до Петра Великаго. Со времени первой ревизіи 1719 года это измѣненіе къ худшему сразу усилилось. Съ этого времени крестьяне стѣсняются совершенно въ правахъ въ пользу власти и правъ помѣщиковъ. Съ этого времени крестьяне постепенно совсѣмъ заслоняются отъ государства помѣщикомъ и въ дѣлѣ платежа податей и въ дѣлѣ управленія и суда.

Помѣщикъ становится лицомъ, обязаннымъ платить подати за своихъ крестьянъ, имѣющимъ въ послѣдствіи, со временъ Екатерины II, право производить единолично судъ и расправу надъ крестьянами.

Умаленіе правъ крестьянъ пошло быстрыми шагами въ императорскій періодъ русской исторіи.

Въ 1730 году всѣмъ крестьянамъ запрещено пріобрѣтать недвижимыя имѣнія. Въ 1731 г. крестьяне были лишены права вступать въ подряды и откупы. Въ 1761 г. они были лишены права обязываться векселями, а заемныя письма они получали право выдавать только подъ условіемъ полученія удостовѣрительныхъ надписей помѣщика.

Съ этого времени начинаются строгости приписки крестьянъ, требованія, чтобы каждый крестьянинъ, не положенный въ окладъ, сыскалъ себѣ помѣщика, за которымъ онъ могъ бы быть записанъ. „Дабы ни одинъ безъ положенія не остался“—говоритъ инструкція для ревизіи 1742 года. По этой ревизіи правительство уже перестало признавать крѣпостныхъ членами русскаго общества и перестало сношаться съ ними непосредственно. Оно стало сношаться только съ помѣщикомъ.

Процессъ возрастанія правъ помѣщиковъ-дворянъ на счетъ правъ крестьянъ завершился манифестомъ Петра III отъ 18 февраля 1762 года.

Онъ окончательно обратилъ крестьянъ въ полную и исключительную собственность помѣщиковъ.

Нельзя не отмѣтить, такимъ образомъ, очень значительнаго факта, что права и вольности дворянства связались съ установленіемъ полного безправія крестьянъ.

Вольности дворянства, освободившія ихъ отъ обязательной службы государству, порвали окончательно связь помѣщичьихъ крестьянъ съ государствомъ и право дворянъ владѣть крѣпостными людьми съ этого времени сдѣлалось независимымъ отъ обязанности дворянъ нести государственную службу.

Государственный интересъ къ судьбѣ крестьянъ, трудомъ которыхъ поддерживалась возможность для дворянъ осуществлять свои обязанности передъ государствомъ, пропалъ, и государственная власть потеряла стимулъ къ вмѣшательству въ отношенія между крестьянами и помѣщиками. Крестьяне сдѣлались только и исключительно частной собственностью помѣщиковъ.

Такимъ образомъ, полнота безправія крѣпостного крестьянства продолжалась у насъ почти ровно сто лѣтъ.

Этотъ періодъ передалъ намъ наслѣдство, выражающееся въ крестьянской правовой обособленности, отъ котораго мы не можемъ отдѣлаться вотъ уже полстолѣтія, протекшаго со времени освобожденія.

Волненія крестьянъ, развившіяся въ указанный періодъ, являлись прямымъ слѣдствіемъ увеличенія безправности крестьянъ, прямымъ слѣдствіемъ законодательныхъ мѣропріятій правительства этого періода. Крестьяне стали массами бѣгать отъ помѣщиковъ. Указы Елизаветы Петровны свидѣлствуютъ о начавшихся въ 50-хъ годахъ XVIII столѣтія крестьянскихъ движенійхъ. Такъ, указъ 13 января 1857 года свидѣлствуетъ, что Сенату было донесено по жалобамъ помѣщиковъ изъ Тамбовскаго и Козловскаго уѣздовъ, что крестьяне, забирая свои пожитки и лошадей, бѣгутъ, а другіе чинятъ разглашеніе, якобы оные бѣглецы, собравшись у Царицына и переправясь черезъ Волгу и порывъ землянки, живутъ и принимать будутъ впредь всякихъ прохожихъ людей. Указы свидѣлствуютъ о посылкахъ воинскихъ командъ для умирненія крестьянъ и описываютъ знакомыя намъ теперь исторіи карательныхъ экспедицій. Такъ, указъ 1760 года 29 апрѣля упоминаетъ о сопротивленіи крестьянъ, проданныхъ Воронцовымъ Безсонову въ Арзамасскомъ уѣздѣ, и о посылкѣ туда военной команды съ пушкой, чтобы принудить крестьянъ подчиниться власти новаго помѣщика.

Правительство и тогда не хотѣло видѣть истинныхъ причинъ недовольства крестьянъ, истинныхъ причинъ ихъ волненій. Оно все дѣло сводило къ виѣшней агитаціи и пропагандѣ. Въ указѣ 8 октября 1762 года оно приписываетъ волненія крестьянъ „прельщенію и ослѣпленію разсѣянными отъ непотребныхъ и коварныхъ людей ложными и вымышленными слухами“, вслѣдствіе вліянія которыхъ крестьяне „отложились отъ должнаго помѣщикамъ и властямъ повиновенія“.

Сопротивленія крестьянъ посылаемымъ военнымъ командамъ вызвало жестокія репрессіи, доходившія до избіенія населенія пушечной стрѣльбой.

Поддерживаемое суровыми мѣрами, казнями и военными командами крѣпостное право продержалось до 1861 года. Въ этомъ году оно пало, но пало въ принципѣ, а не въ своихъ послѣдствіяхъ, которыя сказываются, и очень сильно, до сего времени.

Даже въ тѣхъ областяхъ жизни, въ которыхъ творцы реформы 1861 года хотѣли непосредственно провести идею равноправія, она выразилась, какъ мы увидимъ, въ такихъ общихъ выраженіяхъ закона, которыя остались на долгое время пустымъ звукомъ безъ всякаго практическаго значенія въ жизни.

Положеніе 1861 года провозгласило крестьянъ, перешедшихъ на выкупъ, собственниками надѣльныхъ земель. Оно хотѣло примѣнить къ нимъ общіе законы о правѣ собственности. Но это стремленіе оказалось миеомъ, и крестьяне продолжаютъ быть внѣ сферы примѣненія къ нимъ по отношенію къ надѣльнымъ землямъ общихъ законовъ о правѣ собственности. Это, конечно, имѣло свои хорошія стороны, ибо общіе законы, неудовлетворительные сами по себѣ, особенно плохи въ примѣненіи къ вопросамъ, возникающимъ въ области земельныхъ крестьянскихъ правоотношеній. Но оно имѣло и свои дурныя стороны, ибо не только обособляло крестьянъ въ отношеніи тѣхъ нормъ закона, которыя къ нимъ не примѣнялись, но и потому, что обособляло ихъ отъ тѣхъ нормальныхъ отношеній государства къ гражданамъ, создавало изъ нихъ какой-то особый классъ людей, не нуждающихся будто бы въ регулирующей правовой отношенія гражданъ дѣятельности государственной власти, и создавало этимъ полную *неустойчивость* имущественныхъ правъ крестьянъ.

Отношенія государственной власти къ крестьянамъ послѣ освобожденія ихъ во многихъ существенныхъ чертахъ походили на прежнія отношенія власти помѣщицѣй.

Всевластіе административной опеки замѣнило собой всевластіе помѣщиковъ. Ограниченія правъ крестьянъ остались во многихъ отношеніяхъ въ своей силѣ, съ тѣмъ измѣненіемъ, что права эти ограничивались уже не властью и правами помѣщиковъ, а властью и правами административной опеки. Прежде крестьянинъ не могъ перемѣнить мѣста жительства безъ разрѣшенія помѣщика. Послѣ освобожденія онъ не могъ этого сдѣлать безъ разрѣшенія органовъ крестьянскаго управления.

Прежде онъ не могъ совершить семейный раздѣлъ безъ разрѣшенія помѣщика. Позже онъ не могъ совершить это, чисто частное, личное свое дѣло безъ разрѣшенія административной власти—безъ разрѣшенія общества, получившаго административную власть надъ личностью крестьянина и осуществляющаго эту власть при содѣйствіи, воздѣйствіи и контролѣ специальныхъ административныхъ чиновниковъ—спеціального крестьянскаго начальства.

Указанное положеніе крестьянъ послѣ освобожденія и создало обособленность крестьянъ въ правовомъ отношеніи, которая совершенно вѣрно была опредѣлена работавшей въ 80-хъ годахъ извѣстной Кохановской комиссіей по составленію проектовъ мѣстнаго управления. „Крестьянское восьмидесятипроцентное населеніе Имперіи, говорить

комиссія въ одной изъ своихъ записокъ, составляетъ во многихъ отношеніяхъ какъ бы государство въ государствѣ“.

Обособленность крестьянъ въ правовомъ отношеніи выражается въ нашемъ законѣ въ тройкомъ направленіи.

Во-первыхъ, крестьяне обособлены въ правахъ состоянія, обособлены какъ сословіе. Законъ устанавливаетъ для нихъ такія ограниченія, которыя присущи личности крестьянина, присущи званію крестьянина и проявляются вездѣ, независимо отъ его мѣста жительства. Живетъ онъ въ деревнѣ или въ городѣ, въ мѣстѣ приписки или внѣ его, онъ ограниченъ въ своихъ правахъ по своему званію.

Обособленность этого рода, по дѣйствующему до временнаго закона 5 октября 1906 года праву, выражалась въ обязанности приписки къ какому-либо сельскому или волостному обществу, въ паспортныхъ правилахъ, ограничивающихъ право передвиженія крестьянъ и державшихъ крестьянъ, жительствоющихъ внѣ мѣста приписки, всегда въ неопредѣленномъ состояніи, всегда подъ угрозой возможной принудительной высылки въ мѣсто приписки, въ ограниченіяхъ, связанныхъ съ увольненіемъ изъ общества для приписки въ другое общество или для выхода въ другія сословія, въ обязанности выхода изъ сословія при поступленіи въ высшія учебныя заведенія и на государственную службу, а также въ воспрещеніи обязываться векселями.

Эти ограниченія составляли, такъ сказать, комплексъ одіозныхъ привилегій, которыя отличали крестьянъ какъ сословіе. Они въ значительной степени сокращены въ направленіи уравниванія правъ крестьянъ временнымъ закономъ, изданнымъ въ видѣ указа Сенату 5 октября 1906 года на основаніи 87 ст. осн. зак. Хотя этотъ законъ временный, но, конечно, онъ можетъ считаться болѣе постояннымъ по существу своихъ положеній, чѣмъ любые постоянные законы, пожалуй, болѣе постояннымъ, чѣмъ законы основные. Онъ вѣроятно будетъ изложенъ лучше и послѣдовательнѣе, когда будетъ разработанъ народнымъ представительствомъ, но отмѣненъ онъ, конечно, никогда не будетъ, такъ какъ его основныя положенія въ сущности логически вытекаютъ изъ реформы 1861 года. Скороспѣлое изданіе его, какъ бы предвзятое законодательное творчество народного представительства въ томъ же направленіи, оставило, однако, наше дѣйствующее право совершенно не согласованнымъ съ указомъ. И практика жизни доказываетъ, что вслѣдствіе такой несогласованности нѣкоторые изъ прежнихъ ограниченій продолжаютъ существовать несмотря на принципиальную отмѣну ихъ по указу 5 октября 1906 года.—Нужны

еще дальнѣйшіе поступательные шаги законодательства въ этомъ направленіи, чтобы исчезли сословныя ограниченія крестьянъ.

Вторая группа особенностей въ правовомъ укладѣ жизни крестьянъ связана съ ихъ обыкновеннымъ мѣстожительствомъ въ мѣстѣ приписки, съ ихъ состояніемъ какъ „сельскихъ обывателей“. Нашъ законъ въ значительной степени сохраняетъ представленіе, которымъ проникнуто все наше предшествующее законодательство, представленіе о крестьянинѣ какъ лицѣ, связанномъ съ землей и живущемъ внѣ города, въ сельской мѣстности. Онъ и именуетъ ихъ въ законахъ о состояніяхъ сельскими обывателями. И несомнѣнно, что такое представленіе закона совершенно неправильное, когда оно *необходимо* связывается съ личностью крестьянина, совершенно неправильное въ примѣненіи къ тѣмъ крестьянамъ, которые порвали свою связь съ деревней, правильно относительно громаднаго большинства крестьянъ, правильно не съ точки зрѣнія права, а съ точки зрѣнія факта.

Несомнѣнно, что главныя массы крестьянства—сельскіе жители, жители селъ и деревень, жители, занятые земледѣліемъ. И какъ сельскихъ жителей, ихъ законъ отдѣляетъ отъ другихъ жителей, тоже сельскихъ, но не крестьянъ, цѣлой стѣнной особенностью въ административномъ отношеніи, въ отношеніи общественного управленія и въ отношеніи судебномъ.

Сельскіе обыватели, крестьяне, по дѣйствующему закону составляютъ сословныя общества, сельскія и волостныя съ выборнымъ управленіемъ и судомъ. На органы сельского и волостного управленія возложены функціи какъ административныя и въ частности полицейскія, такъ общественно-хозяйственныя. Органамъ волостного управленія подвѣдомственны всѣ крестьяне данной волости. Это чисто сословныя крестьянскія учрежденія, но имъ закономъ приданы и задачи общесословнаго характера, выходящія за предѣлы крестьянскаго населенія волости. Кажущаяся привилегія самоуправленія является въ дѣйствительности фикціей, послушнымъ орудіемъ попечительнаго начальства, поставленнаго надъ крестьянами. Земскіе и крестьянскіе начальники и мировые посредники, въ мѣстностяхъ, гдѣ сохранились послѣдніе, являются настоящими полноправными начальниками сельского крестьянскаго населенія, властно вмѣшивающимися во всѣ отрасли дѣятельности органовъ крестьянскаго управленія и суда.

Прослѣдить историческое происхожденіе указанной обособленности крестьянъ, изучить организацію и порядокъ дѣятельности этого своеобразнаго государства въ государствѣ, уловить его основныя принципы, найти способы перехода отъ сословнаго начала, проникающаго озна-

ченныя учрежденія, къ всесословности, указать пути, по которымъ слѣдуетъ идти для замѣны сословныхъ крестьянскихъ учреждений все-сословными, это несомнѣнно задачи, входящія въ область крестьянскаго права, какъ оно очерчивается дѣйствующимъ законодательствомъ.

Послѣднее, т. е. дѣйствующее законодательство, не различаетъ тѣхъ разнообразныхъ функций, которыя возложены на крестьянскія учрежденія. Конечно, съ теоретической точки зрѣнія эти функции должны были бы расчлениваться сообразно своей природѣ. Административныя функции органовъ крестьянскаго управленія могли бы войти въ курсъ государственнаго права, составить часть отдѣла объ организаціи мѣстнаго административнаго устройства. Хозяйственныя функции тѣхъ же органовъ могли бы разсматриваться въ курсѣ о мѣстномъ самоуправленіи, судебныя функции въ курсѣ судоустройства и судопроизводства.

Въ будущемъ, при дальнѣйшей ликвидаціи указанныхъ выше двухъ главныхъ областей нынѣшней крестьянской обособленности такъ несомнѣнно и будетъ. Но въ настоящее время, слѣдуя системѣ дѣйствующаго права, мы не могли бы составить себѣ яснаго представленія объ этой отрасли дѣйствующаго права, если бы не ввели въ курсъ крестьянскаго права изученіе административной, хозяйственной и судебной обособленности крестьянъ, выше нами очерченныхъ. Дѣйствующее право, сливая всѣ эти отрасли въ одно цѣлое и отводя имъ главнымъ, преимущественнымъ образомъ тотъ отдѣлъ нашего свода законовъ, который именуется особымъ приложеніемъ къ IX тому, такъ переплетаетъ соотвѣтствующія опредѣленія закона, нормирующія тѣ или другія стороны дѣятельности органовъ крестьянскаго *quasi* самоуправления, что если бы мы стали расчленять ихъ, мы бы не могли представить цѣльной системы дѣйствующаго права, а создали бы какія то искусственныя дисциплины, въ которыхъ приходилось бы постепенно повторяться въ подробностяхъ, не уловивъ цѣлаго. Конечно, въ курсѣ государственнаго права можно познакомиться и, можетъ быть, подробнѣе, съ нѣкоторыми сторонами дѣятельности органовъ крестьянскаго управленія и съ законами, эти стороны дѣятельности нормирующими. Въ курсѣ же крестьянскаго права я постараюсь ознакомить съ общими постановленіями дѣйствующаго права въ этой области, въ ихъ цѣломъ. Это необходимо и для того, чтобы яснѣе представить себѣ ту третью группу правоотношеній, обособляющихъ крестьянъ, которая во многихъ отношеніяхъ связана съ упомянутыми выше двумя первыми группами. Я говорю о правоотношеніяхъ частно-правового характера и главнымъ образомъ о правоотношеніяхъ земельныхъ.

Въ этой области намъ предстоитъ сосредоточить наибольшее вниманіе, серьезно, глубоко и вдумчиво разобраться для того, чтобы съ одной стороны хорошо съ ней ознакомиться съ точки зрѣнія существующаго, съ точки зрѣнія, такъ сказать, *legis latae*, а съ другой для того, чтобы изъ этого ознакомленія извлечь тѣ основанія, которыя мы можемъ перенести въ сферу, особенно приковывающую вниманіе современниковъ—въ сферу *legis ferendae*.

Для того, чтобы уяснить себѣ природу тѣхъ особенностей въ гражданско-правовыхъ отношеніяхъ, которыми отличаются имущественныя правоотношенія и главнымъ образомъ правоотношенія земельныхъ, намъ по необходимости придется сдѣлать краткій очеркъ земельныхъ правоотношеній, предшествующихъ освобожденію, затѣмъ ознакомиться съ правовыми условіями надѣленія помѣщичьихъ крестьянъ въ 61 году, съ условіями надѣленія крестьянъ различныхъ наименованій, впослѣдствіи объединенныхъ подъ общимъ названіемъ крестьянъ государственныхъ, и сдѣлать соотвѣтствующіе выводы объ юридической природѣ различныхъ формъ крестьянскаго землевладѣнія, существующихъ въ настоящее время. Здѣсь намъ придется столкнуться съ очень большими трудностями, зависящими отъ малой разработки этихъ важнѣйшихъ вопросовъ въ русской юридической литературѣ, отъ сбивчивости и спутанности не только терминологіи нашего дѣйствующаго права, но неопредѣленности и шаткости самыхъ правовыхъ понятій, вкладываемыхъ въ тотъ или другой терминъ законодателемъ.

Здѣсь намъ придется столкнуться съ обширной областью неписаннаго права, права обычнаго, регулирующаго въ однихъ случаяхъ съ дозволенія законодателя, въ другихъ только, если можно такъ выразиться, съ вѣдома закона,—цѣлыя области такихъ правоотношеній, какъ, напр., область семейныхъ имущественныхъ отношеній, область права наслѣдственнаго, общиннаго. Въ этой области помимо стремленія изучить дѣйствующее право мы по необходимости сталкиваемся съ двумя величайшими проблемами нашего времени: съ проблемой регулировать закономъ имущественныя отношенія крестьянъ, и главнымъ образомъ отношенія поземельныя и съ другой проблемой—намѣтить главные пути будущей соціальной дѣятельности государства, намѣтить пути и средства осуществленія соціальныхъ задачъ въ сферѣ аграрной политики.

Обѣ эти проблемы тѣсно связаны между собой, обѣ онѣ являются въ силу историческихъ условій, такъ сказать, злобой дня и въ своей совокупности составляютъ главное содержаніе крестьянскаго и аграрнаго вопросовъ.

При освобождении крестьян, как мы видели, государственная власть после долгого периода снова стала лицом к лицу с крестьянами. Помещичья власть, заслонявшая от крестьян власть государственную, исчезла. Казалось бы естественным последствием нового порядка являлась необходимость подчинить частную жизнь крестьян нормам закона, который определял бы как частно-правовые отношения крестьян вообще, так и поземельные их отношения в частности.

Но на деле государственная власть не справилась с этой задачей. В момент освобождения крестьян такая задача признавалась деятелями крестьянской реформы, но была ими отложена. И сделано это было ими сознательно в виду того, что они боялись скоростной нормировкой существующих в крестьянской среде правоотношений ограничить ту свободу крестьян в самоуправлении своего быта, которая признавалась очень ценной деятелями крестьянской реформы. Они сознавали также, что крестьяне в первое время после освобождения поставлены в временные ненормальные отношения как к государству, так и к прежним помещикам, в отношения, которые препятствуют в значительной степени выполнению задачи нормировать те будущие свободные правоотношения, которые должны установиться после окончания переходного времени.

Реформа 1861 года, объявленная к исполнению, должна была еще *осуществляться*. Предстояла длинная, сложная задача осуществления реформы, составления уставных грамот, выкупных актов, определения размера отходящих крестьянам надельных земель и пр. По принятому, к сожаленью, порядку ликвидации крепостных отношений эта ликвидация должна была производиться постепенно. В течение известного времени предоставлялась еще помещикам некоторая власть над крестьянами.

С другой стороны государство, принимая через выкупную операцию известного рода участие в финансовой стороне ликвидации крепостных отношений, становилось слишком заинтересованным в успешности этой выкупной операции. Поэтому весьма естественно было опасение, что в деле регулирования поземельных отношений государственная власть не сумела освободиться от совершенно посторонних этой задаче забот об обеспечении успешного поступления выкупных платежей, обременявших крестьянские земли.

Все указанные временные причины, отдававшие осуществление задачи устроения крестьян на новых началах свободной граждан-

ской жизни, продолжали действовать после освобождения крестьян вплоть до настоящего времени.

Если мы начнем изучать законы, определявшие до сих пор частно-правовую жизнь крестьян, мы увидим, что они в значительной, можно сказать, преимущественной своей части были тесно связаны с фискальными задачами, вытекающими из выкупной операции. Мы найдем много норм, регулирующих поземельные отношения крестьян, в положении о выкупе, найдем их там потому, что установление их считалось необходимым с чисто фискальными целями.

Круговая порука, так долго тяготевшая над крестьянами, так стеснявшая их гражданскую свободу, целя сбить ограничений в пользовании и распоряжении надельными землями вытекала не из забот беспристрастно, для пользы и блага крестьян, регулировать их правовые отношения, а вытекала в значительной степени из указанных целей обеспечения выкупного долга.

И только теперь, со времени отмены выкупных платежей, т. е. с 1 января 1907 года, в значительной степени благодаря штурмовому периоду русской жизни, всколыхнувшему застоявшиеся условия нашей действительности, расчищено поле для государственного творчества в области установления частно-правовых отношений крестьян, в сфере гражданских правоотношений.

Насколько правительство до последнего времени мало заботилось об ускорении ликвидации поземельных отношений, вытекающих из реформы 1861 года, видно из почти невероятного факта, что до сих пор еще существуют, правда, единичные случаи еще не оконченных дел по наделению крестьян землей на основании крестьянских положений 61-го года. Период времени свыше 45 лет оказался еще недостаточным для ликвидации поземельных отношений крестьян с помещиками!

Правительство мало заботилось скорее кончить и выкупную операцию, несмотря на то, что оно давно вернуло сделанные на эту операцию затраты. Оно долгое время не хотело видеть всех стеснений, которые крестьяне испытывали в ограничениях прав, связанных с выкупом, и даже старалось превратить многие из этих ограничений в постоянные. Оно приучивало к этим ограничениям свои стремления поддержать крестьянскую обособленность. Она была выгодна как средство упростить задачи управления, затруднить процесс приобщения крестьян к общегражданской жизни, процесс

слиянія сельского крестьянского населения съ другими элементами населения сельских мѣстностей.

Крестьянская обособленность обособляла крестьянъ и отъ приобщенія къ обще-культурной жизни, охраняла ихъ, по мнѣнію консервативныхъ слоевъ нашей бюрократіи, отъ вѣшнихъ вліяній, съ которыми связывались всегда опасенія колебанія устоевъ современного государственнаго строя.

Въ настоящее время всѣ фискальныя цѣли, преслѣдовавшіяся законодателямъ въ сферѣ поземельныхъ отношеній крестьянъ, потеряли свое значеніе. Съ отмѣной подушной подати, съ переложеніемъ государственныхъ и земскихъ повинностей на землю, съ измѣненіемъ системы взысканія окладныхъ сборовъ, съ отмѣной круговой поруки, сначала фактически, а затѣмъ и въ законодательномъ порядкѣ и наконецъ съ отмѣной выкупныхъ платежей исчезли тѣ причины, которыя руководили законодателямъ въ подчиненіи личности крестьянина семьѣ и обществу и въ подчиненіи ея тягостнымъ условіямъ административной опеки въ сферѣ имущественныхъ отношеній.

Но такое положеніе вещей, благоприятное для осуществленія задачи законодательнаго опредѣленія гражданско-правовыхъ отношеній крестьянъ, мало пока еще подвинуло дѣйствительное осуществленіе этой задачи. И въ числѣ условій, препятствующихъ осуществленію ея, въ числѣ многоразличныхъ преградъ, стоящихъ на ея пути и заключающихся въ значительной степени въ общихъ условіяхъ нашей современной жизни, есть еще одно, на которомъ я не могу не остановить вниманія. Оно заключается въ малой подготовленности нашихъ юристовъ къ ея исполненію.

Непростительное игнорированіе вопросовъ крестьянскаго права нашей юридической литературой является, къ сожалѣнію, фактомъ, который грозитъ лечь тяжкимъ упрекомъ на русскую юридическую науку.

Имущественныя правоотношенія крестьянъ и въ особенности правоотношенія, связанныя съ крестьянскимъ землевладѣніемъ, во многомъ отличны отъ правоотношеній остальнаго населенія Россіи. Отличны потому, что условія экономической жизни крестьянъ-землевладѣльцевъ отличны отъ условій жизни другихъ трудящихся классовъ населенія, отличны, конечно, еще въ большей степени отъ условій жизни нетрудящихся классовъ.

Мы подошли къ одному изъ самыхъ важныхъ вопросовъ крестьянскаго права, въ которомъ замѣчается большое разногласіе въ

литературѣ, къ вопросу о томъ, существуютъ ли и должны ли существовать особенности въ регулированіи имущественныхъ и, главнымъ образомъ, поземельныхъ правоотношеній среди крестьянъ.

Лица, которыя сосредоточили все свое вниманіе на отрицательныхъ сторонахъ правовой крестьянской обособленности, нерѣдко отвѣчаютъ на этотъ вопросъ отрицательно. Справедливо сознавая, какой вредъ принесла крестьянамъ та сторона ихъ правовой обособленности, которая выражалась въ ограниченіяхъ правъ крестьянъ, въ разнообразныхъ стѣсненіяхъ личной свободы крестьянина, справедливо усматривая въ этихъ ограниченіяхъ свободы личности крестьянина стремленіе государственной власти достигать задачъ, ничего общаго съ благомъ крестьянъ не имѣющихъ, они видятъ единственный исходъ изъ современнаго положенія крестьянъ—въ полномъ уничтоженіи этой обособленности, въ полномъ подчиненіи крестьянъ общимъ гражданскимъ законамъ, хотя бы и тѣмъ, которые выражены въ нашемъ гражданскомъ кодексѣ, т. е. I ч. X тома. Они не хотятъ видѣть разницу между правовой обособленностью и специальными нормами права, которыми необходимо регулировать специальные правоотношенія. Они не хотятъ видѣть разницу между правовой *обособленностью* и *особенностями* правовыхъ отношеній. А между тѣмъ разница между этими двумя понятіями—разница громадная.

Нельзя относиться иначе, какъ отрицательно, къ правовой обособленности крестьянъ, нельзя иначе относиться какъ съ непримиримой враждой къ тѣмъ условіямъ, которыя по нашему дѣйствующему праву препятствуютъ крестьянину пользоваться общегражданскими правами и общегражданской свободой. Но нельзя эту вражду переносить на особенности правовыхъ отношеній крестьянъ, связанныя съ экономическими условіями ихъ земледѣльческаго труда.

Въ настоящее время наша бюрократія, сознавая полную незаинтересованность государственной казны въ дѣлѣ устроенія крестьянской правовой жизни, стала на ту же упрощенную точку зрѣнія и мечтаетъ не о соглашеніи крестьянскаго права съ правомъ общимъ, а о насильственномъ подчиненіи крестьянскихъ правоотношеній нашимъ общимъ гражданскимъ законамъ.

Въ замѣчательномъ трудѣ одного изъ нашихъ выдающихся цивилистовъ, Боровиковскаго, „Мужичьи дѣла“ можно найти краснорѣчивое доказательство, къ какимъ нехорошимъ послѣдствіямъ ведетъ примѣненіе нашихъ писанныхъ гражданскихъ законовъ къ крестьянскимъ имущественнымъ отношеніямъ. Онъ описываетъ, какое недоразумѣніе вызываетъ у крестьянъ, напр., присужденіе въ наслѣдство

вдовамъ и дочерямъ $\frac{1}{7}$ и $\frac{1}{4}$ части надѣльной земли. Всматриваясь ближе въ причины такого расхожденія общаго гражданскаго закона съ правосознаніемъ крестьянъ, мы легко ихъ поймемъ. Гражданскіе законы являются ничѣмъ инымъ, какъ правовой оболочкой, правовой формой отношеній экономическихъ. Если экономическія отношенія различны, несомнѣнно будутъ различны и тѣ правовыя нормы, которыя ихъ регулируютъ.

Спрашивается, въ чемъ же различіе экономическихъ отношеній крестьянъ?

Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ надо совершенно освободиться отъ представленій, выведенныхъ изъ нашего дѣйствующаго права, совершенно избавиться отъ начала сословности, которыми проникнуто дѣйствующее право, и стать на классовую точку зрѣнія. Крестьянинъ не земледѣлецъ, крестьянинъ рабочій, крестьянинъ промышленникъ или торговецъ уже не крестьянинъ съ классовой точки зрѣнія. Онъ началъ жить въ другихъ экономическихъ условіяхъ, и къ нему, поэтому, очевидно, примѣнимы вполнѣ и въ полномъ объемѣ общіе гражданскіе законы.

Мы будемъ при обсужденіи вопроса объ особенностяхъ крестьянскихъ правоотношеній называть именемъ крестьянъ только лицъ, составляющихъ особый экономическій классъ, живущій земледѣліемъ, связаннымъ съ землевладѣніемъ.

Мы беремъ дѣйствительно существующее явленіе жизни нашего народа, заключающееся въ томъ, что громадное большинство его населенія составляетъ классъ земледѣльцевъ, имѣющихъ источникомъ своего существованія и объектомъ приложенія своего труда—землю, которую они владѣютъ. Соединеніе земледѣльческаго рабочаго съ объектомъ приложенія его труда—землей—вотъ источникъ особыхъ экономическихъ отношеній, который является и источникомъ особыхъ *правоотношеній*.

Даже разсуждая совершенно а priori, мы должны были бы сказать, что указанная особенность экономическихъ отношеній должна съ непреложной неумолимостью соціальныхъ законовъ вызывать и особенности юридическаго характера.

Но почему-то на этотъ выводъ, столь естественный и даже неизбежный, многіе юристы закрываютъ глаза. Они готовы допустить, что особенность торговыхъ экономическихъ отношеній вызываетъ бытіе особыхъ юридическихъ нормъ, составляющихъ содержаніе торговаго права, что экономическія особенности кредитныхъ отношеній даютъ основаніе для существованія вексельнаго права, что особен-

ности экономическихъ отношеній между трудомъ и капиталомъ въ области промышленной даютъ начало рабочаго законодательства, которое помимо соціальныхъ своихъ задачъ, которыя должно въ немъ преслѣдовать государство, имѣетъ и свою частно-правовую, чисто гражданскую область—особыя правоотношенія, вытекающія изъ рабочаго договора.

Признавая все это, многіе юристы почему-то не хотятъ признать особенностей крестьянскаго права, вытекающихъ изъ весьма своеобразныхъ, не имѣющихъ совершенно никакой аналогіи въ другихъ сферахъ трудовой дѣятельности условій земледѣльческаго труда, связаннаго съ владѣніемъ землей. Въ экономическомъ отношеніи своеобразность условій такого труда бросается въ глаза. Это единственная сфера труда, которая по настоящее время въ видѣ общаго правила, а не въ видѣ исключенія, связана съ владѣніемъ орудіемъ производства—землей. И оказывается, что такая связь не временная, она до сихъ поръ существовала и существуетъ какъ повсемѣстное явленіе русской экономической жизни, а исторія Запада показываетъ, что это явленіе устойчивое. Въ странахъ съ самымъ развитымъ капиталистическимъ хозяйствомъ мелкая земельная собственность, служащая орудіемъ труда для своихъ владѣльцевъ, сохраняется и даже почти не измѣняется по величинѣ той площади, которую она занимаетъ. Несомнѣнно, что особенности экономическихъ отношеній, связанныхъ съ такимъ своеобразнымъ для капиталистическаго строя экономическимъ явленіемъ, должны порождать и особенности въ юридическихъ отношеніяхъ.

Въ дѣйствительности оно такъ и есть. Правовое положеніе крестьянъ, избавленное отъ той своеобразной сословной правовой обособленности, которой оно отличается по нашему дѣйствующему праву, будетъ обладать юридическими особенностями не сословнаго, а классоваго характера, въ тѣхъ областяхъ гражданскаго права, которыя связаны съ особенностями поземельныхъ отношеній крестьянъ. И эти особенности должны и будутъ существовать, пока будутъ существовать особенности экономическихъ отношеній крестьянъ, связанные съ ихъ землевладѣніемъ и съ ихъ занятіемъ земледѣліемъ на владѣемыхъ ими земляхъ.

Мы видѣли изъ краткихъ историческихъ фактовъ, выше приведенныхъ, что крестьяне цѣлые вѣка, предшествовавшіе ихъ освобожденію, въ гражданско-правовыхъ своихъ отношеніяхъ были изолированы отъ регулирующаго вліянія нормъ, выработанныхъ государственной властью. Съ очень давняго времени писанный законъ совѣтъ не за-

давался этой задачей, а въ послѣднее столѣтіе передъ освобожденіемъ, когда окончательно слагались тѣ нормы нашего писаннаго гражданского права, которыя потомъ были кодифицированы въ 1 ч. X т., законъ совсѣмъ не признавалъ за помѣщичьими крестьянами гражданскихъ правъ, не признавалъ ихъ субъектами гражданского права.

Мы видѣли, затѣмъ, что и послѣ освобожденія законодательство наше не успѣло справиться съ задачей регулировать гражданско-правовую жизнь крестьянъ и только вліяло на эту жизнь тѣми односторонними, пропитанными, главнымъ образомъ, фискальными цѣлями постановленіями закона, которыя содержатся въ мѣстныхъ положеніяхъ и положеніи о выкупѣ.

Тѣмъ не менѣе все это время, конечно, крестьяне проявляли свою экономическую дѣятельность и, слѣдовательно, входили и въ юридическія отношенія. И они выработали цѣлый строй правовыхъ отношеній, который крѣпко связанъ въ ихъ правосознаніи съ ихъ чувствомъ справедливости и который является правовой оболочкой ихъ экономическихъ отношеній. Онъ крѣпко связанъ, конечно, съ условіями ихъ землевладѣнія — основой ихъ экономической дѣятельности.

Основнымъ, центральнымъ элементомъ этого правосознанія является взглядъ на землю какъ на объектъ примѣненія трудовой силы. Поэтому право на землю проникнуто трудовымъ началомъ. Всѣ совмѣстно трудящіеся на землѣ имѣютъ участіе во владѣніи землей. Всѣ на ней непосредственно не трудящіеся теряютъ право на участіе во владѣніи ею.

Отсюда тѣ особенности правовыхъ отношеній, которыя проявляются въ институтѣ общности семейнаго имущества. Всякій членъ семейнаго союза, принятый въ него для совмѣстнаго труда, даже не находящійся въ родственныхъ отношеніяхъ съ членами союза, но принятый въ него имѣетъ участіе во владѣніи семейнымъ участкомъ, является участникомъ въ семейной собственности. — Отсюда тѣ правоотношенія, связанные съ другими формами коллективной собственности, напр., съ общиннымъ землевладѣніемъ, съ правомъ каждого общинника на равноправное участіе въ общинномъ землевладѣніи. Отсюда и тѣ особенности въ наслѣдственномъ правѣ, которыми крестьянское право такъ отличается отъ нашего общаго писаннаго права.

Великая задача нашего времени для юристовъ — выяснить существенныя черты указанныхъ особенностей крестьянскаго права, конструировать ихъ согласно требованіямъ науки права, классифицировать ихъ съ точки зрѣнія основныхъ отдѣловъ гражданского права и этимъ подготовить почву для ихъ претворенія въ норму закона.

Я могу смѣло сказать, что въ этомъ заключается долгъ юристовъ передъ русскимъ крестьянствомъ. И этотъ долгъ не могутъ не сознавать всѣ тѣ, кто соприкасается съ крестьянскимъ правомъ, кто знаетъ, какъ необходимо здѣсь приложить свой трудъ для уясненія вопросовъ, связанныхъ съ почти безграничной областью крестьянскаго права.

Правъ авторъ одной изъ очень удачныхъ статей по крестьянскому праву „Основные причины крестьянскаго настроенія“ кн. Оболенскій, такъ резюмировавшій задачу юристовъ нашего времени въ этой области.

„Великая и широкая задача предстоитъ нашему поколѣнію, а можетъ быть и будущимъ, работа трудная и тяжелая — устройство частнаго быта освобожденныхъ крестьянъ на основаніи положительнаго закона“.

И если непростительно для нашихъ правящихъ сферъ, что онѣ до сихъ поръ не поставили на очередь эту задачу, до сихъ поръ не приступили къ ея осуществленію, то не менѣе непростительно и для русскихъ юристовъ, что они такъ мало подготовили почву для исполненія этой задачи.

Неподготовленность русскихъ юристовъ къ выполненію задачи удовлетворенія несомнѣнно существующаго запроса нашего крестьянства нормировать ихъ гражданскія правоотношенія писаннымъ закономъ особенно ярко сказалась при составленіи проекта нашего гражданского уложенія.

Составители этого проекта, несомнѣнно проникнутые стремленіемъ распространить новый гражданскій кодексъ на всѣхъ русскихъ гражданъ, встрѣтились съ необходимостью нормировать въ немъ и особенности крестьянскихъ правовыхъ отношеній. — Но выполнить этой задачи они не смогли. Въмѣсто творческой работы въ этой области они ограничились сводкой тѣхъ постановленій нашего дѣйствующаго права, которыя разсѣяны въ общемъ положеніи о крестьянахъ, въ положеніи о выкупѣ и отчасти въ мѣстныхъ положеніяхъ. Сгладивъ наскоро нѣкоторыя противорѣчія, нѣкоторыя слишкомъ уже противорѣчащія юридической терминологіи и установленнымъ наукой гражданского права юридическимъ понятіямъ частности, они сохранили все остальное содержаніе дѣйствующаго крестьянскаго права во всей неприкосновенности тѣхъ чуждыхъ современнымъ условіямъ жизни историческихъ наслоеній, о которыхъ я уже упоминалъ, какъ о характерныхъ чертахъ нынѣ дѣйствующаго крестьянскаго права.

Проектъ гражданского уложенія сохраняетъ въ отдѣлѣ крестьянскаго гражданского права всѣ ограниченія свободы крестьянской личности въ распоряженіи своимъ имуществомъ, которыя проникли въ наше дѣйствующее право, какъ мы видѣли, изъ чисто фискальныхъ

цѣлей, уже потерявшихъ въ настоящее время свое значеніе, сохранять и тѣ черты административной опеки, которыми отличается дѣйствующее крестьянское право. Свою робость въ проявленіи творчества составители проекта гражданского уложенія довели до того, что оставили даже неприкосновенной власть земскихъ начальниковъ вмѣшиваться въ имущественныя отношенія крестьянъ. Такъ, напр., по 487 и 509 ст. проекта отчужденіе домохозяиномъ усадебнаго участка при общинномъ землевладѣніи и отчужденіе подворнаго участка въ случаѣ существованія въ семьѣ несовершеннолѣтнихъ членовъ семьи ставятся въ зависимость отъ разрѣшенія земскаго начальника. Семейный раздѣлъ, по силѣ 489—491 ст. проекта, можетъ произойти только съ согласія схода, на приговоръ котораго можно жаловаться земскому начальнику.

Я думаю, что этихъ примѣровъ достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какъ далека работа составителей проекта гражданского уложенія отъ исполненія той „великой“ задачи нашего времени регулировать особенности частно-правовыхъ отношеній крестьянъ закономъ, о которой я упомянулъ.

А между тѣмъ невыполненіе этой задачи очень губительно отзывается на экономическомъ благосостояніи крестьянства.

Не можетъ не парализовать экономической дѣятельности отсутствіе увѣренности въ незыблемости имущественныхъ правъ, отсутствіе свободы, обезпеченной закономъ, въ распоряженіи своимъ имуществомъ, неувѣренность въ возможности воспользоваться плодами своего труда.

Причинная связь между отсутствіемъ установленнаго закономъ гражданского правопорядка и слабостью хозяйственной энергіи со стороны лицъ, хозяйственные интересы которыхъ не обезпечены закономъ, столь очевидна, что, я думаю, излишне останавливаться для доказательства этой мысли.

Предстоящія задачи крестьянскаго права будущаго не ограничиваются, однако, изложенной задачей преобразованія дѣйствующаго права.

Въ нихъ входитъ еще одна область—область публично-правового характера, которая можетъ проявляться непосредственно въ нормахъ публичнаго права, но въ извѣстныхъ отношеніяхъ можетъ проникать собою и нормы частнаго права.

Я говорю о социальныхъ задачахъ государства въ сферѣ аграрныхъ отношеній, о приближеніи къ осуществленію идеи социальной справедливости въ области аграрныхъ отношеній.

На западѣ социальные задачи въ аграрной области стали осуществляться тогда, когда аграрныя отношенія получили уже свою определенность, свою устойчивость. У насъ, наоборотъ, государство сталки-

вается съ ними въ такое время, когда ему же предстоитъ еще создать устойчивость аграрныхъ отношеній.

Это обстоятельство обуславливаетъ, конечно, свои трудности, но оно же могло бы стать факторомъ чрезвычайно благоприятнымъ для осуществленія социальныхъ задачъ въ аграрной области.

Съ одной стороны, государственная власть въ Россіи, постоянно вмѣшиваясь въ земельныя отношенія съ цѣлями публично-правовыми, поддерживала до самаго послѣдняго времени мысль о томъ, что владѣніе землей не есть только явленіе изъ области чисто-гражданскаго, частнаго характера, что владѣніе землей связано съ обще-народными интересами и обще-народными правами; съ другой стороны, то же убѣжденіе, помимо вліянія государства, сложилось у крестьянъ и тѣсно сжилося съ ихъ правосознаніемъ. Всѣ правоотношенія, связанныя съ коллективными формами землевладѣнія, въ частности порядки землепользованія, проявляющіеся при общинномъ владѣніи, очень краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ этой особенности крестьянскаго правосознанія.

Аграрный вопросъ есть, конечно, по преимуществу вопросъ экономическій. Но онъ имѣетъ и очень важную для правильнаго его разрѣшенія сторону—юридическую.

Разрѣшеніе аграрнаго вопроса возможно только путемъ установленія правовыхъ нормъ. Изученіе этихъ нормъ, устанавливаемыхъ для осуществленія блага земледѣльцевъ, для осуществленія идеи социальной справедливости въ области аграрныхъ отношеній, не можетъ не составлять части крестьянскаго права потому еще, что при тѣхъ своеобразныхъ условіяхъ, въ которыхъ аграрный вопросъ долженъ получить разрѣшеніе въ Россіи, онъ, можно сказать, своими корнями вросъ въ крестьянское право.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Особенности въ сферѣ личныхъ правъ крестьянъ.

ГЛАВА I.

Субъектъ дѣйствующаго крестьянскаго права.—Историческій процессъ объединенія крестьянъ въ одно сословіе.—Приписка, какъ формальный признакъ принадлежности къ крестьянскому сословію.

Первый вопросъ, который вправѣ поставить приступающій къ изученію крестьянскаго права, это вопросъ о томъ, кто является субъектомъ этого права.

Кого дѣйствующее право называетъ крестьяниномъ?

Вопросъ этотъ не такъ простъ, какъ онъ кажется съ перваго взгляда.—Объединеніе крестьянства, какъ сословія, поставленное въ одинаковыя правовыя условія, во многомъ отличныя отъ остального населенія—является результатомъ длиннаго историческаго процесса, закончившагося только въ самое послѣднее время.

Самое названіе крестьянина въ нашемъ законѣ явилось довольно поздно. Въ дѣйствующемъ правѣ оно и понынѣ не является единственнымъ названіемъ, такъ какъ съ нимъ конкурируетъ и притомъ преимущественно другой терминъ „сельскій обыватель“.

Въ первый разъ въ нашихъ юридическихъ памятникахъ названіе „крестьянинъ“ встрѣчается въ уставной грамотѣ митрополита Кипріяна, данной въ 1391 году Константиновскому монастырю ¹⁾.

Съ этого времени названіе „крестьянинъ“ все чаще и чаще употребляется какъ въ юридическихъ памятникахъ вообще, такъ и въ законодательныхъ въ частности.

При этомъ нельзя не отмѣтить слѣдующаго: въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ названіе крестьянинъ замѣняетъ собой болѣе древнія названія: „ролейныхъ закуповъ“ Русской Правды, „изорниковъ“, „огородниковъ“ и „кочетниковъ“ Псковской судной грамоты, „сиротъ“, „людей“, „серебренниковъ“, „рядовыхъ людей“ и „исполовниковъ“ по Москов-

скимъ, Тверскимъ и Нижегородскимъ грамотамъ. Всѣ эти терминъ прилагались, повидимому, къ тому же классу людей, и притомъ людей свободныхъ. Въ грамотахъ, въ которыхъ упоминается имя крестьянинъ, признаками крестьянства мы находимъ: свободу крестьянъ жить на земляхъ казенныхъ, волостныхъ, княжихъ, монастырскихъ и другихъ владѣльцевъ, т. е. находимъ признаки, отличающіе крестьянъ отъ не-свободнаго населенія, отъ холоповъ. Впослѣдствіи въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія мы замѣчаемъ въ законодательныхъ памятникахъ пріурочиваніе названія крестьянина, главнымъ образомъ, къ лицамъ, состоящимъ въ крѣпостной зависимости, свободные же отъ крѣпостного права люди называются свободными сельскими обывателями. Послѣ освобожденія слова „крестьянинъ“ и „сельскій обыватель“ дѣлаются уже почти синонимами, причемъ въ законахъ о состояніяхъ, т. е. въ IX т. св. зак. преобладаетъ и притомъ преимущественно терминъ „сельскій обыватель“, а въ приложеніи къ IX т., гдѣ сосредоточены законы объ общественномъ управленіи и объ обезпеченіи крестьянъ землей, преобладаетъ уже терминъ „крестьянинъ“.

Эти измѣненія въ терминологіи соотвѣтствуютъ эволюціи крестьянскаго права, постепенно, послѣ освобожденія, объединяющаго крестьянство въ сословіе. Въ этомъ процессѣ объединенія многіе разряды сельскихъ обывателей, прежде менѣе или вовсе не ограниченные въ своихъ правахъ въ сравненіи съ привилегированными классами населенія, ограничиваются ими, подпадаютъ подъ ту сферу правовой обособленности, которая прежде была удѣломъ однихъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Эта черта особенно рельефно проявляется, напр., по отношенію къ, такъ называемымъ, однодворцамъ. Еще въ изданіи IX тома 1832 года однодворцы противопоставляются крестьянамъ. Они имѣютъ право сохранить за собой пріобрѣтенныхъ крѣпостныхъ крестьянъ и пріобрѣтать ихъ отъ однодворцевъ же. Въ IX т. св. зак. изд. 1876 года они объединяются въ рубрику съ другими сельскими обывателями, но еще именуются „поселянами“. Въ IX т. св. зак. изд. 1899 года они уже именуются крестьянами и общества ихъ „обществомъ крестьянъ“ (ст. 672 IX т. св. зак. изд. 1899 г.).

Такимъ образомъ, только въ самое послѣднее время состояніе сельскихъ обывателей, различное въ началѣ для каждого изъ разрядовъ сельскихъ жителей, объединилось въ одно сословіе крестьянъ, на которыхъ распространилось дѣйствіе „общаго положенія о крестьянахъ“, при своемъ составленіи предназначенное только для бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ. При своемъ изданіи въ 1861 году оно такъ и именовалось: „общее положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ

¹⁾ Вѣдѣвъ. „Крестьяне на Руси“ стр. 1.

изъ крѣпостной зависимости“. Это названіе сохранилось еще въ изданіи его 1876 года, несмотря на то, что уже тогда оно распространялось на крестьянъ государственныхъ, никогда въ крѣпостной зависимости не состоявшихъ. И только въ новомъ изданіи 1902 года оно имѣется уже просто „общее положеніе о крестьянахъ“.

Для ознакомленія съ процессомъ объединенія крестьянъ въ одно сословіе необходимо познакомиться съ однимъ изъ могущественнѣйшихъ факторовъ этого объединенія,—вліяніемъ законовъ о припискѣ къ крестьянскому обществу—сельскому или волостному. Приписка являлась и является до настоящаго времени—единственнымъ внѣшнимъ признакомъ, опредѣляющимъ принадлежность даннаго лица къ крестьянскому сословію.

Болѣе подробное ознакомленіе съ правилами о припискѣ, съ постановленіями о ней, содержащимися въ исторіи нашего законодательства и въ дѣйствующемъ правѣ, объяснить намъ многія черты той внѣшней обособленности крестьянъ, которая составляла до самаго послѣдняго времени характерное отличіе крестьянства, обособлявшее крестьянина, какъ члена сословія отъ другихъ сословій въ государствѣ.

Вотъ почему необходимо нѣсколько остановиться на этомъ предметѣ.

Обязанность приписки возникла въ нашемъ правѣ въ связи съ подушной податью, установленной, какъ извѣстно, при Петрѣ Великомъ.

Подушная подать и вызванная ею, ради успѣха ея взысканія, ревизія, были одними изъ первыхъ факторовъ нивелированія крестьянскаго сословія, объединенія его въ законѣ, правахъ и обязанностяхъ.

Первый указъ о ревизіи состоялся 23 ноября 1718 года. Указъ требовалъ „взять сказки (ревизскія) у всѣхъ, чтобы правдивыя принесли, сколько у кого въ которой деревнѣ душъ мужскаго пола“. Въ указахъ, изданныхъ немедленно въ развитіе указа 1718 года, разъяснялось, что подъ именемъ всѣхъ душъ мужскаго пола въ деревнѣ должно считать какъ крестьянъ и бобылей, такъ и задворныхъ и такъ называемыхъ „дѣловыхъ“ людей, которые устроены пашнею, т. е. какъ людей, только прикрѣпленныхъ къ землѣ, такъ и полныхъ холоповъ, лишь бы владѣлецъ отвелъ имъ землю. Здѣсь еще дѣлается различіе между холопами, устроенными пашней и тѣми, которые не устроены, и только первый разрядъ холоповъ сравнивается съ крѣпостными. Но скоро, вслѣдствіе злоупотребленій помѣщиковъ, которые стали называть всѣхъ дворовыхъ людей неустроенными пашней, по-

слѣдовали указы, требовавшіе внесенія въ ревизскія сказки и обложенія подушной податью всѣхъ дворовыхъ людей.

Въ указѣ 1720 года говорится: „слышу я, что въ нынѣшнихъ переписяхъ пишутъ только однихъ крестьянъ, а людей дворовыхъ и прочихъ не пишутъ, въ чемъ можетъ быть такая же утайка, какъ и во дворахъ бывала“. Поэтому подтверждалось, чтобы помѣщики писали всѣхъ „своихъ подданныхъ“, какъ выражается указъ, какого бы званія они ни были, также и церковныхъ причетниковъ, кромѣ поповъ и дяконовъ.

Разъ вступивъ на путь объединенія всѣхъ крестьянъ въ обязанности всѣхъ платить подушную подать, законодательство наше, въ чисто фискальныхъ цѣляхъ, совершенно не заботясь о тѣхъ глубокихъ послѣдствіяхъ въ жизни въ другихъ отношеніяхъ, которыя его мѣропріятія могутъ имѣть, уже не сходило съ этого пути, но напротивъ шло все дальше и дальше по нему. Опредѣляя размѣръ подушной подати, одинъ изъ слѣдующихъ указовъ¹⁾ уже прямо повелѣваетъ „раскладку чинить на души, на крестьянъ, дворовыхъ людей и иныхъ, которые съ ними равно въ тягло положены, по осьми гривенъ съ персоны“. И тутъ же въ инструкціи къ ревизіи сказано: „дворянамъ объявлять, чтобы платили со всякой души мужскаго пола крестьянъ и дворовыхъ, и дѣловыхъ, и всякаго званія людей, какіе у кого въ деревняхъ обрѣтаются (съ скотниковъ, садовниковъ, конюховъ, псарей, и проч.) по осьми гривенъ съ персоны“.

Здѣсь уже прямо перечисленіемъ несомнѣнно исключительно дворовыхъ людей подчеркивается требованіе внесенія ихъ всѣхъ въ окладъ.

Объединивъ въ платежѣ подушной подати всѣ разряды владѣльческихъ крестьянъ, законы о ревизіяхъ стали систематически преслѣдовать ту же цѣль обложенія подушнымъ окладомъ и всѣхъ свободныхъ крестьянъ. Первыми подпали подъ дѣйствіе суровыхъ законовъ преслѣдовавшіе цѣль обезпечить безнедоимочную уплату подушной подати и испытали всю тяжесть обязательной приписки такъ называемые „вольные государевы гулящіе люди“. Они стали обязываться или идти въ военную службу, или за негодностью къ ней приписаться къ кому-либо въ услуженіе. Вся неприписанная крестьянская вольница съ этого времени навлекаетъ на себя мѣры самаго суроваго преслѣдованія, мѣры, клонящіяся ясно къ цѣли не оставить людей, не положенныхъ въ окладъ. Въ инструкціи для второй ревизіи говорится,

¹⁾ 4 янв. 1722 г.

что если при генеральной ревизіи явятся разночинцы и незаконнорожденные и люди боярскіе, отпущенные изъ домовъ съ отпускными и вѣчными паспортами и никого себѣ донинѣ помѣщиковъ не сыскали и въ подушный окладъ ни за кѣмъ не записаны, таковыхъ и съ дѣтьми „ежели имѣютъ торговые промыслы и ремесла, писать въ посадѣ и цехи, а прочихъ, кои годны будутъ, писать въ солдаты. А которые пожелаютъ быть у помѣщиковъ, таковыхъ всѣхъ писать къ помѣщикамъ и на фабрики, кому они въ услуженіе идти пожелаютъ и кто ихъ изъ платежа подушнаго оклада взять похочетъ, дабы не одинъ безъ положенія не остался. А ежели ихъ изъ платежа подушнаго оклада никто не возьметъ, а въ службу не годны, такихъ посылать для поселенія въ Оренбургъ или на казенные заводы“¹⁾.

Такимъ образомъ ревизія уже начинаетъ охватывать желѣзнымъ кольцомъ все крестьянство. Она заботится только объ исправномъ взносѣ казенныхъ податей, но она при этомъ ломаетъ всѣ права податныхъ людей, не щадитъ ихъ и, если не видитъ обезпеченія въ исправномъ платежѣ подушной подати, то отдаетъ ихъ въ крѣпость первому желающему платить подать, могущему обезпечить этотъ платежъ. А если „вольный человекъ“ не сумѣетъ вписаться въ окладъ, не сумѣетъ устроить свою приписку, ему открыта одна дорога въ ссылку... въ Оренбургъ, въ Сибирь или на казенные заводы.

И при этомъ правительство дѣйствуетъ безощадно. Неприписанные люди ловятся полиціей и приводятся въ воеводскія канцеляріи, гдѣ приказывается указами „не державъ ни мало времени отсылать годныхъ въ службу въ военную коллегію, а негодныхъ велѣть себѣ приписывать такихъ, которые бы ихъ писали за собой въ подушный окладъ, а ежели никто не приметъ, оныхъ посылать на поселеніе въ Сибирь, дабы чрезъ то, шатающихся и праздныхъ безъ дѣлъ и безъ платежа подушныхъ денегъ никого не было“²⁾.

Такъ создалось податное, тяглое населеніе.

Мы должны здѣсь хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ познакомиться съ главными основаніями такъ называемыхъ ревизій и способа исчисления и взиманія подушнаго налога, ибо они оставили глубокой слѣдъ въ народной психологіи, отражающийся и по сіе время. Часто приходится слышать объ ожиданіяхъ, связанныхъ у крестьянъ съ будто бы предстоящей ревизіей, которая должна „поравнять“ права на землю, съ ожиданіемъ такъ называемаго чернаго передѣла. Въ

¹⁾ Полн. собр. зак. 10 декабря 1742 г. (8836).

²⁾ Полн. собр. зак. № 5441.

дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется познакомиться съ очень пространеннымъ еще приѣмомъ общинныхъ предѣловъ по „ревизскимъ душамъ“ и для того, чтобы эти термины были бы понятны, а равно и для того, чтобы понять источникъ тѣхъ постановленій о припискѣ, которыя насъ теперь интересуютъ, необходимо сдѣлать такое отступленіе.

Всѣхъ ревизій, этихъ своеобразныхъ переписей, у насъ было десять. Первая была, какъ уже упомянуто, въ 1719 году при Петрѣ Великомъ. Вторая въ 1743 году. Въ инструкціи къ этой ревизіи, хотя и поставлено производить предстоящія ревизіи каждые пятнадцать лѣтъ, но срокъ этотъ не соблюдался. Третья ревизія была черезъ 18 лѣтъ, въ 1761 году, четвертая по истеченіи 20 лѣтъ послѣ третьей, въ 1781 году, пятая черезъ 13 лѣтъ, въ 1794 году, шестая черезъ 17 лѣтъ, въ 1811 году, седьмая черезъ 4 года, въ 1815 году, восьмая черезъ 18 лѣтъ, въ 1833 году, девятая черезъ 17 лѣтъ, въ 1850 году и, наконецъ, десятая, по которой крестьяне получили свое поземельное устройство, по которой размѣръ ихъ надѣла исчислялся по числу душъ, въ этой ревизіи записанныхъ, черезъ семь лѣтъ, въ 1857 году.

Всѣ эти ревизіи назначались особыми Высочайшими повелѣніями и объявлялись народу манифестами. Такъ какъ только при ревизіи исправлялся счетъ, исправлялось количество податей, которыя должны уплачивать крестьяне соотвѣтственно не фиктивного, числящагося отъ первой ревизіи состава семьи, а дѣйствительнаго своего состава, то очевидно, что крестьяне всегда ждали съ нетерпѣніемъ каждой ревизіи для приведенія въ соотвѣтствіе податной тяготы съ рабочими силами семьи.

Въ согласіи съ ревизіями происходило и уравниеніе земель у государственныхъ крестьянъ, такъ что ревизіи были для государственныхъ крестьянъ основой для земельныхъ предѣловъ, какъ внутри общества, такъ и между обществами (ст. 18 уст. бл. въ каз. сел.).

Ревизіи подлежали всѣ наличные люди податнаго состоянія, всякаго возраста, пола, поколѣнія, не исключая и тѣхъ, которые, состоя въ податномъ состояніи, освобождены по тѣмъ или другимъ основаніямъ отъ платежа подушной подати, или вмѣсто подушной подати несутъ другія государственныя повинности.

Въ законѣ подробно опредѣлялась форма ревизскихъ сказокъ, въ которую должны быть внесены члены каждой семьи. На каждую семью или дворъ полагается ревизская сказка или разграфленный листъ бумаги, на лѣвой сторонѣ которой пишутся по старшинству члены семьи мужскаго пола, а на правой члены семьи женскаго пола.

Бланки ревизских сказок заготавливались казенными палатами и разсылались в селения и города.

В манифестах о ревизии назначался и срок в несколько месяцев, в течение которого ревизские сказки, заполненные указанным образом, должны были быть представлены в временные ревизские комиссии, учреждаемые в каждом уезде из предводителя дворянства и стряпчего. Для запоздавших назначался вторичный срок, уже окончательный, по истечении которого не представившие их считались уклонившимися от ревизии.

Для понуждения представления сказок в первый срок назначалась пеня по числу мужских душ ревизской сказки, внесенной во второй срок. Пеня взыскивалась с лиц, обязанных представить сказку. Такими лицами для крепостных крестьян были помещики, для казенных удельных крестьян и крестьян, живущих на своих землях, были выборные старшины и старосты.

В ревизские сказки вносились все приписанные к данному селению лица, хотя бы они в нем не проживали. За пропуск и не приписку в ревизские сказки лиц мужского пола, виновные должны платить штраф, определявшийся различно в разных ревизиях — по 10-ой ревизии в 75 рублей за каждую душу, по 8-ой ревизии в 500 рублей.

С 1 января следующего за ревизией года платеж податей уже производился по новой ревизии.

Согласно данным ревизии, все лица мужского пола податного состояния, не изъятые от платежа подати (как, напр., во время состояния на военной службе, отдельные крестьяне и проч.), должны платить подушную подать. Другими словами подлежали подушной подати все помещичьи крестьяне, крестьяне государственные и удельные и крестьяне свободные, живущие на своих землях, прежние служилые люди: казаки, однодворцы, рейтеры, драгуны и пр.

Изменение окладов по каждому селению и семейству не изменяется в промежуток времени между ревизиями ни убылью умерших, бѣжавших, отданных в рекруты, сосланных за преступление или за худое поведение, ни прибылью вновь родившихся. Это — основное положение закона, в силу которого ревизии приобретали такое большое значение для крестьянства. Между ревизиями могли происходить только перечисления из оклада одного селения в другие вследствие выхода из одного общества в другое или выхода из податного сословия.

Здесь надо сделать еще одно замечание, весьма важное для ознакомления с правоотношениями, возникшими между крестьянами и обществом. Подати по окладу считались в силу закона лежащими не на лица и не на семейства, а на общество крестьян всего селения. Оно отвечало перед правительством за уплату податей круговой порукой. Оно же и обязывалось распределять подать между своими членами не по числу окладов, числящихся за каждым семейством, а по своему усмотрению, сообразно имущественному положению своих членов.

Относительно государственных крестьян закон¹⁾ определял, что раскладка должна производиться сходом, соответственно количеству земли, отведенной каждому семейству и сообразно другим, принятым между государственными крестьянами, местным правилам, наблюдая, чтобы сбор за числящихся по ревизии умерших и выбывших по разным случаям, но из оклада не исключенных, а также за несостоятельных, разложен был по тем же правилам и обычаям на наличных плательщиков, к сельскому обществу принадлежащих.

Здесь очень важно отметить, что не одна круговая порука, таким образом, определяла вмешательство сельского общества в определение размера платежа, упдающего на каждого плательщика, а определяло это вмешательство то начало, что податной единицей перед казной закон признавал не семейство, не лицо, а все общество. Ему предоставлено было свободно распределять подати „по обычаю“ и ревизия только исчисляла количество единиц окладов, лежащих на обществе, а законы о приписке прикрепляли члена общества к своему обществу, дабы последнее могло быть исправным плательщиком. Раскладка подушной подати у помещичьих крестьян предоставлялась законом помещику.

Подушная подать оставалась и при освобождении крестьян. Поэтому все законы о приписке, связанные с обеспечением исправного взноса подушной подати, законодатель считал необходимым сохранить и при переходе крестьян, как помещичьих, так и государственных на выкуп.

Но, кроме заботы об обеспечении исправного поступления подушной подати, у составителей крестьянских положений 1861 года была еще и другая забота, волновавшая их, кажется, еще больше: это обеспечение исправности в поступлении выкупного платежа. Вот

¹⁾ Т. V изд. 57 г. стр. 69.

почему въ положеніяхъ 1861 года они не только не ослабили строгостей приписки и проистекающей отъ этой приписки зависимости крестьянъ отъ общества, но еще увеличили ее, внося новыя ограниченія правъ крестьянъ въ этомъ отношеніи въ положеніи о выкупѣ.

Въ этомъ отношеніи любопытны тѣ діалоги, которые происходили въ редакціонныхъ комитетахъ по составленію крестьянскихъ положеній и которые сдѣлались извѣстными благодаря запискамъ сенатора Н. Д. Семенова, бывшаго члена редакціонныхъ комитетовъ.

Изъ нихъ мы знакомимся съ мотивами введенія въ общее положеніе о крестьянахъ и въ положеніе о выкупѣ постановленій о припискѣ и строгостей условій, поставленныхъ для выхода изъ общества и для временныхъ отлучекъ. Исключительно одна боязнь за исправное поступленіе отъ крестьянскихъ обществъ слѣдуемыхъ платежей руководила членами редакціонныхъ комитетовъ и побуждала тѣ одинокіе голоса, которые становились на защиту большей свободы крестьянской личности. Такимъ поборникомъ свободы былъ, какъ извѣстно, Милютинъ. И въ дѣлѣ условій выхода изъ обществъ Милютинъ настаивалъ на предоставленіи большей свободы для перехода крестьянъ изъ одного общества въ другое. Но онъ вызвалъ возраженіе другихъ членовъ комиссіи: Булгакова и Жуковского, доказывавшихъ, что, если предоставить свободу, то у крестьянъ явится будто бы соблазнъ увольняться изъ общества и они начнутъ, по выраженію Булгакова, „бѣгать“ изъ одного общества въ другое. Обязанность же представить приемный приговоръ будетъ ихъ удерживать тѣмъ, что будетъ составлять преграду для такой легкомысленной смѣны одного общества на другое. Уходящій изъ общества долженъ будетъ найти общество, которое согласится его принять.

Изъ этихъ же діалоговъ мы узнаемъ, какія иногда своеобразныя соображенія получали перевѣсъ и склоняли вѣсы въ сторону того или другого рѣшенія.

Тотъ же Милютинъ старался въ комиссіи доказать, что требованіе согласія общества на выходъ крестьянина не должно быть примѣняемо къ женщинамъ.

Ему возразили, что этого допустить нельзя потому, что женщина также рабочая сила, что она также „обязана работами“ и что, наконецъ, это будетъ несправедливо по отношенію къ мужчинамъ.

Споръ не могъ разрѣшиться. Тогда одинъ изъ членовъ комиссіи, неугомонный и реакціонно настроенный кн. Черкасскій помирилъ спорящихъ замѣчаніемъ, что нечего заботиться о созданіи лишнихъ преградъ для выхода женщинъ изъ общества требованіемъ его согласія,

потому что есть основательная надежда на то, что „прелести мужскаго пола будутъ удерживать женщинъ сильнѣе несогласія общества“. Это замѣчаніе побѣдило и прекратило споръ.

И, повидимому, отсутствіе требованія закона согласія общества обязано этому игривому замѣчанію кн. Черкаскаго.

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ многообразныхъ причинъ, въ числѣ которыхъ такую видную роль играла финансовая политика государства, объединялось тяглое крестьянское сословіе Россіи. Но его долгое время раздваивало крѣпостное право. Крѣпостное крестьянство, объединенное въ своемъ правовомъ состояніи крѣпостнымъ правомъ, рѣзко различалось отъ многообразныхъ категорій свободныхъ сельскихъ обывателей, значительно позднѣе объединившихся въ одинъ общій разрядъ государственныхъ крестьянъ. Поэтому для того, чтобы полнѣе представить себѣ процессъ объединенія крестьянства въ одно сословіе, намъ необходимо еще уяснить себѣ процессъ постепеннаго объединенія той части крестьянства, которая теперь называется крестьянами, бывшими государственными.

Это намъ тѣмъ болѣе необходимо сдѣлать, что намъ придется встрѣтиться со всѣми составными элементами, изъ которыхъ образовались нынѣшніе государственные крестьяне при изученіи особенностей поземельныхъ отношеній крестьянъ, различныхъ для разныхъ категорій ихъ.

Кромѣ крестьянъ, бывшихъ крѣпостными, подъ названіемъ сельскихъ обывателей законъ нашъ именовалъ и свободныхъ людей, различая ихъ по отношенію ихъ къ землѣ, которою они владѣли, на три главныхъ разряда: 1) сельскихъ обывателей, водворенныхъ на земляхъ казенныхъ, 2) водворенныхъ на земляхъ удѣльныхъ и, наконецъ, 3) водворенныхъ на земляхъ собственныхъ.

На земляхъ казенныхъ считались водворенными тѣ крестьяне, которые въ XVI и XVII столѣтіяхъ вѣдались въ разныхъ отдѣльныхъ управленійхъ и по этимъ мѣстамъ прежняго ихъ вѣдомства назывались дворцовыми, монастырскими, синодскими, церковными, экономическими, чернососными, войсковыми обывателями, казаками и казачьими подсосѣдками, коронными, ранговыми и коронно-посполитными, слободскими крестьянами казеннаго вѣдомства и пр.

По службѣ, которую они прежде исполняли, они назывались воинскими поселянами, панцырными боярами, пашенными прежнихъ службъ, копейщиками, рейтерами, драгунами, казаками, затинщиками, разсыльщиками, бобровниками, стрѣлками, пахатными солдатами, лимщиками и проч.

Особые разряды „государственных поселян“, впоследствии также вошедшие въ составъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, составляли однодворцы и колонисты. Однодворцы частью владѣли казенными землями, частью своими. Сначала законъ не различалъ ихъ по владѣнію землей и въ изданіи IX тома въ 1832 году мы читаемъ (приложеніе къ 387 ст.), что хотя однодворцы могутъ имѣть и дѣйствительно нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ и собственные земли и на нихъ водворяются, но такъ какъ они имѣютъ и казенныя земли, и всѣ вообще во владѣніи ихъ защищаются правомъ казеннымъ, то и причисляются къ разряду государственныхъ поселянъ.

Впоследствии, однако, при изданіи св. зак. 1842 года кодификаторы нашего свода нашли необходимымъ отдѣлить однодворцевъ, владѣющихъ собственными землями, отъ однодворцевъ, поселенныхъ на земляхъ казенныхъ, главнымъ образомъ, кажется, по соображенію съ состояніемъ однодворцевъ западныхъ губерній, которые никакихъ казенныхъ земель не имѣли. Большинство же однодворцевъ были зачислены въ разрядъ владѣющихъ казенными землями. Это замѣчаніе будетъ имѣть для насъ значеніе, какъ проявленіе того направленія нашего законодательства, въ силу котораго впоследствии, при обращеніи государственныхъ крестьянъ на выкупъ, однодворцы благодаря зачисленію большинства въ число казенныхъ крестьянъ, поселенныхъ на казенныхъ земляхъ, лишились права на дарованную имъ въ собственность землю и были обложены сначала оброчными, а потомъ и выкупными платежами.

Наконецъ, въ настоящее время въ составъ крестьянъ, на которыхъ распространяются всѣ постановленія законовъ о крестьянахъ, вошли и тѣ сельскіе обыватели, которые не приписались въ мѣщане, владѣютъ собственными землями, т. е. всѣ однодворцы независимо отъ ихъ правъ на землю, бывшіе, такъ называемые, „свободные хлѣбопашцы“, бывшіе вольные люди, всѣ малороссійскіе казаки, резеши Бессарабской губерніи, хизаны Тифлисской и Кутаисской губ. и всѣ вообще разряды свободныхъ сельскихъ обывателей.

Такимъ образомъ, къ 60-мъ годамъ минувшаго столѣтія, т. е. ко времени крестьянской реформы сельскіе обыватели, свободные отъ крѣпостной зависимости, уже объединились въ одно сословіе или, какъ законъ по отношенію крестьянъ называетъ, въ состояніе, именно состояніе государственныхъ крестьянъ, которые въ 1860 году были объединены въ правахъ и общественномъ своемъ устройствѣ съ бывшими крѣпостными крестьянами.

Къ нимъ съ этого времени было примѣнено общее положеніе о крестьянахъ, а со времени перехода ихъ въ 1887 году на выкупъ и большая часть постановленій положенія о выкупѣ.

Съ этого времени всѣ перечисленные разряды сельскихъ обывателей, вошедшіе въ составъ государственныхъ крестьянъ, всѣ бывшіе удѣльные и крѣпостные крестьяне были уравниены въ правовомъ отношеніи и вошли въ сферу той правовой обособленности, изученіе которой составитъ предметъ настоящаго сочиненія.

Такимъ образомъ, процессъ объединенія крестьянъ въ одно состояніе, однообразно ограниченное въ личныхъ правахъ, поставленное подъ власть особеннаго крестьянскаго начальства, завершился только въ XIX столѣтіи. Правовое положеніе крестьянъ проникнуто съ этого времени сословнымъ началомъ. Имъ и только имъ однимъ опредѣляется субъектъ *дѣйствующаго* крестьянскаго права.

На смѣну ему, по мѣрѣ уничтоженія крестьянской правовой обособленности, явится другое начало—начало классовое, которое объединяетъ крестьянъ, какъ экономическій классъ населенія, занятый земледѣліемъ на владѣемыхъ имъ мелкихъ земельныхъ участкахъ. Это начало разрушить крестьянскую обособленность въ личныхъ правахъ, объединить крестьянъ въ отношеніи управленія и суда съ остальнымъ населеніемъ Имперіи и выразится въ юридической области только въ одномъ направленіи, въ развитіи особенностей гражданскихъ, имущественныхъ правоотношеній, связанныхъ съ особенностями поземельныхъ отношеній, свойственныхъ мелкой поземельной формѣ владѣнія, съ одной стороны, и съ потребностями трудового земледѣльческаго хозяйства, съ другой.

Крестьянское право будущаго будетъ заниматься только этими особенностями правовыхъ отношеній крѣпостныхъ и будетъ стремиться согласовать ихъ съ социальными задачами государства въ аграрной области.

Тогда, конечно, измѣнится и субъектъ крестьянскаго права. Онъ будетъ опредѣляться не сословнымъ началомъ, а началомъ классовымъ.

Но въ настоящее время мы должны познакомиться ближе съ субъектомъ *дѣйствующаго* крестьянскаго права. Прослѣдивъ въ самыхъ общихъ чертахъ историческое его образованіе, мы въ слѣдующей главѣ остановимся на догматическомъ изложеніи постановленій дѣйствующаго права, опредѣляющихъ личныя права крестьянина, какъ члена крестьянскаго сословія.

Г Л А В А II.

Приписка крестьян по действующему праву.—Выходъ изъ общества.—Паспортныя ограниченія крестьянъ.—Указъ 5 октября 1906 года.—Правовое положеніе крестьянъ, не живущихъ въ сельскихъ обществахъ.

Всѣ крестьяне на основаніи действующаго закона (671—675 ст. IX т. св. зак. изд. 1899 г.) должны быть приписаны къ сельскому или волостному обществу.

До 1893 года законъ нашъ зналъ приписку только къ сельскимъ обществамъ. Онъ позволялъ ее только лицамъ бывшихъ податныхъ состояній, т. е. крестьянамъ же и мѣщанамъ.

Прежній взглядъ нашего законодательства, въ силу котораго представленіе о крестьянинѣ связывалось съ представленіемъ о земледѣльцѣ, до сихъ поръ находитъ себѣ выраженіе въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ действующаго права. Недавно еще взглядъ этотъ выражался очень рельефно. Въ законахъ о состояніяхъ 1857 года имѣлось требованіе, въ силу котораго мѣщане могутъ только тогда приписываться въ крестьяне, когда будетъ удостовѣрено, что они занимаются земледѣліемъ. Если же они или отцы ихъ никогда земледѣліемъ не занимались, то они не имѣютъ права перехода въ крестьяне ¹⁾.

Изъ сопоставленія различныхъ статей закона слѣдуетъ придти къ заключенію, что можно было приписываться къ обществу съ правомъ на надѣлъ и безъ такого права. Но изъ того же сопоставленія законовъ явствуетъ, что приписка *предполагала* право на общественный надѣлъ, если отсутствіе такого права не оговаривалось спеціально въ приговорѣ о приискѣ или не было оговорено, въ отношеніи различныхъ категорій приписываемыхъ лицъ, въ самомъ законѣ. Такъ, напр., самъ законъ, разрѣшая ссыльнымъ приписываться къ обществамъ безъ согласія послѣднихъ, оговариваетъ, что такіе ссыльные, пока не получатъ согласія *обществъ*, права на надѣлъ не имѣютъ ²⁾.

Тоже въ отношеніи крестьянъ, имѣющихъ или приобрѣтающихъ внѣнадѣльную землю въ разстояніи не далѣе пятнадцати верстъ отъ

даннаго селенія. Если такіе крестьяне имѣютъ участокъ земли не менѣе опредѣленнаго по мѣстному положенію крестьянскаго надѣла, они могутъ приписаться къ обществу, отстоящаго не далѣе 15 верстъ, селенія, безъ согласія послѣдняго, но и безъ права на общественную землю ¹⁾.

Указанное начало, въ силу котораго приписанный къ обществу крестьянинъ получаетъ черезъ приписку право на надѣлъ, если противное не оговорено въ приговорѣ или въ законѣ, хотя прямо и не высказано въ законѣ, вытекаетъ, какъ выше сказано, изъ сопоставленія статей закона и установлено практикой Сената ²⁾.

Въ 1893 г. изданы правила о приискѣ къ волостямъ, помимо обществъ. Правила эти, сначала примѣненные только къ спеціальнымъ случаямъ принудительной приписки лицъ, обязанныхъ, какъ выражается законъ, „избрать себѣ родъ жизни“, получили въ настоящее время широкое примѣненіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда приписка происходитъ безъ полученія права на надѣлъ. И, вѣроятно, въ ближайшее время, всѣ крестьяне, приписывающіеся безъ такого права, будутъ приписываться только по волостямъ.

Приписка къ новымъ обществамъ для крестьянъ до указа 5 октября 1906 года была сопряжена съ выходомъ изъ прежняго общества, а это, въ свою очередь, связано съ очень сложной процедурой.

Выходящій долженъ отказаться навсегда отъ надѣла, онъ долженъ уплатить всѣ недоимки казенныхъ, земскихъ и мірскихъ сборовъ и уплатить окладные сборы по 1 января слѣдующаго года и притомъ сборы, лежащіе не только на немъ, а на всемъ семействѣ, къ которому онъ принадлежитъ, онъ долженъ испросить согласіе на увольненіе у родителей, сходъ долженъ удостовѣрить при опросѣ его волостнымъ старшиной, что остающіеся въ обществѣ, въ семействѣ увольняемаго крестьянина, малолѣтнія и другія лица, неспособныя къ работѣ, были обезпечены въ своемъ содержаніи и, наконецъ, онъ долженъ представить приѣмный приговоръ того общества, въ которое онъ переходитъ. По исполненіи всѣхъ изложенныхъ требованій и послѣ опроса схода объ отсутствіи препятствій къ увольненію, волостной старшина выдаетъ ему увольнительное свидѣтельство.

Если принять во вниманіе всю тяжесть этихъ требованій, которыя исполнимы въ очень рѣдкихъ случаяхъ, и за неисполненіе

¹⁾ Ст. 619 т. IX св. зак. изд. 1857 года.

²⁾ 516 и сл. ст. т. XIV св. зак. уст. о ссыльныхъ.

¹⁾ 221 и 222 ст. общ. пол. о кр. изд. 1902 г.

²⁾ Указъ 2 дек. Пр. Сен. 30 мая 1885 года № 2667.

которыхъ крестьянское начальство можетъ всегда по своему усмотрѣнію воспрепятствовать увольненію, то какой проницей звучать слова статьи закона, по которой за незаконное препятствіе къ увольненію крестьянинъ имѣетъ право приносить жалобы крестьянскому начальству.

Положеніе о выкупѣ, однако, не удовлетворялось этими требованіями общаго положенія о крестьянахъ и для крестьянъ, не выкупившихъ свои надѣлы, постановило еще рядъ препятствій къ увольненію.

Когда земля приобрѣтена цѣлыми сельскими обществами, то отдѣльные члены общества могутъ увольняться изъ него только по уплатѣ половины капитальнаго долга по выкупной ссудѣ, причитающагося на участокъ, состоящій въ пользованіи увольняемаго, и при условіи согласія общества принять на себя ручательство за остальную половину уплаты. При этомъ полевой надѣлъ и усадебная земля поступаютъ въ распоряженіе общества.

Но и эти тягостныя условія показались еще недостаточными и положеніе о выкупѣ прибавляетъ, что если въ данномъ обществѣ на такихъ условіяхъ уволится треть общества, то дальнѣйшее увольненіе изъ общества безъ уплаты всей выкупной ссуды можетъ послѣдовать только съ разрѣшенія губернскаго присутствія.

Такимъ образомъ, для увольненія крестьянинъ долженъ уплатить всѣ сборы и недоимки, лежащія на всей его семьѣ, обезпечить малолѣтнихъ членовъ семьи, добиться согласія общества даромъ принять его надѣлъ, да еще уплатить за надѣлъ половину выкупного долга, а въ извѣстныхъ случаяхъ весь долгъ.

Развѣ мы не имѣемъ, послѣ этого, права сказать, что и послѣ освобожденія крестьянъ, крестьянинъ остался прикрѣпленнымъ къ землѣ. Онъ прикрѣпленъ даже къ землѣ, которую онъ согласенъ бросить, такъ какъ она его не кормитъ, она ему въ тягость. Онъ долженъ, чтобы освободиться отъ нея, еще уплатить выкупъ, очевидно опредѣленный гораздо выше ея доходности, если и общество не хочетъ принять ее даромъ.

Одно существованіе такихъ постановленій закона доказываетъ, что законодатель при составленіи крестьянскихъ положеній 1861 года зналъ, что онъ наложилъ на нѣкоторые, по крайней мѣрѣ, земли такой выкупной платежъ, который вмѣстѣ съ подушной податью и повинностями значительно превышаетъ доходность надѣла.

Но, положимъ, крестьянинъ выполнилъ всѣ требованія, уплатилъ половину выкупа, отдавъ землю даромъ обществу, обезпечилъ мало-

лѣтнихъ, не только своихъ дѣтей, но и той семьи, къ которой онъ принадлежитъ, т. е. иногда, значить, малолѣтнихъ братьевъ или племянниковъ. Все-таки онъ еще не выполнилъ всѣхъ условій. Надо еще, чтобы все крестьянское общество, въ которомъ онъ состоитъ, не имѣло за собой недоимокъ въ казенныхъ сборахъ и выкупныхъ платежахъ. Иначе онъ можетъ увольняться только съ согласія и разрѣшенія губернскаго присутствія.

Тѣ крестьяне, которые владѣютъ участками надѣльной земли на подворномъ правѣ, правда, нѣсколько болѣе свободны въ выходѣ изъ общества. Тѣ ограниченія, которыя имѣются въ общемъ положеніи, относятся и къ нимъ. Но положеніе о выкупѣ относительно такихъ крестьянъ дѣлаетъ только одно ограниченіе: они до погашенія выкупной ссуды должны предварительно продать участокъ надѣльной земли другому члену своего сельскаго общества, который приметъ на себя обязанность уплаты выкупныхъ платежей.

Крестьянинъ нуждается въ увольненіи изъ общества тогда, когда ему нуженъ переходъ въ другое сословіе, когда онъ хочетъ получить права состоянія, по закону считаемаго высшимъ и по силѣ закона несовмѣстимыя съ пребываніемъ въ крестьянствѣ. До 5 октября 1906 года такое требованіе закона было обязательно исполнить при поступленіи въ общія учебныя заведенія, при поступленіи на государственную службу.

Конечно, въ этихъ случаяхъ онъ готовъ часто поступиться всѣми правами на землѣ, уплатить даже недоимки и проч., однимъ словомъ исполнить всѣ изложенныя выше требованія закона. На практикѣ, однако, часто оказывалось, что этого недостаточно. Часто оказывается, что общества вмѣшивались въ дѣло увольненія и отказывали въ немъ.

Въ случаѣ невыкупленнаго надѣла, приобрѣтеннаго всѣмъ обществомъ, такое право еще можно вывести изъ изложенныхъ постановленій закона, требующаго, чтобы общество согласилось принять на себя уплату половины выкупного долга. Кромѣ того, въ этихъ случаяхъ законъ повелѣваетъ увольняющемуся сдать свой надѣлъ обществу, и изъ этого можно заключить, что общество должно согласиться принять этотъ надѣлъ. Какъ ни странно такое предположеніе, но оно подтверждается фактами и доказываетъ, что предположеніе составителей крестьянскихъ положеній, обставившихъ выходъ изъ общества столь тяжелыми условіями въ опасеніи, что крестьяне могутъ предпочесть бросить надѣлъ праву пользоваться имъ и платить за него выкупъ, вполнѣ подтвердился въ дѣйствительности, еще разъ доказывая этимъ, насколько высоко, выше значительно своей доходности, обложена была земля во многихъ мѣстностяхъ.

По крайней мѣрѣ, въ 1873 году министерство внутреннихъ дѣлъ, вслѣдствіе жалобъ увольняющихся на препятствія, чинимыя ихъ увольненію изъ обществъ и заключающіяся въ нежеланіи общества принять надѣлъ, разсматривало этотъ вопросъ и разъясняло, что въ такихъ случаяхъ общество должно, не препятствуя выходу, отдѣлить его участокъ къ одному мѣсту и продать съ публичнаго торга. Конечно, такое разъясненіе, мало извѣстное, никакого ни юридическаго, ни практическаго значенія не имѣло.

Но оно интересно, какъ доказательство того, что нерѣдко на практикѣ возникалъ вопросъ, на первый взглядъ невозможный, вопросъ о томъ, можетъ ли общество не согласиться на выходъ изъ общества тогда, когда положеніе о выходѣ не препятствуетъ этому выходу. Такимъ образомъ, въ законѣ нѣтъ прямого требованія согласія общества на выходъ изъ него при соблюденіи перечисленныхъ условій.

Но въ общемъ положеніи о крестьянахъ, въ другомъ отдѣлѣ, есть статья, изъ которой нѣкоторые усматриваютъ, что такое требованіе содержится въ законѣ.

62 статья общаго положенія, перечисляя компетенцію сельскаго схода, говоритъ, что вѣдѣнію сельскаго схода подлежатъ дѣла объ увольненіи членовъ общества. Это, очевидно, ошибка кодификаціи. Дѣло въ томъ, что при составленіи общаго положенія такое требованіе согласія общества содержалось во многихъ мѣстныхъ положеніяхъ о крестьянахъ для первыхъ девяти лѣтъ, со времени изданія положенія о крестьянахъ. Это требованіе по истеченіи девяти лѣтъ, т. е. въ 1870 году прекратило свое дѣйствіе. Но въ общемъ положеніи статья осталась и, основываясь на ней, общества очень часто отказываютъ въ согласіи на увольненіе. И лица, близко стоящія къ крестьянскому дѣлу, удостовѣряютъ, что стремящіеся къ выходу изъ общества часто бываютъ принуждены не только употреблять всевозможныя ухищренія и угощенія, но и прямо вносить обществу выкупъ, иногда достигающій нѣсколькихъ сотенъ рублей.

Кромѣ желанія выйти изъ сословія крестьянъ, выходъ изъ общества часто нуженъ крестьянамъ для перехода въ другое общество. Мы видѣли, что тогда необходимо раньше выхода представить приѣмное свидѣтельство того общества, въ которое данное лицо желаетъ перейти.

Приѣмъ членовъ въ общество происходитъ не иначе, какъ съ согласія сельскаго или волостного общества. Къ сельскому обществу можно приписаться безъ его согласія только въ одномъ случаѣ, когда у крестьянина имѣется купленный имъ въ собственность внѣ надѣла

участокъ земли, размѣромъ не меньше указаннаго въ законѣ и различнаго для разныхъ мѣстностей (въ губерніяхъ великороссійскихъ величиной не менѣе двухъ душевыхъ надѣловъ высшаго размѣра) и когда этотъ участокъ находится въ разстояніи не далѣе пятнадцати верстъ отъ селенія. Постановленія о приѣмѣ въ члены общества суживаютъ кругъ лицъ, имѣющихъ право на переходъ въ крестьянское сословіе черезъ приписку къ обществамъ крестьянъ, только лицами, принадлежащими къ бывшимъ податнымъ сословіямъ. Доступъ въ крестьянскія общества лицъ высшихъ сословій безусловно воспрещенъ. Законъ до указа 5-го октября ограничивалъ кругъ этихъ лицъ крестьянами другихъ обществъ, мѣщанами и ремесленниками.

Съ правилами о припискѣ связаны тѣ паспортныя ограниченія, которыя такъ долго опутывали крестьянъ, затрудняя имъ заработки на сторонѣ.

Много писалось объ этихъ крестьянскихъ паспортныхъ мытарствахъ, объ этихъ посылкахъ денегъ въ волость, ожиданіяхъ всякихъ „отсрочекъ“, даваемыхъ полиціей того мѣста, въ которомъ проживаетъ отлучившійся, о хожденіяхъ ихъ въ полицейскіе участки, о высылкахъ безпаспортныхъ и проч.

До изданія положенія о видахъ на жительство 3 іюня 1894 года, выдача паспорта обуславливалась истребованіемъ волостнымъ старшиной удостовѣренія отъ сельскаго старосты о томъ, что къ увольненію крестьянина въ отлучку не имѣется препятствій. Въ чемъ эти препятствія могутъ заключаться, въ законѣ прямо не было указано, но, конечно, они состояли по мысли закона въ неисправности въ платежѣ податей, выкупнаго платежа и другихъ повинностей. 129 ст. пол. о выкупѣ (изд. 76 г.) даже предоставляла мировому посреднику право запрещать выдачу паспортовъ крестьянамъ тѣхъ обществъ, за которыми накопилась значительная недоимка въ выкупныхъ платежахъ. При неясности закона, регулирующаго право полученія паспорта, это право до 1894 года стояло почти въ исключительной зависимости отъ дѣйствительнаго, хотя и закулиснаго, вершителя всѣхъ крестьянскихъ дѣлъ—волостного писаря. Въ еще большей зависимости отъ него стояло дѣло возобновленія паспорта, потому что въ законѣ не было прямо оговорено, что и въ этихъ случаяхъ должна быть соблюдаема процедура истребованія удостовѣреній отъ старостъ.

Положеніе о видахъ на жительство 3 іюня 1894 года сочло нужнымъ регламентировать условія, исполненіе которыхъ необходимо для выдачи паспорта крестьянину, и къ сожалѣнію регламентировало ихъ

такъ, что свобода крестьянъ скорѣе была сужена въ сравненіи съ прежнимъ, чѣмъ расширена.

Такой способъ разрѣшенія наболѣвшаго у крестьянскаго населенія вопроса о паспортахъ былъ тѣмъ болѣе удивителенъ, что толчекъ, данный для измѣненія паспортныхъ правилъ былъ какъ разъ направленъ въ противоположную сторону, въ сторону облегченія этихъ правилъ.

Толчекъ былъ данъ Высочайше утвержденными въ 1883 и 1886 г.г. мнѣніями государственнаго совѣта, въ которыхъ, въ виду отмѣны подушной подати, предлагалось министру внутреннихъ дѣлъ войти въ соображеніе о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя могутъ быть сдѣланы въ правилахъ о паспортахъ и о перечисленіи лицъ изъ одного общества въ другое для достиженія большей свободы передвиженія лицами, съ которыхъ сложена подушная подать. вмѣстѣ съ тѣмъ, предполагалось министру финансовъ приступить къ подготовительнымъ дѣйствіямъ и составленію предположеній о тѣхъ измѣненіяхъ въ законѣ, которыя должны быть сдѣланы въ отношеніи счета населенія по ревизскимъ душамъ и порядка отвѣтственности по уплатѣ въ казну окладныхъ сборовъ.

Конечно, какъ водится, для исполненія высказанныхъ предположеній была образована соответствующая комиссія. Сужденія этой комиссіи чрезвычайно любопытны для выясненія вопроса о связи паспортныхъ ограниченій крестьянъ съ фискальными цѣлями.

Въ комиссіи также, какъ потомъ въ государственномъ совѣтѣ, возобладало мнѣніе о необходимости сохраненія паспортныхъ ограниченій. При этомъ были высказаны слѣдующія соображенія. Высказано, что отвѣтственность сельскихъ обществъ круговой порукой въ исправной уплатѣ податей сохранилась и послѣ отмѣны подушной подати, по отношенію къ выкупнымъ платежамъ, земскимъ и другимъ сборамъ. Въ виду существованія такой круговой отвѣтственности или круговой поруки обществъ за исправное отбываніе податей всѣми членами общества, опасно и будто бы несправедливо лишать общества возможности воздѣйствія на неисправныхъ плательщиковъ путемъ воспрещенія имъ отлучекъ. При этомъ интересно откровенное признаніе того, что доходность надѣловъ крестьянъ часто гораздо меньше упадающихъ на эти надѣлы сборовъ. То обстоятельство, говорилось въ комиссіи ея большинствомъ, что слѣдующіе съ крестьянъ окладные сборы причитаются не съ личности плательщика, а съ земли, не позволяетъ еще предполагать, чтобы сборы эти въ случаѣ неисправности плательщика могли быть обращены на доходы съ оставленныхъ ими въ обществѣ

земельныхъ участковъ. Такое предположеніе было бы вѣрно, если бы доходность крестьянскихъ надѣловъ всегда соответствовала суммѣ платежей, которыми обложены эти надѣлы. *Соответствіе это, однако, не можетъ быть признано доказаннымъ.* Поэтому есть полное основаніе опасаться, что безконтрольное право ухода крестьянъ съ мѣста осѣлости можетъ нерѣдко отзываться тяжкимъ бременемъ на оставшихся членахъ общества, обязанныхъ отбывать повинности за всѣхъ отлучившихся.

Эти соображенія, откровенность которыхъ поразительна, и легли въ основу той части положенія о видахъ на жительство 1894 года, которая относится къ крестьянамъ. Казалось бы, что если правительство сознаетъ, что подати и повинности крестьянъ, лежащія на землѣ, повышаютъ доходность ея—единственный исходъ послѣ отмѣны подушной подати уменьшить платежи, а не создавать новый замаскированный личный налогъ, въ сущности тотъ же подушный налогъ путемъ давленія на плательщика, ограниченія его права передвиженія и вынужденія такимъ путемъ уплаты податей, превышающихъ доходность земли, которую онъ готовъ даже бросить.

Правилами положенія о видахъ на жительство 1894 года введенъ принципъ зависимости крестьянъ въ дѣлѣ отлучекъ отъ воли общества, къ которому онъ приписанъ. Хотя ст. 60 положенія и предоставляетъ крестьянамъ право получать краткосрочные виды на жительство *не свыше года* безъ согласія общества и независимо отъ членящихся на нихъ недоимокъ, но возобновленіе такихъ видовъ на новые сроки, а также полученіе крестьянами пятилѣтнихъ паспортныхъ книжекъ, поставлены въ непосредственную зависимость отъ согласія сельскихъ обществъ.

При этомъ безусловная податная исправность оказывается до такой степени важнымъ обстоятельствомъ, что несвоевременная уплата повинностей лицомъ, отлучившимся по паспортной книжкѣ, является законнымъ основаніемъ для отобранія отъ него книжки даже не по требованію общества, а прямо по распоряженію полиціи, по мѣсту жительства отлучившагося крестьянина (56 ст. полож.). А отобраніе паспортной книжки влечетъ, для подвергшагося этой мѣрѣ, высылку его въ мѣсто приписки, въ семидневный срокъ ¹⁾.

При этомъ особенно тяжело оказывается положеніе лицъ, уже проживающихъ въ отлучкѣ по паспортнымъ книжкамъ. При возобновленіи паспорта, лица, его возобновляющія, могутъ входить въ извѣст-

¹⁾ Ст. 27, 28, 57 пол. о видахъ на жительство.

ныя соглашенія съ обществомъ для полученія паспорта, независимо отъ ихъ податной недоимочности, но лица, уже проживающія по паспорту, высылаются полиціей немедленно по обнаруженіи ихъ податной недоимочности. При обнаруженіи недоимочности неисправные плательщики должны подвергнуться, независимо отъ размѣровъ недоимочности, отобранію паспорта и высылкѣ.

Нечего, я думаю, и комментировать всю суровость подобныхъ правилъ, весь ужасъ положенія „свободныхъ“ людей, которые изъ-за просрочки въ платежѣ податей, иногда несправедливо на нихъ наложенныхъ обществомъ, изъ-за просрочки иногда совершенно случайной, происходящей отъ случайной причины, напр., болѣзни, отсутствія заработка, должны оставить мѣсто жительства, ими избраннаго, или добровольно уѣзжать на родину, откуда они ушли, вслѣдствіе невозможности достать тамъ заработокъ или подвергаться всѣмъ непріятностямъ этапнаго путешествія.

Кромѣ недоимочности, положеніе о видахъ на жительство содержитъ еще случаи, когда паспортная книжка должна быть отобрана отъ крестьянина и послѣдній подвергнутъ принудительному путешествію на родину. Въ числѣ этихъ случаевъ перечислены въ законѣ: 1) требованіе хозяина двора, къ которому принадлежитъ отлучившійся, о возвращеніи отлучившагося, и 2) въ случаѣ избранія отлучившагося на одну изъ общественныхъ должностей.

Эти послѣднія постановленія о видахъ на жительство создаютъ уже настоящую кабалу для крестьянина. Если въ вопросѣ о недоимочности онъ, хотя и безъ дѣйствительной гарантіи на то, что общество на него наложитъ правильно окладъ причисляющихся сборовъ, все-таки можетъ, уплативъ недоимку и оклады, застраховать себя отъ опасности потерять заработокъ въ городѣ и все то положеніе, котораго онъ добился, можетъ быть, упорнымъ трудомъ и лишеніями, то отъ послѣднихъ двухъ случаевъ онъ себя никогда застраховать не можетъ. Домохозяинъ ему можетъ всегда грозить требованіемъ его возврата и постоянно вымогать у него весь излишекъ его заработка, отнимать у него всякую охоту улучшать свое имущественное положеніе, такъ какъ это улучшеніе можетъ только увеличить требовательность домохозяина. То же можно сказать о требованіяхъ общества для исполненія разныхъ общественныхъ обязанностей. Необезпеченность правъ въ этомъ отношеніи полная, и къ какимъ тяжелымъ для увольняющихся послѣдствіямъ она влечетъ, можно видѣть изъ тѣхъ жалобъ, которыми завалены крестьянскія учрежденія.

Дѣло въ томъ, что законъ совсѣмъ не гарантируетъ отбываніе общественной службы по крестьянскому самоуправленію и мало ограждаетъ права членовъ общества.

Общественныя должности, замѣщаемыя по выбору, какъ-то: волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ, волостныхъ судей, сборщиковъ податей, обязательны для выборныхъ. Выбранный въ первый разъ на одну изъ этихъ должностей отказаться не можетъ. Единственной защитой противъ произвольныхъ назначеній на выборныя должности отсутствующаго, иногда дѣлаемыхъ только для того, чтобы сорвать съ отсутствующаго извѣстную сумму денегъ, служатъ два постановленія закона: первое, которое разрѣшаетъ выборному отказаться, если онъ разъ уже отслужилъ въ выборной должности положенный срокъ, и второе, которое запрещаетъ обществу выбирать лицъ, отлучившихся по паспортнымъ книжкамъ въ теченіе перваго года отлучки.

Но эти ограниченія не касаются другихъ должностей, именно должностей полицейскаго характера, также выборныхъ, но порядокъ замѣщенія которыхъ опредѣляется не общимъ положеніемъ о крестьянахъ, а законами о состояніяхъ, т. е. IX т. св. зак. И выборами на эти должности общества больше всего донимаютъ отсутствующихъ.

Должности перваго рода, болѣе или менѣ почетныя, не составляютъ такой тяготы для крестьянства, какъ должности послѣднія, не дающія никакого нравственнаго удовлетворенія для выборныхъ, но наоборотъ, часто сопряженныя съ униженіями и всегда съ большой затратой, и притомъ безвозмездной, времени и труда. Сотскіе и десятскіе—это низшія полицейскія должности. Лица, ихъ занимающія находятся въ полномъ распоряженіи полиціи—становыхъ и урядниковъ, часто должны исполнять роль посыльныхъ и даже прислуги. И выборы на эти-то должности никакими гарантіями не обставлены. Отъ нихъ нельзя отказываться и законъ даже не содержитъ указанія, что одно и то же лицо не можетъ быть выбрано безъ согласія его нѣсколько разъ.

Отсутствующій по паспорту крестьянинъ всегда, слѣдовательно, находится подъ опасностью быть выбраннымъ на эти должности и долженъ или откупаться отъ нихъ, или рисковать, что у него будетъ отнятъ паспортъ и онъ этапомъ для исполненія этихъ должностей будетъ препровожденъ на родину.

Я думаю, что очерченный порядокъ приписки и связанныхъ съ нею постановленій объ выходѣ изъ общества и увольненія во временную отлучку достаточно свидѣтельствуютъ о томъ зависимомъ положеніи, въ которомъ находятся крестьяне, и о тѣхъ невыносимыхъ стѣсненіяхъ личной свободы, которыя они испытываютъ.

И если мы припомнимъ, что всѣ изложенныя стѣсненія закона, всѣ постановленія о припискѣ и паспортахъ вытекаютъ изъ началъ, уже сданныхъ въ область исторіи, связаны съ подушной податю, выкупными платежами и круговой порукой обществъ въ исправности этихъ платежей, т. е. съ установленіями, уже отмѣненными, то нельзя не удивляться тому, что многія изъ этихъ стѣсненій существуютъ до сихъ поръ.

Впрочемъ, надо помнить, что окончательная отмѣна и подушной подати, и выкупныхъ платежей, и круговой поруки, все это совершилось очень недавно.

Отмѣна подушной подати съ крестьянъ началась постепенно, съ 80-хъ годовъ минувшаго столѣтія и продолжалась вплоть до нашихъ дней. Въ 1881—83 годахъ она была отмѣнена для безземельныхъ крестьянъ и для крестьянъ, получившихъ, такъ называемые, нищенскіе надѣлы, въ 1885—87 годахъ она постепенно была отмѣнена для всѣхъ крестьянъ, кромѣ Сибири, въ 1898 году для крестьянъ большей части Сибири и только съ 1 января 1907 года для всѣхъ остальныхъ мѣстностей Сибири.

Такимъ образомъ, только съ 1 января 1907 года по временному указу 5 октября 1906 года подушная подать отошла окончательно въ область исторіи.

Выкупные платежи отмѣнены также только въ наши дни указомъ 3 ноября 1905 года.

Наконецъ, круговая порука отмѣнена была постепенно, начиная съ отмѣны ея въ 1892 году для крестьянъ съ подворнымъ землевладѣніемъ, отмѣнены для большей части крестьянства въ Россіи по закону 12 марта 1903 года и кончая полной ея отмѣной только въ самое послѣднее время по тому же временному указу 5 октября 1906 года съ 1 января 1907 года.

Очевидно, что съ этого времени перестали имѣть какое-либо значеніе для казны и всѣ постановленія о припискѣ и паспортахъ, всѣ постановленія, прикрѣпляющія крестьянъ къ своимъ обществамъ и препятствующія крестьянамъ какъ выходъ изъ общества, такъ и выходъ въ другія сословія.

И дѣйствительно, эти постановленія значительно смягчены временнымъ указомъ 5 октября 1906 года, о которомъ я неоднократно упоминалъ и который является единственнымъ закономъ междудумья, единственнымъ закономъ, изданнымъ въ порядкѣ 87-й статьи осн. зак., который вноситъ серьезное улучшеніе въ жизнь народа.

Этимъ указомъ еще сохранены постановленія о припискѣ, но смягчена большая часть стѣсненій, съ этой припиской связанныхъ и нами изложенныхъ. А именно, разрѣшено вступать въ новыя общества безъ обязательнаго увольненія изъ стараго общества, къ которому данный крестьянинъ приписанъ, съ сохраненіемъ правъ, связанныхъ съ принадлежностью къ этимъ обществамъ и съ условіемъ несенія соотвѣтствующихъ обязанностей. Другими словами можно вступить въ новыя общества, не отказываясь отъ надѣльной земли и правъ и обязанностей, съ владѣніемъ его связанныхъ въ старомъ обществѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, при условіи отказа отъ участія въ пользованіи мірской землей или по отчужденію участковъ этой земли, принадлежащихъ выходящему изъ общества, выходящій можетъ получить увольненіе безъ соблюденія тѣхъ требованій, о которыхъ я упоминалъ при обзорѣ постановленій свода законовъ о выходѣ изъ общества.

Вмѣстѣ съ этимъ отмѣнены постановленія закона объ обязанности представленія крестьянами, поступающими въ учебныя заведенія или въ гражданскую службу, увольнительныхъ общественныхъ приговоровъ, и крестьяне, поступающіе въ учебныя заведенія или на государственную службу, освобождаются отъ натуральныхъ повинностей и отъ обязанности нести общественную службу на все время прохожденія курса учебныхъ заведеній и на все время состоянія на государственной службѣ.

Отмѣнены также постановленія закона, требующія представленія увольнительныхъ свидѣтельствъ, согласія казенной палаты и разрѣшенія губернатора для крестьянъ, поступающихъ въ бѣлое духовенство, или желающихъ постричься въ монашество.

Равнымъ образомъ отмѣнены постановленія закона, требующія исключенія крестьянъ изъ сельскихъ обществъ при вступленіи ихъ въ гражданскую службу, при производствѣ ихъ въ чинъ, при полученіи орденовъ и знаковъ отличія, при окончаніи курса учебныхъ заведеній, при полученіи ученыхъ степеней и званій, а также вообще при приобрѣтеніи крестьянами высшихъ правъ состоянія. Указъ разрѣшаетъ всѣмъ перечисленнымъ лицамъ оставаться въ составѣ своихъ обществъ, пользуясь, впредь до добровольнаго выхода изъ нихъ или перечисленія въ иное сословное общество, всѣми, связанными съ принадлежностью къ своимъ обществамъ, правами. Но онъ требуетъ и несенія ими соотвѣтственныхъ обязанностей, причемъ въ отношеніи подсудности, наказаній и послѣдствій, опредѣляемыхъ для преступныхъ дѣяній, означенныя лица подчиняются узаконеніямъ, дѣйствующимъ по отно-

шенію къ тѣмъ высшимъ сословіямъ или званіямъ, права которыхъ эти лица приобрѣли.

Одновременно тѣмъ же указомъ 5 октября крестьяне сравнены въ порядкѣ полученія паспортовъ съ остальнымъ населеніемъ. Всѣ изложенныя мною постановленія закона о согласіи общества и домохозяевъ объ отобраніи паспортовъ при неуплатѣ податей или при наличности недоимокъ отмѣнены.

Указомъ въ этомъ отношеніи предоставлена свобода избранія мѣста постоянного жительства на одинаковыхъ основаніяхъ съ лицами другихъ состояній. Поэтому, для примѣненія къ нимъ паспортныхъ правилъ, постояннымъ мѣстомъ ихъ жительства признается не мѣсто приписки, а мѣсто, гдѣ они по службѣ, или занятіямъ, или промысламъ, или недвижимому имуществу имѣютъ осѣдность или домашнее обзаведеніе. Всѣмъ крестьянамъ за исключеніемъ лицъ, указанныхъ въ 47 ст. уст. о паспортахъ, разрѣшено выдавать въ качествѣ видовъ на жительство безсрочныя паспортныя книжки, вмѣсто прежнихъ паспортныхъ книжекъ, срокомъ только на 5 лѣтъ. При этомъ такія безсрочныя паспортныя книжки крестьяне могутъ получать не только въ мѣстѣ приписки отъ волостныхъ старшинъ своей волости, но и въ мѣстѣ ихъ постоянного жительства отъ полицейскихъ управленій, а въ столицахъ отъ участковыхъ приставовъ.

Не имѣютъ права получать безсрочныя паспортныя книжки по изложеннымъ правиламъ лица, какъ я сказалъ, перечисленныя въ 47 ст. уст. о пасп., т. е. лица, подвергшіяся по суду лишенію всѣхъ или нѣкоторыхъ особенныхъ правъ, состоящія *въ силу судебного приговора* подъ особымъ надзоромъ полиціи, лица, не могущія снискать себѣ пропитаніе трудомъ, калѣки, не имѣющіе средства къ жизни и цыгане, не имѣющіе осѣдности.

Разсматривая содержаніе указа 5 октября 1906 года, нельзя не усмотрѣть, что при всѣхъ облегченіяхъ для крестьянъ, которыя въ немъ содержатся, при всемъ серьезномъ преобразованіи въ направленіи уравниванія правъ крестьянъ, которымъ онъ выгодно отличается отъ другихъ законодательныхъ актовъ послѣдняго времени, онъ не уничтожилъ окончательно внѣшнюю обособленность крестьянъ, какъ сословія.

И не исполнилъ онъ этого настоятельнаго требованія времени по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, въ силу свойствъ самаго закона 5 октября 1906 года, который является „временной“ мѣрой, а не постояннымъ закономъ и поэтому на него нельзя смотрѣть, какъ на нѣчто неизменно установленное. Указъ 5 октября, изданный, какъ я сказалъ, въ „междудумье“, на осн. 87 ст. подлежитъ внесенію въ Го-

сударственную Думу и только послѣ прохожденія черезъ нее, конечно, послѣ тщательной переработки получить авторитетъ постоянного закона.

Во-вторыхъ, потому что изданный наскоро, наспѣхъ, онъ не согласованъ со всѣмъ остальнымъ дѣйствующимъ правомъ и поэтому на практикѣ не можетъ получить того послѣдовательнаго примѣненія, которое необходимо для полного уничтоженія указанной внѣшней обособленности крестьянъ, ограничивающей ихъ личную свободу неизмѣримо больше тѣхъ ограниченій личной свободы, которыя существуютъ въ нашемъ законѣ для прочихъ гражданъ.

Для характеристики недостаточности указа 5 октября въ дѣлѣ уравниванія правъ крестьянъ, въ дѣлѣ свободы избранія образа жизни и передвиженія, укажу на два бросающихся въ глаза пробѣла въ немъ. Прежде всего, уничтожая многія вредныя стороны приписки, онъ все-таки сохраняетъ самое требованіе закона, чтобы каждый крестьянинъ былъ бы непременно приписанъ къ какому-либо сельскому или волостному обществу, слѣдовательно, сохраняетъ внѣшнее бытіе крестьянства какъ особаго сословія, отличнаго по своему состоянію отъ прочихъ гражданъ.

И въ дѣлѣ свободы передвиженія, сохранивъ право не давать паспортовъ лицамъ, не могущимъ снискивать себѣ пропитаніе собственнымъ трудомъ, онъ сохранилъ серьезную лазейку для ограниченія личной свободы передвиженія крестьянъ и выбора мѣста жительства. Каждый крестьянинъ, пріѣхавшій въ городъ на заработки, для пріисканія себѣ такового можетъ быть причисленъ полиціей къ разряду лицъ, не могущихъ снискать себѣ пропитаніе и на этомъ основаніи—можетъ быть лишенъ возможности получить паспортъ. А отсутствіе паспорта влечетъ, по нашему дѣйствующему уставу о паспортахъ, высылку безпаспортнаго въ семидневный срокъ.

Но самое большое отступленіе отъ принципа „уравниванія крестьянъ въ личныхъ правахъ со всѣми гражданами Имперіи“—принципа, положеннаго въ основаніе указа 5 октября 1906 года заключается въ томъ, что указъ не коснулся и не измѣнилъ той зависимости крестьянъ отъ своихъ обществъ, которая выражается въ правѣ обществъ выселять своихъ порочныхъ членовъ.

Это тѣмъ болѣе странно, что право общества приговаривать членовъ своихъ къ принудительной высылкѣ, создавая тяжелое неравенство въ положеніи крестьянъ сравнительно съ другими сословіями, покоится на условіяхъ крѣпостного быта и, казалось бы, должно было исчезнуть не въ эпоху политическаго обновленія государственнаго строя Россіи, а въ гораздо болѣе раннюю эпоху отмѣны крѣпостного права.

При существованіи крѣпостного права помѣщики имѣли право отдавать крестьянъ за порочное поведеніе въ арестантскія роты или сдавать ихъ въ рекруты.

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ выселяемые передавались въ руки правительства, но вмѣстѣ съ тѣмъ переставали быть и крѣпостными. Съ отмѣной крѣпостного права прежняя власть помѣщика была перенесена на сельскія общества.

Къ чести составителей положенія 19 февраля надо сказать, что изданіе закона, уполномочивающаго сельскія общества на выселеніе своихъ порочныхъ членовъ не обошлось безъ упорной оппозиціи лучшихъ членовъ редакціонныхъ комиссій. Послѣдніе, съ Милутинымъ во главѣ, горячо возражали противъ принятія закона, противорѣчащаго общему началу, принятому уже для крестьянской реформы, въ силу котораго крестьяне не могутъ быть лишены правъ или въ нихъ ограничены иначе, какъ по суду.

Но сторонники реакціи одержали верхъ, ссылаясь на необходимость дать въ руки обществъ средство избавиться отъ своихъ порочныхъ членовъ. При этомъ былъ выдвинутъ и мотивъ фискальнаго характера. Разъ общества связаны круговой порукой, то надо дать возможность обществамъ избавиться отъ упорныхъ неплательщиковъ податей, каковыми въ большинствѣ случаевъ являются эти порочные члены его. При этомъ вопросъ ставился только въ рамкахъ дарованія права обществамъ исключать изъ своей среды порочныхъ членовъ безъ передачи ихъ правительству.

Но въ дальнѣйшемъ движеніи проекта положеній 19 февраля 61 года послѣдствія исключенія порочныхъ членовъ изъ обществъ были опредѣлены чрезвычайно сурово: исключенный передавался въ распоряженіе правительства, заключался подъ стражу и по этапу препровождался въ Сибирь. Тамъ онъ обязывался припиской къ крестьянскому обществу мѣста приписки. Приговоры, согласно положенія, должны были составляться большинствомъ $\frac{2}{3}$ голосовъ, разсматриваться мировыми посредниками и утверждаться губернскими по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями.

Вмѣсто начала, которое предположено было провозгласить, что крестьяне, какъ и лица другихъ сословій могутъ быть лишены правъ или ограничены въ нихъ не иначе, какъ по суду, въ общемъ положеніи о крестьянахъ появилась статья, характерная какъ образчикъ духа компромисса, получившаго господство къ концу работъ редакціонныхъ комиссій: „крестьяне не могутъ быть лишены правъ состоянія или ограничены въ нихъ иначе, какъ по суду или по приговору общества“.

Въ 1900 году одновременно съ отмѣной ссылки на житіе въ Сибирь рѣшили нѣсколько ограничить и ссылку крестьянъ по приговору обществъ.

Ограничить, а не уничтожить! И притомъ ограничить въ очень ничтожной степени.—Правила закона 10 іюня 1900 года ¹⁾ представляютъ обществамъ право высылки только тѣхъ членовъ обществъ, которые проживаютъ въ данномъ обществѣ. Кромѣ того, правила требуютъ, чтобы въ приговорѣ были подробно указаны основанія, по которымъ данное лицо признается угрожающимъ общественному порядку и спокойствію.

Далѣе, законъ 1900 года требуетъ отъ земскихъ начальниковъ личной провѣрки состоявшихся приговоровъ путемъ опроса на мѣстѣ членовъ общества объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ составленіе приговора, съ тѣмъ, чтобы земскій начальникъ могъ лично убѣдиться въ достовѣрности и убѣдительности поводовъ къ высылкѣ.

Желая еще усилить контроль надъ составленіемъ приговоровъ, законъ требуетъ, чтобы послѣ провѣрки земскимъ начальникомъ приговоръ еще разъ провѣрялся уѣзднымъ предводителемъ дворянства и только тогда шелъ на утвержденіе губернскаго присутствія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, обществу вмѣняется въ обязанность внести деньги, слѣдующія на снабженіе одеждой и на кормовое довольствіе какъ самого удаляемаго, такъ и тѣхъ членовъ его семьи, которые пожелаютъ слѣдовать за нимъ, за все время со дня „передачи ихъ въ руки правительства“ и до дня водворенія ихъ въ Сибиріи или въ другихъ отдаленныхъ губерніяхъ, періодически указываемыхъ въ особомъ расписаніи.

Если семья удаляемаго остается на мѣстѣ, а не слѣдуетъ за нимъ, она можетъ сохранить за собой и земельный надѣлъ.

Если же семья идетъ за удаляемымъ, то надѣлъ послѣдняго остается въ пользу общества, а общество должно за это внести дополнительно деньги на кормовое довольствіе удаляемаго и членовъ его семьи, со времени его водворенія на два года впередъ.

Деньги должны быть внесены обществомъ полностью одновременно, съ передачей приговора о выселеніи для провѣрки земскому начальнику.

Конечно, такое постановленіе закона, возлагающее на общество очень чувствительное бремя платежей является существенной гарантіей противъ опрометчивыхъ приговоровъ. Изъ мотивовъ закона 1900 г. видно, что законодатель имѣлъ въ виду этимъ способомъ оказать сдерживающее вліяніе на общество, съ цѣлью уменьшить число случаевъ высылки.

¹⁾ Прим. къ 205 ст. уст. о пред. и прес. прест.

И эта надежда законодателя оправдалась. Высылки уменьшились въ числѣ.

Практика второго департамента Сената, въ свое время строго слѣдившаго при наличности жалобъ за соблюденіемъ всѣхъ формальностей, требуемыхъ закономъ и отмѣнявшемъ приговоры при малѣйшемъ нарушеніи ихъ, способствовала еще большому уменьшенію числа высылкъ.

Къ сожалѣнію съ 1905 года практика въ дѣлѣ высылкъ существенно измѣнилась. Правительство, въ цѣляхъ побужденія обществъ къ борьбѣ съ революціонно настроенными, по мнѣнію мѣстной администраціи, лицами изъ крестьянъ стало принимать мѣры къ принятію издержекъ, возлагаемыхъ закономъ на общества на средства казны. Должностныя лица крестьянскаго управленія призывались къ содѣйствію своимъ влияніемъ на общества съ цѣлью побужденія ихъ къ составленію приговора о высылкѣ политически неблагонадежныхъ крестьянъ.

И Сенатъ своими разъясненіями подался означенному теченію, разъяснивъ въ общемъ собраніи, вопреки мнѣнія второго департамента и вопреки буквальному смыслу закона, что подвергать высылкѣ по приговору общества имѣютъ право не только членовъ, „проживающихъ“ въ обществѣ, но и всѣхъ приписанныхъ къ нимъ членовъ, независимо отъ ихъ мѣста жительства.

Слѣдя за эволюціей дѣйствующаго права въ области ограниченій личныхъ правъ крестьянъ какъ членовъ крестьянскаго сословія, внѣ зависимости отъ ихъ мѣста жительства и занятій, мы ясно видимъ, что наше время призвано быть тѣмъ рубежомъ, за которымъ падетъ крѣпость крестьянъ сословнымъ ограниченіямъ.

Наше время завершить дѣло, начатое въ 1861 году.

Въ 1861 году крѣпостная стѣна рушилась, но обломки и мусоръ, оставшіяся отъ разрушенной стѣны, не былъ убранъ своевременно и отдѣлялъ крестьянство отъ сліянія его въ своихъ личныхъ правахъ съ другими гражданами Россіи.

Какъ исторія развитія крѣпостного права показываетъ намъ постепенность его образованія до того времени, когда оно завершилось полнымъ безправіемъ крѣпостныхъ крестьянъ, такъ и исторія раскрѣпощенія крестьянъ учитъ насъ, къ сожалѣнію, тому, что слова закона, основанныя на манифестѣ 19 февраля „крестьяне пользуются личными правами, вообще природнымъ русскимъ обывателямъ предоставленными“ осуществлялись лишь съ большой постепенностью и осуществляются, вѣроятно, только въ переживаемое нами время.

19 февраля уничтожена была власть помѣщиковъ, но не была восстановлена свобода личности крестьянъ.

Постановленія закона о припискѣ, о связи крестьянина съ обществомъ, къ которому онъ приписанъ, преграды, поставленныя закономъ личной свободѣ крестьянина, его зависимость въ выборѣ мѣста жительства отъ міра и крестьянскаго начальства оставалась вплоть до нашихъ дней. Эта зависимость обуславливалась такими причинами, которыя находились въ тѣсной связи съ началами, принятыми при освобожденіи крестьянъ и способами надѣленія ихъ землей. Подушная подать, выкупные платежи и круговая порука—вотъ три фактора, влиявшихъ на сложную систему ограниченій личныхъ правъ крестьянъ, которыя существовали въ нашемъ дѣйствующемъ законѣ по сіе время. И только теперь, почти съ 1 января 1907 года, со времени окончательной отмѣны подушной подати и выкупныхъ платежей повсемѣстно расчищена дорога для созданія условий полного уравниенія крестьянъ съ другими гражданами въ сферѣ личныхъ правъ.

Пока временнымъ закономъ 5 октября созданы условия для раскрѣпощенія отъ крѣпости обществу и домохозяину и для уравниенія личныхъ правъ крестьянъ, живущихъ внѣ сельскихъ мѣстностей. Разъ крестьянинъ живетъ въ сельской мѣстности въ своемъ обществѣ, онъ еще опутанъ цѣлой системой особенностей въ сферѣ управленія и суда, о которыхъ мы будемъ говорить во второмъ отдѣлѣ настоящаго курса.

Но когда крестьянинъ переселился въ городъ, онъ подчиненъ общимъ органамъ управленія и суда, онъ подчиненъ *de jure* тѣмъ нормамъ, регулирующимъ свободу передвиженій, свободу выбора занятій и проч., которыя обязательны и для прочихъ гражданъ Имперіи. Указомъ 5 октября уничтожены паспортныя ограниченія для крестьянъ и созданы условия для свободного выхода его изъ общества, но при условии отказа отъ надѣла.

Однако и до сихъ поръ, въ особенности въ сферѣ взысканія податей и исполненія мірскихъ повинностей, создаются и для крестьянъ, переселившихся въ городъ, но не вышедшихъ изъ своихъ обществъ, такія исключительныя положенія, которыя отражаются на ихъ имущественномъ положеніи и не даютъ тѣхъ гарантій имущественной неприкосновенности, которыми пользуется некрестьянское населеніе Россіи.

Пока крестьянинъ состоитъ членомъ сельскаго общества, на немъ лежитъ обязанность платить мірскіе и другіе сборы и отбывать повинности. Правда, теперь за неотбываніе ихъ въ силу указа 5 октября онъ не можетъ быть высланъ на родину этапнымъ поряд-

комъ. Но принудительному взысканію сборовъ и переложенныхъ на деньги по произволу общества натуральныхъ повинностей онъ подвергается, причемъ съ рабочихъ такое принудительное взысканіе производится вычетомъ изъ ихъ заработка.

При такомъ способѣ взысканія нерѣдко нѣтъ возможности воспрепятствовать самымъ несправедливымъ и неправильнымъ взысканіямъ, которымъ по произвольному начисленію общества и домохозяевъ подвергаются младшіе члены семьи. Несправедливость такихъ взысканій особенно велика при дѣйствіи указа 9 ноября, лишившаго младшихъ членовъ семьи правъ на общее семейное имущество. Лишенные этихъ правъ младшіе члены семьи не освобождены при существующей системѣ взысканій отъ обязанностей платить недоимки по продовольственнымъ ссудамъ, мірскимъ и другимъ сборамъ и проч., которые въ сущности имѣли смыслъ только при прежнемъ воззрѣніи на крестьянскую семью, какъ субъектъ правъ на общее семейное имущество.

Недоразумѣнія, возникающія на этой почвѣ расхожденія правъ и обязанностей безконечны и они могутъ исчезнуть только послѣ послѣдовательной законодательной нормировки, которая осуществитъ въ полномъ объемѣ идею раскрѣпощенія крестьянской личности.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Особенности въ сферѣ общественнаго устройства крестьянъ.

ГЛАВА I.

Краткій историческій очеркъ общественнаго устройства крестьянъ.— Общественное устройство государственныхъ крестьянъ по положенію 1838 года.— Работы редакціонныхъ комиссій по выработкѣ общественнаго устройства крестьянъ по положенію 19 февраля 1861 года.

Правовая обособленность крестьянъ, какъ сословія, завершается полной обособленностью ихъ въ управленіи, въ сферѣ общественно-хозяйственной жизни и въ сферѣ суда.

Въ системѣ мѣстнаго управленія крестьянство представляетъ собой въ полномъ значеніи слова „государство въ государствѣ“. Сословная организація ихъ „самоуправленія“, во многихъ чертахъ своихъ являющаяся полной противоположностью идеѣ истиннаго самоуправления, замкнутая и тщательно изолированная отъ другихъ классовъ населенія, подчиненная цѣлой организаціи спеціальнаго крестьянскаго начальства, облеченнаго властью вмѣшиваться во все отрасли дѣятельности органовъ самоуправления и опекаль ихъ—эта организація стоитъ въ полномъ противорѣчій съ требованіями нормальнаго государственнаго строя, въ полномъ противорѣчій съ идеей гражданскаго равноправія и въ полномъ противорѣчій съ истинными нуждами самого крестьянства.

Для того, чтобы лучше уяснить себѣ основныя черты нынѣшней организаціи крестьянскаго самоуправления, необходимо, хотя бы въ самыхъ общихъ, краткихъ чертахъ, познакомиться съ историческими условіями его образованія. А для этой цѣли намъ необходимо познакомиться съ организаціей управленія государственныхъ крестьянъ до освобожденія.

Какъ мы увидимъ, организація управленія государственныхъ крестьянъ оказывала довольно сильное вліяніе при выработкѣ началъ реформы 1861 года и оказывала вліяніе на дальнѣйшую, слѣдовавшую послѣ 1861 года, практику крестьянскаго дѣла. Объ организаціи упра-

вления государственных крестьян правительство начинает заботиться со временъ Екатерины II.

Въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе изданное Екатериной II „установленіе о сельскомъ порядкѣ въ казенныхъ имѣніяхъ Екатеринославскаго намѣстничества“, повліяваго впоследствии на образованіе управленія государственныхъ крестьянъ вообще.

Конечно, на это установленіе не могли не вліять въ свою очередь тѣ уже образовавшіяся въ предшествующую эпоху мѣстныя дѣленія, которыми соединяли крестьянское населеніе въ волости.

Было уже упомянуто, что въ княжескій періодъ русской исторіи существовала группировка крестьянскаго населенія въ волости. Волость означала группу крестьянскихъ сельскихъ общинъ, означала извѣстный территоріальный округъ, заключающій въ себѣ извѣстное число селеній и деревень, населенныхъ податными сельскими жителями. Сами волости назывались черными въ отличіе отъ обфленныхъ помѣстій, именно потому, что населеніе ихъ исправляло подати и повинности.

Въ числѣ селеній, приписанныхъ къ волости, были и такія, которыя поселены были на частныхъ земляхъ и другія, которыя владѣли казенными землями. Общая ихъ связь была та, что они несли повинности, исчисляемыя съ сохи, съ тягла.

Установленіе о сельскомъ порядкѣ въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ предоставляетъ мѣстечкамъ въ 1000 дворовъ и больше выбирать себѣ сельскаго старшину и сверхъ того на каждые 500 дворовъ—сельскаго старосту, двухъ выборныхъ и сборщика податей. Соотношеніе между этими выборными властями еще мало выяснено. Насколько можно судить по очерченной въ установленіи компетенціи ихъ, сельскій старшина имѣетъ главнымъ образомъ исполнительную власть, сельскій староста—власть хозяйственную. Выборные въ „присутствіи старосты“ раскладываютъ сборы. Они разбираютъ маловажные споры.

Для отправленія низшихъ полицейскихъ функцій учреждаются на каждые 100 дворовъ—сотскіе, а на каждые 10 дворовъ—десятскіе.

Въ 1797 году при Павлѣ I утверждено положеніе о сельскомъ и волостномъ управленіи въ казенныхъ имѣніяхъ, въ которыхъ уже разграничены понятія о сельскомъ и волостномъ обществахъ.

Полнаго развитія своего управленіе государственными крестьянами достигло при графѣ Киселевѣ въ законѣ 1838 года. Согласно этого закона государственные крестьяне образуютъ сельскія общества,

которыя соединяютъ въ себѣ всѣхъ крестьянъ каждаго казеннаго селенія, независимо отъ его размѣра, т. е. независимо отъ числа ревизскихъ душъ въ немъ. Только очень мелкія селенія могутъ соединяться въ болѣе крупныя сельскія общества, но раздроблять одно и то же селеніе на нѣсколько сельскихъ обществъ воспрещалось.

Въ мѣстахъ новыхъ поселеній *подъ каждое* сельское общество отводится площадь въ семь тысячъ пятьсотъ десятинъ (т. V уст. о податн. ст. 52).

Въ каждомъ сельскомъ обществѣ учреждается: 1) по дѣламъ общественнымъ сельскій сходъ, 2) *для управленія обществомъ* сельское начальство, 3) по дѣламъ судебнымъ для государственныхъ крестьянъ—сельская расправа.

Сельскій сходъ составляется изъ сельскаго старшины, старосты, сборщика податей, смотрителя магазина и выборныхъ. Выборные избираются по два отъ каждыхъ 10 дворовъ. Но по дѣламъ раздѣла общественной земли на сельскій сходъ приглашаются, кромѣ выборныхъ, всѣ прочіе домохозяева сельскаго общества.

Положеніе 1838 года предусматриваетъ и отдѣльные отъ сельскаго схода селенные сходы части сельскаго общества для дѣлъ, касающихся только этой части и для завѣдыванія землями, если онѣ находятся въ отдѣльномъ владѣніи части общества. Тогда селенные сходы образуются изъ сельскаго старшины и всѣхъ домохозяевъ данной части селенія. Этотъ селенный сходъ производитъ и раскладку повинностей между домохозяевами селеній, имѣющихъ отдѣльное владѣніе земель.

Разъ въ три года долженъ собираться полный сельскій сходъ изъ всѣхъ домохозяевъ для выборовъ выборныхъ на сельскій сходъ и сельскій сходъ изъ выборныхъ для выбора должностныхъ лицъ.

Такимъ образомъ, для выборовъ назначаются два схода. Одинъ частный сходъ для избранія выборныхъ. Онъ назначается разъ въ три года въ ноябрѣ. Старшина вызываетъ на собравшемся сходѣ всѣхъ домохозяевъ по десяти по списку начиная съ перваго номера, а каждые десять домохозяевъ по большинству голосовъ, а если большинства не составится, по жребію выбираютъ по два выборныхъ на сельскій сходъ и каждые двадцать дворовъ по одному на волостной сходъ. Общій сходъ собирается уже изъ выборныхъ также разъ въ три года въ ноябрѣ, но послѣ частнаго, и баллотировкой выбираетъ кандидатовъ въ должности по сельскому и волостному управленію. Одиѣ назначенія схода для выборовъ волостное правленіе должно объявить за недѣлю въ приходскихъ церквахъ.

Сельскіе сходы изъ выборныхъ для текущихъ дѣлъ собираются три раза въ годъ въ означенное въ законѣ время: въ январѣ для раскладки податей и повинностей, въ апрѣлѣ для раздѣла полей и изысканія способовъ взысканія недоимокъ и въ сентябрѣ или началѣ октября—для составленія приговора о мірскихъ расходахъ. Въ то же время сходы должны обсуждать и другія текущія дѣла. Въ этихъ срокахъ сходы разрѣшаются только въ чрезвычайныхъ случаяхъ съ особаго разрѣшенія окружнаго начальника.

Сельскій старшина занимаетъ на сходѣ „первое мѣсто“ и наблюдаетъ за порядкомъ.

Главные виды дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію сходовъ: выборы должностныхъ лицъ, разсмотрѣніе отчета сборщика податей и смотрителя магазина, увольненіе изъ общества и приѣмъ новыхъ членовъ, раздѣлъ земель, раскладка податей и повинностей, назначеніе опекуновъ и ежегодная провѣрка ихъ отчетовъ, мѣры взысканія недоимокъ, дѣла по рекрутской повинности. Въ число дѣлъ послѣдней и отнесены и дѣла о семейныхъ раздѣлахъ, такъ какъ они были связаны съ рекрутской повинностью, исполняемой посемейно.

Дѣла рѣшаются на сходѣ простымъ большинствомъ. Квалифицированного большинства положеніе 1838 года не знаетъ. Всѣ приговоры схода записываются въ особую шнуровую книгу и исполняются сельскимъ старшиной. Всѣ приговоры читаются въ ближайшій праздничный день въ церкви и съ этого времени считаются объявленными. Недовольные съ этого времени могутъ принести жалобу на нихъ волостному правленію въ теченіе четырехъ недѣль. Никакія жалобы по истеченіи этого срока не принимаются.

Интересны правила закона 1838 года о раздѣлѣ земель. Сельскому сходу поставлены въ руководство на этотъ предметъ правила, по которымъ раздѣлу подлежатъ земли, за исключеніемъ тѣхъ, которыя по актамъ и документамъ состоятъ въ исключительномъ владѣніи или пользованіи даннаго крестьянина. Если земля отведена всему сельскому обществу, то раздѣлъ производится сходомъ всѣхъ домохозяевъ „по мѣстному обычаю“. П. 4 ст. 94 говоритъ, что къ „передѣлу земель не приступать безъ крайней необходимости, допуская оный только при новой народной переписи (ревизіи), или въ случаѣ значительнаго измѣненія въ числѣ ревизскихъ душъ“. Для предупрежденія слишкомъ частыхъ передѣловъ, законъ рекомендуетъ оставлять запасные участки для надѣленія вновь причисляемыхъ къ сельскому обществу и возвращающихся со службы солдатъ.

Сельское начальство съ обширной компетенціей состояло изъ сельскаго старшины, сельскихъ старостъ отъ 1 до 3, въ зависимости отъ величины общества. Должностными лицами являлись сборщикъ податей и смотритель магазина. Должностныя лица выбирались на три года, причемъ старшина утверждался палатой государственныхъ имуществъ.

Достаточно привести только главные отдѣлы, коими озаглавлены обязанности сельскаго старшины, чтобы составить себѣ представленіе объ обширности и полнотѣ его компетенціи. Законъ подробно регламентируетъ его обязанности по дѣламъ сельскаго схода, по наблюдению за благоустройствомъ, по народоисчисленію, по охраненію порядка и общественной безопасности, по пресѣченію соблазна и разврата, по частямъ паспортной, пожарной, врачебной, строительной, по сбору податей и повинностей и проч.

Сельскій старшина по закону подчиненъ волостному управленію.

При каждомъ сельскомъ обществѣ была учреждена сельская расправа „въ видѣ первой степени домашняго суда по дѣламъ государственныхъ крестьянъ“, какъ говоритъ законъ.

Сельская расправа состояла изъ сельскаго старшины и двухъ сельскихъ „добросовѣстныхъ“, избираемыхъ сельскимъ обществомъ на три года.

Сельскія расправы вѣдали маловажныя тяжбы по искамъ и дѣла по проступкамъ государственныхъ крестьянъ. Разбирать иски, основанные на крѣпостныхъ и явочныхъ актахъ, онѣ не имѣли права.

Надъ сельскимъ управленіемъ стоитъ волостное. Волость состоитъ изъ смежныхъ сельскихъ обществъ съ народонаселеніемъ до 6000 ревизскихъ душъ мужскаго пола.

Въ каждой волости учреждены: для управленія волостью—волостное правленіе, для избранія волостныхъ выборныхъ—волостной сходъ, по дѣламъ судебнымъ—волостная расправа. Волостной сходъ состоитъ изъ выборныхъ сельскихъ обществъ волости, полагая одного изъ четырехъ человекъ, назначенныхъ на сельскій сходъ, т. е. одного на двадцать дворовъ.

Въ противоположность сельскому сходу, обладающему довольно обширной компетенціей, волостной сходъ созывается только для выборовъ должностныхъ лицъ, которые производятся разъ въ три года.

Волостное правленіе состоитъ изъ волостного головы и двухъ засѣдателей: одного по части полицейской и другого по части хозяйственной. При волостномъ правленіи находится волостной писарь.

Волостное правленіе имѣетъ самую широкую компетенцію по надзору за сельскимъ управленіемъ и по дѣламъ административнымъ, полицейскимъ и общественно-хозяйственнымъ.

Любопытны его права и обязанности по уравниенію землями и наблюденію за земледѣліемъ.

Волостное правленіе, усмотрѣвъ, что въ какомъ-либо обществѣ чувствуется недостатокъ земли, отчего крестьяне затрудняются въ способахъ продовольствія и платежей, по прошенію общества входитъ съ ходатайствомъ объ увеличеніи земли къ окружному начальнику.

Если общество ходатайствуетъ объ уравнительномъ раздѣлѣ земель, состоящихъ въ общемъ владѣніи между селеніями, волостное правленіе по распоряженію окружного начальника наблюдаетъ за уравнительнымъ раздѣломъ земель черезъ землефровъ.

Наблюдая за процвѣтаніемъ сельскаго хозяйства, волостное правленіе обязано смотрѣть за тѣмъ, чтобы крестьянинъ не оставлялъ впустѣ своего участка, чтобы онъ не отчуждалъ его и не сдавалъ въ аренду. Если оно удостовѣрится въ томъ, что отчужденіе или отдача въ аренду произведены, оно должно отобрать участокъ въ пользованіе сельскаго общества.

При каждой волости учреждена волостная расправа изъ волостного головы и двухъ добросовѣстныхъ, также по опредѣленію закона, „какъ вторая ступень домашняго суда“. Она облечена той же компетенціей, какъ и сельская расправа, и разсматриваетъ дѣла по жалобамъ на рѣшеніе сельскихъ расправъ.

Для наблюденія за правильной дѣятельностью указанныхъ органовъ крестьянскаго управленія образованы должности окружныхъ начальниковъ, подчиненныхъ палатамъ государственныхъ имуществъ.

Изъ изложеннаго очерка организаціи управленія государственныхъ крестьянъ видно, какъ тщательно и подробно регламентирована эта организація.

Она необычайно стройна и опредѣленна, предусматриваетъ подробности жизни крестьянъ и въ смыслѣ полноты не оставляетъ желать лучшаго. Выборное начало, право участія въ выборахъ, способъ производства выборовъ, компетенція всѣхъ органовъ управленія разработаны въ совершенствѣ. Въ ней нѣтъ только одного свойства и самаго главнаго—нѣтъ свободы. Всѣ права и обязанности крестьянъ и ихъ союзовъ—сельскихъ обществъ—поставлены подъ мелочную опеку начальства.

Вмѣсто предоставленія самимъ крестьянамъ пользоваться своими правами и защищать ихъ нарушеніе передъ судомъ, законъ предоста-

вилъ права и обязанности крестьянъ надзору и опекѣ начальства. Организація управленія государственныхъ крестьянъ—это какая-то аракчеевская постройка, напоминающая собой уставъ о военныхъ поселеніяхъ. Кажется, что попечительное начальство заботится обо всемъ вплоть до уравниенія земель, вплоть до увеличенія земельной площади, отводимой для надѣленія крестьянъ, вплоть до заботы объ усовершенствованныхъ способахъ земледѣлія.

Законъ 1838 года—это образецъ сухого бюрократическаго творчества съ признаками осуществленія идей государственнаго социализма, съ признаками проявленія даже идеи націонализаціи земли, но не на основѣ права и свободы, а на основѣ принужденія и опеки. И крестьяне сохранили недобрую память о временахъ всевластія окружныхъ начальниковъ.

При выработкѣ положенія 1861 года очерченное положеніе объ устройствѣ сельскихъ обществъ и волостей у государственныхъ крестьянъ несомнѣнно оказало свое вліяніе, вліяніе готового образца, уже осуществленнаго въ жизни. Правда, въ работахъ редакціонныхъ комиссій по составленію положеній о крестьянахъ мы найдемъ много критическихъ замѣчаній относительно началъ, положенныхъ въ основаніе устройства государственныхъ крестьянъ, мы найдемъ много замѣчаній, въ которыхъ къ этимъ началамъ высказано совершенно отрицательное отношеніе, но несмотря на это, сравнивая результаты работъ редакціонныхъ комиссій съ положеніемъ объ устройствѣ государственныхъ крестьянъ, въ то время дѣйствовавшимъ и основанномъ главнымъ образомъ на положеніи 1838 года, мы найдемъ много сходнаго.

Прежде всего мы встрѣчаемъ сходство въ, такъ сказать, двухъ-ярусномъ дѣленіи крестьянскихъ обществъ на сельскія и волостныя.

Такое дѣленіе принято въ редакціонныхъ комиссіяхъ послѣ долгихъ колебаній. Сначала дѣло устройства крестьянскаго управленія предполагалось поставить на другихъ основаніяхъ. Предполагалось образовать изъ освобожденныхъ крестьянъ сельскія или мірскія общества, которымъ ввѣрить всѣ дѣла самоуправленія въ самомъ широкомъ смыслѣ, т. е. и дѣла административныя и дѣла общественно-хозяйственныя.

Въ программѣ вопросовъ, предлагавшихся на обсужденіе губернскихъ комитетовъ, созывавшихся въ концѣ 1857 года и до второй половины 1858 года стоялъ только вопросъ объ образованіи сельскаго общества. Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу составилъ VIII-ую главу программы для обсужденія комитетовъ слѣдующаго содержанія:

„Образованіе сельскихъ обществъ. Общества въ селахъ и деревняхъ разномѣстнаго владѣнія. Соединеніе мелкопомѣстныхъ селеній въ одно общество или причисленіе ихъ къ большимъ селеніямъ. Наименьшій составъ общества, опредѣляемый числомъ душъ или усадебъ. Распредѣленіе поземельныхъ угодій между членами обществъ. Разверстка повинностей. Полицейское устройство въ обществахъ. Общественное управленіе, составъ его и предметы занятій“.

Изъ этого перечня вопросовъ ясно видно, что они обнимаютъ собой всю компетенцію сельского самоуправления, т. е. какъ ту компетенцію, которая дѣйствующимъ закономъ обнимаетъ сферу дѣятельности органовъ собственно сельского управления, такъ и органовъ волостного правленія. Иначе говоря, изъ этого перечня вопросовъ видно, что составители ихъ предполагали всѣ эти функціи сосредоточить въ организуемыхъ сельскихъ обществахъ.

Это вполне соответствовало предположеніямъ правительства, высказаннымъ еще раньше приступа къ выработкѣ реформы.

Въ Высочайше преподанныхъ для работъ редакціонныхъ комиссій началахъ было указано:

„Крестьяне распредѣляются на сельскія общества, которыя должны имѣть свое мірское управленіе. Для всѣхъ губерній мірское управленіе обязательно только въ отношеніи административномъ, въ тѣхъ же губерніяхъ и уѣздахъ, *гдѣ по народнымъ обычаямъ* уже существуетъ общинное пользованіе угодьями, мірское управленіе завѣдуетъ и этими угодьями“.

„Власть надъ личностью крестьянина и обязанности его, какъ члена сельского общества, сосредоточивается въ мірѣ и его избранныхъ“.

„Помѣщикъ долженъ имѣть дѣло съ міромъ, не касаясь личности крестьянина“.

О волости, какъ второй инстанціи крестьянскаго общественнаго управленія, здѣсь не говорится ни слова.

Какимъ же образомъ появилась волость?

Исслѣдуя процессъ развитія работъ по составленію крестьянскихъ положеній, авторъ одной изъ любопытныхъ монографій по крестьянскому вопросу, г. Страховскій ¹⁾ разъясняетъ, какимъ образомъ совокупность реальныхъ условий жизни при недостаточной принципиальной ясности взглядовъ на предстоящее преобразование крестьянскаго самоуправления привели комиссіи къ заключенію о необходимости учредить волость.

¹⁾ Страховскій. Крестьянскія права и учрежденія.

Въ первоначальныхъ докладахъ административнаго отдѣленія редакціонныхъ комиссій мы даже встрѣчаемъ ярые нападки на двухъ-ярусное управленіе, введенное у государственныхъ крестьянъ вообще и на волость, какъ органъ крестьянскаго самоуправления, въ частности.

Указывалось на то, что волость, какъ вторая инстанція въ порядкѣ полицейскаго и административнаго управленія только замедляетъ исполненіе различныхъ мѣропріятій, что въ порядкѣ общественнаго хозяйства и призрѣнія она безъ надобности излишне централизуетъ дѣла, собственно подлежащія распоряженію сельского общества, и лишаетъ послѣднія самостоятельности въ области непосредственныхъ интересовъ и что, наконецъ, она сильно увеличиваетъ расходы крестьянъ на органы самоуправления ихъ и ложится тяжелымъ бременемъ на ихъ бюджетъ.

Общее присутствіе редакціонныхъ комиссій совершенно согласилось съ этими критическими замѣчаніями, а тѣмъ не менѣе и двухъ-ярусное управленіе вообще и волость въ частности были установлены.

Объясненіе этому мы находимъ въ двухъ главныхъ категоріяхъ условій хода работъ по составленію крестьянскихъ положеній.

Во-первыхъ, какъ я упомянулъ, въ этомъ направленіи работъ сказалась неясность принципиальнаго раздѣленія поземельныхъ отношеній, связанныхъ въ сельскихъ обществахъ съ фактомъ общаго владѣнія землей и отношеній общественно-хозяйственныхъ.

Сначала административное отдѣленіе комиссій старалось провести это принципиальное различіе. Усматривая, что у помѣщичьихъ крестьянъ великороссійскихъ губерній существуетъ общинное владѣніе землей и что этотъ фактъ создаетъ бытіе союзовъ, близкихъ къ сельскому обществу, административное отдѣленіе старалось въ своихъ докладахъ провести рѣзкую грань между такими обществами или общинами, какъ поземельными союзами, и тѣми сельскими обществами, какъ органами административнаго и общественно-хозяйственнаго самоуправления, которыя оно проектировало.

Отдѣленіе категорически высказывалось въ своемъ докладѣ, что поземельнымъ обществамъ или общинамъ можно предоставить только „хозяйственныя мѣры“, но не права, напр., полицейскаго взысканія, которыя могутъ производиться только органами сельского общественнаго управленія, къ которому общины и должны обращаться. То же отдѣленіе указывало на коренное различіе дѣлъ поземельныхъ общинъ и сельскихъ обществъ и на совершенную невозможность какъ образо-

ванія изъ каждой общины особаго сельскаго общества, такъ и представленія сельскимъ обществамъ, составленнымъ изъ нѣсколькихъ общинъ, разрѣшенія поземельныхъ дѣлъ, касающихся каждой общины въ отдѣльности.

Тѣмъ не менѣе изъ цитированныхъ мною Высочайше преподанныхъ началъ видно, что эти понятія смѣшивались въ нихъ, потому что тамъ говорится о томъ, что крестьяне составляютъ сельскія общества, которыя составляютъ мірское управленіе, вѣдающее въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуетъ общинное пользованіе угодіями, завѣдываніе и этими угодіями.

При дальнѣйшемъ разсмотрѣніи началъ общественнаго устройства крестьянъ это смѣшеніе усилилось. Прежде всего общее собраніе редакціонныхъ комиссій внесло къ принятому имъ докладу административнаго отдѣленія о поземельныхъ обществахъ ту поправку, что признало возможнымъ образованіе такихъ поземельныхъ или, какъ оно ихъ еще называло, мірскихъ обществъ и у крестьянъ, имѣющихъ подворное владѣніе. Эта поправка была введена въ виду того предположенія, что и послѣ уничтоженія общиннаго владѣнія въ какой либо поземельной общинѣ—у членовъ общины всетаки останутся общіе хозяйственные интересы, какъ-то: общій выгонъ, водопой, наемъ пастуха и пр.

Но на этомъ расширеніи компетенціи мірскаго общества комиссія не остановилась. Въ 5-мъ докладѣ административнаго отдѣленія мы уже замѣчаемъ, что это отдѣленіе отказалось окончательно отъ понятія мірскаго общества, какъ исключительно поземельной единицы, и уже называетъ его „единицей общественнаго управленія и хозяйства“ и присоединяетъ къ компетенціи мірскихъ сходовъ такіа административныя и хозяйственныя дѣла, какъ напр., дѣла по удаленію изъ общества вредныхъ членовъ, дѣла благоустройства, призрѣнія и распространія грамотности, дѣла по отбыванію воинской повинности и пр. Одновременно съ этимъ при обсужденіи обязанностей должностныхъ лицъ мірскаго управленія возникла мысль о томъ, что они должны нести и нѣкоторыя полицейскія обязанности.

Такимъ образомъ, какъ со стороны обязанностей мірскаго общества, такъ и со стороны обязанностей должностныхъ лицъ мірскаго управленія, первоначально проектированная поземельная община получила мало по малу значеніе сложной поземельно-хозяйственной полицейской единицы, т. е. приблизилась къ первоначально намѣченной, какъ единственный органъ мѣстнаго крестьянскаго управленія, единицѣ, къ сельскому обществу, которому по Высочайше преподаннымъ

началамъ предположено было ввѣрить все крестьянское управленіе, а также и завѣдываніе поземельными дѣлами.

Оставалось только для полнаго совпаденія измѣнить названіе, что вскорѣ и было сдѣлано. Было признано, что терминъ „міръ“, „мірское общество“ есть понятіе недостаточно опредѣленное, что „міръ“ есть понятіе родовое, примѣнимое и къ городскому обществу, и даже, по замѣчанію нѣкоторыхъ членовъ комиссіи, къ населенію всей Россіи, которое можетъ быть названо при извѣстныхъ коллективныхъ дѣйствіяхъ, напр., при какихъ-либо коллективныхъ ходатайствахъ „міромъ“. Поэтому терминъ „мірское общество“ былъ замѣненъ терминомъ „сельское общество“.

Казалось бы, что при такой эволюціи установленія сельскаго общества устройствомъ его и осуществляется мысль учрежденія единой единицы крестьянскаго управленія.

Но на дѣлѣ вышло не то. Расширяя компетенцію сельскаго общества, редакціонныя комиссіи и не думали, какъ видно изъ предыдущаго, снабдить его полной компетенціей, необходимой для единственнаго органа самоуправленія.

Одновременно съ изложеннымъ процессомъ выработки началъ организациі сельскаго общества, шелъ процессъ выработки организациі волостного управленія.

Сначала, какъ мы видѣли, терминъ „волость“ былъ исключенъ, и комиссіи очень враждебно отнеслись къ волостному устройству у государственныхъ крестьянъ.

Онѣ остановились на мысли учредить сельское общество, но въ другомъ пониманіи этого слова, чѣмъ то, которое онѣ вложили при окончательной выработкѣ учрежденія сельскаго общества.

Онѣ, какъ видно изъ разсужденій комиссій, подъ сельскимъ обществомъ первоначально подразумѣвали территоріальный союзъ, болѣе обширный, чѣмъ отдѣльныя поземельныя общины и съ такой полной компетенціей, которая обнимала бы всѣ отрасли административнаго и общественно-хозяйственнаго управленія, совершенно изолирующія общества отъ власти помѣщика надъ крестьянами.

Разсуждая о размѣрахъ такой самоуправляющейся единицы, члены комиссій сначала довольно долгое время хотѣли приурочить ее къ приходу, но затѣмъ отказались отъ этой мысли, во первыхъ потому, что территоріальные размѣры приходовъ оказались слишкомъ разнообразными, а во вторыхъ потому, что такое совпаденіе приходовъ съ сельскимъ обществомъ представляло неудобство въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ по религіи населеніемъ.

Отрѣшившись отъ мысли приурочить единицу общественнаго самоуправления къ приходу, комиссіи незамѣтно пришли къ чисто искусственному основанію этой единицы по количеству населенія до 2000 душъ мужскаго пола. Разъ ставъ на эту точку зрѣнія, онѣ уже незамѣтно отрѣшились отъ совпаденія указанной единицы съ границами поземельныхъ общинъ, у помѣщичьихъ крестьянъ, обыкновенно небольшихъ по числу душъ, и стали вкладывать въ понятіе первоначально предположеннаго сельскаго общества черты, свойственныя болѣе обширной единицѣ—волости.

Недоставало только названія. Оно появилось уже въ концѣ работъ редакціонныхъ комиссій, когда выяснилась необходимость учрежденія сельскаго общества, совпадающаго съ поземельнымъ обществомъ. Тогда оказалось необходимымъ отличить названіемъ эту образуемую болѣе обширную территоріальную единицу и этимъ названіемъ явился терминъ „волость“.

Съ появленіемъ этого названія редакціонныя комиссіи стали незамѣтно принимать во вниманіе въ дальнѣйшихъ своихъ разсужденіяхъ тотъ типъ учреждений, который представляла собой волость государственныхъ крестьянъ.

Большое вліяніе на окончательную выработку основъ волостного устройства оказало стремленіе редакціонныхъ комиссій совершенно изолировать крестьянъ отъ власти помѣщиковъ. Вообще надо замѣтить, что редакціонныя комиссіи смотрѣли на свои работы, какъ на временныя, предназначенныя опредѣлить черты управленія крестьянскаго только для переходнаго времени освобожденія крестьянъ, пока не завершится періодъ окончательной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній. Поэтому онѣ отнеслись къ дѣлу организаціи крестьянскаго управленія какъ къ предмету, по своему значенію уступающему главнымъ цѣлямъ, ими преслѣдуемымъ и заключающимся, во-первыхъ, въ выработку основъ надѣленія крестьянъ землей, условій выкупа ими надѣловъ и, во-вторыхъ, въ установленіи возможно полной независимости крестьянъ отъ ихъ помѣщиковъ, еще въ моментъ выработки положеній о крестьянахъ, сосредоточивавшихъ въ своихъ рукахъ всю полноту административной, хозяйственной и судебной власти надъ крестьянами.

Временный характеръ своей работы, предназначенной для переходнаго періода, составители положеній всегда имѣли въ виду при выработкѣ этихъ положеній вообще и при выработкѣ законовъ, касающихся административнаго и судебного устройства въ частности, и не они повинны въ томъ, что эти временные законы не были замѣнены постоянными нормами, а продолжали такъ долго свое дѣйствіе.

Предсѣдатель редакціонной комиссіи въ самомъ началѣ засѣданій ея объявилъ, что „главная цѣль Высочайше указаннаго преобразованія, а слѣдовательно и возложеннаго на комиссію труда, есть прекращеніе крѣпостнаго состоянія, соединенное съ прочнымъ устройствомъ крестьянскаго быта, и что къ постепенному и правильному достиженію этой цѣли должны послужить подробныя правила для переходнаго періода“.

Эта задача, добавляетъ членъ редакціонной комиссіи Н. Семеновъ, т. е. разработка правилъ для переходнаго періода, сдѣлалась центромъ тяжести всего труда редакціонныхъ комиссій, который по многимъ вопросамъ былъ направленъ къ выработкѣ только временныхъ правилъ.

Этотъ временный характеръ труда составителей крестьянскихъ положеній былъ осложненъ, какъ я замѣтилъ, и временной задачей устраненія крестьянъ отъ власти помѣщика. Я уже упоминалъ, что при самомъ приступѣ къ занятіямъ, правительство уже рѣшило этотъ вопросъ о полномъ уничтоженіи власти помѣщиковъ въ совершенно положительномъ смыслѣ. Въ Высочайше преподанныхъ началахъ реформы говорится, что крестьяне должны быть подчинены только власти міра, а помѣщикъ могъ имѣть дѣло только съ обществомъ, съ міромъ, какъ цѣлымъ, а не съ отдѣльной личностью изъ своихъ бывшихъ крѣпостныхъ. Общество должно было «служить броней, защищающей крестьянъ отъ посягательствъ бывшей помѣщичьей власти».

Но правительство временно очень тщательно скрывало это свое намѣреніе отъ помѣщиковъ, старалось замаскировать его.

Въ вопросахъ, напр., переданныхъ на обсужденіе губернскихъ комитетовъ въ 1858 году, была помѣщена глава (IX) вопросовъ слѣдующаго содержанія: „Права и отношенія помѣщиковъ. Присвоеніе помѣщику званія начальника общества. Права и отношенія его къ обществу; а) по сельскому благоустройству и порядку, б) по внутреннему управленію, в) по разбору взаимныхъ жалобъ и споровъ между крестьянами, г) по отправленію крестьянами повинностей, и д) по надзору за правильнымъ употребленіемъ общественныхъ капиталовъ“. Этотъ вопросъ пришелся очень по вкусу мѣстнымъ комитетамъ, составленнымъ изъ помѣщиковъ. Въ своихъ отвѣтахъ они особенно тщательно разработали свои отвѣты на него.

Исходя изъ этого перечня вопросовъ, а въ особенности изъ званія „начальника сельскаго общества“, комитеты проектировали снабдить помѣщика такими правами, которыя, если они были дарованы, сохранили бы за ними власть надъ крестьянами и свели бы на нѣтъ реформу освобожденія.

Скребицкий ¹⁾ сводит перечень правъ, которые требовали предоставить помѣщику комитеты: здѣсь мы встрѣчаемъ такіе перлы: „крестьяне состоятъ въ полномъ подчиненіи у начальника общества“, „онъ наблюдаетъ за поведеніемъ крестьянъ, уклоняющихся отъ исполненія религіозныхъ обязанностей и нарушающихъ нравственныя правила, предающихся праздности, и также виновныхъ въ грубости, пьянствѣ и ослушаніи, начальникъ области можетъ подвергнуть собственной властью тѣлесному наказанію до 20 ударовъ розгами“, „порочныхъ и вредныхъ крестьянъ начальникъ общества можетъ предоставить въ распоряженіе правительства безъ общественныхъ приговоровъ“, „начальнику общества принадлежитъ завѣдываніе полиціей; онъ назначаетъ сотскихъ и десятскихъ; черезъ него общество сносится съ земскою полиціей; виновныхъ въ нарушеніи тишины и порядка начальникъ общества можетъ арестовывать; по дѣламъ общественнаго хозяйства онъ можетъ распорядиться собственной властью. Онъ смѣняетъ избранныхъ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія и назначаетъ вмѣсто нихъ другихъ по своему усмотрѣнію“.

Эти отвѣты губернскихъ комитетовъ открыли глаза членамъ редакціонныхъ комиссій на вождельнія помѣщичьихъ круговъ, и они рѣшили противопоставить имъ такіа преграды, которыя навсегда лишили бы помѣщиковъ надежды на возвратъ къ нимъ крѣпостнаго права.

Тогда-то они обратили особенное вниманіе на созданіе такого органа крестьянскаго управленія, который имѣлъ бы посредническое значеніе между крестьянами и помѣщикомъ, былъ бы совершенно изолированъ отъ власти и даже вліянія помѣщика.

Такимъ органомъ не могло быть сельское общество, состоящее изъ крестьянъ даннаго помѣщика, связанныхъ съ помѣщикомъ еще многими не уничтоженными условіями землевладѣнія, нѣсколько зависимыхъ отъ него въ періодъ временно обязанныхъ отношеній.

Тутъ-то составители положеній стали особенно обращать вниманіе на устройство волости, какъ такой территоріальной единицы, которая, хотя бы искусственно образованная, ставила крестьянъ внѣ вліянія своего помѣщика. Съ этого времени члены редакціонныхъ комиссій, сочувствующіе дѣлу реформы, стали особенно заботиться о томъ, чтобы волость не совпадала съ помѣщичьей вотчиной; съ этого времени они примирились съ двухъяруснымъ устройствомъ крестьянскаго управленія и терминомъ и понятіемъ волости. Они стали ее отстаивать.

¹⁾ Крестьянское дѣло, т. I, стр. 595-667.

Первый предсѣдатель редакціонныхъ комиссій Ростовцевъ въ отвѣтъ на возраженіе противъ волости съ запальчивостью отвѣтилъ: „Волость должна быть необходимо центромъ управленія; помѣщикъ не можетъ оставаться помѣщикомъ—я думаю вы съ этимъ согласны. Иначе мы погубимъ Россію“ ¹⁾.

Такимъ образомъ, волость должна была, если не спасти Россію, то спасти крестьянъ отъ возвращенія къ мрачнымъ временамъ крѣпостничества, спасти крестьянъ отъ пережитковъ помѣщичьей власти. Но спасая крестьянъ отъ власти помѣщиковъ, она закрѣпила ихъ въ другой власти—власти бюрократіи, власти чиновниковъ, направляемыхъ въ своей дѣятельности неустойчивыми и измѣнчивыми вліяніями центральной власти.

Передъ задачей эмансипировать крестьянъ отъ власти помѣщиковъ отступили на задній планъ тѣ очень вѣскія возраженія, которыя дѣлались противъ учрежденія волости, какъ постоянного установленія, какъ постоянного органа крестьянскаго управленія.

Въ числѣ противниковъ волости съ особенной энергіей выступилъ Ю. Ф. Самаринъ. „Вы навязываете народу“, говорилъ онъ въ комиссіи, „такую насильственную правительственную форму въ волостномъ управленіи, въ которомъ крестьяне вовсе не поймутъ ни вашего учрежденія, ни того, что вы отъ нихъ требуете и примутъ на себя предписанныя вами обязанности, какъ тяжелую для нихъ повинность“.

Члены губернскихъ комитетовъ перваго приглашенія также возстали противъ волостнаго управленія, какъ органа, который ляжетъ бременемъ на крестьянъ, какъ органа, искусственно созданнаго. Они указывали на то, что самоуправленіе можетъ развиваться только тогда, когда оно будетъ примѣнено къ лицамъ, связаннымъ между собой взаимными интересами. Мірскія общества удовлетворяютъ этому требованію. Волости же, искусственно образуемыя изъ обществъ, чуждыхъ другъ другу, представляютъ собой только бюрократическую централизацию, которая будетъ для крестьянъ во многихъ случаяхъ тяжелѣй уничтожаемой помѣщичьей власти ²⁾.

Тогда же въ противовѣсъ учрежденію волости раздавались и голоса объ устройствѣ взаимнѣ сословной волости всесословной или безсословной единицы самоуправленія. Честь такой правильной постановки вопроса принадлежала тремъ членамъ губернскихъ комитетовъ: Безобразову, кн. Волконскому и Офросимову.

¹⁾ Семеновъ, Освобожденіе крестьянъ, т. II, стр. 216.

²⁾ Семеновъ. Осв. кр., т. I, стр. 215—216.

Скребицкий. Крестьянское дѣло, т. I, стр. 346 и слѣд.

Всѣ эти возраженія, справедливыя по существу, были отвергнуты въ силу тѣхъ временныхъ цѣлей, которыя были тогда выдвинуты на первый планъ и о которыхъ я упомянулъ выше.

По дѣйствующему праву, сохранившему въ отношеніи сельской и волостной организаціи большую часть постановленій положенія 1861 года, эта организація выражена слѣдующимъ образомъ: 47 статья общаго положенія о крестьянахъ (изд. 1902 г.) говоритъ: „Крестьяне составляютъ *по дѣламъ хозяйственнымъ* сельскія общества, а для ближайшаго *управленія и суда* соединяются въ волости“.

Редакція этой статьи носитъ на себѣ слѣды тѣхъ соображеній редакціонныхъ комиссій, о которыхъ я упоминалъ, и тѣхъ споровъ и разногласій, которые происходили въ этихъ комиссіяхъ. Когда редакціонныя комиссіи остановились на мысли о необходимости учрежденія волости, по извѣстнымъ уже намъ мотивамъ, то онѣ все-таки старались противопоставить возраженіямъ, которыя имъ дѣлались противъ волостного устройства, не эти указанные выше мотивы, а старались защищаться по существу. И тутъ съ явной натяжкой онѣ указывали на то, что проектируемая ими волость не составляетъ второй инстанціи общественнаго управленія крестьянъ, какъ это существуетъ у крестьянъ государственныхъ, что она *по роду* своихъ дѣлъ отлична отъ сельскаго общества.

Редакціонныя комиссіи указывали при этомъ на противоположеніе проектируемой компетенціи сельскихъ обществъ волостямъ, противоположеніе, которое выражалось въ томъ, что сельское общество будетъ вѣдать дѣла хозяйственныя, а волости—дѣла управленія, дѣла административныя, что такимъ образомъ это будутъ органы съ разной компетенціей, между собой не скрепляющейся.

Этотъ взглядъ, совершенно несогласованный съ тѣми постановленіями о компетенціи этихъ двухъ органовъ крестьянскаго самоуправления, которыя были установлены потомъ тѣми же редакціонными комиссіями, онѣ провели и въ цитированной мной 47 статьѣ общаго положенія. По буквальному смыслу этой статьи, дѣйствительно, какъ будто компетенція общества и волости различна. Первое вѣдаетъ дѣлами хозяйственными, вторая дѣлами управленія и суда.

Но когда мы будемъ знакомиться съ компетенціей того и другого органа самоуправления сельскаго общества и волости, мы замѣтимъ, что такое раздѣленіе компетенціи не вѣрно, не проведено въ законѣ и что тотъ и другой органъ крестьянскаго самоуправления вѣдаетъ и дѣла хозяйственныя, и дѣла управленія, и дѣла административныя.

ГЛАВА II.

Сельское общественное устройство по дѣйствующему праву.

По положенію 1861 года сельское общество составляется изъ крестьянъ, *водворенныхъ на земли одного помѣщика*. Затѣмъ законъ перечисляетъ различные признаки, которые являются достаточными для того, чтобы составилось отдѣльное сельское общество: оно можетъ состоять изъ одного цѣлаго селенія (села или деревни) или изъ одной части разнопомѣстнаго (т. е. принадлежавшаго разнымъ помѣщикамъ) селенія, или изъ нѣсколькихъ мелкихъ, по возможности смежныхъ, и во всякомъ случаѣ ближайшихъ между собой поселковъ (выселковъ, хуторовъ и т. п.), пользующихся всѣми угодіями, или нѣкоторыми изъ нихъ сообща, или имѣющихъ другія общія хозяйственныя выгоды.

Изъ этого перечня, на основаніи котораго въ дѣйствительности и составились общества помѣщичьихъ крестьянъ, не трудно усмотрѣть, какъ случайно образованы нынѣшнія сельскія общества, какъ они связаны съ историческими условіями своего поземельнаго владѣнія и какъ мало они приспособлены къ дальнѣйшему развитію въ качествѣ органовъ мѣстнаго самоуправления.

Сельскія общества такъ и остались въ силу закона союзами съ совершенно разнородными задачами, съ совершенно различными по роду своему функціями.

Съ одной стороны, это поземельные союзы, связанные фактомъ общаго владѣнія землей и прежде всего фактомъ бывшей принадлежности одному и тому же помѣщику и, слѣдовательно, связанные фактомъ общности условій своего надѣленія землей, съ другой—это органы мѣстнаго самоуправления, съ задачами общественно-хозяйственными, это ячейки органовъ мѣстнаго хозяйства, но замкнутыя въ сословномъ началѣ¹⁾.

Если распределить компетенцію сельскаго общества по двумъ главнымъ категоріямъ дѣлъ, связанныхъ съ землевладѣніемъ и дѣлъ

¹⁾ Ср. Страховскій. Крестьянскія права и учрежденія.

общественно-хозяйственных, то мы почти исчерпаем эту компетенцию. Къ первой категоріи будутъ относиться дѣла, связанныя съ общиннымъ пользованіемъ земель (передѣлъ, накладка и скидка тяголь, раздѣлъ общинныхъ земель на отдѣльные участки, а въ обществахъ съ подворнымъ владѣніемъ завѣдываніе общественными угодіями и вакантными участками), дѣла по приему и увольненію членовъ общества, какъ членовъ земельного союза, участниковъ въ общихъ поземельныхъ правахъ, выборъ уполномоченныхъ на веденіе дѣлъ по земельнымъ спорамъ, дѣла о семейныхъ раздѣлахъ. Ко второй категоріи слѣдуетъ отнести дѣла по выбору должностныхъ лицъ общественнаго управленія, дѣла благоустройства, призрѣнія, обученія грамотѣ, раскладка податей и повинностей, назначеніе сборовъ на мірскіе расходы, дѣла по продовольствію, назначеніе опекуновъ и попечителей. За исключеніемъ этихъ перечисленныхъ дѣлъ, остается еще небольшая категорія дѣлъ административно-полицейскаго характера, частью исполняемыхъ самимъ обществомъ, какъ дѣла по воинской повинности, частью исполняемыхъ должностными лицами общественнаго управленія.

Перечисляя обязанности сельскаго старосты, выбираемаго сельскимъ обществомъ, законъ включаетъ въ нихъ не мало административныхъ и чисто полицейскихъ, какъ, напр., охраненіе благочинія и порядка, задержаніе бродягъ и бѣглыхъ, производство дознаній по преступленіямъ до прибытія мѣстной полиціи, наблюденіе за межевыми знаками и проч.

Это смѣшеніе разнородныхъ дѣлъ отзывается громадными неудобствами на практикѣ и приводитъ къ тому, что ни одна изъ категорій дѣлъ не исполняется обществами какъ слѣдуетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, многія изъ перечисленныхъ дѣлъ связаны съ общностью жизни въ одномъ населенномъ мѣстѣ, а между тѣмъ если въ этомъ населенномъ пунктѣ—деревнѣ или селѣ—существуетъ нѣсколько сельскихъ обществъ, что бываетъ очень часто, такъ какъ крестьяне села, прежде принадлежавшіе разнымъ помѣщикамъ, образуютъ и разныя сельскія общества, то легко себѣ представить, какъ отъ этого должно страдать общее дѣло завѣдыванія общественно-хозяйственными дѣлами: путями сообщенія, призрѣнія, дѣломъ распространенія грамотности и т. п.

Дѣла этого рода требуютъ расходовъ и посильны только союзамъ, достаточно многочисленнымъ. Требуется расходовъ содержаніе должностныхъ лицъ сельскаго управленія: старостъ, десятскихъ и прочихъ должностныхъ лицъ, обязательныхъ для каждаго сельскаго общества по закону. Между тѣмъ изъ отзывовъ губернскихъ совѣщаній, созван-

ныхъ въ 90-хъ годахъ для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ пересмотромъ положеній о крестьянахъ, узнаемъ, что въ силу такого случайнаго происхожденія сельскихъ обществъ, о которыхъ я упомянулъ, существуютъ сельскія общества въ 6—8 дворовъ и даже въ 3 двора.

Неудивительно, что губернскія совѣщанія констатируютъ полную невозможность содержанія общественнаго управленія въ такихъ обществахъ.

Много затрудненій порождаетъ смѣшеніе сельскаго общества, какъ поземельнаго союза съ сельскимъ обществомъ, какъ органомъ мѣстнаго самоуправленія.

Мы указывали уже на то, что при составленіи крестьянскихъ положеній вначалѣ предполагалось отдѣлить эти два разнородныхъ союза и указывали на тѣ причины, по которымъ составители положеній не успѣли этого сдѣлать. Понимая весь вредъ такого соединенія союзовъ разнаго характера, составители крестьянскихъ положеній признавали „совершенно необходимымъ въ составляемомъ обществѣ положеніи о крестьянахъ сколь возможно точнѣе отдѣлить кругъ дѣйствій сельскаго общества отъ круга дѣйствія поземельной общины“¹⁾.

Они также сознавали неудобство такого соединенія. Но они, по всей вѣроятности, не были достаточно знакомы съ фактомъ распространенности такого несовпаденія. Оказывается, что такія несовпаденія очень часты. Часто встрѣчается, какъ мы уже говорили, что сельскія общества не включаютъ въ себя все селеніе, что селеніе состоитъ изъ нѣсколькихъ поземельныхъ общинъ, составляющихъ каждое особое сельское общество.

Въ Нижегородской, напр., губерніи встрѣчаются селенія, заключающія въ себѣ до 5 самостоятельныхъ обществъ. При этомъ случаются, напр., даже такіе курьезы, что различныя части одного и того же селенія не только составляютъ отдѣльныя сельскія общества, но принадлежать даже къ различнымъ волостямъ, и даже къ различнымъ земскимъ участкамъ²⁾.

Но бываетъ и наоборотъ. Есть много сельскихъ обществъ, связанныхъ общностью земельныхъ правъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ селеній. Въ Вятской губерніи существуютъ общества, состоящія изъ 33 и болѣе селеній³⁾.

¹⁾ Матеріалы ред. ком., т. II, кн. 2, стр. 10—13.

²⁾ Труды губ. совѣтовъ. Владимирское совѣщаніе, т. I, стр. 9.

³⁾ Тамъ же, т. I, стр. 88.

Крестьяне этих селений для созыва схода домохозяев всего селения могут собираться только очень редко и общественные дѣла должны ждать своего разрѣшенія пока не соберется такой сходъ изъ селений, иногда отстоящихъ другъ отъ друга на большомъ разстояніи. Еще больше неудобствъ замѣчается въ этихъ обществахъ съ исполнительной властью. Одинъ сельскій староста на 33 селенія, отстояція на значительномъ разстояніи другъ отъ друга, конечно, не можетъ часто посѣщать всѣ селенія, и они остаются безъ органа, завѣдывающаго ихъ общественными дѣлами.

Правда, въ случаѣ несовпаденія сельскихъ обществъ съ поземельными общинами, законъ предусматриваетъ рѣшеніе поземельныхъ дѣлъ особымъ селеннымъ сходомъ (71—73 ст. общ. полож.) той части общества, которая владѣетъ отдѣльно извѣстнымъ участкомъ земли. Такой сходъ составляется изъ домохозяевъ той части общества, которая владѣетъ такимъ отдѣльнымъ участкомъ земли. Но это не устраняетъ указанныхъ неудобствъ, ибо селенные сходы вѣдаютъ только поземельными дѣлами. Отдѣльныхъ же сходовъ по общественно-хозяйственнымъ дѣламъ законъ не знаетъ. Слѣдовательно, въ указанныхъ случаяхъ существованія нѣсколькихъ сельскихъ обществъ въ одномъ селеніи и существованія одного сельскаго общества, состоящаго изъ нѣсколькихъ селений, неудобство, и весьма существенное, не устраняется.

Сельское общественное управленіе по закону состоитъ изъ сельскаго схода и сельскаго старосты. Кромѣ сельскаго старосты общества могутъ выбирать и другихъ должностныхъ лицъ, какъ-то: сборщиковъ податей, смотрителей хлѣбныхъ магазиновъ, училищъ и больницъ, лѣсныхъ и полевыхъ сторожей.

Сельскій сходъ состоитъ изъ всѣхъ домохозяевъ даннаго сельскаго общества и сельскихъ должностныхъ лицъ. Здѣсь надо указать на существенный пробѣлъ закона, который даетъ себя чувствовать во всѣхъ дѣлахъ крестьянъ, подлежащихъ рѣшенію сельскаго схода: понятіе „домохозяинъ“ у насъ совершенно не опредѣлено въ законѣ.

Кого считаетъ законъ домохозяиномъ? Кто компетентенъ опредѣлить, что данное лицо домохозяинъ и, слѣдовательно, полноправный членъ сельскаго общества?

На это законъ не даетъ отвѣта. Часто въ сельскихъ обществахъ числятся крестьяне, имѣющіе одну усадьбную осѣдность и не имѣющіе полевыхъ надѣловъ.

Сенатъ разъяснилъ, что они полноправные домохозяева. Сенатъ даже пошелъ дальше и призналъ, что домохозяинъ можетъ и лишиться

своего усадебнаго участка и тѣмъ не менѣе, если онъ приписанъ къ данному сельскому обществу, онъ остается домохозяиномъ ¹⁾. Въ обществѣ подворныхъ владѣльцевъ, въ которыхъ семейные раздѣлы могутъ происходить безъ согласія общества, всѣ ли раздѣлившіеся составляютъ особый дворъ и, слѣдовательно, черезъ своихъ домохозяевъ могутъ участвовать въ еходѣ или это право принадлежитъ только тѣмъ дворамъ, которые записаны въ приложеніи къ уставной грамотѣ, какъ владѣльцы первоначальныхъ надѣловъ, отведенныхъ имъ отъ помѣщика? Все это вопросы, не разрѣшенные закономъ, разрѣшаемые разнообразно на практикѣ и плодящіе нескончаемыя жалобы.

Неопредѣленность понятія домохозяинъ влечетъ за собой полную необезпеченность правъ. Съ одной стороны, часто большія имущественныя отношенія, связанныя съ поземельнымъ владѣніемъ, съ правомъ на полевые общественныя земли, рѣшаются лицами, не имѣющими никакихъ интересовъ въ этомъ участіи, съ другой стороны, часто общественныя дѣла, въ которыхъ заинтересовано все населеніе села, рѣшаются небольшимъ числомъ домохозяевъ—владѣльцевъ полевой земли. У насъ есть обширныя промышленныя села, въ которыхъ живутъ десятки тысячъ жителей, разнообразно заинтересованныхъ въ дѣлахъ общественнаго благоустройства, но не имѣющихъ надѣла и совершенно безправныхъ въ дѣлѣ участія въ общественно-хозяйственныхъ вопросахъ.

Сходъ признается законнымъ при участіи не менѣе половины всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ право участвовать въ сходахъ.

По общему правилу закона, дѣла на сходахъ рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ. Изъ этого правила законъ дѣлаетъ исключенія для извѣстнаго рода дѣлъ, для которыхъ требуетъ квалифицированного большинства ^{2/3} голосовъ. Эти дѣла перечислены въ 66 ст. общ. пол. въ 13 пунктахъ. Они главнымъ образомъ касаются существенныхъ вопросовъ, связанныхъ съ владѣніемъ землей, передѣла земли, перехода изъ общиннаго владѣнія въ подворное, удаленія порочныхъ членовъ изъ общества и т. д.

Приговоры сходовъ по важнѣйшимъ дѣламъ, перечисленнымъ въ законѣ, обязательно записываются въ особую книгу приговоровъ.

Особенно обращаетъ на себя вниманіе пробѣлъ закона о срокѣ и способѣ обжалованія сельскихъ приговоровъ. Очевидно, что приговоры могутъ очень существенно нарушать права отдѣльныхъ крестьянъ.

¹⁾ Рѣш. гр. касс. деп. Прав. Сената 30 мая 1884 г. № 67. Также рѣш. 2 деп. Сен. 19 мая 1889 г. № 2548.

Лишать крестьянъ права жалобы на приговоры невозможно. Но съ другой стороны законъ не устанавливаетъ срока его обжалованія. Есть категория приговоровъ, впрочемъ очень незначительная, которая со времени введенія положенія о земскихъ начальникахъ должна быть представлена къ утвержденію уѣзднаго сѣзда. Это приговоры, устанавливающіе или измѣняющіе порядки взиманія, храненія и учета разныхъ денежныхъ сборовъ съ крестьянъ, приговоры, касающіеся соединенія сельскихъ обществъ, приговоры о продажѣ имуществъ, принадлежащихъ малолѣтнимъ и приговоры объ удаленіи порочныхъ членовъ общества. Эти приговоры, разумѣется, могутъ быть обжалуемы только до времени утвержденія ихъ уѣздными сѣздами, и со времени утвержденія они вступаютъ въ законную силу и подлежатъ исполненію.

Относительно же всѣхъ другихъ приговоровъ законъ о времени ихъ обжалованія ничего не говоритъ. Сенатъ растолковалъ умолчаніе закона въ смыслѣ права обжалованія его лицами, считающими свои права даннымъ приговоромъ нарушенными, въ теченіе десяти лѣтъ со времени ихъ постановленія. Послѣ истеченія десяти лѣтъ жалобы уже не могутъ быть приняты ¹⁾.

Такое широкое право обжалованія въ теченіе столь продолжительнаго времени, конечно создаетъ чрезвычайную зыбкость, неустойчивость всѣмъ крестьянскимъ правоотношеніямъ, основаннымъ на приговорахъ сельскихъ обществъ. Создается положеніе, иногда прямо вопіющее. Путемъ приговоровъ общества могутъ входить въ разныя обязательныя отношенія съ третьими лицами, и послѣднія, равно какъ и общество, никогда не могутъ получить увѣренности въ неизблемости пріобрѣтенныхъ правъ. Въ теченіе десяти лѣтъ членъ общества, считающій свои права, какъ члена общества, нарушенными приговоромъ, вслѣдствіе, положимъ, мнѣнія о невыгодности его, можетъ обжаловать приговоръ, и онъ будетъ отмѣненъ, несмотря на то, что онъ давно уже былъ приведенъ въ исполненіе, измѣнилъ въ извѣстномъ смыслѣ имущественныя отношенія, породилъ извѣстныя права и проч.

Благодаря такой неустойчивости значенія приговоровъ, конечно, очень ограничиваются права общества. Частныя лица опасаются входить съ ними въ договорныя отношенія, не зная времени, когда эти приговоры могутъ считаться окончательно состоявшимися, вступившими въ силу и не подлежащими измѣненію.

¹⁾ Рѣш. 2 деп. Пр. Сената 17 апрѣля 1884 г. № 1632. Также рѣш. 1 деп. Пр. Сената 6 сент. 1876 г. № 6351.

Г Л А В А III.

Волость, какъ единица самоуправленія, по дѣйствующему праву.—Организація волости.—Волостной старшина.—Мірскіе сборы и натуральныя повинности.

Волость представляетъ собой не столько единицу *самоуправленія*, сколько территоріальную единицу управленія крестьянами.

Отсутствіе всякой хозяйственной связи у крестьянъ данной волости, искусственность созданія волости сказались на первыхъ же шагахъ дѣятельности волостныхъ учреждений. Если въ сельскомъ обществѣ, несмотря на чрезвычайно неблагоприятныя условія, все-таки мы можемъ найти слѣды самоуправленія, мы можемъ констатировать наличность самостоятельной жизни, можемъ констатировать наличность *авторитета* общественной власти, выражающагося во вліяніи селскаго схода въ жизни селскаго общества, можемъ констатировать значеніе селскаго схода, какъ распорядительнаго органа самоуправления, должностныя лица котораго являются только *исполнителями* постановленій схода въ довольно обширной области общественно-хозяйственныхъ и даже въ нѣкоторыхъ административныхъ дѣлахъ, то въ волости мы уже почти не найдемъ слѣдовъ самоуправления.

Та искусственность образованія волости, о которой я говорилъ, сказалась при самомъ образованіи волостей. Мы имѣемъ очень любопытныя записки о первомъ времени осуществленія общаго положенія о крестьянахъ. Это изданныя при участіи Семева записки Носовича о „Крестьянской реформѣ въ Новгородской губерніи“.

Носовичъ, бывшій членомъ отъ правительства въ одномъ изъ сѣздовъ мировыхъ посредниковъ въ Новгородской губерніи, свидѣтельствуетъ о полномъ недоумѣніи крестьянъ, когда ихъ заставили выбирать десятидворныхъ выборныхъ на волостной сходъ. Они совершенно недоумѣвали, зачѣмъ заставляютъ ихъ выбирать, и что будутъ дѣлать выборные, а выбираемые относились къ своему избранію, какъ къ исполненію какой-то повинности, свыше на нихъ наложенной. Крестьяне сразу стали смотрѣть на волостное управленіе, какъ на начальство ¹⁾.

¹⁾ Носовичъ. „Крестьянская реформа въ Новгородской губерніи“. СПб. 1900 г. стр. 33

Такой результат получился не только отъ указанной уже причины искусственности въ образованіи волостей, но еще и отъ несовпаденія компетенціи волостного схода съ компетенціей исполнительныхъ органовъ волостного управленія. Послѣднія получили полномочія гораздо болѣе широкія, чѣмъ тѣ, которыя обнимали собой компетенцію волостного схода, болѣе широкія и по объему власти и по кругу лицъ, подчиненныхъ этой власти. И уже по одному этому они не могли остаться въ роли исполнительныхъ органовъ волостного схода, а естественно превратились въ начальство, въ самостоятельные органы управленія крестьянами.

На волостного старшину были возложены полицейскія и административныя обязанности по наблюденію за порядкомъ и безопасностью, по наблюденію за сельскими старостами, за исправнымъ отбываніемъ обществами повинностей и, наконецъ, обязанности посредничества между всѣми властями уѣздного и губернскаго управленія и населеніемъ волости.

Вслѣдствіе самаго широкаго толкованія 103 ст. Общ. Пол., возлагающей на волостного старшину обязанность исполнять безпрекословно всѣ законныя требованія земскаго начальника, судебного слѣдователя, мѣстной полиціи и всѣхъ установленныхъ властей, по предметамъ ихъ вѣдомства, волостной старшина и волостное правленіе сдѣлались исполнительными органами, но не схода, а уѣздныхъ и губернскихъ властей. Подъ вліяніемъ указанныхъ обязанностей волостного старшины и волостного правленія сложилась и расширенная компетенція волостного правленія, не совпадающая по пространству дѣйствія и по кругу лицъ съ компетенціей волостного схода ¹⁾.

При учрежденіи волостного управленія въ 1861 году волость предполагалась ограниченной территоріей совокупности крестьянскихъ надѣльных земель, и въ практикѣ крестьянскихъ учрежденій нѣкоторое время держалось такое опредѣленіе компетенціи волостного управленія. Но очень скоро волостное управленіе приобрѣло значеніе органа управленія всей территоріи какъ надѣльных, такъ и частно-владѣльческихъ земель, значеніе органа управленія части уѣзда, который распался цѣликомъ на извѣстное количество волостей.

Кромѣ того, со времени введенія положенія о земскихъ начальникахъ волостному управленію въ отношеніи полиціи и суда подчинены не одни крестьяне, но и мѣщане, посадскіе, ремесленники, живущіе

¹⁾ Ср. сводъ мѣстныхъ губ. Ком. Риттиха. Крестьянскій правопорядокъ. СПб. 1904 г. стр. 143.

на территоріи волости и, такимъ образомъ, и по кругу подвѣдомственныхъ лицъ волостное управленіе имѣетъ болѣе широкую компетенцію, чѣмъ волостной сходъ.

Исполнительнымъ органомъ волостного управленія является волостной старшина. Правда, по закону, существуетъ еще коллегіальный органъ волостного правленія, но фактически онъ не имѣетъ никакого значенія.

Волостное правленіе по закону состоитъ изъ волостного старшины, всѣхъ сельскихъ старостъ и изъ сборщиковъ податей, въ мѣстахъ, гдѣ такіе особые сборщики существуютъ.

Но самъ законъ позаботился о томъ, чтобы ограничить компетенцію указаннаго коллегіальнаго органа до самаго ничтожнаго круга дѣлъ: 1) производства расходовъ, утвержденныхъ уже волостнымъ сходомъ, 2) продажи крестьянскаго имущества по взысканіямъ казны или частныхъ лицъ и, 3) опредѣленіе и увольненіе должностныхъ лицъ, служащихъ по найму.

По всѣмъ другимъ дѣламъ, говоритъ законъ, старшина только совѣтуется съ правленіемъ, но распоряжается, по своему усмотрѣнію, подъ личной своей отвѣтственностью. Въ дѣйствительности и по перечисленнымъ категоріямъ дѣлъ старшина распоряжается по своему усмотрѣнію и существованіе упомянутаго коллегіальнаго волостного правленія является совершенно мифическимъ.

Фактически волостное правленіе состоитъ изъ волостного старшины и писаря.

Волостной старшина—должность выборная. Онъ выбирается волостнымъ сходомъ срокомъ на три года. Свобода выбора волостнымъ сходомъ волостного старшины ограничивается тѣмъ, что сходъ не имѣетъ права выбрать прямо волостного старшину, а обязанъ выбрать двухъ кандидатовъ, изъ которыхъ земскій начальникъ утверждаетъ одного по своему усмотрѣнію, не стѣняясь числомъ избирательныхъ голосовъ того или другого кандидата.

Распространяя свою компетенцію на всю территорію волости, волостное управленіе служить всему населенію волости, включая и помѣщиковъ, въ дѣлѣ наблюденія за путями сообщенія, сношеній съ должностными лицами уѣзда и губерніи, врученія повѣстоковъ, сообщеній и проч.

Изолированное такимъ образомъ отъ волостного схода, поставленное въ положеніе начальства по отношенію ко всему непривилегированному населенію волости, волостное управленіе однако содержится только на средства крестьянскаго населенія волости—неспра

ведливость вопиющая, за которую крестьянам приходится дорого платиться. Какъ дорого—это показываютъ цифры мірскихъ волостныхъ расходовъ, опубликованныхъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ въ 1895 году.

Оказывается, что въ 47 губерніяхъ Европейской Россіи (за исключеніемъ Прибалтійскихъ губерній) ежегодно тратится на содержание волостного управления 11,208,773 руб., которые вмѣстѣ съ обязательными расходами по почтовой гонимѣ (3,567,186 руб.), достигая въ общей сложности 15-ти съ половиной милліоновъ рублей, составляютъ 88% всѣхъ волостныхъ расходовъ¹⁾.—И всѣ эти 15 съ половиной милліоновъ уплачиваются одними крестьянами.

Съ усложненіемъ жизни, съ увеличеніемъ обязанностей, возлагаемыхъ на органы волостного управления, цифры волостныхъ мірскихъ расходовъ прогрессивно очень сильно увеличиваются. Г. Бржескій въ своемъ обстоятельномъ трудѣ „Натуральные повинности крестьянъ и мірскіе сборы“ приводитъ цифры, характеризующія ростъ расходовъ на содержание волостныхъ правленій; изъ нихъ усматривается, что этотъ ростъ происходитъ изъ года въ годъ въ прогрессіи, очень сильно возрастающей.

При этомъ власть крестьянскаго начальства, стоящаго надъ волостью, въ опредѣленіи главныхъ статей волостныхъ расходовъ значительно увеличена при введеніи положенія о земскихъ начальникахъ. Эта власть усилилась вообще и увеличила этимъ вліяніе земскаго начальника на волостные сходы. Земскіе начальники, пользуясь своей дисциплинарной властью надъ волостными старшинами, взыскивали съ послѣднихъ въ томъ случаѣ, когда волостные сходы не соглашались дѣлать постановленія, удобныя земскому начальнику. Бывали случаи, и нерѣдкіе, наложенія дисциплинарнаго взысканія на всѣхъ членовъ волостного схода за неповиновеніе земскому начальнику, требующему ассигнованія какой-либо суммы на волостные расходы.

Но по нѣкоторымъ и притомъ, весьма существеннымъ статьямъ расходовъ, законъ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено положеніе о земскихъ начальникахъ, предоставилъ уѣзднымъ сѣздамъ, состоящимъ, какъ извѣстно, главнымъ образомъ, изъ земскихъ начальниковъ уѣзда, право самимъ опредѣлять обязательный для сельскаго и волостного общества размѣръ расхода на жалованье волостному старшинѣ, волостному писарю, помощнику волостного писаря и сельскому старостѣ²⁾.

¹⁾ См. Страховскій. „Крестьянскія права и учрежденія“ стр. 31—33.

²⁾ См. 196 о. общ. пол., изд. 1902 года.

Этимъ правомъ учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ пользуются очень широко, увеличивая размѣръ обязательныхъ мірскихъ расходовъ при всякой возможности.

Возможность, конечно, стоитъ въ зависимости отъ платежеспособности крестьянъ. Въ ней предѣлъ мірскаго обложенія, которое захватываетъ всякій излишекъ крестьянскаго дохода. При отсутствіи въ законѣ какой-либо точной регламентаціи обязанностей крестьянъ по несенію мірскихъ повинностей и отсутствіи вслѣдствіе этого гарантій для крестьянскихъ интересовъ противъ произвольнаго обложенія по требованію административныхъ властей, желающихъ водворять на средства крестьянъ мѣстное благоустройство—мірскіе расходы растутъ по мѣрѣ облегченія крестьянъ по казеннымъ взысканіямъ и по выкупнымъ обязательствамъ. Въ этомъ заключается секретъ того, что пониженіе казенныхъ взысканій и выкупныхъ платежей рѣдко влечетъ за собой тотъ подъемъ крестьянскаго благосостоянія, ради котораго такое облегченіе предпринимается.

Бржескій, специально и очень тщательно изучившій всѣ детали мірскаго обложенія крестьянъ на основаніи цифрового матеріала, констатируетъ фактъ соответствія увеличенія мірскихъ расходовъ облегченію тяжести казенныхъ повинностей¹⁾. Какъ только казенные платежи понижаются, такъ немедленно возрастаютъ мірскіе расходы, поглощая собой иногда весь и всегда бѣльшую часть дохода, освобождающагося отъ пониженія казеннаго обложенія.

Я останавливаюсь на вопросахъ, связанныхъ съ мірскимъ обложеніемъ, потому что въ этихъ вопросахъ, кажущихся специальными, въ дѣйствительности отражаются существенныя стороны крестьянской общественной жизни, отражаются и многія стороны, связанныя съ поземельными отношеніями крестьянъ.

Я приведу примѣры. Незнакомымъ съ бытомъ крестьянъ можетъ показаться непонятнымъ, почему крестьянская земля, почти свободная отъ выкупныхъ платежей, охотно уступается уходящимъ изъ общества этому послѣднему. Или почему крестьяне стараются вмѣсто найма сторонняго работника принять къ себѣ въ домъ на правахъ члена семьи посторонняго семей чловека. Ближайшее ознакомленіе съ условіями жизни крестьянъ, въ числѣ которыхъ не малую роль играетъ и совокупность денежныхъ и натуральныхъ повинностей и способъ ихъ раскладки, объяснитъ намъ эти явленія.

¹⁾ Бржескій. *Op. cit.*, стр. 200

Обозрѣвая цифры, относящіяся къ мірскимъ сборамъ, мы прежде всего находимъ въ нихъ поразительное подтвержденіе общихъ указаній, сдѣланныхъ относительно значенія въ общественной жизни крестьянъ органовъ ихъ самоуправленія: сельскаго и волостного.

Въ то время, какъ въ волостныхъ мірскихъ расходахъ—расходы на управленіе, т. е. на содержаніе должностныхъ лицъ, составляютъ болѣе 80%, а расходы на сельско-хозяйственныя потребности всего 1%, въ мірскихъ расходахъ сельскихъ обществъ расходы по управленію составляютъ всего 27%, а на сельско-хозяйственныя потребности—39%.

Какое значеніе имѣютъ мірскіе сборы въ дѣлѣ податного обремененія крестьянъ, видно изъ того, что въ пятилѣтіе 1896—1900 г.г. они составляли въ среднемъ для всей Россіи 49 коп. съ десятины, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ достигали до одного рубля и болѣе.

Должностныя лица крестьянскаго управленія: сельскіе старосты, волостные старшины и учрежденія, какъ волостныя правленія, по характеру своей дѣятельности, какъ я указалъ, являются общегосударственными, а не сословными органами. Ихъ дѣятельностью обезпечивается прямая задача правительственной власти—своевременное принятіе мѣръ для охраненія порядка, благочинія и безопасности, причемъ мѣры эти дѣйствительны по отношенію ко всѣмъ сословіямъ, а не къ однимъ лишь крестьянамъ. Такимъ образомъ, оказывается, что главнѣйшій расходъ сельскаго и почти исключительный расходъ волостного бюджета падаетъ на содержаніе органовъ, несущихъ административныя, полицейскія и даже судебныя обязанности, которыя составляютъ часть обязанностей государственныхъ и должны были бы оплачиваться государствомъ, т. е. должны были бы быть разложены на все населеніе, а не на однихъ крестьянъ.

Насколько подобный строй крестьянскихъ повинностей исключителенъ и неправиленъ, можно видѣть изъ сравненія мірскихъ сельскихъ повинностей въ Россіи и Финляндіи, гдѣ эти повинности построены на началахъ, неизмѣримо болѣе нормальныхъ.

Предметы вѣдомства сельской общины въ Финляндіи почти совпадаютъ съ кругомъ дѣлъ, порученныхъ нашимъ земскимъ и городскимъ учрежденіямъ. Сопоставляя цифры сельскихъ мірскихъ расходовъ въ Россіи и Финляндіи, мы видимъ, что въ то время какъ въ Россіи административные расходы поглощаютъ 45% всѣхъ мірскихъ расходовъ, въ Финляндіи они достигаютъ всего 7%, зато въ то время какъ въ Россіи на народное образованіе тратится всего 8,5% мірскихъ сборовъ, а на дорожное дѣло 1,9%, въ Финляндіи на народное образованіе тратится 21%, а на дорожную часть 19%!

Въ пятилѣтіе отъ 1896 до 1900 года подесятинный окладъ мірскихъ сборовъ составлялъ въ среднемъ болѣе половины оклада казенныхъ податей и превышалъ болѣе чѣмъ въ два раза окладъ земскихъ сборовъ¹⁾.

Интересны также сопоставленія степени обложенія помѣщичьихъ и крестьянскихъ земель. Эти свѣдѣнія мы имѣемъ въ матеріалахъ, собранныхъ извѣстной Валуевской комиссіей.

Оказывается, что въ то время какъ на 90 милл. десятинъ частновладѣльческихъ земель приходилось 13 милл. рублей поземельныхъ налоговъ, т. е. менѣе 14 съ половиной коп. съ десятины, на 105 милл. десятинъ крестьянскихъ земель приходится 104 милл. такихъ же поземельныхъ налоговъ, т. е. 95½ коп. съ десятины. Теперь это несоотвѣтствіе еще болѣе увеличилось вслѣдствіе роста мірскихъ расходовъ.

Мы знаемъ, что ропотъ помѣщиковъ на тяжесть земскаго обложенія, разоряющаго сельское хозяйство, вызвалъ законъ о предѣльности земскаго обложенія. Какой бы вопль стоялъ у насъ, если бы помѣщики принуждены были платить и мірскіе сборы, въ два раза превышающіе земское обложеніе. Вопли же крестьянъ не доходятъ до ушей тѣхъ, кто долженъ бы слышать ихъ, и упадокъ крестьянскаго хозяйства у насъ любятъ объяснять чѣмъ угодно: неразвитостью крестьянъ, несовершенствомъ обработки полей, отсутствіемъ у нихъ права собственности, существованіемъ общиннаго владѣнія и проч., въ то время, когда разгадка вопроса о крестьянскомъ хозяйствѣ можетъ быть именно въ непомѣрномъ обложеніи, поглощающемъ большую часть дохода съ земли.

Выкупные платежи, тяжесть которыхъ такъ ярко обрисована въ знаменитомъ сочиненіи Янсона о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ, составляли только часть той податной тяжести, которая лежитъ на крестьянскихъ земляхъ, и сложеніе выкупныхъ платежей, послѣдовавшее съ 1 января 1907 года дастъ благопріятныя послѣдствія только тогда, когда будетъ урегулирована тяжесть мірскихъ сборовъ, т. е., когда эта тяжесть будетъ разложена равномерно на все населеніе Имперіи, независимо отъ ихъ принадлежности къ тому или другому сословію.

Тяжесть лежащей на крестьянахъ обязанности содержать органы крестьянскаго управленія, которые въ дѣйствительности служатъ не однимъ крестьянамъ, но и всѣмъ жителямъ, живущимъ въ волости, въ

¹⁾ Вржескій. *Op. cit.*, стр. 206 и слѣд.

томъ числѣ и помѣщикамъ, является не единственнымъ обремененіемъ крестьянства въ повинностяхъ, которыя должны бы нести всѣ сословія, и, слѣдовательно, не единственнымъ остаткомъ прежнихъ крепостныхъ отношеній въ области финансоваго обложенія.

Другимъ источникомъ обремененія крестьянъ особыми повинностями являются натуральныя повинности, возлагаемыя закономъ на крестьянскія общества.

Свѣдѣнія о натуральныхъ повинностяхъ и значенія ихъ въ крестьянской жизни у насъ очень мало распространены. На нихъ слишкомъ мало сосредоточиваютъ вниманіе при изслѣдованіи экономическаго состоянія крестьянъ вообще и при изслѣдованіи причинъ крестьянскаго оскудѣнія въ частности. А между тѣмъ натуральныя повинности и способы ихъ исполненія отражаются не только на благосостояніи крестьянъ. Они отражаются также и на ихъ правовыхъ отношеніяхъ, отражаются въ частности и на поземельныхъ отношеніяхъ.

Вотъ почему я нахожу необходимымъ дать нѣкоторыя свѣдѣнія, разъясняющія эту темную область крестьянской правовой жизни.

Эта область только въ самое послѣднее время стала освѣщаться полученными съ разныхъ мѣстъ свѣдѣніями, которыя позволяютъ оцѣнить всю тяжесть натуральныхъ повинностей крестьянъ.

Главнѣйшими видами натуральныхъ повинностей крестьянъ являются: повинности дорожная, подводная, тушенія пожаровъ, общественнаго призрѣнія, отбыванія карауловъ, истребленія вредныхъ насекомыхъ и отбываніе полицейской службы въ должностяхъ сотскихъ и десятскихъ.

Тяжесть этихъ повинностей очень неравномѣрна въ разныхъ частяхъ Россіи. Въ общемъ наиболѣе тяжелыми изъ перечисленныхъ повинностей являются повинности по исполненію полицейскихъ должностей—недавно еще сотскихъ и десятскихъ, а въ настоящее время въ мѣстностяхъ, гдѣ введены стражники—однихъ десятскихъ—и повинность дорожная.

Оба вида указанныхъ повинностей носятъ по существу своему, очевидно, всесловное значеніе, но ихъ несутъ одни крестьяне. И при этомъ несутъ въ такихъ условіяхъ полного произвола полиціи въ опредѣленіи ихъ размѣра и тяжести, что условія эти еще болѣе отягчаютъ ихъ.

Въ отзывахъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности мы находимъ многочисленныя данныя для сужденія о

тяжести повинности несенія полицейскихъ обязанностей. Но особенно ярко тяжесть этой повинности обрисовывается въ отзывахъ самихъ крестьянъ, бывшихъ членами указанныхъ комитетовъ.

Вотъ, напр., отзывъ крестьянина Рындина Вологодскому уѣзному комитету: „Въ числѣ многихъ причинъ упадка сельскаго хозяйства у крестьянъ и объединенія ихъ“, говоритъ онъ, „нельзя не указать на повинность по исполненію обязанностей сотскихъ и десятскихъ“. Въ особенности тяжелы эти обязанности, когда онѣ отбываются во время полевыхъ работъ. Общество обыкновенно назначаетъ самое ничтожное вознагражденіе, а иногда не назначаетъ никакого. А между тѣмъ, исполняя обязанности свои, сотскіе и десятскіе въ большинствѣ случаевъ должны бывать въ своего селенія, сопровождая арестованныхъ, препровождая казенные пакеты, находясь, наконецъ, въ качествѣ разсыльныхъ при станovýchъ квартирахъ. Находясь при станovýchъ квартирахъ, сотскіе и десятскіе вынуждены часто исполнять обязанности прислуги при становомъ приставѣ и безпрекословно исполнять приказанія не только его, но и его домашнихъ. Такимъ образомъ, исполненіе обязанностей сотскаго и десятскаго не только обременительно, но и унижительно. А между тѣмъ никто отъ нея отказаться не можетъ и она должна по очереди исполняться всѣми крестьянами.

Очень интересенъ въ смыслѣ описанія бытовыхъ условій несенія этой повинности отзывъ въ одномъ изъ комитетовъ другого крестьянина: „Приходится“, говоритъ онъ, „быть рабомъ становаго и его служащихъ, въ особенности писмоводителя... Одинъ десятскій, напр., дежурилъ двѣ недѣли: шесть дней по очереди, а шесть дней за то, что не досталъ котятъ изъ-подъ амбара, а ихъ нельзя было достать, потому что амбаръ былъ низокъ: подъ него не подлѣзешь... Когда бываетъ у насъ урядникъ, то мы должны его встрѣчать и провожать, какъ губернатора: два десятскихъ впереди, а два сотскихъ позади, а онъ ѣдетъ съ деревни на деревню и покрикиваетъ... Урядникъ заѣдетъ къ знакомому и просиживаетъ день и ночь, а сотскій караулить лошадь во дворѣ въ самый холодъ... На то мы и полиція!“ заключаетъ свои слова тотъ же крестьянинъ, вспоминая свою службу сотскаго.

Конечно, такія условія несенія полицейской службы рождаютъ произвольныя требованія низшихъ агентовъ полиціи—становыхъ и урядниковъ, приближающія отношенія ихъ къ сотскимъ и десятскимъ къ крепостнымъ отношеніямъ.

Въ отзывахъ тѣхъ же комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности мы встрѣчаемъ рассказъ крестьянина о раз-

мѣръ повинностей, которыя несетъ его деревня въ пользу мѣстнаго становаго пристава. Деревня состоитъ изъ 30 дворовъ; въ ней два десятскихъ и одинъ сотскій. Отстоитъ отъ уѣзднаго города Суджи въ 18 верстахъ. Въ Суджѣ становой приставъ и вотъ деревня, помимо наряда сотскихъ и десятскихъ еще посылаетъ на каждую недѣлю по двѣ, а то и по три подводы и, кромѣ того, въ годъ поставляетъ отъ 80 до 160 подводъ съ возчиками. Зачѣмъ? Для того, чтобы копать огороды, садить картофель, убирать сѣно, рубить дрова, возить воду и проч. При такихъ условіяхъ несенія полицейской службы понятно замѣчаніе другого крестьянина въ одномъ изъ комитетовъ, что „избавленіе крестьянъ земледѣльцевъ отъ такой полицейской службы равнялось бы освобожденію ихъ отъ крѣпостной зависимости“.

Насколько велика по стоимости эта повинность крестьянъ даже безъ оцѣнки тѣхъ привходящихъ условій, ее отягчающихъ, о которыхъ я упомянулъ, видно изъ того, что по официальнымъ свѣдѣніямъ въ 46 губерніяхъ Европейской Россіи она оцѣнивается приблизительно въ 22 милліона рублей¹⁾.

Другая очень обременительная крестьянская натуральная повинность—дорожная.

Законодательныя постановленія, ее нормирующія, сложились еще въ эпоху крѣпостного права, когда законодатель смотрѣлъ на крестьянъ исключительно, какъ на тяглую силу, которая своимъ трудомъ должна была служить и государству и помѣстному сословію.

При существованіи крѣпостного права владѣлецъ земли и его крестьяне составляли въ отношеніи мѣстныхъ повинностей одну единицу, которая эту повинность должна была нести. Помѣщикъ отводилъ изъ своего имѣнія строительный матеріалъ, а крестьяне производили натурой постройку или исправленіе дороги.

Съ отмѣной крѣпостного права указанное распредѣленіе обязанностей осталось въ силѣ. И по дѣйствующему праву только за крестьянами осталась обязанность натуральной повинности по исправленію дорогъ, какъ земскихъ, такъ и проселочныхъ. повинность эта, разумѣется, имѣющая общегосударственное значеніе, исполняемая для нуждъ всего населенія, безъ различія сословія, обременяетъ крестьянъ до чрезвычайности. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ она прямо разорительна для крестьянъ. Напр., въ Шенкурскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи крестьяне, владѣющіе всего 5% земли въ уѣздѣ, обязаны исправлять и содержать почтовые тракты протяженіемъ 343 версты,

на что тратятъ ежегодно около 23 тысячъ рублей. Въ Гайсинскомъ уѣздѣ Подольской губерніи крестьяне на дорожную повинность по земскимъ дорогамъ тратятъ по 76 тысячъ рабочихъ дней!

Повинность эта тяжела еще и тѣмъ, что нерѣдко ее приходится исполнять на значительномъ разстояніи отъ селенія. Проселочныя дороги содержатся тѣми крестьянскими обществами, черезъ земли которыхъ онѣ проходятъ. Но земскія дороги исправляются по особымъ расписаніямъ, по коимъ тѣ или другіе участки дорогъ приписываются къ данному селенію, иногда удаленному на нѣсколько десятковъ верстъ. Бываютъ даже случаи удаленія на сотни верстъ. Въ Витебской губерніи обычное разстояніе дорожныхъ участковъ—20—30 верстъ отъ селенія, обязаннаго чинить участокъ. Но въ ней есть и разстоянія значительно большія. Крестьяне Городокскаго уѣзда, Витебской губерніи обязаны исполнять дорожную повинность даже не въ своемъ уѣздѣ, а въ сосѣднемъ, на разстояніи 100 верстъ. Въ Подольской губерніи разстоянія часто достигаютъ 50—60 верстъ. Но особенно значительны разстоянія въ малонаселенныхъ восточныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ. Въ Олонецкой губерніи дорожные участки по земской раскладкѣ достигаютъ разстоянія 140 верстъ. Въ Оренбургской губерніи разстояніе въ 100 верстъ считается зауряднымъ. Въ Яренской волости, Архангельской губерніи для исправленія дорожнаго участка на Онего-Архангельскомъ трактѣ крестьяне являются къ участку на собственныхъ карбасахъ за 50—65 верстъ Бѣлымъ моремъ и Унской губой и должны иногда проживать на участкѣ неопредѣленное время на собственномъ продовольствіи, за невозможностью вернуться въ свои деревни вслѣдствіе морскихъ вѣтровъ; въ этой же губерніи имѣются дорожные участки, удаленные отъ приписанныхъ къ нимъ селеній на 300 верстъ, а въ одномъ случаѣ даже на 612 верстъ!

Дорожная повинность отяжеляется еще тѣмъ, что она всецѣло находится въ зависимости отъ степени требовательности чиновъ полиціи, слѣдовательно въ зависимости отъ произвола. Въ законѣ нѣтъ никакихъ ограниченій такой требовательности, кромѣ указанія на то, что повинность эта должна производиться въ свободное отъ полевыхъ работъ время. Но тутъ же законъ разрѣшаетъ полиціи въ случаяхъ чрезвычайныхъ требовать исполненія повинности и лѣтомъ. На самомъ же дѣлѣ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, требованіе исполненія повинности въ лѣтніе мѣсяцы—явленіе обычное, особенно, если предвидится передвиженіе войскъ или проѣздъ начальствующихъ лицъ, который часто приурочивается къ лѣтнему времени.

¹⁾ Бржескій. Op. cit., стр. 40.

Труды комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности раскрыли намъ любопытныя черты отбыванія дорожной повинности и тѣ отягощенія крестьянскаго населенія произволомъ полиціи въ этомъ дѣлѣ, которыя дѣлаютъ эту повинность столь ненавистной населенію.

Характерно показаніе одного члена Брацлавскаго уѣзднаго комитета Подольской губерніи. По его словамъ, бывший Орловскій губернаторъ графъ Левашевъ, проѣзжая на ревизію изъ Орла въ Елецъ на большомъ почтовомъ трактѣ, встрѣтилъ такую гору, что его едва вывезла шестерка сильныхъ лошадей. Взглянувъ ввусительно на исправника, онъ воскликнулъ: „Однако, у васъ дороги, чортъ возьми!“. Возвращаясь съ ревизіи и готовясь къ переѣзду досадившей его горы, губернаторъ былъ удивленъ легкости и удобству спуска на этомъ мѣстѣ. „Но вѣдь здѣсь, кажется, была ужасная гора?“ спрашиваетъ онъ исправника. „Была, Ваше сіятельство“. „Гдѣ же она?“—„Скрыта!“ торжествующе отвѣчаетъ исправникъ. Скрыта натуральной дорожной повинностью крестьянъ.

До какихъ злоупотребленій доходятъ въ данномъ случаѣ требованія администраціи, видно изъ опубликованнаго газетами въ 1902 году циркуляра генераль-губернатора Драгомирова, который обратилъ вниманіе полиціи на незаконность ея распоряженій, замѣченныхъ при проѣздѣ по краю. Изъ разспросовъ группъ крестьянъ, встрѣченныхъ имъ на дорогѣ, онъ узналъ, что крестьяне были согнаны изъ деревень, отстоящихъ на 20—30 верстъ отъ участковъ дороги и должны были жить на участкахъ дороги по двѣ недѣли не только для исправленія дороги, по которой долженъ былъ проѣхать генераль-губернаторъ и которая была уже приведена въ полную исправность, но и „на случай возможной порчи дорогъ“. Вотъ до какихъ предѣловъ игнорированія интересовъ крестьянъ доходитъ иногда требовательность полиціи, предъявляемая къ крестьянамъ по дорожной повинности. Въ Фатежскомъ уѣздѣ, Курской губерніи крестьяне нѣсколькихъ волостей въ 1900 году, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, заняты были исправленіемъ дорогъ, по случаю предполагавшихся маневровъ. Ослабленіе платежныхъ силъ населенія было естественнымъ результатомъ такихъ непомерныхъ требованій въ области исполненія натуральныхъ повинностей.

При такой зависимости исполненія дорожной повинности отъ требованія полиціи очень легко случается, что крестьяне несутъ обязанность по этой повинности не только за себя, но и за помѣщиковъ. Проселочныя дороги должны по закону чиниться тѣми владѣльцами земли, черезъ участки которыхъ дороги проходятъ. Слѣдовательно,

обязанность чинить проселочныя дороги, проходящія черезъ имѣнія помѣщиковъ, лежитъ на послѣднихъ. Но труды комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности констатируютъ цѣлый рядъ случаевъ, когда крестьяне принуждаемы были чинить и тѣ проселочныя дороги, которыя проходятъ не по ихъ землямъ.

Такъ, напр., Яренскій уѣздный комитетъ Вологодской губерніи засвидѣтельствовалъ, что крестьяне въ этомъ уѣздѣ несутъ обязанности починки проселочныхъ дорогъ, пролегающихъ черезъ казенныя дачи. Радомысльскій уѣздный комитетъ Кіевской губерніи удостоуверилъ, что исправленіе дорогъ черезъ земли землевладѣльцевъ привилегированнаго сословія производится исключительно крестьянами.

При такихъ условіяхъ не будетъ удивительнымъ фактъ, отмѣчаемый однимъ изъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, что при обсужденіи въ немъ вопроса о натуральной дорожной повинности обыкновенно сдержанные крестьяне говорили объ этой повинности „съ такимъ раздраженіемъ и въ такихъ выраженіяхъ, что предсѣдатель былъ вынужденъ останавливать докладчиковъ и приводить ихъ въ порядокъ“...

Всѣ остальные натуральныя повинности—подводная, постоянная, по тушенію пожаровъ, несенію карауловъ, по истребленію вредныхъ насекомыхъ и проч., отправляются въ условіяхъ, аналогичныхъ описаннымъ. Всѣ онѣ не только крайне тяжелы, но онѣ и несправедливы тѣмъ, что ложатся на однихъ крестьянъ.

Совершенно правъ одинъ изъ членовъ сельско-хозяйственнаго комитета Вятской губерніи, говоря въ своей запискѣ, что „лежащая на крестьянахъ обязанности по выполненію натуральныхъ повинностей—есть особенность деревенской правовой жизни“ и доказывая всю несправедливость сохраненія такой особенности.

Тяжесть лежащихъ на крестьянахъ особыхъ, только ими отбываемыхъ повинностей, усугубляется еще чрезвычайно неравномернымъ распредѣленіемъ этихъ повинностей какъ по мѣстностямъ, такъ и среди крестьянъ данной волости.

Прежде всего надо замѣтить, что есть повинности, которыя крестьянамъ данныхъ мѣстностей приходится отбывать очень рѣдко, а для крестьянъ другихъ мѣстностей онѣ прямо разорительны.

Повинности по несенію полицейской службы, дорожная и подводная, ложатся еще сравнительно равномерной тяжестью на населеніе разныхъ мѣстностей, хотя, какъ мы видѣли, всетаки разнятся между собой, и довольно существенно, когда въ одной мѣстности эту повинность приходится исполнять вблизи селенія, а въ другомъ на разстояніи сотни верстъ отъ селенія.

Но натуральныя повинности по тушенію лѣсныхъ пожаровъ и истребленію вредныхъ насѣкомыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не особенно отяготительныя, въ другихъ, наоборотъ, являются чрезвычайно тяжелыми.

Лежащая на крестьянахъ натуральная повинность по тушенію пожаровъ установлена была еще въ дореформенное время. Государственные крестьяне обязаны были въ случаѣ лѣсного пожара являться изъ всѣхъ смежныхъ деревень съ ведрами, метлами, заступами и оставаться до окончанія пожара.

Эта обязанность распространена дѣйствующимъ закономъ на всѣхъ крестьянъ и регулирована такимъ образомъ, что крестьяне, живущіе въ окружности на разстояніи не далѣе 15 верстъ отъ пожара, должны по первому требованію являться на пожаръ и оставаться на немъ до окончанія безъ всякаго вознагражденія и при этомъ должны тушить какъ пожары лѣсовъ казенныхъ, такъ и частно-владѣльческихъ помѣщичьихъ.

Отзывы сельско-хозяйственныхъ комитетовъ губерній, въ которыхъ много лѣсовъ, указываютъ на всю тяжесть этой повинности. Крестьяне, замѣчаютъ комитеты, обязаны при лѣсныхъ пожарахъ бросать всѣ свои работы, какъ бы важны и неотложны онѣ ни были, и работать при тушеніи пожаровъ иногда недѣлю и болѣе. И это тѣмъ тяжелѣе, что пожары часто возникаютъ лѣтомъ, въ самую горячую пору полевыхъ работъ.

Тяжесть этой повинности въ концѣ концовъ очень неблагоприятно отражается и на самомъ тушеніи пожаровъ и, какъ это ни странно, способствуетъ опустошительности ихъ. Комитеты заявляютъ, что крестьяне, боясь быть привлеченными къ тушенію лѣсного пожара, часто, завидя его, стараются не извѣщать о немъ, а вслѣдствіе такого неизвѣщенія пожаръ разгорается и принимаетъ большіе размѣры.

Обозрѣвая всю совокупность повинной тяготы крестьянъ, вдумываясь въ тѣ бытовыя условія, въ которыхъ онѣ исполняются, представляя себѣ ту зависимость крестьянъ отъ полиціи при исполненіи ихъ, невольно приходится убѣдиться, насколько еще крестьяне въ этомъ отношеніи пребываютъ въ состояніи, близкомъ къ крѣпостному праву, насколько они не свободны въ своемъ трудѣ, въ правѣ располагать своею личностью. Сколько на нихъ лежитъ обязанностей, которыя они должны исполнять часто экстренно, по первому требованію полиціи, бросая всѣ работы, всѣ хозяйственныя свои предположенія.

Неравномѣрность повинностей выражается также и въ раскладкѣ ихъ въ волости. По утвержденію лицъ, близко знакомыхъ съ системой

раскладки, денежныя повинности, т. е. мірскіе сборы, раскладываются между селеніями на волостныхъ сходахъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ по числу ревизскихъ душъ селеній ¹⁾. Понятна неравномѣрность такого обложенія. Во-первыхъ, со времени послѣдней ревизіи т. е. съ 1859 года отношеніе числа ревизскихъ душъ разныхъ селеній волости совершенно не соотвѣтствуетъ отношенію дѣйствительнаго количества населенія этихъ селеній, съ другой стороны ревизскія души разныхъ селеній были различно надѣлены землей. По даннымъ, собраннымъ, напримѣръ, по Симбирской губерніи, оказывается, что помѣщичьимъ крестьянамъ, получившимъ дарственные надѣлы, приходится платить одного волостного сбора въ среднемъ съ десятины 1 рубль 78 коп., а помѣщичьимъ крестьянамъ, получившимъ высшій надѣлъ,—48 коп. Удѣльные крестьяне платятъ волостного сбора:—получившіе до 2-хъ дес.—81,4 коп., а получившіе высшій надѣлъ—27,2 коп.

Такимъ образомъ, при ревизской разверсткѣ общество, владѣющее сравнительно большимъ количествомъ надѣльной земли, будетъ платить по сравненію съ его платежными силами меньше, нежели общество съ тѣмъ же числомъ ревизскихъ душъ, но владѣющее меньшимъ количествомъ земли.

Есть еще одна сторона разверстки, мѣшающая правильной разверсткѣ мірскихъ сборовъ тамъ, гдѣ волости пришли къ мысли о необходимости переложить денежныя мірскія повинности на землю. Такія переложенія, казалось бы, соотвѣтствующія правильной системѣ раскладки, очень обычны въ западныхъ губерніяхъ.

Но начало приписки, господствующее надъ мірскимъ обложеніемъ, мѣшаетъ и здѣсь правильному распредѣленію тяжести мірскихъ повинностей. Ими по закону обложены только крестьяне, числящіеся приписанными или къ какому-либо селенію волости, или къ самой волости. Крестьяне, владѣющіе въ предѣлахъ волости землей, но не приписанные къ ней, не могутъ быть обязанными платить мірскіе сборы, хотя они вмѣстѣ съ другими жителями волости пользуются всѣми выгодами, создаваемыми учрежденіями, содержимыми на мірскіе сборы.

Вотъ какъ пестро, неравномѣрно и ненормально устроено въ настоящее время несеніе крестьянами разнообразныхъ повинностей.

Столь же ненормально устроена и вся общественно-хозяйственная сторона жизни крестьянъ.

Очевидно, здѣсь необходимы коренныя измѣненія, коренная реформа и, конечно, эта реформа можетъ выразиться только въ одномъ

¹⁾ Бржескій. Ор. cit., стр. 127 и слѣд.

направленіи: въ направленіи переустройства сословныхъ крестьянскихъ учреждений въ общесословные органы мѣстнаго управленія по типу проектируемой въ нашей литературѣ и во многихъ земствахъ мелкой земской единицы.

Необходимость учрежденія мелкой земской единицы настоятельна и только съ ея учрежденіемъ исчезнетъ и та несправедливость въ обложеніи крестьянъ, которая такъ вопіюща въ настоящее время и такъ разорительна для крестьянскаго населенія.

Надо только опасаться, что тяжесть мѣстныхъ, мірскихъ и натуральныхъ повинностей, разложенная на всѣ сословія, на всѣхъ жителей волости, будетъ служить тормазомъ для этой реформы до тѣхъ поръ, пока интересы крупныхъ земельныхъ собственниковъ будутъ вліять на рѣшеніе общественныхъ и государственныхъ вопросовъ.

ГЛАВА IV.

Волостной судъ.—Историческія основанія учрежденія волостного суда.— Волостной судъ по Положенію 19 февраля 1861 года.—Реформа волостного суда въ 1889 году.—Проекты преобразованія мѣстнаго суда.—Волостной судъ по закону о мѣстномъ судѣ 15 іюня 1912 года.

I.

Обособленность правового положенія крестьянъ завершается обособленностью ихъ въ судебномъ отношеніи. Почти во всѣхъ проступкахъ, предусмотрѣнныхъ уставомъ о наказаніяхъ, и въ большей части гражданскихъ споровъ, возникающихъ въ крестьянской средѣ, крестьяне подчинены особому суду—суду волостному. Только совершая важныя уголовныя преступленія или участвуя въ крупномъ гражданскомъ спорѣ, крестьяне имѣютъ право обращаться къ общему суду. Во всѣхъ остальныхъ дѣлахъ общій судъ для нихъ закрытъ. Въ этихъ дѣлахъ блага судебной реформы на крестьянъ не распространяются. Поскольку волостной судъ поддерживаетъ крестьянскую обособленность, поскольку онъ является выразителемъ идеи сословности—постольку онъ является учрежденіемъ, къ которому можно относиться только отрицательно,—какъ къ такому, которое противорѣчитъ основному принципу современнаго государственнаго строя—равенства всѣхъ передъ закономъ.

Равенство всѣхъ передъ закономъ означаетъ и равенство всѣхъ гражданъ передъ судомъ. Судъ обеспечиваетъ торжество закона, посредствомъ суда восстанавливается всякое нарушеніе закона. Очевидно, что равенство всѣхъ передъ закономъ означаетъ обеспечение всѣмъ равной защиты противъ нарушителей закона, въ какой бы области нарушеніе не произошло: въ области публичнаго права или права частнаго, гражданского или уголовного.

Равная же защита можетъ быть доставлена только равнымъ для всѣхъ судомъ. Вотъ почему тѣ писатели, которые видятъ въ волостномъ судѣ только выраженіе идеи сословной обособленности крестьянъ, правы со своей точки зрѣнія, требуя безъ всякихъ оговорокъ полного упраздненія волостного суда, правы, отрицая цѣлесообразность существованія волостного суда не только въ настоящемъ, но и въ прошломъ.

Но они часто забываютъ, что волостной судъ не всегда служилъ одной идеѣ сословной обособленности крестьянъ, что онъ только въ послѣднее время все больше и больше усваиваетъ эту отличительную особенность.

Въ прошломъ волостного суда, въ самой идеѣ его учрежденія имѣются другія стороны, которыя прежде обращали на себя преимущественное вниманіе изслѣдователей. Идея судебной автономіи, положенная въ основу учрежденія волостного суда его основателями, идея учрежденія суда не изъ чиновниковъ, а изъ представителей самого населенія, выбранныхъ свободно самимъ населеніемъ, близкаго ему, знакомаго съ бытовыми условіями населенія данной мѣстности, съ его правовыми понятіями и обычаями—вотъ та сторона въ учрежденіи волостного суда, которая привлекла къ себѣ вниманіе и которая заставляла многихъ писателей прогрессивнаго лагеря, какъ Кистяковский, Зарудный, Чубинскій, встать на его защиту противъ нападокъ, которыя нерѣдко шли изъ лагеря людей, враждебно относящихся къ интересамъ крестьянъ. Конечно, только этой основной идеей и можно объяснить самое учрежденіе волостного суда творцами великой крестьянской реформы.

Очевидно въ учрежденіи волостного суда мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ сложнымъ и своеобразнымъ, къ которому нельзя подходить съ готовыми шаблонами, въ которомъ надо умѣло разобраться.

Постараемся же съ полной объективностью прослѣдить возникновеніе и дальнѣйшія судьбы крестьянскаго суда, выяснить основные мотивы его учрежденія и дальнѣйшихъ измѣненій, выдѣлить изъ нихъ здоровые элементы отъ пережитковъ крѣпостничества и проявленій реакціи.

II.

Историческія основы волостного суда указываются изслѣдователями этого суда различно въ зависимости отъ того, что считается даннымъ изслѣдователемъ отличительной особенностью его.

Тѣ изслѣдователи, какъ напр., Кистяковский и Зарудный ¹⁾, которые, кстати сказать, стоятъ ближе къ эпохѣ великихъ реформъ и которые видятъ въ волостномъ судѣ осуществленіе принципа мѣстнаго самоуправления въ судебномъ отношеніи, проводятъ связь между волостнымъ судомъ, созданнымъ Положеніемъ 1861 года, и мѣстными судами, су-

¹⁾ Зарудный.—„Законы и жизнь“. Кистяковский.—„Волостные суды, ихъ исторія, настоящая ихъ практика и настоящее ихъ положеніе“. Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Запад. Рус. Край, т. VI.

ществовавшими на Руси въ самой отдаленной древности. Они находятъ историческія основы въ самоуправляющихся общинахъ княжескаго періода нашей исторіи. Они находятъ эти основы и въ послѣдующій московскій періодъ въ участіи выборныхъ людей, цѣловальниковъ въ намѣстническомъ судѣ, причемъ особенное вниманіе обращаютъ на реформы Іоанна Грознаго, при которомъ губными грамотами начали предоставлять населенію широкое участіе въ отправленіи правосудія. Другіе писатели, которые считаютъ отличительной чертой устройства суда его сословность, конечно, далеки отъ такой исторической перспективы. Они не видятъ никакихъ историческихъ основъ волостного суда въ прежней исторіи судоустройства въ Россіи и признаютъ волостной судъ учрежденіемъ, впервые основаннымъ графомъ Киселевымъ для государственныхъ крестьянъ въ 1838 году и затѣмъ введеннымъ въ 1861 году, на нѣсколько измѣненныхъ началахъ у бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ ¹⁾.

Хотя мы считаемъ сословность далеко не единственнымъ началомъ, ради котораго былъ учрежденъ волостной судъ, однако, мы всецѣло примыкаемъ въ вопросѣ на происхожденіе этого суда къ послѣднему мнѣнію.

Мы исходимъ при этомъ изъ того положенія, что волостной судъ представляетъ собою учрежденіе, которое совмѣстило въ себѣ извѣстнымъ образомъ три довольно разнородныхъ, но одинаково важныхъ для правильной характеристики волостного суда, начала: начало сословности, начало судебной автономіи крестьянскаго населенія даннаго района и руководство въ судебныхъ рѣшеніяхъ обычнымъ правомъ. Эти три основныхъ особенности волостного суда, различно комбинируемыя, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія, въ положеніяхъ о волостномъ судѣ 1838, 1861 и 1889 годовъ, отличаютъ волостной судъ отъ мѣстныхъ судовъ, учреждавшихся въ теченіе русской исторіи до 1838 года. Поэтому, объ исторической преемственности нынѣшняго волостного суда отъ мѣстныхъ судовъ нашего прошлаго, по нашему мнѣнію, говорить не приходится.

Въ княжескій и московскій періоды нашей исторіи, мы не знали раздѣленія на сословія, и, поэтому, сословныхъ судовъ въ эти періоды у насъ не было. Крестьяне подчинялись тѣмъ же судебнымъ учрежденіямъ и тѣмъ же нормамъ права, какія существовали и для всѣхъ другихъ гражданъ.

¹⁾ Уманецъ.—„Наблюденія по крестьянскому дѣлу“, стр. 108 и сл. Евреиновъ.—„Крестьянскій вопросъ въ его современной постановкѣ“. Спб. 1903 г. Ср. также труды редакціонной комиссіи по пересмотру крестьянскихъ законоположеній, т. I, ст. 50.

Законодательные памятники того времени—Русская Правда, судебники, уложение царя Алексѣя Михайловича—были одинаково обязательными для всего населенія, въ томъ числѣ и для крестьянъ. Указанные законодательные памятники изобилуютъ статьями, нормирующими правоотношенія, свойственныя крестьянскому быту, но они далеки отъ созданія сословно обособленнаго крестьянскаго права.

Вотъ почему, какъ мы уже указывали въ сочиненіи „Волостной судъ и юридическіе обычаи крестьянъ“, мы не можемъ согласиться съ Кистяковскимъ и Заруднымъ въ томъ, что участіе лучшихъ людей, цѣловальниковъ въ судѣ намѣстниковъ, участіе выборныхъ людей въ судѣ, созданномъ губными и жалованными грамотами, является первообразомъ волостного суда. Въ этихъ судахъ не было сословнаго начала, свойственнаго волостному суду. Судъ, отданный въ руки выборныхъ изъ мѣстнаго населенія, былъ скорѣе „земскимъ“ судомъ, какъ онъ и назывался въ противоположность правительственному, но онъ не былъ специально крестьянскимъ судомъ, какимъ является волостной судъ.

По совершенно другой причинѣ мы не можемъ признать историческихъ основъ волостного суда въ сословныхъ судебныхъ учрежденіяхъ, созданныхъ Екатериной II. Нижняя и Верхняя Расправа были, правда, учреждениями сословными, которымъ были подвѣдомственны всѣ „свободные сельскіе обыватели“, но это были суды правительственные, они были чужды началу судебной автономіи населенія и подчинялись тѣмъ же нормамъ права, какъ и всѣ другіе правительственные суды.

Не можемъ мы еще разъ согласиться съ Кистяковскимъ, который въ цитированной уже статьѣ связываетъ волостной судъ исторической преемственностью также и съ тѣми учреждениями, которыя были созданы многочисленными указами XVIII и первой четверти XIX столѣтій, коими крестьянамъ разныхъ наименованій предоставлялось „въ мало-важныхъ ссорахъ и распряхъ“ судиться на словахъ черезъ своихъ выборныхъ ¹⁾. Важнѣйшимъ изъ этихъ законовъ Кистяковскій считаетъ законъ 1787 года, устанавливающій сельскій порядокъ въ казенныхъ селеніяхъ Екатеринославскаго намѣстничества. Этими законами вводились не судебныя учрежденія въ собственномъ смыслѣ, а примирительныя инстанціи, безъ принудительной судебной компетенціи.

Напримѣръ, закономъ 1787 года вводились у казенныхъ крестьянъ Екатеринославскаго намѣстничества сельскіе суды (а не волостные) въ лицѣ „сельскихъ разбродчиковъ“.

¹⁾ Указы 17 февраля 1764 г., 5 марта и 13 марта того же года, 5 марта 1774 г. и др.

Выборные должны были чинить разбирательства въ сельской сборной избѣ,—по сущей справедливости, изыскивая всѣ способы къ примиренію сторонъ. Въ случаѣ несогласія спорящихъ выборные должны были приглашать сельскаго старшину или старосту на общее сужденіе. „Если и этимъ способомъ не будетъ достигнуто примиреніе, спорящимъ предоставлялось право выбрать сельскихъ посредниковъ“. Не согласившіеся выбрать посредниковъ или недовольные ихъ приговоромъ имѣли право обратиться къ суду Нижней Расправы (т. е. къ суду общему). Такимъ образомъ, указомъ 1787 г. вводился собственно не судъ, а рекомендовался способъ добровольнаго соглашенія спорящихъ сторонъ съ цѣлью главнымъ образомъ уменьшить расходы правительства на содержаніе настоящихъ судовъ—судовъ общихъ, къ которымъ дѣло и переходило въ концѣ концовъ, если оно нуждалось въ настоящемъ судебномъ разбирательствѣ.

Настоящая цѣль устройства такихъ примирительныхъ, безъ принудительной власти инстанцій для предварительнаго разбора тяжбъ прямо указывалась въ законахъ того времени: „дабы за пространнымъ маловажныхъ и легкому сужденію подлежащихъ дѣлъ письменнымъ производствомъ не было напраснаго канцелярскихъ дѣлъ умноженія“ ¹⁾.

Нечего и говорить, что такія лишенные принудительной власти „расправы“ не могутъ быть названы судебными учреждениями, и поэтому въ нихъ нельзя видѣть учрежденій, давшихъ начало волостнымъ судамъ, облеченнымъ и принудительной компетенціей и принудительной властью.

III.

Впервые специально крестьянскій судъ былъ учрежденъ въ Россіи въ 1838 году реформой графа Киселева. Онъ предназначался исключительно для государственныхъ крестьянъ въ формѣ сельской и волостной расправъ. Какъ извѣстно, сельскія общества государственныхъ крестьянъ были значительно больше нынѣшнихъ сельскихъ обществъ и приближались скорѣе по размѣрамъ къ нынѣшнимъ волостямъ. Въ каждомъ сельскомъ обществѣ была учреждена сельская расправа, состоящая подъ предѣдательствомъ сельскаго старшины изъ двухъ добросовѣстныхъ, избираемыхъ сельскимъ сходомъ, на три года. Выбранные въ сельскіе старшины и добросовѣстные утверждаются Палатой Государственныхъ Имуществъ. Суду сельской расправы были подвѣдомственны только государственные крестьяне даннаго сельскаго общества. Исключеніе допущено было только для уголовныхъ про-

¹⁾ Полн. собр. зак., т. XVI, № 12075.
КРЕСТЬЯНСКОЕ ПРАВО.

ступковъ, по которымъ суду сельской расправы были подвѣдомственны и государственные крестьяне другихъ обществъ, если проступокъ совершенъ въ предѣлахъ даннаго сельскаго общества.

Уголовному суду сельской расправы подлежали обвиняемые въ маловажныхъ проступкахъ, предусмотрѣнныхъ сельскимъ судебнымъ уставомъ. Гражданскому суду—иски о недвижимомъ имуществѣ, не основанные на крѣпостномъ актѣ стоимостью до пятнадцати рублей, причемъ иски стоимостью до пяти рублей рѣшались расправой окончательно, а прочіе подлежали обжалованію въ волостную расправу.

Въ порядкѣ примирительномъ, въ случаѣ согласія сторонъ, сельская расправа могла разрѣшить споры между государственными крестьянами безъ всякаго ограниченія.

Волостная расправа была учреждена въ каждой волости изъ волостного головы и двухъ добросовѣстныхъ, выбираемыхъ волостнымъ сходомъ и утверждаемыхъ также Палатой Государственныхъ Имуществъ. Ей были подвѣдомственны всѣ жалобы на окончательныя рѣшенія сельскихъ расправъ данной волости. О томъ, что расправы должны руководствоваться обычаемъ, въ законѣ никакихъ указаній не содержится. Характеръ дѣятельности опредѣляется въ немъ выраженіемъ, неоднократно повторяемымъ, что расправы—это „степени домашнего суда“. Расправамъ вмѣняется въ обязанность руководствоваться сельскимъ судебнымъ уставомъ, который представлялъ собой довольно разработанный уголовный кодексъ. Въ отношеніи гражданскихъ дѣлъ въ законѣ существуетъ только указаніе на необходимость рѣшать дѣла по сущей справедливости. На обязанность для расправъ гражданскихъ законовъ также нигдѣ не указывается. Въ дѣйствительности расправы руководствовались несомнѣнно обычаемъ.

Намъ нужно было въ краткихъ чертахъ изложить начала, на которыхъ былъ учрежденъ крестьянскій судъ по закону 1838 года, потому что преемственность волостного суда по положенію 1861 года отъ суда расправъ, учрежденныхъ для государственныхъ крестьянъ, несомнѣнна.

Конечно, учрежденный на изложенныхъ основаніяхъ крестьянскій судъ для государственныхъ крестьянъ былъ судомъ сословнымъ. Но при его оцѣнкѣ нельзя забывать, что въ то время все населеніе Россіи было раздѣлено на сословія, что всѣ сословія пользовались дореформеннымъ судомъ, не представлявшимъ дѣйствительныхъ гарантій для правосудія, и что при такихъ условіяхъ крестьянскій судъ представлялъ то преимущество, что состоялъ изъ выборныхъ самого населенія. Кромѣ того, по своей незначительной компетентности, онъ не исклю-

чалъ крестьянъ изъ подсудности общимъ судамъ по всѣмъ сколько-нибудь цѣннымъ искамъ и серьезнымъ проступкамъ и преступленіемъ.

Крестьянское населеніе, принадлежащее къ разряду государственныхъ крестьянъ и жившее въ городахъ, было совершенно не подвѣдомственно сельскимъ и волостнымъ расправамъ и было подсудно общимъ судамъ.

Къ моменту крестьянской реформы крестьянскій судъ на изложенныхъ основаніяхъ существовалъ для всѣхъ живущихъ внѣ городовъ, такъ называемыхъ по закону того времени „свободныхъ сельскихъ обывателей“, которые были всѣ причислены къ разряду государственныхъ крестьянъ.

Однимъ изъ основныхъ началъ Высочайше одобренныхъ для руководства редакціоннымъ комиссіямъ по составленію крестьянскихъ положеній было предоставленіе крестьянамъ, выходящимъ изъ крѣпостной зависимости, права свободныхъ сельскихъ обывателей. Благодаря этому, учрежденія, существовавшія для государственныхъ крестьянъ, сдѣлались матеріаломъ, правда, подвергавшимся критикѣ, обсужденію и измѣненію, но всетаки служившимъ отправной точкой при созданіи соответствующихъ учреждений для помѣщичьихъ крестьянъ. Такъ было и съ учрежденіемъ волостного суда. Въ матеріалахъ редакціонныхъ комиссій мы встрѣчаемся съ подробнымъ изложеніемъ основаній учрежденія крестьянскаго суда у государственныхъ крестьянъ, предоставленнымъ въ видѣ справки при обсужденіи въ комиссіи положенія о волостномъ судѣ и послужившимъ матеріаломъ для преній объ основаніяхъ устройства волостного суда. Констатировать такую преемственность необходимо для того, чтобы разобраться въ вопросѣ о вліяніи составителей положенія 1861 года на устройство волостного суда, въ вопросѣ о томъ, что новаго внесли они въ это устройство, какія намѣренія они преслѣдовали при этомъ.

И если мы безпристрастно разберемся въ этомъ вопросѣ, то легко увидимъ, какъ не права учрежденная при министерствѣ Плеве редакціонная комиссія по проекту преобразованія крестьянскихъ положеній, говоря, что одно изъ трехъ главныхъ началъ,—„одухотворяющихъ“ законодательный актъ 19 февраля 1861 года, это „обособленность“ крестьянскаго сословія и установленный въ соответствии съ этой обособленностью особый порядокъ управленія крестьянами ¹⁾, какъ не права она, въ частности, по отношенію къ волостному суду, заявляя,

¹⁾ Труды редакціонной комиссіи по проекту пересмотра крестьянскихъ положеній, т. I, стр. 10.

что „составители положенія 19 февраля 1861 года приняли на себя задачу организовать *сословный* судъ у владѣльческихъ крестьянъ“ ¹⁾.

Такое утвержденіе граничитъ съ полнымъ непониманіемъ основныхъ началъ великой реформы, съ полнымъ игнорированіемъ основныхъ мотивовъ, руководящихъ дѣателями этой реформы.

Люди, приложившіе воѣ силы своего ума и сердца, чтобы создать наилучшія условія освобожденія крестьянъ, чтобы создать изъ безправной массы крѣпостныхъ полноправныхъ гражданъ—могли ли эти люди „одухотворяться“ идеей созданія сословной обособленности крестьянъ!

Конечно, достаточно самаго поверхностнаго знакомства съ историческими свѣдѣніями о дѣателяхъ великой эпохи, чтобы признать, что они „одухотворялись“ идеями совершенно другого порядка.

Одинъ изъ современниковъ освободительной реформы въ рѣчи своей такъ опредѣлялъ значеніе переживаемой исторической эпохи:

„Свѣтъ и тьма въ вѣчной борьбѣ.

Одольваетъ свѣтъ—настаютъ красные дни, выпрямляется челоѡчество, добрѣетъ, умнѣетъ, растетъ. Одольваетъ тьма—настаютъ горькіе дни, изсыхаетъ челоѡчество, ноетъ духъ, умаляется сила народовъ“ ²⁾.

Дѣатели великой реформы „одухотворялись“ проглянувшимъ тогда лучемъ свѣта и бѣжали тьмы.

И можно имъ ставить въ вину, что изливая свѣтъ на густую тьму правовыхъ порядковъ дореформеннаго времени, дѣатели реформы не одолѣли тьму окончательно, что и послѣ ихъ реформы тьмы еще осталось много, но обвинять ихъ въ соучастіи тьмѣ, приписывать имъ стремленіе создать тьму—это можно сдѣлать только, не различая тьмы отъ свѣта.

Сословная обособленность для крѣпостныхъ крестьянъ существовала въ полной мѣрѣ до ихъ освобожденія. Въ отличіе отъ другихъ сословій, они были лишены всякихъ правъ. Освободительная реформа, выразившаяся въ положеніи 19 февраля 1861 года, дала имъ права свободныхъ сельскихъ обывателей. Можно сожалѣть, что она этихъ правъ не расширила, но нельзя безъ извращенія смысла дѣятельности создателей реформы приписывать имъ желаніе создать то, противъ чего они именно всѣми силами боролись—создать сословную обособленность.

Предыдущее изложеніе основныхъ началъ организаціи крестьянскаго суда у свободныхъ сельскихъ обывателей свидѣтельствуетъ о

¹⁾ Ibid.—Т. I, стр. 50.

²⁾ Рѣчь Кокорева. Джаншиевъ.—„Эпоха великихъ реформъ“, стр. 27.

томъ, что не составители положенія 19 февраля создали волостной судъ, а они его только *оставили* и притомъ, какъ увидимъ, оставили, временно внеся въ него поправки, соотвѣтствующія духу освободительныхъ реформъ царствованія Александра II.

Дальнѣйшее изложеніе покажетъ намъ, что именно внесли новаго творцы положенія 19 февраля въ организацію волостного суда и чѣмъ они руководствовались при составленіи временныхъ правилъ о волостномъ судѣ.

IV.

При оцѣнкѣ правилъ о волостномъ судѣ 19 февраля 1861 года надо помнить, что для составителей ихъ окончательное устройство освобожденныхъ крестьянъ было дѣломъ болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго. Принятія основанія освобожденія съ землей требовали довольно продолжительнаго срока для окончательнаго устройства крестьянъ, какъ собственниковъ надѣльной земли. Оно предполагалось, какъ извѣстно, не одновременнымъ, а постепеннымъ по мѣрѣ соглашенія крестьянъ съ помѣщикомъ.

Въ этотъ періодъ, такъ называемый „временно обязанныхъ“ отношеній, крестьяне по необходимости оставались въ извѣстномъ смыслѣ „обособленными“. Составители положенія о крестьянахъ считали своей непосредственной задачей выработать основанія для устройства освобождаемыхъ крестьянъ въ этотъ временный періодъ, который, какъ они хорошо сознавали, могъ продлиться и десятокъ лѣтъ. Для этого временнаго состоянія и были написаны многіе законы, касающіеся административнаго и судебного устройства крестьянъ. Предсѣдатель редакціонной комиссіи въ самомъ началѣ засѣданій ея объявилъ, что главная цѣль Высочайше указаннаго преобразованія, а слѣдовательно и возложеннаго на комиссію труда, есть прекращеніе крѣпостного состоянія, соединенное съ прочнымъ устройствомъ крестьянскаго быта, и что къ постепенному достиженію этой цѣли должны послужить подробныя правила для *переходнаго* періода.

Эта задача, добавляетъ членъ редакціонной комиссіи Н. Семеновъ, т. е. разработка правилъ для переходнаго періода, сдѣлалась центромъ тяжести всего труда редакціонной комиссіи ¹⁾, который по многимъ вопросамъ былъ направленъ къ выработкѣ именно только временныхъ правилъ.

Такимъ временнымъ характеромъ отличаются и правила о волостномъ судѣ, выработанныя редакціонной комиссіей. Матеріалы ре-

¹⁾ Н. Семеновъ. Ор. cit. Т. I, стр. 83 и матеріалы, I, стр. 1.

дакционных комиссий свидетельствуют о томъ, что члены комиссий при обсужденіи положенія о волостномъ судѣ никогда не упускали изъ виду временнаго характера вырабатываемыхъ правилъ. Въ нихъ при опредѣленіи подсудности даже прямо указывалось, что волостному суду подсудны „временно обязанные“ крестьяне. Только при дальнѣйшемъ движеніи проекта въ законодательномъ порядкѣ выраженіе „временно-обязанные“ было исключено.

Изъ матеріаловъ редакціонной комиссіи мы можемъ почерпнуть свидѣтельство о тѣхъ взглядахъ, которые имѣли составители положенія 19 февраля о будущемъ устройствѣ мѣстной юстиціи послѣ окончанія временнаго состоянія. Одинъ изъ составителей проекта правилъ о волостномъ судѣ Н. Семеновъ ¹⁾ при обсужденіи ихъ прямо заявилъ, что онъ „неоднократно высказывалъ мнѣніе, что не слѣдовало бы вовсе учреждать особыхъ крестьянскихъ судовъ, а выдѣлить все тѣ дѣла, которыя по свойству ихъ могутъ и должны быть предоставляемы рѣшенію на основаніи существующихъ обычаевъ, и предоставить ихъ сельскимъ мірскимъ сходамъ, такъ какъ крестьяне сами признаютъ верховенство міра и безапелляціонность ихъ приговоровъ. Все же прочія дѣла предоставлены вѣдѣнію общихъ судебныхъ учреждений ²⁾).

Административное отдѣленіе, обсуждая проектъ правилъ о волостномъ судѣ, также говоритъ, что въ порядкѣ судебномъ предположенное уже учрежденіе мировыхъ судей устранить совершенно надобность въ особомъ волостномъ судѣ и обезпечить крестьянамъ болѣе скорое и правильное разбирательство въ случаяхъ, превышающихъ власть сельскаго управленія ³⁾. Въ другомъ мѣстѣ редакціонная комиссія говоритъ: „Нельзя еще не принять въ соображеніе, что съ отдѣленіемъ судебно-полицейскаго разбирательства отъ дѣлъ общей полиціи высшая степень карательной власти, предоставленной нынѣ городскимъ и земскимъ полиціямъ, должна будетъ перейти къ отдѣльному судебно-полицейскому учрежденію (къ мировымъ судьямъ)“.

„Предоставленіе этой власти и по вѣдомству государственныхъ крестьянъ, и по вѣдомству крестьянъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, мѣстнымъ сословнымъ судамъ противорѣчило бы уже Высочайше одобренному въ главныхъ основаніяхъ предположенію объ

¹⁾ Проектъ былъ составленъ и внесенъ въ административное отдѣленіе ред. комиссіи Н. Семеновымъ и кн. Черкасскимъ.

²⁾ Н. Семеновъ. *Op. cit.* Т. 2, стр. 486—487.

³⁾ Матеріалы, т. 8, стр. 14.

общемъ для всехъ сословій судебно-полицейскомъ установленіи, ибо дѣлало бы оное въ дѣйствительности излишнимъ ¹⁾“.

Но судебная реформа во время выработки крестьянскихъ положеній была еще только намѣчена. Въ какомъ видѣ выразится ея работы, не могло быть извѣстнымъ, и поэтому все ссылки на мировой институтъ всегда вызывали въ редакціонной комиссіи возраженіе, что она не можетъ сообразовать своихъ работъ съ предстоящей судебной реформой, еще совершенно не выработанной.

Не призванные къ участию въ работахъ по судебной реформѣ, члены редакціонной комиссіи шли, однако, ей навстрѣчу, стараясь не ставить ей препятствій къ переустройству крестьянскаго суда на началахъ всесословнаго мѣстнаго суда.

Князь Черкасскій, членъ редакціонной комиссіи, при обсужденіи правилъ волостного суда высказалъ по поводу указаній на возможность замѣны волостного схода мировымъ институтомъ, что правила о волостномъ судѣ „пишутся, вѣдь, на пять, десять лѣтъ, а тамъ видны будутъ потребности. Правительство принуждено будетъ сдѣлать во всемъ реформы“ ²⁾.

И это замѣчаніе не встрѣтило среди членовъ редакціонной комиссіи никакихъ возраженій. Настолько они сами сознавали временный характеръ своей работы.

И то новое, что внесли составители положеній 19 февраля 1861 года, носить на себѣ отпечатокъ тѣхъ же заботъ приблизиться по возможности къ тѣмъ принципамъ, которые впоследствии легли и въ основу судебной реформы.

Прежде всего они обратили свое вниманіе на необходимость полнаго отдѣленія административной власти отъ судебной и на созданіе независимости суда отъ всякихъ постороннихъ вліяній.

Сельскія и волостныя расправы представлялись имъ въ этомъ отношеніи учрежденіями неудовлетворительными, такъ какъ предсѣдательство въ нихъ было предоставлено сельскому старшинѣ и волостному головѣ, лицамъ, облеченнымъ административными обязанностями.

Въ докладѣ административнаго отдѣленія редакціонной комиссіи по поводу выработанныхъ имъ правилъ о волостномъ судѣ мы читаемъ, что волостному суду „слѣдуетъ предоставить большую независимость во всехъ возможныхъ случаяхъ отъ внѣшнихъ административныхъ вліяній“ ³⁾.

¹⁾ Семеновъ. *Op. cit.* Т. II, стр. 486.

²⁾ Семеновъ, т. 2, стр. 470.

³⁾ Матеріалы, I, т. III, стр. 32.

Результатом указанной работы явилась 167 статья общего положения о крестьянах ¹⁾, которая гласит, что „волостной старшина и староста не должны вмешиваться въ производство волостного суда и не присутствовать при обсужденіи дѣлъ“.

Не меньшую заботу проявили члены редакціонной комиссіи къ возможно полному осуществленію въ волостномъ судѣ принципа судебной автономіи волостныхъ обществъ. Согласно положенію 1861 года волостные судьи выбираются ежегодно въ числѣ отъ четырехъ до двѣнадцати волостнымъ сходомъ и никѣмъ не утверждаются.

По этому поводу мы читаемъ въ докладѣ административнаго отдѣленія редакціонной комиссіи слѣдующее любопытное разсужденіе, изъ коего видно, что даже выборы на три года считались составителями положенія не гарантирующими осуществленіе принципа отправленія правосудія не профессиональными судьями, а представителями самого населенія на подобіе суда присяжныхъ.

„Долженъ ли волостной судъ—спрашиваетъ редакціонная комиссія, быть исключительно ввѣренъ нѣсколькимъ лицамъ крестьянскаго сословія, постоянно отправляющимъ судебскую обязанность (подобно тому, какъ это существуетъ въ учрежденіи государственныхъ крестьянъ), или онъ долженъ на томъ или другомъ основаніи быть переданъ въ руки людей, не носящихъ характера сельскихъ чиновниковъ и находящихся въ непосредственной связи съ крестьянскимъ обществомъ? Разрѣшеніе вопроса, такимъ образомъ поставленнаго“,—продолжаетъ комиссія,—„естественно и само собою истекаетъ изъ тѣхъ основныхъ началъ, которыя постоянно заявлялись въ комиссіи: механическая простота учрежденія, искренность и правдивость такого суда, относительная близость къ другимъ, совершеннѣйшимъ формамъ судопроизводства, совпаденіе его въ главныхъ чертахъ съ общепринятымъ нынѣ обычаемъ. Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятые, убѣдительно говорятъ въ пользу послѣдней формы... Въ силу принятыхъ комиссіей началъ, число волостныхъ выборныхъ будетъ всегда въ каждой, даже наименьшей волости такъ велико, что этимъ выборнымъ никогда нельзя будетъ превратиться въ постоянныхъ и исключительныхъ должностныхъ судей или сельскихъ чиновниковъ. Напротивъ, всегда откроется возможность учредить между ними очередь съ цѣлью постоянного видоизмѣненія личнаго состава суда ²⁾).

¹⁾ Цитируемъ по изд. 1902 года. Журн. Мин. Юст. Январь 1905 г.

²⁾ Матеріалы, т. III, стр. 34.

Творцы крестьянской реформы считали необходимымъ, чтобы мѣстный народный судъ удовлетворялъ еще одному требованію—чтобы онъ могъ руководствоваться обычаемъ. Въ этой заботѣ сказались чуткость дѣятелей освобожденія къ дѣйствительнымъ народнымъ нуждамъ.

Это требованіе имѣло громадное значеніе для отправленія гражданскаго суда, въ особенности въ спорахъ о надѣльных земляхъ.

Надѣленіе крестьянъ землей положеніемъ 19 февраля въ отношеніи распределенія земли между крестьянами одного общества было произведено, какъ мы увидимъ, такъ сказать, грубо, въ общихъ чертахъ, безъ точнаго выясненія правъ какъ отдѣльных домохозяевъ, такъ, тѣмъ болѣе, отдѣльных членовъ семействъ. Какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ владѣніи земля отводилась цѣлому обществу, съ круговой отвѣтственностью общества. При общинномъ землевладѣніи при надѣленіи землей даже не составлялось поименнаго списка семействъ, принадлежащихъ къ обществу и имѣющихъ право на землю. При подворномъ—такой списокъ составлялся, съ проставленіемъ противъ каждаго причитающагося количества земли, но безъ обозначенія положенія и границъ участковъ. Права общинъ, отдѣльных семействъ и отдѣльных членовъ семействъ на надѣльные земли положеніемъ почти не были затронуты. Порядокъ наслѣдованія въ этихъ земляхъ также не былъ опредѣленъ. Составители положенія ясно сознавали необходимость опредѣленія этихъ правъ въ будущемъ, но также ясно сознавали трудность совершенія этой работы одновременно съ освободительной реформой.

Предвидя многочисленность споровъ о правахъ на надѣльную землю, они по необходимости должны были предоставить рѣшеніе ихъ силѣ обычая, который былъ извѣстенъ только мѣстнымъ крестьянамъ.

Вотъ почему предполагалось необходимымъ предоставить разрѣшеніе подобныхъ споровъ суду выборныхъ самого населенія. Какъ юридическое, такъ и административное отдѣленіе редакціонной комиссіи въ своихъ докладахъ придавали особенную важность „сохраненію въ крестьянскомъ быту своего рода домашняго разбирательства, основаннаго на мѣстныхъ обычаяхъ“.

Поэтому въ положеніи о волостномъ судѣ было прямо выражено (170 ст. общего положенія), что волостной судъ рѣшаетъ гражданскія дѣла „на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и правилъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту“.

Такой характеръ дѣятельности волостного суда обусловилъ собою и порядокъ обжалованія рѣшеній такихъ судовъ. Было рѣшено, что при учрежденіи двухъ инстанцій рѣшеніе утратить тотъ характеръ

непосредственности обсуждения спора судьями, близкими населению, который считался лучшим залогом достижения справедливости. Поэтому редакционная комиссия пришла къ заключенію о необходимости сдѣлать волостной судъ единственной инстанціей для разбора дѣлъ по существу.

Желаніе создать связь между волостнымъ и общесословнымъ судомъ породило у нѣкоторыхъ членовъ комиссіи мысль предоставить обжалованіе рѣшеній волостного суда по существу мировымъ судьямъ.

Въ общемъ присутствіи редакціонной комиссіи 30 мая 1859 года предсѣдатель ея Ростовцевъ, намѣчая вопросы, которые подлежатъ разсмотрѣнію, спрашивалъ:

„Долженъ ли крестьянскій судъ быть судомъ безапелляціоннымъ, или не долженъ ли онъ быть подчиненъ въ извѣстныхъ размѣрахъ обжалованію недовольною стороною передъ мировымъ судьей?

Можетъ ли мировой или всякій иной гражданскій судъ, обязанный руководствоваться исключительно постановленіями свода законовъ, рѣшать на основаніи общихъ государственныхъ законовъ жалобы, опровергающія рѣшенія, основанныя на обычномъ крестьянскомъ правѣ?“¹⁾.

Второй вопросъ уже такимъ образомъ какъ бы содержалъ отвѣтъ на первый.

Но изъ этихъ вопросовъ съ особенною ясностью обнаруживается, насколько составители положенія 19 февраля старались ограничить въ волостномъ судѣ элементъ исключительной сословности и насколько въ его учрежденіи они стремились удовлетворить совсѣмъ инымъ требованіямъ: приближенію суда къ народу.

Очевидно, что до тѣхъ поръ, пока главные обычаи идутъ въ разрѣзъ предписаніямъ гражданского закона, пока этотъ законъ не превратилъ въ своихъ постановленіяхъ нормъ обычнаго права, или, другими словами, пока обычай не кодифицированъ и не преподанъ къ руководству короннаго суда, нельзя было ставить рѣшенія суда обычнаго права подъ контроль суда писаннаго права.

Намъ остается еще очистить память творцовъ крестьянской реформы отъ упрека очень тяжелаго, если бы онъ былъ справедливъ. Въ положеніи о волостномъ судѣ, ими выработанномъ, было оставлено одно отвратительное наказаніе, которое впоследствии послужило къ вѣщему обособленію крестьянъ отъ другихъ сословій: мы говоримъ о тѣлесномъ наказаніи розгами. Конечно, эта особенность впоследствии увеличила въ громадной степени число противниковъ волостного суда.

Матеріалы по составленію положенія о крестьянахъ даютъ намъ полную возможность убѣдиться, что у членовъ редакціонныхъ комиссій не было недостатка въ стремленіи уничтожить это позорное наказаніе и что, какъ и въ вопросѣ о сословной обособленности крестьянъ, оно осталось, вопреки ихъ самому пламенному желанію, по обстоятельствамъ, отъ нихъ не зависѣвшимъ.

Предсѣдатель редакціонной комиссіи Ростовцевъ, по замѣчанію Джаншіева, былъ „первымъ провозвѣстникомъ мысли объ отмѣнѣ розогъ“.

Изъ писемъ, писанныхъ Ростовцевымъ Александру II изъ за границы лѣтомъ въ 1858 году, видно, что уже при первыхъ наброскахъ плана крестьянской реформы мысль объ уничтоженіи розги, какъ одной изъ естественныхъ принадлежностей крѣпостного сословія, выступила совершенно явственно.

Въ письмѣ отъ 3 сентября 1858 года, Ростовцевъ, между прочимъ, пишетъ Императору Александру II: „Относительно наказаній осмѣлюсь еще присовокупить, что во всякомъ случаѣ о наказаніяхъ тѣлесныхъ не слѣдуетъ упоминать вовсе, это было бы пятномъ настоящаго законодательства, законодательства объ освобожденіи“¹⁾.

Такого же мнѣнія была вся редакціонная комиссія при Ростовцевѣ. Въ одномъ изъ засѣданій ея Соловьевъ, членъ ея, заявилъ: „Я хотѣлъ бы предложить слѣдующее: не заявить ли намъ, что мы желаемъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній, на томъ именно основаніи, что при распространеніи образованности и умягченіи нравовъ, по уничтоженіи крѣпостного права эти наказанія нравственной цѣли достигать не могутъ, что они унижаютъ природу человѣка“.

Послѣ нѣкоторыхъ дебатовъ всѣ члены согласились съ такимъ предложеніемъ, но при этомъ, къ сожалѣнію, большинство признало, что окончательное рѣшеніе этого вопроса, какъ касающагося и некрестьянскаго населенія, выходитъ изъ ихъ компетенціи и должно быть рѣшено правительствомъ независимо отъ крестьянской реформы²⁾.

И вотъ то, что считалось дѣателями освобожденія „пятномъ реформы“, то черезъ сорокъ лѣтъ комиссія по пересмотру крестьянскихъ положеній, учрежденная при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ „въ согласіи съ началами этой реформы“ предположила оставить, какъ освященную реформой 1861 года „особенность“ волостного суда.

¹⁾ Джаншіевъ, стр. 220.

²⁾ Н. Семеновъ, т. II, стр. 479 и 480.

Къ счастью манифестъ 11 августа 1904 года уничтожилъ эту унижительную черту, до тѣхъ поръ характеризовавшую крестьянскую обособленность.

Гражданская компетенція волостного суда, по положенію 1861 года, ясно указываетъ на то, что составители положенія, прекрасно сознавая необходимость разрѣшенія гражданскихъ споровъ крестьянъ на основаніи обычнаго права, тѣмъ не менѣе не хотѣли исключить ихъ вовсе изъ компетенціи общихъ судовъ. Очевидно, они надѣялись, что послѣ освобожденія крестьянъ будутъ приложены старанія къ тому, чтобы общіе суды и по устройству своему, и по судопроизводственнымъ правиламъ имѣли бы возможность примѣнять обычное право. Только этимъ можно объяснить ту ограниченную компетенцію, которая представлена волостному суду по положенію 1861 года.

Волостной судъ, согласно положенію (159 ст. общаго положенія по изд. 1902 г.), рѣшаетъ споры о движимомъ и недвижимомъ имуществѣ только до суммы ста рублей, и притомъ только въ томъ случаѣ, если имущество входитъ въ составъ крестьянскаго надѣла. Всѣ споры выше этой суммы и всѣ споры о недвижимости, не входящей въ составъ надѣла, подсудны общему суду.

Тѣ общія основанія, на которыхъ былъ учрежденъ волостной судъ у помѣщичьихъ крестьянъ по положенію 19 февраля, вскорѣ были распространены на все крестьянство, такъ какъ правила о волостномъ судѣ 1861 года были примѣнены у бывшихъ государственныхъ крестьянъ, замѣнивъ собой судъ сельскихъ и волостныхъ расправъ по закону 1838 года.

Этими правилами не ставилось никакихъ препятствій въ будущемъ или при выработкѣ основъ судебной реформы, или немедленно послѣ перехода всѣхъ крестьянъ на выкупъ—слить специально крестьянскій судъ съ судомъ общимъ и, сдѣлавъ соотвѣтственные измѣненія въ устройствѣ этого послѣдняго суда, уничтожить совершенно сословную обособленность крестьянъ въ судебномъ отношеніи.

Къ сожалѣнію, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія, наше послѣдующее законодательство пошло по иному, противоположному, пути.

V.

Волостной судъ, временно учрежденный въ 1861 году, просуществовалъ, однако, въ томъ же, ничѣмъ не измѣненномъ видѣ вплоть до 1889 года.

За весь этотъ періодъ не было сдѣлано ни одного шага для сближенія народной юстиціи съ общей.

Правда, недостатка въ общественныхъ усиліяхъ въ этомъ направленіи не было.

Благодаря возбужденному въ обществѣ интересу къ вопросамъ народной жизни, учрежденная въ концѣ 60-хъ годовъ правительственная коммиссія по изслѣдованію положенія волостныхъ судовъ сумѣла чрезвычайно плодотворно расширить свою программу, и результатомъ ея работъ явился такой обильный и цѣнный матеріалъ по обычному праву, который и по сіе время чуть ли не первый по своему богатству.

Частные изслѣдователи дали за этотъ періодъ цѣлую литературу по обычному праву, въ которой нѣтъ недостатка и въ сыромъ матеріалѣ, собранномъ изслѣдователями, въ трудахъ по обработкѣ этого сырого матеріала.

Достаточно вспомнить имена тружениковъ на этомъ поприщѣ—имена Оршавскаго, Заруднаго, Кистяковскаго, Пахмана, Ефименко и многихъ другихъ.

При свѣтѣ всѣхъ этихъ изслѣдованій обычное право получило такую полную разработку, что уже не представляло особыхъ трудностей ввести главныя начала его въ законъ и тѣмъ перекинуть прочный мостъ между судомъ писаннаго права и судами обычнаго права.

Но законодательство за этотъ періодъ, какъ будто утомившись проявленнымъ творчествомъ при созданіи положенія 19 февраля, не ступило ни шага на пути водворенія правового устройства въ крестьянской средѣ.

Самые существенные вопросы права, возникавшіе непрестанно въ области отношеній крестьянъ къ надѣльной землѣ, не получили своего разрѣшенія и оставались неопредѣленными. Даже такіе институты, существованіе которыхъ въ крестьянской средѣ признавалось закономъ за главную особенность крестьянскихъ правоотношеній въ области гражданского права, какъ община и семейная собственность, оставались совершенно неопредѣленными въ юридическомъ отношеніи. Создалась вопіющая коллизія между рѣшеніями гражданскихъ споровъ, вытекающихъ изъ указанныхъ правоотношеній судовъ обычнаго права и судовъ права писаннаго, коллизія, такъ хорошо охарактеризованная Боровиковскимъ въ той части его „Отчета судьи“, которая посвящена „мужичьимъ дѣламъ“.

Необходимость какого-нибудь выхода чувствовалась всѣми.

И выходъ былъ найденъ... въ правилахъ о волостномъ судѣ 1889 года.

Но выходъ, совершенно противоположный тому, который намѣчался дѣятелями освобожденія крестьянъ. Вмѣсто нормировки право-

отношений въ крестьянской средѣ закономъ, вмѣсто дальнѣйшаго слиянія народной юстиціи съ общей, область правоотношений, регулируемыхъ неписаннымъ правомъ, увеличилась, компетенція волостного суда расширена до включенія въ нее почти всѣхъ имущественныхъ споровъ крестьянъ, и создана цѣлая пропасть между основами народного суда и суда общаго для всѣхъ другихъ гражданъ Имперіи.

Съ этой реформой всѣ особенности народной юстиціи, которыя отмѣчались лучшими поборниками ея, были уничтожены или потеряли практическое значеніе, и на первый планъ выдвинута особенность отрицательнаго характера—сословность суда. Въ числѣ характерныхъ чертъ новаго волостного суда она получила преобладающее значеніе.

Настоящая, почти полная, обособленность крестьянъ въ судебномъ отношеніи водворена у насъ только съ реформой 12 іюля 1889 года.

Компетенція волостного суда по этому положенію расширена въ ущербъ компетенціи общихъ судовъ до размѣровъ, поглощающихъ почти всѣ дѣла, возникающія въ средѣ крестьянскаго населенія. Крестьяне оказались почти совершенно вытолкнутыми изъ общихъ судовъ.

Всѣ споры и иски цѣною до трехсотъ рублей, за исключеніемъ споровъ о правѣ собственности и правѣ на владѣніе недвижимостью, основанномъ на крѣпостномъ или явочномъ актѣ, подсудны волостному суду по положенію 1889 года. Споры о недвижимомъ имуществѣ, входящемъ въ составъ крестьянскаго надѣла, подсудны этому суду, независимо отъ цѣны иска.

Въ отношеніи уголовного суда волостному суду подсудна большая часть проступковъ, предусмотрѣнныхъ уставомъ о наказаніяхъ. Вмѣсто штрафа до трехъ рублей и ареста не свыше семи дней—высшаго наказанія, къ которому могъ приговорить волостной судъ по положенію 1861 г., реформированный волостной судъ можетъ приговаривать къ штрафу до тридцати рублей и аресту до тридцати дней. Съ громаднымъ увеличеніемъ рода проступковъ, подвѣдомственныхъ волостному суду, увеличилась и сфера примѣненія наказанія розгами, которыя къ этому времени уже сдѣлались унижающей привилегіей одного крестьянскаго сословія.

Компетенція волостного суда была расширена и въ отношеніи круга лицъ, ему подвѣдомственныхъ. Не только крестьяне, но и мѣщане, посадскіе, ремесленники и цеховые, если они живутъ постоянно въ селеніяхъ, подчинены волостному суду съ однимъ лишь ограниченіемъ освобожденія ихъ отъ тѣлеснаго наказанія. Эта категория лицъ была впервые изъята изъ вѣдомства общихъ судовъ и такимъ образомъ лиши-

лась благъ судебной реформы и гарантій правосудія, съ ней связанныхъ.

Съ 1889 года волостной судъ—не сословное учрежденіе, въ смыслѣ подчиненія ему одного крестьянскаго сословія, а—сословное въ совершенно новомъ смыслѣ подчиненія ему всего непривилегированнаго населенія Имперіи, живущаго внѣ городскихъ поселеній. Это уже атавизмъ, возобновленіе потерявшаго уже къ нашему времени и, казалось, похороненнаго раздѣленія населенія на двѣ касты—тяглыхъ и нетяглыхъ. Съ 1889 года и вплоть до настоящаго времени этотъ вновь возстановленный принципъ раздѣленія населенія на привилегированныхъ и непривилегированныхъ съ настойчивостью проводится во всѣхъ законодательныхъ актахъ, касающихся населенія, живущаго въ деревняхъ и селахъ.

Судебная автономія населенія была правилами 1889 года также существенно ограничена. Судьи уже не были представителями населенія, свободно выбранными волостными обществами. Сельскія, а не волостныя общества должны были по закону 1889 года, выбирать, и то выбирать не судей, а только кандидатовъ къ нимъ, изъ числа которыхъ волостныхъ судей назначаетъ земскій начальникъ на три года. Волостные судьи изъ представителей населенія превращаются въ сельскихъ чиновниковъ, назначенныхъ постороннимъ лицомъ, чего такъ старались избѣжать дѣятели освобожденія крестьянъ. Въ отношеніи же лицъ, не числящихся въ данной волости, но въ ней проживающихъ и принадлежащихъ къ непривилегированнымъ сословіямъ, волостной судъ является совершенно постороннимъ, такъ какъ въ выборѣ судей эта часть населенія никакого участія не принимаетъ.

Принципъ независимости волостного суда, его отдѣленія отъ администраціи и свободы отъ всякихъ „постороннихъ“ вліяній, о чемъ такъ много старались составители положенія 19 февраля, правилами 1889 года упраздненъ совершенно. Не только выпущена та статья, которая гласила, что волостной старшина не долженъ вмѣшиваться въ рѣшеніе суда и не долженъ присутствовать на его засѣданіяхъ, но еще прямо постановлено, что уѣздный съѣздъ, назначающій председателей суда, можетъ назначить таковымъ мѣстнаго волостного старшину (113 ст. общ. пол. о кр. изд. 1902 г.).

Вмѣсто независимости отъ постороннихъ вліяній, волостной судъ прямо поставленъ подъ „команду“ лица административнаго вѣдомства—земскаго начальника. Онъ назначаетъ судей, онъ облеченъ дисциплинарной властью надъ судьями, какъ крестьянами подвѣдомственнаго ему участка, и нерѣдки были случаи, когда земскіе начальники при-

мѣняли эту власть къ волостнымъ судьямъ именно по поводу ихъ судебной дѣятельности. Земскій начальникъ обязанъ имѣть непосредственный и ближайшій надзоръ за волостными судами его участка, производить не менѣе двухъ разъ въ годъ ревизіи судовъ, наконецъ, онъ облеченъ властью передавать на разсмотрѣніе уѣздаго сѣзда дѣла, которыя онъ признаетъ „неправосудными“ (123 и 141 ст. общ. пол. о кр.).

Хотя по положенію 1889 года волостному суду и рекомендуется руководствоваться обычаями въ особенности „по дѣламъ о раздѣлахъ наслѣдства“, но въ этомъ отношеніи онъ поставленъ въ условія, мало гарантирующія примѣненіе обычая. Рѣшенія волостного суда подлежатъ обжалованію по существу уѣздному сѣзду — учрежденію, составленному изъ чиновниковъ административнаго и немногихъ чиновъ судебного вѣдомства, знакомство которыхъ съ мѣстными обычаями очень сомнительно и которыя часто, вслѣдствіе незнанія обычаевъ, предпочитаютъ руководствоваться обще-гражданскими законами, для большаго числа правоотношеній крестьянъ завѣдомо непригодными.

Изъ предложеннаго обзора главныхъ основаній реформы 1889 года не трудно усмотрѣть, что реформированный волостной судъ утратилъ тѣ двѣ изъ перечисленныхъ нами характерныхъ особенностей волостного суда, которыя были дороги многимъ защитникамъ этого суда: начало судебного самоуправленія населенія и близость его къ правовымъ воззрѣніямъ крестьянъ, выражающимся въ обычномъ правѣ. Осталась только одна особенность свойства отрицательнаго — сословность, въ оригинальномъ значеніи этого слова, о которомъ мы выше упомянули.

Не удивительно, что волостной судъ такъ быстро потерялъ популярность и что число голосовъ, требующихъ его полного упраздненія, такъ увеличилось въ послѣднее время.

VI.

Полная непригодность реформированнаго по закону 1889 года волостного суда въ настоящее время безспорна.

Необходимость учрежденія всесословнаго мѣстнаго суда, компетенція котораго поглощала бы компетенцію волостного суда, признана была одно время и правительствомъ, которое внесло во вторую Государственную Думу проектъ организаціи мѣстнаго суда.

Послѣ роспуска второй Государственной Думы правительство взяло свой проектъ обратно и внесло въ третью Думу снова этотъ проектъ, но уже съ значительными измѣненіями, суживающими размѣры реформы.

Останавливаясь на основныхъ началахъ предполагавшейся реформы, надо замѣтить, что они рѣзко различаются на такія, которыя встрѣчаютъ почти общее сочувствіе прогрессивной части общества и такія, которыя можно назвать спорными.

Къ числу первыхъ надо отнести требованіе суда всесословнаго, равнаго для всѣхъ, и суда независимаго.

Поэтому мысль о необходимости уничтоженія сословнаго волостного суда не встрѣчала возраженія.

Также чрезвычайно распространена мысль о необходимости проведенія начала *выборности* мѣстныхъ судей—мысль, которая подкрѣпляется и соображеніями большей независимости выборнаго судьи отъ вліянія правительственныхъ вѣяній и настроеній и соображеніями о большихъ гарантіяхъ при этомъ способѣ комплектованія личнаго состава судей, осуществленія начала близости судьи къ населенію, знанія имъ бытовыхъ условій жизни населенія ¹⁾.

Спорнымъ является вопросъ о коллегіальности мѣстнаго суда для сельскихъ мѣстностей и о значеніи обычнаго права, какъ источника права для мѣстнаго суда.

Большинство членовъ судебныхъ комиссій второй и третьей Государственной Думы склонялись къ признанію лучшей формой мѣстнаго суда—суда единоличнаго и къ суженію сферы примѣненія обычнаго права.—Но и противоположное мнѣніе имѣетъ своихъ убѣжденныхъ сторонниковъ.

Мы полагаемъ, что мѣстный судъ долженъ удовлетворять двумъ главнымъ жизненнымъ требованіямъ: 1) онъ долженъ быть близокъ къ населенію въ бытовомъ и духовномъ отношеніяхъ, и 2) долженъ быть въ то же время судомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, т. е. долженъ обладать свойствами, наличность которыхъ необходима для каждаго нормальнаго суда. Для этого онъ долженъ быть независимъ, равенъ для всѣхъ, но и долженъ въ своемъ составѣ имѣть членовъ съ достаточной подготовкой для юридическаго анализа, умѣть ясно формулировать свои рѣшенія, правильно изложить мотивы къ нимъ и при этомъ въ формѣ, доступной контролю высшей инстанціи.

При настоящихъ бытовыхъ условіяхъ, въ которыхъ находится сельское населеніе Россіи, такимъ условіямъ можетъ удовлетворять

¹⁾ См. докладъ комиссіи по судебнымъ реформамъ третьей Гос. Думы о преобразованіи мѣстнаго суда стр. 4, 5. Также докладъ такой же комиссіи во второй Гос. Думѣ въ книгѣ „Законодательные проекты и предложенія партіи народной свободы“. Спб. 1907 г., стр. 260, 261. Статью Н. А. Гредескула „Матеріальныя границы мѣстнаго суда и его организація“, „Право“ 1907 г. № 30, 31, 34—36.

только судъ смѣшаннаго состава, устроенный по образцу суда шеффеновъ, изъ выборныхъ отъ населенія подъ предсѣдательствомъ выборнаго же предсѣдателя юриста.

И мы должны констатировать, что въ теченіе всего послѣдняго полустолѣтія, начиная съ шестидесятыхъ годовъ и кончая нынѣшнимъ временемъ, общественная мысль настойчиво указывала на эту форму суда, какъ на лучшую форму организациі мѣстной юстиціи для сельскихъ мѣстностей, такой юстиціи, которая могла бы поглотить компетенцію волостного суда.

Мысль о такомъ судѣ мелькала уже у дѣателей крестьянской реформы 1861 года.

Еще гораздо раньше работъ по составленію судебныхъ уставовъ, мысль о необходимости учрежденія мировыхъ судей, которымъ слѣдуетъ подчинить и крестьянское дѣло, была подробно развита въ особой комиссіи при Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, работы которой были переданы на обсужденіе редакціонныхъ комиссій.

По выработанному проекту, предполагалось учредить мировыхъ судей, которые будутъ избираться крестьянами. Въ связи съ этимъ проектомъ въ административномъ отдѣленіи редакціонной комиссіи былъ намѣченъ „особый крестьянскій судъ, собирающійся или постоянно или въ чрезвычайныхъ случаяхъ и составленный изъ выборныхъ крестьянъ и мирового судьи“.

Въ литературѣ неоднократно указывалось на возможность указанной коллегіальной организациі мѣстной юстиціи.

Въ этомъ отношеніи мы можемъ указать на двѣ статьи, посвященныя вопросу о желательномъ устройствѣ мѣстнаго суда, появившіяся еще въ 1882 году: Языкова и Карцева.

Первый, въ статьѣ „о реформѣ волостныхъ судовъ“¹⁾, проектируя упраздненіе волостныхъ судовъ, не соглашается, однако, на передачу всѣхъ дѣлъ вѣдѣнію единоличнаго короннаго судьи. Онъ находитъ необходимымъ для разсмотрѣнія гражданскихъ дѣлъ учредить при мировыхъ судебныхъ участкахъ „особыя присутствія мировыхъ судовъ“. Мировой судья, какъ предсѣдатель присутствія, по мнѣнію автора, явится представителемъ закона и законнаго порядка, а члены присутствія, выборные, будутъ сказателями народнаго обычая.

Нѣсколько иную комбинацію, но имѣющую общія черты предлагаетъ и г. Карцевъ въ статьѣ „Наше сельское правосудіе“²⁾.—Онъ

1) „Журналъ гражд. и угол. права“ за 1882 г., кн. 3.

2) „Вѣстникъ Европы“ 1882 г. № 1.

предлагаетъ учредить въ каждой волости, взамѣнъ мирового и волостного суда, одинъ безсословный волостной судъ, выборный и коллегіальный. Различіе цензовъ для предсѣдателей и членовъ такого суда обусловить собой и различіе элементовъ, изъ которыхъ онъ будетъ состоять. Для членовъ слѣдуетъ требовать только грамотность, а для предсѣдателя—тотъ же цензъ, который требуется и для нынѣшнихъ мировыхъ судей.

Къ тому же мнѣнію приходитъ и г. Страховскій въ своемъ интересномъ сочиненіи „Крестьянскія права и учрежденія“.

„Прежній мировой судъ при всѣхъ его неоспоримыхъ преимуществахъ“, говоритъ указанный авторъ, „былъ судомъ мало приспособленнымъ, какъ по личному составу судей, такъ и по правиламъ судопроизводства къ рѣшенію своеобразныхъ и мелкихъ деревенскихъ дѣлъ, для правильнаго освѣщенія которыхъ необходимо считаться со многими мѣстными особенностями“.

„При проектированіи устройства сельской судебной части“, продолжаетъ указанный авторъ, „необходимо остановиться на комбинаціи двухъ началъ: юридической подготовки и знанія мѣстныхъ особенностей“.

Этимъ требованіямъ, по мнѣнію автора, удовлетворяла бы конструкция волостного суда, въ качествѣ коллегіальнаго учрежденія, состоящаго подъ предсѣдательствомъ мирового судьи, изъ выборныхъ волостныхъ судей¹⁾.

Замѣчательно, что и комитеты о нуждахъ сельскаго хозяйства тоже очень настойчиво указываютъ на необходимость замѣны сословнаго волостного суда мѣстнымъ всесословнымъ судомъ подобной же смѣшанной конструкціи.

Нѣкоторые комитеты указывали, какъ на образецъ для устройства волостного суда, на гминные суды въ Царствѣ Польскомъ, состоящіе изъ гминныхъ судей и лавниковъ, выбираемыхъ всесословнымъ гминнымъ сходомъ²⁾.

Другіе прямо проектировали выборнаго судью и при немъ шеффеновъ.

Въ этомъ смыслѣ высказалась юридическая комиссія Орловскаго комитета.

Въ Ардатовскомъ комитетѣ было высказано, что дѣйствующій волостной судъ состоитъ изъ недостаточно самостоятельныхъ и независимыхъ людей, неудовлетворяющихъ, притомъ, требованіямъ, предъявляемымъ къ званію судьи. Желательно, чтобы въ составъ суда

1) *Страховскій*. „Крестьянскія права и учрежденія“, стр. 251.

2) Такое мнѣніе высказано Тихвинскимъ и Елецкимъ комитетами „Нужды деревни“, стр. 140.

входили мѣстные жители, которымъ хорошо извѣстенъ бытъ населенія и которые могутъ разобраться въ правоотношеніяхъ тяжущихся сторонъ. Предсѣдательствующимъ въ такомъ судѣ должно быть особое лицо съ образованіемъ не ниже среднего и лишь въ крайнемъ случаѣ изъ лицъ съ практической подготовкой. Судъ долженъ быть общесословнымъ, съ раіономъ дѣйствія на нѣсколько волостей, смотря по мѣстнымъ условіямъ и состоятъ изъ предсѣдателя и двоихъ членовъ. Судьи избираются на установленный срокъ земскимъ собраніемъ изъ мѣстныхъ жителей, безъ различія сословій и имущественнаго положенія ¹⁾.

Такимъ образомъ, мысль о судѣ шеффеновъ, о необходимости преобразовать по типу этого суда нашъ институтъ мировыхъ судей для того, чтобы сдѣлать его всесословнымъ мѣстнымъ судомъ, высказывается даже тѣми, кто не склоненъ придавать важное значеніе особенностямъ крестьянскихъ правоотношеній. Даже представители означеннаго направленія не находятъ возможнымъ предоставить рѣшеніе судебныхъ дѣлъ, возникающихъ среди сельскаго населенія, единоличному мировому судѣ, назначаемому, по силѣ дѣйствующаго закона правительствомъ, безъ всякаго участія населенія, изъ людей, совершенно чуждыхъ этому населенію, совершенно незнакомыхъ съ условіями мѣстной жизни.

Тѣмъ болѣе къ этому взгляду должны присоединиться тѣ, кто хорошо знакомъ съ особенностями крестьянскаго права, съ значеніемъ въ немъ еще до сихъ поръ чуждыхъ нашему закону обычно правовыхъ понятій, сложившихся въ нѣдрахъ народныхъ массъ, неразрывно связанныхъ со всей хозяйственной дѣятельностью нашего сельскаго населенія.

Мы должны помнить, что мѣстному суду въ сельскихъ мѣстностяхъ придется имѣть дѣло съ цѣлой совокупностью поземельныхъ и вообще имущественныхъ отношеній, до сихъ поръ подлежащихъ вѣдѣнію органовъ крестьянскаго управленія, несмотря на то, что они касаются исключительно гражданско-правовыхъ отношеній. Жалобы на приговоры общества, касающіяся распоряженія общинной землей, жалобы на приговоры о семейныхъ раздѣлахъ, о назначеніи опеки и пр. разсматриваются въ настоящее время въ административномъ порядкѣ земскими начальниками и уѣздными сѣздами. Несомнѣнно, что такой порядокъ долженъ быть уничтоженъ и что всѣ споры, вытекающіе изъ общинныхъ и семейныхъ отношеній, должны разсматриваться мѣстнымъ судомъ.

¹⁾ „Нужды деревни“, стр. 141.

Споры указаннаго рода особенно тѣсно связаны съ бытовыми условіями и съ обычно-правовыми взглядами мѣстнаго населенія. Поэтому, удовлетворительно ихъ разрѣшать можетъ только судъ, имѣющій въ своемъ составѣ лицъ, близко знакомыхъ съ жизнью мѣстнаго населенія и съ его обычно-правовыми воззрѣніями.

Вотъ тѣ мотивы, которые заставляютъ насъ предпочесть организацію мѣстнаго суда для сельскихъ мѣстностей на началѣ коллегіальности въ составѣ мирового судьи и мѣстныхъ судей.

Только такой судъ отвѣчалъ бы какъ указанному началу близости суда къ жизни мѣстнаго населенія, такъ и началу судебной автономіи населенія—единственнымъ положительнымъ началомъ организаціи волостного суда по закону 1861 года, которая, однако, настолько существенны и важны, что ради нихъ такіе юридическіе писатели, какъ Кистяковский, Чубинскій и Зарудный предпочитали сохраненіе волостного суда замѣнить его единоличнымъ судомъ мирового судьи ¹⁾.

Нынѣ реформа мѣстнаго суда осуществилась. 15 іюня 1912 года изданъ законъ „о мѣстномъ судѣ“, 26 іюня 13 года законъ о введеніи мѣстнаго суда сначала только въ 10 губерніяхъ Европейской Россіи съ 1 января 1814 года.

Законъ 15 іюня 1912 года явился результатомъ весьма сложныхъ компромиссовъ между требованіями разныхъ партій съ одной стороны и между двумя законодательными учрежденіями: Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой, съ другой.

Здѣсь мы имѣемъ въ виду изложить главные основанія той части закона о мѣстномъ судѣ, которая касается организаціи и дѣятельности волостного суда.

Несмотря на рѣзкія и очень основательныя нападки на волостной судъ, высказанныя и въ первоначальной запискѣ Министра юстиціи и въ проектѣ, выработанномъ въ Государственной Думѣ, онъ сохраненъ въ новой реформѣ по настоянію Государственнаго Совѣта.

Представитель Государственной Думы въ согласительной комиссіи уступилъ Государственному Совѣту въ этомъ вопросѣ и согласился на сохраненіи волостного суда.

Въ мотивахъ своихъ Государственный Совѣтъ самъ, однако, говоритъ, что безусловно согласенъ съ недостатками существующаго волостного суда и въ частности съ тѣми недостатками, которые указаны въ докладѣ Министра юстиціи, предполагавшаго упразднить волостной

¹⁾ Зарудный. „Законъ и жизнь“. Спб. 1874 г. Статьи Чубинскаго и Кистяковского о волостномъ судѣ, помѣщен. въ „Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-Русскій край“, т. VI.

судъ. Соглашается Совѣтъ и съ тѣмъ осужденіемъ волостного суда, которое явствуетъ изъ вотума Государственной Думы объ его упраздненіи и съ тѣми мнѣніями о его неудовлетворительности, которыя были высказаны въ большинствѣ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности.

Но тѣмъ не менѣе Государственный Совѣтъ высказывается за сохраненіе волостного суда по слѣдующимъ соображеніямъ: по мнѣнію его, нынѣшняя жизнь крестьянства является переходной и пока это переходное состояніе длится, волостной судъ съ ограниченной компетенціей полезенъ тѣмъ, что доступенъ крестьянамъ, близокъ имъ.

Близокъ не только въ территоріальномъ отношеніи, но и въ бытовомъ. По своему составу онъ гарантируетъ близкое знаніе судьями бытовыхъ условій крестьянской жизни.

Переходное состояніе, переживаемое крестьянствомъ характеризуется тѣмъ, что оно продолжаетъ еще пребывать въ обособленномъ состояніи.

„Условія сельскохозяйственного труда и самой жизни въ общинномъ строѣ, имѣющимъ свои интересы, говорится въ объяснительной запискѣ Государственного Совѣта, далеко не схожія съ интересами городскихъ обывателей наложили на русскаго крестьянина свой особый отпечатокъ и рѣзко отразились на его нравственномъ и правовомъ міросозерцаніи. Самобытно сложившіеся въ средѣ крестьянскаго населенія взгляды и отношенія бережно охранялись со времени великой реформы 1861 года. Коренная ломка вѣковыхъ устоевъ крестьянскаго правопорядка, хотя бы теоретически правильнаго, но искусственно нормировкою была бы мѣрою, нецѣлесообразною, неблагоприятною и несогласующуюся съ дѣйствительными нуждами повседневной жизни крестьянъ“.

„Сколь ни желательно подчинить частно правовыя отношенія крестьянъ общегражданскимъ законамъ, но противниками волостного суда признается, что существующія въ крестьянскомъ быту правовыя особенности потребовали бы соотвѣтствующаго дополненія этихъ законовъ.

Вопросъ о томъ, въ какихъ предѣлахъ должно быть сдѣлано отступленіе отъ общихъ писанныхъ законовъ въ пользу обычно-правовыхъ нормъ и специальныхъ узаконеній представляется крайне спорнымъ и во всякомъ случаѣ, не легкимъ.

Затруднительность его разрѣшенія усугубляется общепризнанными недостатками нашихъ законовъ. Многолѣтній и обширный трудъ, принятый для начертанія проекта новаго гражданскаго уложенія, еще не внесенъ на законодательное разрѣшеніе.

Между тѣмъ преобразование мѣстнаго суда неотложно“.

Насколько приведенные мотивы оправдываютъ принятія въ реформѣ начала ясно будетъ изъ изложенія главныхъ основаній реформы волостного суда.

По новому закону, волостной судъ состоитъ изъ председателя, двухъ членовъ и двухъ кандидатовъ къ нимъ.—Требованіе грамотности отъ судей—обязательно.

Волостные судьи выбираются особыми выборными отъ сельскихъ обществъ. Каждое сельское общество выбираетъ выборныхъ съ такимъ расчетомъ, чтобы на каждые сто дворовъ приходился одинъ выборщикъ. Выборщики данной волости собираются въ избирательное собраніе подъ председательствомъ мирового судьи и выбираютъ отдѣльно председателя суда и отдѣльно членовъ суда и кандидатовъ къ нимъ.

Списокъ выбранныхъ судей утверждается мировымъ съѣздомъ, который въ случаѣ неправильностей, допущенныхъ при выборахъ можетъ отмѣнить выборы и назначить дополнительные выборы для избранія неутвержденныхъ волостныхъ судей.

Въ законѣ не указаны причины, которыя могутъ повлечь за собой неутвержденіе судей, но въ мотивахъ къ законопроекту упоминается, что утвержденіе или неутвержденіе выборовъ дискреціонное право съѣзда и что съѣздъ можетъ не утвердить выборы не только въ томъ случаѣ, если судья не удовлетворяетъ требованіямъ закона, но и въ томъ случаѣ, если самъ считаетъ избраннаго недостойнымъ или неспособнымъ занимать должность судьи.

При утвержденіи въ должности мировые судьи приводятся къ присягѣ.

При выbitии за смертью или по другимъ причинамъ судьи изъ состава суда въ теченіи трехлѣтія, тѣ же выборщики выбираютъ новаго судью.

Въ теченіи времени состоянія въ должности, волостные судьи не могутъ подвергаться административнымъ взысканіямъ и хотя считаются должностными лицами крестьянскаго самоуправления, но на нихъ не распространяется власть земскихъ начальниковъ, присвоенная послѣднимъ въ отношеніи должностныхъ лицъ крестьянскаго сельскаго и волостного управления.

Волостнымъ судьямъ присваивается содержаніе, размѣръ котораго опредѣляется разрядомъ даннаго волостного суда. Въ этомъ отношеніи всѣ волостные суды дѣлятся на два разряда: для перваго содержаніе председателя суда назначено въ 480 р., судьи 120 р. въ годъ; для втораго—председателю назначено 360 р., судьямъ 100 р. въ годъ.

Кандидаты въ судьи получаютъ одинаковое для обоихъ разрядовъ вознагражденіе въ размѣрѣ 2 р. за каждое засѣданіе суда, въ которомъ они принимаютъ участіе. Очень важное нововведеніе закона заключается въ томъ, что всѣ расходы на содержаніе волостныхъ судовъ падаютъ на средства казны, а не на мірскіе сборы.

Засѣданіе волостного суда назначается его предсѣдателемъ не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ.

Въ волостномъ судѣ имѣется особый секретарь, должность котораго совершенно отдѣлена отъ должности волостного писаря и которому присваивается опредѣленное въ законѣ содержаніе. Онъ находится подъ наблюденіемъ предсѣдателя волостного суда, но назначается мировымъ судьей по представленію предсѣдателя суда.

Апелляціонная инстанція для дѣлъ, рѣшаемыхъ волостными судами создана совершенно новая. Она называется „верхнимъ сельскимъ судомъ“, архаическимъ названіемъ, напоминающимъ дореформенныя времена.

Въ каждомъ мировомъ участкѣ учреждается одинъ верхній сельскій судъ. Онъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ мирового судьи изъ предсѣдателей волостныхъ судовъ даннаго судебного мирового участка.

Въ случаѣ недостатка предсѣдателей для составленія присутствія (которое должно состоять изъ мирового судьи и двухъ членовъ) ихъ можетъ замѣнять волостной судья.

Обычное мѣсто засѣданія верхняго сельскаго суда—камера мирового судьи, но онъ можетъ засѣдать и въ другомъ мѣстѣ даннаго мирового участка.

Дѣлопроизводство верхняго сельскаго суда возлагается на дѣлопроизводителя мирового судьи.

Изъ изложенныхъ началъ организаніи волостного суда видно, что новый волостной судъ поставленъ въ непосредственную связь съ мировымъ судомъ и совершенно изолированъ отъ всякаго вліянія администраціи вообще и земскаго начальника въ частности. Это, конечно, крупное преимущество новой реформы.

Связь эта закрѣплена еще и тѣмъ, что надзоръ надъ волостными судами предоставленъ мировому судѣ даннаго участка. Мировому судѣ вмѣняется въ обязанность производить ревизію волостныхъ судовъ своего участка не менѣе раза въ годъ. Высшій же надзоръ возложенъ на мировой съѣздъ, который имѣетъ право издавать указы о внутреннемъ распорядкѣ какъ въ волостныхъ судахъ, такъ и въ верхнихъ сельскихъ судахъ. Съѣзду же подвѣдомственны всѣ

дисциплинарныя дѣла по отношенію къ волостнымъ судьямъ съ правомъ устраненія ихъ отъ должности.

Компетенція реформированнаго волостнаго суда значительно сужена въ сравненіи съ компетенціей старыхъ судовъ.

Гражданская компетенція волостного суда ограничивается исками о движимости и по договорамъ на сумму не свыше ста рублей, т. е. компетенція снова та же что и по правиламъ 1861 года, но съ тою разницею, что имущество, стоившее тогда сто рублей, въ настоящее время стоитъ гораздо дороже, такъ что, принимая во вниманіе это вздорожаніе, слѣдуетъ придти къ заключенію, что компетенція новаго суда сужена и въ сравненіи съ компетенціей суда 1861 года.

Въ отношеніи же недвижимости компетенція волостного суда очерчена до странности своеобразно и неопредѣленно.

Прежде всего особо оговорено, что вѣдѣнію волостного суда подсудны дѣла о возстановленіи владѣнія, если нарушеніе произошло не болѣе года до предъявленія иска. Срокъ согласованъ съ новой компетенціей, устанавливаемой для мировыхъ судей. Но тутъ же прибавляется: „кромя исковъ, касающихся земель вѣнадѣльныхъ и участковъ отрубнаго владѣнія“.

Въ мотивахъ къ этой статьѣ говорится, что упоминаніе о возстановленіи нарушеннаго владѣнія дѣлается въ виду того, чтобы исправить недостатки правилъ 1889 года, въ которыхъ эти иски не упоминались, почему и являются подсудными земскому начальнику, а не волостному суду.

Волостному суду подсудны всѣ иски о правахъ на надѣльныя земли, находящіяся въ общинномъ владѣніи, дѣла по наслѣдству кромѣ исковыхъ и дѣла по раздѣлу между наслѣдниками крестьянскаго имущества, входящаго въ составъ надѣла безъ ограниченія суммы. Дѣла кромѣ исковыхъ по наслѣдству не входящаго въ составъ надѣла подсудны волостному суду при цѣнѣ не свыше пятисотъ рублей.

Иски, касающіеся недвижимости, не состоящей въ общинномъ наслѣдованіи и иски, основанные на крѣпостныхъ, нотаріальныхъ и установленныхъ порядкомъ засвидѣтельствованныхъ актахъ, а также иски по векселямъ изъеются изъ подсудности волостнымъ судамъ.

Въ мотивахъ на эти статьи, касающіяся подсудности, мы читаемъ слѣдующее:

„Иски о правахъ на надѣльную землю особая комиссія полагала представить вѣдѣнію волостного суда, не ограничивая подсудности ихъ какою либо цѣною, такъ какъ волостной судъ, въ силу знанія имъ мѣстныхъ условій и мѣстныхъ обычаевъ, регулирующихъ общин-

ное пользование земель, лучше всякаго иного суда можетъ разобраться въ подобныхъ дѣлахъ, между тѣмъ, какъ при разрѣшеніи именно этого рода дѣлъ въ сущности даже не искомъ о правѣ собственности, мировой судья былъ бы поставленъ въ большое затрудненіе, такъ какъ законъ ничего не говоритъ о порядкѣ обращенія надѣльныхъ земель между крестьянами, о переуступкѣ правъ на нихъ, объ отдачѣ въ аренду и т. п.; даже въ отношеніи передѣльныхъ приговоровъ, по статьѣ 27 общаго положенія ограничивается требованіемъ, чтобы въ нихъ указывался расчетъ по которому распределяется земля между членами общества, составленіе же этого расчета предоставляетъ самимъ крестьянамъ, руководствующимся нормами мѣстнаго обычнаго права.

Иначе смотрѣла коммиссія на дѣла о правахъ на надѣльные земли, не находящіяся въ общинномъ пользованіи, а составляющія собственность отдѣльныхъ крестьянъ (усадыбы, подворные и досрочно выкупленные участки и укрѣпленные земли). Оставленіе ихъ подѣйствіемъ крестьянскаго обычнаго права означало бы оставленіе ихъ въ томъ состояніи правовой неопредѣленности, противъ которой въ сферѣ землевладѣнія такъ рѣшительно борются и правительствомъ и наши законодательныя учрежденія (?). Предоставленіе, на примѣръ, вѣдѣнію волостного суда дѣлъ по недвижимости, хотя и надѣльной, но укрѣпленной въ личную собственность, сводило бы на нѣтъ всю землеустроительную работу, которая производилась въ силу указа 9 ноября 1906 года и нынѣ по закону 14 июня 1910 года“.

Это разсужденіе, очень характерное, очень мало убѣдительно въ смыслѣ оправданія принятаго закономъ распределенія подвѣдомственности гражданскихъ дѣлъ.

Совершенно вѣрно, что законъ ничего не говоритъ „о порядкѣ обращенія надѣльныхъ земель“, о „переуступкѣ правъ“ на общинную землю. Но онъ мало говоритъ и о подворномъ владѣніи и правахъ, связанныхъ съ отрубными участками. Вѣра законодателя, что общіе суды будутъ защищать отъ разрушенія производящуюся землеустроительную работу мало обоснована.

При отсутствіи устойчиваго правопорядка въ деревнѣ и общіе суды, которымъ не дано руководящихъ нормъ матеріальнаго права, могутъ оказаться безсильными создать прочный правовой порядокъ въ имущественныхъ отношеніяхъ.

На практикѣ должно вызвать много недоразумѣній подчиненіе наследственныхъ дѣлъ волостному суду съ изытіемъ исковъ, основанныхъ на наследственномъ правѣ.

Тѣ же отношенія въ охранительномъ порядкѣ будутъ разбираться по однимъ нормамъ, а въ исковомъ по другимъ. При отсутствіи нормъ наследственнаго права для надѣльныхъ имуществъ крестьянъ, такой порядокъ можетъ внести еще большую путаницу въ наследственные отношенія крестьянъ.

Уголовная подсудность волостного суда ограничена перечисленными въ 59 ст. закона о мѣстномъ судѣ статьями устава о наказаніяхъ, касающихся мелкихъ правонарушеній, причемъ суду предоставляется власть налагать наказанія не свыше одного мѣсяца ареста или ста рублей штрафа.

Относительно примѣненія обычая законъ говоритъ, что волостной судъ при разрѣшеніи дѣлъ по наследованію и раздѣламъ крестьянскаго имущества долженъ руководствоваться мѣстными обычаями, которыми ему предоставляется руководствоваться и при разрѣшеніи прочихъ гражданскихъ дѣлъ.

Реформа волостного суда страдаетъ существеннымъ недостаткомъ въ томъ отношеніи, что включаетъ въ составъ суда юриста только во второй инстанціи, а не въ первой. Стремленіе законодателя исправлять недостатки организаціи суда первой инстанціи лучшей организаціей суда второй инстанціи представляется намъ ошибочнымъ.

Вторая инстанція часто бываетъ безсильна исправить упущенія, сдѣланныя первой инстанціей и для правильнаго отправленія правосудія необходимо было позаботиться о наиболѣе совершенной организаціи первой инстанціи.

Означенная реформа волостного суда вводится съ 1 января 1914 года въ губерніяхъ: Харьковской, Екатеринославской, Курской, Полтавской, Черниговской, Кіевской, Подольской, Волынской, Херсонской и Таврической.

ГЛАВА V.

Учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ.—Институтъ мировыхъ посредниковъ.—
Реформа учреждений по крестьянскимъ дѣламъ 1874 года.—Положеніе о
земскихъ начальникахъ 12 іюня 1889 года.

При изложеніи исторіи образованія органовъ крестьянскаго самоуправления мы видѣли, какое вліяніе оказывало на составителей положенія 1861 года стремленіе охранить крестьянъ отъ власти помѣщиковъ. Это стремленіе оказало рѣшающее вліяніе при выработкѣ *учрежденія крестьянъ*, т. е. органовъ сельскаго и волостного самоуправления. Оно же оказало большое вліяніе при выработкѣ *учрежденій, завѣдывающихъ* крестьянами, при выработкѣ законовъ, нормирующихъ ихъ дѣятельность.

Учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ, поставленныя надъ сельскимъ и волостнымъ самоуправленіемъ, развились у насъ изъ института мировыхъ посредниковъ, созданнаго въ 1861 году.

Изъ этого института, созданнаго временно для осуществленія крестьянской реформы, для проведенія ея, мало по малу выросла цѣлая система изолированнаго отъ прочихъ сословій управленія крестьянами.

Въ этомъ отношеніи, слѣдя за эволюціей системы управленія, мы съ удивленіемъ замѣчаемъ, что идея сословнаго управленія крестьянами, совершенно оставленная дѣятелями крестьянской реформы, не имѣвшая въ виду при составленіи положеній о крестьянахъ 1861 года, росла и крѣпла именно послѣ освобожденія крестьянъ въ теченіе послѣднихъ 45 лѣтъ. Сословность крестьянскаго управленія вмѣсто того, чтобы уменьшаться и исчезать, какъ естественный результатъ паденія крѣпостнаго права, какъ естественный результатъ освобожденія крестьянъ, какъ результатъ постепеннаго уравниванія ихъ въ правахъ съ другими сословіями—напротивъ, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе усиливалась.

Прослѣдить этотъ процессъ усиленія начала сословности въ управленіи крестьянъ, выяснить его причины и изложить нынѣшнюю си-

стему управленія крестьянами намъ необходимо для того, чтобы сознательно отнестись къ условіямъ, въ которыхъ въ настоящее время протекаетъ общественная жизнь крестьянъ и для того, чтобы представить себѣ совершенно ясно тѣ измѣненія въ жизни крестьянъ, которыя должны произойти въ ней при предстоящемъ реформированіи мѣстной жизни.

При выработкѣ крестьянской реформы 1861 года сначала предполагалось слить должность мирового посредника, несущаго обязанности по поземельному устройству крестьянъ, съ должностью мирового судьи, проектирующей въ это время, какъ постоянный органъ мѣстнаго суда для маловажныхъ дѣлъ. Но затѣмъ было признано, что на первое время такое сліяніе невозможно въ виду обилія предполагавшихся специальныхъ дѣлъ у мировыхъ посредниковъ по осуществленію крестьянской реформы, а также въ виду многихъ функцій мирового посредника, не имѣющихъ судебного характера: функцій административныхъ.

Въ это время, сравнительно еще далекое отъ стремленія устанавливать особое попечительное начальство надъ крестьянами, время, когда подобная мысль отвергалась еще съ негодованіемъ, мы однако встрѣчаемъ въ соображеніяхъ по поводу составленія проекта положенія о мировыхъ посредникахъ указаніе на то, что часть административной власти, сосредоточенной нынѣ въ рукахъ помѣщиковъ, будетъ передана крестьянскимъ обществамъ, а это потребуетъ на первое время руководства и наблюденія. Правда, тутъ же авторы соображеній спѣшатъ оговориться, что „комиссія далека отъ мысли о необходимости особаго спеціальнаго управленія или административнаго вѣдомства для помѣщичьихъ крестьянъ, но она все-таки считаетъ неизбѣжнымъ установить такую ближайшую власть, которая въ опредѣленныхъ случаяхъ могла бы служить контролемъ и охраной для сельскаго общественнаго управленія“¹⁾.

Интересны возраженія, которыя были сдѣланы по поводу проекта избирать мировыхъ посредниковъ на сходахъ выборныхъ отъ крестьянъ. Указывалось, что для дворянъ будетъ унижительно подвергаться выбору крестьянами, что эти выборы вслѣдствіе неразвитія крестьянъ не гарантируютъ будто бы выборовъ достойнѣйшихъ людей. Поэтому, было рѣшено на первое трехлѣтіе выборовъ не производить, а назначать мировыхъ посредниковъ изъ списка кандидатовъ, выбираемыхъ дворянами.

¹⁾ Ibid. стр. 36.

Такимъ образомъ, въ 1861 году были учреждены должности мировыхъ посредниковъ, уѣздныхъ мировыхъ съѣздовъ и губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій.

По положенію 1861 года мировые посредники были поставлены въ такія служебныя условія, которыя сохраняли имъ независимость ихъ служебнаго положенія. Они зависѣли только отъ Сената. Только Сенатъ могъ уволить ихъ отъ службы и налагать дисциплинарныя взысканія. Ихъ должность въ служебныхъ правахъ и въ порядкѣ взысканій по службѣ была приравнена къ должности уѣзднаго предводителя дворянства. Должности мирового посредника никакого оклада жалованья не присваивалось. Это была должность безвозмездная. Мировые посредники получали только деньги (1500 руб.) для найма помѣщенія подъ канцелярію, на канцелярскіе расходы и на разъѣзды по службѣ.

Это была почетная должность съ очень отвѣтственной компетенціей, главнымъ образомъ включающей дѣла по поземельному устройству крестьянъ. Кромѣ этихъ дѣлъ мировому посреднику были первоначально подвѣдомственны и дѣла судебного характера: иски, споры и жалобы, возникающіе изъ поземельныхъ отношеній крестьянъ и помѣщиковъ, дѣла по найму землевладѣльцами лицъ въ услуженіе, по отдачѣ въ наемъ земель, по потравамъ и порубкамъ. Здѣсь интересно отмѣтить, что законъ (56 ст. пол. учр. кр.) вѣнялъ посредникамъ въ обязанность рѣшать иски и споры на основаніи крестьянскихъ положеній и *мѣстныхъ обычаевъ*, если они не противорѣчатъ законамъ и положеніямъ о крестьянахъ.

Дѣла административнаго свойства заключались въ надзорѣ за дѣятельностью лицъ сельскаго управленія: сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ, разборъ жалобъ помѣщиковъ на лицъ сельскаго управленія. Но надзоръ за органами сельскаго управленія не шелъ дальше надзора за должностными лицами. Рѣшенія сельскихъ и волостныхъ сходовъ не были подчинены контролю мирового посредника. Напротивъ, законъ прямо запрещалъ мировому посреднику вмѣшиваться въ разборъ дѣлъ, подлежащихъ разрѣшенію общественныхъ крестьянскихъ учреждений. Онъ не могъ отмѣнять ни рѣшеній волостныхъ судовъ, ни приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ.

Вскорѣ послѣ реформы 1861 года, положеніе мировыхъ посредниковъ стало измѣняться къ худшему. Они были поставлены въ большую служебную зависимость отъ администраціи. Та независимость, въ которую они были поставлены вначалѣ, подчиняясь только указамъ Сената, исчезла. Самое ихъ существованіе сдѣлалось неопредѣленнымъ.

Я уже упоминалъ, что въ проектѣ положенія 1861 года было окончательно рѣшено, чтобы мировые посредники выбирались крестьянами даннаго мирового округа изъ числа дворянъ-кандидатовъ на должность мирового посредника, намѣченныхъ въ дворянскихъ собраніяхъ. Такое постановленіе проекта не было отмѣнено, но и не было исполнено. Рѣшено было на первое трехлѣтіе въ видѣ опыта, а также въ виду того, что освобождаемые крестьяне будто бы въ первый годъ послѣ освобожденія не сумѣютъ серьезно и разумно воспользоваться своимъ выборнымъ правомъ, комплектовать составъ мировыхъ посредниковъ по назначенію.

Въ законѣ, т. е. въ положеніи 1861 года, было такъ и опредѣлено, что въ первое трехлѣтіе мировые посредники назначаются по представленію губернаторовъ изъ числа дворянъ-кандидатовъ, выбранныхъ въ дворянскихъ собраніяхъ указами Сената и что по истеченіи трехъ лѣтъ порядокъ ихъ выбора будетъ опредѣленъ согласно принятой редакціи проекта положенія, т. е. будетъ опредѣленъ порядокъ выборовъ на эту должность крестьянами.

Но новаго закона о порядкѣ назначенія мировыхъ посредниковъ такъ и не послѣдовало. Вмѣсто него по истеченіи перваго трехлѣтія стали продолжать полномочія мировыхъ посредниковъ ежегодно на предстоящій годъ особыми Высочайшими повелѣніями. Вслѣдствіе такого порядка, въ связи съ временнымъ характеромъ должности мирового посредника вообще, постоянно поддерживалась тревога о томъ, что должности эти будутъ скоро упразднены.

Одновременно съ такими неблагоприятными условіями должность мирового посредника теряла и ту притягательную силу участія въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ и поземельнаго устройства послѣднихъ, которую они имѣли въ первые годы, такъ какъ это дѣло близилось къ концу. По крайней мѣрѣ всѣ острые моменты этого дѣла были уже пережиты, и дѣло входило въ свое будничное русло.

Лучшіе люди, люди, шедшіе по призванію, а не изъ выгодъ, соединяемыхъ съ должностью, стали уходить. Для тѣхъ изъ нихъ, которые дорожили дѣятельностью на мѣстахъ, въ провинціи открылся и выходъ—занять болѣе постоянную, болѣе независимую и лучше оплачиваемую должность мирового судьи.

Должности мировыхъ судей были учреждены одновременно съ введеніемъ судебной реформы 1864 года.

Всѣ современники этого времени свидѣтельствуютъ о многочисленности перехода мировыхъ посредниковъ въ мировые судьи.

Введеніе института мировыхъ судей повлекло за собой суженіе компетенціи мировыхъ посредниковъ. Согласно изданнымъ при введеніи мировыхъ судей правиламъ (25 октября 1865 года) къ мировымъ судьямъ отошли все иски и споры судебного свойства, не относящіеся до исполненія уставныхъ грамотъ и предметовъ, въ нихъ обозначенныхъ и не истекающихъ изъ обязательныхъ отношеній крестьянъ и помѣщиковъ, дѣла по искамъ постороннихъ лицъ къ сельскимъ обществамъ и дѣла по искамъ, когда спорящія стороны просятъ о рѣшеніи дѣла по совѣсти.

Такимъ образомъ судебная компетенція мировыхъ посредниковъ сузилась, но зато съ теченіемъ времени стала расширяться чисто фактическимъ путемъ ихъ дѣятельность полицейскаго характера по надзору за исполненіемъ должностными лицами крестьянскаго управленія полицейскихъ обязанностей и по надзору за успѣшнымъ взысканіемъ подлежащихъ съ крестьянъ платежей и недоимокъ.

Понижаясь со стороны личнаго состава, теряя понемногу свои посредническія и судебныя полномочія, мировой институтъ видимо падаль. Мировыми посредниками перестали являться люди, желающіе послужить крестьянскимъ интересамъ. На эти должности стали назначаться лица, довольствующіяся тѣмъ, что оставалось у нихъ отъ отпускаемыхъ суммъ на разѣзды и наемъ канцеляріи. Канцелярская работа исполнялась ими самими, на разѣзды они ничего не тратили, потому что разѣзжали на „обывательскихъ“ лошадяхъ, и 1500 рублей, ассигнованные на указанные расходы, превратились въ жалованье, размѣръ котораго, конечно, не могъ привлекать способныхъ людей. Стали обнаруживаться злоупотребленія, растраты общественныхъ суммъ. Появились жалобы на бездѣятельность мировыхъ посредниковъ.

Необходимость реформы института мировыхъ посредниковъ чувствовалась всеми. Но, къ сожалѣнію, реформа была произведена въ самомъ неудачномъ видѣ.

Реакціонныя теченія внутренней политики сказывались въ это время уже совершенно ясно, но все-таки начала, ознаменовавшія реформы 60-хъ годовъ, также еще встрѣчали сочувствіе и поддержку. Реакція не осмѣливалась прямо и открыто ниспровергнуть положенія въ основу реформъ начала. Она даже прикидывалась защитницей ихъ и въ то же время проводила свои стремленія окольными путями. Уничтожить прямо принципъ самостоятельности крестьянскаго самоуправленія, подчинить его надзору и попечительству органовъ управленія крестьянами, какъ это было сдѣлано впоследствии при изданіи положенія о земскихъ начальникахъ; законодатель тогда не рѣшался.

Реакція всегда, прежде чѣмъ измѣнить самый принципъ, ей ненавистный, старается ослабить его осуществленіе въ жизни, парализуя тѣ условія, которыя ограждаютъ примѣненіе принципа. Сначала она дѣйствуетъ исподволь путемъ толкованія закона и путемъ административнаго воздѣйствія.

Мы видѣли, что законъ требовалъ отъ мировыхъ посредниковъ не вмѣшиваться въ распоряженія сходовъ. Сначала это требованіе исполнялось очень строго. Одно губернскае по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, напр., въ началѣ 60-хъ годовъ возбудило дисциплинарное преслѣдованіе противъ одного мирового посредника за то, что тотъ произвелъ учетъ суммъ волостного управленія. Но затѣмъ М. в. д. не только стало требовать производства учета и ревизій, но стало возбуждать передъ Сенатомъ преслѣдованіе противъ тѣхъ мировыхъ посредниковъ, которые не производили учета и ревизій. То же Министерство стало требовать отъ мировыхъ посредниковъ преимущественнаго вниманія къ взысканію накопившихся недоимокъ. Не имѣя возможности, однако, добиться болѣе непосредственнаго вмѣшательства въ дѣла крестьянскаго управленія черезъ мировыхъ посредниковъ, встрѣчая противоудѣйствіе этому стремленію въ буквѣ закона, реакціонныя силы направили свои усилія къ тому, чтобы еще болѣе ослабить мировой институтъ, сузивъ его компетенцію и усиливъ на счетъ этого суженія компетенціи вліяніе полиціи на крестьянство. Этому стремленію мы и обязаны преобразованіемъ института мировыхъ посредниковъ по закону 1874 года.

Впрочемъ раньше, чѣмъ остановиться на проектѣ закона 1874 года, реакціонныя силы дѣлали попытку прямо и открыто измѣнить мировой институтъ въ направленіи, близкомъ къ положенію о земскихъ начальникахъ, но попытка эта встрѣтила такое сильное противоудѣйствіе въ правящихъ сферахъ, еще не захваченныхъ реакціей, что она потерпѣла неудачу.

Эта попытка настолько интересна для уясненія себѣ причинъ позднѣйшаго измѣненія крестьянскихъ учреждений, введенныхъ положеніемъ о земскихъ начальникахъ, что на ней любопытно остановиться. Она показываетъ, что мы должны искать истинные корни положенія о земскихъ начальникахъ не въ тѣхъ случайныхъ причинахъ того или иного личнаго вліянія въ составѣ комиссіи, разрабатывавшей проектъ этого положенія, не въ личности одного изъ вліятельныхъ и видныхъ членовъ комиссіи, составлявшей проектъ, Пазухинѣ, вліянію котораго писатели, занимавшіеся исторіей возникновенія института земскихъ

начальниковъ, удѣляютъ такъ много вниманія¹⁾, а общими воззрѣніями той части общества и правящихъ сферъ, которая, составляя консервативную часть общества, давно уже составила себѣ взглядъ на характеръ желательныхъ для нея перемѣнъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, но не могла еще провести этотъ взглядъ въ законъ, ибо не имѣла еще достаточнаго вліянія и опоры въ правящихъ сферахъ въ семидесятыхъ годахъ. Она получила это вліяніе и опору только въ концѣ 80-хъ годовъ.

Указанная попытка выразилась въ составленномъ въ 1869 г., новымъ тогда Министромъ внутреннихъ дѣлъ Тимашевымъ, проектѣ о преобразованіи института мировыхъ посредниковъ.

Въ своемъ представленіи главному комитету по устройству сельскаго состоянія М. в. д. говоритъ, что учрежденіе мировыхъ посредниковъ заключало въ себѣ первоначально двѣ стороны: одною, а именно судебною оно входило въ разрядъ общихъ и постоянныхъ органовъ управленія; другая сторона свойства административнаго и политическаго, имѣла назначеніе специальное—для разбора дѣлъ между крестьянами и помѣщиками. Первая сторона отошла въ 1865 году къ мировымъ судьямъ. Политическая сторона тоже закончена—установлены отношенія между крестьянами и помѣщиками. Осталась въ крестьянскомъ дѣлѣ задача административная: *руководство крестьянскимъ сословіемъ и приведеніе въ должную соразмѣрность отношеній его къ правительству и къ остальному обществу.*

Признавая откровенно фактъ пониженія личныхъ качествъ мировыхъ посредниковъ, представленіе говоритъ, не менѣе откровенно раскрывая бюрократическія стремленія, что особые полномочія и обстановка службы не соотвѣтствуютъ болѣе ни новому личному составу, ни новымъ обязанностямъ мировыхъ посредниковъ. Способъ опредѣленія, увольненія и привлеченія къ отвѣтственности мировыхъ посредниковъ ставятъ ихъ въ положеніе, совершенно противорѣчащее общему строю административной дѣятельности. Особенно цѣнно признаніе, что преданіе суду мировыхъ посредниковъ, не соотвѣтствующихъ этой должности, иногда затруднительно по „отсутствію юридическихъ данныхъ“. Не менѣе цѣнно признаніе, что при слабости дисциплинарнаго надзора надъ мировыми посредниками, дѣятельность ихъ въ общемъ мало удовлетворительна и что въ особенности отсутствуетъ попеченіе ихъ о взысканіи недоимокъ.

Указывая на эти недостатки, М. в. д. приходитъ къ заключенію о необходимости учредить взамѣнъ мировыхъ посредниковъ особые

¹⁾ Ср. работы Страховаго, В. Гессена, Дружинина и др.

единоличныя должности для наблюденія за общественнымъ крестьянскимъ управленіемъ и за исполненіемъ крестьянами возложенныхъ на нихъ обязанностей съ тѣмъ, чтобы утвержденіе въ этихъ должностяхъ и увольненіе отъ нихъ было предоставлено М. в. д.

Такимъ образомъ въ этомъ проектѣ уже ясно проглядывали всѣ основныя черты положенія о земскихъ начальникахъ.

Проектъ этотъ встрѣтилъ очень сильное противодѣйствіе въ особенности въ главномъ комитетѣ по устройству сельскаго состоянія, во главѣ котораго стоялъ великій князь Константинъ Николаевичъ.

Тогда то и былъ выдвинутъ другой проектъ преобразованія крестьянскихъ учреждений, сдѣлавшійся закономъ въ 1874 году. Мировые посредники были упразднены за исключеніемъ губерній, въ которыхъ земское положеніе введено не было. Въ губерніяхъ же, въ которыхъ введено земское положеніе, вмѣсто мировыхъ посредниковъ и уѣздныхъ мировыхъ сѣздовъ, состоящихъ подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ всѣхъ мировыхъ посредниковъ уѣзда, были введены уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, также подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, состоящая изъ непремѣннаго члена, уѣзднаго исправника и предсѣдателя уѣздной земской управы. Сверхъ того въ составъ уѣзднаго присутствія входитъ одинъ изъ почетныхъ мировыхъ судей уѣзда по приглашенію Министра юстиціи.

Впервые такимъ образомъ представитель уѣздной полиціи исправникъ—получаетъ прямой доступъ къ участию въ управленіи крестьянами. Непремѣнный членъ уѣзднаго присутствія избирается на губернскомъ земскомъ собраніи изъ числа дворянъ-землевладѣльцевъ даннаго уѣзда. Губернское земское собраніе избираетъ двухъ кандидатовъ на должность непремѣннаго члена, изъ числа которыхъ М. в. д. назначаетъ одного по представленію губернатора.

Полиція въ лицѣ уѣзднаго исправника по положенію 1874 года получила, кромѣ участія въ уѣздномъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, еще и самостоятельное участіе въ дѣлахъ крестьянскаго управленія. Къ ней отошло изъ компетенціи мировыхъ посредниковъ непосредственное попеченіе о своевременномъ и исправномъ поступленіи съ крестьянъ податей и выкупныхъ платежей и принятіе установленныхъ въ законѣ мѣръ взысканія.

При этомъ уѣздный исправникъ получилъ наряду съ уѣзднымъ присутствіемъ самостоятельное право взысканія съ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія за неисполненіе ими своихъ обязанностей по дѣламъ, подвѣдомственнымъ уѣздному исправнику.

Вѣдѣнію судебныхъ установленій представлень былъ разборъ всѣхъ споровъ между помѣщиками и крестьянами, возникающихъ послѣ прекращенія обязательныхъ ихъ отношеній.

Дѣла по поземельному устройству крестьянъ отнесены къ вѣдѣнію непремѣнныхъ членовъ уѣзднаго присутствія въ первой инстанціи и къ вѣдѣнію уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій во второй инстанціи.

Въ качествѣ инстанціи, надзирающей за дѣятельностью учреждений по крестьянскимъ дѣламъ въ губерніи поставлено губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, состоящее подъ предсѣдательствомъ губернатора изъ вице-губернатора, губернскаго предводителя дворянства, управляющаго казенной палатой, управляющаго государственными имуществами, прокурора окружнаго суда и особаго непремѣннаго члена, назначаемаго тѣмъ же порядкомъ, какъ и непремѣнные члены уѣздныхъ присутствій.

Неудовлетворительность реформы 1874 года признавалась всѣми съ самаго начала ея осуществленія. Совершенно правильно опредѣляетъ дѣятельность новыхъ учреждений г. Головинъ въ соч. „Наше мѣстное управленіе“. „Надзоръ надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ и дѣло управленія крестьянами распредѣлены“, говорилъ онъ, „между тремя должностными лицами: непремѣннымъ членомъ, исправникомъ и предводителемъ дворянства. Непремѣннымъ членамъ порученъ надзоръ за крестьянскими волостями, исправникамъ—взысканіе податей и предводителямъ только предсѣдательство въ уѣздномъ присутствіи“. Но такое разграниченіе не могло быть строго выдержано. На самомъ дѣлѣ и тотъ и другой и третій являлись для крестьянъ начальниками, а потому, въ случаѣ разногласія между ними, старшинамъ и сельскимъ старостамъ выпадала нелегкая задача угождать тремъ господамъ, тянувшимъ въ разныя стороны.

Коллегіальное учрежденіе, составленное изъ представителей дворянства, земства и полиціи, не могло дѣйствовать единодушно. На практикѣ въ большинствѣ случаевъ установился обычай дѣлить надзоръ за волостями уѣзда между членами, такъ что распредѣленіе дѣлъ по ихъ свойству замѣнилось территоріальнымъ дѣленіемъ по волостямъ. Тамъ, гдѣ предводитель дворянства оказывался дѣятельнымъ, ходъ крестьянскаго дѣла сосредоточивался главнымъ образомъ въ его рукахъ. По странной ироніи судьбы предводитель сталъ гораздо болѣе начальникомъ крестьянъ, чѣмъ главою дворянства.

Крестьянское самоуправленіе, по положенію о мировыхъ посредникахъ, тщательно охраняемое отъ вмѣшательства послѣднихъ, съ закономъ 1874 года стало совершенно доступнымъ не только вліянію,

но и прямому вмѣшательству уѣзднаго присутствія и тѣхъ властей, которыя въ него входили. Уѣздному присутствію предоставлена была власть, которую не имѣли мировыя учрежденія—составлять и дѣлать обязательными для крестьянъ инструкціи для руководства волостнымъ и сельскимъ *обществамъ* и должностнымъ лицамъ относительно порядка исполненія возложенныхъ на нихъ закономъ обязанностей. При той зависимости, въ которую было поставлено крестьянское самоуправленіе отъ уѣздныхъ присутствій, такое право издавать инструкціи являлось по существу правомъ законодательствовать по крестьянскимъ дѣламъ. Юридическое положеніе крестьянъ, мало и неудовлетворительно регламентированное закономъ, стало регламентироваться низшими учреждениями—уѣздными присутствіями.

Самую уничтожающую картину порядковъ, созданныхъ закономъ 1874 года, дало Министерство внутреннихъ дѣлъ. Циркуляръ Министра внутреннихъ дѣлъ 22 декабря 1880 года, передавая губернскимъ присутствіямъ обсужденіе вопроса о преобразованіи крестьянскихъ учреждений, говоритъ о непремѣнномъ членѣ уѣзднаго присутствія, долженствующемъ быть главной рабочей силой присутствія, слѣдующее: „спеціально порученныя непремѣнному члену поземельныя дѣла требуютъ отъ него весьма мало времени и притомъ, по мѣрѣ окончанія выкупной операціи, все болѣе сокращаются. Нерѣдко дѣятельность непремѣнныхъ членовъ ограничивается тѣмъ, что они пріѣзжаютъ на засѣданія уѣзднаго присутствія, а остальное время проводятъ у себя въ деревняхъ. Дѣлопроизводство уѣзднаго присутствія, находясь въ завѣдываніи предсѣдателя—уѣзднаго предводителя дворянства,—который тоже не всегда живетъ въ городѣ, идетъ медленно и неисправно. Въ волостяхъ замѣчаются безпорядки, неправильное и небрежное счетоводство, несвоевременные взносы собранныхъ податей, частыя растраты суммъ должностными лицами. Затѣмъ, въ виду постоянного пребыванія непремѣнныхъ членовъ у себя въ усадьбахъ, путешествіе къ нимъ имѣющихъ до нихъ дѣло должностныхъ и частныхъ лицъ требуетъ времени и значительныхъ издержекъ.

Крестьяне, прибывая въ городъ, не знаютъ, куда имъ обращаться по своимъ дѣламъ... Нерѣдко непремѣнныхъ членовъ нельзя найти и въ ихъ усадьбахъ, такъ какъ они часто безъ всякаго разрѣшенія уѣзжаютъ и вовсе изъ уѣзда и даже изъ губерніи.

Неудовлетворительность организациі мѣстнаго управленія вообще и крестьянскаго управленія, отдѣленнаго отъ управленія другими сословіями, въ частности, была, слѣдовательно, признана не только общественнымъ, но и правительствомъ.

Предстоялъ выборъ двухъ путей. Или уничтожить обособленность крестьянскаго управленія, организовать всесословныя мѣстныя учрежденія, меньшія по территоріи уѣздовъ и, построивъ ихъ на началахъ самоуправленія, освободить крестьянское населеніе отъ всякаго попечительства со стороны особо приставленнаго къ нему начальства, однимъ словомъ, продолжать дѣло реформы мѣстнаго управленія на началахъ, провозглашенныхъ реформами 60-хъ годовъ или, не считаясь съ этими началами, усилить сословную рознь, создать для крестьянскаго управленія особыя учрежденія, всецѣло призванныя къ осуществленію идеи особаго попечительства надъ крестьянами. Второй путь былъ болѣе легокъ технически. Онъ не требовалъ творчества. Крестьянство, оставшееся обособленнымъ, уже находилось фактически въ условіяхъ попечительнаго воздѣйствія разнообразнаго начальства: непремѣнныхъ членовъ, полиціи, предводителей дворянства.

Приходилось, не измѣняя ничего въ существѣ тѣхъ законовъ, которые нормировали крестьянскую жизнь, внести только извѣстную систему въ организацію управленія ими. Наоборотъ, первый путь требовалъ большой творческой работы. Надо было перестроить всю систему крестьянскаго самоуправленія на новыхъ началахъ всесословности, надо было ввести крестьянъ въ обще-государственную жизнь, опредѣлить точно ихъ правоотношенія, выдѣлить ихъ гражданско-правовой строй, ихъ земельныя правоотношенія отъ элементовъ постороннихъ, отъ ихъ правъ и обязанностей, какъ подданныхъ государства, отъ тѣхъ правъ и обязанностей, которыя возникаютъ для нихъ, какъ для членовъ мѣстнаго территоріальнаго союза, связаннаго общностью земско-хозяйственныхъ интересовъ. Эта творческая работа, конечно, была не по плечу бюрократіи конца 80-хъ годовъ. Къ тому же, реакціонныя стремленія успѣли уже къ этому времени овладѣть всецѣло правящими сферами. Реакціонные проекты уже не встрѣчали противоѣдствія въ нихъ. Подъ вліяніемъ этихъ условій и создано было положеніе о земскихъ начальникахъ.

Едва ли какая-либо реформа второй половины минувшаго вѣка была принята съ такимъ всеобщимъ осужденіемъ, какъ реформа земскихъ начальниковъ и едва ли какая-либо другая реформа вызвала больше неудовольствія въ теченіе всего времени дѣйствія положенія 1889 года, какъ эта послѣдняя.

И дѣйствительно реформа эта была прямой противоположностью, прямой антитезой освободительныхъ реформъ 60-хъ годовъ. Она закрѣпила крестьянъ въ ихъ сословности и существенно ограничила ихъ свободу не только въ общественной, но и въ чисто

частной жизни попечительнымъ воздѣйствіемъ власти земскаго начальника.

Исходя изъ чисто внѣшнихъ недостатковъ, существовавшихъ до введенія въ дѣйствіе положенія о земскихъ начальникахъ порядковъ, основанныхъ на изложенномъ нами устройствѣ мѣстнаго управленія крестьянами по закону 1874 года недостатковъ, зависящихъ отъ многочисленности властей, поставленныхъ надъ органами крестьянскаго самоуправленія и вліяющихъ на нихъ, положеніе 1889 года задалось мыслью объединить эту власть въ одномъ лицѣ и, какъ любили выражаться вдохновители идей, положенныхъ въ основу преобразованія, „приблизить эту власть къ народу“.

Конечно, не указанные недостатки были дѣйствительнымъ поводомъ, служили дѣйствительными причинами изданія положенія о земскихъ начальникахъ. Дѣйствительнымъ поводомъ было желаніе оградить крестьянъ отъ вліянія на нихъ общегражданскихъ порядковъ, дѣйствующихъ уже внѣ крестьянской среды, оградить ихъ отъ слиянія съ другими сословіями, задержать ихъ въ той атмосферѣ патріархальной обособленности, которая такъ упрощала приемы управленія ими и была такъ на руку помѣстному дворянскому элементу.

Долго, однако, то противодѣйствіе реакціи, которое сказывалось раньше въ самихъ бюрократическихъ сферахъ, уже къ концу восьмидесятыхъ годовъ сильно ослабленное, сказывалось въ защитѣ кореннаго принципа, достаточно усвоеннаго уже русскимъ обществомъ, принципа, требующаго раздѣленія судебной власти отъ власти административной. Для самихъ составителей положенія о земскихъ начальникахъ казалось невозможнымъ нарушить этотъ принципъ, и они не рѣшались нарушить его. Поэтому сначала проектировалось сосредоточить въ рукахъ земскихъ начальниковъ только административную власть надъ крестьянами и органами крестьянскаго самоуправления, предоставить имъ компетенцію прежнихъ мировыхъ посредниковъ, снова сосредоточивъ раздѣленную положеніемъ 1874 года власть въ рукахъ одного крестьянскаго чиновника, и вмѣстѣ съ тѣмъ, усилить эту власть правомъ прямого вмѣшательства и попечительнаго воздѣйствія на крестьянскую жизнь.

Стремленіе присоединить къ компетенціи земскихъ начальниковъ еще и власть судебную встрѣчало противодѣйствіе также и въ установившейся репутаціи института мировыхъ судей, который подлежалъ бы упраздненію, если бы земскіе начальники получили и судебную власть.

Совершенно случайное и побочное обстоятельство облегчило реакціоннымъ составителямъ положенія о земскихъ начальникахъ воз-

возможность осуществить ихъ завѣтное стремленіе—упразднить институтъ мировыхъ судей. На Высочайшемъ докладѣ основныхъ началъ проекта положенія о земскихъ начальникахъ было высказано опасеніе, что при одновременномъ существованіи выборныхъ мировыхъ судей и земскихъ начальниковъ будетъ затруднительно найти на мѣстахъ достаточное число подходящихъ кандидатовъ для замѣщенія должностей земскихъ начальниковъ, такъ какъ лучшіе люди на мѣстахъ предпочтутъ занимать должность мировыхъ судей и не пойдутъ въ земскіе начальники. На этомъ докладѣ была сдѣлана Государемъ отмѣтка, требующая, чтобы при введеніи положенія о земскихъ начальникахъ должности мировыхъ судей по выборамъ были упразднены.

Съ этихъ поръ участь института мировыхъ судей была рѣшена, и въ проектъ положенія о земскихъ начальникахъ внесены постановленія объ обширной судебной компетенціи послѣднихъ.

При изданіи положенія о земскихъ начальникахъ предполагалось замѣщать эти должности лицами, принадлежащими къ помѣстному дворянству. Только въ виду возможности рѣдкихъ исключеній въ законѣ указано, что при недостаткѣ мѣстныхъ потомственныхъ дворянъ, имѣющихъ право занять должность земскаго начальника, Министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется право замѣщать эти должности и лицами, не принадлежащими къ мѣстному дворянству, получившими высшее или среднее образованіе.

Въ дѣйствительности число земскихъ начальниковъ, не принадлежащихъ къ помѣстному дворянству, оказалось очень значительно и такимъ образомъ одна изъ основныхъ идей, положенныхъ въ число главныхъ началъ закона 89 года, не получила своего осуществленія.

Въ противоположность положенію о мировыхъ посредникахъ, которымъ, какъ я указывалъ, закономъ предписывалось не вмѣшиваться въ дѣла общественнаго управленія крестьянъ, земскимъ начальникамъ напротивъ вмѣнялось въ обязанность имѣть надзоръ за всѣми установленіями крестьянскаго общественнаго управленія.

Власть земскаго начальника надъ должностными лицами сельскаго и волостного управленія очерчена въ положеніи чрезвычайно широко. Земскій начальникъ утверждаетъ въ должности волостного старшину, онъ можетъ временно устранять отъ должности всѣхъ должностныхъ лицъ крестьянскаго самоуправленія, въ томъ числѣ и волостныхъ судей, можетъ собственною властью удалять отъ должности волостныхъ и сельскихъ писарей, можетъ по жалобамъ частныхъ или должностныхъ лицъ, и въ случаѣ непосредственно усмотрѣнныхъ проступковъ подвергать должностныхъ лицъ, въ томъ числѣ опять таки и

волостныхъ судей, безъ всякаго производства, дисциплинарному взысканію, высшій размѣръ котораго арестъ на семь дней.... Широко право земскаго начальника и въ отношеніи надзора и вліянія на приговоры крестьянскихъ сходовъ. Земскій начальникъ провѣряетъ всѣ списки дѣлъ, подлежащихъ обсужденію волостныхъ сходовъ и дополняетъ ихъ по собственному усмотрѣнію. Онъ имѣетъ право разсматривать всѣ приговоры сходовъ и можетъ по своему усмотрѣнію, даже безъ жалобы заинтересованнаго лица, останавливать исполненіе приговоровъ и представлять ихъ къ отмѣнѣ въ уѣздный сѣздъ въ томъ случаѣ, если онъ усмотритъ, что приговоръ постановленъ несогласно съ законами, или клонится, по его мнѣнію, къ ущербу сельскаго общества, или нарушаетъ отдѣльныя права законныхъ его членовъ.

Указанное полномочіе земскаго начальника въ отношеніи приговоровъ крестьянскихъ сходовъ уничтожаетъ всякую тѣнь самостоятельности органовъ крестьянскаго самоуправленія и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ право земскому начальнику вмѣшиваться не только въ общественныя дѣла крестьянъ, имѣющія публичный характеръ, но и въ частныя имущественныя дѣла ихъ. При изложеніи организаціи сельскихъ обществъ я уже указывалъ на то смѣшеніе дѣлъ общественнаго характера и дѣлъ, вытекающихъ изъ земельныхъ правъ крестьянскихъ обществъ въ компетенціи сельскихъ сходовъ. Вслѣдствіе этого, приговоры сельскихъ обществъ касаются какъ земско-хозяйственныхъ дѣлъ, такъ и дѣлъ, связанныхъ съ пользованіемъ земельными правами: способовъ распредѣленія земли, отдачи общественной земли въ аренду, вступленія съ посторонними лицами въ договоры, связанные съ земельными правами обществъ. И всѣ эти имущественныя распоряженія подвѣдомственны земскому начальнику, который, помимо жалобъ заинтересованныхъ лицъ, можетъ по своему усмотрѣнію опротестовать такіе приговоры и добиваться ихъ отмѣны въ уѣздномъ сѣздѣ.

Такое право тѣмъ болѣе тягостно для крестьянъ, тѣмъ болѣе ограничиваетъ ихъ свободу въ распоряженіи имущественными своими правами, что оно не ограничено никакимъ срокомъ. Я уже указывалъ выше на тотъ недостатокъ крестьянскихъ законовъ, въ силу котораго заинтересованные лица, считающія свои права нарушенными приговорами сходовъ, имѣютъ право жалобъ также безъ ограниченія срока, и что только толкованіемъ Сената срокъ этотъ ограниченъ десятью годами. Я указалъ на тѣ, вредныя для крестьянскихъ интересовъ, послѣдствія, которыя обнаруживаются отъ отсутствія опредѣленія срока жалобы и которыя ставятъ всѣ распоряженія сходовъ, касающіяся

общественнаго имущества, въ неопредѣленное положеніе. Всѣ эти распоряженія, выраженные въ приговорахъ, всѣ договоры на нихъ основанные, могутъ быть уничтожены въ теченіе цѣлаго десятилѣтія по жалобѣ кого-либо изъ членовъ общества. Эта неопредѣленность того момента, съ котораго приговоры могутъ считаться вошедшими въ законную силу, и съ котораго они дѣлаются обязательными, какъ для общества, такъ и для тѣхъ лицъ, въ пользу коихъ они составлены, усугубляются еще и указаннымъ правомъ земскаго начальника добиваться отмены приговора даже и при отсутствіи жалобъ. Многочисленность жалобъ обществъ на такое вмѣшательство земскихъ начальниковъ въ распоряженіе общественнымъ имуществомъ, жалобъ, доходящихъ до разсмотрѣнія Сената, свидѣлствуетъ о тягости для крестьянъ такого права земскаго начальника. Какъ и въ отношеніи жалобъ, Сенатъ ограничилъ срокъ отмены приговоровъ по усмотрѣнію земскаго начальника также общимъ десятилѣтнимъ срокомъ, но, конечно, такое ограниченіе очень мало способствуетъ устойчивости сельскихъ приговоровъ. Уже одно то обстоятельство, что Сенату пришлось по жалобамъ на отмену приговоровъ, состоявшихся болѣе чѣмъ за десять лѣтъ до опротестованія ихъ земскимъ начальникомъ, ограничить это право земскихъ начальниковъ десятилѣтнимъ срокомъ, достаточно свидѣлствуетъ о той неопредѣленности имущественныхъ отношеній крестьянъ, которая создается правомъ вмѣшательства въ нихъ земскаго начальника.

Для полноты характеристики власти земскаго начальника нельзя не упомянуть о пресловутой 61 ст. полож. о земск. нач. (нынѣ 57 ст. полож. объ уст. кр.), въ силу которой земскій начальникъ имѣетъ право каждаго изъ лицъ, подвѣдомственныхъ крестьянскому обществу управленію, безъ всякаго формальнаго производства подвергнуть денежному штрафу въ размѣрѣ шести рублей или аресту до трехъ дней. Эта статья, которую земскіе начальники всегда обнаруживали склонность толковать распространительно, много содѣйствовала усугубленію нареканий на институтъ земскихъ начальниковъ.

Самое большое количество жалобъ, доходящихъ до Сената, касалось примѣненія этой власти земскими начальниками.

Достаточно просмотрѣть многочисленныя толкованія Сената, суживающія примѣненіе этой статьи, чтобы составить себѣ понятіе о бытовой роли ея. Изъ этихъ толкованій видно, что земскіе начальники примѣняли 61 ст. и въ тѣхъ случаяхъ, когда они никакихъ требованій не предъявляли, и въ тѣхъ, когда требованія ихъ ни на какомъ законѣ не основывались.

Такъ, напр., изъ этихъ рѣшеній видно, что земскіе начальники сажали подъ арестъ по 61 ст. за самовольный, по ихъ мнѣнію, семейный раздѣлъ, что земскій начальникъ Вятской губерніи посадилъ подъ арестъ 143 раскольника за то, что они отказались принять участіе въ церковно-приходскомъ сходѣ, для выбора сторожей православной церкви, что земскій начальникъ Новгородской губерніи подвергнулъ взысканію 43 крестьянина за то, что они выбрали сборщика податей крестьянина, признаннаго земскимъ начальникомъ имѣющимъ право отказаться отъ этой должности, земскій начальникъ Костромской губерніи оштрафовалъ 17 крестьянъ за то, что они пропили деньги, данныя имъ за работу кушомъ, земскій начальникъ Вятской губерніи оштрафовалъ крестьянъ за несогласіе на волостномъ сходѣ ассигновать деньги для переноса зданія волостного правленія на другое мѣсто. Оказывается, что земскіе начальники примѣняютъ наказаніе по 61 ст. за упорство и препятствіе къ приговору о передѣлѣ земли, за нежеланіе общества приобрести пожарный инструментъ, за варку меду, за неисполненіе требованія покрыть всѣ дома вмѣсто соломенной крыши черепичной, за неисполненіе требованія, чтобы во всѣхъ хатахъ были кирпичныя трубы и т. д.

Понадобилось разсматривать въ общемъ присутствіи Сената дѣло по наложенію взысканія на крестьянку Герасимову за то, что она жаловалась земскому начальнику за неправильныя дѣйствія волостного старшины по продажѣ ея имущества. Земскій начальникъ оштрафовалъ ее, какъ онъ писалъ въ постановленіи, „въ виду предупрежденія на будущее время неосновательныхъ жалобъ и искорененія напраснаго сутяжничества“. Дѣло это даже восходило въ разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, вслѣдствіе разногласія сенаторовъ, и было разрѣшено Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, по коему признано распоряженіе земскаго начальника неправильнымъ. Это рѣшеніе, состоявшееся въ 1896 году, было поворотнымъ пунктомъ въ толкованіи 61 ст. Было признано въ рѣшеніи, что земскіе начальники не вправе предъявлять къ населенію требованія, основанныя не на законѣ, а на личномъ ихъ усмотрѣніи и подвергать взысканію по 61 ст. за неисполненіе этихъ требованій.

Съ этого времени Сенатъ сталъ ограничивать право земскаго начальника налагать взысканія по 61 ст., но все-таки это право широко примѣнялось земскими начальниками въ теченіе 17 лѣтъ.

Временнымъ закономъ 5 октября 1906 года это право земскихъ начальниковъ, наконецъ, отменено. Этимъ же временнымъ закономъ 5 октября сужено и право земскаго начальника представлять къ отменѣ

приговоры сельских сходовъ безъ жалобъ заинтересованныхъ лицъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, по его мнѣнію, эти приговоры клонятся къ ущербу всего общества. Но право представлять приговоры къ отмѣнѣ безъ жалобъ въ другихъ случаяхъ, а именно, когда приговоры, по мнѣнію земскаго начальника, несогласны съ законами или нарушаютъ права отдѣльныхъ членовъ общества, осталось и въ настоящее время.

Земскій начальникъ, согласно положенію 1889 года, имѣетъ также, какъ мы видѣли большія права, и по отношенію къ волостному суду, права, которыя совершенно парализуютъ самостоятельность суда.

Земскій начальникъ фактически назначаетъ волостныхъ судей, онъ же назначаетъ волостного писаря—лицо, имѣющее часто рѣшающее значеніе въ волостной юстиціи, онъ устанавливаетъ порядокъ производства дѣлъ, онъ контролируетъ, указываетъ и указываетъ властно, съ примѣненіемъ дисциплинарнаго взысканія.

Мнѣ лично приходилось во многихъ мѣстахъ убѣждаться въ томъ, что земскіе начальники примѣняли дисциплинарныя наказанія къ цѣлому составу волостного суда и не за нарушение какихъ-либо формальныхъ обязанностей, напр., за неявку въ засѣданіе, за „выпивку“—въ этихъ случаяхъ дисциплинарныя взысканія налагаются земскими начальниками повсемѣстно,—но за неправильное, по мнѣнію земскаго начальника, рѣшеніе по существу.

Мнѣ приходилось также встрѣчаться со случаями прямыхъ предписаній земскаго начальника волостному суду рѣшить дѣло такъ, а не иначе. И дѣлается это часто безъ всякаго сознанія въ злоупотребленіи властью, съ самыми благими намѣреніями.

Конечно, о самостоятельности суда, о его судейскомъ достоинствѣ не можетъ быть рѣчи при такомъ властномъ надзорѣ свыше.

Я здѣсь не буду касаться чисто судебныхъ полномочій земскихъ начальниковъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ крестьянскому управленію. Но мнѣ необходимо коснуться дальнѣйшей организаціи учреждений по крестьянскимъ дѣламъ, учреждений по положенію о земскихъ начальникахъ.

Второй инстанціей этой организаціи является уѣздный съѣздъ. Онъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства изъ двухъ присутствій, различныхъ по своему составу: административнаго и судебного. Административное присутствіе, въ которомъ разсматриваются всѣ дѣла по крестьянскому управленію, состоитъ изъ всѣхъ земскихъ начальниковъ уѣзда, исправника, предсѣдателя уѣздной земской управы и податныхъ инспекторовъ уѣзда.

Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ предводителя дворянства, предсѣдателемъ уѣзднаго съѣзда назначается лицо по представленію губернатора Министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Судебное присутствіе, которому подвѣдомственны только судебныя дѣла, по жалобамъ на судебныя рѣшенія земскихъ начальниковъ, городскихъ судей и волостныхъ судовъ, состоитъ изъ уѣзднаго члена окружнаго суда, почетныхъ мировыхъ судей, городскихъ судей и земскихъ начальниковъ.

Уѣздные съѣзды по административному присутствію вѣдаютъ всѣ дѣла по поземельному устройству крестьянъ, жалобы на дѣйствія и опредѣленія земскихъ начальниковъ несудебнаго свойства и всѣ представленія земскихъ начальниковъ объ утвержденіи и отмѣнѣ приговоровъ крестьянскихъ сходовъ, по окончательному увольненію отъ службы волостныхъ старшинъ и проч.

Надъ уѣздными съѣздами поставлены губернскія присутствія, замѣнявшія прежнія губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Они состоятъ подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ изъ губернскаго предводителя дворянства, прокурора окружнаго суда и двухъ непремѣнныхъ членовъ. При разборѣ судебныхъ дѣлъ приглашается предсѣдатель окружнаго суда, а при разсмотрѣніи административныхъ дѣлъ управляющій казенной палатой, управляющій государственными имуществами и предсѣдатель губернской земской управы.

На губернское присутствіе возложенъ надзоръ за успѣшнымъ исполненіемъ земскими начальниками и уѣздными съѣздами возложенныхъ на нихъ обязанностей и право назначенія ревизій ихъ дѣлопроизводства.

Губернскія присутствія разрѣшаютъ жалобы на опредѣленія уѣздныхъ съѣздовъ по дѣламъ административнымъ и судебнымъ. Опредѣленія по административнымъ дѣламъ обжалываются во второй департаментъ Сената, за исключеніемъ постановленій о служебной отвѣтственности земскихъ начальниковъ, жалобы на которыя дозволяется приносить Министру внутреннихъ дѣлъ.

Порядокъ обжалованій административныхъ постановленій губернскихъ присутствій имѣетъ свою особенность. Ее нельзя не отмѣтить еще и потому, что эти постановленія, въ силу указаннаго уже мною неоднократно смѣшенія въ крестьянскихъ дѣлахъ дѣлъ общественнаго характера съ дѣлами чисто частнаго имущественнаго интереса, какъ напр., дѣлъ по передѣламъ земли, по семейнымъ раздѣламъ, по дѣламъ объ опекахъ и пр., имѣютъ часто очень большое значеніе для имущественныхъ интересовъ крестьянъ. Нерѣдко они непосредственно затрагиваютъ гражданскія права крестьянъ.

Въ законѣ сказано, что постановленія губернскихъ присутствій за исключеніемъ относящихся до поземельнаго устройства крестьянъ почитаются окончательными и подлежатъ немедленному исполненію. Жалобы на неокончательныя постановленія губернскаго присутствія приносятся Сенату въ тридцатидневный срокъ, исчисляемый со дня объявленія постановленій.

Казалось бы, изъ этого надо заключить, что жалобъ по дѣламъ, окончательно разрѣшеннымъ губернскимъ присутствіемъ, приносить нельзя. Но на дѣлѣ вышло не такъ. Сенатъ помимо права разсматривать дѣла въ порядкѣ указаннаго въ законѣ обжалованія, имѣетъ еще и право надзора за всѣми крестьянскими учрежденіями. Пользуясь этимъ правомъ и принимая во вниманіе разнообразіе толкованія крестьянскихъ законовъ, замѣчаемое въ различныхъ губернскихъ присутствіяхъ, Сенатъ воспретилъ губернскимъ присутствіямъ возвращать жалобы, приносимыя на окончательныя ихъ постановленія¹⁾, и обязалъ представлять эти жалобы въ Сенатъ вмѣстѣ съ дѣломъ. Такія жалобы Сенатъ разсматриваетъ въ порядкѣ надзора и, усмотрѣвъ въ нихъ нарушеніе закона, отмѣняетъ постановленія губернскихъ присутствій, несмотря на то, что въ законѣ постановленія эти и именуются окончательными. Отмѣняя, Сенатъ поступаетъ точно такъ же, какъ съ неокончательными рѣшеніями, т. е. отмѣняетъ опредѣленія и посылаетъ дѣла для новаго разсмотрѣнія въ то же губернское присутствіе. Такимъ образомъ никакой разницы въ твердости и силѣ окончательнаго и неокончательнаго опредѣленія губернскаго присутствія не имѣется и даже неокончательныя опредѣленія, по которымъ законъ, считая ихъ болѣе важными, допустилъ обжалованія и опредѣлилъ срокъ и порядокъ его, являются болѣе твердыми для сторонъ, чѣмъ опредѣленія окончательныя. Это потому, что для неокончательныхъ опредѣленій установленъ срокъ ихъ обжалованія—30 дней. Если въ этотъ срокъ жалобы не поступить, опредѣленіе входитъ въ законную силу и не подлежитъ обжалованію. А для окончательныхъ опредѣленій, жалобы на которыя разсматриваются Сенатомъ въ порядкѣ надзора, срока не положено, и ихъ можно обжаловать когда угодно, въ теченіе десятилѣтняго срока давности.

Положеніе о земскихъ начальникахъ, какъ я говорилъ, вводилось постепенно. Такимъ образомъ, до самаго послѣдняго времени существовала чрезвычайная мозаичность учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ въ различныхъ губерніяхъ. Одновременно существовалъ и инсти-

¹⁾ Указъ 20 октября 1892 года № 5621.

тутъ мировыхъ посредниковъ въ губерніяхъ, гдѣ не введено земское самоуправленіе, такъ какъ преобразованіе института мировыхъ посредниковъ по закону 1874 года послѣдовало только въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введены земства, существовали и уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, образованныя по закону 1874 года, и положеніе о земскихъ начальникахъ.

По типу крестьянскихъ учрежденій, созданныхъ положеніемъ о земскихъ начальникахъ въ 1898 году учреждены крестьянскіе начальники въ Сибири, назначаемые, конечно, уже не изъ числа мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ за отсутствіемъ тамъ таковыхъ, а изъ чиновниковъ.

Не желая слишкомъ долго въ ущербъ другимъ предметамъ останавливаться на изложеніи дѣятельности крестьянскихъ учреждений и значенія ихъ въ жизни крестьянъ, а въ особенности на бытовыхъ условіяхъ, въ которыхъ проявляется дѣятельность земскихъ начальниковъ, я отсылаю читателей къ богатому фактическому матеріалу, имѣющемуся въ литературѣ и въ частности въ сводкахъ трудовъ комитетовъ по сельскому хозяйству.

Комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности почти единогласно осудили положеніе о земскихъ начальникахъ. По ихъ мнѣнію, если желать подъема благосостоянія деревни, нужно прежде всего отказаться отъ системы властной опеки, олицетворяемой теперь земскими начальниками. И можно съ несомнѣнностью сказать, что эта система опеки доживаетъ свои дни.

Но для того, чтобы содѣйствовать скорѣйшему ея уничтоженію, надо ее изучить, надо знать ея слабыя стороны, также, какъ надо знать вообще слабыя стороны современнаго правового положенія крестьянъ, которыя способствовали установленію такой властной опеки надъ крестьянами и надо представить себѣ во всей широтѣ и глубинѣ дѣло измѣненія современнаго правового положенія крестьянъ, которое лишитъ, наконецъ, крестьянскую жизнь условій, благопріятствующихъ развитію такой опеки.

ГЛАВА VI.

Измѣненія въ компетенціи земскихъ начальниковъ, внесенныя землеустроительными законами и закономъ о мѣстномъ судѣ.—Землеустроительныя учрежденія: уѣздныя и губернскія землеустроительныя комиссіи.—Ихъ организація.—Центральныя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ.

Новые землеустроительные законы отразились на компетенціи земскихъ начальниковъ, сдѣлавъ ихъ участниками землеустройства. Указомъ 9 ноября 1906 года и затѣмъ замѣнившимъ этотъ указъ закономъ 14 июня 1910 года на земскихъ начальниковъ возложено весьма отвѣтственное дѣло по укрѣпленію въ единоличную собственность надѣльной земли и по выдѣлу ихъ къ одному мѣсту. Земскіе начальники являются главными исполнителями по примѣненію означенныхъ законовъ.

Закономъ 14 июня 1910 года на земскихъ начальниковъ возложена обязанность по выдачѣ укрѣпительныхъ и удостовѣрительныхъ актовъ.

Удостоверительные акты на надѣльные земли, переходящія въ собственность домохозяевъ въ общинахъ безпередѣльных (ст. 1—4 зак. 14 июня 1910 года) составляются земскими начальниками и утверждаются уѣзднымъ сѣздомъ.

Укрѣпительные акты составляются земскими начальниками, если сходъ не удовлетворитъ въ указанный срокъ ходатайствъ членовъ общества и также утверждаются уѣзднымъ сѣздомъ.

При исполненіи этихъ функцій на земскихъ начальниковъ и уѣздные сѣзды возлагается чрезвычайно отвѣтственная задача разбирать въ многообразныхъ вопросахъ, затрагивающихъ существенно гражданско-правовые вопросы крестьянской жизни; имъ приходится опредѣлить какія общины должны считаться передѣльными и какія, какъ передѣльныя, подходятъ подъ дѣйствіе 9 ст. закона 14 июня 1910 года, имъ приходится рѣшать вопросы о правѣ данного члена общества на укрѣпленіе за нимъ участка общинной земли, т. е. въ сущности разрѣшать чисто гражданскіе споры.

На земскихъ начальниковъ закономъ о землеустройствѣ возлагается обязанность участія въ уѣздной землеустроительной комиссіи

и, слѣдовательно, участія въ сложномъ дѣлѣ землеустройства по закону 29 мая 1911 года.

Но рядомъ съ этимъ усложненіемъ обязанностей земскихъ начальниковъ законъ 15 июня 1912 года о преобразованіи мѣстнаго суда при его примѣненіи освободитъ земскихъ начальниковъ отъ функцій чисто-судебныхъ. Тамъ, гдѣ новый законъ будетъ примѣненъ, судебныя функціи земскихъ начальниковъ переходятъ къ выборнымъ мировымъ судьямъ и ихъ сѣздамъ и земскіе начальники сдѣлаются чисто административными должностными лицами. Соединеніе въ одномъ лицѣ судебныхъ и административныхъ функцій прекратится и это, несомнѣнно, очень благопріятно отзовется на мѣстной жизни. Одновременно будутъ упразднены судебныя отдѣленія уѣздныхъ сѣздовъ съ ихъ смѣшаннымъ составомъ.

Въ составъ должностныхъ лицъ и учреждений крестьянскаго управленія законъ 29 мая 1911 года вводитъ новыхъ непремѣнныхъ членовъ землеустроительныхъ комиссій и самыя землеустроительныя комиссіи, призванныя играть очень замѣтную роль въ крестьянской жизни.

Прежнія землеустроительныя комиссіи, открытыя далеко не повсемѣстно по указу 4 марта 1906 года, и поставленныя прежде въ очень ограниченныя рамки, по новому закону учреждаются повсемѣстно въ новомъ составѣ и съ новой, очень обширной компетенціей.

Въ каждомъ уѣздѣ учреждена уѣздная землеустроительная комиссія, состоящая подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ предсѣдателя уѣздной земской управы, непремѣннаго члена комиссіи, уѣзднаго члена окружнаго суда, земскаго начальника, къ участку котораго относятся подлежащіе обсужденію вопросы, трехъ членовъ по избранію отъ уѣзднаго земскаго собранія и трехъ членовъ по избранію отъ волостныхъ сходовъ. Кромѣ того, въ составъ комиссіи входитъ въ качествѣ временнаго члена, выборщикъ отъ той волости, по которой разсматривается дѣло, а если онъ участвуетъ уже, какъ постоянный членъ, то кандидатъ къ нему.

Для выбора членовъ отъ волостныхъ сходовъ каждый сходъ избираетъ одного выборщика и одного кандидата. Выборщики сѣзжаются въ уѣздный городъ и избираютъ изъ своей среды трехъ постоянныхъ членовъ землеустроительной комиссіи.

Надъ уѣздными землеустроительными комиссіями поставлены губернскія землеустроительныя комиссіи.

Они состоятъ подъ предсѣдательствомъ губернатора или замѣняющаго его лица изъ губернскаго предводителя дворянства, предсѣ-

дателя губернской земской управы, председателя окружного суда, особо назначенного члена окружного суда, неперемѣннаго члена губернской землеустроительной комиссіи, неперемѣннаго члена губернскаго присутствія, губернскаго землемѣра и двухъ членовъ по избранію губернскаго земскаго собранія, изъ коихъ одинъ изъ числа губернскихъ или уѣздныхъ гласныхъ подлежащей губерніи, владѣющихъ надѣльной землей.

Законъ предоставляет и уѣзднымъ и губернскимъ землеустроительнымъ комиссіямъ приглашать въ засѣданіе, съ правомъ совѣщательнаго голоса, свѣдущихъ лицъ.

Означеннымъ землеустроительнымъ комиссіямъ предоставлено совершать всѣ землеустроительныя дѣйствія по выдѣлу участковъ надѣльной земли членамъ общества въ отрубное или хуторское владѣніе и по разверстанію черезполосицы. Имъ же предоставлено совершать работы по размежеванію мелкихъ выдѣльныхъ участковъ, подходящихъ подъ характеръ крестьянской мелкой собственности. Подробно компетенція и образъ дѣйствій землеустроительныхъ комиссій будетъ нами очерчена въ дальнѣйшемъ изложеніи. Здѣсь же мы считаемъ нужнымъ отмѣтить, что дѣятельность землеустроительныхъ комиссій въ значительной степени затрагиваетъ интересы крестьянъ, а при опредѣленіи права даннаго члена общества на участокъ земли и права на извѣстный размѣръ участка, несомнѣнно принимаетъ характеръ судебного рѣшенія гражданскаго спора. Являясь, такимъ образомъ, учрежденіемъ, конкурирующимъ съ судомъ, землеустроительныя комиссіи, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія, поставлены въ условія мало благопріятствующія проявленію тѣхъ началъ состязательности, устности и гласности, безъ которыхъ невозможно правильное исполненіе судебныхъ функций. Вообще самый процессъ разбора сложныхъ и запутанныхъ спорныхъ вопросовъ, связанныхъ съ мелкимъ землевладѣніемъ недостаточно регламентированъ и поэтому произволъ въ дѣятельности комиссій долженъ обнаруживаться въ очень значительной степени.

Для полноты изложенія системы учреждений по крестьянскимъ дѣламъ необходимо остановиться еще на центральныхъ органахъ.

При выработкѣ положенія 1861 года былъ образованъ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу, который, послѣ изданія положеній 19 февраля, былъ преобразованъ въ главный комитетъ по устройству сельскаго состоянія. Председателемъ его, какъ извѣстно, былъ великій князь Константинъ Николаевичъ, много способствовавшій защитѣ крестьянскихъ интересовъ отъ реакціонныхъ вѣяній и притязаній нашихъ аграріевъ, обнаружившихся немедленно послѣ освобожденія крестьянъ.

Главному комитету было предоставлено высшее наблюденіе за введеніемъ въ дѣйствіе Высочайше утвержденныхъ законоположеній о крестьянахъ и разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ и недоразумѣній, которые при этомъ могутъ возникнуть.

Ближайшее же наблюденіе за введеніемъ въ дѣйствіе положеній 1861 года было предоставлено министерству внутреннихъ дѣлъ, которое обязано было доводить до свѣдѣнія главнаго комитета о ходѣ дѣла осуществленія крестьянской реформы вообще и представлять на обсужденіе комитета всѣ тѣ вопросы, которые требуютъ разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ или въ порядкѣ руководящаго разъясненія закона.

Но первоначально не было опредѣлено тѣхъ путей и средствъ, которыми бы могъ осуществляться надзоръ министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ положеніяхъ 61-го года не указывалось права обжалованія опредѣленій губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Ихъ опредѣленія и рѣшенія считались окончательными. Только губернатору предоставлялось право въ особо важныхъ случаяхъ, когда губернаторы затруднились бы исполнить опредѣленія губернскаго присутствія, приостановить его исполненіе и предоставить о встрѣченныхъ затрудненіяхъ Министру внутреннихъ дѣлъ. Въ первые годы послѣ изданія положеній повидимому только этимъ путемъ осуществлялся министерствомъ внутреннихъ дѣлъ надзоръ за дѣятельностью губернскихъ присутствій.

Только въ 1863 году особымъ закономъ было разрѣшено принесеніе жалобъ на опредѣленія губернскихъ присутствій. При этомъ было опредѣлено, что жалобы по дѣламъ объ отвѣтственности мировыхъ посредниковъ, по дѣламъ о раскладкѣ поземельнаго сбора, по дѣламъ, касающимся правъ крестьянъ: личныхъ, по состоянію, по общественному и волостному ихъ устройству и по отбыванію ими вообще казенныхъ и земскихъ повинностей, должны были подаваться въ Сенатъ, а по дѣламъ о поземельномъ и, какъ выражался законъ, хозяйственномъ устройствѣ крестьянъ жалобы было предоставлено приносить М. в. д. Конечно, такое раздѣленіе, притомъ такое неясное, компетенціи Сената и министерства внутреннихъ дѣлъ создавало большую путаницу, и крестьяне часто были совершенно безпомощны въ опредѣленія, куда надо имъ приносить жалобу на данное опредѣленіе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

При этомъ способъ обжалованія и въ Сенатѣ и въ министерствѣ по характеру своему былъ кассационный, т. е. и Сенатъ и министерство, отмѣнивъ опредѣленія вслѣдствіе признанной его неправильно-

сти, не разрѣшали дѣла по существу, а передавали на разрѣшеніе тому же присутствію.

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ все дѣло по надзору за крестьянскими установленіями сосредоточилось въ земскомъ отдѣлѣ, совершенно случайно образовавшемся не по начертанному впередъ плану его устройства для завѣдыванія извѣстнымъ кругомъ дѣлъ, а въ зависимости отъ роста самаго дѣла по надзору за крестьянскими учрежденіями.

При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по положенію 1858 года учрежденъ центральный статистическій комитетъ съ двумя отдѣленіями: статистическимъ и земскимъ. Вѣдѣнію земскаго отдѣла подлежали предварительное обсужденіе и разработка всѣхъ дѣлъ по вопросамъ, касающимся земско-хозяйственнаго устройства въ Имперіи. Затѣмъ, этотъ земскій отдѣлъ былъ выдѣленъ изъ состава центрального статистическаго комитета и постепенно въ немъ сосредоточились всѣ дѣла по управленію крестьянами. Такъ какъ всѣ дѣла, приобрѣтающія важное значеніе въ политическомъ отношеніи, не минуя у насъ департамента полиціи, то не миновали его вначалѣ послѣ реформы 1861 г. и крестьянскія дѣла. Оказывается, что въ департаментѣ полиціи вѣдѣлось много дѣлъ, „возникающихъ по взаимнымъ отношеніямъ, бывшимъ до 19 февраля 1861 года между помѣщиками и крестьянами, и о безпорядкахъ, возникающихъ изъ поземельныхъ отношеній временно-обязанныхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, равно изъ неправильнаго пониманія или толкованія законовъ, до устройства сельскаго состоянія относящихся“. Всѣ эти дѣла были въ 1865 году переданы въ земскій отдѣлъ.

Съ тѣхъ поръ земскій отдѣлъ сдѣлался въ дѣйствительности особымъ крестьянскимъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, вмѣшивающимся во всѣ детали крестьянскаго дѣла. Значеніе его еще больше возросло со введеніемъ положенія о земскихъ начальникахъ, такъ какъ всѣ вопросы о назначеніи и перемѣщеніи земскихъ начальниковъ и другихъ чиновниковъ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ сосредоточились въ земскомъ отдѣлѣ. Соотношеніе же, въ которомъ находится въ силу учрежденія Сената Министерство внутреннихъ дѣлъ къ Сенату и въ частности ко второму департаменту Сената, дѣлаетъ вліяніе Министерства внутреннихъ дѣлъ въ крестьянскомъ дѣлѣ еще болѣе значительнымъ.

Другимъ центральнымъ учрежденіемъ, вѣдающимъ крестьянскія дѣла, проявляющимъ власть надзора надъ дѣятельностью губернскихъ учреждений по крестьянскимъ дѣламъ и руководство въ примѣненіи

законовъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ является Правительствующій Сенатъ. Было уже упомянуто, что въ 1863 году установлено было право обжалованія опредѣленій губернскаго присутствія по извѣстнаго рода дѣламъ Сенату. За отсутствіемъ спеціальнаго департамента Сената дѣла эти сначала разбирались въ первомъ департаментѣ, гдѣ сосредоточивались всѣ жалобы на административныя учрежденія Имперіи. Но съ 1884 года, когда дѣла по жалобамъ на крестьянскія учрежденія умножились, былъ образованъ особый департаментъ—второй, исключительно для крестьянскихъ дѣлъ.

Въ 1882 году главный комитетъ по устройству сельскаго состоянія былъ упраздненъ. Дѣла, подлежащія его вѣдѣнію и имѣющія законодательный характеръ, были переданы въ Государственный Совѣтъ на общихъ основаніяхъ. Дѣла же по жалобамъ на губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія всѣ сосредоточены въ Сенатѣ. Одновременно съ такимъ преобразованіемъ вмѣнено губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, вмѣстѣ съ объявленіемъ своихъ рѣшеній участвующимъ въ дѣлѣ сторонамъ, объяснить имъ о срокахъ и порядкѣ обжалованія сихъ рѣшеній, т. е. указывать, что всѣ жалобы должны подаваться черезъ губернскія присутствія на имя Сената. Въ вѣдѣніе же Сената перешли жалобы на распоряженія по крестьянскимъ дѣламъ министра внутреннихъ дѣлъ, приносившіяся до упраздненія главнаго комитета по устройству сельскаго состоянія въ этотъ послѣдній.

Такимъ образомъ въ настоящее время всѣ жалобы на губернскія учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ изъяты изъ вѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ и сосредоточены въ Сенатѣ, во второмъ его департаментѣ. Этому же департаменту подлежитъ разборъ жалобъ на министра внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ крестьянскимъ и разъясненіе общаго смысла крестьянскихъ законоположеній.

Министерству же внутреннихъ дѣлъ по земскому отдѣлу принадлежитъ власть надзора за крестьянскими учрежденіями, осуществляемаго въ административномъ порядкѣ. Съ изданіемъ положенія о земскихъ начальникахъ власть эта увеличена въ значительной степени, а вліяніе министра въ Сенатѣ усилено требованіемъ участія его лично или черезъ своего товарища въ засѣданіяхъ Сената и дачи въ немъ своихъ заключеній.

Землеустроительные законы послѣдняго времени внесли нѣкоторыя измѣненія въ составъ центральныхъ органовъ.

Въ составѣ Главнаго управленія землеустройства и земледѣлія образованъ комитетъ по землеустроительнымъ дѣламъ, которому пре-

доставлена власть надзора надъ дѣятельностью землеустроительныхъ комиссій и право издавать инструкціи въ разъясненіе положенія о землеустройствахъ.

Въ производствѣ дѣлъ во второмъ департаментѣ Сената по жалобамъ на губернскія присутствія и на губернскія землеустроительныя комиссіи по примѣненію закона 14 іюня 1910 года и 29 мая 1911 г. уничтожено право обжалованія опредѣленій второго департамента путемъ принесенія жалобъ на Высочайшее Имя для перенесенія разбора дѣлъ въ общее собраніе Сената. Рѣшенія второго департамента Сената по этимъ дѣламъ являются окончательными и никакому обжалованію не подлежатъ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Особенности въ сферѣ имущественныхъ правъ крестьянъ.

РАЗДѢЛЪ I.

Поземельныя отношенія крестьянъ.

ГЛАВА I.

Историческій очеркъ надѣленія земель крѣпостныхъ крестьянъ.—Отношенія крестьянъ и помѣщиковъ по владѣнію землей до 1861 года.—Два вида этихъ отношеній: оброкъ и барщина.—Первоначальныя предположенія о способахъ освобожденія крестьянъ съ землей.—Идея выкупа.—Принципъ оставленія существующаго надѣла.—Осуществленіе этого принципа и его ограниченія.—Постепенно растущее торжество интересовъ помѣщиковъ въ опредѣленіи размѣровъ надѣла и въ опредѣленіи размѣровъ повинностей.—Нищенскій надѣлъ.

Въ настоящемъ отдѣлѣ я предлагаю изложить все тѣ особенности земельно-правовыхъ отношеній крестьянъ, которыми и по силѣ писаннаго права и по силѣ обычнаго (въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ сила послѣдняго признавалась и признается дѣйствующими законами) обусловливаются нормы крестьянскаго права, значительно отличающіяся отъ обще-гражданскаго кодекса. Для полнаго и всесторонняго уясненія этихъ подробностей намъ придется ближе познакомиться съ основаніями надѣленія крестьянъ, принятыми положеніями 1861 года ¹⁾.

Какъ извѣстно, эти основанія видоизмѣнялись во время подготовительныхъ работъ къ реформѣ; они видоизмѣнились и въ отношеніи размѣровъ проектируемаго обезпеченія крестьянъ землею и въ отношеніи правовыхъ условій предполагаемаго ихъ землеустройства. При этомъ, слѣдя за различными стадіями созиданія реформы 1861 года, мы замѣчаемъ двоякое вліяніе, которому подвергались эти работы. Съ

¹⁾ Очень цѣнное изслѣдованіе для ознакомленія съ исторіей надѣленія крестьянъ землей по положенію 1861 года въ соч. проф. И. И. Иванюкова „Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи“. Спб. 1903 г.

одной стороны, объемъ реформы, ея характерныя черты — отрицаніе крѣпостного права въ связи съ выкупомъ надѣловъ — выясняются и рѣзко обрисовываются подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, выражавшагося не только въ литературѣ, но и въ многочисленныхъ запискахъ, ходившихъ по рукамъ. Эволюція основныхъ началъ реформы происходитъ чрезвычайно быстро и идея выкупа, сначала отвергаемая руководителями реформы, затѣмъ робко и неясно высказываемая, очень быстро усваивается во всей рѣзкости и опредѣленности. Съ другой стороны, реальныя условія землеустройства крестьянъ, т. е. величина надѣловъ и размѣръ платежей за нихъ, измѣняются въ направленіи, противоположномъ интересамъ крестьянъ и измѣняются все время подъ вліяніемъ агитаціи помѣщиковъ въ благопріятную для нихъ сторону. Такимъ образомъ, получается впечатлѣніе, что помѣстный классъ, сознавъ невозможность борьбы на принципиальной почвѣ, оставилъ свои принципиальныя позиціи для того, чтобы вести борьбу въ частностяхъ, деталяхъ реформы, съ цѣлью добиться наименьшаго пожертвованія землею въ пользу крестьянъ съ наибольшей выгодой для себя, съ наибольшимъ денежнымъ вознагражденіемъ за это пожертвованіе.

Матеріалы, собранные губернскими комитетами и сведенныя въ редакціонныхъ комиссіяхъ, въ связи съ имѣвшимися свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ, даютъ намъ возможность уяснить себѣ земельныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, существовавшія при крѣпостномъ правѣ. Какъ выяснено изслѣдованіями, въ Россіи было два вида хозяйственныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщику: барщина и оброкъ. Въ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ сельское хозяйство было выгодно, а число рабочихъ рукъ сравнительно незначительное и гдѣ, слѣдовательно, помѣщику выгодно было эксплуатировать трудъ крѣпостныхъ крестьянъ натурой, заставляя ихъ обрабатывать свою землю, — преобладала барщина, которая обыкновенно выражалась въ обязанности крестьянъ работать три дня въ недѣлю на помѣщика. Въ нечерноземныхъ губерніяхъ, гдѣ земля давала малые доходы и гдѣ крестьяне, кромѣ земледѣлія, занимались разнообразными промыслами, — тамъ помѣщикамъ выгоднѣе было держать крестьянъ на денежномъ оброкѣ, который послѣдніе уплачивали изъ средствъ, добытыхъ не только обработкою своихъ земельныхъ надѣловъ, но и всевозможными промысловыми подсобными занятіями земледѣльческаго и неземледѣльческаго характера. Необходимо замѣтить, что въ общемъ положеніе оброчныхъ крестьянъ было лучше, чѣмъ положеніе барщинныхъ. У послѣднихъ не только тяжесть барщины, но и условія барщиннаго труда усугубляли ихъ тяжелое положеніе. Не только количество дней

работы на помѣщика, но и власть помѣщика, постоянно вмѣшивающаяся въ хозяйственную жизнь крестьянъ, отрывающая его въ любое время отъ занятій собственнымъ хозяйствомъ для выполненія работъ въ помѣщичьемъ хозяйствѣ, создавали положеніе чрезвычайно разорительное для крестьянъ.

Такъ какъ при опредѣленіи условій освобожденія крестьянъ состояніе на оброкѣ или на барщинѣ имѣло значеніе при опредѣленіи размѣра повинностей, то представляется немаловажнымъ выяснить измѣненіе численности тѣхъ и другихъ крестьянъ въ 19 столѣтіи сравнительно съ 18 столѣтіемъ. При этомъ, однако, надо замѣтить, что въ 19 столѣтіи значительно развились смѣшанныя повинности, т. е. многіе помѣщики собирали дополнительный оброкъ съ крестьянъ, обязанныхъ и барщиной, или обязывали барщиной, для обработки заводимыхъ на своихъ земляхъ небольшихъ запашекъ, тѣхъ крестьянъ, которые прежде находились только на одномъ оброкѣ. Вотъ почему состояніе оброчныхъ крестьянъ въ 18 вѣкѣ, пользовавшихся нерѣдко всѣми правами самоуправленія, а часто и всею землею помѣщика, въ 19 вѣкѣ значительно ухудшилось ¹⁾. Но тѣмъ не менѣе, въ общемъ, оно и въ это время было гораздо лучше положенія барщинныхъ крестьянъ. Выясненіе соотношенія оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ ко времени ихъ освобожденія представляетъ большой интересъ. Для сравненія той и другой группы крестьянъ у насъ имѣется любопытный матеріалъ. Профессоръ В. Семевскій, много потрудившійся надъ изученіемъ положенія крестьянъ въ 18 вѣкѣ, даетъ таблицу процентнаго соотношенія оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ въ концѣ 18 вѣка въ двадцати центральныхъ губерніяхъ Россіи, а въ трудахъ редакціонныхъ комиссій мы находимъ матеріалъ, касающійся распредѣленія тѣхъ и другихъ крестьянъ въ тѣхъ же губерніяхъ ко времени освобожденія.

Количество оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ ²⁾:

<i>Нечерноземныя губерніи:</i>	Во второй половинѣ XVIII вѣка.	
	Оброчныхъ крестьянъ.	Барщинныхъ крестьянъ.
Псковская	38392	146765
Тверская	97451	115799
Новгородская	60424	63556
Московская	78864	142401

¹⁾ Болѣе детальныя свѣдѣнія о состояніи крестьянъ въ 18 вѣкѣ прекрасно изложены у Семевского въ его трудахъ: „Крестьянскій вопросъ въ 18 и первой половинѣ 19 ст.“. Спб. 1888 г. и „Крестьяне въ царствованіе Екатерины II“. Спб. 1903 г.

²⁾ Эта таблица взята у Семевского „Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II“, т. I, стр. 591.

<i>Нечерноземныя губерніи:</i>	Во второй половинѣ XVIII вѣка.	
	Оброчныхъ крестьянъ.	Барщинныхъ крестьянъ.
Владимірская	104918	109030
Вологодская	64564	13610
Ярославская	148530	42388
Костромская	194751	34957
Калужская	149956	107375
Смоленская	70796	167762
Олонецкая	2946	1515
Нижегородская	194470	42754
Итого въ 12 нечерн. губ. . . .	1206602	987912
<i>Черноземныя губерніи:</i>		
Тульская	18343	211293
Воронежская	59463	33876
Тамбовская	26682	94602
Пензенская	54635	51348
Курская	6849	76304
Орловская (въ 7 уѣздахъ, относи- тельно которыхъ есть свѣдѣнія для XIX вѣка)	40585	61805
Рязанская	40784	170753
Итого въ 7 черноземн. губ. . .	247341	699981
Въ 12 нечерноземн. губ. . . .	1206602	987912
	1453403	1687893
	3141296	

Количество оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ 1):

<i>Нечерноземныя губ.:</i>	Въ половинѣ XIX вѣка.		% оброч- ныхъ въ XVIII вѣкѣ.	% оброч- ныхъ въ XIX вѣкѣ.
	Оброчныхъ крестьянъ.	Барщинныхъ крестьянъ.		
Псковская	40416	133357	21	23,2
Тверская	109035	156200	46	41,1
Новгородская	66939	79632	49	45,7
Московская	159536	75470	36	67,9
Владимірская	220094	94871	50	69,9
Вологодская	83425	15847	83	84
Ярославская	200579	28800	78	87,4
Костромская	205819	29134	85	87,6
Калужская	159368	128642	58	55,3
Смоленская	91619	245908	30	27,1
Олонецкая	3630	1387	66	72,3
Нижегородская	236394	109347	82	68,4
Итого въ 12 нечерн. г. . . .	1576845	1098595	55	58,9

1) Ср. соч. *Игнатовича*. „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія“. Спб. 1902 г.

<i>Черноземныя губ.:</i>	Въ половинѣ XIX вѣка.		% оброч- ныхъ въ XVIII вѣкѣ.	% оброч- ныхъ въ XIX вѣкѣ.
	Оброчныхъ крестьянъ.	Барщинныхъ крестьянъ.		
Тульская	92387	271471	8	25,4
Воронежская	100314	123524	64	44,8
Тамбовская	63655	221169	22	22,3
Пензенская	56940	173087	52	24,8
Курская	72234	208164	8	25,8
Орловская (въ 7 уѣздахъ, от- носительно которыхъ есть свѣдѣнія для XIX вѣка) . .	47765	121616	39,6	28,2
Рязанская	34341	37232	19	48
Итого въ 7 черноземныхъ г. .	467636	1156263	26,1	28,8
Въ 12 нечерноземн. губ. . .	1576845	1098505	55	58,9
	2044481	2254858	46,3	47,6
	4299339			

Изъ сопоставленія этихъ таблицъ мы усматриваемъ, что въ общемъ произошло увеличеніе числа оброчныхъ крестьянъ; но это увеличеніе касается почти исключительно нечерноземныхъ губерній. Впереди другихъ въ этомъ отношеніи идетъ Московская губернія, въ которой число оброчныхъ крестьянъ къ моменту освобожденія увеличивается противъ конца 18 столѣтія на 42⁰/₀; затѣмъ идутъ губерніи: Владимірская, Рязанская, Олонецкая, Подольская, Петербургская и др. Напротивъ того, въ черноземной полосѣ замѣтно увеличеніе барщинныхъ крестьянъ, за исключеніемъ очень густо населенныхъ губерній, въ которыхъ оброкъ представляется помѣщикамъ болѣе выгоднымъ и количество крестьянъ, обязанныхъ оброкомъ, было велико.

Увеличенію числа оброчныхъ, конечно, способствовалъ и абсентеизмъ помѣщиковъ, при которомъ для нихъ было болѣе удобнымъ получать оброкъ, чѣмъ вести самимъ собственное хозяйство барщиннымъ трудомъ крестьянъ. Въ черноземныхъ губерніяхъ этотъ абсентеизмъ, однако, сталъ уменьшаться въ теченіе 19 вѣка. На это его уменьшеніе, на усиленіе стремленія дворянскаго помѣщичьяго элемента осѣсть на землю у насъ есть много свидѣтельствъ современниковъ, къ сожалѣнію, однако, не выраженныхъ въ цифровыхъ данныхъ. Объ этомъ же фактѣ свидѣтельствуетъ и извѣстный Гакстгаузенъ, посѣтившій Россію и изслѣдовавшій политическія и экономическія условія жизни русскаго населенія. „Въ настоящее время“, говоритъ онъ, „дворяне болѣе, чѣмъ прежде, живутъ въ деревняхъ, хотя все еще не въ той степени, чтобы они могли быть названы сельскимъ дворянствомъ; онъ все-таки они посѣщаютъ свои имѣнія, занимаются даже хозяйствомъ

въ нихъ, что видно изъ того, что число барщинныхъ крестьянъ постоянно возрастаетъ (т. е. часть земли отбирается отъ крестьянъ и обрабатывается ими же за барщину въ пользу господина), тогда какъ оброчное положеніе, дотолѣ господствовавшая форма взиманія дохода съ крестьянъ во всей Великороссіи прекращается ¹⁾. „Раньше“, говорить онъ въ другомъ мѣстѣ, „молодые дворяне, лѣтъ съ семнадцати уже стремились поступить на гражданскую или военную службу, гдѣ и оставались докуда могли.... Теперь же большинство выходитъ въ отставку черезъ нѣсколько лѣтъ и поселяется въ имѣніяхъ, чтобы заниматься сельскою или мануфактурною промышленностью“. Одновременно съ увеличеніемъ числа оброчныхъ крестьянъ въ сравненіи съ крестьянами, обязанными барщиной, приходится констатировать фактъ уменьшенія въ теченіе конца 18 и первой половины 19 столѣтія количества земли, находившейся въ рукахъ крестьянъ. Семевскій, на основаніи очень обширныхъ изслѣдованій, удостовѣряетъ, что въ 18 столѣтіи въ оброчныхъ имѣніяхъ вся земля фактически находилась во владѣніи крестьянъ, а въ барщинныхъ на долю крестьянъ приходилось до $\frac{2}{3}$ всей помѣщичьей земли. Въ среднемъ, по его расчету, приходилось до 8 десятинъ на душу въ нечерноземной полосѣ и до 7 десятинъ въ черноземной. Въ 19 вѣкѣ отношеніе это измѣнилось. Количество земли, находящейся въ рукахъ крестьянъ, систематически стало уменьшаться. Въ нечерноземной полосѣ съ преобладаніемъ оброчной системы замѣтно преобладаніе крестьянской земли надъ помѣщичьей, выражающееся въ цифрѣ, близкой къ $\frac{2}{3}$. Въ черноземной полосѣ уже замѣчается или равное распредѣленіе удобной земли между крестьянами и помѣщиками или преобладаніе господской земли надъ крестьянской. Этотъ фактъ чрезвычайно важенъ для уясненія условій надѣленія крестьянъ землей по положеніямъ 1861 г., такъ какъ размѣръ крестьянскаго надѣла, при крѣпостномъ правѣ послужилъ исходнымъ пунктомъ для разсужденій составителей положеній о нормахъ надѣловъ при освобожденіи крестьянъ.

Мы уже упоминали, что объемъ правъ крестьянъ на полученную въ надѣлъ землю установился въ редакціонныхъ комиссіяхъ не сразу. Въ такъ называемыхъ „Высочайше преподанныхъ началахъ“ будущей крестьянской реформы, уже упоминавшихся нами, содержится довольно уклончивое опредѣленіе объема правъ на землю, приобретаемыхъ крестьянами. Въ нихъ говорится, что „помѣщикомъ сохраняется право

¹⁾ Гакстгаузенъ: „Ислѣдованіе внутреннихъ отношеній народной жизни Россіи“, т. I, стр. 426.

собственности на землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осажденность, которую они въ теченіи опредѣленнаго времени приобретаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которую они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику ¹⁾.

Такимъ образомъ, при началѣ работъ по реформѣ, идея выкупа въ собственность надѣльныхъ земель связывалась только съ усадебными землями. Полевую землю предполагалось обратить только въ пользованіе крестьянъ. Конечно, это пользованіе предполагалось, по мысли инициаторовъ реформы, безсрочнымъ и, такъ сказать, безпереоброчнымъ. На это мы имѣемъ достовѣрные свидѣтельства въ письмахъ и словахъ тѣхъ, кто стоялъ у самаго источника предположеній власти. Но въ официальныхъ рескриптахъ и актахъ того времени это не договаривалось, и такой недомолвкой сейчасъ же воспользовались реакціонные элементы. Они ухватились за два начала, провозглашенные официально какъ основные принципы реформы: 1) право собственности помѣщиковъ на всю землю и 2) обязательность предоставленія крестьянамъ въ пользованіе части полевыхъ земель для обезпеченія ихъ быта, и дѣлали изъ этихъ началъ соотвѣтственные выводы, предостерегая отъ всякаго расширенія смысла второго изъ нихъ. Первое начало провозглашалось ими главнымъ и неизбѣжнымъ. Право собственности на всю землю принадлежить помѣщикамъ. Слѣдовательно, говорили они, никто отнять у нихъ этого права принудительно не можетъ. Право собственности священно и неприкосновенно ²⁾. Какъ же можно заставить собственника принудительно отчудить свое право крестьянамъ? Допустить такое нарушеніе права собственности значитъ подорвать основы гражданской жизни, значитъ совершить, какъ выражались тогда, „споліацію правъ“. Съ этой точки зрѣнія защитники помѣщичьихъ интересовъ допускали такое же толкованіе и второго начала объ обезпеченіи быта крестьянъ. Они говорили, что, очевидно, второе начало въ связи съ первымъ должно быть истолковано какъ обязанность помѣщиковъ временно, въ теченіе короткаго срока, не болѣе 12 лѣтъ, во избѣжаніе потрясенія въ народной жизни

¹⁾ Семеновъ, т. I, стр. 8 и 78. Высочайшій рескриптъ Виленскому военному и Ковенскому генералъ-губернатору 20 ноября 1857 года.

²⁾ Первое изданіе матеріаловъ редакціонныхъ комиссій и сочиненіе Скребицкаго: „Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II“. Интересны помѣщенныя въ указанныхъ сочиненіяхъ возраженія противъ означеннаго принципа кн. Гагарина, кн. Волконскаго и Офросимова.

оставить крестьянамъ въ пользованіе известное количество земли за повинности или деньги, уплачиваемыя въ настоящее время, но съ тѣмъ, чтобы помѣщики вольны были по истеченіи переходнаго времени отнять у крестьянъ эти земли или оставить ихъ за плату, установленную добровольнымъ соглашеніемъ. Другими словами, они предполагали обратить крестьянъ въ простыхъ арендаторовъ, лишенныхъ всякихъ правъ на землю. Подобное толкованіе основныхъ началъ реформы сводилось въ сущности къ безземельному освобожденію крестьянъ. Оно, конечно, не соответствовало идеямъ приверженцевъ реформы, стоявшихъ у власти и совершенно иначе толковавшихъ предложенныя начала реформы.

Уже во второмъ засѣданіи общаго присутствія редакціонныхъ комиссій, въ октябрѣ 1858 года, предсѣдатель ихъ, Ростовцевъ, тогда ближайшій сотрудникъ Императора Александра II въ дѣлѣ крестьянской реформы, изложившій государю свои мысли о реформѣ въ цѣломъ рядѣ писемъ, получившихъ одобреніе, высказалъ комиссіямъ основныя положенія реформы въ отношеніи поземельнаго устройства крестьянъ. Онъ заявилъ, что одновременно съ личнымъ освобожденіемъ крестьянъ необходимо дать имъ возможность приобретать въ собственность отъ помѣщиковъ, по добровольному съ ними соглашенію, достаточное количество земли для упроченія ихъ осѣдлости и обезпеченія ихъ быта. Количество это должно состоять нераздѣльно и изъ усадебной и изъ полевой земли съ другими необходимыми угодіями. Это положеніе вмѣстѣ съ другими, имъ тогда высказанными, было единогласно одобрено всеми членами редакціонныхъ комиссій¹⁾, что и послужило поводомъ въ послѣдствіи къ жестокимъ нападкамъ депутатовъ отъ дворянства, упрекавшихъ ихъ въ искаженіи началъ реформы, возвыщенныхъ съ высоты престола и въ предвзятости редакціонныхъ комиссій, злоумышленно рѣшившихъ въ самомъ началѣ своихъ работъ „спотворить“, какъ тогда говорили, права собственности помѣщиковъ. Такимъ образомъ, несомнѣнно, комиссіи предприняли способствовать переходу надѣльной земли въ собственность крестьянъ. Но онѣ еще не шли дальше предположенія способствовать добровольному соглашенію помѣщиковъ и крестьянъ въ приобретеніи послѣдними своихъ надѣловъ въ собственность. Конечно, этимъ предпринималось то начало, что крестьяне получаютъ въ *безсрочное* пользованіе свои надѣлы за установленныя разъ навсегда повинности, которыя не подлежатъ уже измѣненію по односторонней волѣ помѣщика. Право собственности помѣщика

1) Первое изданіе матеріаловъ, т. I, стр. 5.

на надѣльные земли остается, но ограничивается правомъ безсрочнаго пользованія крестьянъ.

Передъ вопросомъ о выкупѣ съ помощью правительства не только усадебныхъ, но и полевыхъ земель комиссіи еще останавливались, какъ предъ мѣрой, которая будетъ непосильна для казны. Только въ послѣдствіи, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, а также отчасти и подъ вліяніемъ, какъ мы увидимъ, интересовъ значительной части помѣщиковъ, предпочитавшихъ полученіе единовременно выкупной ссуды длительному праву полученія повинностей съ крестьянъ за отводимую имъ землю, — восторжествовала мысль о примѣненіи выкупной операціи къ дѣлу ликвидаціи крѣпостного права. Но выкупная операція была примѣнима по положенію, какъ вторая стадія надѣленія крестьянъ, какъ стадія перехода въ собственность тѣхъ земель и съ тѣмъ размѣромъ капитализированныхъ повинностей, которыя опредѣлялись совершенно независимо отъ выкупной операціи при переходѣ крестьянъ во временно-обязанныя отношенія къ помѣщику. Поэтому намъ надо для сужденія объ условіяхъ надѣленія крестьянъ обратиться къ выясненію именно этихъ, опредѣленныхъ въ законѣ, условій ихъ первоначальнаго надѣленія, произведенныхъ при переходѣ изъ крѣпостнаго состоянія въ состояніе временно-обязанное.

Здѣсь представляютъ интересъ двѣ стороны вопроса: количество земли, передаваемое въ надѣлъ крестьянамъ и количество повинностей, налагаемыхъ на крестьянъ за эту землю.

Губернскіе комитеты предполагали надѣлить крестьянъ самымъ минимальнымъ надѣломъ и притомъ опредѣленнымъ искусственно безъ всякаго соотношенія къ степени надѣленія крестьянъ при крѣпостномъ правѣ, безъ всякаго соответствія съ находившейся въ ихъ пользованіи землей. Только комитеты нечерноземныхъ губерній относились милостивѣе къ этому вопросу, проектируя сравнительно большіе надѣлы. Къ сожалѣнію, надо констатировать, что въ такихъ предположеніяхъ существенную роль играло не великодушіе помѣщиковъ — членовъ губернскихъ комитетовъ нечерноземной полосы и даже не безпристрастіе ихъ, а прямой матеріальный расчетъ. Въ нечерноземныхъ губерніяхъ земля давала мало дохода и повинности, отбываемыя крестьянами, т. е. оброкъ ихъ, платились ими не столько отъ занятій земледѣліемъ, сколько отъ промысловъ, т. е. отъ труда крѣпостныхъ, который освобождался по мысли инициаторовъ реформы 1861 г. безъ всякаго выкупа. Между тѣмъ при большемъ надѣленіи крестьянъ землей и обложеніи ихъ по уровню платимаго оброка легче было скрыть въ величинѣ этого оброка доходъ помѣщика собственно не за

землю, передаваемую крестьянамъ, а за его промысловый трудъ. Мы увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, что такая цѣль, преслѣдуемая помѣщиками нечерноземной полосы, была ими достигнута, и ихъ крестьяне несомнѣнно уплатили имъ сначала въ видѣ оброка доходъ, превышающій доходность земли, а затѣмъ выкупными платежами не только стоимость земли, перешедшей имъ въ надѣлъ, но и стоимость своего труда.

Въ мѣстностяхъ же черноземныхъ, губернскіе комитеты дошли до проекта надѣленія крестьянъ самымъ минимальнымъ надѣломъ, въ среднемъ отъ 1 до 1½ десятины на душу. При этомъ откровенность комитетовъ переходила всякія границы. Многіе изъ нихъ прямо приводили доводы о томъ, что сохранить существующіе надѣлы невозможно, ибо они отведены случайно и что поэтому начало надѣленія крестьянъ по существующимъ надѣламъ будетъ будто бы также случайнымъ и произвольнымъ. Они говорили, что искусственное опредѣленіе размѣра болѣе правильно, что опредѣленіе въ возможно меньшихъ размѣрахъ можетъ, съ одной стороны, привести къ скорому и естественному замѣщенію въ сельскомъ быту обязательнаго труда трудомъ свободнымъ, а съ другой доставить помѣщику постоянныхъ работниковъ для его хозяйства въ лицѣ свободныхъ крестьянъ, если они будутъ недостаточно обезпечены землею въ пользованіе.

Редакціонныя комиссіи, конечно, не могли согласиться съ такими откровенными положеніями, и онѣ выдвинули другой принципъ — принципъ надѣленія крестьянъ по нормамъ, существовавшимъ при крѣпостномъ правѣ. Для доказательства правильности такого принципа онѣ приводили двоякаго рода доводы. Съ одной стороны, онѣ находили, что искусственная норма надѣла, не согласованная съ тѣми нормами, къ которымъ крестьяне уже привыкли и къ которымъ они приспособили свой хозяйственный бытъ, поведетъ къ страшной ломкѣ, къ страшному разстройству ихъ благосостоянія, что отразится и на помѣщичьихъ интересахъ; съ другой стороны, онѣ находили, что при тѣхъ неполныхъ свѣдѣніяхъ, которыя имѣются въ распоряженіи правительства, всякое искусственное опредѣленіе нормы надѣла, на основаніи выясненія нужды крестьянъ каждой мѣстности въ землѣ, степени ея производительности, отъ уровня которой зависитъ опредѣленіе количества земли, необходимаго для обезпеченія крестьянскаго хозяйства, — невозможно.

Но, принявъ, такимъ образомъ, принципъ существующихъ надѣловъ, редакціонныя комиссіи не выдвинули такихъ правовыхъ основаній, которыя могли бы быть выставлены и которыя обезпечили бы

осуществленіе этого принципа въ жизни. Такія правовыя основанія можно было бы найти, ибо тотъ или другой размѣръ существовавшаго надѣла, въ связи съ опредѣленнымъ уровнемъ установленныхъ за этотъ надѣлъ повинностей, можно было бы разсматривать какъ результатъ того молчаливаго соглашенія крестьянъ съ помѣщиками, которымъ регулировались ихъ взаимныя отношенія. Выставивъ, взамѣнъ этихъ правовыхъ основаній, только практическіе доводы, редакціонныя комиссіи не могли отстоять намѣченнаго принципа и очень скоро въ примѣненіи его допустили весьма значительныя отступленія. Главнымъ отступленіемъ было установленіе высшаго и низшаго надѣла для каждой мѣстности. При этомъ редакціонныя комиссіи разсуждали слѣдующимъ образомъ: надо обезпечить, съ одной стороны, тѣхъ помѣщиковъ, которые по „великодушію своему“ отвели крестьянамъ чрезмѣрно большіе земельные надѣлы и тѣмъ лишили себя возможности отрѣзать въ свою собственность лишнее количество земли, сверхъ необходимаго крестьянамъ для обезпеченія ихъ быта; съ другой стороны, необходимо также обезпечить крестьянъ минимальнымъ надѣломъ въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣщики лишили ихъ всей земли или оставили въ ихъ пользованіи совершенно недостаточные надѣлы. Конечно, такая постановка вопроса уже сама по себѣ противорѣчила принятому редакціонными комиссіями принципу укрѣпленія существующаго надѣла и вводила тотъ элементъ искусственнаго опредѣленія нормы, необходимой для обезпеченія быта крестьянъ, который ими такъ энергично отрицался.

Выходъ изъ этого противорѣчія редакціонныя комиссіи нашли въ томъ, что приняли за руководящее начало при исчисленіи высшаго и низшаго размѣра надѣла не потребности крестьянъ и ихъ нужду въ землѣ, а среднія цифры существующихъ надѣловъ. Конечно, такое начало было не менѣе искусственно, чѣмъ оспариваемое и оно не представляло собой дѣйствительнаго примиренія допущеннаго противорѣчія. Тѣмъ не менѣе, оно легло въ основаніе способовъ надѣленія крестьянъ.

Данныя, на которыхъ редакціонныя комиссіи основывали свои постановленія о нормахъ надѣловъ, были свѣдѣнія о надѣлахъ въ имѣніяхъ въ 100 и болѣе душъ. Эти свѣдѣнія, доставленные комиссіямъ губернскими комитетами, будучи проверенными чинами комиссіи по 36 губерніямъ, оказались, однако, не достаточно точными. Поэтому редакціонныя комиссіи пришли къ заключенію о необходимости пользоваться также еще и данными объ общемъ количествѣ земли въ дворянскихъ имѣніяхъ, доставленными изъ комитетовъ о земскихъ повинностяхъ, которыя давали возможность судить объ относительномъ многоземельи помѣщичьихъ имѣній въ той или другой мѣстности.

На основаніи этихъ данныхъ редакціонныя комиссіи раздѣлили губерніи, согласно хозяйственнымъ условіямъ и размѣрамъ существующихъ крестьянскихъ надѣловъ, на *полосы*, а эти послѣднія на *мѣстности*, и для каждой полосы и мѣстности опредѣлили различныя нормы высшихъ и низшихъ надѣловъ. Я не буду приводить цифры наибольшаго надѣла, опредѣленнаго редакціонными комиссіями для разныхъ мѣстностей, подвергшагося затѣмъ разнообразнымъ измѣненіямъ. Скажу только, что для многихъ мѣстностей комиссіи сами понизили размѣръ наибольшаго надѣла по сравненію съ полученными ими изъ вычисленій вышеуказаннымъ порядкомъ цифрами; опредѣливъ же высшія нормы надѣловъ, высказали опасеніе, что *„принятые нормы наибольшихъ надѣловъ малы и ни въ какомъ случаѣ дальнѣйшему пониженію подлежатъ не могутъ“*. Но, какъ мы увидимъ, онѣ все-таки подверглись и притомъ, очень значительному, уменьшенію.

Уже первоначально намѣченныя нормы высшихъ надѣловъ при сравненіи ихъ съ существующими надѣлами убѣдили комиссіи, что принятое ими начало—придерживаться существующихъ надѣловъ съ тѣмъ, чтобы отрѣзки отъ нихъ при надѣленіи крестьянъ по положеніямъ были бы только исключеніемъ,—не осуществилось. Необходимость отрѣзокъ въ очень большей части имѣній, слѣдовательно, вовсе не по исключенію, выяснилась съ полной очевидностью. Оказалось, что въ нечерноземной части Россіи, напримѣръ, очень мало уѣздовъ, въ которыхъ отрѣзкамъ подвергались до одной пятой имѣній уѣзда, въ большинствѣ же уѣздовъ число такихъ имѣній доходило до одной третьей и было довольно много уѣздовъ, гдѣ половина имѣній должна была бы подвергнуться отрѣзкамъ изъ существовавшихъ крестьянскихъ надѣловъ.

То уменьшеніе размѣра надѣловъ, которое произведено въ дальнѣйшихъ стадіяхъ разработки положеній, конечно, еще болѣе увеличило число такихъ имѣній, чѣмъ и объясняется важность того вопроса объ отрѣзкахъ, который одно время разрабатывался нѣкоторыми нашими политическими партіями.

Пониженіе высшихъ нормъ надѣловъ произошло въ такъ называемый третій періодъ работъ редакціонныхъ комиссій, во время котораго производилась повѣрка предположенныхъ во второй періодъ, указаннымъ нами порядкомъ, надѣловъ на мѣстахъ и разборъ возраженій, представленныхъ депутатами отъ дворянства. Предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій былъ уже въ это время графъ Панинъ, реакціонный характеръ воззрѣній котораго, конечно, много способствовалъ неблагоприятному для интересовъ крестьянъ направленію работъ комиссій.

Но пониженіе размѣра высшихъ надѣловъ этимъ не ограничилось. Въ главномъ комитетѣ и Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ положенія 19 февраля получили свою окончательную форму, были произведены дальнѣйшія пониженія.

Такимъ образомъ, предположенное начало сохраненія существующихъ надѣловъ при опредѣленіи высшей нормы надѣла совсѣмъ не было выдержано. Зато оно было во всей неприкосновенности выдержано при установленіи наименьшаго размѣра крестьянскаго надѣла; т. е. тогда, когда дѣло коснулось возможности отрѣзки не отъ крестьянъ помѣщикамъ, а отъ помѣщиковъ крестьянамъ. Здѣсь всякія соображенія о нуждахъ обезпеченія крестьянъ землей были оставлены. Вся забота редакціонныхъ комиссій сосредоточилась на дѣйствительномъ осуществленіи начала, чтобы отрѣзки земли у помѣщиковъ въ пользу крестьянъ были бы совершенно исключительнымъ явленіемъ и поэтому рѣшено было, что низшіе надѣлы должны равняться одной трети высшихъ. Эта норма принята въ положеніяхъ 19 февраля; но при этомъ надо помнить указанное уже нами уменьшеніе высшаго надѣла, допущенное въ положеніяхъ и повлекшее за собой соответственное уменьшеніе количества земли для третьей его части, т. е. для низшаго надѣла.

Однако и этими уменьшеніями размѣра надѣловъ не ограничались. Уже послѣ окончательнаго разсмотрѣнія положеній въ общемъ собраніи редакціонныхъ комиссій, какъ замѣчаетъ Н. Семеновъ, при разсмотрѣніи его въ главномъ комитетѣ было вставлено новое правило о такъ называемомъ „четвертномъ“ или „нищенскомъ“ надѣлѣ. Редакціонныя комиссіи его не предполагали и не обсуждали. Оно введено прямо главнымъ комитетомъ опять таки въ угоду помѣщикамъ. Выраженное въ статьѣ 123 Мѣстнаго Великороссійскаго положенія и въ ст. 116 Малороссійскаго, это правило гласитъ слѣдующее: „въ случаѣ, если помѣщикъ, по добровольному соглашенію съ крестьянами... подарить обществу крестьянъ не менѣ одной четверти высшаго надѣла, то крестьяне могли отказаться отъ обязательнаго пользованія остальной частью своего надѣла, которая и поступаетъ затѣмъ въ полное распоряженіе помѣщика“.

Здѣсь надо упомянуть еще объ одномъ началѣ, суживающемъ права крестьянъ на надѣлъ. Еще въ губернскихъ комитетахъ проектировалось гарантировать помѣщикамъ оставленіе въ ихъ собственности извѣстной части земли. Норма этого количества земли, которое должно было непремѣнно остаться у помѣщика, опредѣлялась различно. Окончательно она была опредѣлена въ $\frac{1}{3}$. Другими словами, у помѣщика во

всякомъ случаѣ должно оставаться за надѣленіемъ крестьянъ не менѣе $\frac{1}{3}$ имѣнія. Впослѣдствіи это правило было еще расширено указаніемъ на то, что при опредѣленіи трети должно принимать въ расчетъ только удобную землю и даже еще только ту удобную землю, которая отстоитъ не далѣе 12 верстъ отъ надѣляемаго селенія. Если бы у помѣщика принадлежащая ему земля оказалась отстоящей далѣе 12 верстъ, она не должна быть включена въ опредѣленную треть остающейся у него земли.

Перейдемъ теперь къ обзорѣ началъ, принятыхъ положеніями при опредѣленіи повинностей, слѣдуемыхъ съ крестьянъ за отводимую имъ землю.

Въ самихъ первоначальныхъ предположеніяхъ, служившихъ основаніями для работъ редакціонныхъ комиссій, было уже допущено раздѣленіе этихъ повинностей, сообразно съ существовавшими во время крѣпостного права типами отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, на оброчныя и барщинныя. Въ рескриптахъ говорилось, что крестьяне, за предоставленную имъ землю, должны платить оброкъ или отбывать работу помѣщику.

Губернскіе комитеты предлагали разнообразныя системы для опредѣленія повинностей. Одни изъ нихъ полагали необходимымъ оставить существующія повинности, исходя изъ установившихся уже нормъ; другіе же, и притомъ большая часть, предлагали опредѣлить ихъ по новому основанію: соотвѣтственно цѣнности надѣла.

Редакціонныя комиссіи остановились на мысли объ опредѣленіи повинностей на основаніи существующихъ ихъ размѣровъ. Онѣ нашли, что при отсутствіи кадастра и, слѣдовательно, при неодолимыхъ трудностяхъ опредѣлить повинности по какому либо новому основанію—единственный путь опредѣлить ихъ въ данный моментъ—это принять за основаніе существующія ихъ нормы. При этомъ онѣ утѣшали себя довольно наивными соображеніями, которыя, конечно, стояли въ полномъ противорѣчій съ жизненными фактами. „Въ настоящее время“, говорили редакціонныя комиссіи, „надѣлъ крестьянъ землей, или, вѣрнѣе, вся совокупность выгодъ, которыми они пользуются отъ помѣщиковъ, соразмѣряются съ ихъ потребностями, повинности же, которыми они обложены,—съ ихъ средствами, и практика, сложившаяся у насъ подъ вліяніемъ закона и обычая, представляетъ какъ бы попытку, конечно, далеко не удовлетворительную, разрѣшить слѣдующую задачу: опредѣлить мѣру того *безобиднаго* (?) для крестьянина вознагражденія, котораго можетъ требовать помѣщикъ, на свой счетъ обез-

печивающій хозяйственный бытъ крестьянина“¹⁾. На этомъ основаніи комиссіи признали, что высшему въ каждой мѣстности размѣру надѣла соотвѣтствуетъ высшій, установленный на основаніи существующихъ повинностей, размѣръ оброка и барщины съ тѣмъ, чтобы съ уменьшеніемъ надѣла уменьшались и повинности.

Но указанное уменьшеніе повинностей съ уменьшеніемъ надѣла не должно, по мнѣнію комиссій, нашедшему себѣ выраженіе въ положеніяхъ 1861 года, производиться пропорціонально. Комиссіи почему-то считали, что равномерное обложеніе повинностью всѣхъ десятинъ крестьянскаго надѣла не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ выгодамъ, извлекаемымъ крестьянами изъ надѣльной земли. По мнѣнію комиссій, крестьянинъ, надѣленный одной десятиной на душу, извлекаетъ изъ нея все, что она можетъ дать; при надѣленіи же его второй десятиной, онъ изъ нея уже не можетъ извлечь всей выгоды, ибо онъ не въ состояніи употребить на нее столько же труда и оборотнаго капитала. По-видимому, комиссіи исходили изъ предположенія о томъ, что первыя десятины будутъ находиться ближе къ селенію и потребуютъ затраты меньшаго количества времени и труда на свою обработку. Конечно, такое предположеніе не имѣло сколько-нибудь вѣскихъ основаній. Но тѣмъ не менѣе оно было принято и послужило основаніемъ той градации повинностей, которая была установлена и при которой первая десятина надѣла облагалась неизмѣримо выше прочихъ.

Мы видѣли, что редакціонныя комиссіи уменьшили при послѣдующей выработкѣ положеній размѣръ высшаго надѣла, и въ то же время, уступая домогательствамъ депутатовъ отъ помѣщиковъ, онѣ возвысили оброкъ. Для черноземной полосы это возвышеніе опредѣлилось въ 1 рубль на десятину (было возвышено съ 8 рублей до 9 рублей). При послѣдующемъ пересмотрѣ проекта положеній въ главномъ комитетѣ высшій размѣръ надѣла былъ еще болѣе уменьшенъ, а повинности остались прежнія. Такимъ образомъ, какъ справедливо замѣчаетъ профессоръ И. И. Иванюковъ въ своемъ интересномъ и обстоятельномъ трудѣ: „Паденіе крѣпостного права въ Россіи“, при выработкѣ положеній 19 февраля прогрессивно шло и уменьшеніе высшихъ нормъ надѣловъ и возвышеніе платежей тѣхъ крестьянъ, которые не могли получить полного надѣла. А такихъ было громадное большинство.

1) Первое изданіе матеріаловъ, т. III, кн. 2, стр. 22.

ГЛАВА II.

Основанія надѣленія крѣпостныхъ крестьянъ въ Великороссійскихъ и Малорусскихъ губерніяхъ.—Мѣстныя положенія.—Основанія опредѣленія размѣровъ надѣла по Великороссійскому положенію.—Основанія исчисленія повинностей за надѣлъ по тому же положенію.—Формы землевладѣнія, установленныя по Великороссійскому положенію.—Особенности Мѣстнаго положенія для Малороссійскихъ губерній.

1.

Основанія надѣленія крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости и опредѣленія размѣровъ повинностей, слѣдующихъ съ нихъ за надѣлы, изложены въ такъ называемыхъ Мѣстныхъ положеніяхъ, вошедшихъ въ особое приложение къ IX тому свода законовъ.

Такихъ Мѣстныхъ положеній 19 февраля 1861 года было издано четыре.

Первое, называющееся „Мѣстнымъ положеніемъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ въ губерніяхъ Великороссійскихъ, Новороссійскихъ и Бѣлороссійскихъ“ или, какъ его принято называть для краткости, *Мѣстное Великороссійское положеніе* распространялось на большую часть крѣпостного населенія Европейской Россіи и опредѣляло земельное устройство крестьянъ *тридцати пяти* губерній: 1) *тридцати великороссійскихъ* (сѣверныя и сѣверо-восточныя губерніи: Вологодская, Вятская, Пермская, Уфимская и Оренбургская; центральныя: Московская, Калужская, Тульская, Рязанская, Пензенская, Орловская, Курская, Воронежская, Тамбовская и великорусская часть уѣздовъ Харьковской губ.; губерніи, расположенныя по теченію р. Волги: Тверская, Владимірская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Казанская, Симбирская, Саратовская, Самарская и Астраханская; сѣверо-западные губерніи: С.-Петербургская, Новгородская, Олонецкая, Смоленская, Псковская), 2) *трехъ новороссійскихъ* губерній: Екатеринославская, Таврическая и Херсонская, и 3) двухъ бѣлорусскихъ ¹⁾: Могилевская и часть Витебской.

¹⁾ На эти двѣ губерніи въ 1863 году были распространены „Правила о прекращеніи обязательныхъ отношеній крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ въ 9 западныхъ губерніяхъ“.

Мѣстное Великороссійское положеніе было также примѣнено съ нѣкоторыми измѣненіями къ Ставропольской губерніи, къ области Войска Донскаго и къ Сибири. Наряду съ Малороссійскимъ оно дѣйствовало и въ сѣверныхъ частяхъ Черниговской губерніи.

Второе положеніе—Малороссійское—распространялось на три губерніи и озаглавлено такъ: „Мѣстное положеніе о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ въ губерніяхъ малороссійскихъ: Черниговской, Полтавской и части Харьковской“.

Остальныя два Мѣстныхъ положенія, изданныя въ 1861 году 1) для губерній юго-западнаго края: Кіевской, Подольской и Волынской и 2) для сѣверо-западныхъ губерній: Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и части Витебской вскорѣ были приостановлены въ своемъ исполненіи, такъ какъ событія 1863 года въ Польшѣ совершенно измѣнили условія освобожденія крестьянъ въ этихъ мѣстностяхъ. Здѣсь освободительная реформа была произведена на особыхъ основаніяхъ, изданныхъ въ 1863 году и получившихъ названіе: „Правила о прекращеніи обязательныхъ отношеній крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ въ девяти западныхъ губерніяхъ“.

Такимъ образомъ, изъ Мѣстныхъ положеній, изданныхъ въ 1861 году, имѣютъ значеніе только два: Великороссійское и Малороссійское. Первое изъ нихъ, какъ обнимающее собой большую часть населенія Европейской Россіи, заслуживаетъ и преимущественнаго вниманія. Принятая въ немъ основанія мы изложимъ съ наибольшей подробностью, а затѣмъ остановимся на Малороссійскомъ положеніи лишь настолько, насколько они содержатъ въ себѣ особенности, отличающія ихъ отъ Великороссійскаго.

По Великороссійскому положенію право на надѣлъ имѣютъ сельскія общества, въ составѣ коихъ входятъ всѣ крестьяне, записанные за помѣщикомъ въ данномъ селеніи по десятой ревизіи, бывшей въ 1857 году (за исключеніемъ тѣхъ, которые были отпущены на волю законнымъ порядкомъ до обнародованія положеній 19 февраля 1861 года), а также и тѣ дворовые люди, которые до указа 2-го марта 1858 года ¹⁾ лично пользовались земельнымъ надѣломъ или, уже находясь у помѣщика въ услуженіи, не переставали пользоваться имъ, либо несли барщинную повинность при обработкѣ господскихъ полей.

Для опредѣленія размѣра надѣловъ всѣ перечисленныя губерніи, на которыя распространилось Великороссійское положеніе, были раз-

¹⁾ Указъ П. Сенату о мѣрахъ къ уменьшенію числа дворовыхъ людей.

дѣлены на три полосы: 1) нечерноземную, 2) черноземную, и 3) степную, съ перечисленіемъ уѣздовъ и губерній, которыя входятъ въ ту или другую полосу.

Первыя двѣ полосы дѣлятся по размѣру надѣла на *мѣстности*: нечерноземная полоса раздѣлена на девять мѣстностей, а черноземная—на восемь. Для каждой мѣстности законъ устанавливаетъ размѣръ высшаго и низшаго надѣла. Въ нечерноземной полосѣ размѣръ высшаго надѣла колеблется отъ 3-хъ до 7 десятинъ на душу, въ черноземной отъ 2-хъ десятинъ 1800 кв. саж. до 6 десятинъ. Низшій надѣлъ опредѣляется математически точно въ одну треть высшаго ¹⁾, т. е. колеблется между одной десятиной и 2 дес. 800 кв. саж. въ нечерноземной полосѣ и между 2200 кв. саж. и 2 дес. въ черноземной.

Третья степная полоса раздѣлена на двѣнадцать мѣстностей. Въ ней нѣтъ высшаго и низшаго надѣла, а устанавливается одинъ *указный* надѣлъ, отъ 3-хъ до 12 десятинъ. Отсутствие здѣсь высшаго и низшаго надѣла объясняется многоземельностью этой полосы; въ ней не предвидѣлась невозможность надѣленія крестьянъ полнымъ надѣломъ. Даже наоборотъ, такое надѣленіе, не стѣсняющее крестьянъ и не превышающее существующихъ надѣловъ, было весьма выгодно помѣщикамъ этой полосы, заинтересованнымъ въ большихъ повинностяхъ, которыя должны были платить крестьяне за сравнительно большіе надѣлы.

Положеніе представляетъ широкій просторъ полюбовнымъ соглашеніямъ крестьянъ съ помѣщиками относительно размѣра надѣла. Но безъ такого соглашенія оно воспрещаетъ помѣщику отнимать у крестьянъ существующій надѣлъ, находившійся въ ихъ пользованіи до обнародованія положенія, если только онъ не превышаетъ высшаго размѣра. Въ томъ же случаѣ, когда надѣлъ крестьянъ превышаетъ высшій размѣръ, помѣщикъ имѣетъ право требовать отрѣзки себѣ лишняго количества земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ и крестьяне двухъ этихъ полосъ лишены права требовать себѣ прирѣзки земли, если въ ихъ пользованіи находится не менѣе низшаго размѣра. Слѣдовательно, они должны довольствоваться имѣющимся у нихъ надѣломъ, если онъ равняется или превышаетъ размѣръ, колеблющійся для разныхъ мѣстностей между 2200 кв. саж. и 2 дес. 800 кв. саж. на душу. Такимъ образомъ, многіе крестьяне, напримѣръ, первой мѣстности черноземной полосы, въ которую входятъ всѣ уѣзды Курской губерніи и часть

¹⁾ Размѣры надѣловъ Мѣстн. Великоросс. положенія помѣщены въ приложеніи къ ст. 15. а Мѣстн. Малоросс. полож.—къ ст. 9.

уѣздовъ Рязанской, Тульской и Пензенской губ., должны были довольствоваться надѣлами въ 2200 кв. саж. на душу и не могли требовать большаго. Только если надѣлъ ихъ не достигалъ этого размѣра, они могли требовать прирѣзки изъ помѣщичьихъ земель до указаннаго минимальнаго размѣра. Крестьяне въ этихъ первыхъ двухъ мѣстностяхъ получали во владѣніе существующій надѣлъ при двухъ условіяхъ: 1) если онъ не выше высшаго и не ниже низшаго, и 2) если у помѣщика по надѣленіи крестьянъ останется не меньше $\frac{1}{3}$ имѣнія. Если у крестьянъ больше низшаго надѣла, а у помѣщика за оставленіемъ имѣющагося въ рукахъ крестьянъ надѣла окажется меньше $\frac{1}{3}$ имѣнія, то онъ можетъ требовать отрѣзки у крестьянъ въ свою пользу. Онъ лишается этого права, когда у крестьянъ остается только низшій надѣлъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ у крестьянъ воспрещалось отрѣзывать землю, хотя бы у помѣщика оставалось меньше $\frac{1}{3}$ имѣнія.

Въ третьей, степной полосѣ, помѣщики, согласно положенію, обязаны были при отсутствіи добровольнаго соглашенія съ крестьянами надѣлать ихъ по *указной* нормѣ надѣла и освобождались отъ этой обязанности только въ томъ случаѣ, если за отводомъ указнаго надѣла у нихъ оставалось менѣе *половины* имѣнія. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ они обязаны были отвести столько, сколько могли, оставивъ себѣ половину имѣнія.

Повинности за надѣлъ крестьяне должны были платить въ первое время оброкомъ или барщиной, въ зависимости отъ того, какъ они отбывали ихъ до освобожденія. Но переходить отъ оброка на барщину они не были обязаны. Помѣщикъ не имѣлъ права требовать такого перехода. При несогласіи крестьянъ на барщину они могли прекратить ее, но не ранѣе какъ по истеченіи двухъ лѣтъ со дня утвержденія положенія 19 февраля. По прошествіи же этого срока имъ разрѣшалось перейти на оброкъ. Въ виду такихъ правъ крестьянъ, мировые посредники, при опредѣленіи размѣра отводимыхъ надѣловъ, обязаны были и для барщинныхъ крестьянъ устанавливать въ уставной грамотѣ размѣръ повинностей не только рабочими днями, но также и деньгами, имѣя въ виду возможный въ будущемъ переходъ ихъ на оброкъ.

По Великороссійскому положенію душевой денежный оброкъ, приуроченный къ высшему или къ указному надѣлу, опредѣлялся слѣдующимъ образомъ. Крестьяне за каждый высшій или указный надѣлъ должны были платить: 1) для имѣній, отстоящихъ не далѣе 25 верстъ отъ Петербурга, 12 рублей; 2) для остальныхъ имѣній Петербургской губерніи, для Московской, Ярославской и нѣкоторыхъ уѣздовъ Влади-

мирской и Нижегородской губерній—10 рублей, 3) для Витебской, Вятской, Могилевской, Олонецкой и нѣкоторыхъ уѣздовъ Казанской, Орловской, Пензенской, Псковской, Смоленской и Тамбовской губерній—8 рублей, и 4) для всѣхъ прочихъ губерній, на которыя было распространено Великороссійское положеніе,—9 рублей. Этотъ высокій размѣръ оброка становился еще болѣе обременительнымъ отъ непропорціональности его раскладки въ томъ случаѣ, когда крестьяне получали меньшій противъ высшаго надѣлъ.

Мы видѣли, что при тѣхъ началахъ, которыя приняты положеніемъ и по которымъ размѣръ новаго надѣленія опредѣлялся въ зависимости отъ существовавшаго, крестьяне въ очень и очень рѣдкихъ случаяхъ могли получить высшій надѣлъ. Въ громадномъ же большинствѣ случаевъ они получали надѣлъ ниже высшаго и, казалось бы, должны были быть обложены соотвѣтственно меньшимъ оброкомъ. Но положеніе приняло для такого уменьшенія, какъ мы уже видѣли, совершенно несправедливую (за то, правда, очень выгодную для помѣщиковъ) систему большаго обложения первой и второй десятины, отходящей къ крестьянамъ земли. Первая десятина надѣла облагалась половиной душевого оброка, вторая—четвертью оброка, и только всѣ десятины остальной части высшаго душевого надѣла облагались равномерно: на нихъ поровну раскладывалась послѣдняя четверть душевого оброка. Такимъ образомъ, напримѣръ, крестьяне Костромской губерніи, гдѣ высшій надѣлъ былъ установленъ въ 6 десятинъ на душу ¹⁾, должны были платить за него 9 рублей, а за надѣлъ въ 2 десятины, являющийся низшимъ—6 рублей 75 коп. (первая десятина—4 рубля 50 коп., вторая—2 рубля 25 коп.), причемъ каждая десятина сверхъ первыхъ двухъ оплачивалась уже сравнительно малымъ оброкомъ, всего въ 56¹/₄ коп. Очевидно, такое неправильное распредѣленіе оброка способствовало стремленію помѣщика отнюдь не увеличивать существующихъ надѣловъ до высшаго, такъ какъ онъ не получалъ никакой выгоды отъ предоставленія крестьянамъ лишняго количества земли. Съ другой стороны, очевидно, что и безъ того высокій уровень оброка, принятый положеніемъ, дѣлался совершенно непомѣрнымъ и несообразнымъ съ дѣйствительной доходностью земли при маломъ, низшемъ надѣлѣ. Вотъ почему правы тѣ изслѣдователи положенія крестьянъ, которые утверждаютъ, что помѣщики путемъ оброка, а затѣмъ выкупа, получили не только доходъ, а потомъ и стоимость земли, но и выкупъ

¹⁾ Для слѣдующихъ уѣздовъ: Варнавинскаго, Ветлужскаго, Кологривскаго, Макарьевского, Солигаличскаго и Чухломскаго.

за личный трудъ крестьянина. Они получили этотъ выкупъ при оплатѣ первыхъ двухъ десятинъ надѣла.

При опредѣленіи барщинной повинности за отводимый надѣлъ положенія приняли одну норму: за высшій надѣлъ въ обѣихъ полосахъ, черноземной и нечерноземной, и за указныя, въ степной, полагалось съ души въ годъ помѣщику сорокъ мужскихъ и тридцать женскихъ рабочихъ дней. Число дней соотвѣтственно уменьшалось при надѣлѣ, не достигающемъ высшаго или указнаго, но также, какъ и оброкъ, не пропорціонально, а по особой таблицѣ, по которой первыя двѣ десятины облагались почти ³/₄ барщины, слѣдуемой за высшій надѣлъ.

Для опредѣленія количества работы, которое въ теченіе дня должно быть исполнено въ счетъ повинности работникомъ и работницей, для каждой губерніи составлялось „урочное положеніе“. Оно примѣнялось только въ томъ случаѣ, когда этого требовали или крестьяне или помѣщики. Въ это положеніе входили болѣе или менѣе извѣстныя, опредѣленныя работы, какъ, напримѣръ, распашка, бороньба, посѣвъ и уборка хлѣбовъ, косьба, молотьба и т. д. Работы, непоименованныя въ урочномъ положеніи, производились безъ уроковъ, причемъ рабочий день не долженъ былъ превышать лѣтомъ 12, а зимой—9 часовъ сплошной работы, не включая сюда времени для отдыха и на переходъ къ мѣсту работы.

Надо замѣтить, что при такомъ высокомъ размѣрѣ оброчныхъ и издѣльныхъ повинностей многіе крестьяне должны были тяготиться полученнымъ надѣломъ.

Ко всему вышеизложенному необходимо еще прибавить, что полученіе надѣла было обязательнымъ для крестьянъ: „Въ теченіи“, гласитъ 120 статья, „первыхъ десяти лѣтъ, со времени утвержденія сего положенія, считая съ 19 февраля 1861 года, крестьяне обязывались держать въ своемъ пользованіи, за установленныя въ пользу помѣщика повинности, отведенную имъ мірскую землю, и могли отказаться отъ нея лишь съ соблюденіемъ условій, изложенныхъ въ нижеслѣдующихъ статьяхъ“. Что это за статьи, мы сейчасъ увидимъ; здѣсь же отмѣтимъ, что согласно приведенной 120 ст. Мѣстн. Великоросс. положенія отказаться отъ пользованія землей и отъ отбыванія установленныхъ за нее повинностей крестьяне не имѣли права ¹⁾. Общество могло по добровольному соглашенію съ помѣщикомъ отказаться отъ части земли

¹⁾ Это начало принудительности принатія надѣла принято и въ Малороссійскомъ положеніи (статья 109).

въ первыя девять лѣтъ со дня утвержденія положенія только въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если мірской надѣль превышалъ половину высшаго или указанного, то общество могло отказаться отъ этого превышающаго половину количества; 2) если общество приобрѣло въ свою собственность часть мірской земли, однако, не меньшую, чѣмъ треть высшаго или указаго надѣла, то отъ остальной части оно могло отказаться навсегда, и 3) если помѣщикъ дарилъ обществу часть надѣла не менѣе четверти высшаго (это такъ называемый „дарственный“, „четвертной“, „нищенскій“ надѣль), то отъ остальной земли оно могло отказаться. По прошествіи же девяти лѣтъ эти ограниченія отпадали, и общество могло отказаться отъ какой угодно части находившейся въ его пользованіи земли, которая „немедленно и окончательно присоединяется къ господскимъ угодьямъ“ (ст. 134).

Первоначально вышедшіе изъ крѣпостной зависимости (временно-обязанные) крестьяне имѣли право только на выкупъ усадебной осѣлости, тогда какъ приобретене въ собственность полевыхъ земель и другихъ угодій допускалось не иначе, какъ съ согласія помѣщика; помѣщики же имѣли право требовать отъ крестьянъ выкупа этихъ земель и безъ ихъ на то согласія. Только указомъ 28 декабря 1881 г. выкупъ всего надѣла сталъ обязательнымъ для крестьянъ и помѣщиковъ, и всѣ крестьяне, оставшіеся до 1882 года во временно-обязанныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ, были переведены съ оброчной и издѣльной повинности на выкупные платежи и причислены съ 1 января 1883 года къ разряду крестьянъ-собственниковъ. Исключеніе, какъ уже упоминалось, составляютъ 9 западныхъ губерній, гдѣ выкупъ былъ сдѣланъ обязательнымъ еще въ 1863 году.

Для приведенія въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, были изданы особыя правила.

Въ нихъ опредѣлялись права, приобретенныя крестьянами по обнародованіи положеній и отношенія ихъ къ помѣщикамъ до учрежденія волостей и до введенія въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ, а также порядокъ составленія послѣднихъ. Уставныя грамоты опредѣляли постоянныя земельныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ. Въ нихъ заносился надѣль и размѣръ повинностей въ пользу помѣщика. Онѣ должны были быть составлены по добровольному соглашенію сторонъ и введены въ дѣйствіе въ теченіе двухъ лѣтъ со дня утвержденія положенія, т. е. не позже 19 февраля 1863 года.

Уставныя грамоты служили основаніемъ для составленія *выкупныхъ актовъ* при переходѣ крестьянъ на выкупъ. Выкупные акты составлялись помѣщиками по соглашенію съ крестьянами и провѣря-

лись мировыми посредниками, затѣмъ они представлялись въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, которое входило въ разсмотрѣніе ихъ по существу и если находило, что они составлены правильно, представляло ихъ въ главное выкупное учрежденіе, а послѣ упраздненія этого послѣдняго въ департаментъ окладныхъ сборовъ Министерства финансовъ, къ которому перешли права и обязанности главнаго выкупного учрежденія. Главное выкупное учрежденіе, а впослѣдствіи и департаментъ окладныхъ сборовъ, послѣ новаго разсмотрѣнія выкупного акта и удостовѣренія въ правильности расчетовъ по выкупной ссудѣ, разрѣшилъ послѣднюю, возвращая дѣло въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, которое обязано было снестись со старшимъ нотаріусомъ для выдачи крестьянскимъ обществамъ *данной* и для отмѣтки ея въ крѣпостномъ реестрѣ. Выдачей *данной* завершалось поземельное устройство бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Ихъ право собственности на землю обезпечивалось крѣпостнымъ актомъ—*данной* и ограждалось общими постановленіями гражданскихъ законовъ. Моментъ выдачи *данной* является моментомъ приобретенія крестьянами права собственности на землю. *Данная* представляется актомъ, коимъ окончательно и навсегда укрѣпляется за крестьянами право собственности на ихъ надѣльные земли. Она есть послѣдній окончательный актъ земельного устройства крестьянъ (рѣш. гр. касс. деп. Сен. 1887 г. № 33, 1896 г. № 119).

2.

Разсматривая Мѣстное Великороссійское положеніе съ точки зрѣнія формъ землевладѣнія, мы должны прежде всего обратить вниманіе на крайнюю скудость опредѣленія закономъ какъ юридическихъ признаковъ той или другой формы земельныхъ отношеній, такъ и юридическихъ послѣдствій, вытекающихъ изъ извѣстной конструкціи той или иной формы землевладѣнія. Въ виду этого намъ необходимо подробно ознакомиться съ указанными опредѣленіями закона и тѣми мотивами къ нему, которые мы можемъ извлечь изъ матеріаловъ редакціонныхъ комиссій.

Прежде всего намъ приходится констатировать, что въ положеніяхъ и въ мотивахъ къ нимъ мы совсѣмъ не встрѣчаемся съ индивидуалистической конструкціей правъ на землю, которая должна была бы господствовать, если бы составители положенія 19 февраля желали примѣнить къ надѣльному землевладѣнію крестьянъ начала общегражданскаго кодекса. Къ примѣненію и разработкѣ этихъ началъ въ отношеніи нарождавшагося землевладѣнія составители положеній всегда относи-

лись отрицательно, исходя при этомъ изъ существовавшихъ въ дѣйствительности и очень отличавшихся отъ нихъ земельно-правовыхъ отношеній крестьянъ. Внимательное изученіе матеріаловъ редакціонныхъ комиссій приводитъ къ заключенію, что у составителей положенія было желаніе примѣнить нормы 1 части X тома къ крестьянской землѣ, но что вмѣстѣ съ тѣмъ всякій разъ, когда дѣло переходило на практическую почву, когда оно вызывалось даннымъ конкретнымъ явленіемъ изъ области земельныхъ отношеній, — они ясно сознавали всю невозможность такого примѣненія. Вѣроятно, этой непримѣнимостью общегражданскихъ нормъ къ крестьянскому землевладѣнію и желаніемъ сохранить установившіяся обычно-правовыя его формы, предоставить имъ свободу для дальнейшей эволюціи и объясняется скудость точныхъ законодательныхъ опредѣленій указанныхъ формъ землевладѣнія. Болѣе подробными, болѣе опредѣленными нормами составители положеній боялись стѣснить свободу самоопредѣленія крестьянъ, боялись стѣснить свободу будущей эволюціи, направленія которой они не знали и не желали предрѣшать. Вслѣдствіе такого незнанія они вводили въ положенія неопредѣленныя общія нормы въ надеждѣ, что сама жизнь разовьетъ ихъ въ будущемъ и волеетъ въ нихъ нужное содержаніе.

Изучая Мѣстное Великороссійское положеніе со стороны формъ землевладѣнія, мы должны коснуться двухъ коллективныхъ союзовъ: 1) общины, и 2) семьи, общиннаго и семейнаго „владѣнія“. Мы говоримъ „владѣнія“ потому, что Мѣстное положеніе не знаетъ „собственности“ крестьянъ на землю и, нормируя ихъ отношенія въ этой области до перехода на выкупъ, имѣетъ въ виду только владѣніе, которое оно называетъ „потомственнымъ пользованіемъ“.

Еще въ Высочайше преподанныхъ началахъ¹⁾ крестьянской реформы мы встрѣчаемъ указаніе на общинное владѣніе. Въ 3 пунктѣ этихъ началъ говорится, что сельскія общества должны тамъ, гдѣ *по народному обычаю* существуетъ общинное пользованіе, завѣдывать угодіями, состоящими въ такомъ общинномъ пользованіи.

Въ первыхъ же засѣданіяхъ общаго присутствія редакціонныхъ комиссій, въ которыхъ обсуждались указанные уже нами раньше основныя мысли предсѣдателя комиссіи графа Ростовцева, было единогласно принято принципиальное положеніе (девятое), гласящее, что „вопросъ объ общинномъ и личномъ владѣніи землями, которыя будутъ выкуплены, долженъ быть рѣшенъ согласно особенностямъ каждой мѣстности, а въ дальнейшемъ своемъ развитіи предоставленъ естественному

ходу вещей. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ удерживаться отъ стремленія разрѣшить этотъ вопросъ принудительными правительственными мѣрами¹⁾.

Губернскіе комитеты высказались различно по вопросу объ общинномъ землевладѣніи. Мнѣнія ихъ можно раздѣлить на три группы: первая группа признала необходимымъ сохранить общинное землевладѣніе, вторая — отвергла его и устанавливала подворное, третья — ставила разрѣшеніе этого вопроса въ зависимость отъ того, какъ отводится крестьянамъ въ моментъ надѣленія земля, на основаніи ли общиннаго права или каждому семейству отдѣльно. При этомъ одни комитеты третьей группы полагали предоставить рѣшеніе вопроса о формѣ землевладѣнія въ моментъ надѣленія помѣщику, а другіе сельскому обществу. Интересно отмѣтить, что защитниками общины являлись губернскіе комитеты тѣхъ губерній, въ которыхъ фактически преобладало общинное землевладѣніе. Въ этомъ смыслѣ высказались комитеты: Нижегородскій, Костромской, Вятскій, Тамбовскій, Саратовскій, Ярославскій, большинство Симбирскаго, Владимірскаго и Рязанскаго. Противниками общины являлись комитеты тѣхъ губерній, въ которыхъ общиннаго владѣнія не было, или оно встрѣчалось какъ исключеніе: Черниговскій, Полтавскій и Минскій. Среднее мнѣніе, предоставляющее выборъ формы землевладѣнія помѣщику или обществу, высказывалось преимущественно въ губерніяхъ со смѣшаннымъ землевладѣніемъ или съ той формой общиннаго владѣнія, которая удачно названа Качоровскимъ „мертвой общиной“: Витебской, Псковской, Новгородской, Тверской, Петербургской. Такимъ образомъ, большинство противниковъ общины исходило изъ факта сложившихся путемъ обычая земельныхъ отношеній данной мѣстности и вовсе не обобщали своихъ воззрѣній какъ такихъ, которыя должны быть приняты для всей Россіи. Такъ, напримѣръ, Минскій комитетъ прямо заявляетъ, что въ губерніи „доселѣ хозяйственная община не существовала“, вводить же ее, по мнѣнію комитета, неудобно. При этомъ комитетъ даже высказываетъ и свой принципиальный взглядъ, что, по его мнѣнію, „личное владѣніе есть лучшая форма экономического быта“.

Исключеніемъ въ этомъ положительномъ или отрицательномъ отношеніи къ вопросу объ общинномъ владѣніи, основанномъ только на фактѣ существованія или отсутствія его въ данной мѣстности, представляютъ собой мнѣнія Воронежскаго губернскаго комитета и мень-

¹⁾ Первое изданіе матеріаловъ ред. комиссій, часть 1, стр. 5.

¹⁾ Высочайшее повелѣніе объ основаніяхъ, которыя должны служить руководствомъ при разсмотрѣніи проектовъ положеній губернскихъ комитетовъ, 4 декабря 1858 года.

шинства Симбирскаго, которые объявляют себя противниками общины по соображеніямъ общаго характера. Воронежскій комитетъ, напримѣръ, заявляетъ, что только то владѣніе даетъ полезное направленіе труду, гдѣ человѣкъ пользуется имъ отдѣльно и работаетъ на самого себя; гдѣ же введено общинное владѣніе, тамъ являются тунеядцы и мірошды. Меньшинство Симбирскаго комитета говоритъ, что цѣлью общиннаго владѣнія является не огражденіе крестьянъ отъ батрачества, что оно вытекаетъ изъ фальшиваго убѣжденія, будто бы для помѣщиковъ было бы затруднительно имѣть дѣло съ отдѣльными личностями и будто бы только круговое ручательство всего общества можетъ спасти ихъ отъ недоимокъ; между тѣмъ, въ дѣйствительности бываетъ наоборотъ: накопленіе недоимокъ гораздо легче предотвратить при „семейномъ“ надѣленіи. Здѣсь, съ одной стороны, мы встрѣчаемся съ противоположеніемъ, съ которымъ намъ нерѣдко придется встрѣчаться, общинному землевладѣнію — землевладѣнію не личнаго, индивидуальнаго, а посемейнаго. Съ другой стороны, встрѣчаемся съ возраженіями противъ общины, исходящими не изъ заботы объ интересахъ крестьянъ, а изъ соображеній о лучшемъ обезпеченіи интересовъ помѣщиковъ.

Мы видѣли выше, что большинство губернскихъ комитетовъ высказалось за сохраненіе общины. Они заявили, что, высказывая свое мнѣніе, они „руководствовались существующими издавна обычаями, сохраненіе которыхъ признаютъ весьма важнымъ“. Тѣ же немногіе изъ этихъ комитетовъ (напр., Владимірскій), признававшіе хозяйственную выгоду личной собственности, полагаютъ, что крутой переходъ отъ существующей формы владѣнія землей, связанной со столь многими существенными условіями крестьянскаго хозяйства, не только неудобенъ, но и невозможенъ, особенно для полевой земли. Они заявляютъ, что измѣненіе издавна утвердившагося обычая, измѣненіе, къ коему крестьяне не обнаруживаютъ наклонности, было бы противно цѣли улучшенія ихъ быта. Напротивъ, сохраненіе этого кореннаго обычая русскаго сельскаго быта, съ устраненіемъ только одного его неудобства — частыхъ передѣловъ земли, прямо ведетъ къ улучшенію. Только опытъ будущаго, говорятъ они, можетъ показать, должно ли общинное землевладѣніе удержаться навсегда, какъ необходимая и разумная форма сельскаго быта или перейти въ форму личной собственности. Поэтому члены комитета, проектируя предоставленіе надѣла въ „общинную“ собственность крестьянъ и вполнѣ понимая всю важность вопроса объ общинномъ и личномъ землевладѣніи, какъ вопроса не частнаго, а обще-народнаго и госу-

дарственнаго, полагаетъ, что, по крайней мѣрѣ, въ теченіе 50 лѣтъ общинное владѣніе должно остаться неприкосновеннымъ ¹⁾. Ростовцевъ, первый предсѣдатель редакціонныхъ комиссій, сразу понялъ главный источникъ нападокъ на общину со стороны комитетовъ тѣхъ губерній, въ которыхъ она была преимущественной формой землевладѣнія. Онъ сразу усмотрѣлъ желаніе помѣщика лучше обезпечить исправное поступленіе повинностей и игнорированіе въ этихъ нападкахъ, выраженнаго уже правительствомъ начала огражденія личности крестьянина отъ непосредственнаго вліянія помѣщика, противопоставивъ послѣднему не каждаго крестьянина въ отдѣльности, а все сельское общество. Поэтому на соображенія меньшинства Симбирскаго комитета, требовавшаго уничтоженія общины, онъ замѣчаетъ: „Вѣроятно, въ частномъ владѣніи земель, при которомъ земля неисправнаго плательщика могла бы быть тотчасъ продана на удовлетвореніе его долга, проектъ ищетъ себѣ гарантій въ уплатѣ повинностей. Но правительство, имѣя въ виду еще нерѣшенный вопросъ о преимуществѣ того и другого способа владѣнія землей (т. е. общиннаго или частнаго) должно предоставить это дѣло историческому его ходу, а не замѣнять насильственно существующаго въ Россіи способа владѣнія землей другимъ. Во всякомъ случаѣ, добавляетъ онъ, этотъ вопросъ до интересовъ помѣщиковъ не относится“.

Интересно здѣсь привести, какъ образчикъ узкости взглядовъ втораго предсѣдателя редакціонныхъ комиссій, графа Панина, мнѣніе его о передѣлахъ. Обсуждая столь сложный и важный для интересовъ народа вопросъ, связанный съ общиннымъ владѣніемъ, вопросъ объ ограниченіи передѣловъ, онъ высказалъ, что послѣдніе должны быть допущены, ибо „они необходимы при большихъ рекрутскихъ наборахъ“.

Редакціонныя комиссіи, обсуждая болѣе основательно этотъ вопросъ, приняли докладъ хозяйственнаго отдѣленія комиссіи, на которомъ несомнѣнно отразились взгляды на общину, выражавшіеся въ литературѣ того времени. Докладъ этотъ легъ въ основаніе дѣйствующихъ статей Мѣстнаго Великороссійскаго положенія, и для правильнаго ихъ толкованія, для вывода изъ нихъ тѣхъ или другихъ юридическихъ началъ въ высшей степени важно познакомиться съ его содержаніемъ.

„Тяжба между двумя формами владѣнія, говоритъ докладъ, продолжается такъ давно, относительныя выгоды той и другой были такъ громко и многократно заявляемы литературой, и въ теченіе послѣдняго времени подвергались такому тщательному и всестороннему раз-

¹⁾ Первое изд. матеріаловъ ред. комиссій, т. 11, докладъ хозяйственнаго отдѣленія № 8, КРЕСТЬЯНСКОЕ ПРАВО.

смотрѣнію со стороны губернскихъ комитетовъ, что хозяйственное отдѣленіе считаетъ нужнымъ только подвести окончательные итоги подъ общую сумму имѣющихся данныхъ, приложивъ къ своимъ предположеніямъ конечный результатъ совокупной работы мысли литературной, общественной и правительственной“.

Затѣмъ докладъ проводить довольно произвольное и не совсѣмъ ясное раздѣленіе между разверстаніемъ земли и передѣлами. Докладъ считаетъ, будто бы для большей ясности необходимо оговорить, что въ „такъ называемомъ общинномъ пользованіи“ онъ отдѣляетъ два существенно независимыхъ (?) другъ отъ друга явленія: разверстку земель (а вмѣстѣ съ этимъ и повинностей) между членами крестьянскаго общества самимъ обществомъ и земельные передѣлы. Такое раздѣленіе основывается на томъ „несомнѣнномъ наблюденіи, что для полноты общинной жизни вовсе не необходимо единовременное дѣйствіе обоихъ началъ: община можетъ существовать, и во множествѣ мѣстностей дѣйствительно существуетъ безъ періодическихъ передѣловъ земли“. Передѣлы представляются въ общинномъ быту лишь второстепеннымъ явленіемъ, одною изъ первыхъ ступеней въ развитіи этого „учрежденія“, формою постепенно отпадающей по мѣрѣ сгущенія народонаселенія, возвышенія земельной цѣнности или приложенія къ почвѣ болѣе упорнаго труда.

Обращаясь къ общинному владѣнію, какъ, разверсткѣ земель между членами общества самимъ обществомъ, хозяйственное отдѣленіе указываетъ на то, что въ губернскихъ комитетахъ не только отразились всѣ безъ изыятія возрѣнія на этотъ предметъ, господствовавшія въ литературѣ, но еще, сверхъ того, въ огромномъ большинствѣ ихъ положительно высказывался тотъ общій взглядъ, который можетъ считаться окончательнымъ результатомъ литературной разработки этого вопроса: признаніе общиннаго быта первостепеннымъ и несомнѣнно историческимъ фактомъ и могущественнымъ для начала орудіемъ для обезпеченія повинностей и упроченія крестьянской самостоятельности; вмѣстѣ съ тѣмъ, требовалось предоставленія общинѣ законнаго пути къ естественному, лишь внутренней необходимостью вызванному, разложенію ея на случай, если бы въ послѣдствіи обнаружилось ея несоотвѣтствіе требованіямъ обновленнаго экономического быта. При этомъ, большая часть комитетовъ обставляетъ возможное разложеніе общины нѣкоторыми необходимыми ограниченіями, обуславливая его согласіемъ всего крестьянскаго общества или, по крайней мѣрѣ, двухъ третей его. Даже два малороссійскихъ комитета: Полтавскій и Черниговскій болѣе или менѣе ясно устана-

вливаетъ разверстку угодій обществомъ и круговою порукою послѣдняго въ отпращиваніи повинностей.

Высказываясь въ общемъ за сохраненіе общественной разверстки земель, хозяйственное отдѣленіе порицаетъ передѣлы, какъ „лотерею“, которая отнимаетъ у трудолюбивыхъ крестьянъ плоды ихъ трудовъ. Но и тутъ оно замѣчаетъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Россіи, преимущественно степныхъ, неудобства предотвращаются крайнимъ и лишь медленно истощающимся плодородіемъ земли и что во многихъ мѣстностяхъ обычай передѣловъ такъ глубоко вкоренился въ народныхъ привычкахъ, что одной буквы закона было бы недостаточно для истребленія зла, и безусловное требованіе закона не передѣлать землю могло бы показаться слишкомъ стѣснительнымъ для крестьянскаго хозяйства. Поэтому, находя невозможнымъ воспретить передѣлы, докладъ предлагаетъ ограничить ихъ требованіемъ согласія ⁹/₁₀ домохозяевъ.

Изложеніе взглядовъ принятаго редакціонными комиссіями доклада показываетъ намъ, что вопросъ объ общинѣ былъ поднятъ въ комиссіяхъ, которыя были ознакомлены и со взглядами литературы на этотъ вопросъ. Но недостаточность изслѣдованія объ общинѣ и вообще объ условіяхъ крестьянскаго хозяйства отразилась на положеніяхъ доклада. Насколько можно понять устанавливаемое различіе между разверсткой земли и передѣлами сводится къ разницѣ между коренными передѣлами и передѣлами-пережеребьевками: первые измѣняютъ количество земли въ каждомъ дворѣ въ зависимости отъ принятаго для передѣла основанія; вторые—измѣняютъ только въ натурѣ мѣстонахожденія полосъ, отводимыхъ тому или другому домохозяину.

На основаніи высказанныхъ предположеній былъ составленъ проектъ закона о порядкѣ пользованія надѣлами, который съ нѣкоторыми измѣненіями и включенъ затѣмъ въ Мѣстное Великороссійское положеніе. Последнее всюду установило общинное пользованіе за исключеніемъ новороссійскихъ губерній (Екатеринославской, Таврической, Херсонской) и бѣлорусскихъ (Витебской и Могилевской).

Въ новороссійскихъ губерніяхъ, въ такъ называемой степной полосѣ, редакціонныя комиссіи не рѣшались ввести всюду общинное владѣніе въ виду мѣстныхъ особенностей этого края, приближающихъ его къ малороссійскимъ губерніямъ съ характернымъ для нихъ участковымъ, семейнымъ землевладѣніемъ.

Для правильнаго пониманія и толкованія нормъ, выработанныхъ въ Мѣстномъ Великороссійскомъ положеніи, рѣшающее значеніе имѣютъ тѣ мотивы, которые легли въ основу этихъ нормъ и которые даютъ

имъ полное содержаніе. Въ этомъ отношеніи большое значеніе имѣютъ для насъ соображенія редакціонныхъ комиссій, помѣщенные въ VI томѣ матеріаловъ, въ дополненіе къ докладамъ хозяйственнаго отдѣленія. Они являются комментариемъ къ соответствующимъ статьямъ Мѣстнаго Великороссійскаго положенія, относящимся къ новороссійскимъ губерніямъ. Сводя отзывы губернскихъ комитетовъ этихъ губерній и имѣющіяся въ ихъ распоряженіи статистическія данныя, редакціонныя комиссіи заявляютъ, что сельскій бытъ Новороссійскаго края сходствуеъ съ Малороссійскимъ по одноплеменности главнѣйшей части населенія и *единству обычаевъ*, выразившихся, между прочимъ, въ дробной дѣлимости семействъ. Но, съ другой стороны, край этотъ рѣзко отличается обширностью земель и недавностью заселенія и представляетъ совершенно юное общество, въ которомъ не установился еще прочный экономическій порядокъ. Въ большей части края удерживается, по словамъ составителей положенія, еще залежная или переложная система полеводства, по которой земля засѣвается сряду нѣсколько лѣтъ, а потомъ оставляется настолько же или большее число лѣтъ на отдыхъ, подъ пастбище. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ утвердилось уже четырехпольное хозяйство, въ которомъ два поля засѣваются и два остаются подъ паромъ и пастбищемъ, и даже трехпольное.

Это свидѣтельство о состояніи полеводства въ шестидесятые годы въ новороссійскихъ губерніяхъ для насъ цѣнно для сравненія его съ нынѣшнимъ состояніемъ крестьянскаго хозяйства въ краѣ, извѣстнаго изъ земскихъ статистическихъ изслѣдованій.

Пользованіе крестьянской землей, говоритъ докладъ, устроено чрезвычайно разнообразно. Въ значительной части имѣній удерживается еще первобытное общее пользованіе, свойственное всѣмъ тѣмъ странамъ, гдѣ земля цѣнится низко. Система такого неограниченнаго пользованія въ болѣе населенныхъ мѣстахъ переходитъ или въ великороссійское устройство или въ малороссійскіе семейные участки. При семейномъ надѣленіи иногда различаются разряды крестьянъ тяглыхъ и пѣшихъ, какъ въ Малороссіи, иногда, наоборотъ, земля раздѣляется семействамъ по числу душъ. Въ этомъ краѣ, говоритъ докладъ, не только не развилась безземельность крестьянъ, какъ въ Малороссіи, но даже большая часть семействъ, записанныхъ по ревизіи дворовыми, болѣе или менѣе надѣлены землей. Относительно распредѣленія той и другой формы землевладѣнія въ Екатеринославской губерніи, гдѣ пользованіе землей показано точнѣе, даютъ нѣкоторое представленіе слѣдующія цифры: изъ описанныхъ 402 имѣній семейное пользованіе показано въ 214, а мірское въ 118. Можно предположить, говоритъ

дальше докладъ, что племенное влеченіе малороссіянъ къ семейному пользованію землей устранить и въ Новороссіи общинное пользованіе. Но слѣдуетъ ли предупреждать это естественное развитіе искусственнымъ уничтоженіемъ общиннаго устройства? Этотъ вопросъ комиссіи рѣшили отрицательно. Они нашли, что главную отрасль хозяйства этого края, главное условіе благосостоянія его жителей составляетъ скотоводство, которое можетъ поддерживаться только при достаточныхъ пастбищахъ, всегда остающихся въ общественномъ пользованіи даже тамъ, гдѣ другія угодія распредѣлены уже посемейно. Сѣнокосы здѣсь также распредѣляются болѣею частью ежегодно между хозяевами. Передѣлъ пахотныхъ полей въ этомъ краѣ не можетъ быть вреденъ, ибо искусственное удобреніе земель здѣсь вовсе не употребляется, а тамъ, гдѣ существуетъ залежная система, *поля часто совершенно перемѣщаются, и тогда передѣлъ становится уже необходимостью*. „Но если насильственное уничтоженіе общиннаго пользованія угодьями въ этомъ краѣ было бы вреднымъ, то съ другой стороны, и повсемѣстное введеніе этого устройства было бы несогласно съ обычаями большинства жителей“.

Вмѣстѣ съ этимъ редакціонныя комиссіи признали, что установить въ каждомъ имѣніи существующій способъ пользованія затруднительно потому, что невозможно положить точныя предѣлы между общиннымъ и семейнымъ устройствомъ, тамъ гдѣ семейства во многихъ имѣніяхъ пользуются неопредѣленнымъ количествомъ земли, въ другихъ земля надѣляется по числу душъ, въ третьихъ — по числу работниковъ. Поэтому, заключаетъ докладъ, принятый редакціонными комиссіями, только само крестьянское общество, міръ, громада можетъ рѣшить, какъ полезнѣе для крестьянъ cadaго имѣнія пользоваться землей, „*общинно или посемейно*“¹⁾.

Это разсужденіе и легло въ основаніе мудрой 119 статьи Мѣстнаго Великороссійскаго положенія, по которой въ новороссійскихъ губерніяхъ сельскому обществу при надѣленіи, или точнѣе, при введеніи уставной грамоты, предоставляется право установить или общинное или подворное владѣніе; причемъ установленное при введеніи уставной грамоты „общинное пользованіе“ можетъ быть замѣнено впослѣдствіи подворнымъ, „наслѣдственнымъ“, „потомственнымъ“.

Дѣйствіе этой же статьи отчасти распространяется на Могилевскую и Витебскую губерніи, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда способъ

¹⁾ Первое изданіе матеріаловъ ред. комиссій, т. VI, дополнительный докладъ хоз. отдѣленія.

земельнаго пользованія крестьянъ оказывалось невозможнымъ причислить ни къ общинному и ни къ наслѣдственному участковому.

Крестьянскія надѣльныя земли не представляютъ собою единого цѣлаго. Положеніе рѣзко раздѣляетъ ихъ на двѣ категоріи: 1) усадебныя, и 2) полевые. Къ послѣднимъ оно причисляетъ и другіе виды угодій: луга, покосы, выгоны.

Усадебныя земли вездѣ, въ томъ числѣ и въ мѣстностяхъ съ общиннымъ владѣніемъ, оставлены въ потомственное пользованіе того семейства, которое проживаетъ въ данной усадьбѣ, „дворѣ“. Онѣ переходятъ, какъ гласитъ 110 ст. ¹⁾, къ наслѣдникамъ, согласно существующему въ данной мѣстности обычному порядку наслѣдованія. Если по выходѣ семейства изъ общества или по смерти хозяина, не оставившаго по себѣ наслѣдниковъ, или по другимъ какимъ-либо причинамъ лицо, владѣвшее усадебнымъ участкомъ, устранился, то участокъ поступаетъ, какъ выморочное имущество, въ распоряженіе общества, которое имѣетъ право или оставить его въ общественное пользованіе всѣхъ своихъ членовъ или отдать его въ потомственное пользованіе новому хозяину.

Но помимо такой усадебной земли, въ узкомъ смыслѣ, къ которой принадлежатъ и огороды, составители положеній 19 февраля усмотрѣли изъ многочисленныхъ свѣдѣній, полученныхъ ими въ отвѣтахъ губернскихъ комитетовъ, и въ статистическихъ описаніяхъ имѣній существованіе у крестьянъ такихъ участковъ земли, расположенныхъ вблизи усадебъ, которые отводились для выпуска мелкаго скота, для разведенія конопляниковъ или просто оставались пустырями и которыя отдѣляли собственно жилыя усадебныя мѣста отъ полевого надѣла. На бытовомъ языкѣ эти земли также назывались усадебными, несмотря на то, что по характеру обычнаго пользованія онѣ подходили подъ полевые земли, такъ какъ подлежали въ большинствѣ мѣстностей, въ противоположность усадебнымъ въ тѣсномъ смыслѣ, общественному распоряженію. Онѣ подвергались также передѣламъ, хотя и болѣе рѣдкимъ, чѣмъ полевые земли. Такіе усадебные участки Мѣстное Великороссійское положеніе называетъ „мірской усадебной землей“ и, выдѣляя ее изъ состава наслѣдственныхъ усадебныхъ участковъ крестьянскихъ дворовъ, включаетъ въ число земель, состоящихъ въ распоряженіи общества на общинномъ правѣ. На практикѣ довольно

¹⁾ 110 ст. М. В. пол. гласитъ: „Усадебная земля каждаго крестьянскаго двора остается въ потомственномъ пользованіи проживавшаго въ этомъ дворѣ семейства и переходитъ къ наслѣдникамъ, согласно существующему въ каждой мѣстности обычному порядку наслѣдованія“.

часто возникаютъ споры изъ-за права общества передѣлять такія мірскія усадебныя земли. Конечно, если бы дѣло шло только о толкованіи закона, подобные споры были бы невозможны. Въ законѣ ясно сказано, что усадебныя земли въ тѣсномъ смыслѣ слова состоятъ въ подворномъ владѣніи и наслѣдственномъ пользованіи семействъ и распоряженію общества не подлежатъ, и что, наоборотъ, только мірскія усадебныя земли состоятъ въ общинномъ пользованіи. Если бы земельное устройство крестьянъ включало не только выясненіе временныхъ правъ крестьянъ и помѣщиковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ регулировало бы точно взаимныя права крестьянъ, если бы усадебныя мѣста, въ тѣсномъ смыслѣ слова, были точно разграничены и сняты на планъ, — спора быть не могло бы. Но, къ сожалѣнію, при проведеніи крестьянской реформы детали земельного устройства крестьянъ не были опредѣлены и установить по актамъ, входитъ ли данный участокъ земли, состоящій, напримѣръ, подъ конопляниками, въ составъ усадебной земли въ тѣсномъ смыслѣ слова, или не входитъ, представляется невозможнымъ. Поэтому, при спорахъ указаннаго рода приходится обращаться не къ актамъ земельного устройства крестьянъ, а къ изслѣдованію порядка пользованія даннымъ спорнымъ участкомъ по установившемуся въ обществѣ обычаю. Такъ разрѣшаются многочисленные споры этого рода согласно практикѣ 2-го департамента Сената ¹⁾, который въ своихъ рѣшеніяхъ ссылается на подлинное выраженіе закона (112 ст. Мѣстн. Вел. пол.), въ силу которой „обычай“ является въ данномъ случаѣ рѣшающимъ факторомъ при опредѣленіи, могутъ ли эти земли передѣляться или нѣтъ ²⁾.

Остальныя угодья надѣльной земли по Мѣстному Великороссійскому положенію отведены въ общинное владѣніе крестьянъ. Статья, опредѣляющая указанную юридическую судьбу угодій, буквально говоритъ такъ: „мірская полевая земля (пашни, покосы и другія угодья) остается въ общинномъ пользованіи крестьянъ, которымъ она отведена“.

Изъ приведеннаго текста мы можемъ вывести заключеніе, которое, впрочемъ, явствуетъ изъ сопоставленій и другихъ статей закона, но особенно рельефно выступаетъ въ текстѣ цитированной статьи, что слова „мірское владѣніе“ и „владѣніе общинное“ означаютъ совер-

¹⁾ Рѣшеніе 2-го деп. Пр. Сената, 22 марта 1883 года № 930.

²⁾ 112 ст. гласитъ: „Мірская усадебная земля, состоящая въ чертѣ селенія, но не принадлежащая къ наслѣдственнымъ усадебнымъ участкамъ крестьянскихъ дворовъ (какъ, напримѣръ: выпуски, никѣмъ не занятые пустыри, а также подлежащіе, по мѣстному обычаю, передѣламъ конопляники и проч.) остается въ распоряженіи общества.“

шенно различные понятія и что „мірское владѣніе“, очевидно, противоположаемое индивидуальному, можетъ быть общиннымъ, но можетъ и не быть имъ.

Въ примѣчаніи къ цитированной статьѣ (113 М. Вел. пол.) содержится единственное во всѣхъ крестьянскихъ законахъ, а потому для юридическаго анализа очень важное опредѣленіе понятія общиннаго владѣнія. Это примѣчаніе гласитъ, что „общиннымъ называется то *обычное* пользованіе, при которомъ земли, по приговору міра, *передѣляются* или *распредѣляются* между крестьянами: по душамъ, тягламъ или инымъ способомъ; а повинности, положенныя на землю, отбываются круговою порукою“. Такимъ образомъ, изложенный законъ, основывая на обычномъ правѣ общинное владѣніе, содержитъ три признака этого владѣнія: 1) передѣлы, 2) распределение земли по извѣстному основанію, и 3) круговую поруку. Раздѣленіе передѣловъ и распределенія земли сдѣлано въ законѣ, очевидно, въ соотвѣтствіи съ тѣмъ раздѣленіемъ, которое было принято въ изложенныхъ уже выше соображеніяхъ редакціонныхъ комиссій. Въ соотвѣтствіи съ высказанными мнѣніями о желательности ограничить передѣлы законъ опредѣляетъ, что они могутъ производиться только по приговору $\frac{2}{3}$ домохозяевъ.

Утвердивъ, такимъ образомъ, общинное владѣніе на пространствѣ всей территоріи, на которую распространяется Великороссійское положеніе за исключеніемъ бѣлорусскихъ уѣздовъ Витебской, всей Могилевской и Новороссійскихъ губерній, законъ счелъ нужнымъ опредѣлить и способъ упраздненія этой формы землевладѣнія по желанію самихъ крестьянъ. Каждому крестьянскому обществу, говоритъ законъ, предоставляется замѣнить общинное пользованіе наследственнымъ, т. е. отмѣнить передѣлы и разверстку мірской земли, разбить ее разъ навсегда на *подворные* участки и раздать ихъ домохозяевамъ въ потомственное пользованіе. Приговоръ о такой замѣнѣ долженъ быть составленъ только большинствомъ $\frac{2}{3}$ домохозяевъ. Любопытно здѣсь отмѣтить, что въ періодъ временно-обязанныхъ отношеній законъ ставилъ осуществленіе желанія крестьянъ перейти отъ общиннаго владѣнія къ подворному въ зависимости отъ согласія помѣщика и, повидимому, благопріятствуя такому переходу и желая въ виду этого устранить препятствіе, которое можетъ ему оказывать помѣщикъ, разрѣшалъ сохранить круговую поруку въ отбываніи повинностей и при наследственномъ пользованіи. Изъ послѣдняго надо также заключить, что третій изъ отмѣченныхъ въ цитированномъ опредѣленіи закона отличительныхъ признаковъ общиннаго владѣнія круговая порука — въ

дѣйствительности не является отличительнымъ, по которому можно узнать, находится ли данная земля въ общинномъ или *подворномъ* владѣніи, такъ какъ тотъ же законъ допускаетъ круговую поруку и при подворномъ владѣніи. Остается, слѣдовательно, по буквѣ указанного закона только два характерныхъ признака: передѣлы и распределение земли по приговору общества.

Установивъ наследственное подворное владѣніе, общество имѣетъ также право развести наследственные подворные участки къ однимъ мѣстамъ. Судя по тому, что законъ, опредѣляя порядокъ наследственного пользованія, различаетъ два его вида: подворное и участковое пользованіе, надо изъ сопоставленія соотвѣствующихъ статей въ законахъ придти къ заключенію, что подворнымъ онъ называетъ наследственное семейное пользованіе не разведенными къ однимъ мѣстамъ участками, состоящими въ *черезполосномъ* пользованіи, а участковымъ — пользованіе отдѣльными, соединенными въ *одномъ* кускѣ участками. Въ обоихъ случаяхъ, какъ мы видимъ, общинному владѣнію Мѣстное Великороссійское положеніе противопоставляетъ не индивидуальное владѣніе, а семейное, представляемое домохозяиномъ не какъ единоличнымъ владѣльцемъ или собственникомъ, а какъ главою семьи, двора. Вотъ почему и тѣ отдѣльныя выраженія крестьянскихъ законовъ, въ которыхъ встрѣчается терминъ „личное владѣніе“ въ противоположность „общинному“, надо понимать въ смыслѣ владѣнія семейнаго. Это съ особенной ясностью обнаруживается изъ обзора той части Мѣстнаго Великороссійскаго положенія, которая озаглавлена: „объ обезпеченіи исправнаго отбыванія повинностей“ и въ которой, между прочимъ, указываются мѣры взысканія денежной недоимки при оброкахъ. При общинномъ пользованіи и связанной съ ней круговой порукой сельское общество, обязанное вносить оброкъ, имѣетъ право принять рядъ мѣръ противъ недоимочнаго домохозяина члена общины. Оно можетъ отдать недоимщика въ работу, продать его движимое имущество, отобрать надѣлъ или вмѣсто неисправнаго хозяина назначить *старшимъ въ домъ* другого члена семьи. При подворномъ владѣніи то же дѣлаетъ сельское начальство. Оно также можетъ вмѣсто неисправнаго хозяина назначить другого члена семьи. Очевидно, домохозяинъ трактуется не какъ личный владѣлецъ, а какъ представитель дома, какъ старшій въ семьѣ.

Выше уже упоминалось, что для новороссійскихъ губерній въ связи съ тѣми соображеніями объ особенностяхъ быта крестьянъ въ Новороссіи, законодатель ввелъ въ Мѣстное Великороссійское положеніе правило, въ силу котораго при отводѣ надѣльной земли самому

сельскому обществу предоставлялось право или установить общинное пользование съ круговой порукой, или раздѣлить надѣль на наслѣдственные подворные участки.

Въ Могилевской губерніи и Бѣлорусскихъ уѣздахъ Витебской, въ которыхъ издавна существовало подворное, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и участковое владѣніе, оно сохранено и при надѣленіи. Въ сомнительныхъ же случаяхъ предоставлялось самому обществу рѣшить вопросъ о формѣ землевладѣнія.

Въ заключеніе обзора содержания Мѣстнаго Великороссійскаго положенія въ той его части, которая опредѣляетъ порядокъ пользования надѣльной землей, надо еще отмѣтить ограниченіе въ свободѣ распоряженія ею. Земли крестьянскаго надѣла отводились, по смыслу закона, для опредѣленнаго пользованія, въ соблюденіи котораго было заинтересовано все общество. Поэтому возводить, напримѣръ, постройки внѣ усадебной земли, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, безъ согласія общества члены его права не имѣютъ.

3.

Отдѣльно отъ Мѣстнаго Великороссійскаго положенія 19 февраля 1861 года было издано, какъ уже объ этомъ говорилось, Мѣстное Малороссійское положеніе для Полтавской, Черниговской и части Харьковской губерній. Особенности обычно-правовыхъ отношеній въ этой мѣстности обусловили собой отличіе созданнаго для нея положенія.

Въ Малороссійскихъ губерніяхъ общиннаго пользованія землей въ періодъ составленія крестьянскихъ положеній уже не существовало. Здѣсь любопытно отмѣтить, что въ противоположность мнѣніямъ губернскихъ комитетовъ члены комитетовъ Черниговской и Полтавской губерній, вызванные въ Петербургъ, требовали введенія общиннаго владѣнія. Редакціонныя комиссіи не согласились съ такимъ мнѣніемъ, находя, что насильственное введеніе общиннаго землевладѣнія было бы несогласно съ вѣковыми обычаями и привычками жителей этого края. Поэтому комиссіи пришли къ заключенію, что въ Малороссіи необходимо установить семейное и наслѣдственное пользованіе отдѣльными участками, какъ болѣе сообразное съ обычаями ея жителей. Но сохраняя обычное семейное пользованіе, по мнѣнію комиссій, нельзя лишать сельское общество въ цѣломъ его составѣ всѣхъ правъ на отведенную ему землю. Необходимо предоставить ему право распоряжаться угодьями, состоящими въ нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ крестьянъ и распоряженіе тѣми участками, которые остаются (свободными) не занятыми, равно какъ и сдачу таковыхъ новымъ хозяевамъ.

Останапливаясь на особыхъ условіяхъ землевладѣнія Малороссіи, редакціонныя комиссіи находятъ, что усадебную землю, которая издавна находится во владѣніи семействъ и притомъ въ разнообразныхъ размѣрахъ, совершенно несогласованныхъ съ полевымъ надѣломъ, надо совсѣмъ выдѣлить изъ состава полевого надѣла и предоставить во владѣніе семействъ, на ней проживающихъ.

Сводя мнѣніе комитетовъ и имѣвшіяся въ ихъ распоряженіи свѣдѣнія, комиссіи указываютъ на то, что въ Малороссіи издавна установилось дѣленіе крестьянъ на тяглыхъ, пѣшихъ, огородниковъ и бобылей. Тяглые—это крестьяне съ большимъ надѣломъ, обязанные отбывать барщину на волахъ; пѣшіе—имѣли полевой надѣль въ меньшемъ размѣрѣ и отбывали барщину безъ скота; огородники имѣли только усадьбу, но не имѣли полевого надѣла; бобыли—это тѣ крестьяне, у которыхъ не было ни усадьбы, ни полевого надѣла. Такъ какъ основнымъ принципомъ надѣленія было принято сохраненіе существующаго пользованія надѣломъ, то комиссіи рѣшили оставить за семействами крестьянъ находившіеся въ ихъ пользованіи семейные участки, опредѣливъ высшій размѣръ пѣшаго надѣла въ 1½ душевыхъ надѣла и признавъ его нормальнымъ, кореннымъ надѣломъ земельныхъ крестьянскихъ семействъ. Излишекъ такого кореннаго надѣла, остающійся въ пользованіи тяглыхъ крестьянъ, названъ дополнительнымъ надѣломъ, отъ котораго крестьяне могутъ отказаться, уничтоживъ тяглую барщину, то есть, барщину на волахъ.

Озабочиваясь положеніемъ безземельныхъ крестьянъ, комиссіи пришли къ заключенію, что кромѣ отвода семейныхъ участковъ, необходимо отвести еще угодія всему обществу, такъ какъ только такія земли обезпечать хотя бы и въ незначительной степени возможность существованія безземельныхъ. Поэтому они рѣшили отводить всю землю обществу, опредѣляя ея размѣръ числомъ душъ всѣхъ крестьянъ (включая и безземельныхъ) и оставляя въ составѣ этой земли семейные участки во владѣніи живущихъ на нихъ семействъ. Въ интересахъ же безземельныхъ было постановлено, что выморочные семейные участки (и вакантныя земли вообще) подлежатъ распоряженію общества, которое должно надѣлять ими преимущественно безземельныхъ ¹⁾.

Въ силу этихъ соображеній въ Мѣстномъ Малороссійскомъ положеніи установлены низшіе и высшіе размѣры душевыхъ надѣловъ для опредѣленія общей площади отводимой обществу земли и, кромѣ того,

¹⁾ Первое изданіе матеріаловъ ред. ком., т. IX.

для каждой мѣстности губерній особо опредѣленъ высшій надѣлъ пѣшаго семейнаго участка. Низшій надѣлъ принять не въ $\frac{1}{3}$ высшаго, какъ въ великороссійскихъ губерніяхъ, а въ $\frac{1}{2}$ его въ виду того, что назначеніе низшаго размѣра здѣсь, по мнѣнію комиссій, должно быть совершенно другимъ, чѣмъ въ великороссійскихъ. Въ послѣднихъ слишкомъ малые надѣлы составляютъ рѣдкое исключеніе, происходящее преимущественно отъ малоземельности самыхъ имѣній. Въ такихъ исключительныхъ имѣніяхъ крестьяне обыкновенно заняты промыслами, восполняющими имъ недостатокъ земли. Въ Малороссіи, напротивъ, при большомъ развитіи безземельности крестьянъ слишкомъ малые надѣлы составляютъ очень частое явленіе, а слабое развитіе промысловъ лишаетъ ихъ подсобныхъ (стороннихъ) заработковъ.

По Мѣстному Малороссійскому положенію крестьяне сохраняютъ существующій надѣлъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ превышаетъ норму высшаго или не достигаетъ низшаго. Въ первомъ случаѣ помѣщикъ имѣетъ право требовать отрѣзки отъ всей площади крестьянской земли излишка, во второмъ—онъ обязанъ отвести крестьянамъ изъ своего имѣнія участокъ земли до нормы низшаго надѣла. Помѣщикъ освобождается отъ этой послѣдней обязанности только тогда, когда у него остается одна треть имѣнія или менѣе ея. На дѣлѣ прирѣзокъ было немного, гораздо больше отрѣзокъ; послѣдніе и въ настоящее время являются источникомъ споровъ и высокихъ арендныхъ цѣнъ.

Особенность Малороссійскаго положенія (какъ мы уже указывали при изложеніи соображеній, изъ которыхъ исходили ея составители) заключается въ томъ, что въ составѣ надѣла, отведеннаго по существующему пользованію всему селенію на вышеизложенныхъ основаніяхъ, каждому семейству оставленъ въ пользованіе семейный участокъ, состоящій изъ усадьбы и разныхъ угодій (пахотной, сѣнокосной, лѣсной земли) *въ тѣхъ же размѣрахъ*, въ какихъ семейство пользовалось до обнародованія положенія 19 февраля. Эти семейные участки, опредѣляемые размѣромъ дѣйствительнаго пользованія до 19 февраля, не могутъ превышать указаннаго въ положеніи высшаго размѣра семейнаго участка, опредѣленнаго различно для различныхъ мѣстностей отъ 4 до 7 десятинъ. Земля, за выдѣломъ пѣшихъ семейныхъ участковъ и за исключеніемъ угодій (какъ выгонъ, лѣсныя пространства), остающихся въ общественномъ пользованіи, образовывала добавочные участки, которые по приговору общества могутъ оставаться въ пользованіи семействъ, владѣющихъ пѣшими надѣлами. Въ случаѣ отрѣзки земли въ пользу помѣщика и уменьшенія вслѣдствіе этого

размѣра пѣшихъ участковъ у нѣкоторыхъ домохозяевъ, послѣднимъ нарѣзывается обществомъ изъ добавочныхъ участковъ такое количество земли, которое необходимо для доведенія такихъ недостаточныхъ участковъ до высшаго размѣра пѣшаго участка. Въ томъ случаѣ, когда у общества окажутся благодаря ли прирѣзкѣ, или, вообще, благодаря отводу новой земли, лишніе добавочные участки, оно должно отводить ихъ прежде всего семействамъ, оставшимся безъ надѣла.

Вся земля (включая и семейные участки) считается отведенной въ постоянное пользованіе сельскаго общества и называется мірской землей (ст. 92). Участки ея, отведенные отдѣльнымъ домохозяевамъ, т. е. семейные участки, считаются состоящими въ потомственномъ пользованіи даннаго семейства. При этомъ Мѣстномъ положеніи категорически опредѣлено, что порядокъ наслѣдованія семейными участками и *порядокъ семейныхъ раздѣловъ* опредѣляются мѣстными обычаями. Домохозяину предоставляется право при жизни передать семейный участокъ своему наслѣднику. При отсутствіи наслѣдниковъ по прямой линіи домохозяинъ можетъ передать, при жизни или на случай смерти свой участокъ усыновленному имъ на основаніи мѣстнаго обычая пріемышу (пріймаку) изъ родственниковъ или постороннихъ (ст. 92—95). Семейные участки при переходахъ по наслѣдству не могутъ быть раздѣляемы на части, меньшія половины установленнаго высшаго размѣра пѣшаго участка. Семейные участки, которые остались безъ владѣльцевъ, поступаютъ въ распоряженіе общества, которое должно приговоромъ опредѣлить, кому онъ долженъ быть отданъ во владѣніе. Для этого вызываются желающіе принять участокъ, а общество должно при этомъ отдавать предпочтеніе безземельнымъ семействамъ.

Изложенныя основанія, являющіяся тѣми скудными опредѣленіями, которыя имѣются въ законѣ по отношенію къ формѣ крестьянскаго землевладѣнія, носящаго названіе подворнаго, конечно, являются совершенно недостаточными для того, чтобы твердо установить юридическую природу землевладѣнія. Несомнѣнно, что при этой формѣ землевладѣнія каждый домохозяинъ получаетъ право на опредѣленный по размѣру участокъ земли. Но получаетъ ли онъ право на точно опредѣленный не только по размѣру, но и по мѣстоположенію и границамъ земельный участокъ? Имѣетъ ли онъ право собственности, со времени перехода на выкупъ, на участокъ, строго опредѣленный и свободный отъ всякаго вмѣшательства общества? Для разрѣшенія этого вопроса намъ надо имѣть въ виду всѣ тѣ постановленія закона, которыя предусматриваютъ вмѣшательство общества и его право изъ

мѣнять мѣстоположеніе и границы семейныхъ участковъ. Здѣсь на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ отмѣтить признаваемое закономъ право измѣнять мѣстоположеніе семейныхъ участковъ при самомъ надѣленіи. Въ тѣхъ случаяхъ, нами указанныхъ, когда при надѣленіи приходилось отрѣзывать часть земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ, въ пользу помѣщика, законъ опредѣляетъ, что эта часть отрѣзывается отъ всей площади надѣла данной деревни, не обращая вниманія на то, какіе именно семейные участки должны при этомъ отойти отъ крестьянъ. Общество же крестьянъ, у котораго отрѣзана часть земли, *должно* отвести изъ числа добавочныхъ участковъ тѣмъ домохозяевамъ, у которыхъ изъ-за отрѣзки осталось земли меньше размѣра высшаго пѣшаго надѣла, такое количество земли, которое необходимо до высшаго размѣра. Если у даннаго домохозяина отрѣзано при этомъ количество земли, бывшее въ его пользованіи, но превышающее высшій размѣръ надѣла, то законъ предоставляетъ *усмотрѣнію* общества вознаградить его соотвѣтствующимъ участкомъ изъ числа дополнительныхъ или не вознаграждать совсѣмъ. Въ томъ случаѣ, когда вознагражденіе семействъ, участки которыхъ отошли къ помѣщику вслѣдствіе отрѣзки части надѣла, невозможно по причинѣ недостатка добавочныхъ участковъ, *сельскому обществу предоставляется произвести разъ навсегда передѣлъ земли между всеми домохозяевами*. Такимъ образомъ, самъ законъ предполагаетъ возможнымъ передѣлъ земли подворнаго владѣнія при надѣленіи.

Но это не единственный случай. Малороссійское положеніе опредѣляетъ, что отводъ поземельнаго надѣла состоитъ изъ первоначальнаго утвержденія надѣла и изъ разграниченія помѣщичьихъ и крестьянскихъ угодій къ однимъ мѣстамъ. Разграниченіе это можетъ состояться или вслѣдствіе полюбовнаго соглашенія крестьянъ и помѣщика, тогда оно можетъ совершаться во всякое время, или по требованію одного помѣщика. Такое требованіе помѣщикъ можетъ заявить по прошествіи двухъ лѣтъ, назначенныхъ на первоначальное утвержденіе надѣла, въ теченіе слѣдующихъ шести лѣтъ. Такое требованіе обязательно для крестьянъ. При разграниченіи соблюдается правило, что взамѣнъ отходящихъ отъ крестьянъ земель, имъ отводятся смежныя съ ихъ участками угодія по возможности такого же качества. Конечно, разграниченіе должно сопровождаться переходомъ къ помѣщику части семейныхъ участковъ даннаго селенія. Домохозяева, теряющіе вслѣдствіе этого свои участки, должны быть надѣлены по *приговору общества* новыми соотвѣтственными, по возможности, прежними участками изъ тѣхъ земель, которыя должны быть отведены помѣщикомъ. Такимъ

образомъ, мы снова встрѣчаемся съ вмѣшательствомъ общества въ опредѣленіе мѣстоположенія и границъ семейнаго подворнаго участка.

Кромѣ случая разверстанія чрезполосныхъ участковъ, Мѣстное Малороссійское положеніе знаетъ еще и обмѣнъ земель между крестьянами и помѣщикомъ внѣ цѣлей отвода земель къ однимъ мѣстамъ, т. е. внѣ цѣлей упраздненія чрезполосицы. Такой обмѣнъ помимо добровольныхъ соглашеній могъ до перехода на выкупъ происходить по требованію помѣщика по самымъ разнообразнымъ поводамъ: открытіе на земляхъ крестьянскаго надѣла источниковъ минеральныхъ водъ, цѣнныхъ ископаемыхъ (въ томъ числѣ и торфа); желаніе помѣщика устроить мельницу, фабрику или какія-либо иныя промышленныя заведенія, приводимыя въ дѣйствіе водой, когда одинъ или оба берега рѣки находятся въ пользованіи крестьянъ; необходимость провести по крестьянскимъ землямъ дорогу, или канавы для орошенія и т. п. Въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ случаевъ помѣщику разрѣшалось требовать даже обмѣна усадебныхъ участковъ крестьянъ.

Свобода распоряженія надѣльными семейными землями внѣ усадьбы также ограничена Малороссійскимъ положеніемъ какъ въ отношеніи къ помѣщику, такъ и въ отношеніи къ крестьянскому обществу. Отведенную землю крестьяне могутъ употреблять подъ посѣвы, насажденія, покосъ или пастбище, но безъ согласія помѣщика они не могли распахивать, засаживать или раскапывать выгоны, состоявшіе въ общемъ владѣніи крестьянъ и помѣщика, и отступать отъ принятаго сѣвооборота впредъ до разграниченія крестьянскихъ угодій съ помѣщичьими тамъ, гдѣ они находятся въ чрезполосности. Кромѣ всего этого, крестьяне не могутъ безъ согласія общества ставить за чертою своего усадебнаго участка какія-либо строенія на своихъ же полевыхъ подворнаго пользованія земляхъ.

Такимъ образомъ, зависимость подворнаго владѣнія по Мѣстному Малороссійскому положенію отъ распоряженія общества значительна и многообразна и говорить о личномъ поземельномъ правѣ въ примѣненіи къ такому землевладѣнію, о томъ личномъ индивидуальномъ правѣ, которое нормировано постановленіями нашихъ общихъ гражданскихъ законовъ, невозможно. Подворное владѣніе, такимъ образомъ, является видомъ коллективнаго владѣнія, юридическая конструкція котораго будетъ выяснена мною въ послѣдующемъ изложеніи.

ГЛАВА III.

Основанія надѣленія помѣщичьихъ крестьянъ въ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго и Юго-Западнаго края.—Инвентари, ихъ историческое происхождение и значеніе при надѣленіи помѣщичьихъ крестьянъ.—Мѣстныя положенія и ихъ судьба.—„Правила о прекращеніи обязательныхъ отношеній крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ въ девяти западныхъ губерніяхъ“.—Правила для отвода надѣла въ Юго-Западномъ краѣ и для отграниченія надѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ.—Сервитуты и череполосица.

Въ число законоположеній, утвержденныхъ 19 февраля 1861 года, объ уничтоженіи крѣпостного права и объ устройствѣ крестьянъ на новыхъ началахъ, входили, какъ уже раньше упоминалось, четыре мѣстныхъ положенія: рассмотрѣнныя выше Великороссійское и Малороссійское и два положенія для западныхъ губерній: одно для юго-западныхъ, т. е. для Кіевской, Подольской и Волынской, а другое для сѣверо-западныхъ: для Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской и части Витебской. Но событія, связанныя съ польскимъ возстаніемъ шестидесятихъ годовъ, побудили издать для этихъ мѣстностей новое законоположеніе, которымъ совершенно ликвидировались временно-обязанныя отношенія въ западномъ краѣ. Въ 1863 году вышли „Правила о прекращеніи обязательныхъ отношеній къ ихъ помѣщикамъ въ девяти западныхъ губерніяхъ“, т. е. Кіевской, Подольской, Волынской, Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилевской и Витебской.

Для того, чтобы уяснить себѣ особенности поземельныхъ отношеній въ этомъ краѣ, намъ нужно хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ познакомиться съ его исторіей въ періодъ, предшествовавшій 1861 году. Въ то время, какъ въ прочихъ частяхъ Россіи крѣпостное право оставалось почти неприкосновеннымъ до самаго уничтоженія его въ 1861 году, и государство вмѣшивалось въ эту область въ самой ничтожной степени, не имѣвшей никакихъ существенныхъ послѣдствій,—въ Западномъ краѣ ограничительное нормированіе помѣщичьей власти въ отношеніи крѣпостныхъ крестьянъ началось задолго до полнаго ихъ освобожденія въ 1861 году. Такая особенность аграрной политики въ этомъ краѣ обуславливалась историческими традиціями;

ограниченія помѣщичьей власти были сдѣланы здѣсь еще въ періодъ польскаго владычества. Русское правительство, конечно, не только не желало уничтожать эти ограниченія, но старалось ихъ поддерживать и развивать въ политическихъ цѣляхъ: обрусенія края и уменьшенія вліянія польскаго помѣщичьяго элемента на русское крестьянское населеніе.

Въ Западномъ краѣ мы встрѣчаемся съ особымъ видомъ регулированія поземельныхъ правъ и обязанностей крестьянъ—съ *инвентарями*. Въ литовскихъ областяхъ повинности крестьянъ издавна опредѣлялись инвентарями. Грамотами литовскихъ князей въ 15 и 16 вѣкахъ ¹⁾ были установлены для казенныхъ имѣній извѣстные, опредѣленные повинности крестьянъ, отбываемыя ими за находящійся въ ихъ владѣніяхъ надѣлъ; помѣщики же должны были въ отношеніи своихъ крестьянъ сообразоваться съ общими правилами, по которымъ крестьяне управлялись въ казенныхъ имѣніяхъ. Инвентари были признаны обязательными въ каждомъ имѣніи, но обязательныхъ правилъ для ихъ составленія не было, и они представляли большое разнообразіе.

Въ 1844 году было издано Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи во всѣхъ девяти западныхъ губерніяхъ особыхъ комитетовъ для рассмотрѣнія инвентарей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, какъ способа для огражденія крестьянъ отъ излишнихъ поборовъ и опредѣленія въ точности ихъ обязанностей къ помѣщикамъ. Результатомъ работъ этихъ комитетовъ было составленіе инвентарей въ каждомъ имѣніи на основаніяхъ, довольно общихъ для всѣхъ губерній. Въ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края инвентари были утверждены въ теченіе 1845—1847 годовъ на шесть лѣтъ, по прошествіи которыхъ предполагалось издать инвентарныя правила въ законодательномъ порядкѣ. Но эти правила, изданныя въ 1852 году, были пріостановлены и не получили осуществленія, а инвентари, утвержденные генераль-губернаторомъ, продолжали регулировать отношенія крестьянъ и помѣщиковъ вплоть до 1861 года. Въ Юго-Западномъ краѣ результатомъ работъ комитетовъ было составленіе инвентарей на основаніи правилъ, Высочайше утвержденныхъ въ 1848 году.

Основанія для составленія инвентарей были довольно общія. Инвентари должны были составляться примѣнительно къ установившимся путемъ обычая отношеніямъ между крестьянами и помѣщиками. Правила констатируютъ и узаконяютъ на будущее время соотвѣтствіе

¹⁾ Грамоты литовскихъ князей: Владислава Ягелло 1413 года, Казимира 1457 года и уставъ князя Сигизмунда 1557 года.

между повинностями крестьянъ и размѣромъ ихъ надѣловъ. Устанавливая надѣленіе земель всего крестьянскаго общества, они опредѣляютъ размѣръ надѣла отдѣльныхъ крестьянскихъ семействъ согласно сложившемуся во всемъ Западномъ краѣ раздѣленію крестьянъ на тяглыхъ, полутяглыхъ (въ юго-западныхъ губерніяхъ—пѣшихъ), огородниковъ и бобылей. Тяглые—были тѣми крестьянскими дворами, которые имѣли достаточные надѣлы для отбыванія барщины со скотомъ: лошадьми или волами; пѣшіе, имѣвшіе меньшіе надѣлы, отбывали барщину безъ рабочаго скота; огородники—сѣмства крестьянъ, пользовавшіеся однѣми усадебными землями и во многихъ мѣстахъ сѣнокосами; бобыли—это совершенно безземельные крестьяне, не имѣющіе ни усадебной, ни полевой земли. Очевидно, мы встрѣчаемся здѣсь съ общимъ и для Малороссіи разслоеніемъ крестьянства, которое характерно для мѣстностей съ подворнымъ землевладѣніемъ. При опредѣленіи размѣра повинностей за общее правило было принято, чтобы онѣ не превышали установившейся обычаемъ арендной платы въ $\frac{1}{3}$ валового дохода съ участка земли, находившагося въ пользованіи даннаго семейства. Огородники же и бобыли были обложены оброкомъ. Составленные такимъ образомъ инвентари сохранились до освобожденія крестьянъ.

Мѣстное положеніе для губерній Юго-Западнаго края предоставляетъ крестьянамъ въ потомственное владѣніе всю землю, числящуюся за ними по инвентарному положенію 1848 года. Оно предписываетъ при составленіи уставныхъ грамотъ провѣрить участки земли, состоящіе въ пользованіи крестьянъ, по инвентарямъ и въ случаѣ заявленія крестьянами жалобъ на захватъ части ихъ земли помѣщикомъ въ промежутокъ времени между 1848 годомъ и моментомъ составленія уставныхъ грамотъ возвращать захваченное въ составъ крестьянскаго надѣла. Оно, подобно Малороссійскому положенію, признаетъ также всю землю, отводимую обществу крестьянъ, „мірской землей“, подводя подъ это названіе и земли, остающіяся въ постоянномъ владѣніи всего общества, и земли, составляющія подворные участки. Въ составъ „мірской земли“ оно, такимъ образомъ, различаетъ общественныя угодія и участки, состоящіе въ потомственномъ пользованіи „сѣмствъ“, принадлежащихъ къ обществу.

Въ составъ надѣла Мѣстное положеніе также раздѣляетъ коренной надѣлъ и дополнительный. Кореннымъ надѣломъ оно называетъ тотъ размѣръ надѣла, который составляется изъ совокупности подворныхъ участковъ всѣхъ семействъ даннаго общества въ размѣрѣ пѣшаго участка, отдѣльно опредѣляемаго для каждаго общества. Вся

остальная земля, т. е. та, которая находится въ подворномъ пользованіи семействъ, но составляетъ излишекъ противъ опредѣленныхъ размѣровъ пѣшаго надѣла, а также и та, которая состоитъ въ общественномъ пользованіи,—входитъ въ составъ дополнительнаго надѣла. Впрочемъ, это различіе между кореннымъ и дополнительнымъ надѣломъ имѣетъ только значеніе при установленіи правъ общества по отношенію къ тому или другому виду надѣльныхъ земель. Въ отношеніи же способа пользованія, подворнаго или общественнаго, это раздѣленіе непосредственнаго значенія не имѣетъ.

Мѣстное положеніе узаконяетъ тотъ способъ пользованія, который установленъ инвентарями и согласенъ съ фактическимъ пользованіемъ. Участки, состоящіе въ подворномъ пользованіи, независимо отъ размѣра, т. е. независимо отъ того, совпадаютъ ли они съ размѣрами пѣшаго надѣла или превышаютъ ихъ, и, слѣдовательно, независимо отъ того, входятъ ли они цѣликомъ въ составъ кореннаго надѣла или состоятъ только изъ части его и части дополнительнаго, остаются въ потомственномъ пользованіи того семейства, которое ими владѣло. Остальныя земли, не входящія въ составъ подворныхъ участковъ, состоятъ въ общественномъ владѣніи всего общества, которое распоряжается ими по своему усмотрѣнію. Оно можетъ выдѣлять изъ состава общественныхъ земель участки и отдавать ихъ въ потомственное подворное владѣніе своихъ безземельныхъ семействъ. Подворные участки переходятъ по наслѣдству согласно мѣстнымъ обычаямъ и могутъ быть уступлены въ постоянное пользованіе другому крестьянину того же общества, но только съ согласія послѣдняго. При выходѣ изъ общества домохозяина съ семействомъ подворный участокъ долженъ быть оставленъ въ распоряженіи общества, но со слѣдующимъ ограниченіемъ: подворные участки кореннаго надѣла, т. е. въ размѣрѣ пѣшаго, не могутъ оставаться въ общественномъ пользованіи; общество обязано такой надѣльный участокъ сдать непременно въ потомственное владѣніе какому-либо безземельному семейству. Излишекъ же сверхъ кореннаго надѣла, даннаго свободнаго подворнаго участка общество можетъ сохранять въ общественномъ пользованіи, можетъ сдавать въ аренду, въ срочное владѣніе односельчанъ, причемъ все-таки оно должно сдавать ихъ преимущественно безземельнымъ своимъ членамъ. Подворные участки не могутъ при раздѣлѣ семействъ раздробляться на части, меньшія размѣра пѣшаго надѣла, установленнаго для даннаго общества. Ни одно крестьянское семейство не имѣетъ права владѣть больше, чѣмъ двумя пѣшими надѣлами.

Мѣстное положеніе для Сѣверо-Западнаго края очень близко къ изложенному положенію для юго-западныхъ губерній. Крестьяне также получаютъ надѣлы согласно указаніямъ инвентарей; земля также отводится всему обществу и состоитъ изъ угодій общественнаго пользованія и подворныхъ участковъ; подворные участки, находящіеся въ наследственномъ пользованіи „крестьянскихъ семействъ“¹⁾, переходятъ по наследству согласно мѣстнымъ обычаямъ; подворные участки могутъ быть продаваемы, но не только, какъ въ Юго-Западномъ краѣ, члену того же общества, но и крестьянину—члену другого общества, который, приобретая права на участокъ, получаетъ право и на приписку къ новому обществу; одно и то же семейство не можетъ имѣть въ своемъ владѣніи болѣе трехъ подворныхъ участковъ. Участки подворнаго пользованія не могутъ быть раздѣляемы на части площадью меньше 10 десятинъ. Подворные участки при выморочности ихъ или въ случаѣ выхода крестьянскаго семейства изъ общества поступаютъ въ распоряженіе послѣдняго; но оно не можетъ обратить ихъ въ общее достояніе, а обязано передавать кому-либо изъ своихъ безземельныхъ членовъ въ потомственное пользованіе.

Мы уже говорили, что немедленно за введеніемъ Мѣстныхъ положеній въ Сѣверо и Юго-Западномъ краѣ были изданы въ 1863 году правила о прекращеніи обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ въ девяти западныхъ губерніяхъ. Согласно этимъ правиламъ обязательныя поземельныя отношенія между крестьянами и помѣщиками прекращены для Сѣверо-Западнаго края съ 1 мая, а для Юго-Западнаго—съ 1 сентября 1863 года, и всѣ крестьяне переведены на выкупъ. Уставныя грамоты должны быть замѣнены выкупными актами, которые составлялись на основаніи же уставныхъ грамотъ, но послѣ ихъ провѣрки. Выкупной актъ долженъ былъ быть составленъ по формѣ, которая имѣетъ большое значеніе для опредѣленія поземельныхъ отношеній. Онъ состоялъ изъ общей части и изъ приложения. Въ общей части обозначалось количество всей земли, отводимой данному обществу (усадебной, пахотной, сѣнокосной, пастбищной и неудобной) и количество крестьянъ, числящихся въ обществѣ съ указаніемъ отдѣльно числа крестьянъ, владѣющихъ пѣшими участками, количество огородниковъ и батраковъ. Въ приложеніи обозначался списокъ крестьянъ-хозяевъ, выкупающихъ свой надѣлы. Въ этомъ спискѣ перечислялись въ послѣдовательномъ порядкѣ по номерамъ всѣ домохозяева общества съ проставленіемъ противъ каждаго количества

(въ десятинахъ и саженьяхъ) земли усадебной, полевой и сѣнокосной, которая находится въ потомственномъ пользованіи его двора. Такимъ образомъ, въ поземельныхъ документахъ крестьянскаго надѣла мѣстоположеніе и границы подворныхъ участковъ обозначены не были, а было обозначено только то количество земли, которое числилось за даннымъ дворомъ и которое не могло быть уже измѣняемо.

Поземельное устройство крестьянъ въ Западномъ краѣ происходило очень медленно и заканчивается только въ настоящее время, причемъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ оно отстало значительно, чѣмъ въ Юго-Западномъ, хотя за это оно получило здѣсь большую опредѣленность. Эта разница обусловливалась тѣмъ, что въ той и въ другой мѣстности существовали различныя правила относительно способа окончанія крестьянскими учрежденіями дѣла надѣленія крестьянъ землей.

Въ Юго-Западномъ краѣ примѣнялись правила 28 апрѣля 1865 г., согласно которымъ при составленіи выкупныхъ актовъ крестьянскія учрежденія были обязаны разбирать всѣ взаимныя споры по надѣльной землѣ между крестьянами и помѣщиками и постановлять по нимъ рѣшенія. Эти споры какъ подсудные крестьянскимъ учрежденіямъ, были изъяты изъ вѣдѣнія общаго суда. Такъ какъ количество такихъ споровъ было очень значительно, а разборъ дѣла въ крестьянскихъ учрежденіяхъ, при сложной системѣ обжалованія и чисто бумажномъ способѣ ихъ разбора, былъ очень продолжителенъ, то разрѣшеніе ихъ по многимъ имѣніямъ не окончилось и до настоящаго времени. Всѣ споры доходятъ (въ порядкѣ обжалованія рѣшеній мировыхъ посредниковъ губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, а на рѣшеніе послѣднихъ во 2-ой департаментъ Сената) до Сената, и даже при устарѣломъ способѣ обжалованія опредѣленій старыхъ департаментовъ Сената—до разрѣшенія ихъ Верховной Властью. Окончательнымъ моментомъ предьявленія подобныхъ земельныхъ исковъ въ учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ является, такъ называемый, „отводъ“ надѣла, т. е. послѣднее исполнительное дѣйствіе по выкупнымъ актамъ. Мировой посредникъ обязанъ былъ, получивъ утвержденный Главнымъ Выкупнымъ Учрежденіемъ выкупной актъ, выѣхать на мѣсто и произвести „отводъ“, т. е. указать крестьянамъ въ присутствіи помѣщика границы и мѣстоположеніе ихъ надѣльной земли. Порядокъ совершенія этихъ отводовъ, ихъ форма, способы указанія мѣстоположенія и границъ надѣловъ въ правилахъ 28 апрѣля 1865 года не указаны. Поэтому на дѣлѣ нѣкоторые мировые посредники производили этотъ отводъ безъ всякихъ формальностей, даже безъ составленія письменнаго протокола о немъ. Другіе составляли письменный прото-

¹⁾ Ст. 148, кн. 5, Особ. Прил. къ IX т. Св. зак., изд. 1902 г.

коль, но никогда не составляли плана, ни даже обхода границь надѣла. Конечно такой отводъ не могъ разрѣшить многочисленныхъ недоразумѣній, связанныхъ съ черезполосностью крестьянскихъ и помѣщичьихъ земель. Поэтому споры эти продолжаются и даже возникаютъ и въ настоящее время. Но теперь, если они вновь возникаютъ, они уже подсудны общимъ судебнымъ учрежденіямъ. Производство отвода служитъ моментомъ для разрѣшенія вопроса о томъ, кому подсудны эти споры. Если они возникли до отвода или при отводѣ, они подсудны крестьянскимъ учрежденіямъ, если послѣ — то суду. Вслѣдствіе того, что отводы, какъ выше упоминалось, производились даже безъ составления протокола и, такимъ образомъ, не оставляли никакихъ слѣдовъ, то по многимъ имѣніямъ невозможно установить, были они вообще произведены или нѣтъ. Это обстоятельство чрезвычайно затрудняетъ разрѣшеніе многочисленныхъ поземельныхъ недоразумѣній и споровъ о надѣльной землѣ, затрудняетъ и опредѣленіе ихъ подсудности. Иногда дѣло производится пять-шесть лѣтъ въ крестьянскихъ или судебныхъ учрежденіяхъ, прежде чѣмъ выяснится его неподсудность данному учрежденію и прежде чѣмъ оно получитъ первоначальное движеніе въ томъ учрежденіи, которому оно дѣйствительно подсудно. Разумѣется, что такіа затрудненія, мѣшающія своевременному разрѣшенію спора, благоприятствуютъ попыткамъ разрѣшить ихъ силой, и многочисленные аграрныя волненія мѣстнаго характера постоянно вспыхиваютъ въ томъ или другомъ районѣ Юго-Западнаго края вслѣдствіе такого ненормального положенія дѣла.

Въ Сѣверо-Западномъ краѣ исполненіе выкупныхъ актовъ нормировалось другимъ закономъ: правилами 26 марта 1869 года о такъ называемомъ отграниченіи крестьянскаго надѣла. Предписывая исполненіе выкупныхъ актовъ, эти правила въ противоположность тѣмъ, которыя были примѣнены въ Юго-Западномъ краѣ, очень подробно указываютъ способы приведенія въ исполненіе выкупныхъ актовъ и окончанія земельного устройства крестьянъ. Они предписываютъ мѣстнымъ крестьянскимъ учрежденіямъ производить съ помощью землеѣровъ отграниченіе надѣла обходомъ границъ всего надѣла и снятіемъ его на планъ, съ разборомъ попутно всѣхъ взаимныхъ споровъ крестьянъ и помѣщиковъ. Конечно, подобный способъ опредѣленія земельного устройства крестьянъ очень продолжителенъ и сложенъ. Отграниченіе крестьянскихъ надѣловъ вслѣдствіе такой сложности затнулось и не окончено до настоящаго времени; но зато оно получило опредѣленность и предупредило во многихъ мѣстахъ обостреніе отношеній между крестьянами и помѣщиками.

Излагая исторію поземельнаго устройства крестьянъ Сѣверо и Юго-Западнаго края, нельзя не коснуться одной стороны этого устройства, которая является источникомъ многочисленныхъ споровъ и въ будущемъ угрожаетъ еще большими недоразумѣніями между крестьянами и помѣщиками, — отсутствія разверстанія земель крестьянъ и помѣщиковъ. Въ остальныхъ губерніяхъ Россіи крестьянскій надѣлъ не находился въ такомъ черезполосномъ владѣніи съ помѣщичьими землями, въ какомъ онъ находился въ Западномъ краѣ.

Осложненія, связанные съ черезполосностью, увеличиваются еще одной особенностью края — сервитутами, т. е. правами крестьянъ въ земляхъ помѣщиковъ и правами помѣщиковъ въ земляхъ крестьянъ. — Одна изъ главныхъ причинъ ужасающей черезполосицы въ Сѣверо и Юго-Западномъ краѣ — подворное землевладѣніе. Хотя черезполосица имѣется и при общинномъ владѣніи, но въ немъ она не достигаетъ такой степени. Общинное владѣніе даетъ надежное средство борьбы съ черезполосицей въ правѣ общины передѣлять землю. Это положеніе очень ярко подтверждается въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ общинная и подворная форма землевладѣнія существуютъ рядомъ.

Таковыми губерніями являются Курская, Харьковская и др., въ которыхъ наряду съ общиннымъ землевладѣніемъ у помѣщичьихъ крестьянъ существуетъ такъ называемое четвертное право у бывшихъ государственныхъ крестьянъ — одна изъ видовыхъ формъ подворнаго владѣнія. И всѣ знакомые съ вопросомъ черезполосности въ этихъ губерніяхъ скажутъ, что нигдѣ въ этихъ губерніяхъ черезполосность не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ въ земляхъ четвертного права.

Въ Юго-Западномъ краѣ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1887 г., существуетъ 577 имѣній или 15% общего числа не разверстаныхъ имѣній, въ которыхъ черезполосность проявляется въ особенно сложныхъ формахъ. Это, такъ называемыя, каллокаціонныя имѣнія. Въ нихъ при надѣленіи крестьянъ землей былъ не одинъ, а нѣсколько, иногда даже нѣсколько десятковъ помѣщиковъ, отъ каждаго изъ коихъ крестьяне получили въ надѣлъ земли по особымъ выкупнымъ актамъ. Тутъ земли одного помѣщика бываютъ черезполосны съ землями тѣхъ крестьянъ, которые выкупили у него свой надѣлъ. Далѣе они черезполосны съ землями и другого помѣщика и крестьянъ этой второй части имѣнія, а сверхъ того и съ землями, принадлежащими и всѣмъ остальнымъ помѣщикамъ.

Кромѣ черезполосности и сервитутовъ въ Западномъ краѣ очень распространено было оставленіе при надѣленіи крестьянъ общаго съ

помѣщикомъ пользованія нѣкоторыми угодіями: пастбищами и выгонами, раздѣлъ которыхъ не произведенъ и по настоящее время.

Самые распространенные виды сервитутовъ въ Западномъ краѣ — это право пастбы скота на поляхъ и лугахъ послѣ уборки хлѣбовъ и травъ и право пастбы и сѣнокосенія въ лѣсахъ помѣщика.

Самое понятіе сервитута, объемъ правъ и обязанностей, вытекающихъ изъ него, совершенно не опредѣленъ закономъ. вмѣстѣ съ тѣмъ площадь земель, обремененныхъ сервитутомъ, опредѣлена въ актахъ поземельнаго устройства въ такихъ общихъ выраженіяхъ, что пространство и границы ихъ могутъ быть выяснены только по прежнему фактическому пользованію и часто въ случаяхъ споровъ судъ лишенъ возможности опредѣлить ихъ сколько нибудь точнымъ образомъ.

Право пастбы на поляхъ послѣ уборки хлѣба или, какъ его принято называть на мѣстѣ, право „толоки“ было укрѣплено за крестьянами въ Западномъ краѣ инвентарнымъ положеніемъ, но почему то въ Мѣстныхъ положеніяхъ, въ правилахъ 63 года и въ большинствѣ составленныхъ на ихъ основаніяхъ уставныхъ грамотахъ о немъ ничего не сказано. Конечно, это повело къ большимъ недоразумѣніямъ между крестьянами и помѣщиками. Способы разрѣшенія этихъ недоразумѣній были различны въ Сѣверо-Западномъ и Юго-Западномъ краѣ.

Для Сѣверо-Западнаго края административнымъ распоряженіемъ генераль-губернатора было разъяснено, что за крестьянами на основаніи 3 статьи Мѣстнаго положенія должно быть сохранено право на пастбища, бывшія въ ихъ пользованіи и право это слѣдуетъ включить въ выкупные акты и въ тѣхъ случаяхъ, когда оно не включено въ уставныя грамоты. Это распоряженіе было сдѣлано совершенно правильно, потому что 3-я статья Мѣстнаго положенія, дѣйствительно, предоставляетъ крестьянамъ въ постоянное пользованіе всѣ земли и угодья, которыми они пользовались до изданія положеній 1861 года. Благодаря такому распоряженію, выкупные акты въ Сѣверо-Западномъ краѣ содержатъ указаніе на право крестьянъ пасты скотъ въ поляхъ помѣщика послѣ уборки хлѣбовъ.

Иначе обстояло дѣло въ Юго-Западномъ краѣ. Тамъ указанія соотвѣтствующаго 3 статьѣ Мѣстнаго положенія для Сѣверо-Западнаго края не было, а прямо указано было, что источникомъ составленія уставныхъ грамотъ должны считаться инвентари. Между тѣмъ, такъ какъ право пастбы было признано общимъ правомъ всѣхъ крестьянъ въ земляхъ помѣщика и помѣщиковъ въ земляхъ крестьянъ по

инвентарному положенію, то въ инвентаряхъ это право особо не упоминалось. Потребовалось особое Высочайшее повелѣніе, которое и было дано 4 апрѣля 1865 года, въ силу коего какъ крестьянамъ, такъ и помѣщикамъ, во всѣхъ неразверстанныхъ имѣніяхъ *впредь до окончательнаго отдѣленія крестьянскихъ земель отъ помѣщичьихъ*, предоставлено право пасты скотъ на поляхъ общаго сѣвооборота.

Землевладѣльцы всячески стараются освободиться отъ этихъ стѣсненій, нерѣдко прибѣгая къ такимъ приемамъ, которые заставляютъ крестьянъ отказываться отъ своихъ сервитутныхъ правъ безъ всякаго вознагражденія и которые порождаютъ столь выраженный въ краѣ между крестьянами и помѣщиками антагонизмъ.

Однимъ изъ такихъ средствъ нѣкоторое время было обращеніе, къ такъ называемому, коштному межеванію, т. е. правительственному межеванію черезъ землефровъ, производимому на средства лицъ, ходатайствующихъ о межеваніи ¹⁾. Мы выше указали, что Высочайшее повелѣніе 4 апрѣля 1865 года предоставило право пастбы крестьянамъ только впродъ до разверстанія.

Изъ этого было выведено заключеніе, что если посредствомъ коштнаго межеванія будетъ произведено разверстаніе земель крестьянъ и помѣщиковъ, то этимъ самымъ будутъ безъ всякаго вознагражденія уничтожены сервитутныя права. И вотъ землевладѣльцы стали, несмотря на дороговизну и всякія неудобства, связанныя съ этимъ видомъ межеванія, усиленно обращаться въ межевую канцелярію съ ходатайствомъ о производствѣ у нихъ коштнаго межеванія.

Въ короткій промежутокъ времени, съ 1878 по 1880 годъ въ одной только Кіевской губерніи было коштно обмежевано 82 имѣнія, въ Волынской и Подольской губерніяхъ, гдѣ о возможности такого межеванія узнали позже, успѣли обмежевать 16 имѣній. Во всѣхъ почти межевавшихся имѣніяхъ возникли крестьянскіе безпорядки, вслѣдствіе сопротивленія крестьянъ лишенію ихъ безъ всякаго вознагражденія сервитутныхъ правъ.

Когда безпорядки стали принимать большіе размѣры и мѣстной власти стало очевидно, въ чемъ кроется такое пристрастіе помѣщиковъ къ коштному межеванію, оно было въ 1880 году, по представленію генераль-губернатора, пріостановлено особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ. Въ 1891 году послѣдовало изданіе закона, коимъ снова разрѣшалось производство коштнаго межеванія, но съ тѣмъ, чтобы право пастбы скота на земляхъ и въ лѣсахъ помѣщика и другіе сер-

1) Отсюда и названіе „коштнаго“ — на свой „коштъ“.

витуты тамъ, гдѣ они существуютъ, этимъ межеваніемъ не прекращались.

Послѣ такого разрѣшенія, однако, никто изъ помѣщиковъ къ коштному межеванію не обращался.

Иногда, пользуясь отсутствіемъ въ законѣ точнаго опредѣленія существа сервитутныхъ правъ и установленіемъ обоюднаго права пастбищнаго сервитута крестьянъ и помѣщиковъ, нѣкоторые помѣщики толковали это право въ томъ смыслѣ, что оно установлено не только для наличнаго скота помѣщика. Поэтому, они нарочно брали для пастбы гурты овецъ и пускали ихъ на толоки крестьянъ въ такомъ количествѣ, что крестьянскому скоту никакого корма не оставалось.— Крестьяне сначала обращались въ суды, но не найдя въ нихъ защиты, проявляли самоуправство, а когда и это не помогало, то дабы спасти свой скотъ нерѣдко отказывались отъ своего права пасти скотъ на поляхъ помѣщика безвозмездно, лишь бы только освободить этимъ свои поля отъ помѣщичьяго скота. А этого только помѣщику и надо было достигнуть. Чтобы составить себѣ понятіе о количествѣ имѣній, обремененныхъ сервитутами, достаточно привести цифровыя данныя. Изъ числа 7895 имѣній, расположенныхъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ и въ губерніяхъ Минской и части (четырехъ уѣздахъ) Витебской обременены сервитутами 2446 имѣній. Изъ числа 5711 крестьянскихъ обществъ, существующихъ въ Юго-Западномъ краѣ, право пастбы скота предоставлено на поляхъ помѣщиковъ 2769 обществамъ, т. е. почти 49%. Изъ этого числа 1627 обществъ уже отказалось отъ права пастбы скота на толочныхъ земляхъ на основаніи состоявшихся между ними и помѣщиками съ виду добровольныхъ, а на самомъ дѣлѣ часто, вслѣдствіе указанныхъ выше пріемовъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ, почти принудительныхъ сдѣлокъ.

Всѣ комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности Юго-Западнаго края единогласно свидѣтельствуютъ о вредѣ, причиняемомъ чрезполосностью и сервитутами и той неопредѣленности земельныхъ отношеній, которая связана съ этими особенностями землепользованія въ краѣ¹⁾. Но во мнѣніяхъ многихъ изъ этихъ комитетовъ явно проглядываетъ односторонность, обусловливаемая преимущественнымъ представительствомъ въ комитетахъ интересовъ помѣстнаго элемента, поэтому хотя комитеты и считаютъ необходимымъ вознаграждать крестьянъ при отѣмѣ пастбищнаго сервитута, но очень мало удѣляютъ вниманія этой сторонѣ вопроса.

¹⁾ Труды с.-х. ком. т. XV, стр. 224, 227, т. XVII, стр. 334, т. XI, стр. 61 и др.

Тѣмъ большаго вниманія заслуживаетъ интересная записка, представленная въ Минскій губернский комитетъ г. Ястрембскимъ, который констатируетъ въ результатѣ подробнаго изслѣдованія, что пастбищные и лѣсные сервитуты становятся съ теченіемъ времени для крестьянъ все болѣе и болѣе важными, и что при отсутствіи въ законѣ достаточной охраны сервитутныхъ правъ крестьянъ размѣръ сервитута землевладѣльцевъ систематически уменьшается иногда до полного уничтоженія.

Пастбищный сервитутъ по закону связанъ съ чрезполосностью, съ уничтоженіемъ которой онъ падаетъ. Поэтому для крестьянъ, извлекающихъ, такимъ образомъ, существенную выгоду отъ чрезполосности своихъ земель съ помѣщичьими невыгодно уничтоженіе послѣдней. Между тѣмъ чрезполосность является, при настоящемъ уровнѣ сельскаго хозяйства въ краѣ, очень вредной въ хозяйственномъ отношеніи.

Уничтоженіе чрезполосности путемъ разверстанія земель—одинъ изъ насущныхъ вопросовъ Западнаго края. Но, конечно, онъ можетъ быть рѣшенъ только при признаніи за крестьянами права на вознагражденіе за лишеніе ихъ выгоды пастбищнаго сервитута.

Въ настоящее время уничтоженіе чрезполосности поставлено въ зависимость отъ взаимнаго соглашенія крестьянъ съ помѣщикомъ. Долгое время, вслѣдствіе признанія подворнаго владѣнія видомъ собственности, свободнымъ отъ вмѣшательства общества крестьянъ, признавалось необходимымъ согласіе всѣхъ безъ исключенія домохозяевъ на разверстаніе. Но въ 1892 году для облегченія сдѣлокъ о разверстаніяхъ признано достаточнымъ постановленіе $\frac{2}{3}$ домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ, и это постановленіе обязательно для всего общества. То же начало указаннымъ закономъ распространено и на сдѣлки по уничтоженію сервитутовъ.

Несмотря на такое облегченіе для помѣщиковъ въ достиженіи согласія обществъ на разверстаніе—сдѣлки о разверстаніи, въ виду нежеланія помѣщиковъ идти на болѣе или менѣе существенное вознагражденіе крестьянъ за лишеніе сервитутовъ, довольно рѣдки.

Гораздо успѣшнѣе идетъ процессъ фактической утраты правъ крестьянъ на сервитуты безъ вознагражденія.

Всякая перемѣна сѣвооборота на поляхъ помѣщика, сопровождающая введеніе болѣе интенсивныхъ способовъ обработки земли ведетъ къ уменьшенію или и полному уничтоженію сервитута. Всякое ускореніе во взметѣ пара ведетъ къ фактическому сокращенію права выпаса на помѣщичьей толокѣ. Худшій ростъ травъ на пожнивѣ

яровыхъ и озимыхъ хлѣбовъ вслѣдствіе болѣе тщательной ихъ обработки приводитъ къ тому же результату, значеніе котораго очень усиливается распространеніемъ культуры корнеплодовъ. Ускореніе въ видахъ повышенія культуры осенней обработки владѣльческихъ пожнивныхъ земель приводитъ къ тѣмъ же результатамъ. То же послѣдствіе имѣетъ посѣвъ клевера, съ тѣмъ, чтобы онъ выросъ послѣ уборки хлѣба. Сервитуты по сѣнокосамъ сокращаются и нарушаются раннимъ съ весны ихъ заказомъ и позднимъ скашиваніемъ, равно какъ и превращеніе бывшихъ ранѣе одноукосныхъ въ двукосные луга и преслѣдованіемъ этимъ запретомъ пастбы скота послѣ первой уборки сѣна. Сервитуты въ лѣсахъ нарушаются и сокращаются разнообразными способами: обращеніемъ лѣсовъ въ другой видъ угодій, разработкой лѣсовъ и установленіемъ системы лѣсного хозяйства, стѣсняющимъ или даже совершенно прекращающимъ лѣсной сервитутъ.

Такая потеря сервитутныхъ правъ крестьянами должна вызвать законодательное вмѣшательство и охрану этихъ правъ закономъ, который, опредѣливъ точно юридическое значеніе сервитута и давъ ему тѣмъ судебную защиту, конечно, много бы способствовалъ и уничтоженію сервитутовъ по добровольному соглашенію сторонъ. Такое уничтоженіе, сопряженное съ соответствующимъ вознагражденіемъ крестьянъ, было бы справедливо и прекратило бы произвольное упраздненіе сервитутовъ, вызывающее разнаго рода самоуправства и насилія и очень гибельно отзывающееся на крестьянскомъ хозяйствѣ.

Отъ сервитутовъ надо отличать право общаго пастбища крестьянъ и помѣщика, сохраненное во многихъ мѣстахъ Западнаго края. Часто эти различныя права смѣшиваются и напримѣръ, многіе комитеты о нуждахъ сел.-хоз. промышленности предлагаютъ одніи и тѣ же мѣры разграниченія общихъ пастбищъ и сервитутовъ ¹⁾. Между тѣмъ эти права не имѣютъ ничего общаго. Сервитутъ есть право въ чужомъ имѣніи, а общее пастбище есть право общей собственности, которое подлежитъ раздѣлу на равныхъ началахъ между крестьянами и помѣщикомъ ²⁾.

¹⁾ См. мнѣніе Виленскаго губер. комитета въ Трудахъ ком. о нуждахъ сел.-хоз. пром. т. XVI, стр. 6.

²⁾ Подробнѣе съ вопросомъ о сервитутахъ можно познакомиться въ соч. *Абрамовича* „О крестьян. сервитутахъ въ губерн. западн., прибалт. и ц. Польскаго. Спб. 1895 года“. *Личковъ Л. С.* „Новыя теченія въ сервитутномъ вопросѣ“. Кіевъ. 1903 г. См. также мою статью въ сборникѣ „Нужды деревни“ т. I, „Межевыя нужды деревни“.

ГЛАВА IV.

Основанія надѣленія государственныхъ крестьянъ.—Составъ государственныхъ крестьянъ.—Отдѣльные виды землевладѣнія государственныхъ крестьянъ: свободные хлѣбопашцы, однодворцы внутреннихъ губерній (четвертное землевладѣніе), старозаимочное землевладѣніе.—Вопросъ о правѣ собственности гос. крестьянъ на надѣльныя земли.—Положеніе 1866 года.—Примѣненіе выкупа къ надѣльнымъ землямъ гос. крестьянъ.—Владѣнные записи.

Въ первомъ отдѣлѣ настоящаго сочиненія уже былъ указанъ процессъ возникновенія и образованія государственныхъ крестьянъ и сліянія въ этомъ разрядѣ сельскихъ жителей различныхъ группъ свободного сельскаго населенія Россіи. Значительный шагъ къ объединенію въ административномъ отношеніи государственныхъ крестьянъ разныхъ наименованій былъ сдѣланъ въ 1838 году, реформой, произведенной при ближайшемъ участіи графа Киселева, тогдашняго Министра государственныхъ имуществъ.

Какъ разнообразенъ былъ составъ государственныхъ крестьянъ еще въ 1837 году, видно изъ прилагаемой таблицы, составленной въ этомъ году въ „Обозрѣніи государственныхъ имуществъ“.

Составъ государственныхъ крестьянъ къ 1837 году.

Наименованіе.	Число.
Собственно государ. крестьянъ	5.075.018
Однодворцевъ	1.238.214
Однодворческихъ крестьянъ	10.983
Малороссійскихъ казаковъ	553.691
Войсковыхъ обывателей	373.833
Воинскихъ поселянъ	59.454
Ямщиковъ	40.131
Свободныхъ хлѣбопашцевъ	70.331
Архіерейскихъ и монастырск. служителей	5.639
Обѣльныхъ вотчинник. (въ Олонец. губ.)	524
Половниковъ (въ Вологодской губ.)	2.723
Панцырныхъ бояръ	6.007
Крестьянъ поіезуитскихъ и иныхъ имѣній	393.593
Однодворцевъ западныхъ губерній	129.984

Наименование.	Число.
Колонистовъ, водворенныхъ на каз. зем. .	101.102
Евреевъ земледѣльцевъ	3.637
Тептерей и бобылей	99.368
Поселянъ магометанъ (Таврической губ.) .	124.599
Живущихъ на каз. земляхъ въ Бессарабіи	2.285
Могильщиковъ тамъ же	215
Поселянъ въ Камчаткѣ	410
Юртовыхъ татаръ (въ Астрахани)	10.905
Задунайскихъ переселенцевъ	20.197
Грековъ, грузинъ, болгаръ, живущихъ въ селеніяхъ	21.763
Инородцевъ въ сибирскихъ губ.	29.590
Переселенцевъ изъ гос. кр. въ Сибири . .	55.283
Сельскихъ обывателей-магометанъ въ Кавказской области	39.678
Ясашихъ, кочующихъ и бродячихъ въ сѣверныхъ и сибирскихъ губ.	206.856
Кочующихъ калмыковъ	44.532
„ киргизовъ	161.505

Въ отношеніи правъ на землю указанныхъ многочисленныхъ группы государственныхъ крестьянъ разнились между собой довольно значительно, въ зависимости отъ исторически сложившихся условій ихъ землепользованія. Многія изъ этихъ условій отражаются и по настоящее время и поэтому намъ необходимо хотя бы въ краткой формѣ ознакомиться съ исторіей наиболее любопытныхъ категорій крестьянъ, въ послѣдствіи вошедшихъ въ составъ крестьянъ государственныхъ.

Въ отношеніи правъ на владѣемую землю прежде всего надлежитъ выдѣлить, такъ называемыхъ, свободныхъ хлѣбопашцевъ—единственный разрядъ государственныхъ крестьянъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи¹⁾, который удержалъ за собой право собственности на землю и поэтому былъ свободенъ отъ оброка, а затѣмъ и отъ выкупа.

Свободные хлѣбопашцы впервые образовались дѣйствіемъ закона 20 февраля 1803 года изъ крестьянъ, освобожденныхъ помѣщиками отъ крѣпостной зависимости съ землей. Этимъ закономъ разрѣшалось помѣщикамъ увольнять крестьянъ съ землей по договору, который могъ быть заключенъ на условіяхъ, указанныхъ въ законѣ. Помѣщики имѣли право увольнять крѣпостныхъ съ землей, или, получивъ за землю выговоренную сумму, или разсрочивъ ее на извѣстное число лѣтъ. При этомъ законъ вмѣнялъ въ обязанность помѣщикамъ, про-

¹⁾ Здѣсь мы пока оставляемъ въ сторонѣ государственныхъ крестьянъ западныхъ губерній.

давая землю увольняемымъ крестьянамъ, не лишать земли тѣхъ крестьянъ, которые продолжали оставаться его крѣпостными. Это условіе любопытно, какъ проявленіе взгляда законодателя на право крѣпостныхъ крестьянъ владѣть помѣщичьей землей.

Законъ вмѣнялъ также въ обязанность при увольненіи отводить каждому увольняемому опредѣленный участокъ земли, съ выдачей плана на него.

При этомъ любопытна еще одна подробность, свидѣтельствующая о взглядѣ на увольненіе изъ крѣпостного состоянія не какъ на личное дѣло договаривающихся сторонъ крестьянъ и помѣщика, а какъ на дѣло государственнаго значенія.

Договоръ объ увольненіи съ землей долженъ черезъ предводителя дворянства представляться при прошеніи на Высочайшее имя и долженъ былъ разсматриваться ранѣе Высочайшаго утвержденія въ Государственномъ Совѣтѣ, которому законъ еще разъ вмѣнялъ въ обязанность удостовѣряться, что остающіеся крѣпостными крестьяне обезпечены землей.

Интересно также, какъ проявленіе взгляда законодателя на связь между состояніемъ лица въ сословіи крестьянъ и обезпеченіи его землей постановленія закона 1803 года о правахъ свободныхъ хлѣбопашцевъ. Какъ люди свободные, владѣющіе собственной землей на основаніи крѣпостныхъ документовъ, они имѣли право свободно располагать своей землей: продавать, закладывать и завѣщать ее. Но, при переходѣ по наслѣдству, земля не могла раздробляться на участки менѣе восьми десятинъ.

Впослѣдствіи, въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ могли переходить и крестьяне, освобожденные помѣщикомъ безъ земли, но при условіи, что они докажутъ, что приобрѣли себѣ землю.

Свободные хлѣбопашцы приравнивались по закону къ государственнымъ крестьянамъ съ возложеніемъ на нихъ подушной подати и натуральныхъ повинностей на общемъ съ государственными крестьянами основаніи, но съ освобожденіемъ отъ платежа оброка.

Любопытно также то обстоятельство, что тяготѣніе крестьянъ къ общинному землевладѣнію заставило законъ измѣнить требованіе указа 1803 года о надѣленіи cadaго крестьянина опредѣленнымъ участкомъ земли. Обнаружилось, что такое требованіе трудно исполнимо, что влекло за собой съ одной стороны затрудненіе къ освобожденію крестьянъ съ землей, а съ другой стороны неясность ихъ правъ на землю.

30 апрѣля 1838 года былъ изданъ законъ, который смягчалъ требованіе закона 1803 года. Не отказываясь отъ мысли устроить свободныхъ хлѣбопашцевъ, являющихся собственниками земли по крѣ-

постнымъ документамъ на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ, индивидуальными собственниками отдѣльныхъ участковъ земли, законъ 1838 года отказался отъ требованія указанія отдѣльнаго участка каждому увольняемому домохозяину при самомъ увольненіи. Онъ разрѣшилъ увольнять крестьянъ съ указаніемъ общей площади приобретаемой земли, но все-таки съ тѣмъ, чтобы крестьянамъ было предоставлено произвести раздѣлъ по участкамъ, причемъ въ условіи должно быть объяснено въ какой именно срокъ и на какомъ основаніи они должны произвести раздѣлъ, т. е. „по количеству ли внесеннаго за себя каждымъ крестьяниномъ при заключеніи условія выкупа или по числу наличныхъ душъ, какое состояло при заключеніи условія или же будетъ состоять при наступленіи помянутого срока“. Въ этихъ заключительныхъ словахъ ясно сказывается уступка обычаю, которымъ крестьяне привыкли регулировать свои передѣлы.

Очевидно, что до раздѣла земля признавалась состоящей въ общинной собственности и законъ 1838 года сдѣлалъ указъ въ отдѣлъ о правахъ свободныхъ хлѣбопашцевъ существо правъ отдѣльныхъ крестьянъ при наличности общины и опредѣляетъ ихъ совершенно правильно и даже болѣе точно, чѣмъ онъ сдѣлалъ это въ 1861 году.

До раздѣла земли, говоритъ законъ ¹⁾, никто изъ свободныхъ хлѣбопашцевъ отдѣльно не можетъ быть признанъ полнымъ хозяиномъ оставленнаго ему помѣщикомъ участка, следовательно, не можетъ ни отчуждать, ни передавать своего права на него. „Въ случаѣ смерти одного изъ крестьянъ, до раздѣла послѣдовавшей, бывший *во владѣніи* его участокъ переходитъ къ наслѣдникамъ его, на основаніи существующихъ узаконеній, но только на правѣ владѣнія, а не на правѣ собственности; при учиненіи же раздѣла, оставшіяся послѣ умершаго участки входятъ въ общую массу имѣющей быть раздѣленною земли, и *въ собственность* наслѣдниковъ поступаетъ та лишь часть участка, которая по раздѣлу причиталась бы на долю умершаго.

Приведенная справка закона 1838 года имѣетъ значеніе также, какъ доказательство того, что законъ былъ знакомъ съ общиной задолго до ея „открытія“ Гакстгаузенемъ, которому любятъ приписывать первое свидѣтельство о русской общинѣ.

Свѣдѣнія о бывшихъ свободныхъ хлѣбопашцахъ свидѣлствуютъ о томъ, что громадное большинство ихъ такъ и осталось при общинномъ владѣніи и не производило раздѣла земли ²⁾.

¹⁾ Законъ 7 іюня 1838 г. стр. 782 ст. IX т. св. зак. изд. 1842 г.

²⁾ О свободныхъ хлѣбопашцахъ см. *Семевского „Крестьянскій вопросъ“*. Сиб. 1888 г. Т. II, гл. VIII, стр. 209—255.

Слѣдующая категорія государственныхъ крестьянъ, которая должна быть нами отмѣчена—это однодворцы, владѣющіе, такъ называемыми, четвертными землями. Этотъ разрядъ крестьянъ представляетъ собой потомство тѣхъ служилыхъ людей, которые получали помѣстья преимущественно на границѣ Московскаго государства, съ обязанностью отправлять за это службу. Граница государства перемѣщалась на югъ, создавая все новыя и новыя поселенія однодворцевъ.

Первоначально въ числѣ окраинныхъ городовъ считалась Тула. Южнѣ этого города верстъ на десять проходила лѣсная засѣка въ шесть верстъ, служившая задержкой противъ прихода татарскихъ полчищъ. Вдоль всей засѣки были помѣщены засѣчные сторожа и тамъ, гдѣ попадались безлѣсные мѣста, строили крѣпости. Съ теченіемъ времени поселенія двинулись на югъ, образовавъ города: Елецъ, Орель, Кромь, Сѣвскъ, Болховъ, Трубчевскъ, Рыльскъ, Путивль. Еще позднѣ Тамбовъ, Козловъ, Ливны, Талецъ и, наконецъ, придвинулись къ извѣстной Бѣлгородской чертѣ, проходившей черезъ Бѣлгородъ. На всемъ очерченномъ пространствѣ поселялись служилые люди, потомъ, при Петрѣ I, названные однодворцами и обложенные подушной податью.

Предки однодворцевъ получили испомѣщеніе земель исчисляемой мѣрою того времени—четвертью—равняющейся $1\frac{1}{2}$ десятинѣ въ каждомъ изъ трехъ полей—всего $1\frac{1}{2}$ дес. Отсюда и названіе формы ихъ землевладѣнія—четвертной. Основанная на испомѣщеніи, эта форма землевладѣнія въ принципѣ приближается къ подворной—ибо каждая семья получала право на извѣстное число четвертей.

Въ дѣйствительности у многихъ однодворцевъ съ теченіемъ времени образовалось общинное землевладѣніе. И по многимъ памятникамъ мы можемъ даже прослѣдить процессъ образованія общины четвертныхъ владѣльцевъ ¹⁾.

Испомѣщаемые служилые люди селились вмѣстѣ и владѣли землями черезполосно, „черезъ десятину“, какъ говорилось въ памятникахъ того времени. Правительство московскихъ князей, какъ бы предвосхищая современную аграрную политику, дѣлало попытки принудительнаго разверстанія черезполосныхъ участковъ и отвода ихъ къ одному мѣсту, но попытки эти терпѣли неудачу.

Такъ, писцовый наказъ царя Ѳедора Алексѣевича ввелъ принудительное межеваніе, но вслѣдствіе противодѣйствія населенія новый писцовый наказъ, изданный въ апрѣлѣ 1683 года, уже не содержалъ

¹⁾ Для уясненія многихъ сторонъ четвертного землевладѣнія очень цѣнно соч. Благовѣщенскаго „Четвертное право“. Москва. 1899 г.

этого требованія. Четвертные владѣльцы продолжали владѣть землей черезполосно и даже практиковать передѣлы полей въ натурѣ, сохраняя, однако, подворное право на извѣстное количество четвертей, какъ идеальную долю, опредѣляющую размѣръ ихъ права на землю.

Установившаяся общность интересовъ по владѣнію черезполосной землей облегчала переходъ къ общинѣ.

Межевая инструкция Екатерины II, исходя изъ этого факта общности владѣнія земель, уже устанавливаетъ начало межеванія дачъ однодворцевъ въ одну окружную межу, предоставляя раздѣлъ земель между однодворцами ихъ полюбовнымъ соглашеніямъ. Общинные порядки стали все чаще проявляться въ земляхъ четвертныхъ владѣльцевъ и со времени обложенія подушной податью повлекли за собой и душевой передѣлъ земли. Насколько формы землевладѣнія однодворцевъ стали приближаться къ общинной формѣ землевладѣнія смежныхъ съ ними государственныхъ крестьянъ видно изъ указа 19 августа 1798 г., которымъ повелѣвалось производить уравнительную разверстку земли между поселянами и которымъ въ частности повелѣвалось „всѣ владѣемые однодворцами земли обратить въ душевой раздѣлъ, оставляя безъ раздѣла только изъ законнопріобрѣтенныхъ ими земель тѣ, кои превышали 15-ти десятинную на душу пропорцію“. Переходъ къ общинному землевладѣнію участился со времени объединенія однодворцевъ съ государственными крестьянами при графѣ Киселевѣ. Такъ, напр., однодворцы Обоянскаго уѣзда, Курской губ., перешли къ общинной формѣ владѣнія земель. Юридически однодворцы, какъ мы увидимъ, въ большинствѣ случаевъ при надѣленіи получили землю въ подворное владѣніе, которое и по сіе время на мѣстѣ выражается терминомъ владѣніе „на четвертномъ правѣ“. Они потеряли только право собственности на землю и, какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія, принуждены были „выкупать“ свои земли, полученные ими когда-то въ помѣстье¹⁾.

На югѣ отъ четвертныхъ владѣльцевъ, на самой, такъ называемой, Бѣлгородской чертѣ возникло другое землевладѣніе, такъ называемое „старозаймочное“. Владѣльцы старозаймочныхъ земель также вошли въ составъ государственныхъ крестьянъ. Это были выходцы изъ Украины, малороссійскіе казаки, которые начали съ 1640 г., т. е. во время войны Богдана Хмѣльницкаго съ Польшей, переселяться на границу Московскаго государства, въ мѣстность, которая стала назы-

1) Нынѣшнія формы землевладѣнія у крестьянъ, владѣющихъ землей на четвертномъ правѣ, описаны въ земскихъ статистическихъ сборникахъ по Орловской, Курской и Тамбовской губерніямъ.

ваться Слободской Украиной (главнымъ образомъ нынѣшняя Харьковская губ., частью Воронежская и Курская). Московскіе государи охотно разрѣшали селиться на правахъ „займки“ и предоставляли выходцамъ занятыя ими земли въ вѣчное владѣніе. Имъ обезпечивались льготы отъ податей и торговыхъ пошлинъ и право владѣть землей по ихъ стариннымъ „черкасекимъ обычаямъ“, какъ писалось въ грамотахъ того времени. За это владѣльцы земель обязаны были военной службой, образуя казачьи полки: Сумскій, Харьковскій, Ахтырскій и др.

Впослѣдствіи старозаймочники, освобожденные отъ военной службы, перешли въ разрядъ государственныхъ крестьянъ и были обложены оброчной податью, обращенной впослѣдствіи на общемъ основаніи въ выкупные платежи.

Сначала старозаймочники подчинились было своей участи платить оброкъ. Но на выкупъ своей земли они не согласились и, опираясь на право землевладѣнія и грамоты Московскихъ царей, жаловавшихъ ихъ землями, стали предъявлять въ судахъ иски о признаніи за ними права собственности на занятыя земли и о возвращеніи уплаченныхъ ими выкупныхъ платежей.

Суды въ 80-хъ годахъ минувшаго столѣтія стали удовлетворять предъявленные иски и присуждать съ казны солидныя суммы въ возвратъ уплаченныхъ оброчной подати и выкупныхъ платежей. Въ Министерствѣ финансовъ было вычислено, что если всѣ иски будутъ удовлетворены, казнѣ придется возратить до 50 милліоновъ рублей.

25 сентября 1883 года послѣдовало особое Высочайшее повелѣніе о пріостановкѣ производства дѣлъ по искамъ о старозаймочныхъ земляхъ впредь до разрѣшенія вопроса объ этихъ земляхъ въ законодательномъ порядкѣ. Разрѣшеніе вопроса послѣдовало только по закону 17 мая 1899 года. Этимъ закономъ всѣ старозаймочныя земли, кромѣ тѣхъ, которыя были отданы „въ вотчину“ Высочайшей Властью, были признаны казенными, отведенными казакамъ только въ пользованіе и по-этому подлежащими выкупу¹⁾.

Изъ сказаннаго выше видно, что въ число государственныхъ крестьянъ вошли такіе разряды сельскихъ жителей, которые владѣли не казенными, а собственными землями.

1) О старозаймочныхъ земляхъ см. *Паваринскій* „О старозаймочномъ крестьянскомъ землевладѣніи“. Спб. 1904 г.

Владѣльцы послѣднихъ, вошедшіе въ составъ государственныхъ крестьянъ, платили оброкъ, не придавая ему значенія показателя того, что земли, которыми они владѣютъ, не принадлежатъ имъ на правѣ собственности. Ихъ права по своему происхожденію ничѣмъ не отличались отъ правъ на землю помѣстнаго служилаго сословія, дворянъ, т. е. отъ того рода правъ, который въ рукахъ дворянъ-помѣщиковъ развился въ институтъ полной личной собственности на землю и далъ главное основаніе для образованія въ Россіи частной земельной собственности. Но судьба правъ на землю низшихъ служилыхъ сословій, пожалованныхъ государствомъ земель, была прямо противоположна судьбѣ дворянской собственности. Они постепенно теряли свои права, сравниваясь въ нихъ съ прочими разрядами государственныхъ крестьянъ, не получившихъ пожалованныхъ правъ на землю, а только „поселенныхъ“ на государственныхъ земляхъ. Этотъ процессъ постепенной потери правъ на землю былъ связанъ съ двумя обстоятельствами. Съ одной стороны оброчная подать съ момента своего установленія не была выдѣлена изъ поземельнаго налога, носила характеръ не арендной платы за землю, а характеръ обложенія, характеръ государственнаго налога, и само правительство часто разсматривало ее именно такимъ образомъ. Съ другой стороны и земли, отведенныя во владѣніе другихъ разрядовъ государственныхъ крестьянъ, не были еще совершенно сравнены съ прочими государственными землями и трактовались законодательными актами того времени, какъ такія крестьянскія земли, на которыя государство имѣетъ верховное право собственности, но не право частной собственности и, во всякомъ случаѣ, не право распоряженія ими. Эти земли считались состоящими въ вѣчномъ и потомственномъ владѣніи крестьянскихъ обществъ, очень близко подходящемъ къ праву собственности. И пока дѣло стояло такимъ образомъ, для тѣхъ разрядовъ государственныхъ крестьянъ, которые считали себя собственниками пожалованныхъ имъ земель, не было видимой надобности защищать свои права отъ посягательства на нихъ со стороны государственной власти. Потеря правъ, такимъ образомъ, развивалась постепенно, незамѣтно, до тѣхъ поръ, пока она не сдѣлалась очевидной, выразившись въ переводѣ всѣхъ государственныхъ крестьянъ на выкупъ.

Эта любопытная страница исторіи землевладѣнія государственныхъ крестьянъ въ предѣлахъ, которые могутъ быть ей нами отведены, можетъ быть прослѣжена только въ самыхъ общихъ чертахъ. Въ своемъ сочиненіи: „Графъ Киселевъ и его время“ Заблоцкій-Десятовскій, хорошій знатокъ русскаго законодательства, говоритъ, что

въ правительственныхъ актахъ казенными землями и лѣсами обыкновенно назывались тѣ, которыя находились въ распоряженіи непосредственно казны, представленныя же въ пользованіе государственныхъ крестьянъ въ противоположность первымъ носили названіе, какъ бы изъ другого права собственности проистекающее: такія земли именовались „общественными“, „общественной собственностью“, лѣса— „крестьянскими“, оброчныя статьи— „мірскими“, именно въ противоположность казеннымъ. „Естественно“, удостовѣряетъ указанный авторъ, „что это различіе въ названіяхъ произвело и поддерживало въ государственныхъ крестьянахъ мысль о томъ, что отведенныя имъ отъ казны земли и другія угодья составляютъ ихъ собственность: въ этомъ утверждалъ ихъ и порядокъ судебной защиты отведенныхъ имъ земель“¹⁾.

Профессоръ Ходскій въ своемъ сочиненіи: „Земля и земледѣлец“ соглашается съ этимъ взглядомъ и говоритъ, что, если приложить самый справедливый принципъ частной собственности на землю, то придется признать, что государственные крестьяне въ большинствѣ случаевъ сидѣли на собственной землѣ“. Несмотря на такой справедливый взглядъ, профессоръ Ходскій совершенно непослѣдовательно прिवѣтствуетъ обложеніе государственныхъ крестьянъ выкупными платежами.

Мы указывали, что оброчная подать служила однимъ изъ факторовъ, способствовавшихъ потерѣ государственными крестьянами правъ на землю. Въ самомъ дѣлѣ, когда оброчная подать была преобразована, отдѣлена отъ поземельнаго налога, она являлась уже ни чѣмъ инымъ, какъ арендной платой за землю, платимой казнѣ и, слѣдовательно, показателемъ того, что платящіе ее признаютъ право собственности казны на владѣмыя земли. Но тогда, когда такая специализація значенія оброчной подати установилась, уже были обложены этой податью земли, которыя никогда не могли бы быть обложены ею, если бы и при установленіи оброчной подати былъ ясенъ ея специальный характеръ.

Насколько такой характеръ отсутствовалъ при установленіи этого вида сбора, видно изъ самаго его названія „подати“. Оброчная подать возникла изъ того добавочнаго къ подушной подати сбора, который былъ введенъ для государственныхъ крестьянъ еще въ 1724 году при Петрѣ Великомъ. Онъ взимался подушно, независимо отъ размѣровъ владѣнія землей. Проф. Ходскій видитъ уже въ этомъ сборѣ доказа-

¹⁾ Заблоцкій-Десятовскій. „Графъ Киселевъ и его время“, т. II, стр. 49.

тельство того, что государственные крестьяне не признавались собственниками земель, такъ какъ этотъ сборъ по своему размѣру, по мысли законодателя, долженъ былъ соответствовать тѣмъ доходамъ, которые получали вотчинники съ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Но одно такое сопоставленіе ихъ не рѣшаетъ вопроса. Гораздо важнѣе именно. несомнѣнная связь оброчной подати съ дополнительнымъ налогомъ, который брался съ души и не стоялъ ни въ какой зависимости отъ размѣровъ владѣнія землей. Указаніе на то, что онъ не превышаетъ платежей крѣпостныхъ крестьянъ могло имѣть значеніе только доказательства его справедливости въ смыслѣ величины податного бремени, тѣмъ болѣе, что въ то время помѣстный элементъ имѣлъ также государственное значеніе и сравненіе хотѣло показать, что сельскіе обыватели, свободные отъ такого косвеннаго служенія государству путемъ доставленія средствъ помѣстному элементу для несенія лежащихъ на немъ государственныхъ обязанностей, должны удѣлять непосредственно государству соответствующій доходъ путемъ уплаты дополнительной подати. При установленіи оброчной подати съ земли въ 1837 году въ указѣ прямо говорится о замѣнѣ оброчной податью прежней подушной въ виду ея неравномѣрности¹⁾. Конечно, мы этимъ не хотимъ сказать, что оброчная подать есть всецѣло налогъ и что въ немъ нельзя видѣть плату за землю. Несомнѣнно, правительство стремилось къ тому, чтобы укрѣпить свое право собственности на земли, находящіяся во владѣніи государственныхъ крестьянъ, между прочимъ и постепеннымъ выясненіемъ значенія и характера оброчной подати, исключеніемъ, напримѣръ, взиманія ея въ 19 столѣтіи съ земель, на которыя государственные крестьяне имѣютъ крѣпостные документы. Но, несомнѣнно, что указанный смѣшанный характеръ оброчной подати, къ которому подходило и понятіе налога, способствовалъ той легкости, съ которой подпали этому сбору тѣ разряды государственныхъ крестьянъ, которые несомнѣнно владѣли землями по титулу пожалованія и продолжали считать себя собственниками владѣмой земли и послѣ того, какъ стали платить оброчную подать.

Ко времени графа Киселева, ознаменовавшагося реформой 1838 года, разные разряды государственныхъ крестьянъ были уже въ значительной степени объединены и могли подвергнуться дальнѣйшему объединенію въ административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Мы уже указывали на какихъ началахъ была произведена эта реформа въ отношеніи организаціи мѣстнаго самоуправления. Теперь мы должны

кратко изложить основныя ея начала въ отношеніи земельного устройства государственныхъ крестьянъ, такъ какъ они опредѣлили нѣкоторыя стороны ихъ землевладѣнія.

Ко времени графа Киселева взгляды на земли, занимаемыя государственными крестьянами, какъ на казенныя, уже значительно окрѣпли. Отсюда явилась мысль о правѣ государственной власти распоряжаться ею, уравнивать ее. Такая уравнивательная тенденція, несомнѣнно, совпала и со стремленіемъ самихъ крестьянъ. Ревизія, предпринятая при графѣ Киселевѣ, обнаружила очень большую неравномѣрность въ распредѣленіи земли у государственныхъ крестьянъ. Были общества, у которыхъ приходилось не болѣе $\frac{1}{2}$ десятины на душу, а другихъ по 20 и болѣе. При распредѣленіи общественныхъ земель въ сельскихъ обществахъ мірофды успѣвали захватывать въ свои руки земли прочихъ крестьянъ: до 600 тысячъ душъ, имѣющихъ надѣлы, не пользовались ими; до 182 тысячъ душъ вовсе не имѣли земли, не были ею надѣлены; кромѣ того числилось до 143 тысячъ душъ, не имѣющихъ даже усадебной земли. Съ цѣлью уравниванія владѣнія были установлены нормы надѣленія въ 8 дес. для малоземельныхъ и въ 15 десятинъ для многоземельныхъ мѣстностей. Всѣ общества, имѣющія на душу менѣе 5 десятинъ, могли просить о дополнительномъ надѣленіи. Просьбы эти удовлетворялись въ порядкѣ степени нужды въ землѣ, т. е. сначала удовлетворялись просьбы обществъ, имѣющихъ менѣе земли.

Кромѣ расширенія землевладѣнія на счетъ казенныхъ свободныхъ земель, средствомъ уравниванія по закону могла служить и отрѣзка отъ земель такихъ обществъ, которыя имѣютъ больше узаконеннаго количества. Впрочемъ, на практикѣ это средство пускалось въ дѣло очень рѣдко. Въ періодъ съ 1844 года по 1853 г. во внутреннихъ губерніяхъ только въ 138 селеніяхъ было произведено подобное уравниваніе.

Вслѣдъ за обнародованіемъ положеній 19 февраля правительство признало необходимымъ реорганизовать на новыхъ началахъ земельное и общественное устройство и государственныхъ крестьянъ. Это намѣреніе было осуществлено изданіемъ положенія 24 ноября 1866 года.

При обсужденіи этого положенія очень любопытно то разногласіе, которое было вызвано обсужденіемъ принципиальнаго вопроса о характерѣ права государственныхъ крестьянъ на надѣльныя земли. Съ высказанными по этому поводу мнѣніями можно познакомиться въ сочиненіи проф. Ходскаго: „Земля и земледѣлец“ и въ матеріалахъ о

¹⁾ Указъ 26 декабря 1837 года, § 23, п. 5.

старозаимочномъ землевладѣніи, изданныхъ А. Ф. Паваринскимъ ¹⁾. Въ послѣднемъ сочиненіи приведены цѣликомъ сужденія по этому предмету въ главномъ комитетѣ по устройству сельскаго состоянія и въ государственномъ совѣтѣ. Въ главномъ комитетѣ по устройству сельскаго состоянія членъ его Бахтинъ представилъ записку, въ которой сопоставленіемъ историческихъ данныхъ и указаній дѣйствующаго права приходило къ заключенію, что государственные крестьяне имѣютъ право собственности на владѣмыя ими земли и выкупать ихъ не имѣютъ никакихъ основаній. Онъ ссылается также на то, что самъ Министръ государственныхъ имуществъ въ 1858 году заявилъ въ комитетѣ для устройства государственныхъ крестьянъ, что государственные крестьяне не имѣютъ надобности выкупать усадьбу, ибо имъ дана отъ правительства земля въ опредѣленномъ, соразмѣрномъ съ ихъ потребностями количествѣ, что государственные крестьяне получили полную увѣренность, особенно въ великороссійскихъ губерніяхъ, что земля имъ отдана въ полное неотъемлемое владѣніе на правѣ собственности и что при такихъ понятіяхъ государственныхъ крестьянъ о правахъ ихъ владѣнія было бы неудобно объявить имъ о выкупѣ усадебныхъ участковъ. Такое же мнѣніе очень подробно развивалъ и графъ Адлербергъ ²⁾. Онъ рѣзко и опредѣленно высказался, что „земля, на которой живутъ государственные крестьяне, признана въ юридическомъ значеніи государственной собственностью, а въ дѣйствительности оставлена во владѣніи сельскихъ обществъ безъ ограниченія времени и срока, т. е. навсегда. Это различіе собственности отъ безсрочнаго владѣнія представляетъ лишь отвлеченное разграниченіе права. Въ сущности такое владѣніе есть та же неотъемлемая принадлежность или собственность только безъ права отчужденія, которое и не вполне совмѣстимо съ общественнымъ владѣніемъ. Юридическое опредѣленіе собственности выработалось гораздо позже, а тогда равносильнымъ было ей безспорное потомственное владѣніе, каковымъ и было на самомъ дѣлѣ поземельное владѣніе крестьянъ. Правительственная власть не считала землю, на которой водворены государственные крестьяне, отдѣльнымъ отъ нихъ имуществомъ; налагаемый поземельный оброкъ не могъ, по своему значенію, считаться арендною платою, потому что всякій арендный взносъ устанавливается по договору. На государственныхъ крестьянъ оброкъ налагался какъ

¹⁾ „О старозаимочномъ крестьянскомъ землевладѣніи въ мѣстности бывшихъ слободскихъ полковъ. Сводъ матеріаловъ по изданію закона 17 мая 1899 г. Изд. Министерства юстиціи. Спб. 1904, стр. 342 и сл.

²⁾ „О старозаимочномъ крестьянскомъ землевладѣніи“, стр. 345.

на податное сословіе, а за средство и возможность уплаты принималась предоставленная имъ земля. Доходность земель, отданныхъ государственнымъ крестьянамъ, никогда не могла быть опредѣлена такимъ образомъ, чтобы устанавливаемая поземельная подать составляла плату собственно за пользованіе землею по ея качеству и количеству, независимо отъ личнаго труда людей, съ ней скрѣпленныхъ. Земля не рассматривалась отдѣльно отъ населенія и оно облагалось податью по разнымъ своимъ средствамъ и въ томъ числѣ по землѣ, ему отданной“. При такихъ окрѣпшихъ отношеніяхъ крестьянъ къ землѣ по смыслу закона, явившагося результатомъ исторической жизни народа, нельзя и нынѣ, по мнѣнію графа Адлерберга, рассматривать земли государственныхъ крестьянъ иначе, какъ имъ окончательно принадлежащія и имѣть достаточнаго основанія для новаго укрѣпленія предоставленнаго уже имъ навсегда имущества, заставляя выкупать его. „То, что нерушимо установилось долгою народною жизнью, представляетъ своего рода право, хотя бы и не вошедшее въ писанный законъ“ ¹⁾.

То же разногласіе вызвало указанный вопросъ въ государственномъ совѣтѣ. Къ мнѣніямъ Бахтина и графа Адлерберга присоединилось 6 членовъ государственнаго совѣта. Но 38 членовъ его согласились съ представленіемъ Министра государственныхъ имуществъ и признали вмѣстѣ съ нимъ права государства на земли крестьянъ, хотя все-таки они уклонились отъ категорическаго рѣшенія вопроса о выкупѣ. Они признали необходимымъ, „сохранивъ за крестьянами постоянное пользованіе отведенными имъ казенными землями, не допускать никакихъ ограниченій въ правахъ казны на означенныя земли и въ этихъ видахъ постановить, что казенныя земли, на коихъ водворены государственные крестьяне, составляютъ, согласно дѣйствующимъ узаконеніямъ, собственность казны и что крестьянамъ сохраняется право постоянного пользованія сими землями на опредѣленныхъ условіяхъ“. Это постановленіе было утверждено Государемъ и, такимъ образомъ, идея выкупа временно была оставлена. Вмѣстѣ съ тѣмъ было подтверждено право крестьянъ на постоянное пользованіе надѣльными землями безъ ограниченія времени и срока.

28 января 1863 года были утверждены главные начала реформы, положенныя въ основаніи закона, изданнаго въ 1866 г. 1) Обществамъ государственныхъ крестьянъ должно сохранить весь существующій ихъ надѣлъ. 2) Крестьяне, владѣя отведенными имъ землями, должны

¹⁾ Ibidem, стр. 347.

платить определяемую законом оброчную подать, которая может быть возвышена и должна быть распределена уравнительно. 3) Должен быть указан путь для перехода государственных крестьян в полных собственников земель, состоящих в их владении.

В соответствии с перечисленными началами в 1866 году было издано положение о поземельном устройстве государственных крестьян в 36 губерниях великороссийских, малороссийских и новороссийских ¹⁾. На основании этого положения, сельские общества государственных крестьян сохраняют все предоставленные им в наделе и состоящие в их пользовании земли и угодья. В тех же обществах, где земли, находящиеся в пользовании крестьян, не ограничены от земель, остающихся в непосредственном распоряжении казны, пространство крестьянского надела определяется по соразмерности с существующим пользованием, но не свыше 8 десятин на душу в малоземельных уездах и 15 десятин в многоземельных. Земли, таким образом, отводятся обществам, которые и распоряжаются ими, иначе говоря, отводятся в общинное пользование. Но общество, по приговору $\frac{2}{3}$ домохозяев, имеющих право голоса на сходке, может разделить принадлежащую ему земли на подворные участки, может тем же большинством выделять в подворное владение отдельного домохозяина участок земли. В обоих случаях общественный приговор нуждается в утверждении мирового посредника или лица, его замещающего. Общество может продавать землю своего надела не иначе, как по приговору $\frac{2}{3}$ своих членов, засвидетельствованному мировым посредником или лицом, его замещающим, с совершением крепостного акта. Подворный владелец может отчуждать свой участок также по крепостному акту. Порядок наследования наделными землями определяется местными обычаями.

Мы сказали, что государственным крестьянам земли отводятся в общинное пользование. Но так следует только по букве положения. Актом поземельного устройства государственных крестьян является владная запись. Из приложения же формы владной записи видно, что в ней предусматривается и подворное владение для так называемых четвертных владельцев.

Вопрос о праве собственности государственных крестьян так и не был решен, как мы видели, при составлении положения

¹⁾ Государственные крестьяне девяти западных губерний причислены к разряду крестьян-собственников в 1867 году; поземельное устройство этих крестьян определяется особыми правилами.

1866 года. Государственные крестьяне были обложены оброчной податью, но вместе с тем названы крестьянами-собственниками, выражение, которое употребляется для крепостных крестьян только по отношению к тем крестьянам, которые уже перешли на выкуп. Оброчная подать, установленная по положению, была объявлена неизменной в течение 20 лет, т. е. до 1887 года. Положение предоставляет желающим право освободиться от оброчной подати, внести капитал, проценты с которого равнялись бы ежегодной оброчной подати. Это, так сказать, выкуп оброчной подати, хотя он и равносителен выкупу земли. В 1887 году при окончании срока оброчной подати, установленной неизменной на 20 лет, снова возник вопрос о применении к государственным крестьянам выкупной операции, т. е. об обязательном переходе их с оброка на выкуп. Опять поднялся вопрос о том, на каком праве принадлежать крестьянам земля и можно ли ее выкупать. Спор усложнился уже самым определением по положению 1866 года крестьян собственниками наделной земли. Финансовые выгоды выкупной операции рвались делом. Несмотря на горячие возражения И. Аксакова, который писал, что „заставить государственных крестьян выкупать те земли, на которых они поселились, это все равно, что заставить дуб выкупать свои собственные корни“, выкупная операция была распространена и на государственных крестьян. Но размер выкупной ссуды не был определен по капитализации размера оброка, установленного при выдаче владных записей. Как раз к этому времени произошла отмена в законодательном порядке подушной подати, и правительство, воспользовавшись своим правом за истечением двадцатилетнего срока увеличить оброчную подать, увеличило ее на сумму отмененной подушной подати, что составило увеличение оброка на 45%, и этот увеличенный оброк превратило в выкупные платежи, которые должны были быть вносимы в течение 44 лет. При желании досрочного выкупа размер выкупной суммы определяется умножением выкупного ежегодного платежа на 20 лет.

Не желая и при переводе на выкуп ставить ребром вопрос о праве собственности крестьян на наделные земли, закон избегает касаться иного вопроса и выражается так: „С 1 января 1887 г. в виду окончания к тому времени срока, на который был назначен постоянный размер оброчной подати с государственных крестьян, произвести преобразование этой подати на основаниях, необходимых для окончательного ее выкупа в сорокачетырехлетний

срокъ“. Дѣло, такимъ образомъ, поставлено опять такъ, какъ будто крестьяне выкупаютъ не землю, а оброчную подать.

На такихъ основаніяхъ поземельное устройство получили государственные крестьяне въ губерніяхъ великороссійскихъ, малороссійскихъ, новороссійскихъ, Ставропольской и Бессарабской. Со времени выдачи имъ владѣнныхъ записей прекратилось всякое участіе Министерства государственныхъ имуществъ въ завѣдываніи ихъ землями, и они вмѣстѣ съ тѣмъ, по выраженію закона, „лишены права домогаться увеличенія надѣла, имъ предоставленнаго“. Владѣнная запись является актомъ укрѣпленія правъ собственности государственныхъ крестьянъ на надѣльную землю.—Ни выкупныхъ актовъ, ни данныхъ они не получили.

ГЛАВА V.

Поземельное устройство нѣкоторыхъ отдѣльныхъ категорій крестьянъ.—

1. Поземельное устройство государственныхъ крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ. 2. Поземельное устройство государственныхъ крестьянъ въ Сибири. 3. Поземельное устройство удѣльныхъ крестьянъ. 4. Поземельное устройство долгосрочныхъ арендаторовъ частновладѣльческихъ земель въ Западномъ краѣ: а) чиншевиковъ, б) вольныхъ людей, в) православныхъ арендаторовъ и г) единовѣрцевъ и старообрядцевъ.

1.

Государственные крестьяне западныхъ губерній получили свое поземельное устройство на началахъ нѣсколько отличныхъ отъ общаго устройства государственныхъ крестьянъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Въ западныхъ губерніяхъ было много имѣній, вслѣдствіе конфискаціи и покушки перешедшихъ въ казну изъ частнаго владѣнія. Крестьяне этихъ имѣній, перейдя въ государственные крестьяне, продолжали отбывать тѣ же повинности, которыя были установлены для нихъ инвентарями. Поэтому ихъ отношенія къ казнѣ не ограничивались платежомъ оброка, какъ это было во внутреннихъ губерніяхъ, но выражались и въ отбываніи повинностей. Управленіямъ государственными имуществами приходилось, такимъ образомъ, непосредственно завѣдывать хозяйствомъ имѣній, что и достигалось одно время, съ 1839 года, отдачей такихъ имѣній частнымъ лицамъ въ аренду на правахъ *администраторовъ*, съ правомъ завѣдыванія крестьянами, въ данномъ имѣніи находящимися, и полученія отъ нихъ тѣхъ работъ, которыми они были обязаны въ пользу имѣнія.

Размѣры крестьянскаго землевладѣнія въ казенныхъ имѣніяхъ опредѣлялись въ Западномъ краѣ *люстраціями*, т. е. описаніями имѣній, ихъ доходности и ихъ экономическаго состоянія. Такія люстраціи были производимы еще польскимъ правительствомъ въ концѣ 18-го столѣтія.

При присоединеніи западныхъ губерній къ Россіи была произведена новая люстрація казенныхъ имѣній, неоднократно возобновлявшаяся для имѣній, вновь переходившихъ въ казну.

28 декабря 1839 года было Высочайше утверждено новое положение о люстрации, въ которой обращалось вниманіе на выясненіе поземельнаго устройства крестьянъ, причемъ земельное устройство зависѣло отъ разрядовъ крестьянъ, которыхъ положеніе раздѣляетъ аналогично съ помѣщичьими крестьянами на тяглыхъ, полутяглыхъ, огородниковъ и бобылей.

При изданіи указа 24 ноября 1866 года, которымъ опредѣлялось поземельное устройство государственныхъ крестьянъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, было предоставлено Министру государственныхъ имуществъ выработать основанія для устройства таковыхъ въ западныхъ губерніяхъ.

При осуществленіи указаннаго порученія было принято во вниманіе положеніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ, переведенныхъ уже на выкупъ и сдѣлавшихся собственниками надѣльной земли. Поэтому было признано несправедливымъ оставить государственныхъ крестьянъ въ этомъ краѣ на правѣ пользованія казенными землями, съ платежомъ оброка. Рѣшено было и государственныхъ крестьянъ перевести на выкупъ.

Указомъ 16 мая 1867 года были опредѣлены главныя основанія поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ, которыя заключались въ слѣдующемъ:

1. Государственнымъ крестьянамъ западныхъ губерній предоставлялся въ собственность надѣлъ ихъ въ границахъ, которыя должны были опредѣлены люстраціонными комиссіями, съ допущеніемъ въ потребныхъ случаяхъ прирѣзокъ къ крестьянскимъ землямъ изъ свободныхъ казенныхъ земель, а равно обмѣна крестьянскихъ земель на казенныя для устраненія череполосности, но съ тѣмъ, чтобы общее количество предоставляемыхъ во владѣніе cadaго селенія земель не было уменьшено противъ существовавшаго надѣла.

2. Крестьяне облагались выкупными платежами въ размѣрѣ, исчисленной люстраціонными комиссіями оброчной подати, возвышенной на 10%, съ цѣлью погашенія ея въ 49-лѣтній срокъ, т. е. къ 1 января 1913 года. Мѣры взысканія по выкупнымъ платежамъ приравнены были къ соотвѣствующимъ требованіямъ Высочайше утвержденнаго 19 февраля 1861 года положенія о выкупѣ для крестьянъ-собственниковъ.

3. По опредѣленіи люстраціонными комиссіями границъ крестьянскаго владѣнія и размѣра ежегодныхъ выкупныхъ платежей, надлежало приступить къ составленію, предъявленію крестьянамъ и повѣрки особыхъ люстраціонныхъ актовъ, заключавшихъ результаты поземельнаго

устройства крестьянъ по каждому отдѣльному селенію съ тѣмъ, чтобы, по утвержденіи ихъ, на предоставляемые крестьянамъ въ собственность по этимъ актамъ земли выдавались данныя, порядкомъ, указаннымъ въ положеніи 19 февраля 1861 года.

4. Со времени изданія указа 16 мая государственные крестьяне причислялись къ крестьянамъ-собственникамъ, но до выдачи имъ данныхъ, они обязаны были владѣть землею и уплачивать оброчную подать на прежнемъ основаніи.

Изложенныя общія начала и были введены въ дѣйствіе путемъ совершенія люстраціонныхъ актовъ, составленныхъ по правиламъ, утвержденнымъ 20 октября 1867 года и выдачи обществамъ крестьянъ на основаніи такихъ люстраціонныхъ актовъ—*данныхъ*. Такимъ образомъ, владѣнныхъ записей государственные крестьяне западныхъ губерній не получали и таковыя не составлялись.

Существенное различіе въ постановленіяхъ о земельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ во внутреннихъ губерніяхъ и въ губерніяхъ Западнаго края заключалось въ томъ, что за первыми закрѣплялся существовавшій у нихъ до составленія владѣнныхъ записей надѣлъ, за который они были обязаны платить опредѣленную закономъ же оброчную подать, обращенную только въ 1887 году въ выкупные платежи.

Крестьяне же западныхъ губерній получили надѣлъ, не совпадающій во многихъ случаяхъ съ прежнимъ. Надѣлъ имъ отводился по правиламъ 1867 года, за него опредѣлялся оброкъ, немедленно же превращаемый въ выкупной платежъ, который долженъ былъ быть погашенъ къ 1913 году.

Люстраціонные акты составлялись люстраціонными комиссіями и утверждались губернскими по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями. Всѣ споры, возникавшіе при опредѣленіи размѣра и границъ надѣла, разбирались люстраціонными комиссіями. Надѣлъ отводился обществамъ гос. крестьянъ съ предоставленіемъ имъ права разверстать надѣлъ по взаимному соглашенію, которое должно было состояться до приступа къ работамъ на мѣстѣ по отводу надѣла. Если соглашенія не составлялось, то люстраціонныя комиссіи сами опредѣляли размѣръ надѣла не только всего общества, но и cadaго подворнаго владѣльца. Люстраціонные акты должны были содержать описаніе всего надѣла, отводимаго обществу и имѣть приложеніе съ поименованіемъ подворныхъ владѣльцевъ и количества земли, принадлежащей каждому подворному владѣльцу въ составѣ общаго надѣла. Кромѣ подворныхъ участковъ обществу отводились общественныя угоды и запасные участки

для надѣленія постороннихъ лицъ, входившихъ въ общество и отставныхъ солдатъ.

Такимъ образомъ, земля отводилась государственнымъ крестьянамъ въ подворное владѣніе, согласно существовавшему способу пользованія ею. Но не исключалась возможность отвода ея, по просьбѣ крестьянъ, и въ общинную собственность.

Любопытно отмѣтить, что всѣ крестьяне двухъ уѣздовъ Кіевской губерніи — Чигиринскаго и Черкаскаго, заявили желаніе перейти съ подворнаго къ душевому, т. е. общинному владѣнію, но при этомъ домогались надѣленія ихъ восьмидесятинымъ надѣломъ.

Главный комитетъ по устройству сельскаго состоянія, на разсмотрѣніе котораго было передано это ходатайство, въ Высочайше утвержденномъ 28 мая 1870 года опредѣленіи высказалъ, что хотя правительство допускаетъ общинный способъ владѣнія наравнѣ съ подворнымъ, но что при переходѣ къ общинному пользованію нельзя допускать нарушенія по приговору большинства правъ отдѣльных дворохозяевъ на наслѣдственное владѣніе ихъ подворными участками. Поэтому могутъ перейти къ общинному владѣнію только тѣ домохозяева, которые сами того желаютъ, а нежелающіе должны быть оставлены при подворномъ владѣніи. При этомъ было объявлено крестьянамъ, что количество земли, подлежащей отводу имъ въ надѣлъ, не зависитъ отъ формы владѣнія.

Несмотря на такое разъясненіе, 22 селенія Чигиринскаго уѣзда единогласно заявили желаніе получить землю въ общинное пользованіе, которое сохранилось у нихъ и по настоящее время¹⁾.

Поземельное устройство государственныхъ крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ, за исключеніемъ единичныхъ дѣлъ, окончено было къ срединѣ 70-хъ годовъ. Всего было надѣлено землей 944.284 человекъ, поселенныхъ въ 14242 селеніяхъ. На душу приходилось по 4,6 дес. въ среднемъ, а выкупныхъ платежей исчислено всего 3.396.991 р. или въ среднемъ по 80¹/₂ к. съ десятины.

Во многихъ казенныхъ селеніяхъ Западнаго края по прежнимъ люстраціямъ значились владѣльцами казенныхъ земель лица, не принадлежащія къ крестьянскому сословію. Большинство изъ нихъ принадлежали къ бывшей польской шляхтѣ. Конечно, эти лица, не могли быть удалены изъ казенныхъ селеній и лишены предоставленныхъ имъ земель. Но они не несли денежныхъ и натуральныхъ повинностей и

¹⁾ Историческое обозрѣніе 50-лѣтней дѣятельности Мин. Гос. Им. Слб. 1888 г. Т. II, стр. 246, 247.

на это обстоятельство постоянно жаловались государственные крестьяне, обязанные повинностями.

Правилами 20 октября 1867 года за такими лицами признаны права на поземельное устройство наравнѣ съ государственными крестьянами, но подъ условіемъ перечисленія ихъ въ общество государственныхъ крестьянъ и слѣдовательно уравненія ихъ въ правахъ и обязанностяхъ съ крестьянами. Тѣ же изъ этихъ „постороннихъ“ лицъ, которые не желали переходить въ крестьяне, должны были отказаться отъ пользованія землей. Правилами 20 октября 1867 года была предусмотрена и ликвидація чиншевыхъ отношеній жителей *казенныхъ* мѣстечекъ, не принадлежащихъ къ крестьянскому населенію. Жители такихъ мѣстечекъ имѣли аналогичные съ правами жителей мѣстечекъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, чиншевыя права на усадьбы или, по мѣстному выраженію, „платевыя мѣста“, т. е. права безсрочной ихъ аренды за опредѣленную, разъ навсегда установленную, арендную плату. Правила 20 октября 1867 года, признавая за ними эти права, опредѣлили переходъ такихъ чиншевиковъ на выкупъ. Всѣ усадьбы и выгоны, отведенные въ прежнее время такимъ жителямъ по люстраціи или съ разрѣшенія управленія государственными имуществами, предоставлялись имъ въ собственность съ обязательнымъ выкупомъ исчисленнаго съ нихъ по люстраціоннымъ правиламъ чинша, который обращался въ выкупной платежъ съ повышеніемъ 10% и погашеніемъ въ теченіе 49 лѣтъ.

2.

Государственные крестьяне въ Сибири получили свое поземельное устройство только въ 1896 году. До этого года крестьяне владѣли казенными землями безъ точнаго указанія ихъ правъ на нихъ и безъ точнаго опредѣленія пространства и границъ владѣмыхъ ими фактически земель. Правда, въ извѣстныхъ мѣстностяхъ производились межевыя работы и опредѣленія пространства крестьянскихъ земель, но они непосредственнаго отношенія къ прочному поземельному устройству крестьянъ не имѣли.

23 мая 1896 года изданъ законъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ въ Сибири (въ Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губ.), коимъ опредѣлено отводить селеніямъ государственныхъ крестьянъ означенныхъ губерній по существующему пользованію, но не свыше пятнадцати десятинъ на *наличную* душу мужскаго пола. Если существующій надѣлъ ниже этой нормы, то обществамъ могутъ быть прирѣзаны казенныя земли до установленнаго размѣра 15 дес. на душу.

Если существующій надѣлъ свыше 15 дес., то излишекъ отрѣзывается въ казну. Впрочемъ излишекъ можетъ быть и оставленъ обществу съ обязательствомъ допринять въ свой составъ въ 3-лѣтній срокъ со дня окончанія поземельнаго устройства такое количество новыхъ членовъ, которое бы соответствовало 15-десятинной пропорціи. Отъ такого обязательства общества могутъ быть освобождены лишь въ особо уважительныхъ случаяхъ.

Независимо отъ земельныхъ надѣловъ, обществамъ отводится лѣсной надѣлъ въ размѣрѣ не болѣе трехъ десятинъ на душу мужскаго пола за особый лѣсной налогъ.

Земли отводятся цѣлому обществу, которому предоставляется пользоваться землей на основаніи *существующихъ въ каждомъ обществѣ обычаевъ*¹⁾. Сходъ имѣетъ право передѣлять угоды и тамъ, гдѣ существуетъ общинное пользованіе землями, замѣнять его подворнымъ по согласію на то не менѣе $\frac{2}{3}$ домохозяевъ.

Нѣдра надѣльной земли, какъ отданной лишь въ пользованіе крестьянамъ на основ. 201 ст. устава горнаго, остаются въ собственности казны.

Надѣльные земли крестьяне не имѣютъ права ни отчуждать, ни закладывать.

Мы упоминали, что земля надѣляется по числу наличныхъ душъ. Счетъ наличныхъ душъ опредѣляется 1 января того года, въ которомъ будетъ въ данной мѣстности приступлено къ отводу надѣла.

Надѣлъ отводится поземельно-устроительными комиссіями.

Отводъ утверждается общимъ присутствіемъ Губернскаго Управленія данной губерніи и крестьянамъ выдается отводная запись съ описаніемъ отводимыхъ земель, снятіемъ ихъ на планъ и постановкой межевыхъ знаковъ на мѣстѣ. Выдачей отводной записи оканчивается поземельное устройство крестьянъ въ Сибири. За отведенную землю крестьяне обязаны платить оброкъ.

Изложенныя начала поземельнаго устройства сильно разнятся отъ поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ въ Европейской Россіи.

Нововведеніемъ является отводъ по наличнымъ душамъ и полное забвеніе архаическаго принципа надѣленія по ревизскимъ душамъ. Но рядомъ съ этимъ законъ 1898 года совершенно игнорируетъ опредѣленіе правовыхъ отношеній крестьянъ къ надѣльной землѣ. Форма

¹⁾ Ст. 14 кн. VI особ. пр. къ IX т. св. зак., изд. 1902 г.

землевладѣнія совершенно не опредѣляется закономъ, который ограничивается только указаніемъ на отводъ надѣла обществамъ крестьянъ. Устанавливается-ли этимъ общественное право на землю или право общинное? Законъ даетъ полный просторъ усмотрѣнію обществъ въ вопросѣ о землепользованіи, предоставляя самому обществу руководствоваться своими обычаями и не давая ему для этого никакихъ правовыхъ указаній.

Нельзя не видѣть въ этомъ опасности отъ произвола большинства обществъ надъ меньшинствомъ при отсутствіи всякаго огражденія правъ члена общества. Указанная опасность усугубляется тѣмъ, что приговоры сходовъ по земельнымъ дѣламъ поставлены подъ контроль не суда, а крестьянскихъ учреждений и жалобы на нихъ разсматриваются не судебнымъ, а административнымъ порядкомъ.

Нельзя также не отмѣтить отсутствія опредѣленія правъ крестьянъ на отведенную землю.

Надѣлъ отводится въ наслѣдственное пользованіе крестьянъ, а не въ собственность, какъ отводился надѣлъ государственнымъ крестьянамъ въ 1866 году. Въ законѣ нигдѣ не упоминается объ отказѣ казны въ правѣ измѣнять и размѣръ надѣла и условія, на которыхъ онъ отданъ въ пользованіе. При такомъ положеніи права государственныхъ крестьянъ на надѣльную землю нельзя не признать очень шаткими.

3.

Большая группа крестьянъ, получившая свое поземельное устройство по особому акту—это крестьяне удѣльные. Удѣльные имѣнія выдѣлены были изъ состава казенныхъ имѣній при Императорѣ Павлѣ I по указу 5 апрѣля 1797 года „объ учрежденіи Императорской Фамиліи“. Число имѣній постоянно увеличивалось новыми перечисленіями изъ государственныхъ имуществъ и покупкой. Положенія крестьянъ регулировались повелѣніями и распоряженіями, не вошедшими въ сводъ законовъ. Не вошло въ сводъ и, въ частности, въ приложение къ IX т. и положеніе, по которому удѣльные крестьяне получили одновременно съ свободой отъ крѣпостной зависимости и свое окончательное поземельное устройство.

До освобожденія удѣльные крестьяне, какъ и государственные, состояли на оброкъ. Барщинной повинности они не несли. Оброкъ опредѣлялся особыми Высочайшими повелѣніями. Къ 1842 году размѣръ obroka, платимаго удѣльными крестьянами, былъ сравненъ съ obrokomъ государственныхъ крестьянъ.

Среди удѣльныхъ крестьянъ издавна утвердились общинные порядки землепользованія. Уравнительные передѣлы по ревизскимъ душамъ практиковались въ срединѣ XIX столѣтія почти повсемѣстно.

Многія стороны жизни, связанныя съ имущественными отношеніями, были строго регламентированы управленіемъ удѣловъ. Крестьянинъ не имѣлъ права сдавать въ наемъ участокъ земли, находящійся въ его пользованіи. Даже пріобрѣтенная на личные средства недвижимость не могла быть продана кому-либо, кромѣ удѣльныхъ же крестьянъ. Отлучка изъ мѣста жительства безъ разрѣшенія удѣльнаго начальства не разрѣшалась. Выходъ въ другія сословія разрѣшался при условіи внесенія выходныхъ денегъ за всю семью. Даже женщина, выходя замужъ за лицо, не принадлежащее къ удѣльнымъ крестьянамъ, должна была или уплатить выходныя деньги, или представить обязательство того учрежденія, въ вѣдѣніи котораго числился ея женихъ, уволить крестьянку своего вѣдомства въ удѣльное, съ выходомъ ея замужъ за удѣльнаго крестьянина. Семейные раздѣлы допускались съ разрѣшенія удѣльнаго начальства, которое должно было наблюдать, чтобы этимъ не разрушалась хозяйственная состоятельность раздѣлившихся.

26 іюля 1863 года Высочайше утверждено, вошедшее въ полное собраніе законовъ¹⁾, но не вошедшее въ сводъ законовъ, „положеніе о крестьянахъ, водворенныхъ на земляхъ имѣній государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ“.

Крестьянскимъ обществамъ отводился надѣлъ, согласно существующаго пользованія, въ размѣрахъ, опредѣляемыхъ Мѣстнымъ великороссійскимъ положеніемъ, т. е. не выше высшаго или указнаго размѣра. Излишекъ отдѣлялся въ удѣлъ. Количество земли для сравненія степени ея достаточности въ отношеніи нормъ низшаго и высшаго размѣра или для степной полосы указнаго размѣра, опредѣлялось числомъ ревизскихъ душъ, значащихся въ данномъ селеніи по десятой ревизіи. Земли отводились въ общинную собственность.

По опредѣленіи количества земли, опредѣлялся размѣръ оброка, приходящійся на данное селеніе, капитализировался изъ 6% и такимъ образомъ опредѣлялся размѣръ выкупа, подлежащій погашенію въ 49 лѣтъ ежегодными платежами. Выкупъ признанъ обязательнымъ.

Поземельное устройство осуществлялось отводомъ надѣла въ натурѣ съ выдачей крестьянамъ *уставной грамоты*, которая была равно-

¹⁾ Полн. собр. зак. 1863 г. № 32792.

значуща и выкупному акту, отдѣльно не составлявшемуся. По утвержденіи уставной грамоты губернскими по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями, крестьянамъ выдавалась, на основаніи уставной грамоты, черезъ Старшаго Нотаріуса *данная*.

На удѣльныхъ крестьянъ были распространены постановленія пол. о выкупѣ, о порядкѣ взноса выкупныхъ платежей и обезпеченіе исправности ихъ поступленія (114—120, 126—139, ст. пол. о вык. изд. 1879 г.).

Удѣльные крестьяне подлежали платежу выкупныхъ взносовъ черезъ два года со дня утвержденія положенія 1863 года, т. е. съ 26 іюня 1865 года. Съ этого времени законъ признавалъ ихъ крестьянами-собственниками.

До 1858 года удѣльные крестьяне не могли пріобрѣтать земли на свое имя и пріобрѣтали ихъ на свои средства, но на имя удѣловъ. Это ограниченіе было отмѣнено только 20 іюня 1858 года. Такое же положеніе существовало до 1861 года и для помѣщичьихъ крестьянъ, которые могли пріобрѣтать земли только на имя помѣщика. Для послѣднихъ были изданы въ прил. къ 32 ст. общ. пол. (изд. 1876 г.) особыя правила объ укрѣпленіи за крестьянами земель, пріобрѣтенныхъ на имя помѣщика. По этимъ правиламъ крестьяне, не пропуская 10-лѣтней давности *со времени пріобрѣтенія ими земли*, должны были заявить объ этомъ мировымъ посредникамъ, которые были обязаны спросить помѣщика и въ случаѣ признанія имъ факта пріобрѣтенія земли, она исключалась изъ надѣла и крестьянамъ выдавалась *данная* на эту землю. Въ случаѣ несогласія помѣщика, дѣла разбирались мировымъ посредникомъ, мировымъ съѣздомъ и губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, дѣйствующимъ, по словамъ закона, въ качествѣ „высшаго совѣстнаго суда“. Если губернское присутствіе признаетъ право собственности крестьянъ, послѣдніе должны были получать также данную. Согласно этимъ правиламъ, такимъ образомъ, земли, пріобрѣтенныя крестьянами на имя помѣщиковъ ранѣе десяти лѣтъ до освобожденія, уже не могли быть оспорены.

На удѣльныхъ крестьянъ эти правила не распространялись и вмѣсто нихъ дѣйствовала 105 ст. положенія о кр. гос., двор. и удѣльныхъ, въ силу которой, при заявленіи крестьянами спора, основаннаго на фактѣ покупки ими земли на свои средства, поземельное устройство ихъ не останавливается, а вопросъ о правѣ собственности передается на разсмотрѣніе департамента удѣловъ, который и разрѣшаетъ его.

Извѣстны случаи, когда помѣщичьи крестьяне переходили въ удѣлъ, выкупая имѣніе у помѣщика. Удѣльное вѣдомство выдавало ссуду, которой уплачивалась помѣщику вся покупная сумма за имѣніе, и эта ссуда раскладывалась на десять и больше лѣтъ на крестьянъ, которые ее и уплачивали, приобрѣтая, такимъ образомъ, все имѣніе на свои средства. Тѣмъ не менѣе они облагались оброкомъ на общемъ основаніи и при надѣленіи получали только часть имѣнія въ надѣлъ съ новымъ выкупомъ его.

По положенію 1863 года были поземельно устроены 825.947 ревизскихъ душъ, которыя получили въ надѣлъ 3.983.000 десятинъ противъ 4.053.000 десятинъ, бывшихъ въ ихъ пользованіи до примѣненія положенія. Такимъ образомъ отрѣзана отъ нихъ, какъ превышающая высшую норму надѣла, земля въ общемъ количествѣ до 70 тысячъ десятинъ.

Удѣльные крестьяне получили земли больше, чѣмъ помѣщичьи, но меньше, чѣмъ государственные.

Въ среднемъ помѣщичьи крестьяне получили 3,4 дес. на ревизскую душу, государственные 6 дес., а удѣльные 4,8 дес.¹⁾

4.

Мы не можемъ въ настоящемъ трудѣ останавливаться на изложеніи поземельнаго устройства многихъ другихъ разрядовъ крестьянъ, поземельное устройство которыхъ отличается и по основаніямъ своимъ и по времени отъ поземельнаго устройства тѣхъ крестьянъ, о которыхъ изложено выше. Но мы считаемъ необходимымъ изложить еще основанія поземельнаго устройства тѣхъ разрядовъ сельскихъ жителей Западнаго края, которые пользовались правами долгосрочной аренды.

Эта часть нашего законодательства интересна тѣмъ, что въ немъ правительство фактически вступило на путь признанія принципа принудительнаго отчужденія частно-владѣльческихъ земель ради интересовъ поземельнаго устройства земледѣльческаго населенія. Правда, поземельное устройство нѣкоторыхъ разрядовъ такихъ арендаторовъ имѣло политическую цѣль ослабленія польскаго вліянія въ Западномъ краѣ и упроченія русскаго населенія въ немъ, но это нисколько не колеблетъ значенія данной группы законовъ, какъ примѣра самаго открытаго примѣненія принципа принудительнаго отчужденія. И если

¹⁾ Болѣе подробныя свѣдѣнія объ удѣльныхъ крестьянахъ можно почерпнуть изъ соч. Ходскаго „Земля и земледѣлец“ Спб. 1896 г.; В. В. „Къ исторіи общины въ Россіи“ М. 1902 г. и въ изданіи Деп. Удѣловъ „Столѣтіе удѣловъ“ Спб. 1897 года.

отнять отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ законовъ политическую цѣль, то въ нихъ несомнѣнно проявляется и задача осуществленія соціальной справедливости.

Мы говоримъ о законахъ, опредѣлившихъ поземельное устройство сельскихъ вѣчныхъ чиншевиковъ, вольныхъ людей, православныхъ арендаторовъ и старообрядцевъ Западнаго края.

По времени первыми были поземельно устроены сельскіе вѣчные чиншевики.

Чиншевое право, близкое по своему содержанію къ древнеримскому эмфитевзису, установилось въ Западномъ краѣ при польскомъ владычествѣ, въ значительномъ отношеніи подъ вліяніемъ нѣмецкаго права, носившаго въ Польшѣ названіе „Магдебургскаго права“, „Саксонскаго права“ и др. Особенное распространеніе имѣло Магдебургское право, защищенное въ своемъ примѣненіи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ привилегіями польскихъ королей.

Оно содержало въ себѣ, между прочимъ, и опредѣленія о вѣчно-наслѣдственной арендѣ. Обязанностью арендатора при вѣчно-наслѣдственной арендѣ было платить деньгами или повинностями, а иногда частью тѣмъ и другимъ разъ навсегда опредѣленный размѣръ „чинша“. Собственникъ не имѣлъ права выселить чиншевика, даже за невзносъ чинша, а могъ только примѣнять принудительныя мѣры къ уплатѣ чинша. Чиншевикъ имѣлъ право уступать землю на чиншевомъ правѣ другому съ согласія собственника. Чиншевикъ имѣлъ право наслѣдственно владѣть и поверхностью участка, и нѣдрами его.

Польскіе помѣщики считали выгоднымъ раздавать свои земли на чиншевомъ правѣ какъ свободнымъ крестьянамъ, такъ и польской шляхтѣ, т. е. обѣднѣвшему дворянству, часть котораго вела совершенно крестьянскій образъ жизни¹⁾.

Манифестомъ 30 октября 1794 года о присоединеніи Литовскаго княжества къ Россіи населенію было обезпечено пользованіе ихъ прежними правами и владѣніе имуществомъ по законамъ княжества. Указъ 25 іюня 1840 года распространилъ на литовскія губерніи дѣйствіе общихъ законовъ, но призналъ законность актовъ, совершенныхъ до 1840 года по прежнимъ законамъ. Такимъ образомъ сила чиншевого

¹⁾ Польская шляхта пользовалась своими шляхетскими правами до 1831 года. Указомъ 1831 года всѣ шляхтичи, которые не въ состояніи были доказать истинности своего дворянскаго происхожденія, были включены, смотря по мѣсту жительства, или въ сословіе мѣщанъ или въ „сословіе“ однодворцевъ Западнаго края, вносившихъ въ составъ государственныхъ крестьянъ.

права, основаннаго на законахъ прежняго времени, была сохранена. Но чиншевое право во многихъ мѣстахъ устанавливалось путемъ обычая, безъ определенныхъ договоровъ. Помѣщики стали пользоваться такой необезпеченностью чиншевого права и переводить чиншевиковъ въ срочныхъ арендаторовъ, повышая съ каждымъ новымъ контрактомъ арендную плату. Несоглашающимся они грозили выселеніемъ и успѣли такимъ путемъ въ значительной степени уменьшить число чиншевиковъ.

Неопредѣленность земельныхъ отношеній при такихъ условіяхъ, постоянные беспорядки и насилия, возникшіе на почвѣ чиншевыхъ отношеній, понудили правительство вмѣшаться въ поземельныя отношенія чиншевиковъ и помѣщиковъ и издать законъ 9 іюня 1886 года о принудительномъ выкупѣ земель, состоящихъ во владѣніи сельскихъ вѣчныхъ чиншевиковъ въ западныхъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ.

Первая статья этого закона опредѣляетъ юридическую сущность тѣхъ правоотношеній, которыя подпадаютъ подъ дѣйствіе закона. Всѣ чиншевики, независимо отъ сословія и вѣроисповѣданія, владѣющіе *внѣ городовъ и мѣстечекъ* земельными участками *на правѣ потомственного, безсрочнаго пользованія и распоряженія, съ обязанностью отбывать за сіе въ пользу вотчинника опредѣленные денежныя или натуральныя повинности, размѣръ которыхъ не подлежитъ измѣненію по произволу вотчинника*, имѣютъ право воспользоваться этимъ закономъ, если докажутъ установленными закономъ же способами свое чиншевое владѣніе.

Законные способы доказательства установлены двоякаго рода, въ зависимости отъ древности установленія вѣчно-чиншевыхъ отношеній. Чиншевыя отношенія, установившіяся за послѣднія десять лѣтъ до изданія закона, т. е. съ 1876 года, вовсе не пользуются охраной закона 1886 года. Чиншевыя отношенія, возникшія сравнительно недавно, а именно со времени 21 августа 1840 года въ западныхъ губерніяхъ и съ 9 января 1831 года для Бѣлоруссіи до 1876 года признаются чиншевыми только при наличности письменнаго доказательства. Свидѣтельскія показанія допускаются въ этомъ случаѣ только, когда земельный участокъ состоитъ въ чертѣ угодій, находящихся въ пользованіи жителей цѣлаго или части поселка, признанныхъ вѣчными чиншевиками.

Для доказательства чиншевого владѣнія, возникшаго до 21 августа 1840 года для западныхъ губерній и до 9 января 1831 года для Бѣлоруссіи можно представлять не только письменныя доказательства, но и ссылаться на свидѣтельскія показанія и на опросъ околныхъ людей.

Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ со дня обнародованія закона 1886 года предоставлено вотчинникамъ и чиншевикамъ составлять добровольныя соглашенія о прекращеніи вѣчно-чиншевыхъ отношеній и выкупа чиншевого участка.

По прошествіи трехъ лѣтъ, сельскіе чиншевики приобрѣтаютъ въ собственность признанныя за ними чиншевыя земли посредствомъ обязательнаго, при содѣйствіи правительства, выкупа лежащихъ на земляхъ повинностей. Выкупъ производится на основаніи капитализаціи изъ 6% годовой стоимости всѣхъ повинностей, т. е. денежнаго чинша, натуральныхъ повинностей, „лаудеміа“ ¹⁾ и „божьяго гроша“ ²⁾.

Размѣръ участка опредѣлялся по владѣнію въ 1886 году, причемъ долженъ былъ опредѣляться и размѣръ сервитута, предоставляемаго чиншевику.

Поземельное устройство чиншевиковъ производилось черезъ особо учрежденныя изъ представителей разныхъ вѣдомствъ уѣздныя и губернскія по чиншевымъ дѣламъ присутствія подъ надзоромъ 2 Департамента Правительствующаго Сената. Уѣздныя присутствія составляютъ проектъ выкупного акта и представляютъ его въ губернское присутствіе, по жалобамъ на опредѣленіе котораго дѣло передается въ Сенатъ. Сенатъ такимъ образомъ является второй инстанціей, разбирающей дѣло по существу и законъ по исключенію изъ общаго порядка разсмотрѣнія дѣлъ въ Сенатѣ обязываетъ Сенатъ разсматривать чиншевыя дѣла по существу. На основаніи утвержденныхъ выкупныхъ актовъ чиншевики получаютъ данныя.

На изложенныхъ основаніяхъ чиншевыя отношенія ликвидируются въ сельскихъ мѣстностяхъ Западнаго края. Въ казенныхъ мѣстечкахъ, какъ мы видѣли изъ изложенія поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ западныхъ губерній, чиншевыя отношенія ликвидированы по закону 1867 года. Остались, слѣдовательно, невыкупленными чиншевыя отношенія во владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ Западнаго края, ликвидація которыхъ является настоятельно необходимой ³⁾.

¹⁾ Лаудемія—это плата за переходъ участка къ другому чиншевику.

²⁾ „Божій грошъ“ назывались періодически черезъ 10, 20 лѣтъ уплачиваемые повышенные чинши.

³⁾ См. о чиншевомъ правѣ *Пижно*: „О чиншевомъ владѣніи въ западныхъ губерніяхъ“ (Журналъ уг. и гр. права 1887 г. № 5), *Левитскій* „О чиншевомъ владѣніи“ (Русская Мысль 1886 г. № 8), *Абрамовъ* Отч. Зап. 1883 г. № 11, *Шимоновскій* „О чиншевыхъ правоотношеніяхъ“ Спб. 1886 г. Очень интересный и жизненный очеркъ „О чиншевомъ правѣ“ *Боровиковскаго* въ его соч. „Отчетъ судьи“ т. 1 Спб. 1896 г.

Узаконеніе о поземельномъ устройствѣ бывшихъ вольныхъ людей второго разряда идетъ еще дальше чиншевого положенія, превращая въ право собственности не только безсрочныя, но и срочныя арендныя отношенія.

Вольные люди Западнаго края первоначально образовались изъ иностранныхъ выходцевъ, поселившихся въ Западномъ краѣ на приобрѣтенныхъ въ собственность или въ арендное владѣніе, земляхъ. Впослѣдствіи въ составъ ихъ вошли освобожденные изъ крѣпостной зависимости крестьяне, получившіе отпускную и въ большомъ количествѣ лица бывшей польской шляхты.

23 мая 1847 года былъ изданъ законъ о вольныхъ людяхъ, стремящійся регулировать ихъ составъ и прекратить увеличеніе числа вольныхъ людей, живущихъ на помѣщичьихъ земляхъ, очевидно, озлобчивающій правительство въ виду неопредѣленности ихъ поземельныхъ отношеній.

По этому закону вольнымъ людямъ, вновь поступающимъ въ это сословіе, разрѣшено приписываться только или въ городское сословіе или къ государственнымъ крестьянамъ. Вольные же люди, бывшіе таковыми до 23 мая 1847 года, могли приписываться къ землямъ частныхъ владѣльцевъ, но не иначе какъ по письменнымъ съ ними договорамъ. Договоры должны были заключаться на срокъ отъ 6 до 12 лѣтъ, свидѣтельствоваться въ земскомъ судѣ и въ нихъ должны были быть точно опредѣлены обязанности владѣльца въ отношеніи отдачи въ пользованіе опредѣленныхъ земельныхъ угодій, и обязанности вольнаго человѣка въ платежѣ арендныхъ денегъ или въ вознагражденіи владѣльца натурой изъ части урожая.

Въ дѣйствительности законъ о договорахъ рѣдко соблюдался и многіе вольные люди фактически дѣлались крѣпостными. Передъ освобожденіемъ крестьянъ помѣщики, узнавъ что имъ придется надѣлать земель крѣпостныхъ, всячески старались отдѣлаться отъ вольныхъ людей, стали выдворять ихъ изъ имѣній, записывать принудительно въ городскія сословія.

Въ 1864 году утверждены и изданы правила объ устройствѣ вольныхъ людей западныхъ губерній, живущихъ на владѣльческихъ земляхъ. Вольные люди раздѣлены на два разряда. Къ первому разряду отнесены тѣ, которые перечислены въ вольные люди изъ крѣпостныхъ или временно-обязанныхъ послѣ 20 ноября 1857 года. Такіе вольные люди приравнены къ бывшимъ крѣпостнымъ и получили право на земельное надѣленіе изъ имѣній, въ которыхъ они проживаютъ наравнѣ съ бывшими крѣпостными.

Ко второму разряду причислены вольные люди, перешедшіе въ это званіе до 20 ноября 1857 года. Эти вольные люди, обязанные уже прежде, какъ мы видѣли, имѣть арендныя договоры съ помѣщиками, получили право остаться владѣльцами арендованныхъ ими участковъ до окончанія срока договоровъ. По окончаніи этихъ сроковъ помѣщики обязывались совершить съ ними новыя договоры на срокъ не менѣе 12 лѣтъ на прежнихъ условіяхъ съ пониженіемъ арендной платы противъ прежней на 10%. Эту же обязанность составленія договора на 12 лѣтъ несли помѣщики и по отношенію къ вольнымъ людямъ второго разряда, сроки договоровъ которыхъ истекли къ 1864 году. Если помѣщики не соглашались — условія обязательной 12-лѣтней аренды составлялись мировыми посредниками. Лишь по истеченіи срока новыхъ 12-лѣтнихъ контрактовъ помѣщики получали право отказать вольному человѣку въ дальнѣйшей арендѣ, но при этомъ обязаны были уплатить вольному человѣку двухгодичную сумму арендной платы.

До истеченія срока помѣщики не имѣли права ни отбирать, ни уменьшать или вообще измѣнять участки, состоящіе въ арендѣ вольныхъ людей.

Въ концѣ 70-хъ годовъ сроки аренды стали истекать и помѣщики стали предъявлять иски о выселеніи вольныхъ людей. Иски эти были Высочайше утвержденнымъ Положеніемъ Комитета Министровъ 5 сентября 1879 г. приостановлены, а затѣмъ 3 іюля 1882 года для губерній Ковенской, Виленской и Гродненской и 25 іюля 1884 г. для Кіевской, Подольской и Волынской были изданы почти тождественные по содержанію законы о поземельномъ устройствѣ вольныхъ людей второго разряда. Въ силу этихъ законовъ вольные люди получили право выкупа состоящихъ въ ихъ арендномъ пользованіи по долгосрочнымъ договорамъ, заключеннымъ на основаніи закона 1864 года, участковъ земли съ выдачей помѣщикамъ правительственной выкупной ссуды за участки. Это же право получили и вольные люди, не успѣвшіе заключить контрактъ, если они непрерывно владѣли даннымъ участкомъ, съ уплатой помѣщику арендной платы.

Поземельное устройство вольныхъ людей возложено на общемъ основаніи на крестьянскія учрежденія, которыя обязаны, по разборѣ правъ вольныхъ людей, составлять выкупные акты, по утвержденіи которыхъ вольные люди получаютъ данныя на свои участки, дѣлаются собственниками ихъ и всѣ отношенія ихъ къ помѣщикамъ этимъ прекращаются.

На близкихъ съ изложенными началахъ получили земельное тройство, такъ называемые, русскіе арендаторы православнаго вѣро-

исповѣданія и старообрядцы и единовѣрцы въ западныхъ губерніяхъ. Православные арендаторы, арендовавшіе земли у помѣщиковъ въ Волынской, Витебской, Ковенской, Минской и Могилевской губерніяхъ, получили по закону 19 января 1893 года право пріобрѣсти въ собственность арендованные ими участки съ выдачей владѣльцамъ выкупной ссуды правительствомъ.

Такое же право получили по закону 4 іюня 1901 года арендаторы единовѣрцы и старообрядцы въ губерніяхъ сѣверо-западныхъ и бѣлорусскихъ, поселившіеся до 17 іюня 1863 года. Занимаемые ими къ 7 августа 1901 года участки подлежатъ обязательному выкупу съ выдачей отъ правительства выкупной ссуды владѣльцамъ и съ обязанностью уплачивать выкупные платежи, разсроченные на 49 лѣтъ.

Право на выкупъ и размѣръ выкупаемыхъ участковъ опредѣляются крестьянскими учрежденіями съ выдачей старообрядцамъ и единовѣрцамъ выкупныхъ актовъ и данныхъ.

Всѣ перечисленныя категоріи долгосрочныхъ арендаторовъ, дѣлаясь собственниками арендованныхъ участковъ, подпадаютъ дѣйствию положенія о выкупѣ. Земли ихъ, по разъясненіямъ Сената, пріобрѣтаютъ свойства надѣльныхъ земель. Правительствующій Сенатъ во многихъ рѣшеніяхъ разъяснилъ указанные законы о землеустройствѣ чиншевицъ, вольныхъ людей, православныхъ арендаторовъ и старообрядцевъ, въ томъ смыслѣ, что землеустройство касается не главы семьи, а всей семьи, въ общую собственность которой переходить участки. Указанныя разъясненія имѣли существенное значеніе въ виду того, что нынѣшніе арендаторы, происходя отъ семей бывшихъ арендаторовъ и производя свои права отъ послѣднихъ, конечно, безъ этихъ разъясненій не могли формально доказать свои наслѣдственные права по законному наслѣдованію и лишились бы правъ, если бы къ ихъ преемству были примѣнены общегражданскіе законы. Равнымъ образомъ и крестьянскія учрежденія были бы поставлены въ большое затрудненіе рѣшеніемъ вопроса о томъ, въ чью собственность надо передавать участки въ случаяхъ, очень частыхъ, споровъ родственниковъ, живущихъ въ нераздѣльной сложной семьѣ, состоящей изъ дядей, племянниковъ и вообще боковыхъ родственниковъ.

Это же разъясненіе породило и курьезные факты. Въ семьяхъ, напр., бывшихъ православныхъ арендаторовъ встрѣчаются часто католики, которые бываютъ иногда домохозяевами и, какъ таковые, получаютъ на свое имя, какъ представителя семьи, данные. Въ официаль-

ныхъ рубрикахъ счета населенія можно встрѣтить въ Сѣверо-Западномъ краѣ такую курьезную рубрику: „православные арендаторы католическаго вѣроисповѣданія“, и подъ такой рубрикой значатся цѣлыя селенія.

ГЛАВА VI.

Формы крестьянского землевладѣнія.

Общинное землевладѣніе.

Двѣ господствующія формы крестьянскаго землевладѣнія на надѣльных земли.—Общинное землевладѣніе.—Взгляды на его историческое происхождение и на его экономическое значеніе.—Юридическая конструкція общиннаго землевладѣнія.

1.

Изъ предыдущаго изложенія основаній поземельнаго устройства крестьянъ видно, что законъ нашъ устанавливаетъ двѣ главныя формы крестьянскаго землевладѣнія на надѣльных земляхъ: общинную и подворную.

Обѣ формы землевладѣнія, какъ мы увидимъ, должны быть отнесены къ категоріи коллективныхъ формъ землевладѣнія и являются противоположеніемъ индивидуальной формѣ землевладѣнія, которая по отношенію къ надѣльнымъ землямъ до самаго послѣдняго времени отсутствовала.

Вотъ почему встрѣчающійся въ особомъ приложеніи къ IX тому свода закон. терминъ „личная собственность“ по отношенію къ надѣльнымъ землямъ является только противоположеніемъ терминамъ „общинная“ и „общественная собственность“, но не можетъ считаться равнозначущимъ термину „индивидуальная собственность“.

Обѣ эти формы землевладѣнія должны быть нами изучены какъ въ отношеніи своей юридической конструкціи, такъ въ отношеніи тѣхъ юридическихъ выводовъ, которые изъ этой конструкціи должны быть установлены.

Прежде, чѣмъ остановиться на разборѣ юридической природы общиннаго землевладѣнія, необходимо хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ указать на значеніе вопроса объ общинѣ въ нашей литературѣ.

Едва ли найдется другой вопросъ, который имѣетъ столь обширную литературу. Въ ней вопросъ объ общинномъ землевладѣніи разсматривается со всевозможныхъ сторонъ, подъ самыми разнообразными

углами зрѣнія. Въ ней мы встрѣчаемся съ разработкой и оцѣнкой самаго разнообразнаго матеріала. Этотъ вопросъ разрабатывался и со стороны историческаго происхожденія общины въ Россіи, и со стороны причиняемаго ею экономическаго вреда или пользы, и со стороны разнообразія проявленій жизни общины въ разное время и въ разныхъ мѣстностяхъ, и, наконецъ, со стороны тѣхъ перспективъ будущей эволюціи народной жизни, которыя связались у тѣхъ или другихъ представителей разныхъ теченій общественной мысли съ фактомъ существованія общиннаго землевладѣнія.

Вопросъ объ историческомъ происхожденіи общиннаго землевладѣнія въ Россіи занималъ почти всѣхъ выдающихся историковъ русскаго права, но, несмотря на это, онъ и до настоящаго времени имѣетъ стороны, еще недостаточно освѣщенные научными изслѣдованіями. Это обстоятельство, конечно, въ значительной степени зависитъ отъ того, что формы народной жизни и именно наиболѣе обычныя, очень часто не находятъ своего выраженія въ письменныхъ памятникахъ, и изслѣдователи, основывающіе на послѣднихъ свои выводы, не могутъ найти подтвержденія существованія институтовъ, возникшихъ, несомнѣнно, очень давно и жившихъ въ народѣ, быть можетъ, въ теченіе всей его исторической жизни. Если бы мы не имѣли многочисленныхъ изслѣдованій обычнаго права крестьянъ, многочисленныхъ свѣдѣній, собранныхъ непосредственнымъ наблюденіемъ надъ крестьянской жизнью и относящихся къ различнымъ проявленіямъ общиннаго быта, мы бы и теперь имѣли по законодательнымъ актамъ и по письменнымъ даннымъ весьма скудныя свѣдѣнія объ общинѣ.

Разнообразіе мнѣній объ историческомъ происхожденіи общины обуславливается еще и тѣмъ, что сама община претерпѣвала въ исторической жизни измѣненія и притомъ очень существенныя. Въ настоящее время община является преимущественно институтомъ частнаго права, хотя еще имѣетъ и публично-правовые признаки; но послѣдніе все болѣе и болѣе исчезаютъ. При своемъ зарожденіи община носила, несомнѣнно, характеръ исключительно публично-правовой. Таковой же публично-правовой характеръ имѣли и тѣ права на землю, которыя принадлежали ей. Въ этомъ отношеніи мы не можемъ не признать наиболѣе правильнымъ взглядъ на древнюю русскую общину, высказанный еще профессоромъ Лешковымъ въ его, правда, не большой, не достаточно разработанной, но, по нашему мнѣнію, цѣнной статьѣ: „О владѣніи общинномъ“¹⁾. Въ ней онъ говоритъ, что въ

1) В. Лешковъ. „О вл. об.“ „Юридич. Вѣстникъ“, 1867 г., кн. 6.

исторіи русскаго права терминъ „общинное владѣніе“ столько же относится къ частному праву, сколько и къ праву государственному, такъ какъ владѣніе понималось тогда не какъ одно изъ проявленій права собственности, а какъ понятіе болѣе общее, чѣмъ собственность, понятіе, смыслъ котораго лучше всего раскрывается въ выраженіяхъ: „владѣніе русскаго государства“, „владѣніе русскаго народа“. Происходя, главнымъ образомъ, изъ права русскаго народа на русскую землю, общинное владѣніе, по его мнѣнію, сообщаетъ общинѣ полнѣйшую власть на ея земли и не только право собственности, но и господство, *dominium* и даже частью *impregium* въ формѣ управленія посредствомъ сходовъ. Присутствіе здѣсь права собственности и даже господства (въ смыслѣ верховнаго, походяго на государственную собственность) доказывается тѣмъ, что община имѣетъ, несомнѣнно, исключительную власть во всѣхъ своихъ владѣніяхъ или земляхъ, равно какъ и власть неограниченную, какъ всякій личный собственникъ, до предѣловъ собственной пользы. „Не можетъ“, говоритъ Лешковъ, „община дѣлать только такія распоряженія относительно своей земли, которыя уничтожаютъ самую общину“. Вотъ это-то постепенное превращеніе изъ древней общины изъ болѣе или менѣе независимаго публично-правового института въ институтъ частно-правовой, которому государство оставляло впослѣдствіи только строго опредѣленные публично-правовыя функціи административнаго и судебного свойства, все болѣе и болѣе дифференцировавшіяся отъ частно-правовыхъ земельныхъ отношеній, связанныхъ общиннымъ правомъ, — это постепенное превращеніе общиннаго быта и является источникомъ различія взглядовъ на происхожденіе общины.

Вопросъ о происхожденіи общины былъ поднятъ въ русской литературѣ болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ, и до сихъ поръ онъ раздѣляетъ нашихъ ученыхъ на два лагеря: сторонниковъ исконной древности этой формы крестьянскаго землевладѣнія и ихъ противниковъ. Вопросъ былъ поднятъ сочиненіями Гакстгаузена¹⁾ и Тенгоборскаго²⁾, которые высказали мнѣніе, что современная крестьянская община имѣетъ глубокіе корни въ древности и связана съ древнѣйшимъ патріархальнымъ бытомъ славянъ. Противъ такого мнѣнія воз-

¹⁾ Haxthausen, A. «Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands», 3 Bde, Hann. und Berlin, 1847—52.

²⁾ Tengoborski, M. Essai sur les forces productives de la «Russie», 4 vols, Paris, 1852—55. „О производительныхъ силахъ Россіи“. М. и Спб. 1854—58, переводъ Вернадскаго.

сталъ профессоръ Чичеринъ¹⁾, доказывая, что крестьянская община въ современномъ ея видѣ не есть исконное явленіе нашей исторіи, что она возникла сравнительно недавно, и что ея возникновенію много содѣйствовали правительственные распоряженія. Чичеринъ не отвергаетъ, какъ это ему многими совершенно несправедливо приписывается, существованія общины въ самой глубокой древности. Онъ, напротивъ, говоритъ, что общая аналогія и ближайшее родство съ другими славянскими племенами дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что и у насъ существовали тѣ же гражданскія формы, какъ и у другихъ. Предполагая, что въ древности русскіе жили родами, онъ признаетъ существованіе родовой общей собственности и патріархальной общины. Но эта патріархальная община, по его мнѣнію, съ теченіемъ времени измѣнялась. Патріархальную общину смѣнила община владѣльческая, а затѣмъ община государственная. Нынѣшняя община возникла, по мнѣнію Чичерина, изъ сословныхъ обязанностей, положенныхъ на землевладѣльцевъ конца 16 вѣка и преимущественно изъ укрѣпленія ихъ къ мѣстамъ жительства и изъ разложенія податей на души. Такъ какъ все это произошло въ силу правительственныхъ распоряженій, то Чичеринъ и называетъ появившуюся подъ ихъ влияніемъ общину государственной и относитъ начало ея возникновенія къ концу 16 вѣка.

Противникомъ Чичерина въ его взглядѣ на возникновеніе общины выступилъ профессоръ Бѣляевъ²⁾. Онъ утверждалъ, что существованіе нынѣшней общины можетъ быть прослѣжено по памятникамъ 15 и 16 вѣка, а возникновеніе ея должно быть отнесено къ глубокой древности. Бѣляевъ касается и юридической стороны древней крестьянской общины. Онъ говоритъ, что крестьянская община есть собственница своихъ земель и только тѣмъ отличается отъ другихъ собственниковъ, что не имѣла права продавать свои земли. У отдѣльныхъ членовъ было только право пользованія землями. Продавать общинныя земли они не могутъ, передавать ихъ по наслѣдству тоже. Если же въ памятникахъ говорится о переходѣ крестьянскихъ земель по наслѣдству и ихъ продажѣ, то это относится не къ общиннымъ землямъ, а къ землямъ, принадлежащимъ крестьянамъ на правѣ частной собствен-

¹⁾ Въ статьяхъ, напечатанныхъ впервые въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1856 г., кн. 3, 4, 12 и 13, а затѣмъ вошедшихъ въ его сочиненіе: „Опыты по исторіи русскаго права“, М. 1858.

²⁾ Его статьи напечатаны въ „Русской Бесѣдѣ“ за 1856 г., кн. 1, 2 и 4; кромѣ того, много говорится объ общинѣ въ его сочиненіи: „Крестьяне на Руси“, первое изд. въ 1860 году.

ности. Передѣлы, по мнѣнію Бѣляева, также существовали давно, но не въ самой глубокой древности, а въ общинахъ средневѣковой Россіи.

Извѣстный историкъ С. М. Соловьевъ старается примирить эти два мнѣнія. Въ своей статьѣ о происхожденіи общины¹⁾ онъ соглашается съ Чичеринымъ въ томъ, что современная община рѣзко отличается отъ той родовой общины, которая существовала въ 9 вѣкѣ; но онъ отвергаетъ, что новая община создавалась совершенно независимо отъ древней и возникла только подъ вліяніемъ правительственныхъ мѣропріятій; напротивъ, онъ находитъ въ ней и преемственную связь съ древней общиной и даже нѣкоторыя общія черты съ ней.

Я не буду останавливаться подробно на изложеніи дальнѣйшихъ взглядовъ, высказанныхъ въ литературѣ по вопросу объ историческомъ происхожденіи общины, взглядовъ, съ одной стороны, возвращающихся около той главной контрверзы, которая раздѣляла изложенныя мнѣнія Чичерина и Бѣляева, а съ другой стороны, восполненныхъ тѣмъ новымъ матеріаломъ, который былъ данъ сравнительно-историческимъ методомъ изученія права разныхъ народовъ и благодаря которому мы можемъ признать твердо установленнымъ то положеніе, что всюду во всѣхъ почти человѣческихъ обществахъ индивидуальной собственности предшествовала собственность коллективная, общинная и что, въ частности, вездѣ въ Западной Европѣ, даже въ такой классической странѣ индивидуальной собственности, какъ Англія, найдены слѣды первоначально существовавшей общинной собственности.

Для интересующихся этимъ чрезвычайно важнымъ и любопытнымъ вопросомъ о происхожденіи русской общины я укажу еще слѣдующія сочиненія: Соколовскій П. А. „Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи“ и „Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юго-восточныхъ степей предъ крѣпостнымъ правомъ;“ проф. Никитскій: „Очерки экономической жизни Новгорода;“ проф. Дяконовъ: „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ Государствѣ;“ Милуковъ: „Очеркъ по исторіи русской культуры“; г-жи Ефименко: „Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ“.

По вопросу сравнительно историческаго изученія происхожденія и развитія общины я укажу на сочиненія М. Ковалевскаго: „Общинное землевладѣніе“ и „Экономическій ростъ Европы“; проф. Лучинскаго: „Крестьянское землевладѣніе во Франціи“; Зиберъ: „Первобытная культура“; Мэна: „Деревенскія общины на Востокѣ и Западѣ“ (Maine Village Communities in the East and West“, 1871), его же „Древ-

¹⁾ „Русскій Вѣстникъ“ 1866 г., т. 6, стр. 285 (22 и 24).

нѣйшая исторія учреждений“ (The early History of institutions 1875); Maurer: Einleitung zur Geschichte der Mark-Hof-Dorf und Stadtverfassung und der öffentl. Gewalt“, 1854, и „Geschichte der Markenverfassung in Deutschland“, 1856; Gierke: Das deutsche Genossenschaftsrecht“ и др.

Въ самое послѣднее время, именно въ 1902—3 г. вышло изслѣдованіе проф. В. Сергѣевича: „Древности русскаго права“, третій томъ котораго (землевладѣніе, тягло, порядокъ обложенія) посвященъ вопросу о происхожденіи русской общины. Въ этомъ сочиненіи Сергѣевичъ старается доказать, что русская община вовсе не можетъ считаться древнимъ учрежденіемъ, что она есть продуктъ, сравнительно недавняго, историческаго прошлаго русскаго народа, что по источникамъ русскихъ памятниковъ мы можемъ прослѣдить возникновеніе общины, начиная съ 14 и 15 вѣковъ, что возникновеніе землевладѣнія крестьянскихъ общинъ идетъ рука объ руку съ развитіемъ территоріи Московскаго Государства и частной земельной собственности московскихъ князей. Какъ бы ни возникла эта частная собственность, путемъ ли купли или конфискаціи, говоритъ Сергѣевичъ, если только она не отдавалась служилымъ людямъ она предоставлялась въ оброчное пользованіе крестьянъ и на ней возникало владѣніе крестьянскихъ общинъ, о которыхъ крестьяне выражались такъ: „земля царя и великаго князя, а нашего владѣнія“. „Первые такіе опыты могли возникнуть уже въ концѣ 14 вѣка“¹⁾.

Такой взглядъ на образованіе общинъ Сергѣевичъ выводитъ изъ очень обстоятельнаго, детальнаго изученія новгородскихъ писцовыхъ книгъ, изученіе которыхъ, по мнѣнію автора, доказываетъ отсутствіе до 15 вѣка общиннаго землевладѣнія въ Новгородскихъ земляхъ. Признавая вмѣстѣ съ тѣмъ общность условій землевладѣнія въ земляхъ Новгородскихъ и Московскихъ проф. Сергѣевичъ распространяетъ выводы, полученные имъ изъ изученія новгородскихъ юридическихъ памятниковъ на всю Россію.

Выводы, полученные авторомъ такимъ способомъ, не могутъ, по нашему мнѣнію, считаться правильными и именно потому, что авторъ искалъ ихъ главнымъ образомъ въ писцовыхъ книгахъ, въ которыхъ описывались владѣнія, находящіеся въ собственности частныхъ лицъ и установленій, и въ частныхъ сдѣлкахъ и договорахъ, сохранившихся до нашего времени. Между тѣмъ въ этихъ памятникахъ нѣтъ указаній относительно общины потому, что она въ то время была институтомъ публичнаго права и ея права не могли быть предметомъ част-

¹⁾ В. Сергѣевичъ. „Древности русскаго права“, т. 3, стр. 423.

ныхъ сдѣлокъ. Въ писцовыхъ книгахъ объ общинѣ нѣтъ упоминаній, потому что она не была въ то время частнымъ собственникомъ земель.

Вотъ почему все изслѣдованіе Сергѣевича, очень цѣнное въ научномъ отношеніи, очень мало даетъ для разрѣшенія поставленнаго имъ вопроса о происхожденіи общины.

Сергѣевичъ искалъ слѣдовъ общины не въ томъ матеріалѣ, который могъ бы ихъ обнаружить.

Для изученія современной общины вопросъ о древности ея происхожденія не является особенно существеннымъ. Пусть общинное землевладѣніе возникло въ Россіи въ 14 и 15 вѣкахъ, пусть современная община имѣетъ много существенныхъ отличій отъ прежней, — мы это послѣднее положеніе не только допускаемъ, но и признаемъ совершенно правильнымъ. Но изъ него вытекаетъ только тотъ выводъ, что община жизнеспособна и можетъ эволюционировать. Гораздо важнѣе, конечно, разрѣшеніе другого вопроса, связаннаго съ исторіей общины, вопроса о томъ, является ли она результатомъ народнаго творчества, порожденіемъ естественныхъ условій крестьянскаго землевладѣнія или исключительно искусственнымъ продуктомъ правительственныхъ мѣропріятій. Этотъ вопросъ можетъ быть въ настоящее время разрѣшенъ совершенно опредѣленно: не правительственные мѣропріятія создали общину, а, наоборотъ, эти мѣропріятія приноравливались къ существующей формѣ землевладѣнія и пользовались ею для своихъ цѣлей. Нельзя, конечно, отрицать, что, пользуясь общиной, правительство своими мѣропріятіями не вліяло въ свою очередь на общину. Но, слѣдя за этимъ вліяніемъ, надо сказать что оно не благоприятствовало развитію общины; напротивъ того, оно тормозило это развитіе, тормозило естественную эволюцію общины.

Экономическая сторона вопроса объ общинномъ землевладѣніи очень полно разработана въ русской литературѣ. Не менѣе полно изслѣдована и бытовая сторона вопроса, то разнообразіе проявленій общинной жизни, которое встрѣчается въ настоящее время. Матеріалы, собранные въ этомъ отношеніи, громадны. Приведу наиболѣе выдающіяся сочиненія, посвященныя сводкѣ упомянутыхъ матеріаловъ. Изслѣдованію экономической стороны общиннаго землевладѣнія и доказательству экономической пользы этой формы землевладѣнія при данныхъ условіяхъ экономическаго быта народа посвящены сочиненія проф. А. С. Посникова: „Общинное землевладѣніе“, Тернера: „Государство и землевладѣніе“, статьи Чернышевскаго по крестьянскому вопросу. Съ этой стороны можно близко познакомиться и по изслѣдо-

ваніямъ бытовой стороны общиннаго землевладѣнія въ трудахъ Императорскаго Географическаго общества: „Сборникъ матеріаловъ для изученія сельской поземельной общины“, въ матеріалахъ, собранныхъ земскими статистическими изслѣдованіями, сводъ которыхъ сдѣланъ въ сочиненіи В. В. (В. П. Воропонова) въ первомъ томѣ „Итоговъ экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики“, озаглавленномъ „Крестьянская община“, въ сочиненіяхъ Качеровскаго: „Русская община“ и Карелина: „Общинное владѣніе въ Россіи“.

Общинное землевладѣніе было предметомъ чаяній и надеждъ, обращенныхъ къ будущему. Соціалистическіе писатели, какъ Герценъ, Флеровскій, Чернышевскій думали, что община будетъ ячейкой, которая будетъ содѣйствовать переходу къ соціалистическому строю, что она можетъ легко превратиться въ земледѣльческую ассоціацію, въ коммуну съ общимъ трудомъ всѣхъ однообщественниковъ. Это возрѣніе на общину, какъ эмбрионъ будущаго соціального строя, послужило даже однимъ изъ исходныхъ пунктовъ того раскола соціалистической мысли, который и до сихъ поръ еще существуетъ среди нашихъ соціалистическихъ партій. Извѣстное сочиненіе Г. Плеханова: „Наши разногласія“ было однимъ изъ боевыхъ выступленій противъ такъ называемаго народническаго направленія. Теперь разногласія значительно уменьшились, но все еще далеко не сгладились. Съ одной стороны, съ общиной уже не связываютъ большихъ надеждъ на превращеніе ея въ производительную ассоціацію съ общимъ трудомъ всѣхъ ея членовъ; съ другой стороны, марксистское направленіе въ аграрномъ вопросѣ не стоитъ уже на прежней позиціи, будто бы имманентные законы экономическаго развитія въ области сельскаго хозяйства требуютъ превращенія мелкаго владѣнія въ крупныя капиталистическія латифундіи. Эволюція формъ промышленности, переходъ ея отъ мелкихъ къ крупнымъ капиталистическимъ предпріятіямъ, эволюція, связанная съ естественными условіями развитія капитализма, по выводамъ современныхъ экономическихъ ученій, основанныхъ на принципахъ историческаго матеріализма, можетъ и не вызвать вполнѣ аналогичной эволюціи въ сельскомъ хозяйствѣ, которое, подчиняясь, конечно, воздѣйствію и вліянію экономическихъ условій капиталистическаго строя, не сопровождается непременно измѣненіемъ формъ землевладѣнія и поглощеніемъ мелкаго землевладѣнія крупными сельско-хозяйственными предпріятіями. Въ зависимости отъ такого измѣненія взглядовъ на естественную эволюцію формъ землевладѣнія противники народническаго направленія, нападая на идеализацію общины, отрицая за нею значеніе зародыша будущихъ кооперативныхъ

формъ производства, отвергая возможность превращенія общинъ-ячеекъ въ будущія свободныя производительныя ассоціаціи социалистическаго строя, тѣмъ не менѣе возстаютъ противъ искусственной ломки общиннаго землевладѣнія. Противъ такой искусственной ломки высказался еще и авторъ „Нашихъ разногласій“, противъ нея высказываются еще рѣшительнѣе многіе представители этого ученія въ нашей современной литературѣ.

Параллельно съ этимъ развитіемъ взглядовъ на общину у представителей марксизма и представители народничества не настаиваютъ на осуществимости прежнихъ надеждъ на общину, возлагавшихся, напримѣръ, Чернышевскимъ. Выдвигается на первый планъ уже не хозяйственная сторона общины, не зачатки коллективнаго труда, наблюдаемые при общинныхъ порядкахъ, а роль общины, какъ регулятора правъ на землю, какъ органа, обеспечивающаго связь землевладѣльца съ землей, на которой онъ прилагаетъ свой трудъ. Эта сторона общиннаго владѣнія, конечно, тѣсно связана съ юридической природой общинныхъ отношеній. Поэтому въ настоящее время замѣчается увеличеніе вниманія къ юридической сторонѣ общиннаго землевладѣнія, вниманія именно къ той сторонѣ, которая очень мало разрабатывалась въ нашей литературѣ и которая только теперь возбуждаетъ къ себѣ усиленный интересъ. Опредѣленіемъ юридической природы общиннаго землевладѣнія мы и займемся въ дальнѣйшемъ изложеніи. Важность этого предмета въ настоящее время усиливается тѣмъ, что именно неразработанность вопросовъ общиннаго права и неправильныя построенія юридической природы общинныхъ отношеній сильнѣйшимъ образомъ содѣйствуютъ тому насильственному уничтоженію общины, тому попиранію ея правъ, которое въ настоящее время встрѣчаетъ такое сочувствіе въ правящихъ сферахъ и которое такъ рѣзко выразилось въ указѣ 9 ноября 1906 года.

2.

Юридическая природа общиннаго землевладѣнія до сихъ поръ не установлена въ наукѣ права. Нѣкоторые юристы считаютъ даже невозможнымъ подвести ее подъ какой либо изъ точно опредѣленныхъ институтовъ гражданскаго права. Въ наукѣ и судебной практикѣ общинное право отличается, съ одной стороны, отъ права общей собственности, съ другой — отъ права общественной собственности.

Очень подробно опредѣляетъ права общинной собственности Побѣдоносцевъ. Онъ говоритъ, что общинное право не можетъ быть признано общей собственностью, ибо въ общинномъ владѣніи физи-

ческое лицо не можетъ указать ни одну количественную часть имущества, которое оно имѣло бы въ исключительной своей власти, и самое число членовъ общины, участвующихъ во владѣніи, не является чѣмъ-то постояннымъ, неизмѣнимымъ, но измѣняется непрерывно изнутри и извнѣ, нарастаетъ и измѣняется, и каждому члену общины принадлежитъ право владѣнія. До раздѣла и выдѣла, допускаемыхъ въ особенныхъ случаяхъ, общинная земля должна во всей цѣлости оставаться общиннымъ достояніемъ. Во всемъ, что относится до владѣнія, каждый членъ общины долженъ подчиниться общему рѣшенію всѣхъ членовъ или большинства. „Вмѣстѣ съ тѣмъ“, продолжаетъ Побѣдоносцевъ „владѣніе общины не есть владѣніе лица идеальнаго, юридическаго. Есть общественное имущество, подлежащее употребленію на пользу цѣлой общины, напримѣръ, на улучшеніе дорогъ, зданій, отдачу въ аренду свободныхъ земель и проч. Но здѣсь нѣтъ непосредственнаго общественнаго владѣнія; здѣсь община владѣетъ на себя, на свою юридическую личность, для удовлетворенія потребностей общественныхъ. Мы говоримъ о томъ общественномъ владѣніи, въ которомъ владѣніе и пользованіе имуществомъ принадлежитъ всѣмъ физическимъ членамъ общины, поскольку они члены ея. Право ихъ не есть право на чужую вещь, но право на собственное имущество; здѣсь община и члены ея, по отношенію къ праву, сливаются вмѣстѣ, и не община составляетъ субъектъ права, а всѣ члены ея суть субъекты права и владѣніе общины выражается, обнаруживается не въ иномъ чемъ, а именно во владѣніи всѣхъ ея членовъ“ ¹⁾.

Изъ приведенной выдержки ясно, что Побѣдоносцевъ, проводя различіе между правомъ общимъ и правомъ общиннымъ, проводитъ въ то же время и разницу между правомъ общиннымъ и правомъ общественнымъ и не рѣшается признать за общиной значеніе юридического лица и за общинной собственностью значеніе собственности юридического лица. Онъ видитъ препятствіе для признанія общинной собственности собственностью юридического лица въ правахъ членовъ общины на общинное имущество. Не трудно замѣтить всю неполноту такого взгляда и все его противорѣчіе высказанному самимъ же авторомъ взгляду на существо правъ отдѣльныхъ членовъ общины. Онъ самъ говоритъ въ приведенныхъ выше словахъ, что каждый членъ общины имѣетъ только зависимое отъ общины право владѣнія и, слѣ-

¹⁾ Побѣдоносцевъ. Курсъ гражданскаго права, 1884 г. т. I, стр. 524.

довательно, самъ же признаетъ, что права членовъ общины не могутъ конкурировать съ правами общины и являются правами производными отъ правъ общины. Гдѣ же тогда препятствіе къ признанію общины субъектомъ правъ? ¹⁾ Отрицая за общиной значеніе субъекта права на землю, Побѣдоносцевъ, конечно, послѣдователенъ, отрицая за общиной собственностью значеніе собственности юридического лица. Но въ такомъ случаѣ онъ не послѣдователенъ, признавая права членовъ общины производными и въ то же время дѣлая этихъ же членовъ общины субъектами общиннаго права.

Построеніе Побѣдоносцева не только дѣлаетъ общинное право чѣмъ-то совершенно самобытнымъ, правомъ *sui generis*, но и лишаетъ его въ сущности всякой частно-правовой конструкціи, потому что нельзя же допустить существованіе особаго права безъ его субъекта, какъ нельзя допустить наличность двухъ самостоятельныхъ субъектовъ на одно и то же право. По строю гражданско-правовыхъ отношеній нашего дѣйствующаго гражданского права можно допустить только два рода коллективныхъ правъ на вещь: права общей собственности и права собственности юридического лица. — Промежуточнаго права между правомъ общимъ и правомъ юридического лица по дѣйствующему праву не можетъ быть. И если право общины не является правомъ общимъ, то оно есть право юридического лица. Если община не есть субъектъ права, какъ юридическое лицо, общинная собственность должна считаться общей собственностью. И если правильно мнѣніе автора, что субъектомъ права является не община, а всѣ физическія лица, составляющія общину, и имѣющія опредѣленную долю участія въ собственности общиной земли, то община несомнѣнно есть видъ общей собственности. Между тѣмъ такое пониманіе существа общиннаго права отрицается Побѣдоносцевымъ.

Мы подробно остановились на изложеніи взгляда Побѣдоносцева потому, что онъ легъ въ основаніе взглядовъ многихъ писателей-юристовъ на интересующій насъ вопросъ и имѣлъ вліяніе и на практику Сената, и, слѣдовательно, на судебную практику вообще.

Такую же двойственность въ опредѣленіи существа общиннаго права проявляетъ и Пахманъ. Въ своемъ извѣстномъ трудѣ: „Обыч-

¹⁾ Мы употребляемъ здѣсь терминъ „субъектъ правъ“ въ томъ смыслѣ, какъ его понимала теорія въ то время, когда Побѣдоносцевъ издалъ свой „Курсъ гражданского права“, въ томъ смыслѣ, какъ его понималъ самъ авторъ, признававшій за юридическими лицами возможность быть субъектами общинныхъ правъ. Мы здѣсь совершенно не касаемся спора о томъ, кто является субъектомъ правъ во всѣхъ юридическихъ лицахъ: юридическое лицо или физическія лица, его составляющія.

ное гражданское право въ Россіи“ Пахманъ такъ опредѣляетъ общинное право: „общинное владѣніе есть та форма имущественныхъ правъ, въ силу которой право владѣнія и пользованія даннымъ пространствомъ земли принадлежитъ самой общинѣ, какъ собственнику или владѣльцу земли, причемъ каждому члену ея, какъ домохозяину, предоставляется въ ней или право пользованія, соединенное съ владѣніемъ, или же одно право пользованія“ ¹⁾. Изъ этого опредѣленія онъ, въ противоположность Побѣдоносцеву, признаетъ общину субъектомъ права собственности. „Общинное землевладѣніе“, говоритъ онъ, „предполагаетъ, что право на землю принадлежитъ прежде всего самой общинѣ, какъ хозяйственной единицѣ, какъ самостоятельному, т. е. отдѣльному отъ ея членовъ субъекту права“. Но на слѣдующей же страницѣ онъ изъ этого же опредѣленія дѣлаетъ второе заключеніе, что „наряду съ самой общиной, какъ самостоятельнымъ субъектомъ права на землю, право на нее принадлежитъ и отдѣльнымъ членамъ общины“. Изъ дальнѣйшаго, по нашему мнѣнію, совершенно противорѣчиваго изложенія выходитъ, что, съ одной стороны, члены общины имѣютъ только право пользованія, зависящее отъ правъ общины, а съ другой стороны, что они имѣютъ тѣ же права, какія имѣетъ и сама община. Вся эта непоследовательность, повидимому, происходитъ отъ того, что Пахманъ, такъ же, какъ и Побѣдоносцевъ, хочетъ своимъ юридическимъ опредѣленіемъ существа общиннаго владѣнія защитить права общинниковъ пользоваться общинной землей и подчеркнуть то, согласное съ обычнымъ порядкомъ пользованіе общинной землей, по которому община пользуется своей землей исключительно для болѣе или менѣе равномернаго распредѣленія ея между своими членами. Поэтому онъ говоритъ, что „хотя права членовъ общины и зависимы, хотя они и производны отъ правъ общины, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы община могла устранить членовъ своихъ отъ права пользованія землей, такъ какъ право ихъ на землю и составляетъ само по себѣ коренной и существенный элементъ общиннаго владѣнія“. Тутъ цѣль общиннаго владѣнія, ради которой существуетъ община какъ юридическое лицо, смѣшивается съ юридической природой самаго общиннаго владѣнія. Цѣль, которую преслѣдуетъ учрежденіе юридического лица—общины—несомнѣнно, распредѣленіе земли между членами. Но свойство правъ общины отъ этого не мѣняется. Не мѣняется конструкція общиннаго права и отъ того, какъ справедливо указываетъ Пахманъ, принадлежатъ ли земли общинѣ на правѣ

¹⁾ Пахманъ. „Обычное право въ Россіи“, 1877 г., стр. 12.

владѣнія или на правѣ собственности. Не мѣняется оно и отъ того, что община, какъ онъ утверждаетъ, вслѣдъ за Лешковымъ, имѣетъ и публично-правовой характеръ. Имѣя этотъ характеръ, община всетаки въ своихъ имущественныхъ отношеніяхъ должна подпадать подъ нормы частнаго права. А съ точки зрѣнія этихъ нормъ, права общины могутъ конструироваться только какъ права юридическаго лица.

Характеризуя взгляды нашихъ писателей-юристовъ на юридическую сущность общиннаго владѣнія нельзя обойти молчаніемъ такого вдумчиваго юриста, какъ Кавелинъ, много занимавшагося вопросами народной жизни. Его взглядъ на общину полнѣе всего выраженъ въ его статьѣ, до сихъ поръ не потерявшей своего значенія: „Взглядъ на русскую сельскую общину“¹⁾.

Кавелинъ говоритъ, что „общинное землевладѣніе есть особый гражданскій институтъ, не похожій на всѣ извѣстные доселѣ и всего менѣе на личную собственность“. Признавая общину особливимъ институтомъ, онъ, однако, не сомнѣвался въ томъ, что ее надо подвести подъ категорію юридическихъ лицъ.

„Подъ общиннымъ владѣніемъ разумѣется владѣніе недвижимымъ имуществомъ, принадлежащее обществу домохозяевъ, которые распоряжаются и пользуются имъ по взаимному между собой соглашенію. По отношенію къ общинному владѣнію общество домохозяевъ есть юридическое лицо особаго рода, представляемое не большинствомъ ихъ, а совокупностью всѣхъ“.

Юридически Кавелинъ такъ опредѣляетъ общинное владѣніе:

1. Членъ общины не имѣетъ права собственности на отведенный ему земельный пай, а только право владѣнія и пользованія. Поэтому онъ не можетъ отчуждать его ни при жизни, ни на случай смерти, не можетъ его закладывать; дѣти и родственники не наследуютъ его: онъ не можетъ быть проданъ.

2. Владѣніе и пользованіе общинной землей неразрывно связано съ постоянной осѣдлостью въ общинѣ. Владѣть и пользоваться общинной землей можетъ лишь самъ членъ общины непосредственно.

3. Владѣніе общинной землей соединено съ несеніемъ повинностей.

Передѣлы, по мнѣнію Кавелина, не являются существеннымъ признакомъ общиннаго владѣнія. Онъ предполагаетъ, что въ будущемъ

¹⁾ Эта статья помѣщена въ № 2 журнала „Атеней“ за 1859 г., затѣмъ она вошла въ I томъ собранія его сочиненій въ изданіи Солдатенкова и Шитова 1859 года, въ изданіи же 1898 года помѣщена во II томѣ. Тому же вопросу посвящены и двѣ другія его статьи „Общинное владѣніе“ и „Поземельная община въ новой и др. Россіи“.

передѣлы будутъ сокращаться и исчезнуть, но община будетъ продолжать свое существованіе. Онъ предусматриваетъ даже переходъ правъ домохозяевъ на общинную землю въ право пожизненной аренды, которая можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ сдѣлаться и наследственной. Но эта аренда будетъ отличаться отъ арендъ частныхъ, которыя, по самому свойству личной собственности, неудержимо обращаются рано или поздно въ промышленныя спекуліаціи. Придерживаясь такого взгляда на общину, онъ подъ общиннымъ землевладѣніемъ понимаетъ и установленное владѣніе полевой землей и владѣніе усадебной землей, какъ извѣстно, не передѣляемой. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Кавелинъ совершенно ошибочно признаетъ существеннымъ признакомъ общиннаго владѣнія круговую поруку. Онъ находитъ, что послѣдняя неизбежно вытекаетъ изъ сущности общиннаго владѣнія.

Мейеръ первый изъ русскихъ юристовъ высказался прямо и опредѣленно, что община есть юридическое лицо. Къ сожалѣнію, онъ совершенно не развилъ своего взгляда, установивъ только различіе между правомъ общимъ и правомъ общиннымъ. Онъ говоритъ, что „нѣтъ общей собственности, когда нѣсколько лицъ сообща владѣютъ и пользуются вещью, а право собственности принадлежитъ одному лицу. Напр., отдѣльные крестьяне владѣютъ и пользуются сообща отведенною имъ землею, но право собственности принадлежитъ общинѣ, какъ юридическому лицу¹⁾ на правѣ отдѣльной собственности“. Гольмстенъ, исправившій и дополнившій курсъ гражданскаго права Мейера, дѣлаетъ отъ себя добавленіе, перечисляя характерные признаки общиннаго владѣнія. Ими онъ считаетъ: 1) принадлежность земли на правѣ собственности общинѣ, 2) принадлежность членамъ общины права пользованія, иногда соединеннаго съ владѣніемъ и 3) принадлежность права пользованія члену общины какъ домохозяину, какъ представителю двора. При этомъ Гольмстенъ, какъ и Кавелинъ, причисляетъ усадебныя земли къ общиннымъ, говоря, что право пользованія, принадлежащее членамъ общины, различно по различію назначенія имущества, какъ предмета общиннаго землевладѣнія. Въ этомъ отношеніи надо различать усадебную землю, состоящую въ наследственномъ пользованіи членовъ общины, и пахотную.

Проектъ гражданскаго уложенія категорически склоняется къ опредѣленію общинной собственности какъ вида собственности юридическаго лица. „Субъектомъ при общинномъ владѣніи является юри-

¹⁾ Мейеръ. „Русское гражд. пр.“, 1902 г., стр. 282.

дическое лицо—община“¹⁾. Но проект подводит подъ общинныя земли только полевой надѣль, считая усадебную землю не состоящей въ общинной собственности, а составляющей отдѣльную собственность семействъ—субъектовъ правъ на усадебную землю. Признавая общинную собственность собственностью юридического лица, проектъ, однако, проводитъ и различіе, видя его въ томъ, что коренной признакъ общиннаго владѣнія, отличающій его отъ обыкновеннаго владѣнія, юридического лица заключается въ томъ, что наряду съ правомъ общины на землю каждому входящему въ составъ общины семейству принадлежитъ отдѣльное владѣніе частью общинной земли, приходящейся ему по разверсткѣ общины. Поэтому съ правомъ общины проектъ сопоставляетъ права членовъ общины какъ признакъ, который будто бы отличаетъ общину отъ прочихъ юридическихъ лицъ.

Подводя итоги возрѣніямъ литературы на юридическую природу общинной собственности, слѣдуетъ признать, что громадное большинство писателей-юристовъ смотритъ на общину, какъ на юридическое лицо, но вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на противорѣчіе такой конструкции въ правахъ отдѣльных членовъ общины, которыхъ многіе изъ нихъ тоже признаютъ субъектами правъ. Мы полагаемъ, что въ такой конструкции кроется очевидное недоразумѣніе, которое осложняется существующими въ современной юридической литературѣ controverzaми о правовой конструкции фикціи юридического лица. Многіе цивилисты не признаютъ вообще юридическихъ лицъ за субъектовъ права, считая, что таковыми, т. е. субъектами права, могутъ быть только лица физическія, участвующія въ коллективномъ пользованіи правами юридического лица. Разумѣется мы не имѣемъ никакой возможности входить здѣсь въ спеціальнѣйшій анализъ указанныхъ controverzъ и вполнѣ признаемъ, что поскольку данная теорія отрицаетъ за юридическими лицами вообще значеніе субъектовъ правъ, постольку весьма естественно со стороны приверженцевъ этой теоріи отрицать значеніе субъекта правъ за общиной.

Но это отрицаніе не прибавляетъ правъ отдѣльнымъ членамъ общины въ отношеніи распоряженія, владѣнія и пользованія общиннымъ имуществомъ и нисколько не усиливаетъ аргументы тѣхъ юристовъ, которые хотятъ признать исключительное, самостоятельное и независимо отъ ихъ участія въ составѣ юридического лица право членовъ общины на часть общиннаго имущества. Такой взглядъ, поддерживаемый нѣкоторыми русскими писателями и выводимый ими изъ

постановленій закона о выходѣ изъ общины, совершенно неправиленъ, какъ бы мы ни смотрѣли на природу юридического лица, ибо такой взглядъ исходить не изъ тѣхъ или другихъ взглядовъ на юридическую сущность юридического лица вообще, а изъ отрицанія за общиной свойствъ юридического лица.

Между тѣмъ, такое отрицаніе безусловно противорѣчитъ дѣйствующему праву.

Всѣ постановленія закона, опредѣляющія права на отводимую землю въ мѣстностяхъ съ общиннымъ землевладѣніемъ достаточно категоричны въ этомъ отношеніи. Законъ предоставляетъ общинѣ защиту правъ на землю и распоряженіе ею. Передъ третьимъ лицомъ представителемъ общиннаго имущества является сходъ общинниковъ и его выборные. По силѣ 8 п. 62 ст. общ. пол. о кр. общинѣ, т. е. сходу общинниковъ, принадлежитъ право рѣшать всѣ дѣла, связанныя съ порядкомъ пользованія общинными землями, общинѣ же принадлежитъ право распоряженія общинной землей, т. е. право ея отчужденія. Правда, осуществленіе этого права поставлено подъ контроль учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, но это нисколько не умаляетъ правъ общины передъ отдѣльными членами общины, ибо ограничиваетъ право общины исключительно ради публичнаго интереса.

Статья 9 Мѣстнаго Великороссійскаго положенія говоритъ слѣдующее: „Земля, пріобрѣтенная сельскимъ обществомъ на основаніи выкупной сдѣлки или выкупного акта, представляется подъ названіемъ мірской земли въ собственность того общества“. Статья 107 положенія о выкупѣ гласитъ: „Когда земля выкуплена цѣлымъ сельскимъ обществомъ, то она признается собственностью всего общества“. Эти выраженія статей закона достаточно опредѣленны для признанія общества субъектомъ права собственности. Но здѣсь, какъ было видно изъ обзора мнѣнія русскихъ юристовъ, возникаетъ вопросъ о томъ, какія права на надѣль принадлежатъ члену общины, имѣетъ ли онъ самостоятельныя права на надѣль, и если имѣетъ, то въ чемъ они состоятъ.

Мы видѣли уже изъ обзора трудовъ редакціонныхъ комиссій, что составители положеній 1861 года имѣли въ виду сохранить ту общину, которая сложилась у крестьянъ на основаніи обычая. Поэтому, помимо рѣшенія поставленнаго вопроса на основаніи довольно сбивчивыхъ и очень краткихъ указаній закона, необходимо постараться разрѣшить этотъ вопросъ и на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя даютъ новѣйшіе обширные матеріалы объ общинѣ, какъ институтъ обычнаго права. Эти матеріалы даютъ намъ возможность прослѣдить эво-

¹⁾ Проектъ гражданскаго уложенія, т. III, книга III, стр. 83.

люцію общиннаго владѣнія и, расположивъ все разнообразіе общинныхъ порядковъ въ систему, охватывающую постепенное развитіе и упадокъ общины, выдѣлить изъ пестраго многообразія общинныхъ порядковъ то общее, что составляетъ юридическую сущность этого вида собственности.

При земельномъ просторѣ и переложной системѣ хозяйства мы замѣчаемъ такіе порядки, при которыхъ община не передѣляетъ пахатныхъ земель и ими пользуются тѣ члены общины, которые впервые захватываютъ новыя пространства земли. Кто вспахалъ новину, тотъ и пользуется ею, пока она даетъ урожай. Община здѣсь регулируетъ только пользованіе лѣсомъ, если его не много, и выгономъ. Часто при переложной системѣ какое нибудь близкое къ селенію поле становится удобнымъ для всѣхъ и, сохраняя захватный способъ для отдаленныхъ земельныхъ угодій, община начинаетъ передѣлять близкіе участки пахатнаго поля. По мѣрѣ уменьшенія земельного простора начинаютъ практиковаться общіе уравнильные передѣлы земли по разнымъ основаніямъ, причемъ самымъ обычнымъ быстро распространившимся въ послѣднее время основаніемъ является передѣлъ по наличнымъ душамъ. Основанія мѣняются въ зависимости отъ многихъ условий: степени тяжести платежей и повинностей, степени доходности земли и проч. Этотъ періодъ передѣловъ—періодъ самой интенсивной жизни общины, самаго дѣятельнаго ея вмѣшательства въ хозяйственную жизнь своихъ членовъ.

Вслѣдствіе многочисленныхъ причинъ, которыхъ мы здѣсь подробно перечислять не будемъ, община въ нѣкоторыхъ мѣстахъ суживаетъ свое вмѣшательство въ распоряженіе земель, дѣлается какъ бы парализованной, бездѣятельной, мертвой. Община въ этотъ періодъ отказывается отъ передѣловъ, ея члены-домохозяева овладѣваютъ землей и владѣютъ ею наслѣдственно безъ передѣловъ. Бываютъ иногда передѣлы въ натурѣ, т. е. перемѣны полосъ, но размѣръ пахатной земли, находящейся во владѣніи даннаго двора, остается неизмѣннымъ. Община переходитъ къ виду паевого товарищества. Владѣніе земель въ этихъ случаяхъ фактически ничѣмъ не отличается отъ подворнаго владѣнія, только юридически и отличается отъ него тѣмъ, что во всякое время такая община можетъ ожить и что въ юридическомъ отношеніи для нея нѣтъ препятствій къ возстановленію передѣловъ, въ то время какъ въ подворномъ владѣніи передѣлы невозможны юридически. Другими словами, такая мертвая община приближается къ формѣ подворнаго владѣнія, сохраняя за собою право собственности, но не проявляя своего права распредѣленія земли между

однообщественниками. Въ такой общинѣ каждое домохозяйство получаетъ фактически неизмѣнное владѣніе извѣстнымъ количествомъ десятинъ, но можетъ и потерять его въ будущемъ.

Охватить такое разнообразіе формъ, въ которыхъ проявляется общинная жизнь, и выразить его въ юридической формулѣ, обнимающей всѣ указанные виды общины, можно только принявъ конструкцію общины какъ юридическаго лица. Слѣдовательно, эта конструкція отвѣчаетъ опредѣленіямъ обычнаго и писаннаго права. И эта конструкція въ свою очередь вызываетъ совершенно опредѣленный юридическій отвѣтъ на вопросъ о правахъ членовъ общины на общинную землю: никакихъ самостоятельныхъ правъ на землю члены общины внѣ своего права представительства въ распорядительномъ органѣ общины—схода—не имѣютъ и имѣть не могутъ, всѣ ихъ отдѣльныя права на пользованіе землей являются правами производными, получаемыми ими отъ общины, въ томъ размѣрѣ и объемѣ, въ какомъ они предоставляются имъ общиной. Противъ такого взгляда обыкновенно возражаютъ, что въ положеніи о выкупѣ содержалась 165 статья, которая до измѣненія ея редакціи предоставляла отдѣльному домохозяину право, внеся выкупъ за „причитающуюся на его участокъ выкупную ссуду“, требовать выдѣла послѣдняго, и что въ общемъ положеніи содержится 12 статья (по прежнему изданію 76 г.—36 ст.), которая предоставляетъ каждому отдѣльному члену общины требовать, чтобы изъ состава земли, приобрѣтенной въ общественную собственность, ему былъ выдѣленъ въ частную собственность участокъ, соразмѣрный его участию въ приобрѣтеніи этой земли.

Изъ сопоставленія этихъ статей часто выводятъ заключеніе, что при самомъ надѣленіи крестьянъ составители положеній 1861 года имѣли въ виду параллельно правамъ общины на отводимую землю создать и право отдѣльныхъ крестьянъ-домохозяевъ на опредѣленное участіе въ правѣ собственности на эту землю. Другими словами, что отдѣльные члены общины являются также самостоятельными субъектами права собственности. Мы уже указывали, что большинство писателей-юристовъ, признающихъ общину юридическимъ лицомъ особаго рода, признаютъ и право членовъ общины на участіе въ собственности ¹⁾, чувствуя вмѣстѣ съ тѣмъ невозможность сочетанія этихъ

¹⁾ *Лешковъ*, Юридич. Вѣстн. 1876 г., кн. 2. *Кавелинъ*, Сочиненія, часть IV, изд. 1859 г., стр. 257. *Шершеневичъ*, Учебникъ русск. гражд. права, изд. 1896 г., стр. 274. *Пахманъ*, Обычное гражд. право, т. I, стр. 13. Проектъ гражд. улож., кн. III, т. 3, ст. 78—110.

правъ съ правомъ общины, несовмѣстимость этихъ двухъ категорій правъ съ точки зрѣнія юридической конструкціи. Нѣкоторые писатели послѣдняго времени, являющіеся апологетами той точки зрѣнія, на которую стали составители указа 9 ноября 1906 года, опираясь на приведенныя нами статьи общаго положенія и положенія о выкупѣ, отказываютъ общинѣ даже въ правѣ считаться самостоятельнымъ субъектомъ права собственности, перенося всецѣло права общины на ея членовъ. Такъ дѣлаетъ г. П. Д., авторъ сочиненія: „Вопросъ объ общинѣ и уравнительномъ землепользованіи“, М. 1904 г., такъ высказывается и г. Лосицкій въ брошюрѣ: „Выкупная операція“, Спб. 1906 г.

Такой взглядъ прямо противорѣчитъ всѣмъ статьямъ закона, опредѣлявшимъ права общества и ясно признающимъ общество собственникомъ земли, и вмѣстѣ съ тѣмъ такой взглядъ вовсе не подтверждается указанными статьями 12 общаго положенія и 165 ст. положенія о выкупѣ. Даже основываясь на прежней редакціи 165 статьи положенія о выкупѣ, мы можемъ сдѣлать одинъ только выводъ: установивъ, что земля при общинномъ владѣніи принадлежитъ общинѣ, какъ юридическому лицу, законодатель счелъ необходимымъ предоставить отдѣльнымъ домохозяевамъ, при извѣстныхъ условіяхъ, право выдѣлиться изъ общины, предоставивъ имъ не вещное, а обязательственное право требовать выдѣла на извѣстныхъ условіяхъ. Другими словами, законодатель предусмотрѣлъ возможность распадѣнія юридического лица—общины по отношенію къ членамъ, не желающимъ въ ней оставаться и признать право этихъ членовъ требовать извѣстное матеріальное обезпеченіе за то участіе въ составѣ юридического лица, которое здѣсь имъ принадлежало. Такое право является правомъ совершенно другого порядка и поэтому не можетъ конкурировать съ вещными правами общины на общинную землю ¹⁾.

Такимъ образомъ, право собственности на общинную землю принадлежитъ всецѣло и нераздѣльно общинѣ, какъ юридическому лицу. При наличности общины отдѣльные ея члены—домохозяйства съ домохозяиномъ во главѣ—имѣютъ отдѣльно только производное, зависящее отъ приговора общины, право на пользованіе землей на срокъ, опредѣляемый періодомъ передѣловъ. Это право на одинаковое надѣленіе землей, равное съ другими членами общины по основанію, принятому обществомъ, вытекаетъ изъ той цѣли, ради которой суще-

¹⁾ Ср. подтвержденіе этой мысли въ прекрасной статьѣ Вормса—„Выдѣлъ изъ общины по дѣйствующему праву“, Вѣстникъ права, 1906 г., кн. 4.

ствуетъ юридическое лицо—община. Цѣль эта заключается въ сохраненіи общинной земли въ обладаніи общины для обезпеченія за ея членами равномѣрнаго пользованія землей. Осуществляется же это право при передѣлѣ на основаніяхъ, принятыхъ большинствомъ $\frac{2}{3}$ домохозяевъ въ составленномъ ими приговорѣ о передѣлѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ община является юридическимъ лицомъ и ея составъ опредѣляется совокупностью домохозяевъ, сходъ которыхъ облеченъ распорядительной властью въ дѣлахъ общины, членъ общины—домохозяинъ имѣетъ право на участіе въ дѣлахъ, подлежащихъ вѣдѣнію общиннаго схода. Это его право, также какъ и право на равномѣрное надѣленіе землей, въ случаѣ его нарушенія обезпечено юридической защитой, осуществляемой въ судебно-административномъ порядкѣ, путемъ обжалованія приговора схода черезъ земскаго начальника уѣздному сѣзду.

Въ полномъ согласіи съ установленными выводами стоятъ и тѣ статьи закона, которыя опредѣляютъ права членовъ общины и которыя ставятъ права ея члена на передачу своего участія въ общинной собственности въ зависимость отъ согласія общины (12 статья общ. полож. и 112 ст. полож. о выкупѣ).

Въ такомъ же соотвѣтствіи находятся и взгляды Сената. „Собственникомъ земли“, говоритъ Сенатъ, „является община, какъ юридическое лицо, отдѣльнымъ же семействамъ принадлежитъ лишь право срочнаго, отъ передѣла до передѣла, владѣнія, отведенными имъ участками общинной земли“ ¹⁾. „Не будучи собственниками отведенныхъ имъ участковъ земли“, говоритъ Сенатъ въ другомъ рѣшеніи, „отдѣльные домохозяева не въ правѣ, конечно, уступать эти участки въ собственность другого лица“ ²⁾, „а равно не могутъ простираť наслѣдственныхъ правъ на участки общинной земли, оставшіеся послѣ умершихъ родственниковъ“ ³⁾, „владѣніе ихъ не можетъ вести къ приобрѣтенію ими права собственности на общинную землю по давности“ ⁴⁾. „Сельское общество обязано допускать къ участію въ пользованіи общественною землею тѣхъ своихъ членовъ, которые получили на то право по актамъ земельного устройства—уставнымъ грамотамъ, владѣннымъ записямъ и т. п.“ ⁵⁾. „Сельскому обществу дозволяется затѣмъ принимать и другихъ лицъ по-

¹⁾ Рѣш. 2 Деп. Прав. Сената 1889 г. №№ 2064 и 2740.

²⁾ Рѣш. 2 Деп. Прав. Сената 1885 г. № 362.

³⁾ Рѣш. 2 Деп. Прав. Сената 1889 г. №№ 2640 и 2740.

⁴⁾ Рѣш. 2 Деп. Прав. Сената 1883 г. № 950.

⁵⁾ Рѣш. 2 Деп. Прав. Сената 1883 г. № 3488.

датныхъ сословій въ члены общины, съ предоставленіемъ или безъ предоставленія имъ права на надѣлъ“ 1), „причемъ для законности приговора сельскаго схода о принятіи новаго члена съ правомъ на надѣлъ требуется согласіе не менѣе $\frac{2}{3}$ домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ“ 2). „Лица, принятые въ сельское общество съ правомъ на надѣлъ, или хотя и не получившія первоначально этого права, но впослѣдствіи надѣленные обществомъ землей, пользуются совершенно одинаковыми правами съ лицами, входящими въ составъ сельскаго общества въ силу актовъ земельного устройства“ 3).

Характерной особенностью общинной жизни являются передѣлы. До 1893 года въ нашемъ законодательствѣ не существовало регламентации передѣловъ. Передѣлы общинной земли совершались на основаніи 8 и 12 ст. общ. пол. о крест., опредѣляющихъ, что вѣдѣнію сельскаго схода подлежатъ дѣла, относящіеся до общиннаго пользованія мірской землей, какъ-то передѣлъ, накладка и скидка тяголы и пр.

Приговоры о передѣлѣ не нуждались въ чѣмъ либо утвержденіи, они подлежали исполненію немедленно по постановленію ихъ сходами и записи въ книгу приговоровъ 4). Обжалованіе ихъ недобрыми членами не останавливало ихъ исполненіе.

Единственное условіе дѣйствительности приговоровъ съ формальной стороны—постановленіе ихъ $\frac{2}{3}$ членовъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ. По существу приговоры Сенатъ ограничилъ право сходовъ воспрещеніемъ обезземеливать своихъ членовъ, живущихъ въ обществѣ и ведущихъ свое хозяйство. У такихъ членовъ могло быть уменьшено количество земли, находящейся въ ихъ пользованіи, но не могла быть отнята вся земля 5). Сходъ могъ при передѣлѣ отобрать землю впредь до возвращенія на жительство въ общество и обзаведенія хозяйства только у тѣхъ членовъ, которые, отсутствуя изъ мѣста своего жительства, осѣлости въ обществѣ не имѣютъ и хозяйства въ ней не ведутъ 6).

Сходъ не имѣетъ права, по указаніямъ Сената, лишать члена права пользованія землей, *равноиѣрнаго* съ другими однообществен-

1) Рѣш. 2 Деп. Прав. Сената 1885 г. № 2662.

2) Рѣш. 2 Деп. Прав. Сената 1890 г. № 612.

3) Рѣш. 2 Деп. Прав. Сената 1883 г. № 3488 и 1888 г. № 31.

4) Рѣш. 2 Деп. Прав. Сен. 1 февр. 1891 г. № 706.

5) Рѣш. 2 Деп. Прав. Сен. 10 дек. 1885 г. № 5532 и др.

6) Рѣш. 2 Деп. Прав. Сен. 1885 г. 3 сент. № 3900 и др.

никами по принятому при передѣлѣ основанію. Споры между общиной и членами, связанные съ передѣлами, признаны Сенатомъ не подсудными судебнымъ установленіямъ, какъ подлежащіе путемъ обжалованія приговоровъ схода разсмотрѣнію учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ 1).

Сходъ имѣлъ широкое право передѣловъ какъ общихъ, такъ и частныхъ, касающихся не всѣхъ домохозяевъ, а только тѣхъ, землепользованіе которыхъ по индивидуальнымъ причинамъ потеряло соотвѣтствіе съ принятымъ въ обществѣ порядкомъ распределенія общинной земли.

8 июня 1893 года былъ изданъ законъ, ограничивающій свободу общинъ въ передѣлахъ. Но законъ этотъ дѣйствуетъ не повсемѣстно. Онъ изданъ только для мѣстностей, въ которыхъ введено положеніе о земскихъ начальникахъ и только въ этихъ территоріальныхъ передѣлахъ дѣйствуетъ и въ настоящее время.

Въ силу указанного закона приговоры о передѣлахъ пахотной земли и тѣхъ угодій, которыя передѣляются на одномъ съ пахотными землями основаніи, должны быть послѣ постановки ихъ сходами провѣряемы на мѣстѣ земскими начальниками и утверждаемы уѣздными сѣздами. Сѣзды могутъ отказать въ утвержденіи приговора, если найдутъ по результатамъ провѣрки, произведенной земскимъ начальникомъ, что приговоръ постановленъ несогласно съ законами, клонится къ ущербу общества или нарушаетъ права отдѣльныхъ членовъ общества.

Срокъ общихъ передѣловъ не можетъ быть менѣе двѣнадцати лѣтъ. Въ общихъ передѣловъ, частные передѣлы не допускаются, за исключеніемъ случаевъ, точно въ законѣ указанныхъ: 1) смерти домохозяина, увольненія его изъ общества, высылки по суду или общественному приговору, безвѣстной отлучки и оставленія хозяйства безъ попеченія, если въ обществѣ не оставалось членовъ семейства, за которыми участокъ можетъ быть оставленъ, 2) отказа самого домохозяина отъ пользованія землей, и 3) неисправности его въ платежѣ повинностей.

1) Рѣш. общ. собр. Прав. Сен. 1 и 2 и касс. деп. 30 окт. 1889 г. № 20.

ГЛАВА VII.

Формы крестьянского землевладѣнія.

Подворное землевладѣніе.

Опредѣленіе подворнаго землевладѣнія по дѣйствующему праву.—Случаи вмѣшательства общества въ распредѣленіе подворныхъ участков.—Опредѣленіе наибольшаго и наименьшаго размѣра подворныхъ участков.

Мы уже упоминали, что другой распространенной формой землевладѣнія, принятой въ законахъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, является подворное землевладѣніе.

Подворное землевладѣніе часто смѣшивается съ владѣніемъ индивидуальнымъ и, какъ таковое, противопоставляется общинному.

Такому смѣшенію содѣйствуетъ и чрезвычайно неустойчивая терминологія дѣйствующаго закона.—Мы уже видѣли, что положеніе 1861 года, какъ будто, отдѣляетъ подворное владѣніе отъ участковаго, но оно не содержитъ опредѣленій, сколько-нибудь точно указывающихъ на различіе этихъ формъ землевладѣнія. Однако, изъ сопоставленія соотвѣствующихъ статей, въ которыхъ эти термины встрѣчаются, можно сдѣлать предположеніе о томъ, что подъ участковымъ владѣніемъ законъ подразумѣвалъ выдѣленные къ одному мѣсту участки или, другими словами, ту форму землевладѣнія, которая нынѣ называется отрубной.

Поэтому, напр., опредѣленіе, содержащееся въ 116 ст. пол. о выкупѣ и которое гласитъ, что „участки, прибрѣтенные не всѣмъ обществомъ, а отдѣльными домохозяевами составляютъ личную собственность каждаго“ можно отнести къ участковому, а не къ подворному землевладѣнію.

Но сенатская практика смѣшала оба указанные вида землевладѣнія и разъяснила 116 ст. пол. о выкупѣ, какъ относящуюся ко всему подворному владѣнію.—Очевидно, при такомъ толкованіи подворная форма землевладѣнія явилась совершенно отличной отъ общаго владѣнія, даже ему противоположной.

Но такому опредѣленію подворнаго землевладѣнія во-первыхъ противорѣчитъ признаваемое закономъ и совершенно незыблемо установленное сенатской практикой начало семейнаго владѣнія подворными участками, начало, по которому подворный участокъ, какъ подробно будетъ развито въ другомъ мѣстѣ, является собственностью не домохозяина, а собственностью всей семьи. Ибо, несомнѣнно, такому признанію наличности семейной собственности противорѣчитъ утвержденіе о томъ, что подворный участокъ есть „личная собственность домохозяина“.

Во-вторыхъ, такому опредѣленію противорѣчатъ и указанія закона, устанавливающія извѣстную зависимость подворнаго владѣльца отъ владѣнія всего общества.

116 ст. пол. о вып. говоритъ объ „участкахъ, прибрѣтенныхъ не всѣмъ обществомъ, а отдѣльными домохозяевами“, а другія статьи, специально опредѣляющія свойство подворнаго владѣнія, трактуютъ его какъ видъ владѣнія, по которому „земля прибрѣтается всѣмъ обществомъ“.

Обращаясь къ мѣстнымъ положеніямъ, мы встрѣчаемъ совершенно другое опредѣленіе подворнаго владѣнія.

Въ Мѣстномъ Малороссійскомъ положеніи значитъ, что „земля, прибрѣтенная сельскимъ обществомъ, на основаніи покупной сдѣлки или выкупного акта, предоставляется подъ названіемъ мірской (городской) земли, въ собственность того общества“ (см. 65 Мѣст. Малоросс. пол., изд. 1902 г.).

Слѣдующія статьи Малороссійскаго положенія уже опредѣляютъ не право собственности, а право пользованія и „распоряженія“, подъ каковымъ терминомъ положенія понимаютъ не то распоряженіе, которое опредѣлено въ X т. I ч. какъ одной изъ составныхъ частей права собственности, а понятіе аналогичное съ пользованіемъ. Эти статьи говорятъ, что „участки мірской земли, предоставленные въ надѣлъ отдѣльныхъ крестьянскихъ семействъ, остаются въ потомственномъ пользованіи сихъ семействъ“, причемъ порядокъ наслѣдованія въ нихъ и порядокъ семейныхъ раздѣловъ опредѣляется мѣстными обычаями (ст. 66 кн. IV ос. пр. къ IX, изд. 1902 г.), а „распоряженіе“ участками усадьбы и другими угодіями, состоящими не въ семейномъ, а въ общемъ пользованіи всѣхъ крестьянъ, предоставляется сельскому обществу (71 ст. той же книги).

То же самое говоритъ мѣстное пол. Кіевской, Подольской и Волынской губерній.

„Мірская земля, приобрѣтенная сельскимъ обществомъ по выкупной сдѣлкѣ или выкупному акту, предоставляется въ собственность крестьянъ, принадлежащихъ къ тому обществу“ (ст. 94 кн. IV ос. пр. къ IX т. св. зак., изд. 1902 г.). А слѣдующія статьи устанавливаютъ, что участки мірской земли въ составѣ, въ какомъ они были отведены, остаются въ потомственномъ пользованіи крестьянскихъ семействъ, коимъ они отведены, и которыя могутъ ими владѣть безъ всякаго вмѣшательства со стороны общества въ распоряженіи этими участками (ст. 101 той же книги и тома св. зак.).

Такимъ образомъ, законъ называетъ земли подворного владѣнія, отведенныя всему сельскому обществу по одному акту укрѣпленія (а такъ отводились земли всѣмъ селеніямъ съ подворнымъ владѣніемъ)—мірскими и считаетъ ихъ собственностью всего общества. О подворныхъ же участкахъ говоритъ какъ о состоящихъ въ потомственномъ пользованіи семействъ.

Изъ сопоставленія приведенныхъ статей и изъ правилъ о земельномъ устройствѣ крестьянъ подворного владѣнія, по которымъ отдѣльно крестьяне не получали самостоятельнаго акта укрѣпленія и участки ихъ по мѣстоположенію и границамъ не опредѣляются, а опредѣляются только количествомъ десятинъ, на которыя данное домохозяйство имѣетъ право, слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, придти къ слѣдующимъ заключеніямъ: право собственности на надѣльную землю подворного владѣнія принадлежитъ всему обществу, но не какъ субъекту права, а какъ совокупности домохозяйствъ, имѣющихъ право въ общей собственности на опредѣленную долю надѣла. Пока домохозяйства не выкупили свои участки, т. е. не погасили полностью выкупную ссуду и не выдѣлили своего участка, они являются не индивидуальными собственниками, а собственниками общими.

Такимъ образомъ подворное владѣніе является владѣніемъ коллективнымъ, а не индивидуальнымъ и притомъ коллективнымъ въ двоякомъ отношеніи.

Оно коллективно потому, что въ немъ устанавливается общая собственность подворныхъ владѣльцевъ, принадлежащихъ къ составу даннаго общества, оно коллективно и потому, что является не индивидуальной собственностью домохозяина, а семейной собственностью, общей собственностью всей семьи домохозяина.

Свойство общей собственности въ надѣлѣ, отведенной всему обществу, проявляется въ подворномъ владѣніи очень явственно въ слѣдующихъ признакахъ:

1) Въ приведенныхъ указаніяхъ мѣстныхъ положеній, опредѣляющихъ право домохозяйства на участокъ, находящійся въ его пользованіи, терминомъ потомственного пользованія, а не собственностью. Эти указанія свидѣтельствуютъ о томъ, что законъ признавалъ право домохозяина на данный, конкретный участокъ не совпадающимъ съ тѣмъ правомъ собственности на извѣстную часть общей собственности, который несомнѣнно тотъ же законъ предоставлялъ домохозяйству.

2) Въ предоставленіи крѣпостного документа на право собственности всему обществу съ означеніемъ только количества земли, на которое имѣетъ право данное домохозяйство безъ означенія мѣстоположенія и границъ участка. Въ предоставленіи, въ соответствии такому способу укрѣпленія права собственности, защиты права отъ нарушенія его не только данному домохозяину, но и всему обществу.

3) Въ правѣ общества, предусмотрѣнномъ закономъ, измѣнять мѣстонахожденіе и границы подворного участка: а) при отрѣзкѣ земли въ пользу помѣщика, б) при обмѣнѣ участковъ между обществомъ и помѣщикомъ, в) при разверстаніи помѣщичьихъ и надѣльныхъ земель, г) при отчужденіи надѣльныхъ земель для государственной или общественной надобности, и д) наконецъ, по закону 9 ноября 1906 года, при переходѣ отъ подворного владѣнія къ владѣнію участковому, хуторскому.

4) Въ отсутствіи права у подворного владѣльца получить отдѣльный крѣпостной документъ до взноса всей выкупной ссуды (119 ст. пол. о выкуп. и рѣш. 2 Деп. Прав. Сен. 24 марта 1899 г. № 1935).

Высказываемый взглядъ на юридическую природу подворного владѣнія не является взглядомъ общераспространеннымъ, если только по отношенію къ вопросамъ крестьянскаго права, въ виду ихъ необычайно малой разработанности, возможно говорить о распространенности того или другого взгляда на спорные вопросы этой отрасли права. Сенатъ въ опредѣленіи права подворного владѣльца въ отношеніи къ праву общества на надѣльную землю высказалъ два діаметрально противоположныхъ взгляда. Въ рѣшеніи общаго собранія 1, 2 и касс. деп. Сената 1895 года № 20 Сенатъ разсматривалъ вопросъ о порядкѣ отчужденія надѣльныхъ земель подворного владѣнія для государственной надобности; вопросъ поставленъ былъ въ такой редакціи: „не представляетъ ли возможнымъ при отчужденіи для государственныхъ потребностей участковъ земли, находящейся во владѣніи крестьянскаго общества на правѣ собственности по одному крѣпостному акту, совершить также общій актъ (данную) независимо отъ числа владѣльцевъ, отъ коихъ отчуждены участки?“

Отвѣчая на вопросъ, Сенатъ нашелъ, что вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ столь формальнымъ образомъ и что въ немъ кроется болѣе существенный вопросъ не о формѣ акта, а о томъ, кому принадлежать на правѣ собственности земли подворнаго владѣнія, обществу или подворнымъ владѣльцамъ? Разрѣшая этотъ послѣдній вопросъ, Сенатъ призналъ, что при подворномъ владѣніи земля принадлежитъ на правѣ собственности не обществу, а отдѣльнымъ дворамъ.

Въ совершенно противоположномъ смыслѣ рѣшенъ этотъ же вопросъ въ другомъ рѣшеніи 2 деп. Сената 12 марта 1899 г. Въ этомъ рѣшеніи Сенатъ разсматривалъ вопросъ о томъ, могли ли общества подворныхъ владѣльцевъ въ Западномъ краѣ и до закона 1892 года совершать сдѣлки о разверстаніи угодій съ помѣщикомъ, при коемъ мѣняется мѣстоположеніе и границы подворныхъ участковъ, по большинству $\frac{2}{3}$ голосовъ. Какъ извѣстно, практика крестьянскаго дѣла признавала для такихъ сдѣлокъ необходимость единогласнаго рѣшенія вопроса на сходѣ, и законъ 1892 года, очевидно, признавая эту практику согласной съ дѣйствовавшимъ до закона 1892 года правиломъ, ввелъ новое правило, по которому такія сдѣлки могутъ разрѣшаться большинствомъ $\frac{2}{3}$ схода.

Обсуждая этотъ вопросъ, Сенатъ нашелъ, что распоряженіе о разверстаніи угодій, сдѣланное въ Западномъ краѣ съ согласія большинства двухъ третей домохозяевъ, не противорѣчитъ дѣйствовавшимъ до 30 марта 1892 года законамъ объ общественномъ и поземельномъ устройствѣ сельскихъ обывателей разныхъ наименованій, но вполне имъ соотвѣтствуетъ. Такъ, при освобожденіи бывш. помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ Западномъ краѣ, не взирая на существованіе въ немъ подворнаго владѣнія, крестьянскій надѣлъ отведенъ былъ не отдѣльнымъ домохозяевамъ, а сельскимъ обществамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ было допущено разверстаніе господскихъ и крестьянскихъ угодій къ однимъ мѣстамъ, а также обмѣнъ этихъ угодій по полюбовнымъ соглашеніямъ помѣщика съ обществомъ, полномочнымъ органомъ коего, въ такихъ случаяхъ, какъ и всегда, являлся сельскій сходъ (мѣстн. пол. Юго-Зап. края ст. 41 и 70, Сѣверо-Зап. ст. 37 и 65). За симъ, при прекращеніи въ 1863 году обязательныхъ отношеній, установленъ былъ выкупъ крестьянскаго надѣла также не отдѣльными домохозяевами, а сельскими обществами, на имя коихъ составлялись выкупные акты, вводы во владѣніе и отводные акты. На тѣхъ же основаніяхъ произведено устройство земельного быта государственныхъ крестьянъ въ Западномъ краѣ по правиламъ 20 октября 1867 года. Наконецъ, по закону 14 июня 1891 года объ измѣненіи и

дополненіи узаконеній, касающихся производства коштнаго межеванія въ губерніяхъ Юго-Западнаго края, установлено, что добровольныя соглашенія объ обмѣнѣ земель при размежеваніи заключаются сельскими обществами по приговорамъ не менѣе $\frac{2}{3}$ всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ. Соображенія, изложенныя въ указанныхъ законоположеніяхъ, продолжаетъ Сенатъ, приводятъ къ заключенію, что крестьянскія надѣльныя земли, изъ коихъ усадебныя и полевые угодія предоставлены въ потомственное пользованіе владѣющихъ ими крестьянскихъ семействъ, составляютъ въ общей совокупности, собственность подлежащихъ сельскихъ обществъ, отъ коихъ зависитъ распоряженіе оными въ цѣломъ или части ихъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требуетъ общественная польза. Исходя изъ этихъ соображеній и данныхъ, бывшихъ въ виду при изданіи закона 30 марта 1892 года относительно заключенія сельскими обществами общественныхъ сдѣлокъ о замѣнѣ сервитутовъ и обмѣнѣ угодій по приговорамъ $\frac{2}{3}$ крестьянъ, имѣющихъ на сходѣ право голоса, Сенатъ находитъ, что такое правило не имѣетъ значенія закона новаго, а является въ существѣ лишь разъясненіемъ дѣйствующихъ, о поземельномъ устройствѣ крестьянъ Западнаго края узаконеній.

Указанная шаткость, сбивчивость и противорѣчіе въ дѣйствующихъ законахъ, въ опредѣленіи юридической природы подворнаго владѣнія, давала возможность проявленію обычнаго права, которое оказалось лучшимъ хранителемъ настоящей природы этой формы владѣнія, въ сравненіи съ толкованіями Сената. Тамъ, гдѣ крестьянамъ удавалось распоряжаться землею безъ контроля и поправки разныхъ, надъ ними стоящихъ инстанцій, очень часты случаи перемѣщенія мѣстоположенія и границъ подворнаго владѣнія, по многоразличнымъ причинамъ, по согласію $\frac{2}{3}$ голосовъ на сходѣ.

Такимъ образомъ, сами крестьяне смотрѣли и смотрятъ на подворное владѣніе какъ на форму общей собственности, при которой подворные владѣльцы имѣютъ право собственности въ общемъ имуществѣ въ идеальной ея части, означенной только не долей этого общаго имущества, а количествомъ десятинъ, причитающихся данному домохозяеству и находящихся у подворныхъ владѣльцевъ въ конкретномъ видѣ не на правѣ собственности, а на правѣ владѣнія.

Это и есть то паевое владѣніе, къ которому естественно переходитъ разрушающаяся община и которое сохраняется вѣками послѣ того, какъ община перестала проявлять свою власть и свое право на

землю. Такая юридическая конструкция, такимъ образомъ, вполне соответствуетъ и исторіи поземельныхъ отношеній, складывающихся при названной формѣ землевладѣнія. И, несомнѣнно, что если бы она была ясно понята юристами и точно проведена въ законъ—крестьяне подворного владѣнія избѣгли бы очень многихъ искусственно измѣненныхъ отношеній, отражавшихся очень неблагоприятно на ихъ хозяйственномъ бытѣ, и сами бы безъ внѣшняго, насильственного вліянія устроили бы свои поземельныя отношенія согласно съ измѣняющимися условіями экономической жизни.

Черезполосица, которая составляетъ ужасающій бичъ подворной формы землевладѣнія, легко была бы устранена при правильномъ опредѣленіи юридической сущности подворного владѣнія.

Любопытно, что тенденція къ индивидуализаціи правъ крестьянъ на землю, тенденція, къ сожалѣнію, проводимая у насъ не естественнымъ путемъ облегченія къ добровольному переходу самихъ крестьянъ отъ одной формы землевладѣнія къ другой по желанію самихъ крестьянъ, а обыкновенно искусственно и извнѣ навязываемая крестьянамъ для достиженія тѣхъ или другихъ поставленныхъ себѣ правительствомъ цѣлей, заставляетъ само правительство нарушать принципы, имъ же установленные.

Такъ случилось съ стремленіемъ, столь упорно осуществляемымъ въ настоящее время, стремленіемъ къ насажденію хуторского хозяйства.

Составители указа 9 ноября 1906 г., желая насадить хуторское хозяйство среди не только общинниковъ, но и подворныхъ владѣльцевъ, правильно усмотрѣли въ названномъ владѣніи препятствіе для осуществленія своего стремленія при условіи признанія права собственности на надѣлъ за домохозяйствами, т. е. при той юридической конструкции подворного владѣнія, которая устанавливалась въ нашей практикѣ именно подъ вліяніемъ индивидуалистическихъ стремленій насадить среди крестьянъ институтъ частной собственности на землю въ ущербъ правъ коллективныхъ союзовъ. Въ самомъ дѣлѣ прямымъ логическимъ послѣдствіемъ признанія права собственности за подворными владѣльцами является требованіе согласія всѣхъ ихъ на передѣлъ въ отрубные участки, сопровождающійся перемѣною мѣстонахожденія и границъ названныхъ участковъ. Но именно это требованіе единогласнаго рѣшенія вопроса на сходѣ очень сильно препятствуетъ раздѣлу на хутора, потому что такого согласія всѣхъ подворныхъ владѣльцевъ добиться очень трудно.

Поэтому въ указѣ 9 ноября введенъ параграфъ, въ силу котораго рѣшеніе вопроса о переходѣ на хуторскіе участки поставлено въ

зависимость отъ согласія $\frac{2}{3}$ домохозяевъ, рѣшеніе которыхъ обязательно для $\frac{1}{3}$ несогласныхъ владѣльцевъ. Очевидно, вводя такое правило, нарушающее право частной собственности подворныхъ владѣльцевъ, указъ 9 ноября обращаетъ подворное владѣніе въ общую собственность, т. е. придаетъ подворному владѣнію ту юридическую конструкцию, которая, по нашему взгляду, является дѣйствительно правильной и присущей этой формѣ землевладѣнія. Но указъ 9 ноября возвращаетъ подворному владѣнію свойство общей собственности только на случай передѣла на хуторскія хозяйства, только для уничтоженія подворного владѣнія, какъ одной изъ формъ коллективной собственности. Законъ 14 іюня идетъ дальше и разрѣшаетъ переходъ подворныхъ владѣльцевъ даннаго общества къ участковому т. е. отрубному или хуторскому по простому большинству схода.

Неопредѣленность юридическаго положенія подворного владѣнія сказывалась очень неблагоприятно во многихъ отношеніяхъ. Такъ, законъ вездѣ говорилъ о правѣ подворныхъ владѣльцевъ отчуждать подворные участки, но не позаботился объ обезпеченіи возможности совершать сдѣлки объ отчужденіи. Одно время дѣйствовалъ законъ, разрѣшающій совершать сдѣлки объ отчужденіи подворныхъ участковъ въ волостномъ правленіи въ книгѣ сдѣлокъ и договоровъ. Но въ 1882 году дѣйствіе этого закона было приостановлено и съ тѣхъ поръ не было способа оформить подобныя отчужденія.

Отдѣльная данная могла быть выдана домохозяину только послѣ погашенія выкупа, а до выдачи данной нельзя было совершать купчей общимъ нотаріальнымъ порядкомъ.

Такъ какъ потребность отчужденія участковъ существовала, то естественно, что она осуществлялась путемъ домашнихъ сдѣлокъ, которыя создали полную необезпеченность правъ пріобрѣтателей. Такая необезпеченность правъ сопровождала и переходъ подворныхъ участковъ при семейныхъ раздѣлахъ.

При подворномъ владѣніи способъ осуществленія семейныхъ раздѣловъ былъ не регламентированъ.

Правда и для подворного владѣнія, какъ и для общиннаго до закона 1893 года, существовалъ 7 п. 62 ст. общ. пол., въ силу котораго сельскому сходу принадлежало право разрѣшенія семейныхъ раздѣловъ. Но въ то время, какъ при общинномъ владѣніи это право осуществлялось сходами, при подворномъ владѣніи общества не считали нужнымъ вмѣшиваться въ семейные раздѣлы, а дѣлящіеся не считали нужнымъ испрашивать разрѣшенія. Семейные раздѣлы фактически осуществлялись раздѣломъ надѣльной земли безъ всякой

регистраціи и безъ всякихъ отмѣтокъ въ актахъ поземельнаго устройства. Раздѣленные участки, въ свою очередь, переходили по наслѣдству и по отчужденію въ другія руки и такой порядокъ перехода въ случаѣ споровъ создавалъ такія недоразумѣнія, которыя ни одинъ судъ не могъ правильно разрѣшить за отсутствіемъ точныхъ данныхъ.

Въ особенности трудно было правильно разрѣшить такіе споры общимъ судебнымъ установленіямъ, обязаннымъ руководствоваться десятымъ томомъ, не признающимъ перехода права собственности на земли безъ наличности крѣпостныхъ актовъ. Поэтому наслѣдственные иски, самые несправедливые по существу, получали судебную защиту. Судъ не могъ признать перехода права собственности по раздѣлу, домашнимъ образомъ совершенному, и восходилъ при опредѣленіи правъ къ домохозяину, за которымъ земля числилась по актамъ поземельнаго устройства, а это, конечно, совершенно мѣняло опредѣленіе наслѣдственныхъ правъ. Положимъ, что крестьянская семья, состоящая въ 1861 году изъ отца, сына и дочери, по смерти отца дѣлилась. Дочь, выйдя замужъ за принятаго въ домъ зятя, получала половину участка.

Послѣ смерти зятя и его жены дѣти ихъ могутъ быть легко обезземелены дядей, который заявляетъ свои наслѣдственные права послѣ отца, владѣвшаго обоими участками, нераздѣльно значащимися въ актахъ поземельнаго устройства и, если споръ будетъ разбираться общимъ судомъ безъ примѣненія обычая, искъ дяди будетъ всегда удовлетворенъ.

Неопредѣленность правъ при подворномъ владѣніи усугубляется еще законами о нераздробляемости подворныхъ участковъ.

Законъ создалъ совершенно искусственныя нормы, ограничивающія размѣры подворной собственности.

По Малороссійскому мѣстному положенію нельзя было при раздробленіи подворнаго участка образовывать участокъ, меньшій $\frac{1}{2}$ высшаго пѣшаго надѣла, опредѣленнаго для данной мѣстности.

По мѣстному положенію для Кіевской, Подольской и Волынской губ. нельзя было соединять въ однѣхъ рукахъ больше двухъ пѣшихъ участковъ и двухъ усадебъ, и раздроблять меньше одного пѣшаго надѣла. По мѣстному положенію для Сѣверо-Западнаго края нельзя было сосредоточивать въ однѣхъ рукахъ больше трехъ подворныхъ участковъ и дробить подворный надѣлъ ниже участка размѣромъ въ десять десятинъ.

Конечно, указанныя принудительныя нормы въ дѣйствительности не соблюдаются, но при судебномъ спорѣ соотвѣтствующія юридическія дѣйствія, повлекшія за собой нарушеніе указанныхъ нормъ, часто признавались недѣйствительными, аннулировались въ ущербъ пріобрѣтенныхъ правъ.

ГЛАВА VIII.

Формы крестьянскаго землевладѣнія.

Новые землеустроительные законы и созданные ими виды землевладѣнія.

Выдѣлъ изъ общины до указа 9 ноября 1906 г. 165 ст. пол. о выкупѣ и 12 ст. общ. пол.—Указъ 9 ноября 1906 г. Законъ 14 іюня 1910 года.

Положеніе о землеустройствѣ 29 мая 1911 года.

1.

Мы упоминали выше, что 165 статья положенія о выкупѣ даже въ той редакціи, которая была придана ей въ 1861 году, не является источникомъ самостоятельныхъ вещныхъ правъ членовъ общины на общинную землю, а является способомъ выхода изъ общины, способомъ, установленнымъ законодателемъ для поощренія скорѣйшей уплаты выкупныхъ платежей. Конечно, нельзя не признать, что и въ этомъ своемъ толкованіи, 165 статья пол. о вык. не согласовалась съ правами общины, нарушала эти права.

Если право собственности принадлежитъ общинѣ, то очевидно, только она сама могла по своему желанію выдѣлить часть принадлежащей ей земли своему члену и принужденіе выдѣлять тому изъ ея членовъ, который уплатить лежащій на участкѣ, временно состоящемъ въ его пользованіи, выкупной долгъ, являлось существеннымъ ограниченіемъ права общины, противорѣчащимъ ея природѣ. Несомнѣнно, что статья 165 пол. о вык. была однимъ изъ принудительныхъ средствъ уничтоженія общины, хотя, надо сказать, не столь радикальнымъ, какъ ей это приписывалось нѣкоторыми изслѣдователями. Дѣло въ томъ, что статья 165 устанавливала, какъ общее правило, принципъ прямо противоположный второй своей части и вполне согласованный съ правами общины: „До уплаты выкупной ссуды, выдѣлъ участковъ отдѣльнымъ домохозяевамъ изъ земли, пріобрѣтенной обществомъ, допускается не иначе, какъ съ согласія общества“. Вторая часть статьи содержала исключеніе изъ этого принципа, противорѣчащее ему: „Но если хозяинъ, желающій выдѣлиться, внесетъ въ казначейство

всю причитающуюся на его участок выкупную сумму, то общество обязывается выдать сдѣлавшему такой взносъ соотвѣтственный оному участокъ, по возможности къ одному мѣсту, по усмотрѣнію самаго общества, а впредь до выдѣла крестьянинъ продолжаетъ пользоваться приобрѣтенной имъ частью земли въ составѣ мірскаго надѣла, безъ взноса выкупныхъ платежей“.

По толкованію Сената, моментомъ, когда домохозяинъ приобрѣтаетъ право на выкупленный надѣлъ, является не время взноса выкупной суммы въ казначейство, а время утвержденія Губернскимъ Присутствіемъ зачета внесеннаго выкупа, дѣлаемаго послѣ представленія удостовѣренія сельскаго схода о соотвѣтствіи внесеннаго выкупного долга лежащимъ на участкѣ выкупнымъ платежамъ. До этого момента право на выкупаемую землю принадлежитъ еще общинѣ и поэтому тѣ крестьяне, которые внесли выкупъ, и не успѣли добиться указаннаго утвержденія Губернскаго Присутствія до изданія закона 1893 года объ отмѣнѣ второй части 165 статьи положенія о выкупѣ, потеряли право на выкупленную землю, а послѣдняя признана подлежащей передѣлу, какъ принадлежащая общинѣ. Они получили только право на возвратъ внесенныхъ выкупныхъ платежей ¹⁾. Послѣ же утвержденія Губернскимъ Присутствіемъ зачета, права собственности на надѣлъ, хотя бы и не выдѣленный къ одному мѣсту, принадлежатъ уже не обществу, а с е м е й с т в у, выкупившему его, и община не имѣетъ права не только уменьшать этотъ надѣлъ при передѣлѣ, но не имѣетъ права даже трогать при передѣлѣ безъ согласія домохозяина тѣ полосы, которыя находятся въ его владѣніи. Община имѣетъ только право, вмѣсто черезполоснаго надѣла, отвести другой въ одномъ мѣстѣ ²⁾.

На первыхъ порахъ примѣненія на практикѣ 165 статьи положенія о выкупѣ возникло разногласіе въ значеніи требованія уплаты выкупной суммы. Требованіе статьи уплатить „всю причитающуюся выкупную“ сумму понималось какъ обязанность внести всю сумму полностью безъ вычета уже внесенныхъ платежей. Проф. Ходскій въ своемъ сочиненіи: „Земля и земледѣлец“ ³⁾ настаиваетъ не только на правильности такого толкованія, но и на цѣлесообразности такого постановленія, ибо тогда выкупъ становился бы все менѣе и менѣе выгоднымъ для тѣхъ домохозяевъ, общество которыхъ уплатило уже

¹⁾ Рѣш. 2 Деп. II. С. 23 янв. 1896 г. № 191.

²⁾ Рѣш. 2 Деп. II. С. 1883 г. № 2581; 1 Общ. Собр. 19 февр. 1888 г. №№ 124, 851; 10 дек. 1888 г. № 5527; 2 июня 1887 г. № 2360; 27 сен. 1885 г. № 4286.

³⁾ Томъ II, стр. 97.

значительную часть выкупной суммы. Конечно, во всякомъ случаѣ было бы справедливо, чтобы зачитывались только тѣ платежи, которые внесены самимъ выкупающимъ домохозяиномъ, а не другими. Но въ 1882 году послѣдовалъ законъ, внесенный въ видѣ второго примѣчанія къ 165 статьѣ, въ силу котораго установлено вносить только ту часть суммы, которая осталась на данномъ участкѣ не погашенной. Это, конечно, повлекло за собой усиленіе досрочнаго выкупа, который съ теченіемъ времени дѣлался все болѣе и болѣе легкимъ.

Для опредѣленія значенія того способа выдѣла изъ общины, который былъ установленъ 165 статьей положенія о выкупѣ, необходимо помнить, что онъ касался только бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Въ положеніи же о государственныхъ крестьянахъ такого способа выхода изъ общины не существовало, и по отношенію къ этому разряду крестьянъ всегда дѣйствовало правило, въ силу котораго выдѣлъ участка изъ общиннаго пользованія отдѣльному домохозяину былъ возможенъ только по согласію $\frac{2}{3}$ схода ¹⁾. Такимъ образомъ, выводъ, дѣлаемый нѣкоторыми изслѣдователями изъ 165 статьи положенія о выкупѣ о томъ, что она выражаетъ собой взглядъ нашего законодательства на одно изъ свойствъ общиннаго владѣнія, какъ совмѣщающаго въ себѣ своеобразное пониманіе юридической природы общины, какъ такого юридического института, въ которомъ право собственности общины совмѣщается съ правомъ собственности ея членовъ, не правиленъ, кромѣ указанныхъ уже причинъ, еще и потому, что законодатель установилъ такой способъ выхода изъ общины только для одного разряда крестьянъ, очевидно, не думая вообще связывать его съ понятіемъ общины.

Въ 1893 году, послѣ неоднократныхъ указаній въ литературѣ на противорѣчіе второй части 165 статьи понятію общиннаго владѣнія и послѣ того, какъ указаніе практики выяснило весь вредъ, наносимый этой статьѣй,—она была отмѣнена.

Нѣкоторые авторы, сопоставляя законъ 1893 г. объ отмѣнѣ второй ч. 165 ст. съ другими законами, касающимися крестьянскаго землевладѣнія, придаютъ ему значеніе выраженія стремленія правительства того времени къ обособленію крестьянъ. Но это совершенно не вѣрно, и мотивы этого закона, изложенные въ журналѣ Государственнаго Совѣта, не только опровергаютъ такое мнѣніе, но съ несомнѣнностью доказываютъ, что законодатель ясно сознавалъ несоотвѣтствие

¹⁾ Прим. 2 къ ст. 15 Полож. о гос. крестьянахъ, Особ. Прилож. къ IX т. Св. Зак., изд. 1876 года и ст. 33 Полож. о гос. крестьянахъ, Особ. Прилож. къ IX т. Св. Зак., изд. 1912 г.

второй части 165 статьи понятію объ общинѣ. А это послѣднее въ свою очередь подтверждаетъ справедливость той юридической конструкціи природы общиннаго владѣнія по дѣйствующему праву, которая была мною дана выше. Вотъ что говоритъ Государственный Совѣтъ, мотивируя отмѣну второй части 165 ст., совершившуюся съ изданіемъ закона 14 декабря 1893 года. „Уже въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ обнаружались случаи отчужденія надѣльных участковъ, выкупленныхъ крестьянами на основаніи 165 статьи положенія о выкупѣ, повлекшія за собой разореніе крестьянъ. По мысли законодателя, означенная статья должна была служить выходомъ для наиболѣе рачительныхъ хозяевъ изъ тяжелыхъ условій, которыя представляютъ для нихъ круговая порука и постоянные передѣлы, лишаящіе ихъ возможности ввести какія либо усовершенствованія въ свои хозяйства. На дѣлѣ же она оказалась средствомъ, при помощи котораго, ловкіе скупщики получали возможность пріобрѣтать крестьянскія земли. Практика показала, что выкупъ участковъ по ст. 165 производился главнѣйшимъ образомъ самими неимущими домохозяевами, которые въ дѣйствительности производили такой выкупъ на деньги скупщиковъ съ тѣмъ, чтобы, по выдѣлѣ участка, перепродать его этимъ послѣднимъ. Были случаи, когда отдѣльные скупщики, не принадлежащіе къ обществу, скупали этимъ способомъ 27, 47, 67, 88 и даже 117 душевыхъ надѣловъ въ одномъ обществѣ. Хотя причины и размѣръ этого явленія не успѣли на первыхъ порахъ вполне выясниться, тѣмъ не менѣе, самый фактъ начавшагося перехода крестьянскихъ земель въ постороннія руки остановилъ на себѣ вниманіе и возбудилъ опасеніе, что въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи указанное явленіе можетъ привести къ обезземеленію крестьянъ. Опасеніе это было высказано свѣдущими людьми, созданными въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ“.

Обсуждая предложенный Министромъ внутреннихъ дѣлъ проектъ объ отмѣнѣ второй части 165 статьи положенія о выкупѣ, большинство общаго собранія Государственного Совѣта высказало очень любопытныя сужденія, которыя я считаю полезнымъ здѣсь привести. Оно обратило вниманіе на крайнюю неопредѣленность правила второй части 165 статьи. Изъ постановленія, содержащагося въ текстѣ этой половины статьи, можно вывести заключеніе, что досрочно выкупающіеся крестьяне обязаны уплатить всю лежащую на выдѣляемомъ участкѣ выкупную ссуду. Напротивъ того, второе примѣчаніе разъясняетъ, что при досрочномъ выкупѣ отъ домохозяина требуется только та часть капитальной суммы выкупного долга, которая окажется на выкупаемомъ участкѣ по исключеніи изъ нея всѣхъ прежде произведенныхъ

платежей. Такое разнорѣчіе между узаконеніями, касающимися одного и того же предмета, представляется крайне неудобнымъ, ибо даетъ поводъ къ различному пониманію и неодинаковому примѣненію ихъ на практикѣ. Одно уже это обстоятельство, замѣчаетъ Государственный Совѣтъ, могло бы служить поводомъ къ пересмотру этихъ узаконеній. Но правило второй половины 165 статьи положенія о выкупѣ возбуждаетъ, по мнѣнію Государственного Совѣта, сомнѣнія и по самому своему существу. „Не слѣдуетъ забывать, что статья эта относится къ общинной ¹⁾ формѣ землевладѣнія. Между тѣмъ предоставляемое ею отдѣльнымъ домохозяевамъ широкое право досрочно выкупать участки надѣльной общественной земли, помимо согласія общества, нельзя не признать противорѣчащимъ основнымъ началамъ этой формы крестьянскаго землепользованія ²⁾. Когда земля пріобрѣтена цѣлымъ обществомъ, то невозможно оспаривать права послѣдняго на распоряженіе отдѣльными ея частями. Согласно статьямъ 118 и 160 положенія о выкупѣ, земля, выкупленная цѣлымъ обществомъ, признается собственностью всего общества ³⁾, и послѣднее пользуется правомъ какъ разверстки и передѣла ея между своими членами, такъ и самаго опредѣленія размѣра выкупныхъ платежей, причитающихся на отдѣльныя части общественной земли. Если такое право принадлежит обществу въ отношеніи къ временному распредѣленію участковъ между его членами, то не подлежитъ сомнѣнію, что оно еще съ большимъ основаніемъ должно быть предоставлено ему въ тотъ моментъ, когда составляющій часть его земли участокъ выходитъ окончательно и навсегда изъ общиннаго владѣнія. Съ этой точки зрѣнія выкупъ отдѣльныхъ участковъ помимо согласія общества не можетъ не нарушать его интересы ⁴⁾. Въ подтвержденіе несправедливости производства выкупа на этихъ основаніяхъ, достаточно привести слѣдующія указанія. При передѣлахъ надѣльной земли, потомки первоначальнаго плательщика выкупной ссуды могутъ, въ зависимости отъ состава ихъ семействъ, получить большее количество этой земли, чѣмъ то, которое было въ пользованіи ихъ родоначальника. Поэтому, при производствѣ досрочнаго выкупа помимо согласія общества, люди эти могли бы пріобрѣсти въ собственность за дополнительную сумму, иногда весьма небольшую, такіе значительные участки, въ выкупной оплатѣ коихъ,

¹⁾ Курсивъ журнала Государственного Совѣта.

²⁾ Курсивъ журнала Государственного Совѣта.

³⁾ Курсивъ мой.

⁴⁾ Курсивъ мой.

за предшествующее выдѣлу время, ни они сами, ни отцы ихъ и дѣды не принимали участія. Изложенное приводитъ Государственный Совѣтъ къ убѣжденію въ необходимости измѣнить вторую половину ст. 165 въ томъ смыслѣ, чтобы на будущее время производство досрочныхъ выкуповъ было поставлено въ зависимость отъ согласія общества и чтобы при этомъ послѣднему было предоставлено право опредѣлять какъ размѣръ, такъ и причитающуюся за оный сумму.

Останавливаясь на такомъ рѣшеніи, большинство членовъ Государственного Совѣта, какъ это значится въ цитированномъ журналѣ его, не скрывало отъ себя, что оно поведетъ немедленно къ значительному уменьшенію числа случаевъ досрочнаго выкупа по ст. 165. Но такой результатъ, разсуждалъ Государственный Совѣтъ, не слѣдуетъ признавать неблагоприятнымъ. Въ устанавливаемой второй частью ст. 165 правъ досрочнаго выкупа обыкновенно усматриваютъ единственный выходъ для болѣе развитыхъ и трудолюбивыхъ крестьянъ изъ тѣхъ тяжелыхъ условій, которыя представляетъ для нихъ общинное землевладѣніе, будто бы лишающее ихъ возможности совершенствовать свое хозяйство. „Дѣйствительно, такова была мысль законодателя“, говоритъ Государственный Совѣтъ, „при первоначальномъ начертаніи приведеннаго правила. Но дѣло въ томъ, что фактически досрочный выкупъ не влечетъ за собой указаннаго послѣдствія. Происходитъ это отъ того, что общество, благодаря дробности надѣльной земли и ея череположности, обыкновенно не имѣетъ возможности выдѣлать выкупаемый участокъ къ одному мѣсту. Вслѣдствіе этого, выкупившійся домохозяинъ, въ томъ случаѣ, если онъ не продастъ землю другому лицу, продолжаетъ владѣть своимъ надѣломъ на одинаковыхъ съ прочими общинниками основаніяхъ, и нерѣдко выкупленный имъ участокъ поступаетъ въ общій передѣлъ надѣльной земли. При такихъ условіяхъ досрочный выкупъ, очевидно, не можетъ вызываться стремленіемъ выкупающагося къ веденію улучшеннаго хозяйства. И дѣйствительно, опытъ показываетъ, что къ выкупу побуждаютъ крестьянъ совершенно иные расчеты. Съ одной стороны, къ нему обращаются самые неимущіе и нерадивые хозяева, а съ другой—рачительные и трудолюбивые. Въ первомъ случаѣ, выкупающійся является обыкновенно фиктивнымъ пріобрѣтателемъ надѣла. Выкупной долгъ вносится за него стороннимъ лицомъ, которое ни мало не заботится объ обработкѣ пріобрѣтеннаго участка, а преслѣдуетъ лишь одну цѣль—эксплоатацію общества. Состоятельные же крестьяне обращаются къ выкупу опять таки не съ цѣлью улучшенія участка, а съ цѣлью избавиться отъ круговой поруки“.

Приведенныя разсужденія законодательнаго учрежденія имѣютъ громадное значеніе какъ сами по себѣ, такъ и для толкованія смысла и значенія 165 статьи положенія о выкупѣ прежней редакціи. Въ высшей степени важно утвержденіе учрежденія, которое облечено, какъ учрежденіе законодательное, высшимъ авторитетомъ въ дѣлѣ толкованія закона, что прежняя редакція 165 статьи противорѣчитъ понятію общиннаго права и была введена, какъ способъ выхода изъ общины по соображеніямъ постороннимъ, не связаннымъ со стремленіемъ согласовать этотъ выходъ съ юридической сущностью института общинной собственности. Поэтому при анализѣ этого института, при установленіи истинной его юридической сущности намъ и не приходится принимать 165 статью во вниманіе.

Въ силу изложенныхъ соображеній Государственного Совѣта и былъ изданъ 14 декабря 1893 года законъ, которымъ вторая часть 165 статьи была уничтожена и выдѣлъ изъ общины на время дѣйствія положенія о выкупѣ былъ поставленъ въ зависимость отъ желанія и согласія самой общины.

Такимъ образомъ, для оцѣнки юридическаго значенія 165 статьи прежней редакціи въ отношеніи юридической конструкціи института общиннаго владѣнія надо помнить, во-первыхъ, что 165 статья дѣйствовала только по отношенію къ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ и что она никогда не примѣнялась къ бывшимъ государственнымъ крестьянамъ, у которыхъ община была признана нашимъ писаннымъ правомъ задолго до изданія положенія 1861 года и у которыхъ она, слѣдовательно, существовала какъ правовой институтъ, не нарушаемый противорѣчащими ему постановленіями 165 статьи; и во-вторыхъ, что вторая часть 165 статьи, нарушающая правовые интересы общины, какъ полноправнаго субъекта правъ на землю, была отмѣнена закономъ 1893 года именно въ виду ея противорѣчія съ понятіемъ общиннаго владѣнія.

Этихъ замѣчаній совершенно достаточно, по нашему мнѣнію, для того, чтобы не принимать 165 статьи положенія о выкупѣ во вниманіе для юридическаго анализа сущности общиннаго владѣнія подѣйствующему праву.

Здѣсь интересно, для выясненія вопроса объ устойчивости общиннаго владѣнія, познакомиться съ данными о томъ, насколько въ дѣйствительности потерѣла община отъ измѣненія 165 статьи прежней редакціи и какъ велико было ея примѣненіе. Свѣдѣнія по этому вопросу собраны, главнымъ образомъ, при изданіи закона 1893 года и частью извлечены изъ отчетовъ Государственного Банка о поступленіи

особыхъ взносов по выкупнымъ платежамъ. Они сведены въ цитированномъ уже нами сочиненіи проф. Ходскаго: „Земля и земледѣлецъ“, въ сочиненіи Сазонова: „Неотчуждаемость крестьянскихъ земель“ и у Тернера: „Государство и землевладѣніе“, часть I. Изъ этихъ свѣдѣній мы усматриваемъ, что примѣненіе 165 статьи положенія о выкупѣ прежней редакціи нанесло очень небольшой ущербъ общинѣ, оказавшейся очень устойчивой передъ „разрушающимъ“ вліяніемъ этой статьи. Въ 45 губерніяхъ Европейской Россіи въ теченіе 28 лѣтъ изъ общаго количества въ 96.000.000 десятинъ надѣльной земли досрочно выкуплено всего 658.000 десятинъ, т. е. не болѣе $\frac{1}{20}$ о.

За это время крестьянскія общества пріобрѣли путемъ частной покупки и съ помощью крестьянскаго банка неизмѣримо большее количество земли. Примѣненіе 165 статьи, однако, постоянно прогрессивно возрастало по мѣрѣ уменьшенія выкупного долга, въ особенности со времени изданія въ 1882 году указаннаго примѣчанія къ 165 статьѣ, разрѣшающаго погашать только не погашенную часть выкупного долга. Съ 1872 года по 1881 годъ выкуплено всего земли на 8 милліоновъ рублей, а въ слѣдующее десятилѣтіе съ 1882 по 1891 годъ эта сумма уже доходитъ до 10 милліоновъ ¹⁾. Громадное большинство досрочно выкупленныхъ участковъ не выдѣлено къ однимъ мѣстамъ и по желанію самихъ хозяевъ осталось въ череполосномъ владѣніи съ общинными землями.

Что касается причинъ досрочнаго выкупа, то любопытныя свѣдѣтельства, собранныя проф. Ходскимъ ²⁾, какъ изъ рѣшеній 2 Департамента Правительствующаго Сената по дѣламъ о выходѣ изъ общины, помѣщенныхъ въ сборникѣ Данилова, такъ и извлеченныя изъ изслѣдованія В. Пругавина: „Русская земельная община въ трудахъ ея мѣстныхъ изслѣдователей“, обнаруживаетъ, что стимулъ продажи земли въ постороннія руки, которому Государственный Совѣтъ, какъ мы видѣли, приписывалъ главное значеніе въ дѣлѣ досрочнаго выкупа по 165 статьѣ, въ дѣйствительности не игралъ такого большого значенія. Главныхъ же причинъ для требованія выдѣла двѣ, причемъ каждая изъ нихъ дѣйствовала въ различныхъ мѣстностяхъ: тамъ, гдѣ земля была слишкомъ обременена платежами, домохозяева, выдѣляясь, старались оградить себя отъ прибавки имъ новой земли и, слѣдовательно, новой податной тяготы и вмѣстѣ съ тѣмъ избавиться отъ круговой поруки; тамъ же, гдѣ владѣніе землей выгодно, домохозяева,

¹⁾ Тернеръ, *op. cit.* т. I, стр. 280.

²⁾ Ходскій, *op. cit.* т. II, стр. 76.

выдѣляясь, старались закрѣпить за собой то количество земли, которое находилось въ ихъ пользованіи, дабы избѣжать уменьшенія ея количества при слѣдующемъ передѣлѣ.

Но если въ теченіе дѣйствія положенія о выкупѣ послѣ отмѣны второй части 165 статьи этого положенія права общины въ распоряженіи земель были ненарушимы и безъ согласія общины общинная земля не могла быть выдѣлена, то остается нерѣшеннымъ еще вопросъ о томъ, сохранялось ли это свойство общиннаго владѣнія послѣ погашенія выкупной ссуды или послѣ сложенія выкупныхъ платежей. Этотъ вопросъ возникаетъ потому, что 106 статья положенія о выкупѣ, изд. 1902 года говоритъ, что правила, изложенныя въ положеніи о выкупѣ, относятся только до земель, по коимъ выкупная ссуда еще не уплачена. По уплатѣ же ссуды, на выкупленные земли распространяются правила, установленныя въ общемъ положеніи о крестьянахъ, въ отношеніи земель, пріобрѣтенныхъ крестьянами въ собственность. Въ общемъ же Положеніи, какъ мы упоминали, существуетъ 12 статья, которая гласитъ: „Каждый членъ сельскаго общества можетъ требовать, чтобы изъ состава земли, пріобрѣтенной въ общественную собственность, былъ ему выдѣленъ въ частную собственность участокъ, соразмѣрный съ долею его участія въ пріобрѣтеніи этой земли. Если такой выдѣлъ окажется неудобнымъ или невозможнымъ, то обществу предоставляется удовлетворить крестьянина, желающаго выдѣлиться деньгами, по взаимному соглашенію или по оцѣнкѣ“. Эта статья комментируется творцами указа 9 ноября 1906 года и нѣкоторыми писателями, сочувствующими основнымъ началамъ этого указа, какъ свѣдѣтельство намѣренія составителей положенія 1861 г. уничтожить общину по окончаніи выкупа и превратить ее въ общую собственность всѣхъ однообщественниковъ, другими словами, предоставить всѣмъ однообщественникамъ права на опредѣленную часть общей собственности. Конечно, творцы положеній 1861 года такого намѣренія никогда не имѣли. Мы это можемъ съ увѣренностью сказать послѣ ознакомленія съ ихъ взглядами на формы крестьянскаго землевладѣнія, взглядами, которые были нами изложены выше.

Несомнѣнно, что при составленіи положеній 1861 года составителямъ ихъ и въ голову не приходило, что по окончаніи выкупной операции правовое положеніе крестьянъ будетъ столь же мало разработано, какъ и въ 1861 году, и поэтому они вовсе не думали, вырабатывая статьи общаго положенія, что эти же статьи будутъ примѣняться къ надѣльнымъ землямъ безъ всякаго измѣненія. Вырабатывая эти статьи, они имѣли въ виду, конечно, земли внѣнадѣльныя и желали

обеспечить право членовъ общины, пріобрѣтшей землю въ общинную собственность, выйти изъ общины безъ матеріальнаго ущерба.

Во всякомъ случаѣ, даже соглашаясь съ примѣнимостью 12 статьи общаго положенія къ надѣльнымъ землямъ, подлежавшимъ выкупу и по которымъ выкупная ссуда уплачена, мы все-таки должны признать, что эта статья устанавливаетъ только способъ выхода изъ общины, но не измѣняетъ природы самой общины. Пока община существуетъ, до тѣхъ поръ она, и только она, является субъектомъ правъ на землю. Членъ общины, домохозяинъ, имѣетъ право не вещнаго, а обязательственнаго характера—требовать выдѣла себѣ участка, причемъ, во-первыхъ, община можетъ ему отказать въ этомъ, уплативъ стоимость участка, и, во-вторыхъ, выдѣляемый участокъ долженъ быть соразмѣренъ съ долею участія выдѣляющаго домохозяина въ пріобрѣтеніи земли. Второе условіе для выкупленныхъ земель, очевидно, можетъ считаться выполненнымъ только тогда, когда размѣръ участка будетъ опредѣленъ по количеству выкупного платежа, уплаченнаго за все время выкупа даннымъ домохозяйствомъ и по отношенію этого количества со всей суммой выкупныхъ платежей, уплаченныхъ всѣмъ обществомъ. Слѣдовательно, при такомъ способѣ опредѣленія размѣра участка, на который имѣетъ право выдѣляющийся домохозяинъ, не можетъ быть рѣчи о правѣ домохозяина требовать выдѣла всего участка, находящагося въ его владѣніи въ моментъ выдѣла, если онъ не владѣлъ раньше такимъ же количествомъ земли и не платилъ за нее выкупа, т. е., если прежде по бывшимъ передѣламъ онъ владѣлъ меньшимъ количествомъ земли и вносилъ меньшій выкупной платежъ, чѣмъ онъ вносилъ при самомъ выдѣлѣ. Споры о количествѣ земли, выдѣла котораго имѣетъ право требовать домохозяинъ, должны разрѣшаться согласно примѣчанію къ ст. 12 общаго положенія уѣзднымъ съѣздомъ. Очевидно, что права, предоставляемыя 12 ст. общаго положенія, не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что постановляетъ взаимныя ея и со ссылкой на нее указъ 9 ноября.

Въ періодъ междудумья, именно 9 ноября 1906 года, былъ изданъ, на основаніи 87 статьи основныхъ законовъ, указъ, дѣйствующій и въ настоящее время. Въ силу этого указа права домохозяина по отношенію къ общинѣ опредѣлены совершенно иначе. Указъ ставитъ свои постановленія о создаваемомъ имъ новомъ правѣ на выходъ изъ общины въ связь съ отмѣной выкупныхъ платежей, и съ примѣненіемъ поэтому къ надѣльнымъ землямъ 12 ст. общ. пол. Но если указъ имѣетъ связь съ отмѣной выкупныхъ платежей, то только ту, что до отмѣны ихъ у правительства существовалъ реальный инте-

ресъ поддерживать общину, какъ институтъ, лучше гарантирующій исправное поступленіе этихъ платежей. Съ отмѣной выкупа этотъ интересъ исчезъ, и наступили условія, при которыхъ община сдѣлалась не нужной въ интересахъ фиска. Очевидно, это не должно было служить достаточнымъ основаніемъ для признанія общины ненужной и для народа. Связывая свои постановленія съ 12 статьей общаго положенія настолько, что эти постановленія, согласно текста закона, издаются „въ дополненіе“ означенной статьи закона, указъ 9 ноября въ дѣйствительности создаетъ совершенно новыя нормы права, несомнѣнно, неизмѣримо болѣе разрушающія общину, чѣмъ это могла бы сдѣлать 12 статья, которую самъ указъ признаетъ на практикѣ очень трудно примѣнимой къ выкупленнымъ надѣльнымъ землямъ за „невозможность опредѣлить размѣръ и произвести выдѣлъ участковъ, причитающихся выходящимъ домохозяевамъ“ по суммѣ внесенныхъ послѣдними выкупныхъ платежей за все время выкупа.

2.

Указъ 9 ноября ввелъ новыя начала. До него и 165 статья положенія о выкупѣ прежней редакціи и 12 статья общаго положенія связывали выдѣлъ общинной земли съ отводомъ ея въ отдѣльный, отрубной участокъ. Если по прежней редакціи 165 статьи дозволялось оставаться въ череполосномъ пользованіи домохозяевамъ, внесшимъ досрочный выкупъ, то лишь въ видѣ временнаго состоянія, которое должно закончиться непременно выдѣломъ участка къ одному мѣсту. Только моментъ выдѣла къ одному мѣсту заканчивалъ процессъ выхода даннаго домохозяйства изъ общины и только съ этимъ моментомъ связывалось укрѣпленіе права собственности за даннымъ семействомъ на выдѣленную землю. Слѣдовательно, только съ этого момента выдѣлившійся домохозяинъ могъ получить право распоряженія выкупленнымъ участкомъ и могъ отчуждать его. Это начало вытекало изъ текста закона, который вездѣ говоритъ (т. е. и въ 165 статьѣ положенія о выкупѣ и въ 12 статьѣ общаго положенія) о выдѣлѣ участка, а не объ укрѣпленіи за выходящимъ изъ общины череполосныхъ участковъ, находящихся въ его пользованіи. Указанныя статьи и не могли говорить о послѣднемъ, потому что по вышеизложенному ихъ содержанію способъ опредѣленія размѣра выдѣляемаго участка часто дѣлалъ невозможнымъ совпаденіе размѣра этого участка съ тѣми, которые находились въ пользованіи выкупающаго. Въ соотвѣтствіи съ такимъ пониманіемъ указанныхъ законовъ, циркуляромъ Министра внутреннихъ дѣлъ 10 сентября 1865 года, осно-

ваннымъ на постановленіи Главнаго Комитета по устройству сельскаго состоянія, было дано разъясненіе, имѣющее обязательное значеніе, въ силу котораго выдача крѣпостного документа—данной на выкупленный досрочно участокъ можетъ послѣдовать только послѣ предварительнаго выдѣла выкупленной земли къ одному мѣсту, выдѣла, который долженъ послѣдовать по усмотрѣнію общества и который долженъ сопровождаться описаніемъ мѣстоположенія и границъ выдѣляемаго участка. Вопросъ о времени выдачи данной на выкупленный по 165 статьѣ положенія о выкупѣ прежней редакціи участокъ, разсматривался и Сенатомъ по вопросу о томъ, могутъ ли быть выдаваемы данныя крестьянамъ, внесшимъ выкупную ссуду за свои участки, когда общество отказывается опредѣлить мѣстоположеніе для такихъ участковъ. Сенатъ въ указѣ 18 ноября 1883 года № 3695 опредѣлилъ, что когда общество отказывается выдѣлить выкупленный участокъ къ одному мѣсту, выдѣлъ долженъ быть произведенъ по требованію выкупившаго принудительно при посредствѣ учреждений по крестьянскимъ дѣламъ. Но отказъ общества отъ выдѣла не можетъ повлечь за собой выдачи данной до выдѣла къ одному мѣсту, ибо говоритъ Сенатъ, „данная можетъ быть выдана только по воспослѣдованіи выдѣла“. До этого выкупившійся можетъ пользоваться выкупленнымъ надѣломъ, „но безъ полученія данной“. Указъ 9 ноября ввелъ укрѣпленіе выходящаго и безъ выдѣла. Согласно постановленіямъ указа, каждый домохозяинъ, владѣющій надѣльною землею на общинномъ правѣ, можетъ во всякое время требовать укрѣпленія за собой въ личную собственность причитающей ему части изъ означенной земли. Эта „причитающаяся“ часть опредѣляется указомъ двояко: для обществъ, не имѣвшихъ передѣловъ въ послѣдніе 24 года, предшествующіе заявленію о передѣлѣ, и для обществъ, имѣвшихъ въ теченіе указаннаго времени такіе передѣлы. Для обществъ первой категоріи указъ устанавливаетъ за каждымъ домохозяиномъ право требовать укрѣпленія въ личную собственность усадебнаго участка и всѣхъ участковъ общинной земли, состоящихъ въ его постоянномъ (не арендномъ) пользованіи. Для обществъ второй категоріи, т. е. имѣвшихъ въ послѣдніе 24 года передѣлы, указъ устанавливаетъ право домохозяина требовать укрѣпленія въ личную собственность усадебной земли и тѣхъ участковъ общинной, которые предоставлены ему обществомъ въ пользованіе по послѣднему передѣлу, но съ такой оговоркой: если въ постоянномъ пользованіи домохозяина, желающаго перейти къ личному владѣнію, состоитъ земли больше, нежели причиталось бы на его долю на основаніяхъ послѣдней развертки по

числу разверточныхъ единицъ въ его семьѣ ко времени заявленія, то за нимъ укрѣпляется безвозмездно въ личную собственность только то количество общинной земли, какое причитается ему по указанному расчету. Оказавшійся же излишекъ можетъ быть укрѣпленъ за выдѣляющимся домохозяиномъ только подъ условіемъ уплаты обществу его стоимости, опредѣляемой по первоначальной средней выкупной цѣнѣ за десятину предоставленныхъ въ надѣлъ данному обществу угодій, облагавшихся выкупными платежами. Въ противномъ случаѣ весь означенный излишекъ поступаетъ въ распоряженіе общества.

Такимъ образомъ разница способа укрѣпленія въ личную собственность въ обществахъ второй категоріи, т. е. въ обществахъ передѣльныхъ заключается въ томъ, что въ непередѣляемыхъ обществахъ укрѣпляется безвозмездно вся земля, находящаяся въ пользованіи даннаго домохозяинства, а въ обществахъ передѣльныхъ укрѣпляется безвозмездно только та часть изъ всей совокупности земли, находящейся въ пользованіи даннаго домохозяинства по послѣднему передѣлу, которая соотвѣтствуетъ наличному составу выдѣляющейся семьи въ сравненіи его съ основаніемъ, принятымъ при послѣднемъ передѣлѣ. Если, на примѣръ, послѣдній передѣлъ состоялся по наличнымъ душамъ и данное хозяйство по числу бывшихъ у него при послѣднемъ передѣлѣ наличныхъ душъ получило въ пользованіе надѣлъ на пять душъ, а къ моменту выдѣла у него осталось три души, такъ какъ двое наличныхъ членовъ семьи мужского пола умерло, то домохозяинъ можетъ безвозмездно укрѣпить за собой только надѣлъ на три души, а причитающуюся на остальные двѣ души землю, которую онъ имѣетъ въ своемъ пользованіи, укрѣпить за собой онъ можетъ только при условіи уплаты обществу стоимости излишка, опредѣляемой по числу десятинъ, изъ которыхъ состоитъ этотъ излишекъ, и по средней выкупной цѣнѣ за десятину.

Кромѣ усадебной и полевой земли выдѣляющемуся укрѣпляется также, какъ говоритъ указъ, „право пользованія въ неизмѣнной долѣ“ на передѣляемые по особымъ основаніямъ сѣнокосныя, лѣсныя и другія угодія, а также и право участія въ пользованіи на принятыхъ въ обществѣ основаніяхъ непередѣляемыми угодіями, какъ-то: выгонами, пастбищами, оброчными статьями.

Постоянныя доли въ угодіяхъ, передѣляемыхъ на особыхъ основаніяхъ, укрѣпляются въ томъ размѣрѣ, въ какомъ домохозяева пользовались означенными угодіями ко времени подачи заявленія о выходѣ изъ общины.

Опредѣливъ право каждого домохозяина въ любой моментъ укрѣпить за собой на изложенныхъ основаніяхъ часть общинной земли безъ выдѣла ея къ одному мѣсту указъ устанавливаетъ и способъ такого выхода изъ общины съ частью общинной земли. Требованіе домохозяина укрѣпить за собой часть общинной земли обязательно для общины. Никакого согласія отъ нея не нужно. Напротивъ, получивъ черезъ сельскаго старосту заявленіе о желаніи какого-либо домохозяина выйти изъ общины съ землей, община обязана на сходѣ по приговору, постановленному по простому большинству голосовъ, въ мѣсячный срокъ со дня подачи заявленія старостѣ указать участки, поступающіе въ личную собственность выходящаго изъ общины домохозяина, равно какъ должна указать и размѣръ причитающейся съ домохозяина доплаты въ перечисленныхъ выше случаяхъ уменьшенія состава семьи выходящаго, сравнительно съ составомъ, бывшимъ при послѣднемъ передѣлѣ. Кромѣ того община должна въ этомъ приговорѣ указать и постоянную долю участія выходящаго въ пользованіи угодіями, передѣляемыми на особыхъ основаніяхъ.

Если въ теченіе указаннаго мѣсячнаго срока община не постановитъ означеннаго приговора, всѣ данныя, которыя должны были быть помѣщены въ приговорѣ, собираются земскимъ начальникомъ, который, выѣхавъ на мѣсто и выслушавъ заявленіе домохозяина и представителей общества, обязанъ составить постановленіе о размѣрахъ участка, выдѣляемаго изъ состава общинной земли. На эти постановленія земскаго начальника могутъ быть въ мѣсячный срокъ приносимы обѣими сторонами, т. е. выходящимъ домохозяиномъ и обществомъ, жалобы въ уѣздный сѣздъ, постановленія котораго окончательны и поэтому приводятся въ исполненіе.

Приговоры сельскихъ обществъ и постановленія земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ сѣздовъ о выдѣлѣ участковъ изъ состава общинныхъ земель приравняются по значенію къ крѣпостнымъ актамъ.

Помимо описанія порядка укрѣпленія въ личную собственность участковъ общинной земли въ томъ черезполосномъ видѣ, въ которомъ происходило пользованіе ими, выходящимъ изъ общины, домохозяиномъ, Указъ 9 ноября содержитъ и правила о порядкѣ выдѣла участка къ одному мѣсту. Такой выдѣлъ, соединенный ранѣе съ укрѣпленіемъ, по указу 9 ноября является дѣйствіемъ послѣдующимъ за укрѣпленіемъ черезполоснаго участка. Каждый, укрѣпившій за собой въ личную собственность черезполосный участокъ, имѣетъ право требовать во всякое время выдѣла его къ одному мѣсту. Только въ томъ слу-

чаѣ, когда желаніе выхода изъ общины заявляется во время общаго передѣла, укрѣпленіе въ личную собственность можетъ быть совершенно одновременно съ выдѣломъ къ одному мѣсту.

Заявленіе о желаніи выдѣлить укрѣпляемый или укрѣпленный участокъ къ одному мѣсту обязательно къ исполненію со стороны общины, если такое заявленіе дѣлается во время общаго передѣла. Если же заявленіе дѣлается не при общемъ передѣлѣ, то отъ общины зависитъ, либо произвести выдѣлъ, либо уплатить желающему выдѣлиться стоимость его участка по соглашенію или по оцѣнкѣ, производимой волостнымъ судомъ.

Споры о выдѣлѣ разрѣшаются крестьянскими учрежденіями.

Сравнивая изложенныя основанія указа 9 ноября даже съ постановленіями 12 статьи общаго положенія о крестьянахъ, нельзя не замѣтить насколько они разнятся одно отъ другого и насколько первыя превосходятъ послѣднія въ дѣлѣ игнорированія правъ общины. Согласіе общины на выходъ изъ нея съ частью общинной земли, обрабатываемой въ личную собственность, совершенно устранено. Настоящій собственникъ земли—община—поставленъ въ положеніе совершенно безправное передъ домохозяиномъ, желающимъ выдѣлиться изъ нея. Всякое распоряженіе общины своей собственной землей, всякій передѣлъ, измѣняющій долю участія въ пользованіи землей, можетъ быть устраненъ по единоличному желанію домохозяина, не согласившагося на этотъ передѣлъ и потребовавшаго укрѣпленіе владѣмаго участка въ его личную собственность. Мобилизація крестьянской собственности, скупкѣ надѣловъ въ однѣ руки открыть широкій просторъ. Община, вопреки ея желанію, поставлена въ условія, при которыхъ у нея нѣтъ средствъ для борьбы съ насильственнымъ ея разрушеніемъ.

Уничтожена и общность семейныхъ и имущественныхъ правъ превращеніемъ ихъ въ личные права домохозяина.

Одновременно съ этимъ всѣ споры общины съ ея членами предоставлены разрѣшенію не судебныхъ установленій, а административныхъ, которымъ не дано никакихъ сколько нибудь опредѣленныхъ указаній для разрѣшенія самыхъ важныхъ вопросовъ, возникающихъ при примѣненіи постановленій указа. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ, на примѣръ, требованіе выдѣла къ одному мѣсту? Обязана ли община выдѣлять къ одному мѣсту и усадѣбную; и полевою землю или она можетъ отказывать въ такомъ требованіи, выдѣляя одну полевою землю? Имѣетъ ли община право выдѣлять въ двухъ-трехъ кускахъ при невозможности отвести въ одномъ мѣстѣ? Въ какихъ изъ этихъ случаевъ земскій начальникъ можетъ счесть общество отказавшимся

выдѣлить участки и приступить къ принудительному выдѣлу? Все это вопросы, ожидающіе своего разрѣшенія отъ усмотрѣнія земскаго начальника, который становится вершителемъ сложныхъ и запутанныхъ земельныхъ отношеній, связанныхъ въ каждой общинѣ съ цѣлой массой условій землепользованія.

Мы упоминали уже, что болѣе полстолѣтія въ русской литературѣ шель оживленный споръ о сущности и значеніи коллективныхъ формъ крестьянскаго землевладѣнія вообще и общиннаго землевладѣнія въ частности. Въ этомъ спорѣ принимали участіе почти всѣ корифеи общественной мысли. Полстолѣтіе со времени отмены крѣпостного права крестьяне коренной Россіи продолжали, несмотря на всѣ глубокія измѣненія условій жизни, дорожить общиной. Они сжились съ ней. Они, несомнѣнно, цѣнили въ ней трудовое начало, лежащее въ основѣ общиннаго права, тотъ проблескъ идеи экономическаго равенства, тотъ проблескъ идеи социальной справедливости, который проявляется въ уравнительномъ пользованіи землей. Полстолѣтія законъ признавалъ свободу перехода домохозяевъ, и всѣ происки многочисленныхъ противниковъ общины не могли указать на сколько-нибудь замѣтное число случаевъ, въ которыхъ крестьяне-общинники воспользовались бы этимъ правомъ. Правительство не разъ за послѣднее время пыталось провѣрить степень соответствія общиннаго владѣнія возрѣніямъ и потребностямъ крестьянства. Не разъ пыталось оно путемъ анкеты найти поддержку въ общественномъ мнѣніи для мѣропріятій, направленныхъ къ уничтоженію общиннаго владѣнія. И каждый разъ анкета, какъ бы ни были тенденціозны ея пріемы, доказывала правительству стойкость идеи въ народѣ общиннаго владѣнія. Такъ, въ девяностые годы подобная анкета была произведена Министерствомъ в. д. при помощи созданныхъ имъ „губернскихъ совѣщаній“, и эта анкета дала очень недвусмысленные отвѣты въ пользу сохраненія общины. Равнымъ образомъ, учрежденные гр. Витте комитеты о нуждахъ селско-хозяйственной промышленности дали тоже обширный матеріалъ, свидѣтельствующій о соответствіи общиннаго владѣнія народнымъ возрѣніямъ и условіямъ селско-хозяйственной дѣятельности.

Противники общины, производя сводку собраннаго матеріала и очевидно поддаваясь его вліянію, ограничивались только требованіемъ не создавать искусственныхъ условій, которыя могли бы тормозить переходъ къ подворному владѣнію. Дальше этого они не шли и очень опредѣленно заявляли, что искусственная ломка существующихъ формъ крестьянскаго землепользованія, насильственное уничтоженіе общины было бы величайшимъ бѣдствомъ и величайшею несправедливостью.

На этомъ положеніи сошлись и защитники общины. Увѣренные въ ея устойчивости, они никогда не требовали искусственной ея поддержки.

Такимъ образомъ, вопросъ объ отношеніи законодательства къ общинѣ со стороны общественнаго мнѣнія въ послѣднее время разрѣшался довольно единодушно, и различныя прогрессивныя политическія партіи, тщательно обсуждая всѣ детали крестьянскаго вопроса вообще и аграрнаго въ частности, единодушно требовали бережнаго отношенія къ сложившимся у крестьянъ формамъ землевладѣнія. Даже партіи съ ярко выраженнымъ индивидуалистическимъ направленіемъ признавали необходимымъ предоставить эволюціи жизни рѣшить вопросъ о торжествѣ той или другой формы землевладѣнія. Указъ 9 ноября пренебрегъ совершенно, сложившимся по данному вопросу, общественнымъ мнѣніемъ.

3.

Указъ 9 ноября 1906 года въ настоящее время замѣненъ прошедшимъ черезъ законодательныя учрежденія закономъ 14 іюня 1910 года.

Въ немъ сохранены общія начала указа, сохранена и его тенденція, заключающаяся въ водвореніи единоличной собственности въ ущербъ правъ общины. Однако въ деталяхъ въ немъ допущены существенныя измѣненія.

Вмѣсто раздѣленія общинъ на непередѣлявшіяся въ теченіи 24 лѣтъ и передѣлявшіяся въ теченіи этого срока законъ 14 іюня вводитъ другое раздѣленіе на общинъ не передѣлявшихся *со времени надѣленія* и на передѣлявшихся съ этого времени. Для первой категоріи общинъ законъ устанавливаетъ не право членовъ общинъ на укрѣпленіе причитающагося ему участка, а прямо устанавливаетъ, что такія общины признаются перешедшими къ наследственному владѣнію и участки, находящіеся въ такихъ общинахъ въ постоянномъ (но не арендномъ) пользованіи домохозяевъ, признаются личной ихъ собственностью, если семья состоитъ изъ домохозяина и его нисходящихъ и общей семейной собственностью, когда семья состоитъ изъ боковыхъ родственниковъ и постороннихъ. Для общинъ передѣлявшихся со времени надѣленія законъ признаетъ право домохозяина на требованіе укрѣпленія части общиннаго надѣла, причемъ размѣръ этой части опредѣляется различно для общинъ передѣлявшихся со времени надѣленія съ соблюденіемъ закона 1893 года о передѣлахъ и для общинъ этотъ законъ при передѣлахъ не примѣнявшихъ.

Въ общинахъ перваго рода каждый членъ общины имѣетъ право укрѣпить ту часть надѣльной земли, которая причитается ему по

числу состоящихъ въ его семьѣ разверсточныхъ единицъ и по тому количеству земли, которое опредѣлено на каждую разверсточную единицу по послѣднему передѣлу. Излишки онъ можетъ укрѣпить только уплативъ обществу стоимость ихъ по выкупной оцѣнкѣ.

Въ общинахъ второго рода каждый членъ имѣетъ право укрѣпить за собой все то количество земли, которое находится въ его пользованіи.

Каждый домохозяинъ имѣетъ право требовать укрѣпленіе по послѣднему передѣлу, состоявшемуся до подачи имъ просьбы объ укрѣпленіи и только тогда, когда просьба подана послѣ состоявшагося приговора о передѣлѣ, хотя бы приговоръ этотъ еще и не былъ утвержденъ въ надлежащемъ порядкѣ, онъ лишается права требовать укрѣпленія по прежнему передѣлу и можетъ требовать только по новому передѣльному приговору.

Усадьбы при общинномъ владѣніи и всѣ подворные участки признаются закономъ состоящими въ единоличной собственности домохозяевъ или общей собственности семьи, въ зависимости отъ указанного уже нами выше состава семьи.

Вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ подлежащаго участка полевой земли укрѣпляется и то право въ угодіяхъ непередѣляемыхъ и передѣляемыхъ на особыхъ основаніяхъ, которое ему причитается по принятому въ обществѣ порядку пользованія ими.

Законъ 14 іюня 1910 года устанавливаетъ въ соотвѣтствіи съ раздѣленіемъ общинъ на непередѣлявшихся со времени надѣленія и имѣвшихъ передѣлы, двоякій порядокъ утвержденія правъ отдѣльных домохозяевъ на надѣльную землю.

Въ первомъ случаѣ, очевидно, нечего укрѣплять, разъ самъ законъ признаетъ общины несуществующими, а домохозяевъ единоличными собственниками. Поэтому законъ называетъ акты, устанавливающие право домохозяина на извѣстный участокъ надѣльной земли, актами не укрѣпительными, а *удостоверительными*.

Сельскіе и селенные сходы имѣютъ право требовать составленія общихъ на все общество актовъ, удостоверяющихъ право собственности отдѣльных домохозяевъ на ихъ участки. Такимъ же правомъ пользуются и отдѣльные домохозяева по отношенію къ составляющимъ ихъ собственность участкамъ.

Эти акты составляются земскими начальниками и объявляются на сельскомъ или селенномъ сходѣ.

Заинтересованныя лица могутъ приносить жалобы на эти акты въ уѣздный сѣздъ въ тридцатидневный срокъ со дня объявленія актовъ на сходѣ.

Но и безъ наличности жалобъ, удостовѣрительные акты представляются на утвержденіе въ уѣздный сѣздъ и въ немъ по утвержденіи хранятся. Выписи изъ актовъ, если послѣдніе составлены на все общество и копии актовъ, составленныхъ на каждого домохозяина, по его требованію выдаются изъ уѣзднаго сѣзда, за подписью его предсѣдателя и служатъ актами укрѣпленія, признаваемыми закономъ за аналогичные актамъ крѣпостнымъ.

Возникаетъ вопросъ, поднятый и въ литературѣ г. Мануйловымъ¹⁾, съ какого времени слѣдуетъ считать общества перваго рода перешедшими къ подворному владѣнію и утратившими общинный способъ владѣнія землей: со времени-ли изданія закона 14 іюня 1910 года или со времени составленія удостовѣрительныхъ актовъ? Пр. Мануйловъ рѣшаетъ этотъ вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ, признавая, что до составленія удостовѣрительныхъ приговоровъ община, не передѣлявшаяся со времени надѣленія землей, еще остается и можетъ даже осуществить свое право передѣла земли, другими словами, можетъ перейти въ разрядъ передѣльныхъ общинъ.

Съ такимъ мнѣніемъ едва-ли можно согласиться. Право собственности домохозяина на свой участокъ въ такихъ общинахъ признано самимъ закономъ. Удостоверительный актъ является только способомъ укрѣпленія права, которое существуетъ уже до него..

Мнѣніе Мануйлова было бы правильно, если бы въ нашемъ гражданскомъ правѣ было принято начало, въ силу котораго право на недвижимое имущество возникало бы только со времени укрѣпленія его. Но наше право чуждо этого начала. Поэтому въ цѣломъ рядѣ случаевъ приобрѣтенія права собственности, оно считается возникшимъ не со времени укрѣпленія, а со времени возникновенія событія, порождающаго право, напримѣръ, при прибрѣтеніи права собственности по наслѣдству оно приобрѣтается независимо отъ времени укрѣпленія со времени смерти наслѣдодателя, при прибрѣтеніи права собственности на имѣніе, купленное съ публичныхъ торговъ, моментъ прибрѣтенія права собственности отнесенъ практикой Сената ко времени утвержденія торговъ, а не ко времени отмѣтки, данной у старшаго нотаріуса.

Въ законѣ 14 іюня 1910 года самое выраженіе закона о признаніи безпередѣльныхъ общинъ перешедшими къ наслѣдственному, подворному владѣнію, и о признаніи участковъ, состоящихъ во владѣніи

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1912 г. кн. II ст. Мануйлова „Новѣйшее законодательство о земельной общинѣ“.

отдѣльных домохозяевъ, ихъ личной собственностью, свидѣтельствуешь о томъ, что временемъ возникновенія права собственности членовъ общины—должно считаться время изданія закона. Ко этому же выводу приводитъ насъ и самое названіе актовъ, выдаваемыхъ въ подтвержденіе этого права—удостовѣрительными, въ противоположность актамъ укрѣпительнымъ.

Въ передѣльных общинахъ право, даруемое закономъ 14 іюня 1910 года отдѣльнымъ домохозяевамъ требовать укрѣпленія въ личную собственность, осуществляется выдачей желающимъ *укрѣпительныхъ* актовъ. Также, какъ и по указу 9 ноября 1906 года, желающій укрѣпить за собой надѣльную землю долженъ обратиться къ сельскому сходу черезъ старосту. Если сходъ въ мѣсячный срокъ не составитъ укрѣпительнаго приговора, то по просьбѣ домохозяина земскій начальникъ обязанъ составить укрѣпительное постановленіе, въ которомъ указать размѣръ полевого участка и размѣръ частей угодій непередѣляемыхъ или передѣляемыхъ на особыхъ основаніяхъ, которыя причитаются укрѣпляющему, а также размѣръ и границы усадебнаго участка. Какъ общественные приговоры, такъ и постановленія земскихъ начальниковъ представляются на утвержденіе уѣзднаго сѣзда.

Въ уѣздный же сѣздъ представляются жалобы на приговоры и постановленія земскаго начальника объ укрѣпленіи. Жалобы принимаются въ тридцатидневный срокъ со времени объявленія земскому начальнику, который производитъ на мѣстѣ разслѣдованіе и вмѣстѣ съ своимъ объясненіемъ представляетъ въ сѣздъ.

Если общественные приговоры будутъ признаны сѣздомъ несоотвѣтствующими требованіямъ закона, онѣ отмѣняются и передаются уже не на сходъ, а земскому начальнику для составленія вмѣсто приговора укрѣпительнаго постановленія. Земскому же начальнику препровождаются отмѣненные его постановленія объ отказѣ въ укрѣпленіи для составленія постановленій объ укрѣпленіи по указаніямъ, сдѣланнымъ сѣздомъ.

Постановленія же земскихъ начальниковъ объ укрѣпленіи, признанныя неправильными, или препровождаются для исправленія земскому начальнику или исправляются самимъ сѣздомъ. Постановленія сѣздовъ считаются окончательными и могутъ быть обжалованы въ губернское присутствіе съ указаніемъ на нарушеніе закона и губернское присутствіе, признавая постановленіе сѣзда нарушающимъ законъ, не само отмѣняетъ постановленіе сѣзда, а представляетъ его для отмѣны въ Сенатъ по второму Департаменту.

Такимъ образомъ, какъ укрѣпительные, такъ и удостовѣрительные акты сосредоточиваются въ уѣздномъ сѣздѣ, который является хранителемъ ихъ. Но такое положеніе сѣзда установлено только для актовъ, составляемыхъ по бывшимъ общиннымъ землямъ. Порядокъ очень удобный въ томъ отношеніи, что законъ, приравнивая эти акты по силѣ къ крѣпостнымъ, позаботился о томъ, чтобы они были сосредоточены въ одномъ учрежденіи, замѣняющемъ по отношенію къ нимъ нотаріальные архивы у старшихъ нотаріусовъ.

Но для подворнаго землевладѣнія, къ сожалѣнію, законъ отступилъ отъ этого начала, предоставивъ составленіе удостовѣрительнаго приговора о принадлежности надѣла или части его, въ томъ числѣ и о принадлежности усадьбы сходу по простому большинству голосовъ. Приговоры схода утверждаются земскимъ начальникомъ и въ сѣздѣ не представляются. Если сходъ въ мѣсячный срокъ со дня обращенія, не составитъ удостовѣрительнаго приговора, таковой составляется земскимъ начальникомъ.

Благодаря такому порядку, не всѣ акты на выдѣленные участки земли—сосредоточиваются въ сѣздѣ и возможны случаи одновременной продажи надѣльной земли домохозяиномъ двумъ и болѣе лицамъ. На практикѣ такіе случаи въ настоящее время все учащаются.

Законъ 14 іюня 1910 года устанавливаетъ право выдѣла, какъ вторую стадію выхода изъ общины. Каждый, укрѣпившій за собой участокъ общинной земли, имѣетъ право требовать отъ общества выдѣла его къ одному мѣсту.

Но порядокъ выдѣла отличается отъ постановленій указа 9 ноября тѣмъ, что въ послѣднемъ выдѣлъ производится сходомъ, а въ случаѣ споровъ, послѣдніе разрѣшаются въ порядкѣ примѣчанія къ 12 статьѣ общ. пол. о кр., т. е. уѣзднымъ сѣздомъ. Болѣе детальныя правила о выдѣлѣ указъ въ себѣ не содержитъ.

По закону же 14 іюня выдѣлъ производится землеустроительной комиссіей, которая не только производитъ выдѣлъ, но разрѣшаетъ и возникающіе при этомъ споры, а также разрѣшаетъ вопросъ возможенъ ли и удобенъ ли обществу выдѣлъ внѣ общаго передѣла.

Въ томъ случаѣ, когда требованіе о выдѣлѣ заявляется внѣ общаго передѣла, выдѣлъ производится, при несогласіи общества, только послѣ признанія его землеустроительной комиссіей удобнымъ и возможнымъ. Въ противномъ случаѣ, обществу предоставляется удовлетворить желающаго выдѣлиться домохозяина деньгами по взаимному съ нимъ соглашенію, а при недостиженіи соглашенія по оцѣнкѣ, устанавливаемой той же землеустроительной комиссіей. Если же домохозяинъ, заявивъ

шій желаніе выдѣлиться, найдетъ опредѣленную землеустроительной комиссіей оцѣнку для себя невыгодной, онъ можетъ отказаться отъ получения денегъ и продолжать владѣть укрѣпленными въ его собственности участками въ прежнихъ границахъ.

Выдѣлъ обязателенъ для общества, безъ права удовлетворить желающаго выдѣлиться деньгами только: 1) при общемъ передѣлѣ, когда желаніе выдѣлиться заявлено до постановленія приговора объ общемъ передѣлѣ; 2) внѣ общаго передѣла, когда выдѣлъ признанъ землеустроительной комиссіей удобнымъ и возможнымъ, и 3) внѣ общаго передѣла, когда выдѣла потребовали не менѣе пятидесяти домохозяевъ при численности общества въ 250 домохозяевъ и не менѣе одной пятой общаго числа домохозяевъ, когда общество состоитъ изъ меньшаго чѣмъ 250 числа домохозяевъ.

При общихъ передѣлахъ возможно и совпаденіе требованія о выдѣлѣ и объ укрѣпленіи. Другими словами, при общихъ передѣлахъ выдѣла можетъ требовать и не укрѣпившійся домохозяинъ, и тогда онъ и укрѣпляется и выдѣляется.

Если возможны случаи, когда желаніе отдѣльных домохозяевъ выдѣлиться къ одному мѣсту обязательно для общества, то въ законѣ указаны и случаи обязательности выдѣла для отдѣльных домохозяевъ по требованію общества. Законъ, сознавая неудобство для общины терпѣть черезполосное владѣніе съ лицами, укрѣпившими въ свою личную собственность черезполосные участки, препятствующіе распоряженію общинами общинной землей, предоставляетъ обществу выдѣлить укрѣпившимъ участки ихъ къ одному мѣсту: 1) когда потребуютъ этого болѣе половины остающихся при общинномъ пользованіи домохозяевъ, и 2) когда при выдѣлахъ, обязательныхъ для общества въ вышеприведенныхъ случаяхъ, пожелавшій остаться въ черезполосномъ владѣніи домохозяинъ, не изъявитъ согласія на обмѣнъ укрѣпленныхъ за нимъ черезполосныхъ участковъ, которые, однако, необходимо включить въ границы участковъ, отводимыхъ выдѣляющимся.

Въ первомъ изъ указанныхъ случаевъ, т. е. тогда, когда болѣе половины остающихся при общинномъ пользованіи домохозяевъ пожелаютъ выдѣлить укрѣпившихся къ однимъ мѣстамъ, общество можетъ произвести досрочный передѣлъ общинныхъ земель безъ разрѣшенія Губернскаго Присутствія. Законъ 14 іюня повторяетъ постановленіе указа 9 ноября о томъ, что подворные участки дѣлаются единоличной собственностью домохозяевъ, если семья состоитъ изъ домохозяина и его нисходящихъ и общей собственностью семьи, если семья включаетъ въ свой составъ боковыхъ родственниковъ и постороннихъ.

Если семья состоитъ изъ домохозяйки—вдовы и нисходящихъ, то имущество считается не единоличной собственностью домохозяйки, а общей собственностью всей семьи.

При укрѣпленіи въ личную собственность общинной земли нѣдра остаются собственностью общества. То же и при выдѣлѣ общиннаго участка члену общины въ одинъ отрубной участокъ.

Законъ 14 іюня предусматриваетъ также переходъ цѣлыхъ обществъ, къ отрубному землевладѣнію.

Въ указѣ 9 ноября содержится правило, по которому такой переходъ, какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ владѣніи совершался по приговору общества, постановленному большинствомъ $\frac{2}{3}$ голосовъ. Въ законѣ же 14 іюня такой переходъ при общинномъ или смѣшанномъ землевладѣніи совершается по большинству $\frac{2}{3}$ голосовъ домохозяевъ, а при подворномъ по простому большинству голосовъ.

Законъ 14 іюня въ предупрежденіе сосредоточенія въ однихъ рукахъ большаго количества надѣльной земли содержитъ постановленіе, по которому, впредь до пересмотра узаконеній о крестьянскомъ землевладѣніи, временно воспрещается въ *предѣлахъ одного уѣзда*, сосредоточивать въ однихъ рукахъ путемъ покупки или принятія въ даръ надѣльную землю: 1) въ губерніяхъ и областяхъ, въ коихъ примѣняются мѣстные великороссійское и малороссійское положенія свыше *шести* душевыхъ высшихъ или указныхъ надѣловъ; 2) въ губерніи Бессарабской—свыше двухъ семейныхъ участковъ высшаго размѣра; 3) въ губерніяхъ сѣверо-западныхъ—свыше трехъ подворныхъ участковъ, и 4) въ губерніяхъ юго-западныхъ свыше трехъ усадебъ или трехъ пѣшихъ участковъ изъ коренного надѣла, съ принадлежащими къ нимъ усадьбами.

Дѣйствіе закона 14 іюня распространяется, какъ сказано въ 58 ст. этого закона, „на всѣхъ сельскихъ обывателей, владѣющихъ земельнымъ надѣломъ на правахъ крестьянъ-собственниковъ“.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, дѣйствіе закона не распространяется на крестьянъ, не владѣющихъ надѣлами на правахъ собственности, и въ томъ числѣ на государственныхъ крестьянъ Сибири, на крестьянъ въ Алтаѣ и пр.

Съ другой стороны, дѣйствіе закона распространяется только на надѣльные земли.

Со времени изданія закона 14 іюня — 12 статья общаго положенія потеряла свое значеніе по отношенію надѣльныхъ земель и всецѣло замѣнена означеннымъ закономъ. Но, для внѣнадѣльныхъ земель, купленныхъ обществомъ и обращенныхъ въ общинное пользо-

ваніе—12 ст. общ. пол. сохранила свою силу постольку, поскольку она измѣнена закономъ о землеустройствѣ.

Законъ 29 мая 1911 года о землеустройствѣ расширилъ кругъ земель, въ которыхъ коллективныя формы землевладѣнія могутъ быть, вопреки волѣ коллектива, замѣнены единоличной собственностью и отрубнымъ владѣніемъ.

На основаніи положенія о землеустройствѣ производятся слѣдующія землеустроительныя дѣйствія: 1) выдѣлъ земель отдѣльнымъ селеніямъ сельскихъ обществъ, отдѣльнымъ выселкамъ и частямъ селеній, 2) выдѣлъ отрубныхъ участковъ отдѣльнымъ членамъ сельскихъ обществъ, 3) полное по цѣлымъ сельскимъ обществамъ разверстаніе угодій между членами общества, 4) уничтоженіе череполосности сельскихъ обществъ и селеній съ прилегающими владѣніями, и 5) раздѣлъ угодій, находящихся въ общемъ пользованіи крестьянъ и частныхъ владѣльцевъ.—Кромѣ того, землеустроительныя комиссіи уполномочены въ качествѣ предварительной работы отграничивать земли, подлежащія землеустройству отъ смежныхъ владѣній и разверстывать на отрубные участки земли разнаго владѣнія, включенныя въ дачу разверстанія, образованную землеустроительной комиссіей для цѣлей разверстанія.

При этомъ всѣ перечисленныя мѣры примѣняются не только къ надѣльнымъ, но и къ ненадѣльнымъ землямъ: если 1) лица, владѣющія этими землями объединены въ сельскія общества и товарищества, или 2) если владѣнія частныя, хотя и не объединенныя въ товарищества и общества не превышаютъ предѣльныхъ нормъ, которыя устанавливаются согласно устава крестьянскаго банка для каждой мѣстности Министромъ финансовъ по соглашенію съ Министромъ внутреннихъ дѣлъ и Главноуправляющимъ земледѣліемъ и землеустройствомъ, какъ наибольшее количество земли, которое можетъ быть приобретено отдѣльнымъ крестьянамъ въ личную собственность при содѣйствіи банка.

Землеустроительныя дѣйствія могутъ совершаться и по соглашенію сторонъ и безъ такого соглашенія въ обязательномъ порядкѣ.

Только съ согласія владѣльцевъ могутъ быть разверстаны усадебныя земли и земли, входящія въ составъ усадебной осѣлости селеній, земли въ одномъ сплошномъ отрубѣ, если на нихъ возведены жилыя постройки и заведено обособленное хозяйство, участки, хотя бы и внѣ черты селенія, занятые подъ усадьбами, водяными мельницами, заводами, фабриками, садами, виноградниками, искусственно разведенными лѣсами, участки, содержащіе цѣнныя ископаемыя, а

также торфъ, глину, бутовой камень и пр., участки дренированные и искусственно орошаемые, а также вообще участки, признанные землеустроительными комиссіями имѣющими по мѣстнымъ условіямъ исключительную цѣнность.

При разверстаніи наблюдается точное соотвѣтствіе выдѣловъ и раздѣловъ съ размѣромъ прежняго участка и его цѣнностью, что достигается, между прочимъ, и зачетомъ лучшихъ земель за худшія въ соотвѣтственно уменьшенномъ размѣрѣ.

Количественное уравненіе можетъ быть замѣнено и денежнымъ, но не иначе, какъ по добровольному соглашенію выдѣляющихся и остающихся, выраженному простымъ большинствомъ голосовъ съ той и съ другой стороны, въ случаяхъ выдѣловъ земель селеніямъ, выселкамъ и частямъ селеній, а въ случаѣ выдѣла отрубныхъ участковъ отдѣльнымъ лицамъ, при соглашеніи каждаго изъ сихъ лицъ съ большинствомъ остающихся.—При полномъ разверстаніи по цѣлымъ обществамъ, денежное уравненіе допускается при согласіи на то двухъ третей домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ.

Весьма существеннымъ правиломъ, устраняющимъ препятствіе, къ землеустройству является постановленіе о томъ, что аренда разверстываемыхъ угодій не мѣшаетъ разверстанію, которое не требуетъ согласія арендатора. Аренда переходитъ на землю, поступившую при разверстаніи взаменъ арендованной, причемъ арендатору предоставляется право отказаться отъ аренднаго договора.

Земли, сданныя въ аренду отъ общества или товарищества, могутъ быть подвергаемы раздѣлу на отдѣльныя владѣнія, съ досрочнымъ прекращеніемъ аренднаго договора и съ предоставленіемъ бывшему арендатору взыскать съ общества или товарищества непокрытыя за время аренды затраты на участокъ.

Важно также постановленіе закона о томъ, что предназначенный къ разверстанію въ порядкѣ землеустройства отдѣльный участокъ не подлежитъ уже размежеванію въ судебномъ порядкѣ, а если судебномъ-межевой споръ уже началъ онъ приостанавливается на все время производства землеустроительныхъ дѣйствій.

Полнота компетенціи землеустроительныхъ комиссій при землеустроительныхъ дѣйствіяхъ выражается въ томъ, что законъ вмѣняетъ въ обязанность комиссіямъ не только самое производство разверстаній, но и разборъ споровъ о размѣрахъ земельныхъ долей, причитающихся отдѣльнымъ селеніямъ, частямъ селеній или домохозяевамъ, такъ и разборъ споровъ, возникающихъ собственно изъ землеустройства, не исключая и споровъ о границахъ, подлежащихъ земле-

устройству земель. Разрѣшенные въ указанномъ порядкѣ споры не могутъ быть возбуждаемы вновь въ судебныхъ установленіяхъ.

Изъ компетенціи уѣзднаго сѣзда изъяты съ передачей ихъ въ землеустроительныя комиссіи всѣ жалобы на земскихъ начальниковъ по засвидѣтельствованію приговоровъ обществъ, касающихся землеустройства и по отказу въ такомъ засвидѣтельствованіи.

При такой обширной компетенціи органовъ землеустройства, включающей въ сущности чисто судебныя функціи, очень важно ознакомиться съ порядкомъ производства дѣлъ и выяснить насколько онъ обезпечиваетъ правильность разсмотрѣнія судебныхъ споровъ.

Первая инстанція землеустроительныхъ дѣйствій—уѣздная землеустроительная комиссія. Къ ней обращаются съ первоначальнымъ заявленіемъ о производствѣ землеустроительныхъ работъ. Она самостоятельно разсматриваетъ обращенныя къ ней ходатайства и рѣшаетъ вопросъ или о принятіи ходатайства къ производству или объ его отклоненіи.

Въ первомъ случаѣ, она поручаетъ непремѣнному члену комиссіи составить проектъ разверстанія при участіи уполномоченныхъ отъ заинтересованныхъ обществъ, товариществъ, селеній или частей ихъ и отдѣльныхъ подворныхъ или частныхъ владѣльцевъ. Составленіе проекта сопровождается, въ случаѣ проектированія въ немъ вновь устанавливаемыхъ границъ, постановкой временныхъ знаковъ на мѣстѣ и на составленномъ планѣ.

Если при этомъ послѣдуютъ заявленія споровъ, претензіи сторонъ записываются въ особый протоколъ, составляющій дополненіе къ полевому журналу, причемъ въ случаѣ надобности производится разслѣдованіе.

Законъ разрѣшаетъ самимъ землемѣрамъ, приглашеннымъ для совершенія землемѣрныхъ дѣйствій склонять стороны къ миролюбивому соглашенію, а при недостиженіи соглашенія производить „мѣстное разслѣдованіе“ посредствомъ „разсмотрѣнія“ представленныхъ сторонами въ разъясненіе ихъ спора письменныхъ актовъ, опроса свидѣтелей и производства дознанія черезъ оковыхъ людей. При производствѣ означенныхъ дѣйствій законъ предписываетъ землемѣрамъ руководствоваться „правилами о производствѣ судебныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ земскимъ начальникамъ и гор. судьямъ“.

Все свое производство вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ и планами землемѣръ представляетъ непремѣнному члену землеустроительной комиссіи, который обязанъ предъявить проектъ заинтересованнымъ сторонамъ, вызвавъ ихъ повѣстками къ назначенному дню.

По предъявленіи проекта непремѣнный членъ можетъ или признать проектъ подлежащимъ пересоставленію или признать возраженія противъ него незаслуживающими уваженія и тогда онъ вмѣстѣ со своимъ заключеніемъ представляетъ его въ уѣздную землеустроительную комиссію, куда въ мѣсячный срокъ со дня предъявленія могутъ представить и заинтересованные лица свои возраженія.

Уѣздная землеустроительная комиссія обязана вызвать стороны ко дню слушанія дѣла и по разсмотрѣніи его или утверждаетъ проектъ или поручаетъ непремѣнному члену его пересоставить или, наконецъ, находя дѣло не подлежащимъ производству въ землеустроительномъ порядкѣ, прекращаетъ его.

Постановленія уѣздныхъ землеустроительныхъ комиссій подлежатъ обжалованію въ мѣсячный срокъ въ губернскую землеустроительную комиссію, причемъ частныя жалобы подаются одновременно съ жалобой по существу дѣла, а отдѣльно не могутъ быть приносимы.

Губернскія землеустроительныя комиссіи разсматриваютъ дѣла публично, съ вызывомъ сторонъ. Постановленія ихъ считаются окончательными и подлежатъ обжалованію въ Сенатъ въ мѣсячный срокъ, причемъ жалобы могутъ содержать въ себѣ только указанія на нарушеніе закона и на превышеніе предоставленной комиссіи власти.

Жалобы пишутся на имя Сената, и представляются въ губ. землеустроительную комиссію, которая вмѣстѣ съ дѣломъ представляетъ ихъ во второй департаментъ Сената.

При разсмотрѣніи указанныхъ жалобъ законъ устанавливаетъ положенія, измѣняющія общій порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ въ старыхъ департаментахъ Сената. А именно дѣла по землеустройству разсматриваются при участіи Министра внутр. дѣлъ и Главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ и рѣшенія второго департамента Сената окончательны и перенесенію въ Общее Собраніе Сената не подлежатъ.

ГЛАВА IX.

Ограниченія правъ собственности крестьянъ на надѣльные земли.

Сохраняютъ ли свою силу постановленія мѣстныхъ положеній о правахъ на надѣль и пол. о выкупѣ? — Ограниченія права собственности на надѣль по положенію о выкупѣ и по общему положенію о крестьянахъ: а) въ отношеніи отчужденія и залога, б) въ отношеніи разработки нѣдръ.

Всѣ земли, отошедшія къ крестьянамъ по положеніямъ о поземельномъ ихъ устройствѣ, именуются надѣльными землями. По толкованіямъ Сената къ числу надѣльныхъ земель отнесены и тѣ земли, которыя поступили во владѣніе сельскихъ жителей западныхъ губерній по чиншевому положенію и по положеніямъ о превращеніи долгосрочныхъ арендныхъ договоровъ въ выкупные акты: православныхъ арендаторовъ, вольныхъ людей и старообрядцевъ.

Въ настоящее время всѣ земли бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, государственныхъ крестьянъ Европейской Россіи, крестьянъ бывшихъ удѣльныхъ, т. е. всѣ надѣльные земли Европ. Россіи сдѣлались собственностью крестьянъ. Но это право собственности, сильно разнится отъ права собственности, опредѣленнаго общими гражданскими законами, такъ какъ оно значительно ограничено спеціальными крестьянскими узаконеніями.

Для того, чтобы уяснить себѣ существующія въ законѣ ограниченія въ указанномъ отношеніи надо остановиться на вопросѣ о томъ, какими именно законами въ настоящее время регулируются права крестьянъ на надѣльную землю.

Поземельныя отношенія, какъ мы видѣли, регулировались мѣстными положеніями, положеніемъ о выкупѣ и общимъ положеніемъ о крестьянахъ. Въ литературѣ поднимался вопросъ о томъ, дѣйствуютъ ли мѣстныя положенія съ переводомъ крестьянъ на выкупъ? Высказывался взглядъ, одно время поддерживаемый и Сенатомъ, что мѣстныя положенія регулируютъ только юридическое положеніе временно-обязанныхъ крестьянъ и что, слѣдовательно, съ прекращеніемъ временно-

обязанныхъ отношеній, мѣстныя положенія должны считаться утратившими свою силу.

Такой выводъ какъ будто находилъ опору въ 1-ой ст. Мѣстнаго Великороссійскаго положенія и 1-ой ст. Малор. пол., которыя говорятъ: „симъ положеніемъ опредѣляется поземельное устройство вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости (временно-обязанныхъ) крестьянъ“.

Но при ближайшемъ ознакомленіи съ содержаніемъ мѣстныхъ положеній обнаруживается, что слова „временно-обязанные крестьяне“ употреблены не въ смыслѣ ограниченія въ будущемъ срока дѣйствія мѣстныхъ положеній, а потому, что во время изданія мѣстныхъ положеній крестьяне, до которыхъ эти положенія относились, были всѣ временно-обязанными. При такомъ толкованіи получаютъ смыслъ тѣ постановленія мѣстныхъ положеній, которыми опредѣляются поземельныя отношенія крестьянъ въ зависимости отъ ихъ состоянія во временно-обязанныхъ отношеніяхъ и эти постановленія должны считаться дѣйствующими и при переходѣ въ разрядъ крестьянъ-собственниковъ.

Въ этомъ смыслѣ растолковалъ дѣйствіе подлежащихъ статей мѣстныхъ положеній Сенатъ въ 1887 году. Обсудивъ общій вопросъ о значеніи мѣстныхъ положеній послѣ прекращенія временно-обязанныхъ отношеній, Сенатъ призналъ, что „тѣ только статьи мѣстныхъ положеній должны считаться утратившими безусловно свою силу, которыми опредѣлялись обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, а не тѣ статьи, коими опредѣлялись поземельныя права крестьянъ и отношенія ихъ къ обществу, помимо обязательныхъ ихъ отношеній къ помѣщику“¹⁾.

Приведенное общее толкованіе не отличается точностью, но оно до сихъ поръ лежитъ въ основѣ практики крестьянскаго дѣла и принято къ руководству при официальном изданіи въ 1902 году особаго приложенія къ IX тому свода законовъ.

Какое дѣйствіе имѣетъ положеніе о выкупѣ? Оно несомнѣнно прекращаетъ свое дѣйствіе со времени окончанія выкупа. Съ этого времени перестаютъ дѣйствовать по отношенію къ крестьянамъ, свободнымъ отъ выкупа, тѣ постановленія положенія о выкупѣ, которыми опредѣляются права крестьянъ на выкупленные земли. Хотя въ этихъ постановленіяхъ мы находимъ много указаній, имѣющихъ общее значеніе, но несомнѣнно, что они съ окончаніемъ выкупа падаютъ, уступая мѣсто соотвѣствующимъ статьямъ общаго положенія о крестьянахъ. Это съ несомнѣнностью явствуетъ изъ 106 ст. пол. о вык., опре-

¹⁾ Рѣш. 2 Деп. Прав. Сен. 29 сент. 87 г. № 3690.

дѣляющей, что по уплатѣ выкупной ссуды на выкупленные земли распространяются правила, установленныя въ общемъ положеніи, въ отношеніи земель, приобретенныхъ крестьянами въ собственность.

Въ настоящее время надѣльные земли бывшихъ крѣпостныхъ, государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ свободны отъ выкупного долга, и, слѣдовательно, положеніе о выкупѣ на нихъ не распространяется. Но оно сохраняетъ свое значеніе по отношенію къ сельскимъ жителямъ Западнаго края, переведеннымъ на выкупъ по положенію о чиншевикахъ, вольныхъ людяхъ, православныхъ арендаторовъ, по отношенію къ посесіоннымъ крестьянамъ, землеустройство которыхъ производится въ настоящее время, и нѣкоторыхъ другихъ болѣе мелкихъ разрядовъ крестьянъ, землеустройство которыхъ производилось на особыхъ основаніяхъ.

Общее положеніе о крестьянахъ въ настоящее время съ отмѣной выкупныхъ платежей въ полномъ объемѣ распространяется на бывшихъ крѣпостныхъ, бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ и бывшихъ государственныхъ крестьянъ Европейской Россіи.

Но на государственныхъ крестьянъ Сибири распространяется только часть общаго положенія, касающаяся общественнаго устройства крестьянъ и то съ дополненіями и измѣненіями, спеціально въ законѣ указанными.

Изъ изложеннаго легко усмотрѣть, какъ пестро и неясно дѣйствующее законодательство о правахъ крестьянъ на надѣльную землю даже съ формальной стороны, съ точки зрѣнія примѣнимости или непримѣнимости данныхъ постановленій закона къ данному разряду крестьянъ. Не менѣе пеструю картину представляетъ законодательство о правахъ собственности на надѣльную землю по существу.

Указъ 9 ноября и законъ 14 іюня 1910 г. стремившіеся яко бы утвердить среди крестьянъ мысль о неприкосновенности права собственности совершенно не коснулись и не измѣнили юридическаго положенія надѣльныхъ земель въ отношеніи ограниченій правъ собственности, имѣющихся въ дѣйствующемъ правѣ.

А эти ограниченія, въ особенности при дѣйствіи положенія о выкупѣ, были столь велики, что въ одномъ изъ рѣшеній Сената высказано даже сомнѣніе, можно ли назвать собственность крестьянъ на надѣльную землю дѣйствительнымъ правомъ собственности и не есть ли это по существу только право потомственного пользованія?

Извѣстный знатокъ крестьянскаго законодательства, покойный Тернеръ, излагая законы объ ограниченіи правъ крестьянъ на надѣль-

ные земли, справедливо говоритъ, что „такое ограниченное право собственности мало отличается отъ права безсрочнаго владѣнія“ ¹⁾.

Въ настоящее время крестьяне Европейской Россіи, какъ мы видѣли, пользуются на надѣльныхъ земляхъ правомъ собственности въ составѣ сельскихъ обществъ (общинная собственность и общественная собственность сельскихъ обществъ подворныхъ владѣльцевъ землями, не входящими въ составъ подворныхъ участковъ), правомъ общей семейной собственности подворныхъ владѣльцевъ, семьи которыхъ состоятъ изъ боковыхъ родственниковъ и правомъ индивидуальной собственности домохозяевъ на подворный участокъ въ семьяхъ, состоящихъ изъ домохозяина и его нисходящихъ.

Право собственности обществъ (общинная и общественная) ограничено въ правѣ распоряженія запрещеніемъ продавать земли безъ соотвѣстнаго разрѣшенія. Для продажи обществомъ земли не только необходимо составить приговоръ ^{2/3} домохозяевъ, но необходимо исключать утвержденіе приговора губернскимъ присутствіемъ и кромѣ того, получить разрѣшеніе центральныхъ вѣдомствъ, въ томъ случаѣ, если стоимость отчуждаемаго участка выше пятисотъ рублей. Разрѣшеніе дается по соглашенію Министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, а если участокъ отчуждается для горнопромышленныхъ цѣлей Главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ.

Право распоряженія подворныхъ собственниковъ ограничено запрещеніемъ продавать участки лицамъ, не приписаннымъ или не приписывающимся къ сельскимъ обществамъ.

Всѣ надѣльные земли воспрещено отдавать въ залогъ частнымъ лицамъ и учрежденіямъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ всѣ надѣльные земли свободны отъ обращенія на нихъ взысканій по частнымъ долгамъ и обязательствамъ и отъ продажи ихъ по рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ ²⁾.

Но законъ не только ограничиваетъ право отчужденія надѣльныхъ земель, онъ простираетъ свое пощеніе и на деньги, отъ отчужденія полученныя. Деньги, полученныя обществами за принудительно для государственныхъ цѣлей отчужденную землю должны быть обращены въ процентныя бумаги и отданы на храненіе въ Государственный Банкъ. Общества могутъ пользоваться процентами съ этихъ денегъ, но самый капиталъ могутъ употребить только на покупку обществомъ же земли и то съ особаго каждый разъ разрѣшенія Министра внутреннихъ дѣлъ и финансовъ.

¹⁾ Тернеръ. Государство и землевладѣніе. Спб. 1901 г. Т. II, стр. 391.

²⁾ Ст. 18—20 общ. пол. о кр. суд. 1902 г., введенныя въ сводъ изъ закона 14 декабря 1893 года о неотчуждаемости надѣльныхъ земель.

Для подворныхъ владѣльцевъ въ положеніи о выкупѣ также имѣлось ограничительное постановленіе, въ силу котораго деньги, причитающіяся за принудительно отчуждаемую землю, отсылались въ казначейство для зачета въ счетъ выкупной ссуды.

Съ прекращеніемъ выкупныхъ платежей подворные владѣльцы въ настоящее время свободны отъ этого ограниченія и деньги должны быть имъ выдаваемы на руки.

Надѣльные земли ограничены въ отношеніи разработки нѣдръ.

При дѣйствіи положенія о выкупѣ существовали особые правила, основанныя на законѣ 3 іюня 1892 года ¹⁾, въ силу которыхъ при сдачѣ надѣльныхъ земель въ аренду для разработки каменнаго угля, желѣзныхъ и другихъ рудъ, а также подъ разработку нефти крестьяне собственники надѣльныхъ земель обязаны были составлять письменныя условія съ разрѣшенія губернскихъ присутствій, которыя могли дать такое разрѣшеніе только въ опредѣленныхъ случаяхъ. Разрѣшеніе могло быть дано если подъ разработку отдаются неудобныя земли, если удобная земля, отдаваемая подъ разработку, не превышаетъ одной десятой части поверхности всего надѣльнаго участка, на которомъ лежитъ выкупной долгъ, и притомъ если въ теченіе десяти лѣтъ будетъ погашенъ вознагражденіемъ за добычу ископаемыхъ весь выкупной долгъ, или въ случаѣ заключенія договора на срокъ болѣе десяти лѣтъ, если не менѣе половины вознагражденія будетъ отчисляться на погашеніе этого долга.

Съ уничтоженіемъ выкупныхъ платежей указанное ограниченіе потеряло свое значеніе для подворныхъ владѣльцевъ, свободныхъ отъ выкупного долга.

Но для земель, составляющихъ общинную собственность, существуетъ особое ограниченіе, основанное на законѣ 2 мая 1895 года ²⁾, въ силу котораго члены общины лишены права безъ приговора, утвержденнаго земскимъ начальникомъ, производить разработку нѣдръ на общинныхъ земляхъ. Въ случаѣ же отдачи права на разработку постороннему лицу, договоръ можетъ быть составленъ только съ разрѣшенія губернскаго присутствія, а арендная плата должна непременно распределяться указаннымъ въ законѣ способомъ: $\frac{1}{3}$ ея должна идти въ мірской капиталъ, а двѣ трети обращаются въ процентныя бумаги и должны храниться въ Государственномъ Банкѣ. Общества

¹⁾ Правила эти потомъ вошли въ приложение къ примѣчанію 2-му къ 108 ст. пол. о вык.

²⁾ Приложение къ 16 ст. общ. пол. о кр.

могутъ пользоваться процентами хранящагося капитала, но капиталъ могутъ употребить, такъ же какъ и вознагражденіе за принудительно-отчуждаемая земли, только на приобрѣтеніе съ разрѣшенія Министра внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, недвижимой собственности.

Такимъ образомъ въ настоящее время послѣ отмѣны выкупныхъ платежей, надѣльные земли, состоящія въ общинной и общественной собственности ограничены несравненно больше, чѣмъ собственники подворныхъ участковъ, свободные отъ выкупного долга.

Но, тѣмъ не менѣе, и собственники подворныхъ участковъ, какъ видно изъ изложеннаго выше, значительно ограничены въ сравненіи съ собственниками внѣ надѣльныхъ земель. Имъ запрещено закладывать надѣльные земли, запрещено продавать ихъ не крестьянамъ, приписаннымъ или приписывающимся къ сельскимъ обществамъ.

Свободны ли они въ завѣщательныхъ распоряженіяхъ? До указа 9 ноября завѣщательныя распоряженія относительно надѣльныхъ земель не допускались. Сенатъ въ рѣшеніи общаго собранія 1, 2 и Касс. Деп. 3 ноября 1897 года за № 29, подробно разсмотрѣвъ вопросъ о допустимости завѣщательныхъ распоряженій относительно надѣльныхъ земель пришелъ категорически къ отрицательному выводу и не на основаніи 13 ст. общ. пол., опредѣляющей, что наслѣдованіе крестьянъ опредѣляется мѣстными обычаями, а на основаніи установленія свойства надѣльной собственности, исключаяющей возможность завѣщательныхъ распоряженій.

Въ цитированномъ рѣшеніи Сенатъ, обзрѣвъ всѣ указанія крестьянскихъ законовъ о свойствѣ надѣльной собственности, пришелъ къ заключенію, что на основаніи законовъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, владѣльцами надѣльныхъ земель являются или сельскія общества или *крестьянскій дворъ, какъ лица юридическія*. Организція и порядокъ, дѣйствія сельскихъ обществъ установлены самымъ закономъ (40, 41, 47 и 57 ст. общ. пол.). Организція двора, какъ лица юридическаго, хотя прямо въ законѣ не опредѣлена, но по отдѣльнымъ указаніямъ, имѣющимся въ законѣ, выяснена, въ порядкѣ разъясненія законовъ, рѣшеніями Прав. Сената.

„Разъ же земли крестьянскаго надѣла, продолжаетъ Сенатъ, находятся во владѣніи лицъ юридическихъ, онѣ уже въ силу природы такихъ лицъ завѣщанію подлежатъ не могутъ. Такимъ образомъ и особый видъ владѣнія, установленный для крестьянъ-собственниковъ по отношенію надѣльныхъ земель, объясняемый особымъ общегосударственнымъ значеніемъ послѣднихъ, и созданный въ видахъ сохранности такого земельного обезпеченія путемъ ограниченія права крестьянъ

распоряженія ими, и состояніе надѣльных земель во владѣніи неотдѣльных крестьянъ, а или обществъ или крестьянскихъ дворовъ приводятъ къ выводу, что по общему смыслу законовъ относительно надѣльных земель слѣдуетъ признать, что *земли эти не могутъ подлежать завѣщательнымъ распоряженіямъ*“.

Какъ измѣнилось право завѣщательнаго распоряженія съ изданіемъ новыхъ землеустроительныхъ законовъ будетъ сказано при обзорѣ наследственнаго права крестьянъ.

Кромѣ указанныхъ выше ограниченій крестьянской надѣльной собственности существуютъ еще указанныя нами въ предыдущей главѣ, при изложеніи свойствъ подворнаго владѣнія, ограниченія, изложенныя въ мѣстныхъ положеніяхъ, связанныя съ раздробленіемъ надѣла.

Эти ограниченія также сохраняютъ свою силу, несмотря на всю ихъ искусственность, нецелесообразность и стѣснительность для крестьянъ.

РАЗДѢЛЪ II.

Особенности въ сферѣ не только поземельныхъ, но и имущественныхъ правъ крестьянъ.

ГЛАВА I.

Семейная собственность у крестьянъ.

Строй имущественныхъ отношеній крестьянъ, въ сферѣ семейной въ значительной степени связанъ съ строемъ поземельныхъ отношеній—который, въ свою очередь, связанъ съ организаціей трудового семейнаго хозяйства.

Основная особенность въ этой области—общность семейнаго имущества у крестьянъ. Эта особенность до новыхъ землеустроительныхъ законовъ была распространена на всемъ пространствѣ Россіи, среди всего крестьянскаго населенія ея.

И эта особенность является не только институтомъ обычнаго права. Она воспринята и писаннымъ правомъ.

Какъ институтъ обычнаго права, общность семейной собственности признается изслѣдователями обычнаго права за начало, свойственное всему крестьянству. Обычно-правовой матеріалъ въ разсматриваемомъ вопросѣ подвергся очень обстоятельной разработкѣ въ цитированныхъ уже нами не разъ работахъ Ефименко и Пахмана, а также въ чрезвычайно цѣнныхъ трудахъ проф. Оршанскаго: „Народный судъ и народное право“, печатавшихся въ журн. гражд. и угол. права за 1875 годъ и въ его соч. „Изслѣдованія по русскому праву обычному и брачному“ Спб. 1879 года.

Извѣстно, что въ русской юридической литературѣ долго велся споръ о томъ, слѣдуетъ ли смотрѣть на семейный союзъ у крестьянъ, какъ на трудовое товарищество или нѣтъ? Ефименко и Оршанскій защищали первый взглядъ. Пахманъ отрицалъ его.

Впрочемъ еще раньше Ефименко и Оршанскаго, Калачевъ въ статьѣ „Юридическіе обычаи крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ“, помѣщенной въ „Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній,

относящихся къ Россіи“, за 1859 годъ, первый высказалъ взглядъ, что крестьянская семья есть хозяйственный союзъ, состоящій изъ родственниковъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и изъ принятыхъ въ семью лицъ, и что существующая у крестьянъ общность семейнаго имущества основана на трудовомъ началѣ.

Ефименко и Оршанскій поддержали это мнѣніе обширнымъ матеріаломъ по обычному праву, ими разработаннымъ, и пришли къ выводу о томъ, что все имущество крестьянъ принадлежитъ не личности домохозяина, а всей семьѣ. Глава семьи—только распорядитель хозяйства.

Такой строй семьи проявляется очень рельефно не только въ такъ называемой сложной семьѣ, но и въ семьѣ простой, состоящей изъ домохозяина и его нисходящихъ. Конечно, тогда, когда семья состоитъ изъ отца и нисходящихъ малолѣтнихъ дѣтей личность домохозяина воплощаетъ собой волю семьи и права такого домохозяина, поглощая права членовъ семьи—приближаются къ праву единоличной индивидуальной собственности домохозяина на семейное имущество. Общность семейной собственности здѣсь сказывается только послѣ смерти домохозяина въ обычаяхъ, связанныхъ съ наследственнымъ правомъ. Обычай препятствуютъ произвольному распоряженію домохозяина на случай смерти и обезпечиваютъ за членами такой маленькой семьи ихъ право на семейное имущество послѣ смерти отца.

Въ простой семьѣ, состоящей изъ домохозяина и взрослыхъ сыновей, общность семейной собственности проявляется уже рельефнѣе. Она сказывается здѣсь не только послѣ смерти домохозяина, но и при жизни его. Сыновья, сдѣлавшись работниками, нерѣдко вступивъ въ бракъ и обзаведясь своей семьей, остаются въ семьѣ отца какъ бы по молчаливому соглашенію, сдѣлавшись участниками всей семейной собственности. Участвуя въ общемъ хозяйствѣ они вкладываютъ въ него свой трудъ и по народнымъ возрѣніямъ, приобретаютъ неотъемлемое право въ общемъ имуществѣ. Это право проявляется особенно рѣзко въ семейныхъ раздѣлахъ, которые производятся не только съ согласія и по инициативѣ домохозяина, но нерѣдко и противъ воли послѣдняго, по требованію младшаго члена семьи. Народный обычай, сказывающійся въ рѣшеніяхъ сходовъ, при общинномъ владѣніи и въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, при подворномъ владѣніи, разрѣшаетъ принудительный для домохозяина семейный раздѣлъ, въ случаяхъ доказаннаго расточительнаго образа жизни домохозяина, въ случаяхъ недостаточной заботливости его о членахъ семьи, въ случаяхъ семейныхъ раздоровъ, препятствующихъ мирному сожитію и мирному со-

трудничеству всѣхъ членовъ семьи. Младшій членъ семьи получаетъ право требовать себѣ выдѣлъ изъ общаго семейнаго имущества, право, которое не могло бы допускаться, если бы имущество такой семьи считалось индивидуальной собственностью домохозяина.

Отъ организаціи такой простой семьи слѣдуетъ отличать организацію сложной семьи, состоящей изъ домохозяина, его нисходящихъ и изъ боковыхъ его родственниковъ, живущихъ совмѣстно и ведущихъ общее хозяйство. Правда, изслѣдователи отмѣчаютъ уменьшеніе состава сложныхъ семей, прежде состоящихъ нерѣдко изъ большого числа боковыхъ родственниковъ. Но все-таки большія сложные семьи встрѣчаются въ крестьянскомъ быту еще не рѣдко. А малыя сложные семьи, состоящія изъ братьевъ, дядей и племянниковъ очень распространены. Въ такія сложные семьи нерѣдко вступаютъ и посторонніе, пріемыши, усыновленные и въ особенности такъ называемые зятя-примаки.

Примакомъ называется зять, перешедшій жить и участвовать въ хозяйствѣ семьи своей жены. Такіе зятя-примаки дѣлаются членами семьи и получаютъ право на участіе въ общемъ семейномъ имуществѣ.

Въ указанныхъ сложныхъ семьяхъ общность семейнаго имущества сказывается уже совершенно опредѣленно, приближаясь къ формѣ недоговорной, обычно-установившейся, семейной артели. Въ такихъ сложныхъ семьяхъ роль домохозяина, только какъ распорядителя общаго хозяйства выясняется въ многочисленныхъ обычаяхъ, регулирующихъ участіе младшихъ членовъ семьи въ главныхъ моментахъ имущественной жизни семьи.

Проф. Пахманъ отрицаетъ аналогію между семьей и артелью. Онъ вообще склоненъ во многихъ проявленіяхъ власти главы семьи видѣть наклонность народной жизни къ переходу къ тому типу, при которомъ семейное имущество становится индивидуальной собственностью главы семьи.

Но поэтому-то особенно цѣннымъ является констатированіе Пахманомъ тѣхъ особенностей въ семейномъ правѣ крестьянъ, которые подмѣчены имъ изъ цѣлага многочисленнаго ряда рѣшеній волостныхъ судовъ и отвѣтовъ крестьянъ, на вопросы объ ихъ обычаяхъ.

Во второмъ томѣ своего сочиненія объ обычномъ правѣ, Пахманъ такъ характеризуетъ существенную особенность крестьянской семьи, „насколько она нынѣ представляется преобладающею“ ¹⁾. Эта осо-

¹⁾ Пахманъ, С. В. „Обычное гражданское право въ Россіи“. Томъ 2. Спб. 1879 г., стр. 3 и слѣд.

бенность заключается, по его словамъ, „въ совмѣстномъ хозяйствѣ болѣе или менѣе значительнаго числа членовъ семьи, со включеніемъ въ этотъ союзъ и такихъ лицъ, которыя въ другихъ классахъ живутъ обыкновенно своимъ отдѣльнымъ хозяйствомъ. Такое общеніе образуется вслѣдствіе того, что кромѣ дѣтей, которымъ по самому возрасту не наступила еще пора для самостоятельнаго хозяйства, въ отцовской семьѣ, въ одномъ и томъ же домѣ, остаются нерѣдко также взрослые сыновья, вмѣстѣ съ женами и собственными дѣтьми, а иногда и замужнія дочери, также съ мужьями и дѣтьми. Всѣ эти лица живутъ вмѣстѣ, нераздѣльно, на общемъ хозяйствѣ и притомъ иногда въ теченіе весьма продолжительнаго времени. Даже смерть отца, главы семейства, далеко не всегда ведетъ къ раздробленію семьи, такъ что общесемейное хозяйство остается въ томъ же нераздѣльномъ видѣ, съ замѣной лишь прежняго домохозяина новымъ, хотя такое общеніе утрачиваетъ уже значеніе естественной, природной семьи и получаетъ характеръ искусственнаго единенія ради общности хозяйства. Какъ бы то ни было, семья, какъ единица хозяйственная, представляетъ собой, при указанныхъ выше условіяхъ, нерѣдко совокупность нѣсколькихъ семействъ, живущихъ совмѣстно въ одной общей семьѣ: эта-то форма хозяйственнаго общенія и составляетъ главнымъ образомъ ту особенность, которая и понынѣ признается преобладающей въ строѣ нашей крестьянской семьи“.

Этимъ описаннымъ характеромъ крестьянской семьи Пахманъ объясняетъ и многія болѣе или менѣе важныя явленія, имѣющія отношеніе къ области права.

Главнѣйшими изъ этихъ явленій Пахманъ справедливо считаетъ:

1. Фактъ малаго развитія при нераздѣльности семьи и общности хозяйства частной, индивидуальной собственности. „Крестьяне многихъ мѣстностей, говоритъ Пахманъ, при разспросахъ прямо заявляли, что у членовъ семьи отдѣльной собственности нѣтъ“.

Фактомъ отсутствія (или слабаго развитія) въ семьѣ частной собственности объясняется то явленіе, что самостоятельныя распоряженія, относящіяся къ имуществу, доступны весьма немногимъ, такъ какъ сдѣлки, заключаемыя членами семьи, рассматриваются обыкновенно какъ сдѣлки, заключаемыя отъ имени самой семьи.

2. Общностью семейнаго имущества объясняются ограниченія, существующія для домохозяина относительно права распоряженія имуществомъ. Власть отца, какъ главы семейства, хотя повсюду и признается, но стѣсняется въ тѣхъ случаяхъ, когда его дѣйствія или распоряженія клонятся къ ущербу семейнаго хозяйства или къ явной

обидѣ тому или другому члену семьи. На этомъ основаніи, всѣ сдѣлки и распоряженія, ведущія къ разстройству хозяйства, даютъ право обществу (при общинномъ владѣніи) и волостному суду (при подворномъ), замѣнить его право объявлять такія распоряженія недѣйствительными или даже устранять отца семьи отъ управленія хозяйствомъ.

Точно также, хотя за отцомъ признается право, при жизни своей выдѣлять дѣтей по своему личному усмотрѣнію, но иногда общество вступаетъ за тѣхъ членовъ семьи, которые могли бы сами основать отдѣльное хозяйство и стать самостоятельными и надежными членами общины. Наконецъ и свобода распоряженія имуществомъ на случай смерти обыкновенно стѣснена кругомъ лицъ, принадлежащихъ къ семьѣ, такъ что воля завѣщателя относится не столько къ выбору лицъ, какъ преемниковъ по имуществу, сколько къ распредѣленію его между тѣми же членами семьи, которые жили совмѣстно и содѣйствовали поддержанію хозяйства.

И наконецъ, 3) при распредѣленіи имущества между отдѣльными членами семьи обращается вниманіе на мѣру труда и участіе въ накопленіи семейнаго имущества.

Въ результатъ своего изслѣдованія Пахманъ констатируетъ проявленіе въ обычномъ правѣ крестьянъ, касающихся семейной собственности, наличность борьбы между правами всей семьи, какъ совокупности всѣхъ участвующихъ въ хозяйствѣ лицъ, и правами главы семьи, который старается изъ распорядителя общаго семейнаго имущества сдѣлаться его индивидуальнымъ собственникомъ.

Такая борьба несомнѣнно существуетъ, но при дѣйствіи обычнаго права она рѣдко оканчивается торжествомъ власти домохозяина.

Г. Мухинъ, дѣлавшій сводку матеріаловъ по наследственному обычному праву для редакціонной комиссіи по составленію проекта новаго гражданскаго уложенія совершенно справедливо говоритъ: „Факты доказываютъ, что и въ настоящее время семейная собственность, въ значеніи самостоятельнаго юридическаго института, не только не мнѣе и не отживающее явленіе, но имѣетъ глубокіе корни въ народномъ сознаніи и заслуживаетъ столь же серьезнаго вниманія, какъ и частная собственность“ 1).

Такое понятіе семейной собственности очень ясно сказалось въ отвѣтахъ, записанныхъ въ трудахъ комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, изслѣдовавшей въ 70-хъ годахъ, по разспросамъ крестьянъ и по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ—обычное право крестьянъ.

1) Мухинъ, В. Ф. „Обычный порядокъ наследованія у крестьянъ“. Спб. 1888 года.

Въ этихъ отвѣтахъ крестьяне прямо заявляли вопрошавшимъ: „имущество составляетъ собственность всей семьи, въ лицѣ старшаго въ семьѣ“ ¹⁾, „отдѣльной собственности у членовъ одной семьи не бываетъ“ ²⁾, „все имущество, приобретенное отдѣльными членами семьи, считается общимъ имуществомъ семьи“ ³⁾.

При такомъ строѣ семейныхъ отношеній естественно, что домохозяинъ, по обычному праву, только распорядитель общаго имущества. Если глава семьи—отецъ—власть его сильнѣе, но если домохозяинъ (большакъ) стоитъ во главѣ сложной семьи—его распоряженія признаются обязательными и имѣющими силу лишь до тѣхъ поръ, пока они не идутъ въ разрѣзъ съ интересами семьи. Поэтому, если распоряженія такого главы семьи влекутъ за собой ущербъ семейному имуществу, то обыкновенно это ведетъ къ двумъ послѣдствіямъ: раздѣлу семьи и раздѣлу семейнаго имущества, или къ смѣнѣ большака домохозяина.

Въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ мы часто встрѣчаемъ запрещеніе домохозяину закладывать, продавать или иными способами отчуждать, безъ согласія членовъ семьи, семейное имущество.

Напримѣръ, въ трудахъ упомянутой комиссіи мы встрѣчаемся съ такимъ рѣшеніемъ. Сынъ жалуется, что отецъ разстраиваетъ хозяйство, „таскаетъ со двора“ (выраженіе характерное, ибо какъ бы можно сказать „таскаетъ со двора“ по отношенію къ собственнику), что упадетъ и закладываетъ за вино. Судъ рѣшаетъ: отобрать у залогопринимателей заложенные вещи и удалить отца отъ управленія домохозяйствомъ, передавъ таковое сыну ⁴⁾.

По другому рѣшенію судъ запрещаетъ домохозяину продажу недвижимаго имѣнія, потому что въ семьѣ есть малолѣтнія дѣти неотдѣленнаго умершаго сына, а имущество это „должно принадлежать, въ случаѣ смерти домохозяина, внукамъ“.

Мы имѣемъ многочисленныя рѣшенія волостныхъ судовъ въ трудахъ комиссіи, изъ которыхъ усматривается насколько часты случаи устраненія по суду домохозяина отъ „большины“ и передачи ея женѣ или сыну вслѣдствіе нерадѣнія, дурного поведенія, а иногда и просто преклонности лѣтъ ⁵⁾.

¹⁾ Труды комиссіи. Т. V, 533.

²⁾ Т. VI, 83.

³⁾ Т. V, 649.

⁴⁾ Труды. Т. II, 276.

⁵⁾ Труды. III, 148, II, 156, 264 и мн. др. Сравни соч. кн. Кострова „Юридическіе обычаи крестьянъ старожиловъ Томской губ. Томскъ“. 1886 г. Статью Бравина въ Нижегородскомъ сборникѣ. Нижн. Новг. 1875 г. Т. V.

Но интереснѣе всего, какъ показатель отсутствія правъ собственности у отца семьи, если онъ по принужденію или другой причинѣ смѣщенъ и пересталъ быть домохозяиномъ, уступивъ власть младшему члену семьи—многочисленные иски отцовъ—бывшихъ домохозяевъ о выдѣлѣ имъ изъ ихъ же семейнаго имущества части „на прожитокъ“ ¹⁾. Здѣсь уже мы наблюдаемъ не злоупотребленіе отцовской властью, а притѣсненіе отца младшими членами семьи, что, конечно, наиболѣе ярко свидѣтельствуетъ о томъ, что по народному взгляду имущество семьи не составляетъ личной собственности отца.

Общность семейнаго имущества, какъ мы говорили, имѣетъ своимъ основаніемъ и нормы писаннаго права, касающихся земельныхъ отношеній. Рельефнѣе всего она выражена въ законахъ и въ судебной практикѣ, толкующей эти законы по отношенію къ подворному владѣнію, такъ какъ по отношенію къ нему и законодательству и судебной практикѣ пришлось ближе столкнуться съ необходимостію резюмировать семейныя имущественныя отношенія. При общинномъ владѣніи всѣ семейные споры разрѣшаются на сходѣ общиной и рѣдко доходятъ до суда.

Въ мѣстномъ малороссійскомъ положеніи, которое регулируетъ поземельныя отношенія, связанныя съ подворной формой землевладѣнія, какъ мы уже упоминали, прямо выражено, что подворные участки остаются въ потомственномъ пользованіи „семействъ“ (66 ст. кн. IV ос. пр. къ 18 ст. св. зак.). Также говоритъ мѣстное положеніе Кіев., Под. и Вол. губ. (ст. 101 той же книги). Совершенно тождественное выраженіе закона мы встрѣчаемъ въ мѣстномъ положеніи для Виленской, Гродненской, Ковенской и части Минской губ.: „Подворные участки крестьянскаго надѣла, говоритъ это положеніе (усадебной и полевой земли) остаются въ потомственномъ пользованіи крестьянскихъ *семействъ*, владѣющихъ ими, безъ всякаго со стороны общества вмѣшательства въ распоряженія сими участками“ (ст. 148 той же книги). Наконецъ, близкое къ подворному, если не тождественное съ нимъ по буквѣ закона, владѣніе усадьбами при общинномъ владѣніи, также опредѣляется закономъ не какъ владѣніе индивидуальное, а какъ владѣніе семейное.

Мѣстное великороссійское положеніе говоритъ по этому поводу: „усадебная земля каждаго крестьянскаго двора остается въ потомственномъ пользованіи проживающаго въ томъ дворѣ *семейства*“ (ст. 15 той же книги).

¹⁾ Труды. Т. II, 529, Т. VI, 109 и др. Подобныя рѣшенія до сихъ поръ нерѣдко доходятъ до 2 Деп. Прав. Сената.

При такой определенности закона не может быть и речи об единоличном правѣ на надѣлъ домохозяина и хотя выраженіе 116 ст. пол. о вык., говорящей, что участки, приобретенные не всѣмъ обществомъ, а отдѣльными домохозяевами, составляютъ личную собственность каждого, даютъ нѣкоторымъ писателямъ основаніе утверждать, что подворные участки должны считаться собственностью домохозяина, но это, очевидно, недоразумѣніе, ибо 116 ст. имѣетъ въ виду только указать на независимость подворнаго владѣльца отъ общества, а следовательно неясность ея выраженія по поводу субъекта правъ подворнаго владѣнія не можетъ измѣнить яснаго и не допускающаго сомнѣній текста приведенныхъ статей мѣстныхъ положеній.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ такимъ характеромъ опредѣленій закона, по которому домохозяева являются только распорядителями семейнаго хозяйства, стоятъ и статьи, опредѣляющія способы обезпеченія уплаты выкупныхъ платежей и окладныхъ сборовъ при подворномъ владѣніи. По общему положенію о кр. до отмѣны круговой поруки и до введенія въ дѣйствіе закона 1899 года о способахъ взысканія окладныхъ сборовъ сельское общество подворнаго владѣнія могло, въ случаѣ накопленія недоимки у подворнаго владѣльца, смѣнить домохозяина и назначить таковымъ младшаго члена семьи. По пол. о выкупѣ въ случаѣ накопленія недоимки въ выкупномъ платежѣ то же могло сдѣлать волостное начальство. Очевидно, такая смѣна не могла быть опредѣлена закономъ, если бы законъ смотрѣлъ на домохозяина не какъ на распорядителя только семейнаго имущества, а какъ на индивидуальнаго собственника. Не могло бы имѣть мѣсто и постановленіе закона объ отдачѣ при накопленіи недоимки младшаго члена семьи на заработки. Всѣ эти постановленія закона съ полной убѣдительностью доказываютъ, что законодатель смотрѣлъ на крестьянскую семью какъ на родъ коллективнаго союза, товарищества, совместно участвующаго въ правахъ на имущество, совместно ведущаго хозяйство, совместно и отвѣчающаго въ исправномъ отбываніи платежей и повинностей.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ такими постановленіями закона была и наша судебная практика, выраженная въ цѣломъ рядѣ рѣшеній 2 Департамента Сената, гражданскаго кассационнаго департамента и общаго собранія 1, 2 и касс. деп. Сената.

Мы приведемъ здѣсь наиболѣе опредѣленные рѣшенія Сената. Въ рѣш. общаго собранія 1, 2 и касс. деп. Прав. Сен. 1898 г. № 2 Сената говорить: „Не только при общинномъ, но и при подворномъ владѣніи усадьбой и полевой надѣлъ составляетъ не личную соб-

ственность домохозяина, на котораго участокъ записанъ въ актахъ, а общую собственность всего крестьянскаго двора или семейства. Старшій членъ семьи, домохозяинъ, является только представителемъ двора передъ сельскимъ обществомъ и правительствомъ“. Въ рѣшеніи того же общаго собранія 1897 г. № 29 Сенатъ между прочимъ говорить, что особенность владѣнія крестьянъ участками, надѣленными въ подворное владѣніе, заключается въ томъ, что „надѣленіе подворныхъ участковъ въ потомственное пользованіе семей, при выкупѣ участковъ, создаетъ право собственности на такой участокъ не для отдѣльнаго крестьянина, за которымъ участокъ записанъ, а за цѣлымъ дворомъ, за семьей и домохозяинъ, за которымъ участокъ записанъ, является лишь распорядителемъ хозяйства и представителемъ семьи, причемъ владѣніе участкомъ семьей не представляетъ владѣнія на правѣ общей собственности въ томъ смыслѣ, въ какомъ подобная собственность разумѣется общими, гражданскими законами (543 и сл. ст. т. X ч. 1)“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Сенатъ призналъ, что семья по смыслу крестьянскаго права не есть родственный союзъ, а союзъ трудовой. Поэтому тѣ члены семьи, которые вышли изъ трудового союза, теряютъ право на семейное имущество и, наоборотъ, лица, хотя и постороннія, но вошедшія въ семью, получаютъ участіе въ общей семейной собственности.

„При подворномъ владѣніи участкомъ, земли составляютъ принадлежность крестьянскаго двора или семьи, притомъ *семьи не родственной*, а рабочей“, говоритъ Сенатъ ¹⁾.

„Право потомственнаго пользованія подворнымъ надѣломъ опредѣляется не одними родственными отношеніями крестьянъ между собою, но и принадлежностью къ составу той рабочей семьи, на имя домохозяина которой выдана данная“ ²⁾.

Здѣсь необходимо упомянуть еще объ одномъ почти законодательнаго характера толкованіи закона, выраженномъ въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта 4 января 1888 года по дѣлу Анны Армаласъ. Дѣло это возбудило разногласіе въ департаментѣ Сената и въ общемъ собраніи и перешло въ Государственный Совѣтъ, мнѣніе котораго получило Высочайшее утвержденіе. Хотя рѣшеніе это касается государственныхъ крестьянъ западныхъ губерній, но мотивы его дѣлаютъ примѣнимымъ ко всякому подворному вла-

¹⁾ См. рѣш. гражд. касс. деп. II. С. 82 г. № 147, 94 г. № 88, общ. собр. 1, 2 и касс. деп. 1895 г. № 45 и др.

²⁾ Рѣш. гражд. касс. деп. С. 94 г. № 2, общ. собр. 1, 2 и касс. деп. 92 г. № 42.

дѣлю, такъ какъ даже спеціальныя указанія, связанныя съ правилами о люстраціи могутъ быть замѣнены совершенно тождественными указаніями, имѣющимися въ другихъ соотвѣствующихъ, опредѣлявшихъ порядокъ отводовъ, подворныхъ надѣловъ.

Государственный Совѣтъ въ указанномъ дѣлѣ останавливается на разрѣшеніи общаго вопроса: „составляютъ ли земли и угодія, отведенныя въ надѣлъ бывшимъ государственнымъ крестьянамъ западныхъ губерній, личную собственность отдѣльныхъ крестьянъ, на имя которыхъ выдана данная на тѣ земли или же общую собственность всего крестьянскаго двора или семейства“.

Разрѣшая этотъ вопросъ, Государственный Совѣтъ нашелъ, что „въ основаніе крестьянской реформы положено то начало, что за крестьянами сохраняется усадебная ихъ оцѣдка, и сверхъ того для обезпеченія ихъ быта, имъ предоставляется въ постоянное пользованіе и, по выкупѣ, въ собственность опредѣленное количество полевой земли и угодій (ст. 3 общ. пол.), причемъ въ составъ крестьянъ, которымъ отводится надѣлъ землею, входятъ всѣ лица, записанныя въ селеніи по X ревизіи (ст. 5 и 6 мѣстн. пол. Великоросс. и Малоросс.). Такимъ образомъ, цѣль правительства была обезпечить земельный бытъ всего крестьянскаго населенія, а не отдѣльныхъ лицъ онаго; присвоеніе же усадебной и полевой земли лишь однимъ дворохозяевамъ, безъ всякаго права на оную остальныхъ членовъ ихъ семействъ, было бы равносильно обезземеленію большинства крестьянскаго населенія. Исходя изъ этого общаго начала, крестьянскія положенія неоднократно упоминаютъ, что надѣльные земли могутъ быть выкупаемы отдѣльными крестьянскими дворами (полож. о вык. ст. 131), причемъ до погашенія выкупной ссуды „пріобрѣтенная отдѣльнымъ крестьянскимъ дворомъ земля“ не можетъ быть представлена въ залогъ (ст. 170); затѣмъ, „каждый крестьянинъ, принадлежащій къ составу крестьянскаго двора, пріобрѣтшаго землю въ личную собственность, съ выдачею выкупной ссуды отъ правительства, можетъ требовать увольненія изъ общества, если на сіе изъявитъ согласіе домохозяинъ, на ближайшей отвѣтственности котораго лежитъ исправный взносъ выкупныхъ платежей“ (ст. 176). Согласно съ симъ и мѣстныя положенія опредѣляютъ, что усадебныя земли cadaго крестьянскаго двора остаются въ потомственномъ пользованіи проживающаго въ томъ дворѣ семейства (мѣстн. пол. Великоросс. ст. 110), что въ такомъ же потомственномъ пользованіи крестьянскихъ семействъ остаются подворные участки крестьянскаго надѣла (ст. 81 мѣстн. пол. западн. губ.), и что усадебный или полевой участокъ считается упразднив-

шимся по выходѣ семейства изъ общества (ст. 111 и 117 мѣстн. пол. Великоросс.). Поэтому въ западныхъ губерніяхъ при переводѣ въ 1863 г. помѣщичьихъ крестьянъ на выкупъ и составленіи повѣрочными комиссіями выкупныхъ на крестьянскіе надѣлы актовъ, повелѣно было въ сихъ актахъ означать, сколько именно выкупается земли каждымъ крестьянскимъ дворомъ и какъ великъ назначенный съ cadaго двора оброкъ (п. 8 прил. къ ст. 6, примѣч. 2, правилъ о прекр. обяз. отнош. крест. въ 9-ти западн. губ., особ. прил. къ т. IX, изд. 1876 г.). *Буквальный смыслъ приведенныхъ узаконеній не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что выкупаемый крестьянами усадебный и полевой надѣлъ составляетъ общую собственность всего крестьянскаго двора или семейства, а не личную собственность отдѣльныхъ членовъ онаго.* Если же въ нѣкоторыхъ статьяхъ крестьянскихъ положеній употребляются выраженія „пріобрѣтеніе земли въ личную собственность домохозяина“ (примѣч. къ ст. 34 пол. о вык.), „участки, пріобрѣтенныя отдѣльными домохозяевами, составляютъ личную собственность cadaго“ (ст. 166 и 169), то эти выраженія, какъ явствуетъ изъ вышеприведенныхъ законоположеній, означаютъ не пріобрѣтеніе земли въ личную собственность крестьянина въ качествѣ физическаго лица, а пріобрѣтеніе именно въ качествѣ домохозяина, т. е. представителя двора, въ собственность всего этого двора. Поэтому означеніе въ выкупномъ договорѣ и въ составленной на основаніи онаго данной, земли одного дворохозяина не присваиваетъ послѣднему личной и исключительной собственности на сію землю, а даетъ право собственности на нее всему крестьянскому двору. Изложенныя соображенія, относящіяся къ пріобрѣтенію въ собственность крестьянскихъ надѣловъ вообще, должны несомнѣнно получить полное примѣненіе и къ пріобрѣтенію надѣловъ бывшими государственными крестьянами въ западныхъ губерніяхъ. По силѣ Высочайшаго указа Правительствующему Сенату 16 мая 1867 года, государственнымъ крестьянамъ въ сихъ губерніяхъ представлены въ собственность земли и угодія, границы коихъ и размѣръ ежегодныхъ выкупныхъ платежей должны были опредѣляться люстраціонными актами, составляемыми особыми люстраціонными комиссіями подъ наблюденіемъ и руководствомъ Министерства Государственныхъ Имуществъ (шп. 1, 2 и 5), а также данными, выдаваемыми на основаніи утвержденныхъ люстраціонныхъ актовъ (п. 7). Засимъ, Высочайше утвержденными, 20 октября 1867 г., правилами для составленія люстраціонныхъ актовъ опредѣлено, что въ каждомъ люстраціонномъ актѣ должно быть показано „число душъ крестьянъ разныхъ наименованій, значащихся въ селеніи по послѣдней ревизіи, число дворовъ

или семействъ и въ нихъ наличныхъ душъ“ (ст. 21 п. б), съ приложеніемъ къ оному именного списка дворохозяевамъ-собственникамъ (ст. 19). Поэтому въ приложенныхъ къ симъ правиламъ образцахъ люстраціоннаго акта и именного списка, лит. Б. и В, между прочимъ, значится, что „по поземельномъ устройствѣ селенія надѣлены землею слѣдующее число дворовъ (или семействъ) и въ нихъ наличныхъ мужскаго пола душъ крестьянъ-собственниковъ“, и что въ именномъ списокѣ означаются имена домохозяевъ-собственниковъ, надѣленныхъ земельными участками, и число наличныхъ душъ. На основаніи этихъ правилъ, въ утвержденной 6 февраля 1868 г., Министеромъ Государственныхъ Имуществъ, въ силу Высочайше дарованнаго ему права, инструкции люстраціоннымъ комиссіямъ, въ примѣч. къ § 58, постановлено, что отводимыя въ пользованіе домохозяевъ усадебныя и полевые земли считаются въ надѣлѣ всего семейства, но записываются за однимъ домохозяиномъ, который и отвѣтствуетъ за исправный взносъ платежей. Всѣ эти узаконенія приводятъ къ положительному заключенію, что поименованный въ люстраціонномъ актѣ и данной дворохозяинъ не есть исключительный и личный собственникъ означенныхъ въ сихъ актахъ земли и угодій, но что эти земля и угодья составляютъ общую собственность всѣхъ наличныхъ душъ мужскаго пола, означенныхъ въ люстраціонномъ актѣ и приложенномъ къ нему именномъ списокѣ“¹⁾.

Семейная общность имущественныхъ правъ существуетъ, какъ мы говорили, и при общинной формѣ землевладѣнія. Въ отношеніи правъ на надѣлъ разница съ подворнымъ владѣніемъ заключается только въ томъ, что право на надѣлъ заключается не въ правѣ собственности, а въ правѣ пользованія отведеннымъ обществомъ надѣломъ.

Въ общинѣ общность семейной собственности домохозяйствъ устанавливается по дѣйствующему закону въ правѣ на усадьбы и въ законахъ, касающихся семейныхъ раздѣловъ. Въ послѣднихъ прямо указывается на право младшихъ членовъ семьи требовать въ извѣстныхъ случаяхъ раздѣла имущества даже противъ воли домохозяина, что, конечно, было бы невозможно, если бы законъ смотрѣлъ на домохозяина, какъ на индивидуальнаго собственника. Право сельскихъ сходовъ производить семейные раздѣлы и распределять семейное имущество между дѣлящимися членами семьи, конечно, возможно только при признаніи имущества принадлежащимъ всей семьѣ.

¹⁾ Цитированное Выс. утв. мнѣніе Госуд. Совѣта.

Устанавливая указанное начало общности семейнаго имущества по дѣйствующему праву слѣдуетъ, конечно, указать на неполноту опредѣленій закона относительно правъ и обязанностей домохозяина съ одной стороны и младшихъ членовъ семьи съ другой.

Этотъ недостатокъ вносить въ имущественныя отношенія крестьянъ чрезвычайную неопредѣленность, легко устранимую при болѣе вниманіи законодателя къ правовымъ интересамъ крестьянъ. Въ судебной практикѣ въ этомъ отношеніи замѣчается также крайняя неопредѣленность и сбивчивость, которая противникамъ общей семейной собственности даетъ поводъ ставить эту неопредѣленность на счетъ самаго института, вмѣсто того, чтобы поставить это только на счетъ невниманія юристовъ и законодательства къ правовымъ нуждамъ сельскаго населенія.

Что общая семейная собственность вполне поддается точной юридической формулировкѣ—это мы видимъ изъ примѣра законодательной ея нормировки по гражданскому кодексу, дѣйствующему въ Черногоріи и составленному профессоромъ Богишичемъ по порученію Черногорскаго правительства. Прежде составленія кодекса Богишичъ занялся изученіемъ обычнаго права южныхъ славянъ и свѣдя обширный матеріалъ, основанный какъ на имѣвшихся литературныхъ матеріалахъ, такъ и на собственныхъ изслѣдованіяхъ, пришелъ къ заключенію, что семейная община сохранила у южныхъ славянъ свою жизненную силу. Между прочими славянскими племенами совершенно не тронутая этимъ вліяніемъ сохранилась она въ Сербіи, Черногоріи, Герцеговинѣ и Босніи.

Она получила извѣстность подъ сербскимъ названіемъ „зедруга“, слово, которое на сербскомъ языкѣ означаетъ и всякое товарищество вообще. Въ другихъ славянскихъ земляхъ она называется „куча“, въ Кroatіи „скупщина“. Часто населеніе называетъ ее братствомъ, домою и даже общиной.

Конечно въ громадномъ большинствѣ случаевъ семейныя общины состоятъ изъ близкихъ родственниковъ: отца съ взрослыми сыновьями, нераздѣленныхъ братьевъ съ племянниками и т. п.

Чужіе дѣлаются членами общины или посредствомъ брака или путемъ усыновленія. Семейная община управляется главою ея, называемымъ въ Сербіи домачинъ, какъ по названію, такъ и по юридическому своему положенію вполне аналогичнымъ домохозяину въ русской семейной общинѣ. Домачинъ является представителемъ семейной общины во всѣхъ ея сношеніяхъ съ посторонними лицами и представляетъ общину на сходахъ. Онъ можетъ продавать и покупать необ-

ходимые предметы въ хозяйствѣ, но всѣ его дѣйствія должны быть совершены въ интересахъ общины, которой онъ даетъ отчетъ въ нихъ.

Члены общины всѣ имѣютъ право на участіе въ доходахъ ея, также какъ имѣютъ право получать отъ нея пищу и одежду.

Не признавая вообще правъ отдѣльной собственности за членами семейной общины, обычное право южныхъ славянъ дѣлаетъ, однако, въ извѣстныхъ случаяхъ и для извѣстныхъ предметовъ исключеніе. Такъ личную собственность каждаго члена общины (*resulium*) составляетъ вознагражденіе его за трудъ въ свободное отъ полевыхъ занятій время, также находка и даръ. Такое же отдѣльное право собственности имѣетъ жена по отношенію къ приданому.

Основные начала института семейной собственности восприняты черногорскимъ гражданскимъ кодексомъ и превращены въ законъ. Законъ даетъ и точное опредѣленіе юридической природы семейной общины или „кучи“. „Кучей“, по опредѣленію 965 ст. черногорскаго кодекса, называется семейная община, всѣ члены которой составляютъ какъ бы одно цѣлое въ отношеніи къ хозяйству и имуществу, все равно живутъ-ли члены ея въ одномъ домѣ или въ нѣсколькихъ, но разъ хозяйство и имущество у нихъ общее, они составляютъ юридическое лицо. Членами „кучи“ могутъ быть не только лица обоего пола, рожденныя въ семьѣ, но и тѣ, которые вступили въ нее согласно обычаю: невѣстки, усыновленные дѣти.

Всякій членъ кучи, рожденный въ ней, вышедши изъ нея путемъ брака или раздѣла перестаетъ быть членомъ ея.

Имущество семейной общины („кучи“) состоитъ изъ всего того, что перешло къ ней отъ предковъ и изъ всего, что приобрѣтено трудомъ ея членовъ, за исключеніемъ *пекуліума*¹⁾, принадлежащаго въ исключительную собственность даннаго члена кучи.

Въ кодексѣ подробно и точно опредѣлены случаи приобрѣтенія членами семейной общины имущества въ личную собственность.

Черногорскій кодексъ, опредѣляя юридическую природу общей семейной собственности, указываетъ и способы сохраненія индивидуальнаго права собственности. Каждый, приобрѣтая недвижимое имущество, можетъ зарегистрировать его какъ приобрѣтенное въ личную, индивидуальную собственность и тогда къ такому имуществу правила общности семейнаго имущества не примѣняются.

Вмѣсто того, чтобы идти путемъ регулированія правъ, вытекающихъ изъ общности земельного имущества въ гражданско-правовомъ

¹⁾ *Resulium*—терминъ римскаго права, означающій отдѣльную личную собственность.

порядкѣ, наше законодательство избрало совершенно другой путь—путь административной опеки съ административнымъ усмотрѣніемъ. Не обезпечивая въ гражданско-правовомъ порядкѣ интересовъ членовъ семейной общины, наше законодательство пожелало бороться съ семейными раздѣлами, которые въ значительной степени являются результатомъ необезпеченности правъ младшихъ членовъ семьи по дѣйствующему праву—пожелало бороться путемъ запрещенія семейныхъ раздѣловъ.

Составители положеній 1861 года поставили семейные раздѣлы въ зависимость отъ разрѣшенія сельскихъ сходовъ. 5 п. 51 ст. общ. пол. (нынѣ 7 п. 62 ст. по изд. 1902 г.) предоставлялъ вѣдѣнію сельскихъ сходовъ разрѣшеніе семейныхъ раздѣловъ какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ владѣніи землей. Такое разрѣшеніе имѣло значеніе только санкціи общества въ дѣлѣ образованія новаго домохозяйства, а также новаго семейства для учета бывшей рекрутской повинности. Въ опредѣленіе способа раздѣла и способа распределенія имущества сельскіе сходы входить не имѣли права.

Разрѣшеніе сходовъ, такимъ образомъ, съ отмѣной круговой поруки и введеніемъ общей воинской повинности потеряли свое значеніе и къ нимъ на практикѣ почти не прибѣгали. Раздѣлы совершались въ громадномъ большинствѣ случаевъ безъ формальнаго, приговоромъ общества зарегистрированнаго, рѣшенія схода.

Въ 80-хъ годахъ правительство обратило вниманіе на ростъ семейныхъ раздѣловъ, какъ на причину, будто бы вліяющую на упадокъ экономическаго благосостоянія крестьянъ. Комиссія для изслѣдованія сельскаго хозяйства и сельской промышленности въ Россіи подъ предсѣдательствомъ Валуева высказала, между прочимъ, что „безпрестанно повторяющіяся дробленія семействъ не только содѣйствуютъ уменьшенію рабочей силы семьи, но и разоряютъ уже существующія и прочно обезпеченныя хозяйства“.

Комиссія вмѣстѣ съ тѣмъ констатировала повсемѣстность существующаго порядка, при которомъ при выдѣленіи изъ семьи младшаго ея члена при жизни старшаго имущественный выдѣлъ родственниковъ считается обязательнымъ для главы семейнаго союза. Такое утвержденіе комиссіи, сдѣланное на основаніи обширнаго матеріала, ею собраннаго, очень важно какъ свидѣтельство распространенности среди сельскаго населенія института общей семейной собственности и слабости того процесса превращенія семейнаго имущества въ личную собственность домохозяина, на который указываютъ лица, отрицающія фактическое существованіе общности семейнаго имущества

у крестьянъ. Очевидно, что если бы въ сельскомъ населеніи укрѣпился взглядъ на имущество семьи какъ на собственность главы семьи, случаясь раздѣловъ семейнаго имущества вопреки волѣ главы семьи должно бы быть очень мало.

Въ дѣйствительности мы видимъ обратное. Собранныя тогда же въ 80-хъ годахъ Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣнія о количествахъ семейныхъ раздѣловъ показали, съ одной стороны, ихъ ростъ, а, съ другой стороны, ихъ полную независимость отъ разрѣшенія сельскихъ сходовъ.

Число семейныхъ раздѣловъ у крестьянъ всѣхъ наименованій за время съ 1861 года по 1882 годъ достигло, по свѣдѣніямъ, собраннымъ Мин. вн. дѣлъ 2.371.248 на 46 губерній. Изъ этого числа раздѣловъ, кои получили разрѣшеніе сельскихъ сходовъ, было только 303.149 или 12,8%. Остальные раздѣлы были „самовольными“.

Насколько раздѣлы превышали естественный ростъ семей, вслѣдствіе прироста населенія, явствуетъ изъ цифръ болѣе подробно собранныхъ по нѣкоторымъ губерніямъ. По Олонецкой, напр., губерніи со времени послѣдней ревизіи народонаселеніе увеличилось къ 1882 году на 12%, а число семей въ то же время возросло на 43%. Если бы семьи оставались въ прежнихъ размѣрахъ приростъ населенія обуславливалъ бы образованіе всего 4.115 новыхъ семействъ, а ихъ образовалось 14.752, т. е. на 10.637 семействъ болѣе, чѣмъ вызывалось дѣйствительной необходимостью прироста населенія. По Псковской губ. количество населенія съ 1861 года по 1880 годъ увеличилось на 20%, а число семей на 50%.

Собранныя цифры о количествахъ семейныхъ раздѣловъ и ихъ прогрессивномъ увеличеніи еще болѣе упрочили мысль о необходимости противодействовать имъ. Семейные раздѣлы были признаны одной изъ главныхъ причинъ крестьянскаго оскудѣнія.

Было предположено создать препятствіе для раздѣловъ противъ воли домохозяина и препятствіе это распространить и на крестьянъ съ общиннымъ землевладѣніемъ, и на крестьянъ съ землевладѣніемъ подворнымъ. Но Государственный Совѣтъ не согласился распространить ограниченіе на подворныхъ владѣльцевъ, признавъ, что семейные раздѣлы у послѣднихъ, съ одной стороны, не могутъ касаться интересовъ всего общества, и поэтому не могутъ быть поставлены въ зависимость отъ послѣднихъ, а съ другой стороны, что среди подворныхъ владѣльцевъ раздѣлы затруднены въ достаточной мѣрѣ требованіемъ закона о нераздробляемости надѣловъ меньшихъ половины полного надѣла.

Закономъ 18 марта 1886 года, явившимся слѣдствіемъ указанныхъ выше соображеній, семейные раздѣлы въ сельскихъ обществахъ съ общиннымъ землевладѣніемъ были поставлены не только въ зависимость отъ разрѣшенія общества, но и въ зависимость отъ санкціи общества самихъ основаній раздѣла.

По этому закону семейство, желающее раздѣлиться на самостоятельныя хозяйства, должно заявить о томъ сельскому обществу и указать какъ подлежащее раздѣлу имущество, такъ и способы распределенія его между предположенными къ образованію новыми хозяйствами.

Общество обязано удостовѣриться, что на раздѣлъ согласенъ старшій членъ семьи—домохозяинъ и въ случаѣ несогласія его можетъ приступить къ обсужденію раздѣла только тогда, когда поводомъ къ тому служить расточительность или безнравственное поведение домохозяина.

Но и при согласіи домохозяина общество должно обсудить, существуетъ-ли основательный поводъ къ раздѣленію семьи, способны-ли образующіяся семейства къ самостоятельному веденію хозяйства, достаточны-ли принадлежащіе имъ усадьбыныя участки для устройства новыхъ усадебъ и, въ случаѣ недостаточности, могутъ-ли общества отвести новые усадьбыныя участки изъ общественной земли и будетъ-ли обезпечено исправное поступленіе платежей и повинностей.

Сходъ можетъ отказать или разрѣшить раздѣлъ. При разрѣшеніи раздѣла, сходъ долженъ распределить между вновь образующимися семействами землю и движимость, составляющую принадлежность земли, а также распределить подати и повинности.

Приговоръ о разрѣшеніи раздѣла долженъ состояться по большинству $\frac{2}{3}$ голосовъ. Если сходъ отказалъ въ разрѣшеніи раздѣла, противъ котораго былъ и старшій членъ семьи, приговоръ схода окончательнъ и обжалованію не подлежитъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ недовольная сторона въ 14-дневный срокъ можетъ жаловаться земскому начальнику, который разбираетъ дѣло и постановляетъ рѣшеніе окончательное.

Такая зависимость вопроса о раздѣлѣ семьи въ концѣ концовъ отъ усмотрѣнія земскаго начальника создала необыкновенное разнообразіе въ практикѣ раздѣловъ. Одни земскіе начальники всячески противодействовали раздѣламъ, другіе благопріятствовали имъ, видя въ нихъ естественный выходъ при семейныхъ раздорахъ и несогласіяхъ.

Г. Кузьминъ-Караваевъ въ своемъ соч.: „Земство и деревня“ рассказываетъ случай отношеній къ семейнымъ раздѣламъ двухъ

смежных земских начальников Тверской губ., изъ которыхъ одинъ удостовѣряетъ, что онъ не разрѣшаетъ у себя ни одного раздѣла, а другой, напротивъ, принципиально отмѣняетъ постановленія сходовъ, отказывающихъ въ раздѣлѣ, находя невозможнымъ ставить искусственныя преграды раздѣламъ.

Г. Бржескій въ своемъ сочиненіи: „Очерки юридическаго быта крестьянъ“ приводитъ случаи наказанія самовольно раздѣлившихся крестьянъ розгами, наказанія, налагаемаго волостными судами по настоянію земскихъ начальниковъ. Въ статистическомъ сборникѣ по С.-Петербургской губ. за 1897 годъ приведенъ любопытный фактъ, свидѣтельствующій о противорѣчивости практики о семейныхъ раздѣлахъ. Одинъ земскій начальникъ Паркосельскаго уѣзда отмѣнялъ постановленія сходовъ о семейныхъ дѣлахъ, въ которыхъ дробились цѣлые надѣлы. Другой земскій начальникъ Петергофскаго уѣзда напротивъ отмѣнилъ приговоръ схода, который раздѣлилъ три надѣла между двумя сводными братьями, такъ что одному предоставилъ два цѣльныхъ надѣла, а другому одинъ. Земскій начальникъ рѣшилъ раздѣлить три надѣла пополамъ.

Свѣдѣнія, собранныя губернскими совѣщаніями о пересмотрѣ крестьянскихъ положеній, свидѣлствуютъ о томъ, что, несмотря на строгости закона 1886 года, семейные раздѣлы не уменьшились и что также велико число самовольныхъ раздѣловъ, произведенныхъ въ обходъ закона.

Указомъ 5 октября 1906 года особый порядокъ семейныхъ раздѣловъ, введенный закономъ 1886 года отмѣненъ. Семейные раздѣлы снова сдѣлались свободными отъ санкціи общества и предоставлены свободному соглашенію дѣлящихся. Всѣ споры о раздѣлѣ, очевидно, съ отмѣной закона 86 года дѣлаются подвѣдомственными не сходу, а волостному суду. Сходу, на осн. 7 п. 52 ст., подвѣдомственъ только вопросъ о разрѣшеніи образовать новыя самостоятельныя семейства, какъ единицы, имѣющія представительство на сходѣ. Требования же о раздѣлѣ, заявляемыя членами семьи, должны быть обращены къ волостному суду.

Но одновременно съ такимъ освобожденіемъ семейныхъ имущественныхъ отношеній отъ опеки общества и крестьянскихъ учрежденій предпринято и насильственное ихъ измѣненіе закономъ. Указомъ 9 ноября и закономъ 14 іюня создается цѣлый переворотъ въ строѣ указанныхъ отношеній.

Вмѣсто того, чтобы точно опредѣлять юридическую конструкцію общей семейной собственности и опредѣлить вытекающія изъ этой

конструкціи права членовъ семейнаго союза, указъ провозглашаетъ личной собственностью домохозяина подворные участки въ мѣстностяхъ подворнаго владѣнія, такъ и участки, образовавшіеся вслѣдствіе выдѣла изъ общины даннаго домохозяина. Такой же личной собственностью домохозяина указъ провозглашаетъ и усадебныя земли при общинномъ владѣніи.

Впрочемъ, означенное превращеніе семейной собственности въ собственность личную указъ 9 ноября и законъ 14 іюня обуславливаютъ случаями нахожденія участковъ во владѣніи домохозяина и нисходящихъ отъ него родственниковъ. Если же участки находятся во владѣніи лицъ, не состоящихъ между собой въ родствѣ по прямой нисходящей линіи, то такіе участки должны считаться общей собственностью владѣльцевъ.

Достаточно немного вдуматься въ эти опредѣленія и сопоставить ихъ съ принципомъ общей семейной собственности, чтобы убѣдиться въ той колоссальной путаницѣ правовыхъ отношеній, которую онъ вызываетъ.

При общинномъ владѣніи опредѣленія закона, судебной практики и обычнаго права объ общей семейной собственности остаются во всей своей неприкосновенности, за исключеніемъ усадебныхъ земель, которыя дѣлаются личной собственностью домохозяина. Въ строѣ правовыхъ отношеній къ надѣльной землѣ образуются двѣ системы имущественныхъ правъ на надѣльную землю. Усадебная земля—личная собственность домохозяина, полевая земля—общая собственность всей семьи. Семейныя и имущественныя отношенія запутываются. Очевидно, послѣ указа 9 ноября и закона 14 іюня усадебныя земли въ семьѣ, состоящей изъ нисходящихъ родственниковъ, напр. дѣда, его взрослыхъ женатыхъ сыновей и внуковъ семейному раздѣлу безъ согласія домохозяина подлежать не могутъ. Полевые земли въ случаѣ семейныхъ раздоровъ и невозможности вести общее хозяйство могутъ быть раздѣлены по рѣшенію волостного суда. Спрашивается, а какъ быть съ движимымъ имуществомъ, составляющимъ необходимую принадлежность надѣла—земледѣльческими орудіями, скотомъ? Являются ли они индивидуальной собственностью всѣхъ членовъ семьи? Слѣдуютъ ли они судьбѣ усадебныхъ или полевыхъ земель?

Затѣмъ, полевые земли, принадлежащія всей семьѣ при общинномъ владѣніи, становятся личной собственностью домохозяина при выдѣлѣ его изъ общества. Спрашивается, могутъ ли такому выдѣлу и, слѣдовательно, превращенію семейной собственности въ личную воспрепятствовать младшіе члены семьи? Могутъ ли они черезъ судъ потре-

бовать выдѣла своей части раньше выхода изъ общества домохозяина со всѣмъ надѣломъ, числящимся во дворѣ?

Все это вопросы, которые, очевидно, будутъ разрѣшаться разнообразно на практикѣ, внося еще большую путаницу въ запутанныя и безъ того правоотношенія крестьянъ.

По отношенію къ подворному владѣнію вопросъ объ опредѣленности юридическихъ отношеній членовъ семьи стоитъ не въ лучшемъ положеніи. При составѣ двора изъ боковыхъ родственниковъ и постороннихъ лицъ, принятыхъ во дворъ, указъ 9 ноября оставляетъ общность семейнаго имущества всѣхъ членовъ „двора“. Но онъ совершенно не опредѣляетъ свойства этой общности. Устанавливается ли здѣсь общая собственность по 1 ч. X т. св. зак. или особенная, свойственная крестьянамъ? Каковы доли этой общей собственности для отдѣльных членовъ двора? Имѣютъ ли право въ этой общей собственности члены семьи женскаго пола или только мужскаго?

Все это вопросы, ожидающіе своего разрѣшенія въ общемъ законодательствѣ объ особенностяхъ гражданскихъ правоотношеній крестьянъ, связанныхъ съ трудовымъ земледѣльческимъ хозяйствомъ ихъ.

ГЛАВА II.

Наслѣдственное право крестьянъ.

Отношеніе наслѣдственного и семейнаго права.—Значеніе обычнаго порядка наслѣдованія.—Существенныя черты обычнаго порядка наслѣдованія.—Обычный порядокъ наслѣдованія нисходящихъ и „постороннихъ“ членовъ семьи.—Наслѣдованіе вдовы.—Порядокъ наслѣдованія при отсутствіи доказаннаго обычая.—Практика Сената.—Измѣненія, внесенныя новыми землеустроительными законами.

Наслѣдственное право крестьянъ тѣсно связано съ семейнымъ правомъ. Поэтому, если законъ по отношенію къ наслѣдственному праву, всегда стремится подчеркнуть начало господства обычнаго права въ сферѣ наслѣдственныхъ отношеній, то этимъ неминуемо устанавливается и начало господства обычая въ сферѣ семейныхъ имущественныхъ отношеній. И, наоборотъ, поскольку въ семейныя имущественныя отношенія будутъ проникать начала нынѣ дѣйствующаго писаннаго гражданского права, постольку этими началами будетъ ограничиваться примѣненіе обычая въ наслѣдственномъ правѣ, несмотря на заботу закона о распространеніи обычнаго права на наслѣдственныя отношенія крестьянъ. Такая тѣсная связь обуславливается строемъ семейныхъ имущественныхъ отношеній, очерченнымъ въ общихъ чертахъ въ предыдущей главѣ.

Если у крестьянъ существуетъ общность семейнаго имущества, то само собой возникаетъ вопросъ о томъ, возможно ли при этомъ говорить о наслѣдованіи послѣ смерти главы семьи? Если глава семьи, по силѣ особенностей крестьянскаго права, является только распорядителемъ семейнаго имущества, то, очевидно, со смертью его, никакого измѣненія въ юридическомъ положеніи имущества не происходитъ, кромѣ замѣны одного распорядителя другимъ. Если же послѣ смерти домохозяина семья дѣлится, то здѣсь опять таки мы имѣемъ дѣло не съ осуществленіемъ права наслѣдованія въ его чистомъ видѣ, а съ раздѣломъ общаго семейнаго имущества.

Обозрѣвая судебную практику, также какъ и примѣры, приводимые изслѣдователями обычнаго права въ области наслѣдованія,

можно усмотрѣть постоянное смѣшеніе указанныхъ, совершенно разныхъ по своей юридической конструкціи, въ особенности съ точки зрѣнія дѣйствующаго писаннаго права, предметовъ: раздѣла общаго семейнаго имущества и наслѣдованія.

Эту особенность обычнаго права крестьянъ замѣтили еще первые изслѣдователи обычнаго права наслѣдованія — Барыковъ и Калачевъ. На нее же указываютъ Оршанскій, Ефименко и друг.

Пр. Пахманъ старается провести грань между этими двумя понятіями. Онъ говоритъ, что предметъ раздѣла наслѣдства составляетъ лишь то имущество, которое осталось послѣ умершаго, между тѣмъ при раздѣлѣ общаго имущества предполагается, что составъ наслѣдства можетъ измѣниться, ибо нѣтъ необходимости, чтобы наслѣдники произвели раздѣлъ тотчасъ послѣ смерти наслѣдователя и во все время общаго владѣнія составъ оставшагося имущества можетъ увеличиться или уменьшиться; вмѣстѣ съ тѣмъ такому же измѣненію могутъ подвергнуться и доли каждаго наслѣдника, смотря по участию въ общемъ хозяйствѣ трудомъ и капиталомъ¹⁾. Несомнѣнно, что приводимое Пахманомъ раздѣленіе понятій является случайнымъ, ибо оно основано не на анализѣ различія въ природѣ этихъ институтовъ семейнаго раздѣла и наслѣдованія, а приурочено только ко времени раздѣла. По мысли автора, если раздѣлъ совершается немедленно послѣ смерти — это будетъ наслѣдованіе, а если нѣсколько времени спустя — это будетъ семейный раздѣлъ въ чистомъ видѣ, въ которомъ уже право наслѣдованія не проявляется. Но вѣдь право наслѣдованія, развѣ приобрѣтенное, послѣ смерти главы семьи не можетъ исчезнуть, а, слѣдовательно, не можетъ не проявиться, если бы оно существовало въ раздѣлѣ, хотя бы послѣдовавшемъ черезъ извѣстный промежутокъ времени послѣ смерти домохозяина. И, наоборотъ, если послѣ домохозяина не могло открыться наслѣдство, такъ какъ онъ не имѣлъ лично ему принадлежащаго имущества, то и раздѣлъ, произведенный немедленно послѣ смерти его, все-таки не приобрѣтаетъ отъ этого характера наслѣдованія, и въ немъ можетъ проявиться значеніе „участія въ общемъ хозяйствѣ трудомъ и капиталомъ“, также какъ и въ случаяхъ, признаваемыхъ Пахманомъ за чистые семейные раздѣлы.

Впрочемъ самъ Пахманъ понимаетъ, что проводимая имъ грань поверхностна и спѣшить добавить, что и „раздѣлъ общаго семейнаго имущества можетъ быть разсматриваемъ какъ раздѣлъ наслѣдства“.

¹⁾ Пахманъ. „Обычное гражданское право въ Россіи“. Спб. 1879 г. Т. II, стр. 298.

Тѣ писатели, которые стоятъ на точкѣ зрѣнія трудовой теоріи организаціи семьи, совершенно отождествляютъ наслѣдственное право съ семейными раздѣлами. Такъ П. С. Ефименко говоритъ, что „крестьянство выработало иное основаніе для права наслѣдованія главнымъ образомъ на *трудоутомъ началѣ*, въ силу котораго родственникамъ постольку дается право на наслѣдуемое имущество, поскольку они участвовали своимъ трудомъ въ созданіи его“¹⁾. Очевидно, что это трудовое начало регулируетъ право члена семьи на общее семейное имущество, а не на наслѣдство.

Очень правильно констатируетъ связь между общей семейной собственностью и правомъ наслѣдованія г. Мухинъ, авторъ монографіи „обычный порядокъ наслѣдованія у крестьянъ“ (Спб. 1888 г.), составленный по порученію редакціонной комиссіи по составленію гражданского уложенія.

Авторъ излагаетъ семейную организацію крестьянъ и обычныя нормы, коими регулируются имущественныя отношенія между членами семьи, потому что, по его мнѣнію, эта организація болѣе точно разъясняетъ основанія народно-обычнаго права наслѣдованія.

Какъ прямое послѣдствіе особенностей семейнаго имущественнаго права крестьянъ, по мнѣнію автора, является тотъ выводъ, что „при существованіи общей семейной собственности, не можетъ быть рѣчи объ открытіи наслѣдства въ томъ смыслѣ, какъ это понимается въ писанномъ правѣ. Происходитъ только распадъ семейнаго имущества на столько отдѣльныхъ частей, сколько изъ нѣдръ распавшейся семьи возникаетъ или можетъ возникнуть новыхъ самостоятельныхъ семей, являющихся вмѣстѣ съ тѣмъ естественнымъ продолженіемъ прежней семьи. Если и можно говорить здѣсь о наслѣдованіи по началамъ обычнаго права, то развѣ въ томъ смыслѣ, какъ это понимали римскіе юристы по отношенію къ наслѣдованію послѣ смерти главы семейства, такъ называемыхъ, *sui heredes*, т. е. въ смыслѣ *приобрѣтенія членами семьи свободнаго распоряженія имуществомъ каждымъ въ своемъ домѣ*“²⁾.

Съ указанными оговорками мы только и можемъ приступить къ изученію обычнаго права наслѣдованія крестьянъ.

Изученіемъ обычнаго права наслѣдованія мы увеличимъ свое знакомство съ существомъ семейныхъ имущественныхъ отношеній, которыя въ обычаяхъ наслѣдованія получаютъ свое наиболѣе полное вы-

¹⁾ П. Ефименко. „Семья архангельскаго крестьянина“. Судебный журналъ 1873 г., июль—августъ, стр. 84.

²⁾ Мухинъ. *Op. cit.*, стр. 100.

раженіе потому, во-первыхъ, что раздѣлъ семьи чаще всего наступаетъ послѣ смерти домохозяина, а во-вторыхъ, потому, что такой раздѣлъ съ формальной стороны считающійся наслѣдованіемъ, какъ таковой, въ случаѣ споровъ, доходитъ до разсмотрѣнія суда и такимъ образомъ дѣлается матеріаломъ, доступнымъ изслѣдованію. Чистый же раздѣлъ семьи при общинномъ строѣ разрѣшается на сходахъ и до суда не доходитъ, а при подворномъ владѣніи обыкновенно совершается полюбовнымъ соглашеніемъ и, слѣдовательно, такъ же сравнительно рѣдко становится предметомъ судебного разбирательства.

Но является вопросъ, можно ли говорить о наслѣдованіи, когда въ сущности права наслѣдованія въ чистомъ видѣ, какъ это право понимается нашимъ писаннымъ закономъ, у крестьянъ почти не существуетъ? Мы полагаемъ, что можно и должно потому, что и по обычаю и по смыслу крестьянскихъ положеній такой порядокъ преемственности правъ всетаки носитъ названіе наслѣдованія. — То обстоятельство, что онъ не подходитъ подъ понятіе наслѣдованія, опредѣляемого нашими гражданскими законами не является рѣшающимъ потому, что понятіе наслѣдованія, принятое нашимъ гражданскимъ кодексомъ, не совпадаетъ съ понятіемъ наслѣдованія, извѣстнымъ въ исторіи гражданского права и во многихъ современныхъ кодексахъ иностранныхъ государствъ.

Мы уже указывали на особенность древняго римскаго права, выраженного въ наслѣдованіи *sui heredes*. Мы знаемъ также что многія законодательства признаютъ договорное право наслѣдованія, котораго не знаетъ нашъ десятый томъ и которое прямо противорѣчитъ основнымъ началамъ права наслѣдованія по десятому тому свода законовъ.

Мы знаемъ также, что свобода завѣщательныхъ распоряженій не признавалась многими системами гражданскихъ правъ и въ частности не признавалась въ отношеніи недвижимыхъ имуществъ долгое время у насъ. А въ отношеніи „законнаго“ наслѣдованія кровное родство, теперь считающееся единственнымъ основаніемъ права наслѣдованія, далеко не всегда играло такую роль.

Въ періодъ Русской Правды, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ и въ частности П. П. Цитовича, преобладающимъ типомъ имущественныхъ отношеній была семейная собственность, исключаяющая наслѣдованіе кровныхъ родственниковъ, не входившихъ въ составъ семьи въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Разъ у смерда не оставалось сыновей, могущихъ продолжать семью и хозяйство, имѣніе дѣлалось выморочнымъ, несмотря на наличность родственниковъ и, какъ выморочное, поступало князю.

„Аже смердь умереть безъ дѣтей, говорить Русская Правда, то задница ¹⁾ князю; аже будутъ дщери у него дома, то даяти часть на нѣ; аже будутъ замужемъ, то не даяти части имъ“.

И въ послѣдующихъ законодательныхъ памятникахъ, въ частности въ Судебникахъ, мы встрѣчаемъ еще взглядъ на наслѣдство, какъ на преемственность членовъ семьи въ тѣсномъ смыслѣ слова, участвовавшихъ въ хозяйствѣ и долженствующихъ продолжать хозяйственную дѣятельность отца, связанную съ повинностями и службой. Кровная родственная связь сдѣлалась исключительной основой права наслѣдованія значительно позже ²⁾.

Вотъ почему понятіе наслѣдованія по обычному праву крестьянъ не является чѣмъ то исключительнымъ и противорѣчащимъ основамъ права вообще.

Съ другой стороны тотъ раздѣлъ семейнаго имущества, который наступалъ послѣ смерти домохозяина, всетаки былъ связанъ съ измѣненіемъ въ имущественныхъ правахъ, происходившихъ въ связи со смертью домохозяина, въ связи съ уничтоженіемъ его гражданской личности и переходомъ правъ его къ другимъ лицамъ, къ младшимъ членамъ семьи. Слѣдовательно въ такомъ раздѣлѣ семейнаго имущества по существу своему находились налицо моменты, свойственные праву наслѣдованія.

Прежде чѣмъ перейти къ общему обзору наиболее существенныхъ особенностей въ порядкѣ наслѣдованія у крестьянъ, необходимо еще уяснить себѣ значеніе обычнаго права въ этой области. Если мы встрѣчаемъ во многихъ статьяхъ законовъ, относящихся къ крестьянамъ, упоминаніе объ обычаяхъ, какъ нормахъ, регулирующихъ многія стороны крестьянскихъ имущественныхъ отношеній, если мы встрѣчаемся съ такими ссылками на обычай и при указаніи на правоотношенія, связанные съ общиной, съ семейной собственностью, съ опекой, то въ области наслѣдственного права мы замѣчаемъ особую заботливость законодателя обезпечить обычному праву преимущественное примѣненіе.

13-я статья общаго положенія о крестьянахъ гласитъ: „въ порядкѣ наслѣдованія имуществомъ, крестьянамъ дозволяется руководствоваться мѣстными своими обычаями“.

116 ст. пол. о выкупѣ говоритъ, что участки, пріобрѣтенные отдѣльными домохозяевами, переходятъ по наслѣдству, *согласно существующимъ мѣстнымъ обычаямъ*“.

¹⁾ Имущество, оставшееся послѣ смерти.

²⁾ Ср. *Неволинъ*, „Исторія рос. гражд. зак.“ Т. 3, стр. 365. *Кавелинъ*, „Взглядъ на истор. развитіе русск. порядка наслѣдованія“. Спб. 1860 г.

Статья 15 мѣстн. великоросс. пол. (по изд. 1902 г.), говоря объ усадебныхъ участкахъ при общинномъ владѣніи и опредѣляя, что такіе участки остаются въ потомственномъ пользованіи проживающаго въ томъ дворѣ семейства, прибавляетъ: „и переходятъ, согласно дѣйствующему, въ каждой мѣстности, *обычному порядку наследованія*“.

Статья 66 кн. IV прим. къ IX т. (по изд. 1902 г.) мѣстн. малоросс. пол., говоря о подворномъ землевладѣніи, опредѣляетъ „участки мірской земли, предоставленные въ надѣль отдѣльныхъ крестьянскихъ семействъ, остаются въ потомственномъ пользованіи сихъ семействъ. *Порядокъ наследованія семейными участками и порядокъ семейныхъ раздѣловъ опредѣляется мѣстными обычаями*“.

Статья 149 той же IV кн. пол. кр. влад. прим. къ IX т., относящаяся къ мѣстному положенію въ Сѣверо-Западномъ краѣ говоритъ: „подворные участки переходятъ по наследству отъ однихъ лицъ къ другимъ, на основаніи существующихъ мѣстныхъ обычаевъ“.

41-я статья кн. V прим. къ IX т. пол. крест. каз.: „въ порядкѣ наследованія землями, внесенными во владѣнныя записи, поселянамъ собственникамъ дозволяется руководствоваться мѣстными обычаями“.

Наконецъ, 135 ст. общ. пол., опредѣляя дѣятельность волостного суда, предписываетъ ему „при разрѣшеніи тяжбъ и споровъ между крестьянами, *въ особенности же дѣль о раздѣлѣ крестьянскаго наследства* руководствоваться мѣстными обычаями“.

Приведенныя цитаты не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что самъ законъ отводитъ обычаю первенствующее значеніе въ нормированіи наследственныхъ отношеній и что слѣдовательно изученіе обычнаго права наследованія необходимо какъ изученіе *дѣйствующаго* права.

Существуетъ мнѣніе, что будто юридическіе обычаи крестьянъ столь разнообразны, что ихъ невозможно свести и обобщить въ положенія, сколько нибудь претендующія на широкое примѣненіе. Нѣтъ ничего ошибочнѣе такого взгляда. При разнообразіи въ деталяхъ, основныя начала юридическихъ обычаевъ до поразительности общи всему крестьянству.

Въ области наследственного права тождество юридическихъ обычаевъ наблюдается съ особой ясностью.

Наследованіе нисходящихъ послѣ смерти главы семьи построено на началахъ принадлежности къ семьѣ, какъ хозяйственному союзу. При этомъ наблюдается какъ общее правило—устраненіе дочерей отъ

наследства при наличности сыновей. Дочери при сыновьяхъ послѣ отца не наследуютъ. Это начало отмѣчено всѣми изслѣдователями¹⁾.

Начало неравноправности половъ въ наследованіи, начало, которое проявляется и въ десятомъ томѣ, въ обычномъ правѣ имѣетъ совершенно другое основаніе. Оно объясняется именно тѣмъ, что не кровное родство, а принадлежность къ хозяйственному союзу—семьѣ опредѣляетъ право наследованія нисходящихъ. Право имѣютъ тѣ, кто будетъ и впредь принадлежать къ хозяйственному союзу—т. е. лица мужскаго пола. Дочери выйдутъ изъ семьи по выходѣ замужъ и поэтому онѣ должны получить только такое имущество, которое не является органической частью хозяйства—приданое.

Но зато приданое—это уже не общая собственность той семьи, въ которую входитъ женщина по выходѣ замужъ. Оно принадлежитъ женщинѣ въ личную собственность. Поэтому, наследованія нисходящихъ послѣ матери—если она не вдова, сдѣлавшаяся домохозяйномъ, отличается отъ наследованія послѣ отца. Имущество матери переходитъ къ нисходящимъ или въ равной долѣ дочерямъ и сыновьямъ или, что встрѣчается чаще, однѣмъ дочерямъ, которыя устраняютъ братьевъ, т. е. сыновей умершей матери, отъ права наследованія послѣ нея.

Неравенство половъ въ наследованіи имущества послѣ отца, какъ мы говорили, обусловливается преобладаніемъ въ наследственномъ правѣ крестьянъ начала принадлежности къ трудовому союзу надъ началомъ кровнаго родства. Это подтверждается любопытной особенностью, отмѣченной изслѣдователями въ случаяхъ, когда наследство получено не отъ отца и не отъ члена хозяйственнаго союза, а изъ другой семьи. Тогда такое наследованіе, какъ основанное уже не на трудовомъ началѣ, а на началѣ кровнаго родства не дѣлаетъ различія между полами и наследство дѣлится поровну²⁾. Въ этомъ случаѣ обычное право стоитъ выше десятаго тома въ отношеніи равноправія половъ въ наследованіи.

Замѣчательно, что указанные обычаи наследованія очень близки къ постановленіямъ древнѣйшихъ памятниковъ нашего писаннаго закона Русской Правды и Псковской судной грамоты.

¹⁾ Ср. *Мухинъ*, *Op. cit.*, стр. 120. На этой страницѣ указаны многочисленные ссылки на матеріалы, собранные комиссией по изслѣд. вол. судовъ. См. также *Костровъ*, „Юридическіе обычаи крестьянъ—старожилловъ Томской губ.“, стр. 44. *Ефименко II*, Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ Архангельской губ., стр. 64. *Чубинскій*, Очеркъ по обычному праву въ Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-русскій край, стр. 694. *Оришанскій*, Изслѣдованіе по русскому праву обычному и брачному. Спб. 1879 г., стр. 80. *Пахманъ*, Обычное гражданское право въ Россіи. Т. II, стр. 228.

²⁾ *Барыковъ*, Обычаи наследованія у госуд. крестьянъ. Спб. 1862 г., стр. 12. *Оришанскій*, *Op. cit.*, стр. 83.

Они близки и къ обычному праву западно-европейскихъ народовъ.

По саксонскому зеркалу, напримѣръ, дочери при сыновьяхъ не наследуютъ, но должны получать приданое. Аналогичное правило мы имѣемъ и во многихъ французскихъ кодексахъ обычного права.

Будущая эволюція права наследованія, конечно, намѣчается въ сторону установленія равенства правъ для мужчинъ и женщинъ. Но тамъ, гдѣ право наследованія основано на кровномъ родствѣ, какъ въ нашихъ гражданскихъ правахъ, тамъ неравенство половъ не имѣетъ оправданія. Тамъ же, гдѣ оно вытекаетъ изъ начала принадлежности къ хозяйственному союзу,—тамъ оно не знаменуетъ собой пренебреженія къ правамъ женщины, а вытекаетъ изъ указаннаго начала.

Обычное право нельзя упрекнуть въ пренебреженіи къ правамъ женщинъ. То широкое право вдовы на преемство послѣ мужа въ общемъ семейномъ имуществѣ и на право сдѣлаться домохозяйкой и распорядительницей этого общаго имущества даже при наличности совершеннолѣтнихъ сыновей—обнаруживаетъ то уваженіе къ правамъ женщинъ, которымъ отличается обычное право крестьянъ.

Неравенство правъ наследованія дочерей и сыновей тотчасъ прекращается, когда дочь становится не временнымъ членомъ хозяйственного и трудового союза—семьи, а дѣлается его постояннымъ членомъ. Тогда права наследованія сразу уравниваются и наследство дѣлится между такой дочерью и сыновьями поровну.

Это случается тогда, когда дочь выходитъ замужъ и мужъ ея не беретъ ее въ свою семью; а, наоборотъ, самъ входитъ въ семью жены. Случай подобнаго рода бываютъ очень часты и носятъ названіе примачества, влазничества („зять-влазень“). Иногда примакъ дѣлается самъ наследникомъ имущества тестя. Это бываетъ въ случаяхъ, такъ называемаго, договорнаго наследованія, о которомъ мы будемъ говорить ниже. Въ случаяхъ же наследованія не договорнаго, примакъ-зять, совместно съ своей женой, получаетъ часть, равную съ сыновьями. Есть ли это проявленіе права наследованія примака, сдѣлавшагося членомъ семьи, или право наследованія дочери—его жены, вопросъ спорный. Но есть указанія на то, что здѣсь мы имѣемъ дѣло именно съ наследованіемъ дочери, сдѣлавшейся черезъ принятіе мужа ея въ семью постояннымъ членомъ семейнаго союза.

Вмѣстѣ съ нисходящими кровными родственниками обычное право допускаетъ наследованіе и постороннихъ лицъ, принятыхъ въ семью на правахъ сыновей, приемышей, усыновленныхъ, незаконнорожденныхъ.

Ихъ право наследованія обыкновенно зависитъ или отъ срока приписки къ семьѣ, какъ способа усыновленія, или отъ болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія въ семьѣ, какъ приема, при участіи въ общихъ семейныхъ работахъ.

„Главную роль въ опредѣленіи наследственныхъ правъ, говоритъ Оршанскій, играетъ участіе въ семейномъ трудѣ. Поэтому естественно, что незаконнорожденные дѣти, равно какъ приемыши и пасынки участвуютъ въ раздѣлѣ наследства наравнѣ съ законными дѣтьми“. Труды комиссіи по изслѣдованію состоянія волостныхъ судовъ доказываютъ, что этотъ обычай существуетъ у крестьянъ повсемѣстно. Наше официальное право¹⁾, въ отличіе отъ всѣхъ западно-европейскихъ, придерживается строго-отрицательнаго отношенія къ незаконнымъ дѣтямъ. Но народные обычаи приближаются къ началамъ западныхъ законодательствъ... т. е. являются гораздо справедливѣе и умнѣе, чѣмъ система, принятая сводомъ²⁾.

Изслѣдователи, однако, отмѣчаютъ фактъ болѣе частаго примѣненія обычнаго порядка наследованія къ „постороннимъ“ членамъ семьи тогда, когда у домохозяина нѣтъ родныхъ дѣтей мужскаго пола³⁾.

Въ этихъ случаяхъ у крестьянъ мы часто встрѣчаемъ, такъ называемое, договорное наследованіе. Основаніемъ ему служитъ „условіе“, письменное или словесное заключенное между домохозяиномъ и принимаемымъ въ семью приемышемъ или зятемъ-примакъ.

Г. Мухинъ приводитъ одно изъ такихъ условій, дѣйствительно характерное и аналогичное со многими, встрѣчавшимися лично нами въ записяхъ рѣшеній волостныхъ судовъ и въ книгахъ и договорахъ, существующихъ при волостныхъ правленіяхъ.

„Мы, нижеподписавшіеся, государственный кр. Павелъ Худобинъ и бывший крѣпостной Федоръ Кравченко заключили сіе условіе въ слѣдующемъ: 1) я, Худобинъ, принимаю его, Кравченко, къ себѣ вмѣсто сына и въ случаѣ смерти меня и жены, ему должно остаться все мое имущество; въ случаѣ же онъ, Кравченко, не проживетъ пятнадцати лѣтъ, то долженъ отойти безъ всякаго моего вознагражденія, а если по истеченіи пятнадцатилѣтняго срока отойдетъ, то я обязанъ отдать со всего моего имущества третью часть, а въ случаѣ докормить до смерти, то все имущество, 2) я, Кравченко, добровольно согласился

¹⁾ Это было написано въ 1879 г., т. е. до закона 3 іюня 1902 г. объ узаконеніи и усыновленіи.

²⁾ Оршанскій. Ор. cit., стр. 85 и матеріалы ком. по изв. вол. суд. I, 61, 488; III, 75, 92; IV, 29; V, 489; VI, 29, 205. Пахманъ. Ор. cit. Т. II, стр. 285 и слѣд.

³⁾ Мухинъ. Ор. cit., стр. 182. См. цитаты подъ этой страницей у Мухина.

жить у него, Худобина, и повиноваться во всемъ какъ отцу, въ чемъ и подписуемся“.

Насколько однообразны обычаи въ самыхъ разнородныхъ мѣстахъ Россіи доказываютъ слѣдующія два взятыхъ на выдержку свидѣтельства, изъ массы однородныхъ фактовъ, которые можно было бы привести: свидѣтельство г. Харузина, изслѣдовавшаго обычаи казаковъ на Дону и свидѣтельство П. Ефименко, касающагося обычаевъ архангельскихъ крестьянъ. „При усыновленіи заключаются условія, обыкновенно словесныя, но бываютъ и письменныя, говоритъ г. Харузинъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ письменныя условія заключаются только въ томъ случаѣ, если у усыновителя есть родственники, которые, по смерти послѣдняго, могутъ обидѣть усыновленнаго“ ¹⁾.

„Мужчина принимается *вмѣсто сына*, говоритъ П. Ефименко, на такихъ условіяхъ: Онъ обязанъ вести хозяйство и *доспокоить* приемныхъ родителей. Зато послѣ ихъ смерти приемышъ пользуется не только всѣмъ благопріобрѣтеннымъ ими движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, но и находившимися въ ихъ пользованіи землями и угодіями“ ²⁾.

Тотъ же обычай отмѣчается кн. Костровымъ для Томской губ. „Кромѣ усыновленія малолѣтнихъ, говор. авторъ, существуетъ еще усыновленіе или принятіе въ домъ совершеннолѣтнихъ. Большею частью какой-нибудь, не имѣющій дѣтей крестьянинъ, беретъ себѣ кого-либо въ домъ „вмѣсто сына“ съ тѣмъ, чтобы онъ хозяйничалъ до ихъ смерти; послѣ же смерти получилъ въ собственность все ихъ имущество. *О такомъ приемѣ составляется особый актъ, который записывается въ явочную книгу волостного правленія*“ ³⁾.

Отмѣчаемое договорное начало въ наслѣдованіи нашими гражданскими законами не допускается.

Слѣды его мы замѣчаемъ только для Черниговской и Полтавской губ., для которыхъ существуетъ заимствованное изъ Литовскаго статута постановленіе, запрещающее совершать запись въ пользу третьяго лица, разъ уже составлена при жизни запись о передачѣ имѣнія на случай смерти другому.

Но въ другихъ законодательствахъ такое договорное начало имѣется. Оно имѣется въ мѣстномъ Остзейскомъ правѣ, въ Саксонскомъ

¹⁾ Михаилъ Харузинъ. „Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону“. Москва, 1885 г., стр. 86.

²⁾ П. С. Ефименко. „Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ Архангельской губ.“, стр. 53.

³⁾ Кн. Костровъ. „Юридическіе обычаи у крестьянъ—старожиловъ Томской губ.“ Томскъ, 1876 г., стр. 34.

уложеніи и во французскомъ правѣ въ видѣ предбрачныхъ договоровъ, которыми устанавливается договорное наслѣдованіе супруговъ ¹⁾.

Выдѣлъ сыновей при жизни отца считается по обычному праву предвареніемъ наслѣдства и лишаетъ выдѣлившихся правъ наслѣдованія послѣ отца.

Мы не будемъ поэтому излагать обычный порядокъ наслѣдованія по обычному праву. Мы хотимъ только отмѣтить главныя особенности обычного права наслѣдованія, и примѣры отдѣльныхъ порядковъ наслѣдованія приводимъ лишь для того, чтобы познакомить читателей съ тѣмъ, какъ въ этихъ примѣрахъ отражаются указанныя особенности.

Мы не будемъ поэтому излагать обычный порядокъ наслѣдованія въ боковыхъ линіяхъ и наслѣдованія восходящихъ, несмотря на существенныя отличія обычного права въ этомъ отношеніи отъ общегражданскаго закона. Ограничимся только указаніемъ на то, что и въ этихъ случаяхъ проявляются тѣ же особенности, свойственныя строю семейныхъ отношеній крестьянъ.

Въ порядкѣ наслѣдованія вдовы послѣ смерти мужа особенно рельефно обнаруживается эта связь. Если мы будемъ разсматривать отдѣльные случаи такого наслѣдованія и сопоставлять ихъ безъ анализа всѣхъ условій даннаго случая, мы получимъ такое разнообразіе обычаевъ, которое можетъ внушить мысль о полной ихъ неустойчивости.

Близкій къ этой мысли выводъ дѣлаетъ Пахманъ, который вообще больше заботится о почти статистической сводкѣ обычаевъ по матеріаламъ, добытымъ комиссіей по изслѣдованію вол. судовъ, чѣмъ объ изслѣдованіи основныхъ началъ правовыхъ отношеній, обнаруживающихся въ матеріалѣ по обычному праву.

По словамъ Пахмана въ разнообразіи обычаевъ наслѣдованія вдовы замѣчается измѣненіе, которое претерпѣваетъ обычно-правовое возрѣніе крестьянъ „въ направленіи постепеннаго уклоненія отъ стараго начала непризнанія правъ къ болѣе благопріятному для женщины разрѣшенію вопроса“ ²⁾.

Гораздо болѣе удачную сводку обычаевъ въ интересующемъ насъ вопросѣ дѣлаетъ г. Мухинъ, доказывая, что, наоборотъ, обычному праву свойственно признаніе широкихъ правъ вдовы на наслѣдованіе мужа и что скорѣе въ настоящее время замѣчается суженіе этихъ правъ подъ влияніемъ указной доли нашего общегражданскаго права, чѣмъ расширеніе ихъ.

¹⁾ Code civil art. 1086 и сл.

²⁾ Пахманъ, Op. cit. Т. II, стр. 249.

Основываясь на сочинении г. Бѣляева „О наслѣдствѣ безъ завѣщанія по древнимъ русскимъ законамъ“ (Спб. 1858 г.), онъ указываетъ на то, что по Русской Правдѣ и Псковской судной грамотѣ наслѣдованіе вдовы близко находится къ наслѣдованію, опредѣляемому по обычному праву.

Указанная близость не свидѣтельствуетъ объ архаичности обычного права, а свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что обычное право ближе выражаетъ структуру хозяйственной формы народной жизни, чѣмъ современный писанный законъ, порвавшій связь съ этой структурой.

Разнообразіе же нормъ обычного права о наслѣдованіи вдовы свидѣтельствуетъ не столько о борьбѣ двухъ началъ, на которую указываетъ г. Пахманъ, сколько зависитъ отъ того, какое значеніе имѣлъ въ хозяйствѣ семьи умершій мужъ. Если семья простая и мужъ былъ домохозяиномъ, то обычай отводитъ вдовѣ очень большія наслѣдственные права. Вдова при наличности дѣтей, хотя бы и совершеннолѣтнихъ, по обычному праву обыкновенно дѣлается домохозяйкой и къ ней переходитъ вся распорядительная власть ея покойнаго мужа ¹⁾.

Вдова домохозяина, не имѣющаго дѣтей, дѣлается обыкновенно пожизненной владѣлицей имущества мужа, если прожила съ нимъ болѣе года.

Вдова младшаго члена семьи въ сложной и въ особенности въ такъ называемой „сводной семьѣ“ ²⁾ находится въ отношеніи наслѣдственныхъ правъ въ совершенно другомъ положеніи и большинство свидѣтельствъ объ ограниченіи правъ вдовы или даже лишеніи ея наслѣдственныхъ правъ именно относятся къ случаямъ такого наслѣдованія. Здѣсь вдова младшаго члена семьи не имѣетъ наслѣдственныхъ правъ, потому что и мужъ ея не имѣлъ правъ отдѣльной собственности, а былъ только участникомъ общаго хозяйства. Поэтому въ этихъ случаяхъ вдова имѣетъ право только на „прожитокъ“. Впрочемъ нерѣдки случаи, когда такая вдова съ дѣтьми требуетъ выдѣла ея изъ семьи и тогда часто ей *по суду* выдѣляется та часть, которая приходилась бы ея покойному мужу.

Многіе изслѣдователи обычного права отмѣчаютъ и вліяніе X-го тома на рѣшенія волостныхъ судовъ и примѣненіе ими при вопросахъ

¹⁾ См. Оршанскій. Ор. cit., стр. 78; Мужинъ. Ор. cit., стр. 257; Чубинскій. Ор. cit., стр. 695. Ссылки на подлинныя матеріалы по обычному праву у названныхъ авторовъ подъ указанными страницами.

²⁾ Т. е. въ семьѣ, которая состоитъ изъ нѣсколькихъ естественныхъ семействъ.

наслѣдованія вдовы указныхъ долей—^{1/7} въ недвижности и ^{1/4} въ движимости.

Намъ нужно еще рассмотреть вопросъ объ отношеніи обычного права къ завѣщательнымъ распоряженіямъ главы семьи.

Изъ изложеннаго строя семейныхъ отношеній логически вытекаетъ, какъ слѣдствіе, что домохозяева, будучи только распорядителями семейнаго имущества, должны быть ограничены по обычному праву въ завѣщательныхъ распоряженіяхъ. Кромѣ случаевъ бездѣтности домохозяевъ, когда по обычному праву, они, какъ мы видѣли, могутъ даже составлять договоры объ имуществѣ, содержащіе въ себѣ распоряженія на случай смерти и когда, слѣдовательно, они не могутъ быть лишены и права завѣщательнаго распоряженія, обычное право не допускаетъ завѣщательныхъ распоряженій, содержащихъ въ себѣ обходъ правъ наслѣдованія естественныхъ наслѣдниковъ ¹⁾.

Въ отвѣтахъ на вопросы членовъ комиссіи по изслѣдованію волостныхъ судовъ мы встрѣчаемъ такіе: „отказывать по духовному завѣщанію нельзя помимо родныхъ, помимо семейства“ ²⁾, „обойти сына въ завѣщаніи нельзя: этой неправды міръ допустить не можетъ“ ³⁾.

Тѣмъ не менѣ завѣщанія въ крестьянскомъ быту имѣются. Но они, не обходя наслѣдственныхъ правъ наслѣдниковъ, касаются обыкновенно вопроса о распредѣленіи семейнаго имущества въ конкретномъ видѣ между членами семьи, вопроса о томъ, кому быть „старшимъ“ и проч. и носятъ часто характерное названіе: „благословеній“ умирающаго, свято исполнимыхъ домочадцами. Такіе завѣщанія часты не только въ письменной формѣ, но и въ формѣ словесной. *Последняя* форма вполне признается въ своей юридической силѣ волостными судами.

Таковъ въ самыхъ общихъ чертахъ порядокъ наслѣдованія по обычному праву.

Какъ мы видѣли, законъ особенно рекомендуетъ судамъ руководствоваться въ спорахъ о наслѣдованіи крестьянъ обычаемъ.

Въ соотвѣтствіе этому и Сенатъ усиленно разъясняетъ необходимость руководствоваться обычаемъ даже въ спорахъ, разбирающихся въ общихъ судахъ.

„Въ дѣлахъ о крестьянскомъ наслѣдствѣ, говоритъ Сенатъ, изъ какого бы имущества оно не состояло, хотя бы оно было внѣ сферы

¹⁾ Оршанскій. Ор. cit., стр. 86; Пахманъ. Ор. cit. Т., стр. 313 и сл.; Мужинъ. Ор. cit., стр. 72 и сл.

²⁾ Труды ком. III, 117, 129, 145, 153 и др.

³⁾ Труды, II, 143.

крестьянского надѣла, хотя бы наслѣдство заключалось въ торговомъ капиталѣ, судъ долженъ руководствоваться обычаемъ¹⁾. „Судъ долженъ руководствоваться обычаемъ даже, если онъ противорѣчитъ существующему въ X т. 1 ч. положительному закону о наслѣдствѣ“²⁾.

Къ наслѣдованію слѣдуетъ примѣнять обычай того сельскаго общества, къ которому по рожденію принадлежалъ наслѣдодатель, хотя бы имущество находилось въ городѣ³⁾.

Въ самое послѣднее время, однако, Сенатъ нѣсколько ограничилъ примѣненіе обычая въ тѣхъ случаяхъ, когда наслѣдодатель фактически порвалъ связь съ родиной и оставилъ имущество въ городѣ.

Въ рѣш. 1905 г. № 53 (по д. Сапожникова), Сенатъ призналъ, что если крестьянинъ сохранилъ свою связь съ обществомъ только въ паспортномъ отношеніи, самъ же давно переселился въ городъ и въ городѣ же оставилъ имущество⁴⁾, то къ наслѣдованію въ этомъ имуществѣ не примѣнимы обычай его мѣста приписки, а слѣдуетъ примѣнить общій законъ.

Но мы видѣли, что *общее положеніе* о крестьянахъ, рекомендуя руководствоваться обычаемъ, не дѣлаетъ примѣненіе его обязательнымъ.

13 ст. общ. пол. говоритъ, что крестьяне „могутъ“ руководствоваться обычаемъ. „Значитъ, заключилъ Сенатъ, она не исключаетъ и примѣненіе общаго закона, по крайней мѣрѣ, въ общихъ судахъ“.

Изъ такого положенія Сенатъ сдѣлалъ выводъ, что обычай долженъ быть примѣняемъ только тогда, когда на него *ссылаются* стороны и притомъ еще и тогда, когда они эту ссылку *докажутъ*.

„Крестьянамъ дозволяется, говоритъ Сенатъ⁵⁾, въ порядкѣ наслѣдованія, руководствоваться ихъ мѣстными обычаями. Но наслѣдованіе по мѣстнымъ обычаямъ *не есть единственная и безусловная* норма преемственного перехода имуществъ между крестьянами. Ею только, какъ сказано, *дозволяется* руководствоваться. Слѣдовательно, примѣненіе обычая къ разрѣшенію судебныхъ споровъ о наслѣдованіи у крестьянъ возможно только въ случаѣ *ссылки* сторонъ на мѣстный обычай наслѣдованія, существованіе коего надлежащимъ порядкомъ установлено“.

1) Рѣш. Гр. Касс. Деп. Сен. 1875 г. № 839, 1885 г. № 3, 1891 г. № 86, 1896 г. № 116.

2) Рѣш. Гр. Касс. Деп. Сен. 1882 г. № 225, 1873 г. № 1507.

3) Рѣш. Гр. Касс. Деп. Сен. 1902 г. № 37 (по д. Зайцева).

4) Дѣло шло о наслѣдованіи замужнихъ дочерей въ домѣ, оставшемся въ городѣ послѣ отца-крестьянина.

5) Рѣш. общ. собр. 1, 2 и Касс. Деп. 26 января 1898 г. № 2.

Устанавливать же обычай стороны обязаны, по ученію Сената, или путемъ свидѣтельскихъ показаній, или представленіемъ приговора общества, устанавливающего существованіе обычая, или даже представленіемъ удостовѣренія должностного лица¹⁾.

Конечно, съ такимъ толкованіемъ Сената согласиться нельзя.

Нѣтъ никакой логической связи между установленіемъ смысла 13 ст. общ. пол. какъ только *дозволяющей* примѣненіе обычая и выводомъ, который дѣлаетъ Сенатъ: „*слѣдовательно*, обычай можетъ быть примѣненъ только при наличности ссылки стороны“. Еще менѣе логической связи между первой посылкой и требованіемъ, чтобы стороны *доказали* существованіе обычая.

Норма права, примѣняемая судомъ, не можетъ быть произвольной, а тѣмъ болѣе, не можетъ зависѣть отъ желанія одной стороны. Судъ примѣняетъ ту норму права, которая регулируетъ правовыя отношенія и которая обязательна для сторонъ не только когда они уже спорятъ, но была для нихъ обязательной раньше спора. Судъ только *распознаетъ* право и устанавливаетъ отношенія сторонъ въ зависимости отъ того отношенія, въ которомъ по мнѣнію суда должны были находиться стороны, но въ которыхъ онѣ не находились, потому что не знали права или его игнорировали.

Какъ же можно допустить произволъ примѣненія той или другой нормы права, въ зависимости отъ воли одной стороны?

Очевидно слова „дозволяется руководствоваться обычаями“ должны быть истолкованы совѣтъ иначе.

Сенатъ не правъ и въ томъ отношеніи, что онъ считаетъ обязательнымъ для себя только 13 ст. общ. пол. и упускаетъ изъ виду другія указанія крестьянскихъ законовъ, касающихся дѣйствія обычая въ наслѣдованіи, которые нами были приведены выше.

Еще болѣе не правъ Сенатъ, когда онъ возлагаетъ на стороны обязанность доказать обычай. Основное начало процесса требуетъ, чтобы самъ судъ зналъ тѣ нормы права, которыми должны опредѣляться отношенія сторонъ. Это начало выражается римскимъ правомъ „судъ обязанъ знать право“²⁾.— Слѣдовательно, если обычай по ссылкѣ ли сторонъ, или по мнѣнію суда долженъ опредѣлять правоотношенія сторонъ—обычай долженъ быть установленъ самымъ судомъ, по собственной инициативѣ. Ставить его обнаруженіе въ зависимость отъ воли стороны и отъ ея искусства—это значитъ нарушать коренное основа-

1) Рѣш. Гражд. Касс. Деп. Сен. 1891 г. № 86.

2) „*jura novit curia*“.

ніе правильного отправленія правосудія. Что это за судъ, который говорить сторонамъ: „докажите не только фактическую сторону дѣла, но научите судъ праву, которое ему неизвѣстно, научите судъ, какія правила онъ долженъ примѣнять къ спорному дѣлу“?

Толкованіе Сената, по нашему мнѣнію, неправильно, но оно существуетъ и много лѣтъ руководить судебной практикой. Судебная практика, благодаря такому толкованію, то примѣняетъ обычай въ спорахъ о наслѣдствѣ, то отвергаетъ его, когда на обычай стороны, по незнанію ли своихъ правъ и обязанностей или по другой причинѣ, не ссылаются, или когда они, сославшись, его не доказали.

Спрашивается, чѣмъ же тогда руководствуется судъ? Какія нормы права онъ примѣняетъ?

Часто суды въ этихъ случаяхъ примѣняютъ обще-гражданскій законъ, несмотря на полное противорѣчіе его опредѣленій съ изложенными выше началами обычного права наслѣдованія. Вопіющее несоотвѣтствіе, обнаружившееся при такой практикѣ, такъ краснорѣчиво изображенное въ соч. Боровиковскаго „Отчетъ судьи“¹⁾, заставило Сенатъ остановиться на мысли преподать къ руководству нѣкоторыя начала наслѣдственного права крестьянъ, выведенныя изъ особенностей крестьянскихъ законовъ, касающихся строя семейныхъ имущественныхъ отношеній и расходящихся съ постановленіями 1 ч. X т. св. зак.

И Сенатъ имѣлъ полное основаніе поступить такъ. Дилемма или обычай, или десятый томъ справедливо отвергнута Сенатомъ. Онъ сталъ на другую точку зрѣнія. Или обычай или особый порядокъ наслѣдованія, вытекающій изъ строя семейныхъ отношеній крестьянъ.

Для такой точки зрѣнія у Сената было основаніе и въ законѣ. 5 п. 1184 ст. 1 ч. X т. говоритъ, что у крестьянъ порядокъ наслѣдованія особенный, отличный отъ общаго. Въ сущности это примѣчаніе исключаетъ примѣненіе десятого тома къ отношеніямъ крестьянъ по наслѣдованію, во всякомъ случаѣ къ наслѣдованію въ надѣльномъ имуществѣ. Устанавливая этотъ „особенный“ порядокъ наслѣдованія, въ тѣхъ случаяхъ, когда судъ не руководствовался обычаемъ, устанавливая его изъ постановленій крестьянскихъ законовъ, т. е. изъ положеній, помѣщенныхъ въ прим. къ IX т. св. зак., онъ пришелъ къ выводамъ очень близкимъ къ постановленіямъ обычного права.

Этотъ любопытный фактъ подтверждаетъ мысль о томъ, что нормы обычного права являются не какими то произвольными нор-

¹⁾ Т. III. „Дѣла мужичьи“.

мами, „выдуманными изслѣдователями“, какъ выражаются нѣкоторые невѣжественные противники обычного права, а являются логическими слѣдствіями строя имущественныхъ отношеній земледѣльческаго населенія Россіи.

Въ цитированномъ уже нами рѣшеніи общаго собранія 1, 2 и касс. деп. Сената 26 января 98 г. № 2 Сенатъ, установивъ, что обычай является не единственной и не безусловной нормой преемственного перехода имущества между крестьянами, продолжаетъ: „При отсутствіи условій, необходимыхъ для примѣненія обычая, право наслѣдованія крестьянъ въ имуществѣ, относящееся къ составу крестьянскаго надѣла, *„должно опредѣляться существомъ и свойствомъ правъ, принадлежащихъ крестьянамъ-собственникамъ на ихъ надѣльное имущество“*, т. е. не десятымъ томомъ, а законами, изложенными въ прил. къ IX т.

Изясняя смыслъ этихъ законовъ, насколько они касаются наслѣдственного права, Сенатъ говоритъ: „записка при выдачѣ владѣнной записи (дѣло идетъ о бывшихъ государственныхъ крестьянахъ) подворныхъ участковъ за домохозяевами, не укрѣпляетъ за сими лицами отдѣльнаго личнаго права собственности на участокъ земли, *который составляетъ принадлежность всего двора*. Посему владѣнная записъ не можетъ служить основаніемъ для укрѣпленія подворнаго участка за смертью домохозяина *за его наслѣдникомъ*. Такой участокъ составляетъ наслѣдственную собственность всего двора и потому за смертію домохозяина *собственникомъ участка* дѣлаются члены двора или семьи“¹⁾.

Въ рѣшеніи общаго собранія 1, 2 и касс. деп. Сената 26 января 98 г. № 2, Сенатъ, опредѣляя „существо и свойство правъ“ крестьянъ на надѣльную землю и на ея принадлежность въ примѣненіи къ наслѣдованію, говоритъ, что „право потомственного наслѣдованія подворнымъ участкомъ крестьянскаго двора, какъ это неоднократно разъяснялось Сенатомъ, опредѣляется не одними родственными отношеніями крестьянъ, но и принадлежностью ихъ къ составу *рабочей* семьи, почему то лицо, которое не было членомъ семьи при надѣленіи ея землей или вышло изъ состава семьи, теряетъ право на надѣльный участокъ“... „Разъясненія Сената примѣнимы, продолжаетъ общ. собраніе Сената, *и къ порядку наслѣдованія надѣльнымъ участкомъ*, въ смыслъ признанія того, что право наслѣдованія этимъ участкомъ, когда оно не опредѣляется обычаемъ, обусловливается принадлежностью

¹⁾ Рѣш. Гражд. Касс. Деп. Сен. 1882 г. № 147.

наслѣдника къ *составу* крестьянской семьи, владѣющей участкомъ, и утрачивается при выходѣ члена семьи изъ состава въ другой дворъ или вообще изъ крестьянскаго сословія“.

Слѣдую высказанному положенію, Сенатъ призналъ, что дочь умершаго домохозяина, выйдя замужъ, теряетъ право наслѣдованія въ имущество отца, послѣ смерти послѣдняго. На этомъ же основаніи Сенатъ признаетъ право наслѣдованія постороннихъ лицъ, вошедшихъ въ составъ „рабочей семьи: пріемышей, усыновленныхъ, и зятьевъ-примаковъ“.

Строя эти выводы на скудныхъ опредѣленіяхъ закона и лишившись возможности восполнить ихъ живымъ правосознаніемъ населенія, Сенатъ по необходимости обнаруживаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ такой формализмъ, который и противорѣчитъ духу и разуму закона и противорѣчитъ обычному праву.

Рѣшивъ, на примѣръ, что дочь, вышедшая замужъ въ другой дворъ не наслѣдница послѣ отца, Сенатъ распространилъ этотъ выводъ даже на такіе случаи, въ которыхъ по обычному праву несомнѣнно дочь была бы признана наслѣдницей. Въ цитированномъ нами рѣшеніи общаго собранія 98 года № 2, шелъ споръ о наслѣдствѣ послѣ отца между дочерью, вышедшей замужъ и братомъ ея отца, также не входившимъ въ составъ рабочей семьи отца, ибо отецъ и братъ его при жизни совершенно раздѣлились и подѣлили между собой подворный участокъ дѣда. Отецъ умеръ бездѣтнымъ и если при наличности членовъ семьи, оставшихся *въ семьѣ* умершаго домохозяина, естественно и согласно съ обычнымъ правомъ было бы лишеніе дочери, вышедшей замужъ, наслѣдственного права въ пользу преимущественнаго права братьевъ ея, оставшихся въ семьѣ, то при отсутствіи такихъ членовъ семьи совершенно несправедливо лишеніе права наслѣдованія дочери умершаго въ пользу брата ея отца, совершенно къ семьѣ отца не принадлежащаго. Дочь и болѣе близкая наслѣдница по кровному родству и болѣе естественная наслѣдница, какъ бывшій до замужества членъ рабочей семьи своего отца, участвовавшая своимъ трудомъ до замужества въ общемъ трудовомъ хозяйствѣ. Братъ же отца, отдѣлившійся отъ него и являющійся домохозяиномъ новой семьи, очевидно и на основаніи общности семейнаго имущества, и на основаніи кровнаго родства долженъ считаться болѣе отдаленнымъ наслѣдникомъ, чѣмъ дочь.

Дѣлая выводы изъ „существа правъ“ крестьянъ на надѣльную землю, Сенатъ призналъ, что не только по обычаю, но и при отсутствіи ссылки на обычай, крестьяне должны считаться лишенными

права завѣщательнаго распоряженія по отношенію къ надѣлу и имуществу, составляющему принадлежность надѣла.

Въ рѣшеніи общаго собранія 1, 2 и касс. деп. 97 года № 29, Сенатъ, рассмотрѣвъ всѣ ограниченія, имѣющіяся въ законѣ относительно распоряженія надѣльными землями, о которыхъ мы говорили въ главѣ VIII предыдущаго отдѣла настоящей книги, пришелъ къ заключенію, что „по отношенію къ надѣльнымъ землямъ, крестьяне собственники являются владѣльцами такихъ земель, не *въ силу того права собственности, сущность коего опредѣлена въ 420 ст. X т. 1 ч.* и которое представляетъ полное господство собственника надъ имуществомъ, а *на совершенно особомъ основаніи*, вызванномъ общегосударственною цѣлью,—упроченія, по возможности, быта земледѣльческаго сословія. Въ видахъ охраненія цѣлости этого поземельнаго обезпеченія, которое предоставлено крестьянскому населенію въ видѣ надѣльныхъ земель, право распоряженія ими въ значительной степени ограничено. Въ виду сего, *при умолчаніи въ законѣ о правѣ крестьянъ составлять завѣщанія о своихъ надѣльныхъ земляхъ, изъ такого умолчанія правильнѣе вывести, что въ намѣреніяхъ законодателя было и не предоставлять имъ этого права.* Къ такому же выводу приводитъ и другая особенность владѣнія крестьянъ надѣльными землями, которая не можетъ быть упущена изъ виду при разрѣшеніи въ порядкѣ поясненія закона, вопроса о правѣ крестьянъ дѣлать завѣщательныя распоряженія. Особенность эта заключается въ томъ, что, по смыслу положеній, которыми опредѣлялись условія надѣленія, земли крестьянскихъ надѣловъ даны во владѣніе не отдѣльныхъ крестьянъ, а во владѣніе указанныхъ въ законѣ совокупностей лицъ—крестьянскихъ обществъ и крестьянскихъ дворовъ“. Подробно разсматривая затѣмъ постановленія закона, изъ котораго онъ дѣлаетъ такой выводъ ¹⁾, Сенатъ продолжаетъ: „изъ всего изложеннаго, изъ приведенныхъ законовъ и изъ разъясненій Правительствующаго Сената, послѣдовавшихъ въ разрѣшеніе частныхъ случаевъ и основанныхъ на общемъ смыслѣ законовъ, о крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ, владѣльцами ими являются или сельское общество или крестьянскій дворъ, какъ лица юридическія. Организція и порядокъ дѣйствія сельскихъ обществъ установлены въ самомъ законѣ (40, 41, 47 и 57 ст. общ. пол.). Организція двора, какъ лица юридического, хотя прямо въ законѣ

¹⁾ Сенатъ ссылается на 110 и 113 ст. мѣстнаго, великор. пол., 93 ст. малор. пол., 87 ст. пол. для Юго-Зап. края, 81 ст. мѣстн. пол. для Сѣверо-Западнаго края, по изд. 1861 года.

не определена, но по отдельным указаниям, имеющимся в законе, выяснена, в порядке пояснения законов, решениями Прав. Сената. Разъ же земли крестьянского надѣла находятся во владѣнии лицъ юридическихъ, онѣ уже въ силу природы такихъ лицъ завѣщанію подлежатъ не могутъ“.

На основаніи такихъ мотивовъ Сенатъ опредѣлилъ: „признать, что надѣльные земли, а также движимое имущество, необходимое для веденія хозяйства на надѣльных земляхъ, не подлежатъ завѣщательнымъ распоряженіямъ“.

Это рѣшеніе легло въ основу судебной практики.

Такимъ образомъ, дѣйствующее право по отношенію къ наслѣдованію у крестьянъ сводится къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) При рѣшеніи споровъ о наслѣдствѣ во всякомъ имуществѣ въ волостномъ судѣ право наслѣдованія опредѣляется мѣстными обычаями¹⁾.

2) При рѣшеніи споровъ о наслѣдствѣ въ общихъ судахъ, въ силу Сенатской практики, обычай примѣняется ко всякаго рода имуществу крестьянъ, но при условіи ссылки на него одной изъ сторонъ и представленія достаточнаго доказательства въ существованіи обычая.

3) Обычай мѣста приписки не примѣняется въ общихъ судахъ въ случаѣ, если умершій крестьянинъ давно порвалъ всѣ связи съ мѣстомъ приписки, жилъ долгое время внѣ мѣста приписки и оставилъ имущество въ мѣстѣ своего жительства. Въ этихъ случаяхъ примѣняется правило X т. 1 ч.

4) Въ общихъ судахъ при отсутствіи ссылки стороны на обычай или при недоказанности ея существованія обычай примѣняется: а) по отношенію къ надѣльному имуществу и движимости, составляющей принадлежность крестьянского хозяйства, „особый порядокъ наслѣдства“, выведенный Сенатомъ изъ „существа правъ“ крестьянъ на надѣлъ, и б) по отношенію къ прочему имуществу постановленія десятиаго тома.

Надо замѣтить, что земли, приобрѣтенныя крестьянами съ помощью крестьянскаго банка слѣдуютъ порядку наслѣдованія, опредѣляемому для надѣльных земель (т. XI ч. 2 уст. крест. позем. банка изд. 1895 г. прил. къ ст. 45 (прим.) ст. 5).

Проектъ гражданскаго уложенія предполагаетъ сохранить принципъ руководства обычаемъ въ наслѣдованіи крестьянъ, ограничивъ только его дѣйствіе родомъ и размѣромъ имущества.

¹⁾ 135 ст. общ. пол., изд. 1902 г. обязываетъ волостной судъ руководствоваться обычаемъ.

167 ст. проекта говоритъ, что порядокъ наслѣдованія послѣ крестьянъ опредѣляется существующими мѣстными ихъ обычаями, за исключеніемъ случаевъ, когда наслѣдованіе заключается: 1) въ недвижимомъ имуществѣ цѣною свыше двухъ тысячъ рублей; 2) въ движимомъ имуществѣ, находящемся въ чертѣ города, и 3) въ движимомъ имуществѣ, цѣною свыше двухъ тысячъ, не составляющемъ принадлежности крестьянскаго хозяйства. При наслѣдованіи въ послѣднихъ перечисленныхъ трехъ родахъ имуществъ примѣняются общія постановленія проекта уложенія.

Дѣлая, такимъ образомъ, въ указанныхъ предѣлахъ, примѣненіе обычая обязательнымъ для суда, проектъ, однако, отказывается кодифицировать обычай, считая это дѣломъ не только труднымъ, но и неисполнимымъ.

Такое мнѣніе составителей проекта положительно неправильно. Мы видѣли, что основы обычного права наслѣдованія настолько общи и настолько тѣсно связаны съ строемъ хозяйственной жизни крестьянъ, что претворить ихъ въ нормы, конечно, диспозитивнаго¹⁾ характера, является, при настоящемъ уровнѣ свѣдѣній объ обычномъ правѣ, дѣломъ нетруднымъ. Опасеніе, что такая кодификація не можетъ охватить всѣхъ мѣстныхъ особенностей, всего разнообразія обычаевъ, не основательно, при условіи разрѣшенія руководствоваться мѣстными обычаями, въ тѣхъ случаяхъ, когда они несогласны съ кодифицированными началами. При такой постановкѣ кодификаціи, она обезпечивала бы однообразіе примѣненія основныхъ нормъ обычного права и вмѣстѣ съ тѣмъ освобождала бы судъ отъ обязанности розысканія обычая за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда судъ, по ссылкѣ-ли сторонъ или по другимъ даннымъ, убѣдится, что мѣстный обычай не совпадаетъ съ кодифицированными нормами.

Намъ остается еще разсмотрѣть вопросъ о томъ, какое измѣненіе въ описанный порядокъ наслѣдованія вносятъ новые землеустроительные законы.

Они несомнѣнно вносятъ измѣненіе тѣмъ, что провозглашаютъ единоличными собственниками надѣльнаго имущества подворныхъ домохозяевъ въ семьяхъ, состоящихъ изъ домохозяина и его нисходящихъ.

Въ отношеніи общинниковъ и въ отношеніи сложныхъ семействъ подворныхъ владѣльцевъ положеніе вопроса о наслѣдованіи остается неизмѣненнымъ.

¹⁾ Диспозитивными нормами называются такія, которыя опредѣляютъ отношенія на случай, если они не опредѣляются иначе волей сторонъ.

Но въ отношеніи указанныхъ семействъ подворныхъ домохозяевъ, состоящихъ изъ домохозяина и его нисходящихъ порядокъ наслѣдованія, очевидно, долженъ считаться измѣнившимся. Падаютъ въ этихъ случаяхъ всѣ тѣ порядки наслѣдованія, которые были связаны съ строемъ семейныхъ имущественныхъ отношеній крестьянъ, съ общей семейной собственностью. Падаютъ въ этихъ случаяхъ и тѣ особенности наслѣдованія крестьянъ, которыя приближаютъ наслѣдованіе къ раздѣлу семейнаго имущества. Наслѣдованіе послѣ смерти домохозяина—единоличнаго собственника дѣлается наслѣдованіемъ въ чистомъ видѣ и примѣненіе къ нему началъ десятаго тома облегчается. Въ пылу увлеченія сказанной перемѣной, Министерство внутреннихъ дѣлъ въ циркулярѣ, сопровождавшемъ указъ, поспѣшило разъяснить, что отнынѣ единоличные собственники, выйдя изъ общины, свободны въ распоряженіи своими надѣлами, могутъ ихъ завѣщать кому имъ заблагоразсудится и въ наслѣдованіи свободны отъ стѣсненій, которыя они испытывали.

Но очень скоро пришлось сдѣлать оговорки. Въ изданіи общаго положенія о крестьянахъ земскаго отдѣла (Спб. 1908 г.) мы уже встрѣчаемъ подъ 13 ст. общ. пол. такое редакціонное примѣчаніе: „за послѣдованіемъ указа 9 ноября 1906 г. подворные и усадебные участки, въ качествѣ личной, а не семейной собственности, могутъ, какъ это разъяснено въ циркулярѣ М-ва вн. д. 9 декабря 1906 г. № 70, подлежать завѣщательнымъ распоряженіямъ. Но такъ какъ на основаніи 13 ст. общ. пол. крестьяне въ порядкѣ наслѣдованія должны руководствоваться мѣстными обычаями, то завѣщательныя распоряженія по отношенію къ указаннымъ выше участкамъ могутъ имѣть мѣсто лишь только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ данной мѣстности не имѣется обычая, прямо запрещающаго духовныя завѣщанія¹⁾).

Мы видѣли, что обычное право въ большинствѣ мѣстностей запрещаетъ духовныя завѣщанія въ обходъ ближайшихъ наслѣдниковъ. Слѣдовательно, такое запрещеніе дѣйствительно и для единоличныхъ собственниковъ, созданныхъ указомъ 9 ноября и закономъ 14 іюня.

Мин. вн. дѣлъ не предусмотрѣло еще одного ограниченія свободы завѣщанія. Если нѣтъ обычая, препятствующаго такому завѣщанію и если обычай, разрѣшающій духовное завѣщаніе, не будетъ доказанъ, то выступить на сцену другое препятствіе: при примѣненіи началъ десятаго тома можетъ оказаться, что надѣльныя земли у единоличныхъ собственниковъ—родовое имущество и какъ таковое не под-

¹⁾ „Общ. пол. о кр.“. Изд. земскаго отдѣла. Спб. 1908 г., стр. 17, 18.

лежитъ завѣщательному распоряженію въ обходъ законныхъ наслѣдниковъ¹⁾. Это несомнѣнно ограничить единоличныхъ собственниковъ сильнѣе прежняго. Обычай обыкновенно ограничиваетъ завѣщательное распоряженіе въ обходъ наслѣдственныхъ правъ нисходящихъ или членовъ семьи. Единоличные же собственники не смогутъ завѣщать при наличности боковыхъ и очень дальнихъ родственниковъ.

¹⁾ Если такое утвержденіе спорно по отношенію къ вновь выходящимъ изъ общины по закону 9 ноября, то на нашъ взглядъ оно безспорно по отношенію къ чисто подворному владѣнію, бывшему таковымъ со времени надѣленія.

ГЛАВА III.

Опека у крестьянъ.

Къ числу особенностей, связанныхъ съ имущественными отношеніями крестьянъ, необходимо отнести и опеку.

Опека имѣетъ двѣ стороны: одну частно-правовую—совокупность нормъ, опредѣляющихъ какъ поводы къ установленію опеки, такъ и тѣ ограниченія правъ, которыя связаны съ установленіемъ опеки для лицъ, подпадающихъ подъ нея и правъ и обязанностей, которыя возлагаются на опекуновъ, а другую публично-правовую—совокупность нормъ, опредѣляющихъ учрежденіе органовъ, завѣдующихъ опекунскимъ дѣломъ и контролирующихъ дѣйствія опекуновъ.

Частно-правовая сторона регулируется для всѣхъ постановленіями десятого тома, степень обязательности которыхъ для крестьянъ ограничивается, однако, спеціальными постановленіями, которыя будутъ ниже изложены. Публично-правовая сторона организована у насъ издавна на сословномъ принципѣ и поэтому у крестьянъ также является чисто-сословнымъ.

Такимъ образомъ, опека у крестьянъ является обособленной и въ отношеніи органовъ, вѣдающихъ опекунское дѣло, и въ отношеніи матеріальныхъ правъ и обязанностей, связанныхъ съ установленіемъ опеки.

До 1861 года опека у крѣпостныхъ крестьянъ не была вовсе нормирована. Законъ ¹⁾ содержалъ только одно указаніе, возложивъ на помѣщиковъ общую обязанность попеченія о содержаніи и прирѣвнн крѣпостныхъ людей ихъ, пришедшихъ въ невозможность кормиться работой и не допускать ихъ до нищенства.

По имѣющимся свѣдѣніямъ о бытовыхъ условіяхъ крѣпостныхъ крестьянъ можно сдѣлать заключеніе, что опека у нихъ нормировалась мѣстными обычаями и лежала на попеченіи сельскихъ обществъ. Власть помѣщиковъ мало проявлялась въ этомъ отношеніи.

¹⁾ 1104 ст. IX т. св. зак. изд. 1857 г.

Покойный Н. В. Калачевъ, большой знатокъ крестьянскаго быта, оставилъ еще нигдѣ не напечатанную рукопись, содержащую въ себѣ общій очеркъ положенія опеки у крѣпостныхъ крестьянъ къ эпохѣ уничтоженія крѣпостнаго права ¹⁾. Въ ней онъ констатируетъ фактъ руководства помѣщичьихъ крестьянъ въ дѣлахъ по опекамъ мѣстными обычаями, которые, по мнѣнію Калачева, не возлагали ни на помѣщика, ни на міръ особыхъ обязанностей по опеки. Дѣлая сводку извѣстныхъ ему матеріаловъ по обычному праву, Калачевъ устанавливаетъ нѣкоторыя общія положенія, заключающіяся въ слѣдующемъ:

Попеченіе о личности малолѣтнихъ принадлежитъ оставшемуся въ живыхъ родителю. Но если малолѣтній принадлежитъ къ, такъ называемой, сложной семьѣ, состоящей изъ нѣсколькихъ совершеннолѣтнихъ членовъ, живущихъ нераздѣльно, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ находится подъ попеченіемъ главы семьи-домохозяина—большака.

Къ круглому сиротѣ сельскій староста съ благонадежными крестьянами, преимущественно изъ родственниковъ малолѣтняго, старается приискать лицо, которое взяло бы сироту въ приемыши къ себѣ въ домъ, безвозмездно, а если такого лица не найдется, то малолѣтній отдается въ обученіе мастерству за работу или съ пособіемъ отъ общества.

Имущество малолѣтняго описывается старостой и часть его, подверженная порчѣ, продается, а остальное отдается въ наслѣдованіе кому-либо изъ платежа арендныхъ денегъ, которыя равно какъ и всѣ денежныя суммы, сдаются на храненіе въ волостное правленіе впредь до совершеннолѣтія призрѣваемаго.

Совершенно аналогичныя правила, но уже претворенныя въ законъ существовали для государственныхъ крестьянъ и входили въ десятый томъ по изданію 1857 года (ст. 297—327). Въ этихъ статьяхъ опека у государственныхъ крестьянъ нормировалась подробно, причемъ хотя возрастъ совершеннолѣтія точно не опредѣлялся, но изъ сопоставленія статей закона можно заключить, что совершеннолѣтіе признавали не въ 21 годъ, а съ 17-лѣтняго возраста. По крайней мѣрѣ съ 17 лѣтъ опека прекращалась, а установленія попечительства означенныя правила не знали.

Съ примѣненіемъ общаго положенія къ государственнымъ крестьянамъ опекунское дѣло у послѣднихъ значительно пострадало въ своей опредѣленности.

¹⁾ Часть этой рукописи сохранилась въ матеріалахъ коммисіи объ опекахъ, состоявшей при Министерствѣ вн. дѣлъ. Выдержки изъ этой рукописи помѣщены въ „Проектъ устава объ опекахъ и попечительствахъ“. Сиб. 1891 г.

По общему положению о крестьянах 1861 года об опеках говорится только в прим. к 21 ст. ¹⁾, что опеки у крестьян подлежат действию существующих у крестьян местных обычаев, а из статьи 51-й (нынѣ 62 по изд. 1902 г.), перечисляющей компетенцию сельских сходов, мы узнаем, что сельским сходам подлежит вѣдать назначением опекунов и попечителей, повѣрка их действий и разрѣшеніе продажи имущества малолѣтних.

Больше никаких указаний положеніе 1861 года въ себѣ не заключало. Обычай долженъ былъ нормировать и возраст совершеннолѣтія и всѣ ограниченія правъ, связанные съ опекой, онъ долженъ былъ регулировать и дѣйствія опекунов и порядокъ контроля за этими дѣйствіями.

Такая неопредѣленность установленія опеки, конечно, самымъ губительнымъ образомъ отражалась на опекуномъ дѣлѣ. Неудовлетворительность его постановки сознается всѣми, сознавалась и правительствомъ еще въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, но, къ сожалѣнію, приписывалась не отсутствію болѣе точныхъ и опредѣленныхъ правилъ закона, а отсутствію близкой къ народу власти. Съ учрежденіемъ земскихъ начальниковъ, которымъ вмѣненъ въ обязанность надзоръ за опекунскими дѣлами ²⁾, въ правительственныхъ кругахъ связывали надежду на улучшеніе опекунаго дѣла.

Какъ оправдались эти надежды, видно изъ отзывовъ о безотрадномъ положеніи опекунаго дѣла губернскихъ совѣщаній, образованныхъ въ 90-хъ годахъ для пересмотра законодательства о крестьянахъ. Свидѣтельство этихъ совѣщаній тѣмъ болѣе цѣнно, что оно основано въ значительной степени на свѣдѣніяхъ, полученныхъ именно отъ земскихъ же начальниковъ ³⁾, отвѣтственныхъ за состояніе опеки.

Постановленія X тома об опекахъ въ порядкѣ семейственномъ, повидимому, не могутъ примѣняться къ опекамъ у крестьянъ. Сомнительно даже, чтобы къ крестьянамъ примѣнялось постановленіе о возрастѣ несовершеннолѣтняго, т. е., чтобы совершеннолѣтіе считалось именно съ 21 года. По крайней мѣрѣ, у крестьянъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, опека обыкновенно прекращается въ 17 лѣтъ и особаго попечительства не назначается.

¹⁾ Нынѣ прим. къ 1 ст. общ. пол. по изд. 1902 г.

²⁾ 39 ст. пол. устан. кр. по изд. 1902 г.

³⁾ Указанные отзывы помѣщены въ официальномъ изданіи „Сводъ губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законодательства о крестьянахъ“, Спб. 1897 г., изд. зем. отд. и сведены въ главѣ „Крестьянскія опеки“ у Бржескаго въ его сочиненіи „Очерки юридическаго быта крестьянъ“. Спб. 1902 г.

Сенатъ во многихъ своихъ рѣшеніяхъ признавалъ, что постановленія X тома об опекахъ для крестьянъ силы не имѣютъ.

Такъ, Сенатъ призналъ, что въ „назначеніи опекуновъ и попечителей, въ повѣркѣ ихъ дѣйствій и во всѣхъ сего рода дѣлахъ для крестьянъ необязательны ни общія правила охранительнаго судопроизводства, ни общіе законы об опекахъ“ ¹⁾, въ частности онъ призналъ не обязательнымъ постановленія десятаго тома о препятствіяхъ къ назначенію опекуна (256 ст. X т. 1 ч.) ²⁾.

Но тотъ же Сенатъ призналъ, что на осн. 219 ст. X т. 1 ч. крестьянскія сироты по достиженіи 14 лѣтъ могутъ сами выбирать себѣ попечителя, т. е., другими словами, призналъ, что нѣкоторыя статьи десятаго тома могутъ быть обязательными для крестьянъ ³⁾.

Вслѣдствіе такой скудости опредѣленій закона опека у крестьянъ въ сущности ничѣмъ не регулирована. Правда, Сенатъ постарался нормировать нѣкоторые случаи, особенно обращавшіе на себя вниманіе, но съ одной стороны, самъ Сенатъ при этомъ нерѣдко впадалъ въ противорѣчіе, а съ другой—разъясненія Сената не могутъ замѣнить собой законодательныхъ опредѣленій.

Такъ долгое время практика крестьянскаго опекунаго дѣла упорно проводила начало, по которому опекой должно завѣдывать то сельское общество, къ которому былъ приписанъ отецъ сироты. Если отецъ жилъ и умеръ въ другой губерніи и тамъ же оставилъ имущество, завѣдывать имъ должно было не то общество, въ которомъ онъ проживалъ, а то, къ которому онъ приписанъ ⁴⁾. Несообразность такого порядка усиливалась еще тѣмъ, что общество было обязано назначать опекуномъ непременно своего односельца. Это вызывалось не только фактическими условіями, такъ какъ обществу, конечно, трудно возложить опекунскія обязанности на лицо, не состоящее членомъ общества, но и юридическимъ толкованіемъ закона. Сенатъ разъяснилъ, что общество, вѣдающее опекой, можетъ выбирать опекуномъ только члена своего общества.

Такое толкованіе закона вызывало громадное неудобство, въ особенности у переселенцевъ. Бывали, нерѣдко, случаи смерти въ Сибири крестьянъ переселенцевъ, водворившихся въ Сибири и тамъ оставившихъ и имущество и сиротъ, нуждающихся въ опекахъ, но оставшихся

¹⁾ Указъ 1 Деп. Сен. 8 мая 1875 г. № 3658 и 13 июня 1877 г. № 4830.

²⁾ Рѣш. общ. собр. 1, 2 и Касс. Деп. Сен. 12 апрѣля 1893 г. № 12.

³⁾ Рѣш. 2 Деп. Прав. Сен. 3 февраля 1895 г. № 435.

⁴⁾ Такъ толковалъ Сенатъ до самаго послѣдняго времени. Ср. рѣш. 1 Деп. Прав. Сен. 4 февраля 1883 года № 370, 2 Деп. Сен. 4 ноября 1888 г. № 4887.

приписанными къ прежнимъ обществамъ. Опека должна была быть учреждена въ обществѣ, къ которому онъ приписанъ, несмотря на то, что это общество было отдалено отъ мѣстожительства сиротъ и отъ мѣстонахожденія имущества на десятки тысячъ верстъ.

Конечно, такой порядокъ былъ равносильнъ оставленію сиротъ безъ всякой опеки.

Только въ послѣднее время практика Сената, основываясь на буквальномъ смыслѣ редакціи примѣчанія къ 1-ой ст. общ. пол. по изд. 1902 г., въ которомъ кодифицированъ новый законъ ¹⁾ объ опекахъ надъ лицами, приписанными къ волости, но проживающими въ предѣлахъ даннаго сельскаго общества и въ которомъ этотъ законъ обобщенъ съ прежней редакціей примѣчанія къ 21 ст., перемѣнила свое прежнее толкованіе. Не совсѣмъ правильная кодификація изданія 1902 года, такимъ образомъ, случайно помогла удовлетворить жизненной потребности.

Примѣчаніе первое къ 1 ст. общ. пол. по изд. 1902 г. изложено такъ: „Попеченіе о личности и объ имуществѣ малолѣтнихъ сиротъ крестьянъ возлагается *по мѣсту жительства или нахожденія недвижимаго имущества* на обязанность сельскихъ или волостныхъ обществъ“.

Пользуясь такимъ измѣненіемъ редакціи закона, Сенатъ установилъ правило, совершенно противоположное своей прежней практикѣ, а именно, что опека учреждается тѣмъ сельскимъ или волостнымъ обществомъ, въ которомъ проживаютъ малолѣтніе или въ которомъ находится ихъ имущество.

Та же неправильность кодификаціи дала возможность Сенату установить въ томъ же рѣшеніи 5 марта 1907 года, что назначеніе опеки надъ личностью и имуществомъ сиротъ сельскихъ обывателей, проживающихъ въ городѣ и обладавшихъ имуществомъ, расположеннымъ въ чертѣ послѣдняго, подлежитъ вѣдѣнію сиротскаго суда, не только при условіи приписки крестьянина, бывшаго владѣтеля означеннаго имущества, къ волости, но и въ случаѣ приписки этого лица и наслѣдниковъ къ опредѣленному сельскому обществу ²⁾.

¹⁾ 23 ноября 1892 г.

²⁾ Рѣш. общ. собр. 1, 2 и Касс. Деп. Сен. 5 марта 1907 года. Неправильность кодификаціи, о которой мы упомянули, заключается въ томъ, что законъ 23 ноября 1892 года, который регулировалъ дѣло назначенія опеки исключительно у крестьянъ, *приписанныхъ къ волости* и который впервые установилъ принципъ назначенія опеки по мѣсту жительства или нахожденія имущества и впервые подчинилъ опеку крестьянъ, *приписанныхъ къ волости*, сиротскому суду въ случаѣ смерти крестьянина въ городѣ и нахожденія въ немъ имущества распространенъ только путемъ кодификаціи на всѣхъ крестьянъ.

Такимъ образомъ, въ настоящее время опека крестьянъ назначается по мѣсту жительства сиротъ и мѣсту нахожденія имущества и въ случаѣ, если означенное мѣстожительство и мѣсто нахожденія имущества—въ городѣ, подвѣдомственно сиротскому суду.

Въ виду отсутствія въ законахъ 1861 года указанія на порядокъ разрѣшенія продажъ опекаемаго имущества въ 1877 году былъ изданъ законъ, вошедшій во 2 примѣч. къ 1 ст. общ. пол. о кр., по которому продажа недвижимаго имущества и движимости, не подвергающейся порчѣ и тлѣнію (продажа котораго разрѣшается сельскимъ сходомъ) разрѣшается по приговору сельскаго схода губернскимъ присутствіемъ.

Такимъ образомъ, въ изъятіе изъ общаго порядка, установленнаго для всѣхъ гражданъ Имперіи, по которому продажа недвижимаго имущества опекаемыхъ разрѣшается Сенатомъ, для крестьянъ установленъ особый порядокъ. Впрочемъ, Сенатъ разъяснилъ, что это изъятіе касается только имуществъ, находящихся „въ предѣлахъ сельскихъ обществъ и принадлежащихъ къ разряду крестьянскихъ (?) имуществъ“. Если же недвижимое имущество не принадлежитъ къ означенному разряду, то требуется разрѣшеніе Сената, на общемъ основаніи ¹⁾.

Опека надъ безумными и слабоумными, по разъясненію Сената, назначается на общемъ основаніи (т. е. по опредѣленію Сената) и осуществляется сельскими сходами.

До самаго послѣдняго времени Сенатъ признавалъ, что опеки за расточительность у крестьянъ назначаемо быть не можетъ.

Подробно разсмотрѣвъ этотъ вопросъ въ общемъ собраніи въ 1888 году, Сенатъ ²⁾ призналъ, что опека за расточительность назначается въ особомъ административномъ порядкѣ, опредѣленномъ въ уставѣ предупрежденія и пресѣченія преступленій ³⁾, въ коемъ этотъ порядокъ предусмотрѣнъ только для дворянъ и городскихъ обывателей и что поэтому этотъ порядокъ не можетъ распространяться на крестьянъ.

Но въ 1907 году Сенатъ измѣнилъ свой взглядъ и призналъ возможнымъ и у крестьянъ назначеніе опеки за расточительность въ общемъ порядкѣ ⁴⁾.

Изъ изложеннаго положенія опекунскаго дѣла у крестьянъ легко усмотрѣть, насколько оно неопредѣленно и шатко.

¹⁾ Рѣш. 1 Деп. Прав. Сената 4 февраля 1883 г. и 2 Деп. 8 октября 1896 г. № 2587.

²⁾ Рѣш. общ. собр. 1, 2 и Касс. Деп. 30 июня 1888 года.

³⁾ 182—184 ст. уст. о гр. и кр. крест. Т. XIV св. зак.

⁴⁾ Рѣш. 1 общ. собр. Сен. 6 февраля 1907 г. № 1518.

ГЛАВА IV.

Обычное право.

1.

Обзор особенностей имущественных правоотношений крестьянъ показалъ намъ, какую обширную область примѣненія въ нихъ имѣетъ обычное право.

Земельныя отношенія въ томъ видѣ, какъ они вылились въ поземельномъ устройствѣ крестьянъ на основаніи положеній 1861 года и послѣдующихъ законодательныхъ актовъ, въ значительной степени опредѣлились на основаніи обычаевъ. Въ этомъ читатели, надѣмся, убѣдились изъ историческаго очерка созданія этихъ положеній и изъ обзора ихъ содержанія. Поземельныя отношенія, связанныя съ наиболѣе распространенными формами землевладѣнія крестьянъ: общиной и подворнымъ владѣніемъ, основаны на обычномъ правѣ. Семейныя имущественныя отношенія, наследственное право, опека—все это области самымъ закономъ подчиненныя регулирующей силѣ обычая.

Естественно было бы ожидать отъ русской юридической литературы обширной и детальной разработки вопросовъ, связанныхъ съ обычнымъ правомъ.

Къ сожалѣнію, дѣйствительность этихъ ожиданій не оправдываетъ. Въ нашей литературѣ собранъ громадный матеріалъ по обычному праву, но онъ очень мало подвергнутъ юридической переработкѣ. Громадное большинство цивилистовъ почти игнорируютъ крестьянское обычное право, а если касаются обычного права вообще, то, обыкновенно, ограничиваются обсужденіемъ тѣхъ вопросовъ, которые выдвинуты западно-европейской литературой.

Главными изъ этихъ вопросовъ являются вопросы о происхожденіи обычного права, объ его природѣ и объ отношеніи его къ законодательству. Но и эти вопросы обсуждаются обыкновенно не съ точки зрѣнія реальныхъ потребностей правовой жизни главной массы населенія—крестьянства. Въ любомъ трактатѣ объ обычномъ правѣ въ курсахъ гражданского права, энциклопедіи или исторіи русскаго права

можно найти изложеніе взглядовъ на обычное право исторической школы (Пухты, Савиньи), взглядовъ новѣйшихъ ученыхъ: Теринга, Гирке, Кирульфа, но совершенно нельзя найти разработку тѣхъ сторонъ вопросовъ, которыя вызываются особеннымъ положеніемъ обычного права въ Россіи.

А особенность этого положенія очень существенна. Въ Западной Европѣ кодификація обычного права въ области гражданскихъ отношеній совершалась одновременно для всѣхъ слоевъ населенія. И Франція и Германія прошли черезъ эпоху господствующаго вліянія обычного права, кодифицировавшагося стараніями юристовъ, а затѣмъ вступили въ эпоху господства закона¹⁾. Поэтому западныхъ ученыхъ мало интересуютъ такіе вопросы, которые для насъ получаютъ первостепенное значеніе, какъ вопросъ о способахъ изслѣдованія обычного права, кодификація обычаевъ и пр.

У насъ же обычное право преимущественно регулируетъ жизнь только одного класса населенія, до сихъ поръ тщательно обособляемаго отъ непосредственнаго вліянія на него интеллигентныхъ силъ націи. Поэтому въ смыслѣ не только кодификаціи, но и въ смыслѣ, такъ сказать, формулировки нормъ обычного права народные юридическіе обычаи находятся на такой примитивной стадіи своего развитія, которая даетъ поводъ многимъ юристамъ даже отрицать существованіе обычного права у крестьянъ.

Создается прискорбное положеніе: съ одной стороны ни въ одной европейской странѣ обычному праву не отведено такого вліянія на народную жизнь, какъ у насъ, а съ другой стороны едва ли гдѣ либо разработкой народного обычного права занято такъ мало научныхъ силъ. Съ одной стороны на основѣ обычного права крестьянъ построены цѣлые институты вещнаго, семейственнаго и наследственнаго права, обычнымъ правомъ регулируется жизнь общины, семейнаго союза и опредѣляется порядокъ наследованія, а съ другой стороны многіе русскіе юристы отрицаютъ самое существованіе обычного права у крестьянъ²⁾!

¹⁾ См. о процессѣ кодификаціи обычаевъ на западѣ: — В е а и н е. *Droit coutumier*, — L a m b e r t. *Etudes du droit commun legislatif et de droit civil compare*. П а х м а н ѣ. „Исторія кодификаціи гражданского права“. Спб. 1876 г. К а р а с е в и ч ѣ. „Гражданское обычное право Франціи“. М. 1875 г.

²⁾ См. *Обнинскій* въ статьѣ „Упрощенное судопроизводство“. Журналъ гражд. и угол. права 1892 г., кн. 2. *Табашиниковъ*. „Желательное отношеніе будущаго гражданского уложенія къ нашему обычному праву“. Журналъ гражд. и угол. права 1885 г., кн. 3.

„Продолжительный опыт, говорить напр. Обнинскій, заставил насъ крайне скептически отнестись къ проблемѣ существованія въ средѣ крестьянъ какихъ либо юридическихъ обычаевъ и, положа руку на сердце, мы должны сказать, что не вѣримъ въ нихъ. Напасть на слѣдъ какого либо юридического обычая въ *чистомъ и сжатомъ* значеніи этого термина намъ ни разу не приходилось“.

Подобный отзывъ обнаруживаетъ полное незнакомство съ вопросомъ объ обычномъ правѣ крестьянъ, почти полное невѣдѣніе въ немъ.

Авторъ ищетъ формулированныхъ нормъ и, не найдя ихъ, отрицаетъ существованіе обычного права.

Между тѣмъ скудость формулированныхъ нормъ обычного права крестьянъ объясняется тѣмъ, что такія нормы обыкновенно являются плодомъ обобщенія правового сознанія народа юристами, часто судьями-юристами, обязанными примѣнять обычаи.

У насъ условія этой работѣ не благопріятствовали, потому что народная правовая жизнь была разобщена отъ интеллигентныхъ силъ націи и въ жизни и, въ частности, въ судѣ.

Юридическіе обычаи крестьянъ остановились на стадіи *правового народнаго сознанія*, правда, очень устойчиваго, очень однообразно проявляющагося, но проявляющагося въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ примѣненіи къ конкретнымъ случаямъ жизни.

Вотъ почему обычное право крестьянъ нельзя прямо записать изъ разспросовъ крестьянъ, нельзя прямо заимствовать изъ какого либо готоваго источника, а его надо *изслѣдовать, извлекать* изъ примѣровъ тѣхъ или другихъ правовыхъ отношеній, изъ судебныхъ рѣшеній по частнымъ случаямъ судебныхъ споровъ, сопоставляя и обобщая ихъ¹⁾.

Это свойство обычного права дало Оршанскому поводъ къ любопытному разсужденію о томъ, что не всѣ народы обладаютъ одинаковой способностью къ созданію прочныхъ правовыхъ системъ. Въ то время, какъ у однихъ народовъ, по его мнѣнію, правовое сознаніе очень рано кристаллизуется въ отвлеченныя правовыя нормы, у другихъ оно проявляется только въ судебныхъ рѣшеніяхъ. Такъ римляне, въ особенности передъ всѣми народами, отличались правовымъ гениемъ, а греки, наоборотъ, не создали прочныхъ правовыхъ началъ, „предпочитая достиженіе индивидуальной справедливости въ каждомъ дѣлѣ соблюденію общихъ началъ права“.

¹⁾ См. мою статью „Поиски за обычнымъ правомъ“ Рус. Бог. 1899 г. № 3.

Къ числу народовъ, приближающихся по своему отношенію къ правовому творчеству грековъ, Оршанскій причисляетъ и русскихъ и этимъ народнымъ свойствомъ объясняетъ индивидуализмъ русскаго обычного права.

Конечно, созданіе обобщенныхъ нормъ права влечетъ извѣстнаго рода формализмъ, противъ котораго и возстаетъ Оршанскій. Этотъ формализмъ особенно тягостенъ тогда, когда извѣстная система правовыхъ нормъ, выработанная въ древности, при особыхъ условіяхъ общественной жизни, переживаетъ эти условія и тѣмъ не менѣе примѣняется въ жизни и руководитъ судебными рѣшеніями. Не соответствуя болѣе новымъ условіямъ и отношеніямъ общественной жизни, такая система нормъ права очевидно расходится съ матеріальной справедливостью и вотъ мы присутствуемъ при интересной коллизіи, довольно, впрочемъ, распространенной въ области нравственныхъ явленій¹⁾: та самая правовая норма, которая явилась, какъ результатъ стремленія къ справедливому, становится въ противорѣчіе съ справедливостью и препятствуетъ дальнѣйшему проявленію правотворящаго фактора.

Такое явленіе, столь часто повторявшееся въ римской исторіи, откуда оно и заимствовало свою формулу („Fiat justitia, pereat mundus“) случается во всякомъ обществѣ и случается тѣмъ чаще, чѣмъ медленнѣе данная система правовыхъ нормъ даннаго народа измѣняется согласно измѣнившимся условіямъ жизни народа, чѣмъ она консервативнѣе.

Очевидно, однако, что такое явленіе, какъ исключеніе, не можетъ подрывать значенія правовыхъ нормъ вообще, потому что то самое чувство справедливости, которое возмущается противъ примѣненія правовыхъ нормъ несоответствующихъ природѣ жизненныхъ отношеній, это же самое чувство справедливости настоятельно требуетъ установленія правовыхъ нормъ вообще, обязательныхъ для всѣхъ членовъ даннаго общества и подчиненія послѣднихъ этимъ нормамъ.

Вотъ почему съ мнѣніемъ Оршанскаго о преимуществѣ указаннаго состоянія обычного права передъ правомъ кристаллизовавшимся въ опредѣленныя нормы, конечно, согласиться нельзя.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не принимать во вниманіе указаннаго состоянія юридическихъ обычаевъ крестьянъ, при обсужденіи

¹⁾ Въ соч. Вундта „Этика“ приведено много аналогичныхъ и очень любопытныхъ примѣровъ столкновеній общественныхъ результатовъ извѣстнаго мотива съ самымъ мотивомъ, произведшимъ эти результаты.

вопроса объ отношеніи суда къ обычному праву и при обсужденіи вопроса о способахъ изслѣдованія обычнаго права и его кодификаціи.

2.

Область примѣненія обычая въ правовой жизни крестьянства указана нами въ предыдущихъ главахъ. Но эта область, какъ мы видѣли, вслѣдствіе неполноты и неясности закона не ограничена въ достаточной степени и поэтому коллизія въ судѣ между обычнымъ правомъ и писаннымъ закономъ наблюдается постоянно.

Даже въ сферѣ дѣятельности волостного суда господство обычнаго права очень часто оспаривается.

Существуетъ мнѣніе, что и въ волостномъ судѣ обычай обязателенъ для суда только въ случаѣ ссылки на него стороны и подтвержденія ссылки на обычай доказательствомъ его существованія.

Конечно, такое мнѣніе неправильно. Напротивъ, волостной судъ долженъ, по мысли законодателя, руководствоваться только обычаемъ.

Это явствуетъ изъ буквального смысла подлежащихъ статей закона.—По положенію 1861 года было опредѣлено, что при разсмотрѣніи тяжёбнаго дѣла въ волостномъ судѣ, судъ рѣшаетъ дѣло „*либо на основаніи заявленныхъ въ волостномъ правленіи сдѣлокъ и обязательствъ, либо, при отсутствіи таковыхъ сдѣлокъ, на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и правилъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту*“.

Можно, конечно, сдѣлать основательный упрекъ составителямъ общаго положенія о крестьянахъ въ неудачной редакціи цитированной статьи, заключающейся въ неправильно поставленномъ нарѣчій „или“. Слѣдовало бы сказать „на основаніи сдѣлокъ и договоровъ и на основаніи обычаевъ“, такъ какъ и при наличности сдѣлки судъ не можетъ руководствоваться только ею, но долженъ при оцѣнкѣ договора, при ея квалификаціи, при выводѣ юридическихъ послѣдствій, изъ нея вытекающихъ, руководствоваться нормами права. Какія же это нормы права? При отсутствіи упоминанія о десятомъ томѣ, надо заключить, что такія нормы должны быть извлечены изъ обычнаго права.

Толкованія Сената, послѣдовавшія въ первые годы дѣятельности волостныхъ судовъ по закону 1861 года постоянно и неуклонно обезпечивали за обычаемъ положеніе единственнаго источника права для волостного суда.

Такъ въ одномъ рѣшеніи Сенатъ опредѣлялъ, что контролирующія учрежденія (уѣздныя и губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія) должны наблюдать, чтобы волостными судами были соблюдаемы лишь правила, специально для нихъ изложенныя въ положеніи 19 февраля 1861 года, а не общія узаконенія, принятіе которыхъ къ руководству, при рѣшеніи дѣлъ, *волостнымъ судамъ не вмѣнено въ обязанность*.

Въ другомъ рѣшеніи Сенатъ призналъ, что *законоположенія о потравѣ необязательны для волостныхъ судовъ, „основывающихъ свои рѣшенія на правилахъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту и на мѣстныхъ обычаяхъ“*¹⁾.

Въ нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ Сената былъ возбуждаемъ уже въ общемъ видѣ вопросъ о примѣнимости десятаго тома и высказано положеніе, что волостные суды не руководствуются „общими“ законами, что несоотвѣтствіе ихъ рѣшеній постановленіямъ десятаго тома не имѣетъ значенія, такъ какъ „*общія гражданскія узаконенія для волостныхъ судовъ не обязательны*“²⁾.

Съ высказаннымъ положеніемъ о господствѣ обычая въ волостномъ судѣ согласно и большинство русскихъ ученыхъ юристовъ. Это положеніе признавали Градовскій, Малышевъ, Пахманъ, Побѣдоносцевъ.

Извѣстная коммиссія по преобразованію волостныхъ судовъ, состоявшая изъ корифеевъ нашей юридической науки и судебной практики, приступила къ изученію современнаго ей положенія волостныхъ судовъ, признавая ихъ исключительно судами обычнаго права, совершенно чуждыми писанныхъ гражданскихъ законовъ.

Къ тому же мнѣнію приводятъ насъ и свѣдѣнія о мотивахъ учрежденія волостного суда. При обсужденіи положенія 19 февраля 1861 г. какъ въ редакціонныхъ коммиссіяхъ³⁾, такъ и въ Государственномъ Совѣтѣ всегда выражалась руководящая мысль, подъ вліяніемъ которой волостной судъ и получилъ свою организацію: невозможность подчиненія правовой жизни крестьянъ десятому тому, постановленія котораго не соотвѣтствуютъ быту и воззрѣніямъ народа, семейному и общинному строю ихъ жизни и обычно-правовымъ понятіямъ.

Такимъ образомъ и буквальный смыслъ закона, и толкованіе его Сенатомъ, и установившійся въ этомъ отношеніи взглядъ представи-

¹⁾ Рѣш. 25 января 1877 г. № 768.

²⁾ Рѣш. 15 марта 1865 г. № 2010 и 12 апрѣля 1877 г. № 2882.

³⁾ См. *Семеновъ*. „Освобожденіе крестьянъ въ цар. Имп. Александра II“. Спб. 1893 г., т. III, стр. 160—195.

¹⁾ 170 ст. общ. пол. изд. 1902 г.

²⁾ Рѣш. 20 марта 1875 г. № 2342.

телей науки права и, наконецъ, законодательные мотивы—все приводить насъ къ тому убѣжденію, что въ волостномъ судѣ, учрежденномъ закономъ 1861 года, юридическій обычай и непосредственныя правовыя воззрѣнія крестьянъ являются единственнымъ источникомъ права и что десятый томъ свода законовъ не имѣетъ для этого суда обязательнаго значенія.

Принявъ такой выводъ относительно волостного суда по положенію 1861 года, мы неминуемо должны признать его правильнымъ и для суда по положенію 1889 года. Должны потому, что временныя правила о волостномъ судѣ въ интересующемъ насъ отношеніи повторяютъ постановленія закона 1861 года.

135 ст. общ. пол. о кр. въ отношеніи новаго волостного суда говорить: „волостной судъ рѣшаетъ дѣла по совѣсти, на основаніи имѣющихся въ дѣлѣ доказательствъ. При разрѣшеніи тяжбъ и споровъ между крестьянами, въ особенности же дѣлъ о раздѣлѣ крестьянскаго наслѣдства судъ руководствуется мѣстными обычаями“.

И, однако, господство обычая даже въ волостномъ судѣ очень мало обезпечено на практикѣ, особенно вслѣдствіе подчиненія волостного суда апелляціонной инстанціи—уѣздному сѣзду, состоящему изъ людей, незнакомыхъ съ обычаемъ.

И пока обычное право не будетъ знакомо интеллигенціи, пока оно не будетъ лучше изучено, а главныя положенія его даже кодифицированы, до тѣхъ поръ необходимо особенно заботиться о томъ, чтобы мѣстный судъ, который обнимаетъ собой компетенцію волостного суда, включалъ бы въ своемъ составѣ лицъ, знакомыхъ съ правосознаніемъ крестьянскаго населенія.

Въ проектѣ мѣстнаго суда, который былъ внесенъ въ Государственную Думу, предполагалось примѣнить то начало, которое установлено для общихъ судовъ, по которому обычай примѣняется судомъ къ разрѣшаемому дѣлу только по ссылкѣ стороны и при условіи доказательства стороной существованія обычая.

Нѣтъ ничего болѣе неправильнаго и несогласнаго съ общими началами процесса. Мы знаемъ, къ чему привело это начало процесса въ общихъ судебныхъ мѣстахъ при разборѣ ими крестьянскихъ исковъ. Обычное право, господство котораго въ указанныхъ выше областяхъ крестьянскихъ правоотношеній обезпечено самимъ закономъ, было совершенно упразднено.

Въ этомъ отношеніи очень любопытно свидѣтельство такого компетентнаго цивилиста, какъ Боровиковскій, который говоритъ, что хотя законодатель несомнѣнно желалъ совершенно устранить десятый

томъ въ сферѣ наслѣдованія крестьянъ и утвердить въ немъ господство обычая, но что онъ не указалъ для суда никакихъ путей къ тому. Въ результатѣ Боровиковскій констатируетъ знаменательный фактъ, что въ его практикѣ (а она очень обширна) имѣется *только одинъ случай*, когда общія судебныя установленія въ наслѣдственномъ спорѣ крестьянъ сочли обычай доказаннымъ ¹⁾!

Изложенное начало неправильно во многихъ отношеніяхъ. Оно неправильно потому, что нельзя ставить судъ при примѣненіи той или другой нормы права въ зависимость отъ желанія одной стороны процесса.

Оно невѣрно и потому, что, какъ мы уже говорили въ главѣ о наслѣдственномъ правѣ, главный принципъ правильнаго суда—знаніе самимъ судомъ нормъ права, которыя должны быть примѣнены къ дѣлу ²⁾.

Ставить ознакомленіе суда съ нормами права въ зависимость отъ умѣнія стороны доказать его существованіе—это значитъ обременять стороны обязанностями, имъ совершенно непосильными. Стороны должны доказать факты, а не право.

Тамъ, гдѣ обычное право имѣетъ значеніе вспомогательное, гдѣ область примѣненія его невелика, гдѣ обычай примѣняется въ исключительныхъ случаяхъ, такъ какъ гражданско-правовая жизнь граждан нормирована закономъ, указанное неправильное начало еще можетъ существовать, не принося существеннаго вреда.

И дѣйствительно, въ первой половинѣ XIX вѣка это начало признавалось наукой запада. Но и тамъ противъ него возстали самымъ рѣшительнымъ образомъ Пухта и Савиньи.

Пухта говорить и, по нашему мнѣнію, совершенно справедливо, что это начало приравниваетъ право къ факту въ процессуальномъ отношеніи.

И Пухта и Савиньи проводятъ очень вѣрное различіе между фактомъ и обычнымъ правомъ. Они говорятъ, что судья не можетъ принять во вниманіе фактъ, если его не приводятъ стороны, обычное же право онъ можетъ и долженъ имѣть въ виду, хотя бы случайно узналъ о немъ. Судья, съ другой стороны, не можетъ быть связанъ сторонами въ примѣненіи права. Оно ему нужно не въ опредѣленные моменты процесса, а во всякомъ положеніи процесса ³⁾.

¹⁾ Боровиковскій. „Отчетъ судьи“, т. III; „Дѣла мужичьи“. Спб. 1894 г.

²⁾ Въ римскомъ правѣ это начало выражено въ афоризмѣ „jura novit curia“.

³⁾ Puchta. Das gewohnheitsrecht B. II s. 169. Savigny. Sistem des heut. röm. Rechts I s. 190.

Если мы припомним то состояніе нашего обычнаго права, о которомъ я говорилъ выше и которое требуетъ для констатированія его положенія сложныхъ изслѣдованій, то намъ станетъ понятнымъ, насколько у насъ въ отношеніи обычнаго права крестьянъ указанное начало непримѣнимо и насколько важно, чтобы въ составѣ суда были люди, близко и непосредственно знакомые съ обычно-правовымъ сознаніемъ крестьянъ.

Проводить начало обязательности обычнаго права для суда только при ссылкѣ стороны и при условіи доказанности ею обычая значить становится въ прямое противорѣчіе съ закономъ, обезпечивающимъ господство обычая въ извѣстныхъ областяхъ гражданскихъ правоотношеній крестьянъ. Въ сущности, это равносильно игнорированію обычнаго права.

Впрочемъ, такое игнорированіе при внѣшнемъ, яко бы, уваженіи къ обычному праву довольно распространено у насъ.

Любопытнымъ примѣромъ можетъ служить недавній циркуляръ Министерства внутр. дѣлъ, въ которомъ утверждается, что обычай долженъ руководить наследственными правоотношеніями, вытекающими изъ примѣненія указа 9 ноября 1906 г. Самъ указъ находится въ противорѣчій съ обычно-правовымъ строемъ крестьянъ, а Мин. вн. дѣлъ требуетъ, чтобы крестьяне имѣли уже обычаи, сообразованные съ его началами!

3.

Тѣ исключительныя условія, въ которыхъ поставлено обычное право крестьянъ, то значеніе, которое оно имѣетъ въ правовой жизни крестьянства, вліяетъ, конечно, и на вопросъ объ отношеніи обычнаго права къ законодательству.

Въ научной литературѣ много споровъ возбуждаетъ та сторона этого вопроса, которая связана съ положеніемъ обычнаго права, какъ самостоятельнаго, независимаго отъ закона источника права.

До ученія исторической школы въ западно-европейской наукѣ господствовалъ взглядъ, что обычное право не является самостоятельнымъ источникомъ права, но заимствуетъ свою силу отъ закона, отъ дозволенія законодателя на примѣненіе обычая къ данной сферѣ правоотношеній. Историческая школа, какъ извѣстно, въ лицѣ Пухты и Савиньи, возстала противъ такого взгляда и доказывала, что обычай и законъ—это два самостоятельныхъ, независимыхъ источника права. Съ тѣхъ поръ стала господствующей теорія о равенствѣ въ силѣ и самостоятельности этихъ двухъ источниковъ права.

Проф. Петражицкій, не соглашаясь съ этой теоріей, указываетъ на то, что соотношеніе между закономъ и обычаемъ, какъ источниковъ *дѣйствующаго* права, измѣняется. Было время когда обычай подчинялъ себя законъ, когда законъ, несогласный съ обычаемъ, не могъ получить осуществленія. Въ другія эпохи, наоборотъ, законъ подчиняетъ себя обычай и даетъ ему, такъ сказать, право на существованіе. Нерѣдки условія, при которыхъ законъ и обычай являются самостоятельными источниками права ¹⁾.

Вопросъ объ отношеніи обычнаго права къ законодательству не исчерпывается этой стороной отношеній ихъ, какъ источниковъ *дѣйствующаго* права.

По условіямъ положенія обычнаго права у насъ гораздо важнѣе другая сторона: отношеніе нормъ обычнаго права, какъ источника будущаго законодательства, отношеніе обычнаго права не къ *lege lata*, а къ *lege ferenda*.

Эта сторона вопроса важна потому, что она обнимаетъ собой именно ту капитальнѣйшую задачу нашего времени, которую предстоитъ исполнить нашимъ современникамъ въ Россіи—подчинить правовую жизнь устойчивымъ и точно формулированнымъ нормамъ права, но нормамъ, основаннымъ и согласованнымъ съ обычно-правовымъ сознаніемъ народа.

Проф. Петражицкій отрицаетъ указываемое значеніе вопроса, не признавая за обычнымъ правомъ значенія выразителя правового сознанія.

Суживая понятіе обычнаго права и понимая подъ нимъ только совокупность отжившихъ нормъ права—которымъ онъ и присваиваетъ названіе „подлиннаго“ обычнаго права ²⁾, онъ противопоставляетъ ему „интуитивное“ право, подъ которымъ онъ именно и подразумеваетъ цѣнное для заимствованія законодателемъ правовое сознаніе.

Такое раздѣленіе, до сихъ поръ иначе понимавшагося, понятія обычнаго права чрезвычайно искусственно и отвлеченно. Оно противорѣчитъ реальнымъ явленіямъ юридической жизни, и въ особенности явленіямъ русской юридической жизни.

Мы видѣли, что обычное право крестьянъ именно отличается отсутствіемъ точно формулированныхъ, застывшихъ, такъ сказать, нормъ права. Въ немъ именно преобладаетъ элементъ правового сознанія, т. е. именно тотъ элементъ, который выдѣляется проф. Петражицкимъ въ особое понятіе интуитивнаго права.

¹⁾ Петражицкій. Теорія права. Спб. 1907 г. Т. II, ст. 555 и сл.

²⁾ Петражицкій. Op. cit. Т. II, стр. 559.

Поэтому для насъ, при разрѣшеніи поставленнаго вопроса гораздо больше цѣнности, чѣмъ высказанный взглядъ проф. Петражицкаго, имѣютъ взгляды Иеринга, который опредѣляетъ обычное право въ томъ широкомъ смыслѣ, который соотвѣтствуетъ реальному явленію и въ которомъ причудливымъ и нераздѣлимымъ образомъ связано и то „подлинное“ обычное право, какъ его понимаетъ проф. Петражицкій и то правовое сознание, которое Петражицкимъ выдѣляется въ созданное имъ „интуитивное“ право.

Что Иерингъ цѣнитъ именно этотъ второй элементъ обычного права и считаетъ его преимущественнымъ въ явленіяхъ обычного права видно изъ того, что онъ приписываетъ обычному праву гармонию и единство съ правовымъ воззрѣніемъ, гибкость и *измѣнчивость, примѣняемость къ измѣняющимся условіямъ жизни*, вмѣсто свойственнаго закону *отстаиванія* права, т. е. именно тѣ качества, которыя особенно свойственны обычному праву крестьянъ и которыя въ сущности не отрицаются пр. Петражицкимъ, а только подводятся подъ другой терминъ „интуитивнаго“ права.

Предстоящую намъ задачу кодификаціи главныхъ началъ обычного права, мы, конечно, можемъ исполнить только послѣ тщательнаго изученія самаго обычного права и поэтому важнымъ является уясненіе себѣ, что сдѣлано въ этомъ направленіи русской юридической литературой.

4.

Сколько нибудь систематическое изученіе обычного права началось у насъ съ 70-хъ годовъ. Могучимъ толчкомъ къ этому изученію послужили матеріалы, собранные извѣстной комиссіей по преобразованію волостныхъ судовъ. Эта комиссія, учрежденная въ 70-хъ годахъ, значительно расширила программу своихъ работъ сравнительно съ той спеціальной цѣлью, которая ей была поставлена и поставила себѣ задачей собрать матеріалъ по обычному праву какъ изъ разспросовъ крестьянъ, такъ и изъ рѣшеній волостныхъ судовъ, ею просмотрѣнныхъ. Матеріалы этой комиссіи обработаны наиболѣе полно въ цитированныхъ нами трудахъ П. Г. Оршанскаго и С. В. Пахмана. Труды обоихъ этихъ авторовъ, до сихъ поръ, являются почти единственными систематическими сводами обычного гражданского права крестьянъ.

Много матеріаловъ по обычному праву дала также этнографическо-статистическая экспедиція въ Западно-русскій край, въ трудахъ

1) Ihering. Geist des röm. Rechts S. 25.

которой напечатаны выдающіяся работы Кистяковского и Чубинскаго. Отдѣльные институты обычного права получили обработку въ трудахъ Барыкова, Калачева, Матѣева, Чубинскаго, Мухина, П. С. Ефименко, А. Я. Ефименко, Гольмстена, Муллова, кн. Кострова, Кистяковского и мн. др. Полный библиографическій указатель матеріаловъ по обычному праву данъ Я. И. Якушкинымъ въ трехъ выпускахъ его „обычнаго права“¹⁾.

Большимъ толчкомъ къ изученію обычного права послужилъ состоявшийся въ 1875 году въ Москвѣ первый съѣздъ русскихъ юристовъ, на которомъ было уделено много времени вопросамъ изученія обычного права и отношенію крестьянскаго обычного права къ законодательству. На этомъ съѣздѣ сдѣланы были цѣнные доклады Калачевымъ и Евреиновой, впоследствии вышедшіе отдѣльными изданіями²⁾.

Много цѣнныхъ матеріаловъ собрано по инициативѣ Географическаго общества, издавшаго программы по изученію обычного права вообще и по изученію общины въ частности, а также матеріалы, собранные по этимъ программамъ³⁾.

Въ 90-хъ годахъ при Спб. юридическомъ обществѣ образовано отдѣленіе обычного права, также издавшее программу по изученію обычного права⁴⁾ и посвящающее свои занятія докладамъ по обычному праву. Предпринятый этимъ отдѣленіемъ обширный трудъ статистической сводки извлеченій изъ рѣшеній волостныхъ судовъ по губерніямъ, къ сожалѣнію, не далъ пока результатовъ.

Подчиненіе волостныхъ судовъ въ порядкѣ апелляціоннаго разбора дѣлъ уѣзднымъ съѣздамъ, въ составъ которыхъ входятъ юристы, главнымъ образомъ въ лицѣ уѣздныхъ членовъ окружныхъ судовъ и городскихъ судей вызвало въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ инициативу въ дѣлѣ установленія главныхъ положеній обычного права, въ особенности въ сферѣ семейственнаго имущественнаго права и права наследованія. Намъ извѣстны попытки такой частной формулировки поло-

1) Выпускъ первый, Ярославль, 1875 г.; выпускъ второй, Ярославль, 1896 г. и выпускъ третій, Москва 1908 г.

2) Докладъ Калачева „объ отношеніяхъ юридическихъ обычаевъ къ законодательству“ помѣщенъ въ „Сборникъ народныхъ юрид. обычаевъ“, изд. подъ редакціей Матѣева Географическимъ обществомъ. Т. I. Спб. 1878 г.

3) „Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ“ 2 т., изд. Геогр. общ. (второй томъ вышелъ въ 1900 г.) и „Сборникъ матеріаловъ для изученія сельской поземельной общины“, также 2 т.

4) Составлена авторомъ настоящаго сочиненія „Программа для собиранія свѣдѣній объ обычномъ правѣ крестьянъ“.

женій обычнаго права въ Харьковской, Кіевской, Волынской и Минской губерніяхъ.

Въ общемъ, такимъ образомъ, изученіе обычнаго права до сихъ поръ крайне недостаточно и случайно.

Несомнѣнно, что въ зависимости отъ значенія обычнаго права въ правовой жизни народа, обезпеченнаго ему самимъ закономъ, дѣло изученія обычнаго права и сводки добытыхъ матеріаловъ необходимо поставить въ положеніе *государственнаго дѣла* и организовать на *государственныя средства*. Только тогда можно будетъ правильно приступить и къ одной изъ величайшихъ задачъ нашего времени—*кодификаціи обычнаго права и подчиненія частно-правовой жизни крестьянъ въ главнѣйшихъ ея проявленіяхъ—нормамъ закона*. Это не исключить необходимости примѣненія обычнаго права въ извѣстныхъ случаяхъ, но сдѣлаетъ его вспомогательнымъ источникомъ права, какимъ оно и должно быть въ культурныхъ странахъ.
